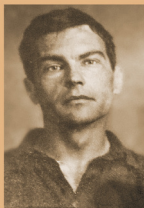

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— καλλιπρόμηνοι —

Николай Минаев

*Нежнее
неба*

— СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ —

Николай Николаевич Минаев
А. Л. Соболев
Нежнее неба. Собрание
стихотворений
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9010751
Николай Николаевич Минаев. Нежнее неба. Собрание
стихотворений: Водолей; Москва; 2014
ISBN 978-5-91763-230-8

Аннотация

Николай Николаевич Минаев (1895–1967) – артист балета, политический преступник, виртуозный лирический поэт – за всю жизнь увидел напечатанными немногим более пятидесяти собственных стихотворений, что составляет меньше пяти процентов от чудом сохранившегося в архиве корпуса его текстов. Настоящая книга представляет читателю практически полный свод его лирики, снабженный подробными комментариями, где впервые – после десятилетий забвения – реконструируются эпизоды биографии самого Минаева и лиц из его ближайшего литературного окружения.

*Общая редакция, составление, подготовка текста,
биографический очерк и комментарии: А. Л. Соболев*

Содержание

Первое стихотворение («Весна! Чудесная весна!...»)	56
«Небо хмурится и плачет...»	57
Летняя ночь («Ветерок чуть шевелит зеленой листвою...»)	58
«Стояла башня на скале...»	59
«Вот передо мною поле без границы...»	60
«Запад гаснет в оранжево-алой дали...»	61
Свадьба в деревне («Шум, говор, крики, веселие пьяное...»)	62
«Над зияющею бездной...»	63
«Солнце село... У пригорка...»	64
«Быстро к далекому небу взлетела ракета...»	65
Лютер («Он кончил курс в университете...»)	66
«Уж догорел закат лучистый...»	67
«Больше нету меня моей Музы прекрасной...»	68
«О, колосс далекий, Сириус лучистый!...»	69
Челуха («Рака в буром сарафане...»)	70
«Сквозь громаду свинцовую туч...»	72
«Над душистой веткою березы...»	73
Страшный сон («Камилавкин Нил	74

Иваныч...»)	
«За рекой зарницы робко трепетали...»	77
«Деревья буйный ветер клонит...»	78
«Тихо плещет река...»	79
«Летней негой ночь нас опьянила...»	80
Грустная история («Раз гуляя по Петровке...»)	81
Весеннее утро («Утро тихое и ясное...»)	85
«Вчера, в час вечера закатный...»	86
«Чуть тронут запад розовой краской...»	87
Е. П. Павлову («Тебе в альбом без всякой муки...»)	88
К ней («О, милое, прелестное создание!...»)	89
Автомобиль («Пуская в воздух клубы дыма...»)	90
«Долго сидел я вечерним покоем объятый...»	91
Лунная ночь («Лунным светом залиты долины...»)	92
«Опадают листья, увядают цветы...»	93
«О, клены стройные, как вы...»	94
Надпись на беседке («Второго августа тринадцатого года...»)	95
«Вчера нашел цветок лиловый...»	96
«Уже листва деревьев рдеет...»	97
«Загорелся румянцем восток...»	98

«Ветер яростно раскачивает лес...»	99
«О, как уныл лес обнаженный...»	100
«Вас вместе с Вашими друзьями...»	101
В поле («Кругом от края и до края...»)	102
Первый снег («Где было к вечеру вчера...»)	103
«Два свежих полевых букета...»	104
«Милый друг, как красив этот вид!..	105
Посмотри...»	
Перед весной («Весна!., мне сердце	106
прошептало...»)	
В грустный вечер («Опять один... Смотрю в	107
окно...»)	
«Майский вечер задумался... Запад нежно	108
румянится...»	
«Недавно первый вешний гром...»	109
Майский вечер («Деревья сада...»)	110
Триолет («Моей тоске причины нет...»)	112
Клин летом («Настало лето... Ожил	113
Клин...»)	
«Цветы покорно увядают...»	115
Загадка («Вчера на «Чортовом мосту»...»)	116
Июль («Вечер даль закрыл фатой...»)	118
Перед увяданьем («Дни все короче и	119
короче...»)	
«Опять пахнуло лаской вешней...»	120
В эти дни («Теперь, когда весь мир	121

кругом...»)	
Со славой павшим («Мои возлюбленные братья...»)	123
«Затихла в потемках аллея...»	124
Осенние думы («Как грустно: – осень! А давно ли...»)	125
Любовь («Любовь это тихое счастье...»)	127
Облака («Над засыпанной снегом равниной...»)	128
«Еще деревья не успели...»	130
«Я шел один дорогой пыльной...»	131
«Не унывайте же, друзья...»	132
«Когда над нашею строною...»	133
«В ясный день пробужденья природы...»	134
«Как ласково небо закатное...»	135
«Безотрадной осенней порою...»	136
Письмо из лазарета («Дорогие мои, извините...»)	137
На поле боя («Туман окутал поле боя...»)	139
«Мы уснули... нам снится мучительный сон...»	140
«Ты так нежно прильнула ко мне...»	141
России («Многострадальная страна...»)	142
«Помню миг расставанья с тобою, мой друг!...»	143
«Сраженный пулей роковой...»	144

Христос воскрес!.. («Над лесом птичьи голоса...»)	146
Мухоморы в рассоле («Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..»)	147
«Вдали от неба голубого...»	149
На взятие Перемышля («Ликуйте русские сердца...»)	150
Под осень («Как грустен старый парк под осень...»)	151
«И даль в опаловом тумане...»	152
Междупланетная трагедия («Это было в пучинах пространства...»)	153
«Я шел среди полей безбрежных...»	155
«Я люблю в тихий полдень под осень...»	156
Это было на даче... («Это было на даче, где густая рябина...»)	157
Поэза о самом себе («Я вездесущ... Весь век свой странствуя...»)	158
Осенний сонет («Осенний день прозрачен как хрусталь...»)	160
Вечерняя рондель («Зари вечерней полоса...»)	161
Послание из Малаховки («К Вам в Белосток...»)	162
В день годовщины («В день годовщины, как и прежде...»)	164

Апрельский день («Апрельский день лучист и светел...»)	165
И. П. Сидорову («Пожелаю я Вам всей душой...»)	167
Бабочка («Сильно и смело...»)	168
«День неприветлив и короток...»	169
Подснежник («Лишь весны благодатная нега...»)	170
«Уже сияет солнце ярко...»	171
«В синем небе на солнце жемчужится...»	173
Весна в Зубцове («Вот уж март... над зимою смеясь...»)	174
Майским утром («Майский солнечный день...»)	176
Памяти К. М. Фофанова («В расцвете радостного мая...»)	178
«Счастье какое увидеться снова...»	179
Женя и Дора («Женя пишет сонату и скерцо...»)	180
«Я спокоен как в юности вновь!..»	182
Е. В. Шаломытову («Когда вечера лучезарны и долги...»)	183
«Октябрь... Туманно и дождливо...»	184
«К нам снова возвратилась...»	186
Узоры мороза («На стеклах узоры мороза...»)	188

«Омытая дождем природа ликovala...»	189
«Неуютно и грустно в саду помертвелом...»	190
Весенний сонет («Весна близка!.. Весна, весна идет!..»)	191
«Золотистые блики заката...»	192
И. П. Сидорову	193
1. Слезное моление («Протяните нам братскую руку...»)	193
2. Дружеский совет («Я даю Вам последний совет...»)	194
И. П. Сидорову («Когда ем блинчики верченые...»)	195
«Прощанье августа – а заодно и лета...»	196
«Что такое счастье?.. Это неизвестно...»	197
«Солнце беспощадно жжет весь день с утра...»	198
«Ты ушла от меня навсегда...»	199
Довольно! («Довольно лживых обещаний...»)	200
Из дневника («Опять зима... Опять снега...»)	202
«Необозримые поля...»	204
В сумерках («Весенние синие сумерки...»)	205
С Новым годом («С Новым годом поздравляю...»)	206
«Положив на колени цветы...»	208

«Помнишь вечер розовый?..»	209
«В прозрачных сумерках весною...»	211
«Весной задыхаешься в каменном склепе...»	212
«Мы ехали в простой коляске...»	213
«Смотрят сумерки в окна ко мне...»	214
На даче («Над клумбой вьется мошек рой...»)	215
«Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...»	217
«Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...»	218
«Я проснулся на заре...»	219
Импровизация («Ветер ворвался в ресторан «Яр»...»)	221
«Под рдеющим лучом заката...»	222
После ненастья («Как яркое августовский день!...»)	224
На встрече Нового года («Желаю всем присутствующим здесь...»)	225
«Возвращенная к жизни теплом животворным...»	226
«Душа как пленница томится...»	227
«Зарумянила осень...»	228
«К холодным стеклам тусклых окон...»	230
«Последний пламень солнце мечет...»	231

«С каждой минутой сумрак мгlistей...»	232
«Сентябрьский вечер тих и розов...»	233
Пейзаж («От заревых лучей сиреневых...»)	234
«В кадке с водою у колодца...»	235
«Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...»	236
В роще («Прошумел по листьям дождь... Отгремел за речкой гром...»)	237
«Вот и солнце низко, значит близок вечер...»	238
«В сумерки весенние...»	239
«Вздыхает нива золотая...»	241
«О, предводитель воинства...»	242
«Гремит Максим фанфарно...»	243
«Вы, рифмуя, старательно пишете...»	244
«Только знать, что готова награда...»	245
«Он славословит стихи Адуева...»	246
«В Союзе два обеда словав...»	247
«Уж сколько зим и сколько лет...»	248
Винегрет из Мачтета («Вторая Мещанская Матрена и Фекла...»)	249
Валерию Брюсову Акrostих («Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...»)	250
В альбом на ходу	251
1. Н. П. Кугушевой («Примите мои пожеланья хорошие...»)	251
2. Н. Н. Ольховской («Что такое жизнь	252

здешняя наша?..»)	
«Нетропов и Мачтет давно друг другу любят...»	253
Н. П. Кугушевой («Хотя не хорошо хорошему поэту...»)	254
«Я знаю: завтра будет то же...»	255
«Среди членов Союза...»	256
В. А. Гиляровскому («Писать экспромты мне судьбою суждено...»)	257
Н. С. Берендгофу («Качаясь вышел на крыльцо...»)	258
«Вся жизнь – напряжение в прицеле...»	259
«Слегка трещит камин и золотистый блик...»	261
«Два крепко спаянных звена...»	263
Радость («Подойдет недотрогой- царевной...»)	264
«Вокруг замкнутые уста...»	265
«Все отойдет и – без возврата...»	266
«День был томителен и зноен...»	267
«Еще стеклярусные нити...»	269
«Забита будка у ворот...»	270
К. Д. Бальмонту («Твой яркий дар – чудесная певучесть...»)	271
Послание К. Д. Бальмонту («Бальмонт прекрасный!..»)	272

3. Н. Ивановой («Сереза задремал в кровати...»)	273
О. Л. Леонидову. В альбом («Промчится быстро жизнь неистовая...»)	274
«Прозрачно небо... Даль ясна...»	275
Истинное происшествие («Я вышел от прелестной Вари...»)	276
«Томительные дни сомнения и лени...»	278
«О, неизбежность наших встреч!...»	279
«Истомной лени я...»	280
«Какие силы водят мной?!...»	282
«И тишина... И слабо пахнет мятой...»	283
«Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны...»	284
«Вчерашний день казался мне пустым...»	285
«Слова корявы и скрипучи...»	286
П. И. Вагину. Записка («Нет, невозможно слушать на ночь...»)	287
«Весною сны – последний талый снег...»	288
«Воздух пахнет росой и сеном...»	289
«Восторги встреч и горести разлук!...»	290
«Тянет жадная бездна...»	291
«О, радость обрести в пути единоверца...»	292
«О, сладость уз желаемого плена...»	293
«О, тайная, о нежная улада...»	294
«Окончу скоро ли волненья странствий?!»	295

...»

«Плетутся сумрачные дни...»	296
«Подошла и разнежила взглядом...»	297
«Заглох мой сад и неуютен терем...»	298
«Насквозь пронзают иглы стужи...»	299
«Как ненужны слова...»	300
«Пускай мороз поутру злится...»	301
«Слова любви что легкий шелест града...»	303
«Я проводил сегодня день улыбкой...»	304
«Ах, в дуновеньи ли, в привете ли...»	305
Черная любовь («Взлетает кверху хлопнувшая пробка...»)	306
Corona amoris. Венок сонетов	307
I. «Кому дана блаженная награда...»	307
II. «Мед знойных уст и свежесть нежных рук...»	308
III. «Тот замыкается в чудесный круг...»	309
IV. «Где милый образ – верная ограда...»	310
V. «О, сладкий сон хмельного винограда...»	311
VI. «Ты опьянил негаданно и вдруг...»	312
VII. «Еще вчера я был веселью друг...»	313
VIII. «А нынче сердце тишине лишь радо...»	314
IX. «Воскресший, просветленный и другой...»	315

X. «Я путь начну уверенной ногой...»	316
XI. «Мне суждена дорога золотая...»	317
XII. «Моя душа теперь еще нежнее...»	318
XIII. «Когда благоухает, расцветая...»	319
XIV «Любовь весной повеявшая в ней...»	320
XV «Кому дана блаженная награда...»	321
«О нищета, убожество и тлен!...»	322
«Татарин/Якерин...»	323
Ночные размышления по дороге домой	324
(«Как долог путь с Арбата до Землянки...»)	
Человек («Невозмутимый как философ...»)	326
«Мы забываем нежные слова»	327
«О, ранней осени пора!...»	328
«О, этот облик!... Это имя!...»	329
«От влажных строф ямбического склада...»	330
«От холода ли сердце затвердело...»	331
«Розовый диск в отдаленную рощу скользнул...»	332
«Сегодня я снова крылат...»	333
«Тебе одной восторги и печали...»	334
«Я не гадаю робко и тревожно...»	335
«Я не хотел делить досуг с тобой, тоска...»	336
«Не изменю ямбическому метру...»	337
«В рассветный час омытая росой...»	338
«Вы не изгладите из памяти, года...»	339
«Еще во власти мигнов острых...»	340

«За шумом дней – сухая тишина...»	341
«Курчавит ветер волосы льна...»	342
«Насторожившаяся зреет нива...»	343
«Не легок сон случайного ночлега...»	344
«Не ошибочны эти слова...»	345
«Не траурной, а розовой печали...»	346
«Нет, никогда я не забуду...»	347
«Игру его любил творец Макбета...»	348
«Меня воображение захватило...»	350
«Двусмысленна и не ясна...»	351
«Изящно и легко выделявая па...»	352
«Илья-Артур Фрумсон...»	353
«О, щедрая память, зачем эта стертая дата...»	354
«От смерти миру смертью веет...»	355
«Колокола пустились в пляс...»	356
«Мне память падшая велела...»	357
«Я изнемог от триолетов...»	358
«Читает те же переводы...»	359
«Все, чем нас земля дарила...»	360
«Я слепнуть не хочу от молнии грозовой...»	361
Э. Е. Левонтину («О, Эзра, божественно ты восседаешь на кресле...»)	363
Е. В. Астафьевой («Вот этот сборник неоклассиков...»)	364
«Расплывется лениво лиловый от ладана	366

ДЫМ...»	
«Надувается парус, шумит за кормою вода...»	367
«Когда три дня я не поем...»	368
«Напоследок хмельней опьяненные губы прильнут...»	369
«В уединеньи золотом...»	370
«Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды...»	371
«Ревнивое сердце досаду таит...»	372
«Пока тобой согрета грудь...»	373
«Пусть опущены вежды...»	374
«Заря потухает, лиловые блекнут шелка...»	375
«Знаю: – жизнь без усилий покинет меня...»	376
«Мы много видывали видов...»	377
«Мне музыка сознание затемнила...»	378
Шахматы («Настойчиво, без устали и спешки...»)	380
Н. П. Кугушевой («Наталья Петровна...»)	381
В. М. Инбер («Какая горькая услада...»)	382
Антиной («Вполоборота от соседки...»)	383
«Напрасно нежности разлив...»	385
«Когда простую жизнь я скукой рассеку...»	386
«Вчера от скуки мне растягивало рот...»	387
«Пугая логикою зверской...»	389

Пушкин («Где облака подобно ленте...»)	391
Людендорф («Пока еще резервы есть у нас...»)	393
«Оттого ли, что ветер замедлил свой шаг...»	396
«Когда-нибудь достигнув совершенства...»	397
«Легким шелестом листья приветствуют нас...»	399
«Ах, не поэту ли под стать...»	400
«Я о чем-то подумал, но только не помню о чем...»	401
«В темноте не заметно осенних пометок...»	402
«В эту ночь тишина»	403
Поздравительные телеграммы из Америки	404
I. «Ваша десятилетняя деятельность поистине изумительна!...»	404
П. «Вчера узнали: – Десять лет!...»	405
III. «Когда в мое сердце вгрызается грусть...»	406
IV. «В Ваших ангельских стихах...»	407
V. «Я русскую литературу до тонкости изучил...»	408
VI. «Безумно Вас люблю, поэт мой черноокий...»	409
VII. «Я страдал от подагры сорок восемь лет...»	410

VIII. «Соперник, примите с острова Кубы...»	411
IX. «Вы бесспорно талантливы – это не лесть...»	412
«Я руки за голову заложил...»	413
Поэма о дне моего сорокалетия («В тот день, когда мне минет сорок лет...»)	414
«Над рассудком празднуя победу...»	424
«Мы слушаем стихи, о ритмах говорим...»	426
«Так умерла любовь... Вначале...»	428
Начало поэмы («Орлиное Перо не знает страха...»)	429
Химера («Было тихо в комнате и серо...»)	431
Надпись на экземпляре «Поэмы о дне» («Эта поэма – детище мое...»)	433
«Переполюсь лавой золотой...»	434
«В парке было сумрачно и тихо...»	435
«Задумался ветер, лиловое облако вспенив...»	436
«Если б я родился павианом...»	438
Мессалина («Приняв империи кормило...»)	440
«Любовью к прошлому ведом...»	442
«Вы давно мечту таите...»	443
11 августа 1925 года («По воробьям из пушек: бум и бах...»)	445
С. М. Городецкому («Сергей	446

Митрофаныха...	447
«Морозная полночь за окнами там...»	448
«Затих в бессильи ветер красный...»	449
«Оборвав на полу строчке...»	450
«Средь мглы томительной и нудной...»	452
Ода тысяча девятьсот пятому («Пусть искалеченный и смятый...»)	455
Аттила («В ту ночь твой сон дурная кровь мутила...»)	456
Завоеватели («Покинув жен, любовниц и детей...»)	457
Ленин («Под рев солдат и крики моряков...»)	458
Марий («По глухим минтурнским дебрям...»)	460
Николай II («Фронты трещат... Грядущее темно...»)	461
Послание двум («Тарас Григорьевич Мачтет!...»)	462
Пушкина («Пушкина Наталья Николавна! ...»)	464
Распутин («Весь зал в цветах... Оркестр играет туш...»)	465
Чжан Цзо-Лин («Бессонницей страдая как павлин...»)	466
«Аккеистический поэт Минаев...»	

«Будет час – я знаю это!...»	467
Над гробом Есенина («В этом мире темном и убогом...»)	468
Б. Я. Брайниной («Будет жизнь Вам сладостней варенья...»)	469
«Этот день пришел меня обидеть...»	470
Г. А. Ширману («В томительные дни себя порадуй...»)	471
И. В. Грузинову («Я не кричу до хрипоты...»)	472
А. П. Савкину («Протокол перепишите чисто...»)	473
Е. Н. Минаеву	474
1. «Предайся наслаждению...»	474
2. Рассуждение о бренности нашего земного существования и мораль из сего рассуждения вытекающая («Любим, пьем, поем к чему-то мы...»)	475
А. Н. Минаевой («Мои советы, Нина...»)	476
3. Е. Сотниковой («Скучно в жизни прыгать, Зоя...»)	477
Н. П. Савкину («Милый мой ветренник, духом не падай!..»)	478
М. Н. Ямпольской («Примите от поэта, Марианна...»)	479
Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Исполнитесь	480

почтения...»)	
Н. С. Берендгофу («То клянem, то славим мы богов...»)	481
Т. Г. Мачтету («Скажу тебе по совести, Тарас...»)	482
Е. Ф. Никитиной («Двенадцать строчек посвященья...»)	483
О. Л. Леонидову («Средь стаи поэтических калек...»)	484
П. И. Вагину («Скажу Вам по секрету...»)	485
Н. З. Пресман и С. Л. Фридману («Друзья мои!.. Прошу вас: вместе...»)	486
С. А. Укше («Сопротивляйтесь характеру женскому...»)	488
М. А. Зенкевичу («Друг! Камен не ценят массы...»)	489
П. Г. Скосыреву («Говорю я Скосыреву Пете:...»)	490
М. Э. Нетропову («Когда разводят тары- бары...»)	491
Н. Н. Захарову-Менекому («Милый Коля, не робея...»)	492
С. И. Пейчу («Какая это благодать...»)	493
В. Г. Вешневу («Мы для широких масс без критики мертвы...»)	494
Надпись на книге. Самому себе («Мне	495

говорят: "Ты Музой не забыт..."»)	
В. К. Звягинцевой («Вы стоите на мосту...»)	496
С. А. Алякринскому («Я тебе во имя смычки...»)	497
В. А. Дынник («Я сегодня словно именинник...»)	498
М. Я. Козыреву («Поверьте искренним словам:...»)	499
Э. Е. Левонтину («О, Эзра, поэт-символист и никитинский критик...»)	500
В. П. Ютанову («Владимир Павлович Ютанов!...»)	501
В. Л. Львову-Рогачевскому («Я отдаю свою «Прохладу» Вам...»)	502
К. Ф. Юону («Вы кистью дух сжигаете, я – словом...»)	503
Г. Ф. Дешкину («Милый Дешкин, наш исправный...»)	504
М. И. Гинзбургу («Поверь мне, Гинзбург Михаил:...»)	505
Е. Г. Соколу («Все кружась вокруг да около...»)	506
И. С. Рукавишникову («Свет – Иван Сергеич Рукавишников...»)	507
Н. П. Хорикову («Ты, Хориков, акоитист...»)	508
П. А. Терскому («Средь неугомонной...»)	509

Г. А. Шенгели («Нам ли ждать признанья масс...»)	510
«Я теперь ту жизнь уже забыл...»	512
И. Н. Розанову («Ах, Иван Никанорыч, я рад...»)	514
А. А. Демидову («Алексеич Алексей...»)	515
В. А. Бутягиной («Вот Вам, Бутягина Варвара...»)	516
Н. Г. Савкиной («Надежда Георгиевна...»)	517
В. Г. Дуловой («Семнадцать Вам, мне тридцать лет...»)	518
А. Я. Марееву («Милый Саша, друг любезный...»)	519
«Я – двадцатого века московский поэт...»	520
Р. А. Ивневу («Как всегда без пышных фраз...»)	522
С. П. Сорокину («Для чего, какого черта...»)	523
С. С. Вымениц («Соня, грусть свою рассей...»)	524
З. И. Рукавишниковой («Пусть во многом жизнь нелепа...»)	525
Л. М. Пеньковскому («Средь теперешней московской...»)	526
«Сделай выбор пока не поздно!...»	527
С. П. Чихуновой («Я скажу тебе, любя...»)	529
В. И. Розанову («Пусть кричат о смычках и	530

отмычках...»)	
Н. Н. Фатову («В день не очень-то весенний...»)	531
А. П. Наврозову («Сегодня вечер свеж и розов...»)	532
Д. С. Усову («Мне кажется, мы одинаковых вкусов...»)	533
И. П. Приблудному («Не забудь, Иван Приблудный...»)	534
П. Н. Петровскому («Петр Николаич! Вам, певцу «Последних песен»...»)	535
М. М. Марьяновой («Поэты слишком любят вина...»)	536
В. П. Федорову («Василий Павлыч Федоров...»)	537
Н. П. Оболенской («Весьма приятно на Земле у нас...»)	538
Н. С. Власову-Окскому («Не во сне, а наяву...»)	539
С. З. Федорченко («Ах, Софья Захаровна, Вам отдавая «Прохладу»...»)	540
Т. Н. Варвинской («Тася, в день твой именинный...»)	541
Н. П. Зигель («Что написать могу для Вас...»)	542
Е. П. Павлову («Я светлой мыслью сердце	543

радную...»)	
Б. М. Зубакину («Теребя пушистый бакен...»)	544
«Обмануть не может темнота...»	545
И. А. Белоусову («Кто был душою молодым...»)	546
Д. Д. Благому («В сердце вспыхнул порыв благой...»)	547
«О, моя земная Муза...»	548
«Как всегда безудержно мечтая...»	549
Баллада об алиментах («По возможности без лирических фраз...»)	552
Рецензия («С чувством ужаса тупого...»)	559
«Единственное счастье у меня...»	560
«Как мог я – безумный – поверить, что ты виновата?...»	561
«К терпению, о Муза, себя приучай!...»	562
Товарищи («Товарищи, товарищи, сюда! ...»)	563
«О эта нежность к бытию...»	564
«Я не клонил пред чувством головы...»	565
М. А. Тарловскому («Я не хотел в «Прохладе», Марк Тарловский...»)	566
Маяковскому («Саженный рост, фигура Геркулеса...»)	567
«Нам не надо – мы не в Полинезии!...»	569

«Автор безжалостный сей...»	571
«Ведь музыка мудрей чем все науки!...»	572
Поэтам («Пусть слова поэзии крылаты...»)	573
«О, пролетарии всех стран...»	574
«Длинней чем Марксов «Капитал»...»	575
«Сразу видно он – Морской...»	576
«Погнавшись за мировой славой...»	577
П. А. Радимову («Я для тебя, Радимов Павел...»)	578
«Ты пришла несвоевременно...»	579
«Было ясно мне, что Шурочка...»	580
«К родной поэзии влеком...»	581
Сон и явь («Писатель Свирский видел сон...»)	582
А. Ф. Струве («Ах, Александр Филиппыч Струве...»)	583
Разговор редактора с поэтом («Был четверг... Зимний день в дымных сумерках мерк»)	584
И. С. Рукавишникову («Иван Сергеич, милый! Не жалея...»)	590
А.М. Чачикову («Александр Михайлыч Чачиков...»)	591
К. Н. Лавровой («Товарищ Клавдия Лаврова...»)	592
Л. В. Кирьяковой («Госпожа Кирьякова!..»)	593

«Не далекая и не чужая...»	594
С. А. Апраксиной («Для безмозглой головы...»)	595
«Я не сдаю в архивы Госиздата...»	596
«Мы – советские работники...»	597
«Вопреки ленивым толкам...»	598
«Так просто все: сначала...»	600
«Пусть мило улыбнулась ты сначала...»	602
«Увяла роза данная тобой...»	604
«Эта ночь – ее я не забуду!...»	605
Ф. Н. Кашинцеву («Пишу сие за кружкой пива...»)	607
Н. С. Гринвальд («Ты целый день в Мострикотаже...»)	608
С. Д. Федоровой («Я сегодня вместо роз...»)	609
«Я вижу, я чувствую, я сознаю...»	610
«В наше время катастроф...»	611
Самодержец («Париж пленен чарльстоном и туманом...»)	614
Б. А. Садовскому («Вам, поэт- нижегородец...»)	615
А. И. Худяковой («Вы среди дешевой канители...»)	616
Пленум ЦК ВКП (б) («Являя миру новые манеры...»)	617

А. А. Чумаченко («Да, милая Ада Артемовна, да!...»)	618
С. А. Богадуrowой («Скажу Вам правды не тая...»)	619
Дизе Худяковой («Чтобы жизнь была конфеткой...»)	620
К. К. Барсову («Передо мной встает картина...»)	621
Б. А. Садовскому («Не говори: «Печальный дан...»)	622
М. В. и Н. Ф. Шемшуриным («Пусть исчезли те года...»)	623
Б. А. Садовскому («Вам, дядя Сони, Вам, поэт...»)	624
Девочке – воспитательница («При поддержке бога Брамьы...»)	625
Б. А. Садовскому («На эти строки нежно глядя...»)	626
«Ее стихи не ерунда...»	628
«Слегка полна, чуть-чуть томна...»	629
Разговор за шахматами («Пальмы... Пенистая брага...»)	630
Воспоминания Н. Н. Минаева («В будке теплой от трамвая...»)	633
«Знаю, что не сбыться по весне и...»	635
Дизе Худяковой («Меня ты, Дизя, не	637

кори...»)	
С. А. Минаевой («Ты не будь девчонкой гадкой...»)	638
«Не Нельдихен он даже по уму...»	639
Е. И. Шадек («О, мадам-товарищ Шадек!..»)	640
«Милая девочка! Радость моя...»	641
А. А. Альвингу («Алексеевич Арсений...»)	642
«Был вечер как вечер... Закат – как закат...»	643
М. И. Гиттерману («Михаил Гиттерман...»)	646
В. В. Вольтман («Ах, мимо дровяного склада...»)	647
«Милая, та ночь, когда мы будем...»	648
М. И. Гиттерману («Скажу я Вам, пятная лист...»)	649
С. А. Минаевой («Ты очень любишь лошадей...»)	650
С. А. Минаевой («Не сердись, моя Сонюра...»)	651
«О, хлебороб и пролетарий...»	652
М. Н. Кюнерту («Здесь на Сретенском бульваре...»)	653
О Соне и Тане, их нежной дружбе, нижегородском сердцеде, судьбе-злодейке и проч. («Хоть подруги Соня с Таней...»)	654

Ю. Д. Гиттерман («Из Нижнего легко и прытко...»)	657
И. П. Сидорову («Из столицы прикатив...»)	658
С. Л. Забалуеву («В земном блаженствуя раю...»)	660
Песня («Мы мало дорожили...»)	661
А. А. Богадуровой («Настя Богадунова...»)	662
Надпись на портрете («Взглянув со вздохом на портрет...»)	663
Ю. Д. Гиттерман («Любуйтесь южною луною...»)	664
«Как бы и куда бы я ни шел...»	665
Рассказ о культурном помзамзаве, о невежественной машинистке и о необычайном происшествии в Горсовнархозе или Торжество культуры («Я начну свое повествование...»)	667
Ответ живописной лахудры И. Уткину («Уткин, вирши Ваши плохи...»)	684
М. Ю. Окуневой («Ах, Юльевна, ох, Мирра...»)	685
С. А. Минаевой («Июльский день ленив и сладок...»)	686
С. Е. Нельдихену («Вот еще задача для мозгов!...»)	687
Надпись к плакату («Не чисть машину на	688

ходу...»)	
Е. Ф. Никитиной. Записка («Триолеты – ерунда!...»)	689
Запись в книге посетителей («Хотя здесь все не очень ново...»)	690
«Причащайся влагой жгучей...»	691
В. К. Земляновой («Назначение поэтово...»)	692
А. В. Владимировой («Ленив, но грамматически не хром...»)	693
Т. М. Шах-Паронианц («Скажу я Вам без лишних слов...»)	694
Т. М. Шах-Паронианц («Не читайте Вы беспечно...»)	695
Я. Д. Поюровскому («Без стоянья и забкнижки...»)	696
Надпись на открытке («Передо мной сия открытка...»)	697
С. А. Минаевой («Чтоб жизнь твоя как фейерверк...»)	699
А. И. Строковскому («Устроившись в вагоне на ночь...»)	700
Т. И. Громовой («Я, к сожаленью, не неистов...»)	702
С. А. Минаевой («Хоть в душе не мало дырок...»)	703

В. С. Сноведской-Шахматовой («Я Вам сегодня на прощанье...»)	704
«Мне не улыбалась жизнь простая...»	705
А. А. Галунову («Александр Андреич Галунов!...»)	708
А. С. Выдрину («Это даже как будто странно...»)	709
«Я упивался Вами много раз...»	710
«Доклад об Альвинге читая...»	711
Т. М. Шах-Паронианц («Увы! Михайловна Тамара...»)	712
«В этом мире так всегда бывает...»	713
«Не еврей он, не татарин...»	714
«С пафосом поистине огромным...»	715
Напутствие Ф. Д. («Ясно мне как на ладони...»)	716
«Давно уж превратились в ил...»	717
Л. Г. Жданову («Я повторю и в дни туманов...»)	719
Е. В. Пановой («Евгения Васильевна Панова...»)	720
Л. С. Кутузовой («Веленье выполняя музово...»)	721
Ю. И. Шеталовой («Ах, никитинка Юлия...»)	722
Надпись на книге («Улыбнись светло и кратко...»)	723

Ю. Д. Гиттерман («Наконец, Юдифь Давыдовна...»)	724
«Сед, но выхолен и розов...»	725
«На твою взглянул я голову...»	726
Н. Ф. Шаевой («Воспоминания нахлынув...»)	727
«Говорят, что ты девица...»	728
«Не разберет никак народ...»	729
Эпитафия А. И. Свирского («Как не назвать его талантом?!...»)	730
«Пересматривая снова...»	731
«Слишком оскорбителен и меток...»	732
О. П. Шкафер («Весь день пробежав в поисках ретивых...»)	734
«Вас, неповторимые стихи...»	736
«Спёвак к делу охладела...»	737
«Ты как любовница ни бе ни ме...»	738
«Это не комедия, поверь...»	739
«Я уклада жизни не нарушу...»	741
«Берегись! Играешь ты с огнем!...»	742
«Юная кокетка и нарядница...»	744
«Я только мельком вижу Вас...»	746
«Перестань кокетничать со мною...»	747
««Поцелуй!...» молил Фоменко...»	748
«Добывай по степени уменья...»	749
«Папа, папа, не кляни, не сетуй...»	751

«Я был смущен три ночи и три дня...»	752
«От флирта с тобой и валютной еды...»	753
Е. И. Фроловой («Мое вступительное слово...»)	755
Разговор по телефону («3–17–04...»)	756
«Плотный, маленького роста...»	758
«То скептически, то радуясь...»	759
М. И. Евменову («Не в субботу, не во вторник...»)	760
«Моисей Соломоныч Фанблит...»	761
Ю. Д. Гиттерман («Нет, не на берегах Невы...»)	763
С. Е. Эстрин («Среди редакционного труда...»)	765
Кому в издательстве жить хорошо («Товарищи и граждане...»)	766
Е. К. Фофановой-Устиновой («Альбом раскрыт... О, Муза, помоги!...»)	768
«Ты, бесспорно, среди Дусек, Марусек и Таток...»	769
«Вся – истома, вся – томленье...»	770
«Слишком долго ждать нам солнца вешнего!...»	772
Керенский («В Москве, на фронте, в Ставке, в Петрограде...»)	774
Е. И. Фроловой («Дом Отдыха,	775

Женюрочка...»)	
М. Н. Ямпольской («Легкой поступью хорея...»)	776
«Все женщины – разные!...»	777
«Ночь... Мороз... Безветренно и сухо...»	779
Происшествие на даче («Гражданин в пуху и вате...»)	781
«День безрадостен и матов...»	783
Игорь Северянин в Москве («Не Кантов и Бетховенов, не Байронов и Мариев...»)	784
За счастье родины – на выборы все! («Побольше энергии, порыва, движения...»)	786
Пушкину («В лихолетье брошенный судьбою...»)	788
«По-видимому, все в порядке в этом...»	791
«Гениальный на все руки...»	792
Кантата («Проживая в Пензе, Тага...»)	793
Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Ведь не Марии и не Антонины...»)	794
«Ты надулась и – «До свиданья!...»...»	795
«Жизни неудачи...»	797
«Буйству плоти потакая...»	798
«Играет патефон «Москва моя!..»	799
«Как говорят, родом ты из-под Вильно...»	801
«Когда и где и как я сброшу...»	803

«С каждым днем трудней мне дождаться...»	804
«Сначала мы, подобно голубкам...»	805
«Твой голос страстен, рот твой рдян...»	806
«Ты всех лучше на заводе...»	808
«Ты губами звучно чмокала...»	810
«Уже с утра каким-то нервным шагом...»	811
Г. А. Александровской («Милая Галина...»)	814
Кай Юлий Цезарь («Что ж угрожайте мне законом...»)	815
Себе в альбом («Дав ненадолго Музе волю...»)	817
Эпитафия («Здесь прах лежит того, кто был поэтом...»)	818
9 термидора II года («...Отечество в опасности!... Измена!...»)	819
«Говорил я тебе своевременно...»	820
«Все задушевней год от года...»	822
«Я каждый день приветствую зарю...»	823
«Здесь в столетней липовой аллее...»	824
«Когда душа утомлена...»	825
«Сияет солнце утомленно...»	826
«Вот и не преминула ты ко мне явиться...»	828
Сыну – мать («С Новым годом тебя поздравляю...»)	830
«Твой роман чреват, так сказать,	831

плодами...»	
Г. А. Александровской («Галина Александровна, Але-...»)	833
М. С. Магиту («Михаил Савельевич Магит...»)	834
И. М. Брюсовой («Скажу Вам откровенно, Иоанна...»)	835
Женщина – женщине («В Крыму, вдали от площади Арбатской...»)	836
Надпись на портрете Ф. И. Шаляпина («Такой артист рождается раз в сто лет...»)	837
«Мое рондо – мечтаний смутных дата...»	838
Е. И. Фроловой («Чтобы выполнить задачу...»)	839
«Ты меня любовью согревала...»	841
Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Во дни, когда кругом пожар...»)	842
Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Вместо браслета золотого...»)	843
М. И. и Ю. Д. Милиоти («Минаев – я, вы – Милиоти...»)	845
«Все померкло, все поблекло...»	846
«Ты из жизни ушла, одиноким оставив меня...»	847
«Что мне утешенья и участие...»	849
«Так, видимо, нужно, так, видно, угодно	850

судьбе...»	
«И мороз, и вьюга...»	851
Милой Иоанне Матвеевне Брюсовой в день ее шестидесятилетия («Стоя, руки по швам...»)	853
«В тихий вечер за столом...»	855
А. А. Галунову («Добросердечный друг мой, в эти дни...»)	856
«Душитель мысли, враг всего живого...»	857
«Жиреющая самка...»	858
«Полужаба, полуженщина...»	859
«Снова пахло дыханием свежим...»	860
«Такою светлою, такою милою...»	861
«Я вновь пришел к тебе, моя родная...»	862
В альбом («Стихи в альбом почти всегда измена...»)	863
Г. А. Александровской («В дни духовного паденья...»)	864
Надпись на червонце без номера («Как среди толпы славян японец...»)	865
И. Н. Розанову («Тот, кто достиг расцвета мастерства...»)	866
«В Москве последний переводчик Данта...»	867
«Ты – хамка и холуйка, ты халда и хабалка...»	868
«Что несет мне новый год...»	869

«Под конвоем, по дороге...»	871
«Он похож на драного кота...»	873
«От него всегда разит...»	874
М. М. Кукуеву («Где питанья каждый день...»)	875
Ф. Ф. Кукушкину («Ты, Кукушкин, в жизни новой...»)	876
«Потирает руки он...»	877
В. М. Ципер («Вера Моисевна...»)	878
«Балбес воспитанный тюрьмой...»	879
«Бывало в дни борьбы...»	880
«Как рассуждает он судить я не берусь...»	881
«Юноши и малолетки...»	882
«Красна-девица с лица...»	883
«Ни дипломат, ни кормчий, ни герой...»	884
«Он по профессии – больной...»	885
«Три раза солнце пламенем июльским...»	886
Баллада о двух врачах («Всем друзьям своим в усладу..»)	887
Лирическая повесть ни о чем («Как мне назвать поэму эту...»)	892
«Все также как во время оно...»	894
«Обозначилась дыра...»	895
«Как хлеб пшеничный рыхл и бел он...»	896
«Пересыльная слабосилка...»	897
Семейный пейзаж («Ах в своем уме ли я?!	898

...»)	
«Я констатирую уверенно...»	900
«Издалека как будто баба...»	901
«Как листок мятущийся от шквала...»	902
«Дочь мегеры, ведьмы внучка...»	903
Тамаре Лапшиной («Не пререкайся с папой...»)	904
Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Вместо всякой вкусной жвачки...»)	905
М. Д. Рындзюнской («В знак моего к Вам уваженья...»)	906
«Как призывно ни гляди ты...»	907
Говорит старая барыня («Ни охнуть, ни вздохнуть!...»)	908
Н. С. Бонар («Отнюдь не в хандре и унынии...»)	909
«Не могу сказать короче я...»	910
М. П. Горбункову («Митрофан Петрович! Пиво, квас...»)	911
«По дороге катится...»	912
«Спасал от Гитлера Европу...»	913
Е. С. Должанской («Мы с Вами добрые друзья...»)	914
«Небо в клочьях от хламид...»	915
Данте Алигьери («Труд жизни завершен... Один я как в пустыне...»)	917

3. Е. Сотниковой («По-прежнему нам небо бирюзою...»)	918
«Все в прошлом... Все когда-то было...»	919
«Повеяло как будто ароматом...»	920
«В тихий августовский, непорочный, предутренний час...»	921
27 августа 1950 г. («Этот день был ясным и прохладным...»)	922
«Это чувство ты не баюкай...»	924
«Все, что мне оставил полдень летний...»	925
Е. В. Тимофеевой («Подарка именинного взамен...»)	926
«Опять волнует кровь мою весна...»	927
«Подвержен спекулянтской мании...»	928
«С лицом как задница точь-в-точь...»	929
«Среди столичных хамов-дураков...»	930
«Хамелеон из кулаков...»	931
«Утомленно плещет море...»	932
«Я как ворон крови жажду мести...»	933
«Не белорус Едрит Хренович...»	934
Н. Е. Сазоновой («Мы знакомы уже давно...»)	935
«В жизнь других всегда суя свой нос...»	936
«Весь век она других зудила...»	937
«Раздув свое кадило...»	938
«Кем была она вчера...»	939

«Беспросветна мечта и надежда убога...»	940
«Вчера я ждал тебя, ведь ты...»	941
«Думал я, в последний раз любя...»	943
«Когда я свой окончу путь...»	944
Лене Сазонову («Мальчик резвый, мальчик милый...»)	945
З. Е. Сотниковой («Зоинька моя родная...»)	946
З. Е. Сотниковой («Поклонник цветонасаждения...»)	947
«В волненьи повседневной суеты...»	948
«Я думал с тобою последнее счастье найти...»	949
Надпись к обрамленью («В дни тревоги и томленья...»)	950
О подснежниках стихи по заказу твоему («На этот раз я темой связан...»)	951
«Итак – финал!.. А я как прежде медлю...»	952
З. Е. Сотниковой («Моя Зоя /Я как в бреду...»)	953
З. Е. Сотниковой («Моя́ Зо́я иль мо́я Зо́я...»)	955
Е. П. Заливухиной-Степановой («Позвольте мне, поэту Николаю...»)	956
О твоём коте Трепанге («Тебе не жалко и не тяжко...»)	957
Самому себе («Тебя я создал в те года...»)	958

«Опять тоска моя остра...»	959
«Сколько сил затрачено и лет...»	960
Эпитафия Трепангу («Не существом на двух ногах...»)	961
«Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела...»	962
«Я знал, что ты никем незаменима...»	964
«Я пренебрег всем тем, что было свято...»	965
«В его стихах таланта не ищи...»	966
З. Е. Сотниковой – С. И. Кожухов («Тоскою сердце выев...»)	967
З. Е. Сотниковой – надпись на открытке («Пострадавший от инфаркта...»)	969
«Серая скука, от лени спасения	970
Д. К. Богомильскому – в альбом («Ах, Давид Кириллыч Богомильский...»)	971
«Судьба, играя и шалая...»	973
«Грохот... Посвист молодецкий...»	974
«Как галки над пашней...»	975
«Оттого, что мне казалась ты...»	976
Следователь и автор («– Скажи, за что по твоему, Ник-Ник...»)	977
«В стороне от суетного мира...»	978
Тюремный сонет («Посуда, столик, веник и кровать...»)	980
З. Е. Сотниковой («Проходит быстро жизнь	981

земная...»)	
Баллада о четырех королях («То не какая- нибудь тля...»)	982
«Я лишь воспоминаньями живу...»	1032
«Ты жирна и неуклюжа...»	1033
«Еще нежней, еще интимней...»	1035
«Кончена феерия...»	1036
«Все, что есть и будет незабвенно...»	1037
Новогодний привет («Для любви расстояния нет...»)	1038
«Одним желанием оваян...»	1039
«Сей поклонник литературы...»	1040
«И земля под снегом не дрожит...»	1041
Надпись к рисунку («Молодчина крокодил...»)	1042
З. Е. Сотниковой («Вчерашний день был ярок...»)	1043
«Уж с утра с особым вкусом...»	1044
«Сей добрый молодец пьян словно стелька, вдрызг...»	1046
«Когда у нас в день раза два иль три...»	1047
«Встав от сна, в час утра ранний...»	1048
Тарас Шевченко («Поэт, борец и патриот...»)	1050
«Он ночью отошьет в свой старый котелок...»	1051

А. В. Васильеву («Впитав культуры аромат...»)	1052
Частушка («Мою Зоиньку милую...»)	1053
«Ты по наружности амур...»	1054
«Нам пели Музы, другом был Эрот...»	1056
«Дубина Щербаков...»	1057
«Из всевозможных дураков...»	1058
Поздравление с Новым годом («Жизнью несколько помятым...»)	1059
З. Е. Сотниковой («В день твоего рожденья...»)	1060
В. П. Тихонову («Не в Сочи, Ялте или Ницце...»)	1061
«Отгадай загадку дядька!..»	1062
«Как ни смотри, хоть так хоть этак...»	1063
«Хоть путь его печатный долог...»	1064
«В своей сатире он лишь груб...»	1065
Он и она («...«Да, я ревную, но не без причины...»)	1066
«Мне это дар, мне словно праздник это...»	1067
Жене – муж («В росистом поле рано поутру...»)	1068
«С виду затхлая затычка...»	1069
«Вчера собачьей логикой задет...»	1070
З. Е. Сотниковой («Этот твой листок бумаги в клетку...»)	1071

«Вновь июль... И снова этот день...»	1072
«Пусть цвет меняет сей хамелеон...»	1073
Рондель о рондели («Свою вечернюю рондель...»)	1074
Литературный сонет («Итак я начинаю свой сонет...»)	1075
«Отдав на время бесу...»	1076
Баллада о балладе («Я – Божьей милостью поэт...»)	1078
Н. Е. Сазоновой («Наталия Евгеньевна! Мадам...»)	1080
«Не на финиковой ветке...»	1081
«Не по картинам и не со слов...»	1082
«Он о себе, мол, сам был трубачом...»	1083
«Что же братцы тут такого...»	1084
«Ты долго расхваливал Савву Морозова...»	1086
«Я над «Правдой» выбился из сил...»	1087
«Хоть он почти что старичок...»	1088
О девице Вале и о фестивале («Советская студентка Валя...»)	1089
«Друг за другом голоса вьют во все концы...»	1090
«С красною шапчонкой на макушке...»	1091
«Визитеры – черт их побери!...»	1092
«Просто так, без всякого мандата...»	1093
«Один все время чешет языком...»	1094
«Он даже на безрыбьи рак...»	1095

«Казенной лирики бутон...»	1096
«Кружилась голова... Ко сну долило...»	1097
«Ты готов к анархии скатиться...»	1098
«Сегодня самый длинный день...»	1099
«Видишь войтам средних лет гражданина...»	1100
«Вы воркуете нежно, вы – два голубка...»	1101
«Снова в сердце умиротворенье...»	1103
«Запутался совсем ты в доводах и датах...»	1104
«Блат использовав папашин...»	1105
Американец – американке («Давно мы с тобой не видались...»)	1107
«О ты, моя классическая Муза...»	1109
«Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы...»	1110
«Свет погас... Платья дам поблекли...»	1111
«Ты всегда, везде во всем на страже...»	1112
«Скоро, девка, скоро, так и знай...»	1113
«Не вспоминай, не сетуй, не зови...»	1114
«Ты, живущий с поэтическим клеймом...»	1115
Музе («Ты от меня готова упорхнуть...»)	1116
«Это, брат, не женщина, а сказка!..»	1117
«Массне, Россини, Верди и Гуно...»	1119
«Дул ветер... колыхались провода...»	1120
«Не пьяные, не просто бузотеры...»	1121

Руслан у Финна («Средь диких скал, в краю тумана...»)	1122
«Опять я брожу по осеннему саду...»	1124
«В старинном парке были мы с тобой...»	1125
«Нынче долго снилась мне Формоза...»	1126
«Даже и во сне мне не узреть его...»	1127
«Наяву ли это было...»	1128
«Яне в духе нынче и тем более...»	1129
«Где-то что-то весьма подозрительно гукало...»	1130
Юноша – девушке («Я не хочу распространяться длинно...»)	1131
Школьник – школьнице («Брось мозги коверкать, Инка...»)	1132
«Где-то в дебрях черной Африки...»	1134
«Вечер был безветрен и туманно-матов...»	1135
«Сделки заключаются и браки...»	1136
«Мне сегодня как-то одиноко...»	1137
«Быль за сказку принимая...»	1139
«Когда-то в жизни давней...»	1141
Письмо Н. С. Хрущеву – гражданки-орловчанки («О, Сергеевич Никита!...»)	1143
«Аппетитно пообедав...»	1144
«Чуть побрызгав ландышем Коти...»	1146
Рондо («Лишь Муза в этот вечер у огня...»)	1148
Второй литературный сонет («Нет, не одна	1149

влекла меня дорога...»)	
«Месяц май... Мурлычет море...»	1151
Триолеты о поэте. Памяти И. С. Рукавишникова	1153
1. «Я начинаю триолет...»	1153
2. «Поэт, наружностью ты был...»	1154
3. «Ты как когда-то Дон-Кихот...»	1155
4. «Иван Сергеич, как живой...»	1156
5. «Закончив пятый триолет...»	1157
«Чтоб я не понял ни аза...»	1158
Третий литературный сонет («О чем-то призадумалась природа...»)	1159
«Кобель, кобыла, кролик, кот, козел...»	1160
«Кукарекнул петух, промычала корова...»	1161
Танка («Идя все далее...»)	1163
Терцина («Блуждая мыслью в царстве медицины...»)	1164
«Чуть ли не с века персидского Дария...»	1166
Осенняя канцона («В недели увяданья сада...»)	1167
«И в ненастье, напоследок...»	1169
«Протопав, словно пьяный, чардаш...»	1171
«То, что ты чересчур глупа...»	1172
«Как нафталин лежит на ветках иней...»	1173
«В нашей теплой, так сказать, компании...»	1174
«У тебя, моей колхозной милки...»	1176

«Безмолвствуют березы в безветрии таком...»	1178
«Что тебе пора возрождения?...»	1179
Вместо предисловия («Не дары чужого огорода...»)	1180
«Хоть в теперешней феерии...»	1181
«Я знаю твой тайный грешок...»	1182
«Я ни душой, ни телом не слабею...»	1183
«Среди бар и мужиков...»	1184
«Юпитер сердится, а значит он не прав...»	1185
«Целый день ты трешься средь собак...»	1186
«Ясень, осина, береза, ольха...»	1188
«Я – не я, и лошадь не моя!...»	1189
«У нас с тобой сегодня праздник, Муза...»	1190
«Что ты жадно глядишь из окошка...»	1191
«Кверху ушки оттопыря...»	1193
Д. И. Шепеленко («То поясница, то коленка...»)	1194
М. М. Марьяновой («Извините Бога ради...»)	1196
А. Я. Марееву («Почти что год, как на прощанье...»)	1198
Стихи неизвестных лет	1199
«Облаков белоснежные нити...»	1199
Летним вечером («Солнце село... Нежной краскою...»)	1200

«Увешан пурпурными кистями...»	1201
А. Л. Соболев. Биографический очерк	1202
Комментарии	1323
Принятые сокращения:	1335

**Николай
Николаевич Минаев
Нежнее неба. Собрание
стихотворений**

© А. Л. Соболев, общая редакция, составление,
подготовка текста, биографический очерк и коммен-
тарии, 2014

© М. и Л. Орлушины, 2014

© Издательство «Водолей», 2014

* * *

Первое стихотворение («Весна! Чудесная весна!...»)

Весна! Чудесная весна!
Ах, как прекрасна ты,
И юной прелести полна,
И нежной красоты.

Весною тянет на простор
Из тесных городов,
Туда, где ты, весна, ковер
Соткала из цветов.

Туда, где солнце, поле, лес,
Туда, где ты царишь,
Где необъятен свод небес,
Где ласковая тишь.

И там средь заросли лесной
Поет мне соловей,
И наслаждаюсь я весной
Далеко от людей.

*1910 г. 29 мая. Суббота.
Москва*

«Небо хмурится и плачет...»

Небо хмурится и плачет,
Небо слезы льет из глаз,
И дождем те слезы неба
На земле зовут у нас.

Небо весело смеется,
Нам свою улыбку шлет,
И народ улыбку неба
Красным солнышком зовет.

*1910 г. 17 июля. Суббота.
Степановка, Тульск. губ.*

Летняя ночь («Ветерок чуть шевелит зеленой листво́й...»)

Ветерок чуть шевелит зеленой листво́й,
Тихо плещет о берег река,
И спокойно сияя над сонной земле́й,
Проплывает луна облака.

Все кругом в забы́тии... Спит березовый лес;
Воздух свеж и душист как цвето́к;
Вот упала звезда и в просторе небес
Пролетела, искрясь, на восток.

21 сентября 1910.

Вторник. Москва

«Стояла башня на скале...»

Стояла башня на скале...
Вокруг кипело пеной море,
И волны рвались на просторе
Размыть утес в туманной мгле.

Внутри царила тишина,
Висели низко башни своды,
И только голос непогоды
Влетал из узкого окна.

Да иногда орел кричал,
Паря высоко над скалою,
И ветер дымно-серой мглою
Небесный купол закрывал.

18 января 1911 г. Вторник.
Москва

«Вот передо мною поле без границы...»

Вот передо мною поле без границы,
И куда ни кину восхищенный взор
Вижу только рожь, над нею вьются птицы.
Ах, какая воля!.. Ах, какой простор!..

Только рожь одну здесь ветер колыхает,
Только птицы криком вспугивают тишь;
Среди ржи порою василек мелькает,
Радостно усталый взор в него вперишь.

Но через минуту все переменялось:
Из-за горизонта показался лес,
И вдали на солнце речка серебрилась,
Лентою теряясь где-то у небес.

*1911 г. 16 июня. Четверг.
Денисиха, Моск. губ.*

«Запад гаснет в оранжево-алой дали...»

Запад гаснет в оранжево-алой дали,
Загорелась алмазом звезда в синеве,
Высоко над лугами летят журавли
И как жемчуг сверкает роса на траве.

Свежий воздух дыханьем цветов напоен;
Жизнь мне кажется ясной как этот закат:
Ведь я молод и счастлив, любим и влюблен
И в тебя, и в зарю, и в степной аромат!..

1911 г. 25 июня. Суббота.

Денисиха, Моск. губ.

Свадьба в деревне («Шум, говор, крики, веселие пьяное...»)

Шум, говор, крики, веселие пьяное...
Ярко носы от вина покрасневшие...
Чмоканье, чавканье, бульканье рьяное...
Дым от махорки и лица вспотевшие...

Бабы толпою топчат и кружатся,
Дробно стучат мужики сапожищами,
Девки кричат во все горло, натужатся,
Чтоб от гостей поживиться деньжищами.

Вот, наконец, пированье кончается,
Гости поднялися и помолилися;
Двое иль трое под лавкой валяются,
Пять человек встать не могут: упилися.

Ругань и смех одновременно слышатся,
Им отвечает гармоника венская...
Все как осока под ветром колышатся...
Что это?.. Свадьба идет деревенская!..

*1911 г. 29 июля. Пятница.
Денисиха, Моск. губ.*

«Над зияющею бездной...»

Над зияющею бездной
Я потоком любовался;
Темный полог ночи звездной
Надо мною расстился.

Чуть заметной полосой
Запад тлел в дали туманной,
И прохладною росой
Луг мерцал благоуханный.

Ночь безмолвию внимала,
Соловья замолкли трели,
Только бездна рокотала,
Да шумели глухо ели.

Диск луны кроваво-красный
Поднимался над водою...
Ели б ты, мой друг прекрасный,
В эту ночь была со мною!

*8 августа 1911. Понедельник.
Москва*

«Солнце село... У пригорка...»

Вянет лист... Проходит лето...
К. Прутков

Солнце село... У пригорка
Запад золотится...
Молодой пастух Егорка
Хочет утопиться.

Что напрасно бить тревогу?
Снова день настанет,
Эй, дурак, поверь, ей-Богу
Завтра солнце встанет!

1911 г. 10 августа. Среда.
Москва

«Быстро к далекому небу взлетела ракета...»

Быстро к далекому небу взлетела ракета,
Лопнула с треском она, рассыпаясь огнями,
Ночь озарилась мерцаньем волшебного света,
Искры кружились над лесом, летели над нами

И погасали в холодном и темном пространстве;
Вдвое мрачней показалась мне ночь после света,
Но лишь мгновенье прошло и в огнистом
убранстве
Вновь темноту озарила другая ракета.

1911 г. 15 августа. Понедельник.

Лосиноостровская, Ярослав. жел. дор.

Лютер («Он кончил курс в университете...»)

Он кончил курс в университете,
Потом поехал в монастырь,
И там забыв про все на свете
Читал молитвы и псалтырь.

1911 г. 13 октября. Четверг.

Москва

«Уж догорел закат лучистый...»

Уж догорел закат лучистый,
Зари померкла полоса,
И на черемухе душистой
Блестит вечерняя роса.

Прохладой легкий ветер веет,
И успокаивая взор
Вдали сквозь сумрак лиловеет
Таинственно сосновый бор.

Цветами первыми покрыла
Луга нарядная весна,
И на ночь землю погрузила
В объятья сладостного сна.

30 ноября 1911. Среда.

Москва

«Больше нету меня моей Музы прекрасной...»

Больше нет у меня моей Музы прекрасной,
Улетела она в беспредельные дали,
Я излиться стихами пытаюсь напрасно,
Лишь при Музе слова вдохновенно звучали.

О, чудесная дева, вернись, с нетерпением
Жду тебя, чтобы в звуках и рифмах излиться,
Чтобы душу наполнить восторженным пеньем,
Чтоб стихами любить и стихами молиться!..

1912 г. 9 февраля. Четверг.

Москва

«О, колосс далекий, Сириус лучистый!...»

О, колосс далекий, Сириус лучистый!
Ты струишь потоки пламенного света,
И пройдя пространство, свет твой золотистый
Льется на земного юного поэта.

В светлые минуты редких вдохновений,
Приближает душу к небу свет твой чистый,
Дай же мне побольше творческих мгновений,
О, колосс далекий, Сириус лучистый!

1912 г. 4 марта. Воскресенье.

Москва

Чепуха («Рака в буром сарафانه...»)

1.

Рака в буром сарафانه
Запрягли в бутылку с водкой,
И запутавшись в тумане
Поскакал он рысью ходкой.

2.

Галку с книгой и лопатой
Натравили на Венеру,
Но она, набившись ватой
Проглотила соли меру.

3.

Перед вошью с длинным носом
Скачет печь на сковородке,
И глазам ее раскосым
Предлагает бровь селедки.

4.

Положили поезд в небо,
Там свои клыки он точит,
И схватив Луну из хлеба
Погасить ей Солнце хочет.

5.

На яйцо крутое всмятку
Возложили порученье:
Отыскать в лесу перчатку
Из миндального печенья.

*1912 г. 18 марта. Воскресенье.
Москва*

«Сквозь громаду свинцовую туч...»

Сквозь громаду свинцовую туч
Проскользнув на минуту одну
Ослепительный солнечный луч
В голубую проник глубину.

Заиграла морская волна,
И под этим случайным лучом
Жизнь воды пробудилась от сна
И забила горячим ключом.

Но громада свинцовая туч
Задавила собой небосвод,
И погас яркий солнечный луч
На лазурной поверхности вод.

*1912 г. 20 апреля. Пятница.
Москва*

«Над душистой веткою березы...»

Над душистой веткою березы,
Тихой ночью ласковой весны,
В воздухе прозрачном реют грезы
И витают сладостные сны.

В синеве безоблачного свода
Кротко блещет звезд лучистый рой,
Задремала юная природа,
Нежася весеннею порой.

Шелестят деревья лаской мая,
Еле плещет сонная волна,
И вся ночь таинственно-немая
Красоты чарующей полна.

20 июня 1912 г. Среда.

Москва

Страшный сон («Камилавкин Нил Иванович...»)

1.

Камилавкин Нил Иванович,
Человек довольно тощий,
В темной комнате храпит;

Он изрядно выпил на ночь,
Поругался с толстой тещей
И женою был побит.

2.

И теперь средь ночи темной,
На диване мягком лежа,
Видит он ужасный сон:

Перед ним сидит огромный
В горделивой позе дожа

Чорт забравшийся на трон.

3.

Он с рогами на затылке,
Хвост как ржавая веревка,
Козьей шерстью весь оброс,

И глотая из бутылки,
В то же время очень ловко
Ковыряет пальцем нос.

4.

Нил Иваныч испугался
Увидав так близко чёрта
И с испугу заорал,

Чёрт смышленным оказался,
Откусил кусок от торта
И куда-то вдруг удрал.

5.

Но спустя одно мгновенье
Он назад вернулся смело,
Приведя чертовок рать,

И в порыве озлобленья
Камилавкинское тело
Принялись они щипать.

6.

Нил Иваныч пробудился,
Но душою содрогался,
Вспоминая страшный сон,

И ужасно удивился,
Разглядевши, что валялся
На полу под креслом он.

*1912 г. 1 июля. Воскресенье.
Москва*

«За рекой зарницы робко трепетали...»

За рекой зарницы робко трепетали,
Розовой полоской гас закат вдали,
Липы ароматом сладостно дышали
И струился слабый запах от земли.

Мы с тобой вдвоем укрылись в аллее,
Изнывая, пел над нами соловей,
И еще прекрасней, и еще милее
Ты была под сенью липовых ветвей.

Словно утомившись ветер стих мятежный,
Слышалось журчанье полусонных струй.
В этот вечер летний, в этот вечер нежный
Прозвучал наш первый тайный поцелуй.

А вдали, бледнея, гас закат чудесный,
Загорались звезды в темных небесах;
Целовал я жадно ротик твой прелестный
И тонул в твоих мерцающих глазах.

7 июля 1912. Суббота.

Москва

«Деревья буйный ветер клонит...»

Деревья буйный ветер клонит,
Срывая блеклый их наряд,
И в мрачном небе тучи гонит
Без устали за рядом ряд.

Луга и нивы опустели,
Чернеет мокрая земля,
И скоро жуткий вой метели
Встревожит тихие поля.

Река оденется покровом
Из льда, а следом и сама,
С своим дыханием суровым,
Придет трескучая зима.

*16 октября 1912 г. Вторник.
Москва*

«Тихо плещет река...»

Тихо плещет река
Неспокойной волной,
Догорает далекий закат;
В вышине облака
Бесконечной толпой
Торопливо и плавно скользят.

Молодая весна
Напоила поля
Благовонным дыханьем цветов,
И под ласкою сна
Задремала земля,
От дневных отдыхая трудов.

Вот запел соловей,
И опять тишина,
И осилить тоску мне не в мочь...
Из-за груди полей
Выплывает луна,
Озаряя весеннюю ночь.

*20 октября 1912. Суббота.
Москва*

«Летней негой ночь нас опьянила...»

Летней негой ночь нас опьянила...
До рассвета мы вдвоем блуждали,
А из синей беспредельной дали
Нам сияли вечные светила.

Наши души полные любовью,
Трепеща, стремились друг к другу
И я обнял милую подругу
Распаленный вспыхнувшей кровью.

Нежный взор ее светился лаской,
И высоко грудь ее вздымалась;
Эта ночь блаженства показалась
Мне чудесной незабвенной сказкой.

Все вокруг любовь заморозила,
Лишь сердца порывисто стучали,
А из синей беспредельной дали
Нам сияли вечные светила.

12 декабря 1912. Среда.

Москва

Грустная история («Разгуляя по Петровке...»)

Раз гуляя по Петровке
Сидор Карпыч увидал,
Что к хорошенькой блондинке
Пристает один нахал.

Сидор Карпыч возмутился,
Как индюк надулся злостью,
И к нахальному субъекту
Подошел, махая тростью.

И нахмутив грозно брови,
Чтоб внушительнее стать,
Он сказал: «Не смейте, сударь,
К честным дамам приставать!

Извинитесь перед нею
Вы сейчас без промедленья,
А не то я Вас в лепешку
Превращу в одно мгновение!..»

После этих слов суровых
Неизвестный господин
Наутек скорей пустился,

Видя в том исход один,

Чтоб избегнуть наказания,
Ибо дамочка-плутовка,
Убоявшись скандала,
Вдруг исчезла очень ловко.

Сидор Карпыч был нескладен
Как черкасский тучный бык,
Но за ним бегом пустился,
Хоть к тому он не привык.

Господин стрелою неся,
Сидор Карпыч вслед стремился,
И почувствовав, что крепко
За нахала ухватился:

«Стой!.. Ага, попался в лапы!..»
Громогласно завопил,
И широко размахнувшись
Прямо в нос ему вклепил.

Кровь струей из носа хлещет,
«Караул!..» вопит несчастный,
Мчится публика отсюда
С жадной зрелищ сладострастной.

Сидор Карпыч испугался,
Он мгновенно увидал,

Что не тот, за кем он гнался,
Ему под руку попал.

Но теперь уж было поздно:
Мчался дворник бородатый,
Вслед за ним городовые
И неведомые хваты.

Подбежав к нему поближе,
Дворник сшиб его метлой,
И злосчастный Сидор Карпыч
Вытер плиты мостовой.

В миг один его связали
И заткнув покрепче глотку,
Привезли в участок ближний
И втокнули за решетку.

Там в компании с ворами
Он провел без сна всю ночь,
И не мог к их зверским рожам
Отвращенья превозмочь.

С этих пор наш Сидор Карпыч
Бросил рыцарством кичиться,
Чуть увидев ловеласа,
Он спешит скорее скрыться.

1913 г. 6 февраля. Среда.

Москва

Весеннее утро («Утро тихое и ясное...»)

Утро тихое и ясное
Нынче радует мой взор;
Выплывает солнце красное
Из-за леса на простор.

Блещут влагой серебристою
И трава и сонный клен,
И черемухой душистою
Свежий воздух напоен.

Чисто небо безмятежное,
Нет ни облачка нигде,
Дуновенье ветра нежное
Чуть заметно на воде.

Все цветет, все улыбается
Солнцу небу и весне,
И струею разливается
Радость вешняя во мне.

*18 февраля 1913 г. Понедельник.
Москва*

«Вчера, в час вечера закатный...»

Вчера, в час вечера закатный
Весь запад пурпуром блистал,
И неба купол необъятный
Был чист и ясен как кристалл.

Сегодня небо в грозных тучах,
Дождем набухших и сплошных,
И лишь зигзаги молний жгучих
Порою вспарывают их.

*1913 г. 20 февраля. Среда.
Москва*

«Чуть тронут запад розовой краской...»

Чуть тронут запад розовой краской,
В холодном небе серп луны блестит;
Склонившись надо мной с усталой лаской
Листвой береза тихо шелестит.

И в сумраке, и в небе, и в березе,
И даже в тишине сквозит печаль,
Как будто все в какой-то странной грезе
Глядит на погасающую даль.

Как будто все подвластно впечатленью
Грустит о чем-то, что умчалось прочь
Давно-давно и предано забвенью,
Но что вернется в нынешнюю ночь.

*<1 марта 1913 г. Пятница.
Москва>*

Е. П. Павлову («Тебе в альбом без всякой муки...») В альбом

Тебе в альбом без всякой муки
Пишу, надеюсь вполне,
Что ты в печальный час разлуки,
В родной или чужой стране,
Возьмешь его с улыбкой в руки,
При свете дня иль при луне,
И прочитав сие от скуки,
Мгновенно вспомнишь обо мне.

1913 г. 20 марта. Среда.

Москва

К ней («О, милое, прелестное создание!...»)

В пасхальные дни

О, милое, прелестное создание!
Как счастлив я с тобою в эти дни;
Прошли невзгоды, горе и страданья,
И я стою с волнением ожиданья
Один перед твоим окном в тени.

А благовест несется колокольный
Над светлым днем, над праздником любви;
В моей душе царит восторг невольный
И в этот праздник светлый и престольный
Любовь к тебе сильнее горит в крови.

Пройдет весна, настанет снова лето
В сиянии солнца яркого венца,
И мы с тобою вспомним время это,
Когда в сердцах еще не перепето
Рондо любви с начала до конца.

*1913 г. 23 апреля. Вторник.
Москва*

Автомобиль («Пуская в воздух клубы дыма...»)

Пуская в воздух клубы дыма
И за собой взметая пыль,
Как сатана неудержимо
Проносится автомобиль.

С ужасным хрипом и гуденьем,
Распугивая им народ,
Каким-то жутким привиденьем
Он перед взором промелькнет.

Когда идешь через дорогу
С невольным трепетом в груди
И обратишься с молитвой к Богу
Скорей ее переходи,

Не то назло дневному свету
Удар – и ты на мостовой,
И скорой помощи карету
Вызвать бежит городской.

1913 г. 15 мая. Среда.

Москва

«Долго сидел я вечерним покоем объятый...»

Долго сидел я вечерним покоем объятый,
В темном саду у столетней развесистой ели,
Долго следил как закат погасал розоватый,
Как его блики на облаке легком тускнели.

Тихо так было, дневные растаяли звуки,
Слившись друг с другом деревья дремали устало,
Ветви их точно огромные цепкие руки
К небу тянулись, где звезд вереница блистала.

Сердце томилось какой-то тоскливой истомой,
Плакало сердце предчувствуя близкое горе,
И лишь сознанию нашептывал голос знакомый:
– «После несчастья заметнее счастье во взоре...»

<9 июля 1913 г. Вторник.

Клин>

Лунная ночь («Лунным светом залиты долины...»)

Лунным светом залиты долины;
Ночь светла как серый зимний день;
Сонных лип кудрявые вершины
Бросили причудливую тень.

Даль полей раздвинулась широко,
Очертанья города видны;
Тихий пруд спокойно и глубоко
Отражает светлый шар луны.

Мнится: этой ночью полнолуныя
Воздух чутко тайну сторожит,
И земля как старая колдунья
В забытии тревожном ворожит.

1913 г. 12 июля. Пятница.

Клин

«Опадают листья, увядают цветы...»

Опадают листья, увядают цветы;
 Миновало короткое лето,
И в душе у меня угасают мечты,
 Хотя песня еще не допета.

Но забуду о ней, подожду до весны,
 Что вослед за зимой к нам вернется,
И когда, отогнав невеселые сны,
 Юной зеленью лес вострепнется,

И травкою оденется лоно полей,
 И заплещут весенние воды, —
Я, воспрянув душой, буду в песне своей
 Прославлять возрождение природы.

1913 г. 18 июля. Четверг.

Клин

«О, клены стройные, как вы...»

О, клены стройные, как вы
Красивы в тихий час заката,
Когда на зелени листвы
У вас лежат полосы злата.
И вы стоите не дрожа,
Завороженные окраской,
Лучи ревниво сторожа
И упиваяся их лаской.
Но только скроются они
За горизонтный перекресток,
Померкнут вмиг на вас огни
И потускнеют искры блесток.

1913 г. 1 августа. Четверг.

Клин

Надпись на беседке («Второго августа тринадцатого года...»)

Второго августа тринадцатого года
В беседке сей, мечтая, я сидел,
И, голода не в силах превозмочь,
Купил на станции четыре бутерброда,
Вернулся вновь сюда, их быстро съел
И, покурив, пошел отсюда прочь.

1913 г. 2 августа. Пятница.

Клин

«Вчера нашел цветок лиловый...»

Вчера нашел цветок лиловый,
Засушенный в расцвете сил,
И он с отчетливостью новой
В душе былое воскресил.

Припомнил я, что ночью темной
Его в саду ты сорвала
Рукой нетвердой с клумбы скромной
И мне с улыбкой отдала.

Промчались дни... И я расстался
С тобой покорствуя судьбе,
Но твой цветок со мной остался
Как дар на память о тебе.

*1913 г. 19 августа. Понедельник.
Москва*

«Уже листва деревьев рдеет...»

Уже листва деревьев рдеет,
Красой сентябрьской нежа взгляд,
Но ветер все еще не смеет
Похитить поздний их наряд.

И в дни осеннего привета,
В такие солнечные дни,
Аллея пестро разодела
В пурпурно-желтые огни.

Как будто краскою прощальной
Листва покрылась для того,
Чтоб быть красивой в миг печальный,
В миг увяданья своего.

И в час прозрачного заката,
Она в лучах вдвойне горя,
Простится с жизнью без возврата
В прохладный вечер сентября.

*<20 августа 1913 г. Вторник.
Москва>*

«Загорелся румянцем восток...»

Загорелся румянцем восток,
Заклубилась роса по оврагу
И раскрылся душистый цветок,
Отряхая прозрачную влагу.

Зашумели по ветру леса,
В темных чащах проснулись птицы,
И веселые их голоса
Зазвучали навстречу денницы.

Скоро ясное солнце взойдет,
И туман и прохладу рассеет,
И все, что его любит и ждет
Золотыми лучами согреет.

*1913 г. 9 сентября. Понедельник.
Москва*

«Ветер яростно раскачивает лес...»

Ветер яростно раскачивает лес,
И трещат и гнутся ветви мертвеца;
Серой хмурию затянулся свод небес,
И струится мелкий дождик без конца.

В поле – грустно... Почву мутная вода
Пропитала, превратила землю в грязь;
Закатилась лета яркая звезда,
И природа умирает с ней простясь.

И томится и болит моя душа
Вместе с небом, вместе с сумраком полей...
Эх, скорей бы бодрым холодом дыша,
К нам зима пришла, чтоб было веселей!

*<24 сентября 1913 г. Вторник.
Москва>*

«О, как уныл лес обнаженный...»

О, как уныл лес обнаженный
Ненастной осенью, когда
Со свистом ветер раздраженный
Ломает ветви без труда.

А он с поблекнувшим убором
Свой потеряв надежный щит,
Под этим бешеным напором
Покорно гнется и трещит.

Но лишь зима придет украдкой
И белым девственным ковром
Покроет грудь равнины гладкой,
Его осыпав серебром,

Он в мягкой снежной колыбели
Задремлет сладко до весны,
И под тягучий вой метели
Увидит радостные сны.

*1913 г. 14 октября. Понедельник.
Москва*

«Вас вместе с Вашими друзьями...»

Е. М. Гусевой

Вас вместе с Вашими друзьями
Сегодня, Лиза, поздравляю,
И Вам всего того желаю,
Чего желаете Вы сами: —

Весьма в работе отличаться,
Создав себе к тому условия,
Иметь прекрасное здоровье
И иногда со мной встречаться!

*1913 г. 21 октября. Понедельник.
Москва*

В поле («Кругом от края и до края...»)

Кругом от края и до края
Спокойно дремлет море ржи,
Над нею в воздухе ныряя
Резвятся ловкие стрижи.

К закату близится светило
И в небе цвета василька,
Как дым далекого кадила,
Плывут и тают облака.

И если вдруг в таком просторе
Капризный ветер пробежит,
Как заволнуется все море,
Как каждый колос задрожит.

Но ветра нет и рожь не гнется,
И даль по-летнему светла,
И над цветком устало вьется,
Гудя, мохнатая пчела.

*<11 декабря 1913 г. Среда.
Москва>*

Первый снег («Где было к вечеру вчера...»)

Где было к вечеру вчера
Различие красок так заметно,
Сегодня груды серебра
Лежат, сияя одноцветно.

То выпал первый снег за ночь
Глубокий, матовый и чистый,
И радость скрыть душе не в мочь:
Ей мил приход зимы пушистой.

И все куда ни кинешь взор
Покрыто белой пеленою,
А на стекле мороз узор
Выводит кистью ледяною.

1913

«Два свежих полевых букета...»

Два свежих полевых букета
Сегодня утром за рекой
Под небом розового цвета
Моею собраны рукой.

В них незабудки и ромашка,
И златоцвет и васильки,
И колокольчики и кашка
Смешали вместе лепестки.

Как не приветствовать их песней,
Когда возьмешь их в руки ты
И скажешь: «Есть ли, что прелестней,
Чем эти скромные цветы!..»

1913

«Милый друг, как красив этот вид!.. Посмотри...»

Милый друг, как красив этот вид!.. Посмотри:
Там далеко-далеко за лугом,
Позлащенный сияньем вечерней зари,
Возвышается лес полукругом.

А налево неровною лентой река,
Извиваясь, сверкает волнами,
То скрываясь от нас меж кустов ивняка,
То опять серебрясь перед нами.

И за ней у дороги, где тени легли,
Чуть взволновано легкою дрожью,
Поле тянется, с небом сливаясь вдаль,
Сплошь покрытое желтою рожью.

Облака будто спят в голубой вышине,
Орумянены скрывшимся солнцем,
Нам не видно его, но в высоком окне
Оно ярким блистает червонцем.

Перед весной («Весна!., мне сердце прошептало...»)

Весна!.. мне сердце прошептало,
Когда увидел я вчера
С какою радостью летала,
Кружась у нашего двора,

Ворон пригревшаяся стая,
Как дали неба голубы,
И как под ярким солнцем тая,
Сосульки падали с трубы.

Сегодня бешеным набегом,
Собравшись с силами, зима
Покрыла за ночь новым снегом
Деревья, лужи и дома.

Но пусть мороз стекло туманит,
Пусть рядит инеем сосну
Я верю: – сердце не обманет
Пророча близкую весну.

*<11 января 1914 г. Суббота.
Москва>*

В грустный вечер («Опять один... Смотрю в окно...»)

Опять один... Смотрю в окно...
Туманный вечер умирает
Вдали чуть зримо догорает
Зари багряное пятно.

Листами тихо шевеля,
О чем-то шепчутся березы,
И как несбывшиеся грезы
Поникли грустно тополя.

И сердце в жуткой темноте
Уединением томится,
И всем биением стремится
Вослед умчавшейся мечте.

Но тщетно!.. ей – крылатой – путь
Не преградит и неба бездна,
А сердце рвется бесполезно:
Ему темницей служит грудь.

*<14 марта 1914 г. Пятница.
Москва>*

«Майский вечер задумался... Запад нежно румянится...»

Майский вечер задумался... Запад нежно
румянится...

Над зелеными нивами задымилась роса...
Серебристою змейкою речка по полю тянется,
За чертой горизонтною уходя в небеса.

Воздух ласков и сладостен напоенный дыханием
Ароматной черемухи и душистых берез,
И мечта опьяненная свежим майским лобзанием
Без усилий уносится в царство радужных грез.

Бледно палевым пологом даль заря занавесила,
Ветер вздрогнул в кустарнике и затих, не дыша...
Сердцу радостно-радостно, сердцу весело-
весело,
И – как небо безоблачно – беззаботна душа.

<4 мая 1914 г. Воскресенье.

Москва>

«Недавно первый вешний гром...»

Недавно первый вешний гром
Прогрохотал по поднебесью:
«Встречайте май!..» и вот кругом
Все взволновалось этой вестью.

Вновь зацвела в саду сирень,
В траве фиалки запестрели,
И с неба ясного весь день
С лучами вместе льются трели.

А на закате соловей
Чарует слух своим напевом,
И грудь распаханых полей,
Вздыхнув, дала ростки посевам.

В душе разбит сомнений гнет
И, грустным мыслям не внимая,
Любовью сердце вновь цветет,
Покорно светлой воле мая.

*<13 мая 1914 г. Вторник.
Москва>*

Майский вечер («Деревья сада...»)

Деревья сада
Застыли в дреме...
Плывет прохлада
От росных трав,
И ветер мая
Без сил, в истоме
Грустит, вздыхая,
К цветам припав.

Сияньем алым
Вся даль объята,
Там, где усталым
Уходит день,
И сладок воздух
От аромата,
Что в знойных грезах
Струит сирень.

Грудь жадно дышит
Прохладой сладкой,
И ухо слышит
Малейший звук:
Вспорхнет ли птица

В кустах украдкой,
Или промчится
С жужжаньем жук...

1914 г. 19 мая. Понедельник.

Москва

Триолет («Моей тоске причины нет...»)

Моей тоске причины нет,
Ее развеять невозможно...
Не потому ль, что я поэт
Моей тоске причины нет?
Она быть может с детских лет
Вползла мне в душу осторожно...
Моей тоске причины нет,
Ее развеять невозможно!

*1914 г. 6 июня. Пятница.
Москва*

Клин летом («Настало лето... Ожил Клин...») Из письма Е. М. Гусевой

Настало лето... Ожил Клин...
Играет музыка в саду
И в красной шапке господин
Руками машет как в бреду.

И все, кто был то лето там,
В саду торчат, как прежде, вновь,
И появился даже сам
«Японец» – Шурина любовь.

Борис Дерягин реалист
Блуждает с Маней вдоль аллеи,
Усат, огромен и плечист
Сидит на лавке казначей.

Начальник станции Белов,
Дам клинских ярый сердцеед,
Гуляет, важен и суров,
В тужурку белую одет.

«Спиритка» как и прошлый год

Опять торопится домой,
И Лида по́-саду идет
Окружена подруг толпой.

А Лиза с Шурую сидят
С студентом где-нибудь тайком,
И до забвенья говорят
О чем-то важном и большом.

И по дорожкам ходит вскачь
«Железных» служащих орда,
А за забором слышен плач
И крики: там стряслась беда.

В Клину живет моя родня,
Ну словом, все как прошлый год,
И только лишь теперь меня
Там одного не достает.

Но я приеду как-нибудь
И появлюсь в саду у вас,
Ведь мне известен этот путь...
Прощайте!.. Кончен мой рассказ!..

*1914 г. 7 июня. Суббота.
Москва*

«Цветы покорно увядают...»

Цветы покорно увядают,
Им тесно в узком кувшине;
Они тоскуют и мечтают
О солнце, росах и весне.

Еще вчера они встречали
Среди полей рождение дня,
А нынче полные печали
Стоят и вянут у меня.

И я тоскую вместе с ними
И горький жребий их клянущу,
Мне больно видеть их такими
Полузачахшими в плену.

И ум томит вопрос обычный:
Зачем сгубили их расцвет?
Ведь нет для них весны вторичной,
Расцвета нового им нет!

*<28 июня 1914 г. Суббота.
Москва>*

Загадка («Вчера на «Чортовом мосту»...») Рассказ почтенного человека

Вчера на «Чортовом мосту»
Мы с другом Ванею сидели...
Кругом сирень была в цвету
Садилось солнце, пташки пели,

Вился дымок от папирос,
И задремал мой Уховертов,
Меня же вдруг кольнул вопрос:
«А почему мост этот – Чортов?!»

Я осмотрелся: мост как мост...
Но, может быть, здесь чорт женился,
Иль оторвав свой тощий хвост,
Им в пьяном виде удавился.

Тогда об этом сообщи,
Понятно, коротко и ясно,
А то, изволь, смотри, ищи
И трать свои мозги напрасно!

Вопрос, как видите, не прост?..

И я ищу, соображаю,
Но почему он – «Чортов мост»
Я до сих пор еще не знаю?

И если здесь из вас, medames,
Кому-нибудь о том известно,
Скажите мне, – я все отдам, —
Настолько это интересно!..

1914 г. 3 июля. Четверг.

Москва

Июль («Вечер даль закрыл фатой...»)

Вечер даль закрыл фатой,
Окропил росой травы,
Выплыл месяц золотой
Из-за дремлющей дубравы.
Звезд алмазные зрачки
В небе вспыхнули пугливо,
И блеснули торопливо
В тусклом зеркале реки.

Сладко дышит старый сад,
Там в цвету из лип аллея,
Листья тихо шелестят,
Полусна стряхнуть не смея.
И колышется как тюль
Вдалеке туман молочный,
И как отрок непорочный
Грезит ласковый июль.

*<22 июля 1914 г. Вторник.
Москва>*

Перед увяданием («Дни все короче и короче...»)

Дни все короче и короче...
Сегодня меньше чем вчера;
Темней, тоскливей стали ночи
И холоднее вечера.

Над речкой ладаном кадильным
С утра висит лиловый дым,
И уже выглядит бессильным,
Что летом было молодым.

Поля желты и сиротливы,
Не слышно песен на воде,
И в пыльных ветках старой ивы
Блеснуло золото кой-где.

И утомленная природа,
Как на смерть раненый боец,
Встречает с грустью вечер года,
Свой близкий чувствуя конец.

*<31 июля 1914 г. Четверг.
Москва>*

«Опять пахнуло лаской вешней...»

Опять пахнуло лаской вешней
Над белым зимним царством сна,
И точно силою нездешней
Душа опять пробуждена.

И после долгого покоя
Ее вдвойне волнуют вновь
И вдохновенье молодое
И жажда счастья и любовь.

*1914 г. 20 октября. Понедельник.
Москва*

В эти дни («Теперь, когда весь мир кругом...»)

Теперь, когда весь мир кругом
Горит в огне великой битвы,
Лишь о победе над врагом
Мои мечты, мои молитвы.

Я бросил все, о чем мечтал,
Забыл все прежние стремленья,
И счастья личного бокал
Я расплескал без сожаленья.

О, разве может быть теперь
Хоть призрак счастья в нашей жизни,
Когда коварный враг как зверь
Грозит святыне и отчизне?

И разве милый женский лик
И поцелуи и объятья,
Меня заставят хоть на миг
Забыть о том, что гибнут братья?

О, нет!.. Пока орудий гром
Разносит смерть на поле битвы,
Лишь о победе над врагом

Мои мечты, мои молитвы...

1914 г. 28 октября. Вторник.

Москва

Со славой павшим («Мои возлюбленные братья...»)

Мои возлюбленные братья,
Жизнь положившие в бою,
Для вас Христос раскрыл объятия
И ожидает вас в раю.

Его ласкающие руки,
Его святой глубокий взгляд,
Все ваши горести и муки
Благословят и исцелят.

Вы здесь нашли венок терновый:
В расцвете сил легли в бою,
И ждет вас в вашей жизни новой
Блаженство вечное в раю!

1914 г. 19 ноября. Среда.

Москва

«Затихла в потемках аллея...»

Затихла в потемках аллея
Полузадремавшего сада,
В ней запахом ландышей вея,
Плыла майской ночи прохлада.

Сквозь бледно-зеленую сетку
Недавно расцветших акаций,
Луна освещала беседку
И двух алебастровых граций.

И слушала ночь голубая
Как листья березы и клена,
В тиши осторожно вздыхая,
Друг с другом шептались влюблено.

*<29 ноября 1914 г. Суббота.
Москва>*

Осенние думы («Как грустно: – осень! А давно ли...»)

Как грустно: – осень! А давно ли
Цвела прекрасная весна,
И зеленели в талом поле,
Прорвавшись к свету с жаждой воли
Из недр подземных семена?

Давно ли лето золотое
Обиризовив небосклон,
Томило нас дыханием зноя
И сладким запахом левкоя
Был сад поутру напоен?

Теперь – не то!.. Луга пустынные,
Цветы на клумбах отцвели,
А вечера темны и длинны,
И тонкой сеткой паутины
Кустарник чахлый заплели.

Но все ж у осени унылой,
Как у несбыточной мечты,
Довольно есть поэту милой,
Такой беспомощной и хилой,
Но просветленной красоты.

<29 ноября 1914 г. Суббота.
Москва>

Любовь («Любовь это тихое счастье...»)

Любовь это тихое счастье,
Любовь – яркий солнечный луч
В тумане земного ненастья
Блистающий нам из-за туч.

Любовь это вздох аромата
Весенних душистых цветов,
Любовь – поцелуи заката
На чистых краях облаков.

Любовь это женская ласка, —
Души многоцветный расцвет,
Любовь вдохновенная сказка
О царстве, которого нет.

И если любовь нас обманет,
Ее призываем мы вновь,
И жизнь наша краткая вянет,
Когда не приходит любовь.

*<1 декабря 1914 г. Понедельник.
Москва>*

Облака («Над засыпанной снегом равниной...»)

Над засыпанной снегом равниной,
Серебря завитые бока,
Вереницей причудливо-длинной
Проплывают на юг облака.

Надоел им наш север суровый,
Царство сильных морозов и вьюг,
И красою заманчиво-новой
Их влечет обольстительный юг.

Облака, облака, я тоскую!..
Облегчите томленье мое,
Вы возьмите тоску мою злую
И развейте по ветру ее.

И спеша за лазурное море,
В лучезарное царство весны,
Вы мое безысходное горе
Бросьте в бездну морской глубины.

Но не слышит небесная стая
Горьких жалоб и стонов моих,
И плывет под лучами блистая

В океане небес голубых.

1914 г. 20 декабря. Суббота.

Москва

«Еще деревья не успели...»

Еще деревья не успели
Одеться в нежный пух весны,
А резвых жаворонков трели
С утра до вечера слышны.

Сияет неба синь густая,
И в нем спеша издалека
Плывут под вешним солнцем тая
На свет сквозные облака.

И ветерок так робко дует,
Кустами ласково шая,
И новой жизнью торжествует
С весной воскресшая земля.

1914

«Я шел один дорогой пыльной...»

Я шел один дорогой пыльной...
День на закате умирал,
В последней вспышке луч бессильный
На темных тучах догорал.

Вставал туман с сырой низины
И полз над нивами к реке,
И придорожные осины
Дрожали в страхе и тоске.

И было странно так, что мнилось
Как будто неба полумгла
Какой-то тайною томилась,
Но эту тайну берегла.

1914

«Не унывайте же, друзья...»

Не унывайте же, друзья,
Глядите в будущее смело;
Мы победим, уверен я:
Мы бьемся за святое дело.

Враги сильны, но не пробить
Им никогда наш щит железный;
Все их усилья бесполезны,
Россию им не победить.

И – пусть ужасны дни войны —
В разгром врагов мы будем верить:
Они уже истомлены,
А нашей силы не измерить!

*1915 г. 3 января. Суббота.
Москва*

«Когда над нашею страною...»

Когда над нашею страною
Жестокий враг занес свой меч,
Чтоб окровавленной рукою
Ее разграбить и зажечь, —

Мы поднялись на битву смело,
И взмахом русского штыка
Назад далеко отлетела
Тевтона дерзкая рука.

Теперь наш меч как Божья кара
Висит над ними, и у них
Едва ли хватит сил таких,
Чтоб защититься от удара.

*1915 г. 5 января. Понедельник.
Москва*

«В ясный день пробужденья природы...»

В ясный день пробужденья природы,
Когда солнце теплом поцелуя
Взбудоражит весенние воды
И они разольются, ликуя,

И с утра будет даль бирюзовой,
И со снегом исчезнет дремота,
И оденутся зеленью новой
И леса, и луга, и болота, —

Сердце молвит мне тихо: «Воскресни,
И без всякого предубежденья
В легких строфах лирической песни
Прославляй красоту возрожденья!..»

*<12 января 1915 г. Понедельник.
Москва>*

«Как ласково небо закатное...»

Как ласково небо закатное
Весеннего вечера;
Дыханье берез ароматное
Проносится в воздухе.

Ни звука, ни вздоха над нивами,
Как будто все вымерло;
Дорога уходит извивами
К румяному западу.

И вместе с природою сонною
Мечтами овеванный,
Иду я межою зеленою
В вечернем безмолвии.

И мне вспоминается нежная
Любовь моя первая,
А на сердце грусть неизбежная
И тихая ласковость...

<14 января 1915 г. Среда.

Москва>

«Безотрадной осенней порою...»

Безотрадной осенней порою,
Когда плакал сентябрь листопадом,
Улыбнулося небо зарею
Над смертельно-простуженным садом.

И от этой улыбки участья
Оживившись, в согласии дружном
Листья лип для минутного счастья
Загорелись румянцем недужным.

И почуяв, что век его прожит,
Сад окутанный дремою зыбкой
Упивался, последней быть может,
Заревой золотистой улыбкой.

*<20 января 1915 г. Вторник.
Москва>*

Письмо из лазарета («Дорогие мои, извините...»)

Дорогие мои, извините,
Что давно не писал вам, тревожить
Не хотел без причины, поймите,
Вот, все думал, поправлюсь, быть может.

Я был ранен, сказали – опасно,
И лежу шесть недель в лазарете;
Но теперь уж надежда напрасна,
Не жилец я, как видно на свете.

Помню, были ненастье и холод,
Мы весь день просидели в бараке,
И под вечер, во время атаки
Я ударом штыка был проколот.

Но сейчас, умирая, поверьте,
Я душой совершенно спокоен,
Я был родине верен до смерти
И сражался как доблестный воин.

Обо мне, я молю, не грустите,
Ведь и так у вас горя довольно...
Ослабела рука... сердцу больно...

Дорогие... прощайте... простите...

1915 г. 26 января. Понедельник.

Москва

На поле боя («Туман окутал поле боя...»)

Туман окутал поле боя,
Ночь прилегла на грудь земли,
И звезды — вестники покоя —
Свои светильники зажгли.

И под покровом влажной ночи,
В глубокий сон погружены,
Лежат, смежив навеки очи,
Отчизны верные сыны.

Весна баюкает их сказкой,
Благоухают им цветы,
И ветер освежает лаской
Их утомленные черты.

Когда же ясен и спокоен
Затеplit день востока нить, —
Сойдет с небес крылатый воин,
Чтоб павших сон благословить.

*1915 г. 27 января. Вторник.
Москва*

«Мы уснули... нам снится мучительный сон...»

Мы уснули... нам снится мучительный сон;
Затоптав сапогами скрижали любви
И о Боге забыв, кровожадный тевтон
Хочет мир потопить в неповинной крови.

Но растают виденья тяжелого сна,
Смолкнет гул канонады над лесом штыков,
И вздохнет полной грудью родная страна,
Навсегда сокрушив мощь надменных врагов.

И прорвавшись сквозь груду нахмуренных туч,
Еще ярче над ней после грома войны,
Заблестит золотой ослепительный луч
Вечной славы и мирной святой тишины.

*1915 г. 29 января. Четверг.
Москва*

«Ты так нежно прильнула ко мне...»

Ты так нежно прильнула ко мне...
И земная ты вся и небесная...
Я дрожу, я горю как в огне,
Ах, сейчас к новой жизни воскресну я!

Я в твои погружаюсь глаза,
Они тайной любви затуманены;
Нас одна всколыхнула гроза
И одною стрелою мы ранены.

Тело жаждет и просит тебя,
Сердце бьется с мучительной силою,
Я томлюсь, я сгораю, любя...
Дорогая!.. Желанная!.. Милая!..

*1915 г. 9 февраля. Понедельник.
Москва*

России («Многострадальная страна...»)

Многострадальная страна,
Любвеобильная Россия,
Твоя могучая стихия
До глубины возмущена.

Сгустились тучи над тобой
И гром войны нежданно грянул,
Но дружно твой народ воспрянул
Врагами вызванный на бой.

И помня битву под Полтавой
И Куликовскую страду,
Он сокрушит в борьбе кровавой
Культурных варваров орду.

И будет время – в диком страхе,
В столице вражеской страны,
К твоим ногам падет во прахе
Безумец, жаждавший войны.

*1915 г. 13 февраля. Пятница.
Москва*

«Помню миг расставанья с тобою, мой друг!..»

Помню миг расставанья с тобою, мой друг!..
Ты пришла проводить в путь далекий меня,
И в глазах твоих ясных светился испуг,
Словно темная туча в сиянии дня.

Ах, еще никогда мне твоя красота
Не казалась милей, чем в тот памятный миг...
Ты глубоко дышала, дрожали уста
И слегка побледнел от волненья твой лик.

И прощаясь, быть может навек, нежный взор
Мне мгновенною лаской без слов рассказал
То, что было несбыточным сном до сих пор,
То, о чем я так долго, так страстно мечтал.

И в разгаре сраженья под жарким огнем,
И больным в тишине лазаретных палат,
Я не раз вспоминал и средь ночи и днем
Этот милый, так много сказавший мне взгляд...

1915 г. 17 февраля. Вторник.

Москва

«Сраженный пулей роковой...»

Сраженный пулей роковой,
Я умирал на поле битвы,
И надо мною ангел мой
Творил последние молитвы.

Чуть жизнь во мне еще цвела...
Сквозь полусомкнутые вежды
Я видел белых два крыла
И серебристые одежды.

Но я не сожалел себя,
Я пал за праведное дело,
И лишь, родная, за тебя
Душа томилась и болела.

Я знал, что ты должна страдать,
Что будет жизнь тебе лишь мукой,
И мне хотелось увидеть
Тебя пред долгою разлукой.

И осенил архистратиг
Меня крылом и, умирая,
Я увидал в последний миг
Твои черты в посланце рая.

1915 г. 24 февраля. Вторник.

Москва

Христос воскрес!.. («Над лесом птичьи голоса...»)

Над лесом птичьи голоса
Апрельским утром прозвучали:
«Христос Воскрес!.. Прошли печали!..»
И просветлели небеса.

И звонкий птичий возглас лес
С весенней искренностью встретил,
И с шумом радостным ответил:
«Христос Воистину Воскрес!..»

Услышал ветер молодой,
Поверил благостному чуду
И эту весть разнес повсюду
И над землей и над водой.

И от сияющих небес
До недр земли многострадальной
Раздался дружно гимн пасхальный:
«Христос Воскрес!.. Христос Воскрес!..»

*1915 г. 25 февраля. Среда.
Москва*

Мухоморы в рассоле («Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..»)

Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..
Пять копеек десяток, три копейки пяток!..
Это едко без перца, это вкусно без соли,
Это кровь будоражит как горячий шесток!..

Покупайте и ешьте их без нытья и укора,
И девица, и женщина, и юнец, и старик;
В вашем сердце потемчатом поразительно-скоро
Запоет баритоном ослепительный миг.

И смакуя изысканно, вы как рюмкой портвейна
Их запейте немедленно кубком наших поэз,
И вам будет восторженно, солнечно и легковейно
Точно в душу вам полночью кто-то лапчатый влез.

Ваша кровь заплескается как мечта в ореоле,
Ваше сердце распарится как в котле кипятка!
Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..
Пять копеек десяток, три копейки пяток!..

1915 г. 2 марта. Понедельник.

Москва

«Вдали от неба голубого...»

Вдали от неба голубого,
Где блещут вечные огни,
Влачу в бездействии я снова
Свои безрадостные дни.

Томлюсь нездешнею тоскою
И в лихорадочном бреду
Изнемогающей душою
От жизни милостей не жду.

Ах, если б можно было птицей
В далекий край умчаться мне,
Иль ослепительной зарницей
Блеснуть в лазурной вышине.

1915 г. 5 марта. Четверг.

Москва

На взятие Перемышля («Ликуйте русские сердца...»)

Ликуйте русские сердца:
Твердыни Перемышля пали,
И лавры нового венца
Героев наших увенчали.

Не устоял бескрылый враг
Перед орлиным русским взлетом,
И бело-сине-красный флаг
Взвился над вражеским оплотом.

И ослепленная страна,
Что целый мир зажгла пожаром,
Теперь до недр потрясена
Всесокрушающим ударом.

Огни победного конца
Сильней и ближе замерцали...
Ликуйте русские сердца:
Твердыни Перемышля пали!

*1915 г. 10 марта. Вторник.
Москва*

Под осень («Как грустен старый парк под осень...»)

Как грустен старый парк под осень
На склоне августовских дней:
Безжизненная неба просинь
Как будто стала зеленой.

Спокойный пруд затянут тиной,
В беседке – тишь, скамьи пусты,
И шелковистой паутиной
Кой-где опутаны кусты.

Но в тишине природы сонной,
Под сенью блекнувших аллей,
С душой любовью окрыленной
В уединении милей,

Когда закат зажжется алый,
Себя в былое заманить,
И размотать мечтой усталой
Воспоминаний сладких нить.

*<12 марта 1915 г. Четверг.
Москва>*

«И даль в опаловом тумане...»

И даль в опаловом тумане,
И звон протяжный колокольный,
И облаков сквозные ткани,
И рыхлый снег, и ветер вольный,

И пробужденные березы,
И встрепенувшиеся воды,
И бриллиантовые слезы,
От счастья плачущей природы, —

Все сердце радует и нежит
И согревает мыслью сладкой,
Что для него опять забрезжит
Неугасимую лампадкой

Навстречу первым вешним грезам
И зеленеющим побегам,
Все, что в нем сковано морозом
И обесчувствовано снегом.

1915 г. 25 марта. Среда.

Москва

Междупланетная трагедия («Это было в пучинах пространства...») Поэза об ананасе

Это было в пучинах пространства,
Где нет грязных шоссейных дорог,
Где луна побледнела от пьянства
Как прокисший в июле творог.

На порхающем автомобиле,
Распростившись с землей навсегда,
Мы с тобой комфортабельно плыли
Неизвестно зачем и куда.

Я одет был изысканно-модно
В голубой элегантный сюртук,
И мне было нездешне-свободно
Без земных наутюженных брюк.

Ты была в ожасминенном платье
В сорок раз импозантней себя,
И от страсти не мог не стонать я,
То и дело сюртук беребя.

Рядом с нами кружились кометы
И хвостами царапали нас;
Ты жевала свиные котлеты,
Я же с жадностью ел ананас.

Вдруг мое гениальное сердце
Задрожало как по-ветру лист,
Я заметил, что ешь ты без перца
И от этого стал серебрист.

И мне сделалось мокро как-будто
На меня опрокинули Нил,
И ногой, что была необута,
Я – увы! – ананас уронил.

И теперь ничему я не внимлю,
Потому что в бездарный тот час
Нам пришлось возвратиться на землю,
Чтобы здесь отыскать ананас.

1915 г. 4 апреля. Суббота.

Москва

«Я шел среди полей безбрежных...»

Я шел среди полей безбрежных
И утомленный в рожь прилег,
И надо мной на крыльях нежных
Кружился резвый мотылек.

Жара спадала... Было тихо...
И за проселком вдоль межи
Еще незрелая гречиха
Почти касалась спелой ржи.

Алела даль где солнце скрылось,
Метнув лучами в облака,
И сердце ровно-ровно билось,
И мысль была легка-легка.

Хотелось все сомненья бросив,
В прозрачном воздухе тайком,
Порхать над золотом колосьев
За легкокрылым мотыльком.

*<16 апреля 1915 г. Четверг.
Москва>*

«Я люблю в тихий полдень под осень...»

Я люблю замирание эхо...
И. Анненский

Я люблю в тихий полдень под осень
Облетающих листьев игру,
Я люблю гул нахмуренных сосен
Перед бурей в столетнем бору.

Бирюзовую полночью мая —
В бледном небе алмазную дрожь,
И люблю, когда ветер, играя,
Всколыхнет задремавшую рожь.

Я люблю розоватые зори, —
Сад из яблонь в весеннем цвету,
Я люблю томность в девичьем взоре
И везде и во всем — красоту.

*<9 мая 1915 г. Суббота.
Москва>*

Это было на даче... («Это было на даче, где густая рябина...»)

Это было у моря, где ажурная пена...
Игорь Северянин

Это было на даче, где густая рябина,
Где сквозь щели стенные продувает сквозняк,
На террасе играли в карты два господина,
Из которых один шулер был наверняка.

Было все очень тихо, было все очень мило,
Но один передернул, а другой увидал,
И ладонь его метко в самый раз угодила
По ланите партнера и поднялся скандал.

А потом подрались, подрались свирепо,
До прихода полиции дрались они...
Это было на даче, где оранжева репа,
Где густая рябина и торчащие пни.

1915 г. 27 мая. Среда.
Москва

Поэза о самом себе («Я вездесущ... Весь век свой странствую...»)

Я вездесущ... Весь век свой странствую,
То по земле блуждаю, то
Лечу в небесное пространство я
На монопланенном авто.

Там у меня свиданье с Маней в шесть
От Марса с правой стороны,
Где кокаином одурманившись
Юпитер дрыхнет у Луны.

Пойду куплю конфет для Мани я,
Чтобы ее напичкать всласть,
Но впрочем вряд ли на свидание
Удастся нынче мне попасть.

Моя душа смертельно ранена:
Ее лягнул клешнею рак,
А вы читайте Северянина,
Кто не читает, тот – дурак!

1915 г. 28 мая. Четверг.

Москва

Осенний сонет («Осенний день прозрачен как хрусталь...»)

Осенний день прозрачен как хрусталь;
Зацветший пруд покрылся вязкой тиной,
И облака, раскрыв свой веер длинный,
Сквозят на свет как белая вуаль.

В просвет ветвей синеет мягко даль,
Пленяя сердце сладкою кручиной;
Печален лес пред близкою кончиной,
Ему промчавшегося лета жаль.

Как хорошо в разгаре листопада,
В безмолвии зардевшегося сада,
Сбирать в букет опавшие листья,

И созерцая в красках увяданья
Очарованье поздней красоты,
Всласть упиваться грустью без страданья.

*<30 мая 1915 г. Суббота.
Москва>*

Вечерняя рондель («Зари вечерней полоса...»)

Зари вечерней полоса
Лилово-палевого цвета;
Земли дыханием согрета,
Мелькает в воздухе оса.
Луга, дорога и леса,
Все – синим сумраком одето.
Зари вечерней полоса
Лилово-палевого цвета.
Звучат за речкой голоса
И замирают без ответа,
И пышно гаснет в нимбах света,
Темня с востока небеса,
Зари вечерней полоса.

*<8 июня 1915 г. Понедельник.
Москва>*

Послание из Малаховки («К Вам в Белосток...»)

Е. В. Шаломытову

К Вам в Белосток
Я шлю листок
Малаховской березы,
И пусть он там
Расскажет Вам
Мои мечты и грезы.

Пишу в стихах,
Хоть тайный страх
Меня томит и гложет:
Вдруг Вы с тоской,
Махнув рукой,
Воскликнете быть может:

— «Ах, милый друг,
Перо из рук
Навек бросай скорее;
Под счет «раз-два!»
Руби дрова
И будь вперед умнее!...»

Но, может быть,
Такая прыть
В душе у Вас воспрянет,
Что на весь дом,
Как в небе гром,
Ваш тихий голос грянет:

— «Друг Николай,
Ты воспевай
Красу душистых маев,
Пиши, пиши,
В ночной тиши,
Когда все спят, Минаев!..»

*1915 г. 10 июля. Пятница.
Малаховка*

В день годовщины («В день годовщины, как и прежде...»)

В день годовщины, как и прежде
В час объявления войны,
Мы так же в пламенной надежде,
Мы так же бодры и сильны.

Хоть не однажды неудачам
Пришлось тревожить нам сердца,
Но мы встречали их не плачем,
А верой в торжество конца.

Пусть враг в озлобленном бессильи
Уничтожает все кругом,
Не раздавить ему России
Своим железным сапогом!

*1915 г. 19 июля. Воскресенье.
Малаховка*

Апрельский день («Апрельский день лучист и светел...»)

Апрельский день лучист и светел,
Стремглав ручьи бегут, журча;
Вчера я в первый раз заметил
В саду на дереве грача.

Восходит пар от мокрой крыши
И с рыхлых стаявших полей,
И солнце с каждым днем все выше
И прогревает веселей.

Пускай еще в сыром овраге
Лежат последние снега,
Как клочья вымокшей бумаги,
Борьба их с солнцем не долга.

Все, что корою ледяною
Сковал безжалостный мороз,
Пробуждено от сна весною
И новой жизнью налилось.

И сердце ноет сладкой болью,
И напролет весь долгий день
Зовет к широкому раздолью

В глушь живописных деревень.

<9 ноября 1915 г. Понедельник.

Москва>

И. П. Сидорову («Пожелаю я Вам всей душой...») Из письма

Пожелаю я Вам всей душой
Процветанья в строительном деле,
И чтоб дали Вам отпуск большой
На четыре бы целых недели.
Чтоб судьбе своенравной назло
Вы бы стали ужасно богаты,
Чтоб Вам в жизни чертовски везло,
И чтоб Вас не забрали в солдаты!

*1916 г. 7 января. Четверг.
Москва*

Бабочка («Сильно и смело...»)

Сильно и смело
Бабочка бьется о стекла;
Больно ей тело,
Краска на крыльях поблекла.

Тщетны усилия
Бабочки с грудью атласной,
Слабые крылья
Бьются о стекла напрасно.

С этою силой
К воле она не пробьется...
Бабочке милой
Лишь умереть остается.

*<15 января 1916 г. Пятница.
Москва>*

«День неприветлив и короток...»

День неприветлив и короток,
И дует от оконных рам,
И на карнизах и воротах
Сверкает иней по утрам.

Дрожат общипанные ветки,
Больны предчувствием беды,
И на дорожке у беседки
Водой наполнены следы.

И редко солнца луч проглянет
В просвет сквозь тучи на заре;
Все близкой смерти ждет и вянет
В бесцветно-мутном октябре.

Дождем и гнилью пахнет воздух,
И резко сквозь сырую мглу
Мерцает небо в крупных звездах
С Большой Медведицей в углу.

*<20 января 1916 г. Среда.
Москва>*

Подснежник («Лишь весны благодатная нега...»)

Лишь весны благодатная нега
Разнесет над землей свой привет,
Из-под слоя последнего снега
Взглянет первый подснежник на свет.

Где-нибудь на пригорке укромном,
Словно робко скрываясь от глаз,
Он появится вестником скромным
Доброй вестью порадовать нас.

И его увидав мы уж знаем,
Что весна к нам направила путь,
И что вместе с пленительным маем
Сладко будет и нам отдохнуть.

*<17 февраля 1916 г. Среда.
Москва>*

«Уже сияет солнце ярко...»

Уже сияет солнце ярко
И в полдень звонко каплет с крыш,
А в вековых аллеях парка
Еще весны не различишь.

Но близок день ее прихода,
Всего неделя – две, и вот
Очнувшись чуткая природа
Гимн возрожденья запоет.

С безумной жаждою простора
С крутых пригорков на поля
Ручьи помчатся скоро-скоро,
Журчаньем слух развеселя.

И март беспечный птичьей трелью,
Перед своим уходом в день,
Промолвит кроткому апрелю:
«Природу в зелень ты одень!..»

И брату старшему внимая,
Апрель деревьям даст листы,
Чтобы встретить день рожденья мая
И мой в цветеньи красоты.

<12 марта 1916 г. Суббота.

Москва>

«В синем небе на солнце жемчужится...»

В синем небе на солнце жемчужится
Облаков шелковистая пена,
И сверкает как зеркало лужица
Глубиной воробьям по колено.

В стороне от дороги проселочной,
Где не ходит никто уже сухо,
И с жужжаньем над веткою елочной
Закружилась веселая муха.

В теплом воздухе сладость весенняя,
Запах свежести, влаги и прели,
И душа дождалась воскресения
Вместе с каждой былинкой в апреле.

*<15 марта 1916 г. Вторник.
Москва>*

Весна в Зубцове («Вот уж март... над зимою смеясь...»)

Из письма Е. В. Шаломытову

Вот уж март... над зимою смеясь,
Солнце в полдень печет понемногу;
Непролазная липкая грязь
Превратила в болото дорогу.

Полоскается в луже свинья
И четыре ее поросенка;
Воробьев развеселых семья
На заборе чирикает звонко.

Роясь в куче навоза, петух
Закричит неестественно дико,
И затем напрягая свой слух
Ждет такого же дикого крика.

Моет баба белье у ворот
И клянет свою горькую долю,
И широко разинув свой рот
Скачет мальчик на палке по полю...

1916 г. 2 апреля. Суббота.

Москва

Майским утром («Майский солнечный день...»)

Майский солнечный день...
Все кругом расцвело;
Распустилась сирень
И стучится в стекло: —

«Пробудись!.. Полно спать,
Звукам утра внимай,
Посмотри-ка: опять
К нам пришел юный май!

Год природа ждала
Этих радостных дней,
Им она отдала
Все, что было у ней:

И свою красоту
И свой вешний расцвет;
Посмотри, все в цвету,
Все — улыбка и свет.

Счастья близкого жди:
Ясным пламенем вновь
В просветленной груди

Загорится любовь.

Все теперь нипочем,
Все возможно: ведь – май!
Не грусти ни о чем
И скорее вставай!...»

*<29 апреля 1916 г. Пятница.
Москва>*

Памяти К. М. Фофанова («В расцвете радостного мая...»)

В расцвете радостного мая,
Когда так жадно дышит грудь,
Земли дыханье принимая,
Окончил ты свой трудный путь.

И пусть весна к твоей могиле
Пять раз прокладывала след,
Но мы тебя не разлюбили
И не забыли, наш поэт.

Бессильна черствой жизни плесень
Коснуться светлой красоты
Тех вешних грез, тех летних песен,
Что соловьем пропел нам ты.

Они своей певучей силой
Нас греют в холоде и мгле...
Спокойно спи, поэт наш милый,
Ты много сделал на земле!

<17 мая 1916 г. Вторник>

«Счастье какое увидеться снова...»

Счастье какое увидеться снова,
После разлуки друг друга обнять,
Сердцем взволнованным сердца родного
Радостный трепет почуять опять.

Взором тонуть в затуманенном взоре,
Видеть черты дорогого лица,
Сразу забыть все тревоги, все горе
И целовать-целовать без конца.

В сердце израненном острой тоскою
Только сияние, только любовь...
Неизъяснимое счастье какое
После разлуки увидеться вновь!

*<15 июня 1916 г. Среда.
Магино, Моск. губ.>*

Женя и Дора («Женя пишет сонату и скерцо...») Отрывки из дневника беспристрастного наблюдателя

Из письма Е. П. Павлову

20 июня.

Женя пишет сонату и скерцо,
Четверть суток сидит за роялем;
Дора с тайной печалью на сердце
Бродит взором по облачным далям.

21 июня.

Женя пишет, пишет, пишет,
Он кончает акт балета;
Дождь пошел, он и не слышит,
Наплевать ему на это.

А Доре беспричинно больно,
Она вздыхает и грустит,
И очень-очень недовольна,
Что дождь по веткам шелестит...

22 июня.

Женя снова пишет и играет,
Над бумагой наклонив свой профиль;
Дора снова сумрачно вздыхает
И от скуки кушает картофель.

23 июня.

Женя кончил скерцо и балет,
Нынче он одной сонатой занят;
Доры же сегодня дома нет: —
Женю за душу никто не тянет...

И так далее до конца лета.

1916 г. 4 июля. Понедельник.

Магино, Моск. губ.

«Я спокоен как в юности вновь!..»

Я спокоен как в юности вновь!..
Меня больше ничто не тревожит;
В моем раненом сердце любовь
Умерла и воскреснуть не может.

Все, что было, не будет опять,
Что прошло – не появится снова,
А любить лишь затем, чтоб страдать
Слишком трудно для сердца больного.

Буду жить никого не любя,
Без тревог и ненужных страданий,
Но порой вспоминая тебя,
Может быть, не сдержу я рыданий.

*1916 г. 18 июля. Понедельник.
Магино, Моск. губ.*

Е. В. Шаломытову («Когда вечера лучезарны и долги...»)

Из письма

Когда вечера лучезарны и долги
И небо в сиянии,
Неплохо поплавать на лодке по Волге
В приличной компании.

Небрежно букет васильков бросить в воду
Пусть гонит волна его,
Сказать что-нибудь про луну и погоду
И вспомнить Минаева.

*1916 г. 23 июля. Суббота.
Магино, Мос. губ.*

«Октябрь... Туманно и дождливо...»

Октябрь... Туманно и дождливо;
В изнемогающем саду
Деревья голые в бреду
Друг к другу жмутся сиротливо.

Угрюмо каркает ворона —
Вещунья смерти и греха,
И ветер мечет разъяренно
Намокших листьев вороха.

И больно видеть из окошка,
К нему случайно подойдя,
Как расплывается дорожка
От бесконечного дождя.

Как все казавшееся милым
И летом тешившее глаз,
Ему является сейчас
Таким беспомощным и хилым.

Душа к отчаянью близка
Ненастный день ее тревожит
И озлобленно сердце гложет —

Как червь созревший плод – тоска.

<4 октября 1916 г. Вторник.

Москва>

«К нам снова возвратилась...»

К нам снова возвратилась
Желанная весна,
Природа пробудилась
От длительного сна.

В дыханьи ветра нега,
Он бодростью живит
Нигде не видно снега,
На всем весенний вид.

Молоденькою травкой
Украсились поля,
Извилистой канавкой
Ручей бежит, бурля.

Навстречу вешним зовам
Воскреснувшей земли,
Под небом бирюзовым
Заряели шмели.

А бабочки над лугом,
Как яблонь лепестки,
Порхают друг над другом
Нарядны и легки.

И вновь душа смеется,
И пышет жар в крови,
И сильно сердце бьется
Предчувствием любви.

*1916 г. 19 октября. Среда.
Москва*

Узоры мороза («На стеклах узоры мороза...»)

На стеклах узоры мороза:
Вот добрая фея, вот гномик,
Вот ветка сирени, вот роза,
А вот заколдованный домик.

На стеклах промерзнувших окон
Зимою мне радуют взоры
Из снежных и ледяных волокон
Седого мороза узоры.

*1916 г. 28 ноября. Понедельник.
Москва*

«Омытая дождем природа ликовала...»

Омытая дождем природа ликовала,
Приветливо смотрел веселый майский день
Кружились бабочки и чуть благоухала
Едва расцветшая лиловая сирень.

Сырые яблони белели как от снега,
В алмазах дождевых блестели тополя,
И теплый ветерок откуда-то с разбега
Вдруг налетал на них и брызгался, шая.

Я аромат вдыхал и слушал птичьи трели,
Я наблюдал весну в расцвете красоты,
И сел случайно там, где мы с тобой сидели,
Где о своей любви поведала мне ты.

И вспомнил я твой взор спокойный и глубокий,
Твой милый юный смех, что радовал, звеня,
И в тот же самый миг природы жизнь далекой,
Неполной и чужой вдруг стала для меня.

*<13 декабря 1916 г. Вторник.
Москва>*

«Неуютно и грустно в саду помертвелом...»

Неуютно и грустно в саду помертвелом,
Он почти обнажился и к смерти готов;
На размокшей дорожке пластом перепрелым
В беспорядке лежат груды ржавых листов.

Опустели скамейки в заповедной аллее
И в плетеной беседке смех веселый замолк,
И рассерженный ветер с каждым часом смелее
Рвет последние листья, завывая как волк.

В неприветливом небе ни луча, ни просвета,
Мелкий дождь как туманная серая сеть,
И не веришь, что будет когда-нибудь лето,
Что не вечно туман будет в небе висеть.

Весенний сонет («Весна близка!.. Весна, весна идет!..»)

Весна близка!.. Весна, весна идет!..
Кричат грачи по сонным перелескам,
И в воздухе еще немного резком
Уже весны дыхание плывет.

К полудню солнце на припеке жжет,
Слепя глаза невыносимым блеском,
И по реке, ломаясь с гулким треском,
Вчера проплыл с верховья первый лед.

В бездонном небе шаловливый ветер
Кудрявые гоняет облака,
Купая их в дневном безгрешном свете;

Душа ясна и мысль опять легка,
И счастлив я как маленькие дети,
Что, наконец, весна уже близка.

«Золотистые блики заката...»

Золотистые блики заката
Листья рдеющих кленов зажгли...
Как пожаром аллея объята
Золотыми лучами заката;
Облака словно взбитая вата
На вершинах деревьев легли...
Золотистые блики заката
Листья рдеющих кленов зажгли...

*1917 г. 15 февраля. Среда.
Москва*

И. П. Сидорову

И. П. Сидорову

1. Слезное моление («Протяните нам братскую руку...»)

Протяните нам братскую руку,
Не оставьте просящей руки:
Без муки терпим адскую муку,
Высылайте скорее муки!..

*1917 г. 16 февраля. Четверг.
Москва*

2. Дружеский совет («Я даю Вам последний совет...»)

Я даю Вам полезный совет:
Пробудившись от сна спозаранку,
На вокзале купите билет
И катите в Москву на Землянку!

1917 г. 2 мая. Вторник.

Москва

И. П. Сидорову («Когда ем блинчики верченые...»)

И. П. Сидорову

Когда ем блинчики верченые,
Оладьи или пирожки,
И вообще все испеченное
Из Вами присланной муки,

Тогда в мечтах встают и долго
Не покидают головы,
И Нижний Новгород и Волга
И, друг Иван Петрович, Вы!..

*1917 г. 6 марта. Понедельник.
Москва*

«Прощанье августа – а заодно и лета...»

Прощанье августа – а заодно и лета —
Неторопливая и милая пора;
Весь день еще тепло, весь день земля пригрета,
Но не по летнему прохладны вечера.

Оранжевой листвой усыпаны дорожки
И запах тления сильнее с каждым днем,
Газон помят детьми, их маленькие ножки
Нечеткие следы оставили на нем.

Покинутый балкон затянут паутиной
И с шатких ступеней листья не сметены,
И серебристый шар торчавший над картиной
Куда-то унесен до будущей весны.

Как будто в полусне безмолвствует природа,
Покой и тишина под просинью густой,
И в сердце тишина, в такое время года
Ему не по пути с шумливой суетой.

*1917 г. 2 мая. Вторник.
Москва*

«Что такое счастье?.. Это неизвестно...»

Что такое счастье?.. Это неизвестно...
Счастье мимолетно словно мотылек,
Каждый знает только, что оно чудесно,
И что путь ко многим для него далек.

Что такое горе?.. Это знает каждый...
Горе это раны сердца от потерь,
Это то, что в жизни будет не однажды,
Это перед счастьем запертая дверь!..

1917 г. 16 мая. Вторник.

Москва

«Солнце беспощадно жжет весь день с утра...»

Солнце беспощадно жжет весь день с утра...
Раскаленный воздух недвижим и сух;
Колосится рожь, приятна ей жара,
И над нею вьются стаи сонных мух.

Изредка вдруг ветер ниву всколыхнет,
Но через мгновенье снова тишь и гладь,
Иногда в колосьях василек мелькнет
И средь ржи сейчас же спрячется опять.

В небе неподвижно виснут облака,
Словно белоснежный скомканный атлас,
И вдали сверкает зеркалом река,
Отраженьем солнца ослепляя глаз.

*1 июня 1917 г. Четверг.
Москва*

«Ты ушла от меня навсегда...»

Ты ушла от меня навсегда,
Ты теперь будешь жить для другого...
И пройдут за годами года,
А тебя не увижу я снова.

И пройдут за годами года,
Но душа не привыкнет к разлуке,
Она будет такой и тогда:
Изнемогшей от горя и муки.

Она будет такой и тогда:
Безутешной, смертельно-больною...
Ты ушла от меня навсегда,
Я не знаю, что станет со мною!..

*<8 июня 1917 г. Четверг.
Москва>*

Довольно! («Довольно лживых обещаний...»)

Тому, в ком совесть не мертва.

Довольно лживых обещаний,
Противных здравому уму,
И бестолковых совещаний
Не приводящих ни к чему!

Довольно нудных разговоров
И барабанных громких фраз,
Партийных дрызг, нелепых споров —
Всего позорящего нас!

Смешно болтать по-детски что-то
Когда вся родина в огне,
Когда лишь дружная работа
Поможет гибнущей стране.

Когда от ран изнемогая,
Во прах повержена врагом,
Она лежит едва живая
Под беспощадным сапогом.

И в эти дни разрухи грозной,

Тому, в ком совесть не мертва,
Пора забыть – пока не поздно —
Пустые бредни и слова!..

*1917 г. 25 сентября. Понедельник.
Москва*

Из дневника («Опять зима... Опять снега...»)

Опять зима... Опять снега
Укрыли землю белой шалью,
Опять душа больна печалью
И ночь томительно-долга.

Трещит пылающий камин
И сидя перед ним уныло,
Я вспоминаю все, что было
И почему теперь один.

Вчера, еще до темноты,
Ты собралась идти куда-то,
Я знал, что ты не виновата,
Что не вернешься больше ты.

Я сам хотел сказать: «Прости!...»
Я сам считал себя неправым,
Но с равнодушием лукавым
Я допустил тебя уйти.

И нервно муфту теребя,
Ты ожидала только слова,
Но я безмолвствовал сурово,

А нынче плачу без тебя.

В углу шуршит бумагоймышь,
Часы стучат однообразно,
И жду я, может быть напрасно,
Что ты вернешься и простишь...

<14 декабря 1917 г. Четверг.

Москва>

«Необозримые поля...»

Необозримые поля...

Ширь без границ, простор без края...

Вдали плетется воз, пыля,

И тлеет запад, догорая.

Торчит чахоточный овес,

На взгляд убог, на ощупь колок,

И грубые следы колес

Обезобразили проселок.

Томится группа тощих ив,

Склонясь к воде зеленоватой,

И клочья облаков, застыв,

Висят растрепанною ватой.

Какая грусть!.. Какая тишь!..

Но сердце грусти этой радо,

Его ничем не возмутишь

И ничего ему не надо...

1917

В сумерках («Весенние синие сумерки...»)

Весенние синие сумерки
Долину окутали флером;
В зените блестящими точками
Заискрились первые звезды.

В ложине, в цветущем кустарнике
Запел кто-то грустную песню,
И в тихом безветренном воздухе
Далеко разносится голос.

Ракита как будто задумавшись
Склонилась над самым обрывом,
На фоне зари догорающей
Рисуется каждая ветка.

Душистая свежесть вечерняя
Вливается в грудь, а на сердце
Тревожно, но все-таки радостно,
Как только бывает весною...

С Новым годом («С Новым годом поздравляю...»)

В. Н.

С Новым годом поздравляю,
Шлю восторженный привет,
Счастья полного желаю
И здоровья на сто лет.

Обнимаю с пылкой силой
И затем раз больше ста
У моей целую милой
Щечки, ручки и уста.

И молю я, чтоб была ты
Вечно ласкова ко мне,
И уж если виновата
Сознавалась бы в вине.

Чтоб все горести забыла,
А сильнее всего молю,
Чтобы ты меня любила
Так, как я тебя люблю!

1918 г. 1 января. Понедельник.

Москва

«Положив на колени цветы...»

Положив на колени цветы
И коснувшись губами бокала,
«С новым счастьем!..» шепнула мне ты
И глазами меня приласкала.

Я тогда промолчал, а сейчас
Я скажу: Пусть неожиданным ударом
Жизнь во всем обновится для нас,
Только счастье оставит нам старым.

Счастья нового ты не зови,
Вряд ли будет оно безмятежней:
Наше счастье лишь в нашей любви,
А любовь пусть останется прежней!..

*<2 января 1918 г. Вторник.
Москва>*

«Помнишь вечер розовый?..»

Помнишь вечер розовый?
Гас закат вдали,
Рощицей березовой
Мы с тобой шли.

Помнишь, сели рядом мы
На прогнивший пенё,
Провожая взглядами
Уходящий день?

С поля пахло сладостно
Скошенной травой,
И по-детски радостно
Было нам с тобой.

Ласкою стыдливою
Твой светился взгляд...
А когда, счастливые,
Мы пошли назад

В рощице березовой
Гас последний свет...
Помнишь вечер розовый,
Помнишь или нет?!

*<11 января 1918 г. Четверг.
Москва>*

«В прозрачных сумерках весною...»

В прозрачных сумерках весною,
Когда душа во власти грез,
Я ехал просекой лесною
Среди задумчивых берез.
Цвела зеленая завеса
И на закатной стороне,
Сквозь молодую чащу леса
Заря весны светила мне.
Пел соловей свой гимн хвалебный,
Блестел росой неровный путь,
И вместе с воздухом целебный
Бальзам впивала жадно грудь.

1918 г. 12 января. Пятница.

Москва

«Весной задыхаешься в каменном склепе...»

Весной задыхаешься в каменном склепе
Огромного города, сердце полно
Желаньем уйти в пробужденные степи,
Где воздух и солнце пьянят как вино.

Весною небесная глубь бирюзова,
Певучее голос, пленительней смех,
И сердце раскрыто для каждого зова
И отклик ответный находит для всех.

Весною не нужно грядущего с прошлым,
Живешь настоящим мгновеньем дыша,
И пошлое часто не кажется пошлым,
И в глупости видит наивность душа.

Весной в каждой женской улыбке загадка,
И даже у черствых светлее чело,
Весной быть любимым особенно сладко,
А быть одиноким вдвойне тяжело!

*<9 марта 1918 г. Суббота.
Москва>*

«Мы ехали в простой коляске...»

Мы ехали в простой коляске
По чахлым нивам ячменя,
И от усталости и тряски
В глазах мутнело у меня.

Скрипели жалобно колеса
И, догорая, запад гас,
Его лучи ложились косо
И неприветливо на нас.

Ты... но тебе и горя мало:
Поводья выпустив из рук,
Ты как ребенок задремала,
А мне тоскливо стало вдруг.

Поля, и небо, и дорога,
И скрип несмазанных колес,
Все было грустно и убого
И сердце трогало до слез.

*<28 марта 1918 г. Четверг.
Москва>*

«Смотрят сумерки в окна ко мне...»

Смотрят сумерки в окна ко мне...
Волокнистое небо так ало...
Умирают цветы на окне
В беспощадных объятьях бокала.

Робкий ветер почти не дыша,
Запах тополя в комнату вносит,
И в забвении странном душа
Никаких впечатлений не просит.

Ей желанно теперь лишь одно:
Отрешившись от помыслов здешних,
Погрузиться на самое дно
Этих розовых сумерек внешних...

*<5 апреля 1918 г. Пятница.
Москва>*

На даче («Над клумбой вьется мошек рой...»)

Над клумбой вьется мошек рой
И пахнет приторно жасмином,
И запад летнею зарей
Как будто вымазан кармином.

Сойду с террасы в сонный сад,
В гамак прилягу за беседкой,
Где плющ и дикий виноград
Переплелись кудрявой сеткой.

Раздастся шелканье бича
И будет видно мне из сада
Как пыль взметая и мыча,
Пройдет медлительное стадо.

Когда ж померкнет свет дневной
И скроет контуры аллея,
Я знаю, ты придешь за мной,
В потемках блузкою белея.

Ты позовешь меня пить чай
И побежишь ко мне навстречу
И поцелуем невзначай

Я вместо слов тебе отвечу.

<1918 г. 13 апреля. Суббота.

Москва>

«Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...»

Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...
Нет желанья вставать... Утро серо и хмуро...
Тополя, что вчера лишь на солнце блестели,
Стали полунагими и смотрят понуро.

Знаю, выглядит сад наш теперь изнемогшим,
Он с холодным туманом и сыростью дружит,
Ветер грубо и зло по аллеям промокшим
Ворох ржавых лохмотьев швыряет и кружит.

Косо тянутся с неба стеклянные нитки,
Шорох капель по веткам размерен и нуден,
И от самого дома до ветхой калитки
Сад теперь неуютен, уныл и безлюден.

Нет, уж лучше скорее сомкну я ресницы
И еще подремлю и понежусь немножко,
Может быть мне сегодня, как в детстве, приснится,
Что весеннее солнце сияет в окошко.

*<14 апреля 1918 г. Воскресенье.
Москва>*

«Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...»

Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер
сентября...

Парк безмолвен и безлюден, мне никто сейчас не
встретится;

Пламенеющими бликами ранней осени заря

Сквозь завесу хмурых елей на стволах и ветках
светится.

В небе прядями лохматыми разбросались облака,
От лучей загоризонтных зарумяниться им велено,
И, ногою взбудоражено, на песке шуршит слегка
То, что золото сегодня, а недавно было зелено.

Красота природы гаснувшей успокаивает глаз,
Жадно грудь вдыхает сырость горько пахнущую
тлением,

И душа в очаровании молчаливо отдалась

Пробудившимся внезапно пережитым
впечатлениям.

<19 мая 1918 г. Воскресенье.

Москва>

«Я проснулся на заре...»

Я проснулся на заре,
Распахнул окошко в сад;
Небо млело в янтаре
Перед солнечным восходом,
И в окно из цветника
От левкоев аромат,
Вместе с вздохом ветерка
Веял в спальню мимоходом.

Ты, раскинувшись, спала,
Сладко грезила во сне;
Как прелестна ты была
В бледно-розовой сорочке,
Я хотел уже вставать,
Но пришло желанье мне
У тебя поцеловать
Разгоревшиеся щечки.

На мгновенье я затих,
Сон боясь нарушить твой,
И коснулся губ твоих,
Но внезапно ты проснулась,
И увидев вдруг меня
Наклоненным над тобой,

Заодно с светилом дня
Лучезарно улыбнулась...

*1918 г. 20 мая. Понедельник.
Москва*

Импровизация («Ветер ворвался в ресторан «Яр»...»)

Ветер ворвался в ресторан «Яр»
И огрел по-уху обожравшегося буржуя,
И от неожиданности чуть не подавился я,
Мне показалось, что сейчас рожу я.

Подскочил официант и нагло рыгнул,
Обдав меня запахом самогона как закоренелого
врага,
Но я мужественно и мужиковато заорал: «Ну,
Ты, свинья и боров, мне в лицо не рыгай!..»

Он сделав языком кукиш, показал мне кулак,
Я по привычке выразился по матерному;
А у вечера невероятно раздулась скула
И он помочиться направился к ватеру...

*1918 г. 18 июля. Четверг.
Москва*

«Под рдеющим лучом заката...»

Под рдеющим лучом заката,
У запыленного окна,
Душа в тисках тоскою сжата
И горечью уязвлена.

И я давно прошедшим грежу
Невозвратимым вновь живу
И ненасытным взором режу
Бледнеющую синеву.

Там резвый выводок крылатых
Чертит широкую спираль,
И облака в закатных латах
Спешат в загадочную даль.

Широк и светел путь небесный,
В нем нет сомнений и обид,
Тоска не будет ношей крестной
И взор ничто не оскорбит.

И снова в сердце малодушном
Горит желанье горячей
Стать ветра спутником воздушным,
Зарозовевшим от лучей.

<6 августа 1918 г. Понедельник.

Москва>

После ненастья («Как ярок августовский день!...»)

Как ярок августовский день!
Перед крыльцом сверкают лужи,
И за ночь вымокший плетень
Склонился на бок неуклюже.

Глядит помятый клен в окно,
Стучась в обрызганные стекла,
И на террасе плотно
Потяжелело и промокло.

Вчерашний ветер стих, успев
Смести к ступенькам листьев груды
И небо, чуть позеленев,
Подобно стало изумруду.

*<13 августа 1918 г. Вторник.
Москва>*

На встрече Нового года («Желаю всем присутствующим здесь...»)

Желаю всем присутствующим здесь, —
Да сохранят небесные вас духи, —
Изящно год пропрыгать весь,
Не спотыкаясь с голодухи!

1918 г. 31 декабря. Вторник.

Москва

«Возвращенная к жизни теплом животворным...»

Возвращенная к жизни теплом животворным,
Зеленеющим пухом окуталась рощица;
Суетливо чирикая в споре задорном,
Воробьи целый день в светлой луже полощатся.

Благодатное солнце апрельское зорко,
От лучей его в тень ничего не закатится;
В стороне от дороги, на склоне пригорка,
Улыбнулся подснежник в голубеньком платице.

Молодой ветерок освежающ и ровен,
Он приносит с полей запах прели и сырости,
У стены, возле груды напиленных бревен,
Бархатистая травка успела уж вырасти.

Почти сухо повсюду, лишь жирная слякоть
На убогом проселке изрытом копытами,
И от хмеля весеннего хочется плакать
Молодыми слезами давно позабытыми.

«Душа как пленница томится...»

Душа как пленница томится
По неземному необъятному
Ей – изнемогшей – часто снится
Дорога к солнцу незакатному.

Но тщетны робкие усилья,
Стремилась в высь уже не раз она;
У ней подрезанные крылья:
Навек она к земле привязана...

1918

«Зарумянила осень...»

Зарумянила осень
Смятый бок у куста;
Неба чистая просинь
Холодна и густа.

Истомленности летней
В свежем воздухе нет,
С каждым утром заметней
Между веток просвет.

В ржавом парке печальней
И безмолвней теперь;
На реке у купальни
Заколочена дверь.

Ветер небо расчистив,
С цветником заиграл;
Ворох кленовых листьев
Рдеет словно коралл.

И так радостно взору,
И душа так ясна
В эту краткую пору
Полугрез-полусна.

1918

«К холодным стеклам тусклых окон...»

К холодным стеклам тусклых окон
Недужный день прижал виски;
От слез бесплодных изнемог он
И обессилел от тоски.

Между карнизом в промежутке
Взметенных листьев пласт прилип,
И неестественны и жутки
Скелеты ясеней и лип.

И каждым утром взором каждый
Обводит мутных туч канву
Томим неодолимой жаждой
Увидеть солнце наяву.

Но тщетно день надеждой начат:
Мы несвершаемого ждем,
И нынче небо также плачет
Тупым безудержным дождем.

«Последний пламень солнце мечет...»

Последний пламень солнце мечет
Пурпуровый и золотой,
И меркнет августовский вечер
В борьбе бесплодной с темнотой.

За облаком дорожной пыли
Не разглядеть зари уже,
И вот опять слова застыли
Как сгустки крови на ноже.

И жутко видеть почему-то
Как тают тени у куста,
И знать, что с каждой минутой
Растет и крепнет темнота.

Что скоро вечер изнеможет
И упадет под вражий меч,
И чувствовать, что сердце может
Своей тоски не уберечь.

«С каждой минутой сумрак мгlistей...»

С каждой минутой сумрак мгlistей,
И у панели на ветру
Заводят высохшие листья
Свою осеннюю игру.

В кирпичной щели переулка
Затих многоголосый гам,
И тротуар холодный гулко
Аккомпанирует шагам.

Вдали пропел свисток как флейта,
Лег на асфальт из окон свет,
И у подъезда вырос чей-то
Туманно-смутный силуэт.

И снова тишь... Как будто город
Смирил трамваи и авто,
И резкий ветер треплет ворот,
Стремясь пробраться под пальто.

«Сентябрьский вечер тих и розов...»

Сентябрьский вечер тих и розов;
Малейший шелест ловит слух;
Еще далеко до морозов,
Но воздух холоден и сух.

Перед калиткой в сизой луже
Расплылся след от каблука,
И непривычно-неуклюжи
Опаловые облака.

Редют с каждым часом клены,
Лохмотья сбрасывая в ров,
И вытоптан газон зеленый
Тяжелой поступью коров.

Все явлено другим для взора,
И лишь по-прежнему пыльна
У полусгнившего забора
Общипанная бузина.

Пейзаж («От заревых лучей сиреневых...»)

От заревых лучей сиреневые,
Прилипли к небу облака,
И у плотины гребни вспенивая,
Шумит и брызжется река.

Белеет берег одуванчиками
И мнится издали седым,
И над трясиными обманчивыми
Висит белесоватый дым.

Уходит солнце, переваливая
За невысокий горизонт,
И полоса заката палевая
Над далью вскинула свой зонт.

1918

«В кадке с водою у колодца...»

В кадке с водою у колодца
Из хрусталя сквозной налет,
И ветер стал больней колоться
Весь день короткий напролет.

Желтое солнце как из воска
И ничему оно не впрок,
И гулко дребезжит повозка
По мерзлым рытвинам дорог.

Глухо в саду убогом воя,
Жесток, безжалостен и груб,
Ноябрь последнее живое
Заставил превратиться в труп.

Голуби хохлятся под крышей,
И за околицей у риг
Над копнами соломы рыжей
С утра сухой вороний крик.

1918

«Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...»

Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...
Может быть навек расстаемся мы...
Но забуду ль я звезды ясных глаз,
Что светили мне по ночам зимы?

Не забыть того, чем жила душа,
Что своим теплом грело сердце мне;
Пусть в любви к другой догореть спеша,
Не увижу вновь я тебя во сне.

Пусть тропа к тебе зарастет травой,
Но меж нами все ж не порвется нить;
Что бы ни было, ведь я в прошлом твой,
А минувшего нам не изменить!..

*<22 февраля 1919 г. Суббота.
Москва>*

В роще («Прошумел по листьям дождь... Отгремел за речкой гром...»)

Прошумел по листьям дождь... Отгремел за
речкой гром...

Разгорелась ярко алая полоска...

В роще пахнет сыростью и весенним вечером
И стволы березок кажутся – из воска.

И когда нечаянно схватишься за деревце,
Будешь вмиг обрызган россыпью жемчужной,
И по-детски весело и наивно верится,
Что для жизни больше ничего не нужно...

1919 г. 24 февраля. Понедельник.

Москва

«Вот и солнце низко, значит близок вечер...»

Вот и солнце низко, значит близок вечер;
Внятной каждый звук;
Если вечер близок, то и ночь близка...
Знаю я, что снова будут капать свечи
И чадить вокруг,
И за сердце схватит жадная тоска.

И еще я знаю, что прийти не может
Сон к душе больной,
Не смыкая глаз я встречу новый день,
И утешусь мыслью: не напрасно прожит
День вчерашний мной, —
К смерти стал я ближе на одну ступень.

*<1 марта 1919 г. Суббота.
Москва>*

«В сумерки весенние...»

В сумерки весенние
Дышится отратно;
Ласковы мгновения
 Чуткой тишины;
Отзвуки далекие
Ухо ловит жадно
В мгlisto-синеокие
 Сумерки весны.

Контуры и линии,
Тени и намеки
Спрятались под синею
 Дымкой волшебства,
Смутной грезой мучая,
Плавно льются в строки
Ритмы и созвучия,
 Мысли и слова.

В этот сумрак радостно
И легко поэтам,
В теле томно-сладостно
 Кровь поет, звеня;
Сумерки весенние —
Грань меж тьмой и светом,

Час успокоения
Гаснущего дня.

*<1919 г. 21 марта. Пятница.
Москва>*

«Вздыхает нива золотая...»

Вздыхает нива золотая,
Шумят зеленые леса,
И сердце в смутных грезах тая,
Горит и верит в чудеса.

Весь день с веселою заботой
О берег плещется река,
И каждый вечер позолотой
Заря обводит облака.

В еще невыгоревшей сини
Зенит лазорев и высок,
И все от розы до полыни
Впивает зрелой жизни сок.

Но только лес в осеннем горе
Стряхнет потрепанный наряд,
Поблекнет синь, померкнут зори
И грезы сердца догорят.

*<25 марта 1919 г. Вторник.
Москва>*

«О, предводитель воинства...»

О, предводитель воинства
Очередного изма,
Твоих стихов достоинство
В том, что они как клизма.

1919 г. 26 марта. Среда.

Москва

«Гремит Максим фанфарно...»

Гремит Максим фанфарно
В сто первый раз одно,
Хоть длинно и бездарно,
Но все-таки смешно!

*1919 г. 19 апреля. Суббота.
Москва*

«Вы, рифмуя, старательно пишете...»

Н. П. Кугушевой

Вы, рифмуя, старательно пишете,
Но где нужно не ставите там ять,
И стихи отдадите Вы Мише те,
Чтоб хранил у себя их на память.

1919 г. 2 мая. Пятница.

Москва

«Только знать, что готова награда...»

Только знать, что готова награда,
Только чувствовать сладость любви,
Больше мне ничего и не надо,
Чтобы сердце запело: «Живи!..»
Чтобы гордости жесткие путы
Разорвать без усилий совсем,
И чтоб с этой блаженной минуты
Братом стать обездоленным всем.
Чтоб найти потаенные двери
И направить к ним шаг не скользя,
Чтоб опять в свои силы поверить
И не знать, что такое «нельзя...»

1919 г. 8 мая. Четверг.

Москва

«Он славословит стихи Адуева...»

Он славословит стихи Адуева,
Адуев – Пушкин, и лучше даже!..
И будут жарить за то в аду его
На сковородке в смоле и саже.

1919 г. 19 мая. Понедельник.

Москва

«В Союзе два обеда слопав...»

В Союзе два обеда слопав,
Пломбир и порцию ухи,
Стал бальным голосом Нетропов
Читать фанфарные стихи.

1919 г. 21 мая. Среда.

Москва

«Уж сколько зим и сколько лет...»

Уж сколько лет и сколько зим...
М. Гинзбург

Уж сколько зим и сколько лет
Я жил без всякой к жизни жажды,
Но по дороге в Назарет
Мне кто-то дал нюхнуть однажды.

И с знаменательного дня
Того, я сохну словно веник:
«Его» ни грамма у меня,
А для покупки нету денег.

И я тогда лишь заживу
И каждый миг мне будет дорог,
Когда увижу наяву
В своем кармане граммов сорок!

1919 г. 23 мая. Пятница.
Москва

Винегрет из Мачтета («Вторая Мещанская Матрена и Фекла...»)

Вторая Мещанская... Матрена и Фекла...
Бурое в синем... На улице июль...
Припрыгивает, упрыгивает... Собор в Реймсе...
Ударили к обедне... В занавесках тюль...
Если б я был маленький!.. Персей и Андромеда...
Мебель «рококо»... Ты как Мессалина...
Мякушкина поляна... Стихи Ратгауза...
Бордюр «трамблэ»... Душа без сплина...
Загнусила шарманка... Выругался кто-то...
О, Рывданы!.. О, Рывданы!.. О, Рывданы!..
Восторг Мама... После завтра – суббота...

1919 г. 28 мая. Среда.

Москва

Валерию Брюсову Акrostих («Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...»)

Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...
Апрельский вечер тих и легкий ветер вея
Ласкает ветки верб; улегшись на траве я
Ему отдал себя, он – брат весенний мой.

Раскрыли облака свой веер с бахромой,
И от закатных стрел стыдливо розовея,
Юг весь заволокли, а выше и правее
Блестит звезда любви над алою каймой.

Резва и весела беспечная летунья
Юлит вокруг меня, и только нежно дунь я
Слетит с прозрачных крыл пыльца из серебра...

О, милая моя! Не избегай меня ты:
В душе как здесь – апрель, душа вдвойне добра,
Усталость и недуг с нее весною сняты!

<Не позже мая> 1919

В альбом на ходу

1. Н. П. Кугушевой («Примите мои пожеланья хорошие...»)

Н. П. Кугушевой

Примите мои пожелания хорошие,
И в них я скромн, а не неистов,
Получить Вам желаю по карточке галоши и
Быть подальше от компании кокаинистов!..

1919 г. 14 апреля. Понедельник.

Москва

2. Н. Н. Ольховской («Что такое жизнь здешняя наша?..»)

Н. Н. Ольховской

Что такое жизнь здешняя наша?
Сегодня не то, что было недавно:
Вчера она – просто Наташа,
А нынче – Наталия Николавна!..

1919 г. 26 мая. Понедельник.

Москва

«Нетропов и Мачтет давно друг другу любви...»

*Кукушка хвалит петуха,
За то, что хвалит он кукушку...*

И. А. Крылов

Нетропов и Мачтет давно друг другу любви,
Как тот, так и другой поэты «благаманже»!..
У первого в стихах гремят фанфарно трубы,
Второй поэт дзинь-дзинь с обоями драже.

Пусть разный вкус у них, для нас неважно это,
Пусть любит пиво тот, а этот хлебный квас,
Навек пленен Максим бессмыслицей Мачтета
И грохотом фанфар Нетропова – Тарас.

1919 г. 28 мая. Среда.

Москва

Н. П. Кугушевой («Хотя не хорошо хорошему поэту...») Надпись на книге

Хотя нехорошо хорошему поэту
На память о себе дать даже Кузмина,
Я все-таки прошу принять Вас книгу эту
Так как моя – увы! – еще не рождена.

1919 г. 5 июня. Четверг.

Москва

«Я знаю: завтра будет то же...»

Я знаю: завтра будет то же,
Что было нынче и вчера;
О, как неразлично-схожи
Мои простые вечера!

Но ты, душа моя, ты рада,
Уверена ты свято в том,
Что зреет для тебя награда
В уединеньи золотом.

1919 г. 18 июня. Среда.

Москва

«Среди членов Союза...»

Среди членов Союза,
Что в кафе «Домино»,
Выделяется муза
Ротермунд де-Гурно

Начиная с походки
И кончая – увы! —
Всем обличьем кокотки
С ног и до головы.

*1919 г. 29 июня. Воскресенье.
Москва*

**В. А. Гиляровскому
(«Писать экспромты мне
судьбою суждено...»)
В альбом**

Писать экспромты мне судьбою суждено!..
Явившись в этот мир с фамилией экспромтиста,
 (Хоть в том, конечно, не вина его,)
Приходится сейчас обделать дело чисто:
Вам написать в альбом в мгновение одно,
 Чтоб поддержать престиж Минаева!..

*1919 г. 9 августа. Суббота.
Москва*

Н. С. Берендгофу («Качаясь вышел на крыльцо...») В альбом

Качаясь вышел на крыльцо
И сел с трудом в авто граф...
Я сделал кислое лицо,
Внося в альбом автограф.

*1919 г. 13 августа. Среда.
Москва*

«Вся жизнь – напряжение в прицеле...»

Вся жизнь – напряжение в прицеле,
Томление вечной жаждой,
И каждый стремится к цели,
Но цели достигнет не каждый.

И кто в свои силы верит,
Идет не колеблясь прямо,
Откроет заветные двери,
Войдет в святилище храма.

А тот, кто ищет проселков,
Обходит в пути преграды,
Страшится мнений и толков,
Никогда не найдет награды.

Иди дорогой люблю,
Пути не ищи короче,
Никого не зови с собою,
Не бойся обманов ночи.

Доверяй лишь собственным силам,
И тогда – в расцвете ль, в конце ли,
Но ты окрепшим иль хилым

Достигнешь желанной цели.

1919 г. 3 декабря. Среда.

Москва

«Слегка трещит камин и золотистый блик...»

Слегка трещит камин и золотистый блик
Бежит через ковер и прячется в портьере;
В раскрытом словаре пучок сухих гвоздик,
И милый голос твой доносится сквозь двери.

Массивный книжный шкаф уходит в потолок,
В нем собраны стихи поэтов разных вкусов,
Здесь к Северянину прижался плотно Блок,
И с Фофановым в ряд стоят Кузмин и Брюсов.

Волнует сердце рифм и образов игра,
И плавно и легко в ритмическом потоке,
Одна вслед за другой, скользят из-под пера
В раскрытую тетрадь ямбические строки.

А на дворе мороз и светлый диск луны
Взбирается в зенит, сквозь облака ныряя,
И траурная тень от каменной стены
Легла наискосок до ветхого сарая.

Откинешься на стул, закуришь не спеша
И позовешь тебя – счастливая минута! —
И грезу пережив приветствует душа

Покой и красоту домашнего уюта.

<10 декабря 1919 г. Среда.

Москва>

«Два крепко спаянных звена...»

Два крепко спаянных звена,
Мы пополам делили годы
Все, чем любовь была полна
В минуты счастья и невзгоды.

И нам казалось, что вокруг
Ни у кого нет прав и власти
Разъять сплетенье наших рук
И разделить нас на две части.

Но камень брошенный судьбой
Нам доказал бесправность права,
И разлетелись мы с тобой
Налево ты, а я направо.

*<31 декабря 1919 г. Среда.
Москва>*

Радость («Подойдет недотрогой-царевной...»)

Подойдет недотрогой-царевной,
Свяжет сердце атласной тесьмой,
И промолвит с улыбкой полдневной:
«Улыбнись!.. На сегодня ты мой!..»

И посмотришь, не так уже хмуро
Стынет небо над садом нагим,
И лицо у хромого амура
Точно стало мгновенно другим.

И согласишься, что жизни ты нужен,
Кровь шумнее ударит в виски,
И разорванной нитью жемчужин
Разобьются сомненья в куски.

И надеждами ум обнимая,
Невозможным мечты серебря,
Вдруг почувствуешь веянье мая
Вместо жестких тисков декабря.

«Вокруг замкнутые уста...»

Вокруг замкнутые уста
И неестественные лица,
Но воплощается мечта
И каждый должен веселиться.

А жизнь – к Голгофе крестный путь
И, повинясь жесткой плети,
Спешим, не смея отдохнуть,
К недостижимому на свете.

Покорны рабскому ярму,
От унижения сгорая,
Идем как в затхлую тюрьму
К вратам обещанного рая.

И жутко в этой суете
Изображать собой паяца,
И даже в муках на кресте
По приказанию смеяться.

«Все отойдет и – без возврата...»

*Сердце, сердце, успокойся,
Все навек, все без возврата...*

В. Брюсов

Все отойдет и – без возврата,
И крепкая порвется нить,
И как ни тяжела утрата
Ей сердца не оледенить.

Влюбленным предстоит разлука,
И есть конец весне ль, зиме ль,
И каждый день стрелой из лука
Летит за тридевять земель.

Бессмертной даже красоты нет,
И песнь замолкнет, прозвенев,
И все пройдет, и все остынет,
И страсть, и мужество, и гнев.

1919

«День был томителен и зноен...»

День был томителен и зноен,
От солнца вяли облака,
Но ветер – бунтовщик и воин —
Навеял грозовые тучи
Откуда-то издалека.

И стал прохладным полдень жгучий,
Природа, притаясь, ждала;
Вот гром прогрохотал тягуче,
И вспарывая тучи в небе
Черкнула белая игла.

И полил дождь... И ожил стебель,
И пыльный лепесток воскрес,
И сделался каким он не был,
Веселым, бодрым и лохматым,
Казавшийся зачахшим лес.

И все цветы в хмельном расцвете,
Почувствовав избыток сил,
Благодарили хором ветер
За то, что он был добрым братом
И вновь их к жизни воскресил.

«Еще стеклярусные нити...»

Еще стеклярусные нити
Протянуты к земле из туч,
Но чувствуется уже в зените
Подкрадывающийся луч.

А это знак, что дождь недолог,
Каких-нибудь минуты три
И солнца сверкающий осколок
Тучу пропорет изнутри.

И взору подарив отраду,
Зажгутся на другом краю
Лучам навстречу полосы радуг
Бледными светами семью.

И будет бисером унизан
Каждый листок и зазвенит
Жемчуг соскальзывая с карниза
И разбиваясь о гранит.

«Забита будка у ворот...»

Забита будка у ворот,
Не слышно бубенцов на гривах,
И бронзового фавна рот
Не мечет в урну струй игривых.

И ковыляющих утят
Не провожают всхлипы лая,
А листья медленно летят,
Холодным пламенем пылая.

И в огороде за плетнем
На перерытых грядках пусто,
Лишь у стены прижавшись в нем
Торчит лохматая капуста.

И убаюканный мечтой,
Вновь проскитаюсь целый день я
Под сенью рощи золотой
В очарованьи запустенья.

К. Д. Бальмонту («Твой яркий дар – чудесная певучесть...»)

Твой яркий дар – чудесная певучесть,
Слух чаровать тебе присуждено;
Твои стихи – прекрасное вино,
В них нежный вкус и сладостная жгучесть.

Поэтом быть твоя земная участь,
В сплетеньи строк низать к звену звено
И птицей петь – о чем не все ль равно? —
Легко-легко, не сетуя, не мучась.

Ты все воспел: полночный бред луны,
И страсть огня, и холодность волны,
Любовь и смерть, норвежца и японца,

Простор полей и зоркий горизонт,
И завещал быть пламенным как солнце...
Привет тебе, наш солнечный Бальмонт!..

*1920 г. 25 марта. Четверг.
Москва*

Послание К. Д. Бальмонту («Бальмонт прекрасный!...»)

Бальмонт прекрасный!
 К тебе сгорая
От неги страстной,
 В преддверье рая
Я возлетела
 Как пылкий кочет,
Трепещет тело
 И кровь клокочет.
Дрожу как лань я,
 Моя мечта ты!
Прими посланье
 Влюбленной Таты.

*1920 г. 29 марта. Понедельник.
Москва*

3. Н. Ивановой («Сереза задремал в кровати...») В альбом

Сереза задремал в кровати,
Со службы «прапорщик» пришел,
И Вы велели быстро Кате
К обеду накрывать на стол.

А мне довольно скучно было,
Зевоты я сдержать не мог,
Присел, взял ручку и чернила
И написал Вам восемь строк.

1920 г. 5 мая. Среда.

Москва

**О. Л. Леонидову. В альбом
(«Промчится быстро
жизнь неистовая...»)
В альбом**

Промчится быстро жизнь неистовая
И на закате Ваших лет,
Страницы эти перелистывая,
Вы мой найдете легкий след.

Черемухой повеет в комнате
И вздоха Вам не уберечь,
И с умилением Вы вспомните
Минуты наших ранних встреч.

*1920 г. 8 мая. Суббота.
Москва*

«Прозрачно небо... Даль ясна...»

Прозрачно небо... Даль ясна...
День напоен теплом и светом...
Какою нежною весна
Явилась к нам в апреле этом!
Окутал ветки свежий пух,
И окна и сердца раскрылись,
И юркий крошечный лопух
Из-под ворот на солнце вылез.
Во всем восторг и торжество,
День отдала весна во власть им,
И счастьем веет от всего,
И даже воздух пахнет счастьем.

<28 июля 1920 г. Среда.

Кантаурово, Нижегородская губерния.>

Истинное происшествие («Я вышел от прелестной Вари...»)

Я вышел от прелестной Вари
И, Сивцев-Вражек миновав,
Сел на Пречистенском бульваре
Вдыхать осенний запах трав.

И замирая от блаженства,
Я был душой почти в раю
И думал: «Варя – совершенство!
Она украсит жизнь мою!..»

Изнемогая в страстной дрожи,
Я все на свете позабыл,
Тот миг мне был всего дороже,
Я на десятом небе был.

Но вдруг на самом сладком месте
Блеснула мысль в уме моем,
Что Тата с Катечкою вместе
Теперь на даче и вдвоем.

Они целуются бесспорно,
Воркуя словно голубки,
И я, рассвирепев, упорно

Стирал о гравий каблуки.

Моя душа набухла злостью,
В ней стало сыро и темно,
И яогрев скамейку тростью
Поехал к музам в «Домино».

1920 г. 18 августа. Среда.

Москва

«Томительные дни сомнения и лени...»

Томительные дни сомнения и лени...
От жуткой пустоты душа изнемогла...
Перед грядущей тьмой клоню в тоске колени
В уединении домашнего угла.

А осень шелестит шелками покрывала,
Шуршит валежником по травам шлейф влача;
Тупая боль души еще не миновала
И сердце ночи ждет как смертник палача.

И хочется вослед за стаею утиной
Покинуть берега для глуби мутных вод;
Бестрепетен покой под выцветшею тиной
И сладок поцелуй забвения... И вот

Не верю, не ищу, не знаю даже надо ль
Надеждою встречать улыбку поутру,
Когда моя душа как лиственная падаль
Мятется, трепещет, на жизненном ветру.

*<23 августа 1920 г. Понедельник.
Москва>*

«О, неизбежность наших встреч!...»

О, неизбежность наших встреч! —
В прозрачной влаге пена яда...
Как трудно сердце уберечь
От слишком ласкового взгляда!

Прикосновенья жадных рук
Еще робки, но не случайны,
И с каждой встречей уже круг
Под покрывалом сладкой тайны.

Душа предчувствием жива,
Надежды скрыты не в кольце ли?
И рвутся мыслей кружева
Не достигая самой цели.

Движенья медленные лгут,
Они должны быть нежно-грубы,
Когда так близко стерегут
Слегка покрашенные губы.

*<24 августа 1920 г. Вторник.
Москва>*

«Истомной лени я...»

Истомной лени я
Не одолею,
В тупом томлении
Мечту лелею.

Душа взволнована,
Ей сон неведом,
Уже давно она
Пленилась бредом.

Томишься в зале ты
Ненужной верой,
И чувства залиты
Тоскою серой.

Ах, если можно мы,
Готовя встречу
С пустыми ножнами
Пройдем сквозь сечу.

И алый прах от ног
Стряхнем легко мы,
В просторах бархатных
К любви влекомы.

1920 г. 26 августа. Четверг.

Москва

«Какие силы водят мной?!...»

Какие силы водят мной?!.
Зачем иду к тебе я, осень?!.
В саду тоскливо и темно,
А только без четверти восемь.

Глядят из каждого угла
Насторожившиеся тени;
Душа любви не сберегла
И обессилела в смятении.

И вот – остывшая – одна,
Она в самодовольстве лживом
Ничьим волнениям не родна
И не близка ничьим порывам.

О, как ничтожен жребий мой:
Отдать поклон соседке-деве
И не спеша идти домой,
Когда часы покажут девять!..

*<27 августа 1920 г. Пятница.
Москва>*

«И тишина... И слабо пахнет мятой...»

И тишина... И слабо пахнет мятой...
И полумрак ревниво озаря,
Ее косы растрепанной и смятой
Сквозь тюль гардин касается заря.
Ах, после ласк любовь еще дороже,
Ясней глаза и щеки розовой,
И гуще синь в мгновенья легкой дрожи
Под траурными нитями бровей.

*<23 сентября 1920 г. Четверг.
Москва>*

«Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны...»

Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны,
Самое лучшее в жизни – сумерки, ночи и дни;
Пусть майским утром деревья благоуханны и
роены,
А в сентябре на закате ржавы и чахлы они.

Есть красота и в недуге; мне одинаково милы
Шумная вешняя радость, строгий осенний покой;
О, чаровница-природа, прелести символ и силы,
Вечно была ты прекрасной, вечно и будешь такой!

Где в этом мире лукавом лучше найду я подругу?
Кто беззаветней полюбит? Кто приласкает
нежней?
Ты лишь одна улыбнешься в миг безнадежности
другу,
Ты лишь одна не изменишь мне до конца моих
дней...

*<9 октября 1920 г. Суббота.
Москва>*

«Вчерашний день казался мне пустым...»

Вчерашний день казался мне пустым,
Я тщетно ждал, чтоб нежное светило
Издалека сияньем золотым
 Меня слегка озолотило.

Но день был сер и властвовала мгла,
Текли часы и капали минуты,
И все душа смириться не могла,
 Что к свету ей пути замкнуты.

*1920 г. 22 ноября. Понедельник.
Москва*

«Слова корявы и скрипучи...»

Слова корявы и скрипучи,
Хромает стих
И рифма не верна;
Не отыскать в навозной куче
Творений сих
Жемчужного зерна.

*1920 г. 6 декабря. Понедельник.
Москва*

П. И. Вагину. Записка («Нет, невозможно слушать на ночь...»)

Нет, невозможно слушать на ночь
Подобную галиматью!..
Своей поэмой, Петр Иванович,
Долбит он голову мою.

Такой сверхбарабанной дроби
Слух не выдерживает мой,
Я весь в поту, в жару, в ознобе,
А потому бегу домой.

*1920 г. 20 декабря. Понедельник.
Москва*

«Весною сны – последний талый снег...»

Весною сны – последний талый снег...
Сны осенью – тоска о первом снеге...
Вспоминать испытанные неги
Животворит живительнее нег
Дань сентября – пленительная лень;
В аллеях блеклых стынет воздух тленный,
Как поцелуй, на лбу напечатленный,
И каждый лист – затравленный олень.
За парником у выцветшей стены,
Средь паутин и чахнувших растений,
Шевелятся уродливые тени
В причудливые сети сплетены.
Закатный пыл впивает виноград,
И гаснет луч на гроздьях винограда;
И мне дана великая награда: —
Не ожидать заслуженных наград...

1920

«Воздух пахнет росою и сеном...»

Воздух пахнет росой и сеном,
Легкой сыростью веет овраг;
Хорошо по прохладной росе нам
В полусветлый идти полумрак.

Вдалеке за притихнувшим полем
Звонкий голос плетет кружева;
Мы к молчанью себя не неволим,
Но сейчас неуместны слова.

Заблудилась в потемках дорога,
Повернув наугад на восток,
И стоит покосившись немного
Огороженный палками стог.

Каждый миг то прозрачней, то звездней
Полусонного неба атлас,
И никак не поймешь это поздний,
Или ранний предутренний час.

«Восторги встреч и горести разлук!..»

Восторги встреч и горести разлук!
Душа, как прежде, вами лишь томима;
Еще держу в прицеле верный лук,
Но дни летят моей засады мимо.
Слежу с тоской за бешенством погонь,
Восходов жарких, пламенных закатов;
Не для меня пылающий огонь,
Мой мутен день и вечер будет матов.
И меркнет взор, и никнет голова,
И память бережная бредит вами...
Как больно знать чудесные слова
И не уметь их выразить словами!..

1920

«Тянет жадная бездна...»

Тянет жадная бездна,
Тщетны слезы, молитвы и жалобы
И борьба бесполезна:
Только сердце она раздражала бы.

С каждой новой минутой,
Непонятною силою движимы,
По спирали замкнутой
В неизбежность спускаемся ниже мы.

Что же в том, что возможно
Пережить золотые мгновения?
Все ненужно и ложно
Если нам не уйти от забвения...

1920

«О, радость обрести в пути единоверца...»

Е. П. Павлову

О, радость обрести в пути единоверца!
Тщету земных дорог и ты, как я презрел;
Нам дан один удел: пронзить чужое сердце
Певучим острием неотразимых стрел.

Пусть вехами нам путь никто не обозначит
Провиденных вершин достигнем и одни,
И никакой туман в лохмотьях мглы не спрячет
Сиянья наших солнц в назначенные дни.

Мы, обреченные, одним подвластны узам,
Одной волною нас в безбрежность унесло;
Что розы и шипы для тех, кто служит Музам
Словами музыки и музыкою слов?

1920

«О, сладость уз желаемого плена...»

О, сладость уз желаемого плена!..
Словам любви не вырваться из строк,
В одном певучем имени – Елена
Сплелись концы всех нитей и дорог.

Еще не мне твое очарованье
И трепетная женственность твоя,
И нежность губ, и глаз твоих сиянье
Еще не мне, но твердо знаю я, —

Мне будет все в назначенные сроки,
Моя любовь не может не найти,
И каждый путь и узкий и широкий
Нас приведет к единому пути.

1920

«О, тайная, о нежная услада...»

О, тайная, о, нежная услада,
В предчувствии чудесного конца,
Не отрывать восторженного взгляда
От разгорающегося лица.

Пускай сейчас другой целует руки,
Не для него, что мне присуждено,
Но тяжело в бессмысленной разлуке
Таить любви готовое вино.

А сердце молит: будущим живи,
Тот близок день, когда чудесник-случай
Вас принесет одной волной зыбучей
К пленительному берегу любви.

1920

«Окончу скоро ли волненья странствий?!...»

Окончу скоро ли волненья странствий?..
Где отдохну на полпути ль, в конце ль?..
Здесь на земле иль в мировом пространстве
Существования моего цель?..

Иду, куда душа мечтой влекома,
Ласкают мхи и тернии язвят,
Мне чуждо все и все давно знакомо
И чад любви и ненависти яд.

Грядущий день приветствуется песней,
Вчера за мной как перейденный ров;
И есть ли здесь, что проще и чудесней
Привычной смены утр и вечеров?

Вопрос звучит, но нет еще ответа,
Жизнь не ответ, и к вечности спеша,
Лишь тайну зорь, игру теней и света
Не устает приветствовать душа.

«Плетутся сумрачные дни...»

Плетутся сумрачные дни
Однообразные как вишни;
В душе погасли все огни,
И все надежды стали лишни.

И с каждым часом все скучней,
Бессмысленней и безобразней
Влачить ярмо ненужных дней
В годину варварства и казней.

Но не решиться, не уйти,
Не достичь того предела,
Где можно бросить все пути
У остывающего тела.

1920

«Подошла и разнежила взглядом...»

Подошла и разнежила взглядом...
Как не верить, что есть чудеса!
О, блаженство быть вместе, быть рядом
Хоть на краткие четверть часа.

Этот голос певучее скрипки,
Эта поступь легка и горда,
А пленительней этой улыбки
Я не видел еще никогда.

Тайный вздох не сумел удержать я, —
Ах, любовь, заколдован твой круг! —
Так волнующи были пожатья
Мной еще не целованных рук.

1920

«Заглох мой сад и неуютен терем...»

Заглох мой сад и неуютен терем,
Мне ничего весна не принесла,
И выброшенный жизнью из русла,
Я счет забыл обидам и потерям.

А дни не ждут... Из робкого зерна
Встают ростки, напор их смел и дружен;
Все изменило, я обезоружен,
Лишь память мне по-прежнему верна.

Не тот грустит, кто грусть слезами мерит,
Мне слез не знать, как их я ни зови;
Что для того предчувствие любви,
Кто, разлюбив, в любовь уже не верит?..

1920

«Насквозь пронзают иглы стужи...»

Насквозь пронзают иглы стужи,
И ветер в исступлении злом
Сдавил нагие ветки туже
Нерасплетаемым узлом.
Холодный дождь жесток и жёсток,
Он воздух наискось сечет,
И дрогнет шалый перекресток,
Давно забыв ударам счет.
И солнцу скрученному в тучах
Упорства их не одолеть,
Не разогнать громад летучих,
Взнеся пылающую плеть.
Дорога тяжела и взрыта,
И мгливой ночью по краям
Роятся звездами корыта
Водой наполнившихся ям.

1920

«Как ненужны слова...»

Как ненужны слова
 Перед блеском заката!..
 Вдоль дороги у ската
Серебрится трава;
Глубока синева
 И на ней розовата
 Тучка виснет как вата,
Проплывая едва.

Меркнет палевый след,
 Отцветая и тая,
 Блекнет даль золотая,
Гаснет розовый свет;
Вот и дня уже нет,
 Мгла нависла густая...
 Не раскрою уста я,
Не промолвлю ответ!..

1920

«Пускай мороз поутру злится...»

Пускай мороз поутру злится
И яростны его щипки,
И у прохожих скрыты лица
В поднятые воротники.

Пускай февральский ветер едок
И колет горстью вьюжных жал,
Я знаю, это напоследок:
Он от предчувствий задрожал.

Недаром чуткие капли,
Родившись в полдень от лучей,
Сегодня о весне запели
Настойчивее и звончей.

И облака сквозят недаром
Как тюлевые рукава,
И скрыта предвесенним паром
На горизонте синева.

Как ни крепи, зима, ты силы,
Каким морозом ни грози,
Уже всему в природе милы
К весне влекущие стези.

1920

«Слова любви что легкий шелест града...»

Слова любви что легкий шелест града,
Их назначенье зной охолодить,
И самая блаженная отрада
Из уст им путь устами преградить.

Расцвет души не каждый час возможен,
Цветов любви словами не дави,
Чем меч острее, тем ржавей облик ножен,
Чем меньше слов, тем более любви!..

1920

«Я проводил сегодня день улыбкой...»

Я проводил сегодня день улыбкой,
В мою печаль он вплел еще звено,
И вот душе взволнованной и зыбкой
На краткий миг раскрыться суждено.

Мне небеса светло проголубели,
И наяву держала Муза речь,
О том, что дар мне данный с колыбели
Я обречен от пошлости беречь.

Не мне кадить минутному кумиру
И возлагать фальшивые цветы
К его ногам и петь о славе миру
Во имя мишуры и суеты.

*1921 г. 28 января. Пятница.
Москва*

«Ах, в дуновеньи ли, в привете ли...»

Ах, в дуновеньи ли, в привете ли
Уста весны еще робки,
Но все-таки ее заметили
Воркующие голубки.

Душа надеждами окутана,
Подвластная весны рулю,
Уже не даст себя в лоскут она
Укрыть буяну-февралю.

Пускай колючими метелями
Он роет воздух в темноте,
Из нас никто не спросит те ли мы,
А каждый знает, что не те.

В томлении предвоскресения
Избытком бодрости дышу,
И взбудораженность весенняя
Влечет за стол к карандашу.

1921 г. 2 марта. Среда.

Москва

Черная любовь («Взлетает кверху хлопнувшая пробка...»)

Взлетает кверху хлопнувшая пробка,
Струится тук шипучего вина;
Я не один, со мною эфиопка,
Она черна, но все же недурна.
Ее привез из знойного Судана
Гуляка-парень, пьяница-матрос,
И отдал мне по просьбе капитана
На сутки за коробку папирос.
Наивная бессмысленна улыбка,
Приподнята лоснящаяся бровь;
Но кровь бурлит и сердце бьется шибко,
Испытывая черную любовь.

1921. 20 апреля. Среда.

Москва

Corona amoris. Венок сонетов

I. «Кому дана блаженная награда...»

Кому дана блаженная награда
Тот знает непечальную печаль;
Ему покинуть влажный сумрак жаль,
Нет сил уйти из блекнувшего сада.

Замшелый грот, осенняя прохлада,
Сквозь ветки розовеющая даль,
Его зовут: К безмолвию причаль,
Оно одно – влюбленному отрада.

В глуши аллей, вздыхая, бродит он,
Шурша листвою и вдоволь упоен —
В который раз? – все теми же мечтами,

О том, что скоро минет срок разлук
И снова он почувствует устами
Мед знойных уст и свежесть нежных рук.

II. «Мед знойных уст и свежесть нежных рук...»

Мед знойных уст и свежесть нежных рук,
Зарницы глаз и облако-улыбка,
В вас явь и сон, правдивость и ошибка,
Туман и свет, молчание и звук.

Как лоно вод волнует стройный струг,
Вы мысль волнуете легко и зыбко,
И вот она – трепещущая рыбка —
Метнулась в сеть, отбившись от подруг.

Ах, кто пронзен Эротовой стрелою,
Чья грудь таит как уголь под золою
За каждый час, за каждый миг испуг,

Тот, дружеской не внемля укоризне,
Уходит прочь от шумных торжищ жизни,
Тот замыкается в чудесный круг.

III. «Тот замыкается в чудесный круг...»

Тот замыкается в чудесный круг
Своей любви, кто нежным болен бредом,
Знакомый путь ему теперь неведом,
Не верит он в незыблемость порук.

Ни славы, ни богатства, ни заслуг
Не ищет он, не тянется к победам,
И никаким случайностям и бедам
Не охладить в нем сердца жаркий стук.

Что радости, невзгоды и печали,
Когда в душе все струны зазвучали,
Когда мечты безудержно поют?

А больше ничего тому не надо,
Кто ласковый нашел себе приют,
Где милый образ – верная ограда.

*30 апреля 1921 г. Суббота.
Москва*

IV. «Где милый образ – верная ограда...»

Где милый образ – верная ограда
Там воздух синь и лучезарен день,
Журчит ручей и рядом, скрывшись в тень,
Спят пылкий фавн и робкая дриада.

Звенит бубенчиками козье стадо,
Полдневную не нарушая лень,
Мелькнет в кустах застенчивый олень
И через миг вновь скроется от взгляда.

Зной не томит, и ветер словно брат
Целует дев и юношей, он рад
Их освежить, а в пору листопада

Шипучий кубок поднося к устам,
Невольно восклицает каждый там:
О, сладкий сок хмельного винограда!..

1 мая 1921 г. Воскресенье.

Москва

V. «О, сладкий сон хмельного винограда...»

О, сладкий сок хмельного винограда,
Ты взбудоражил сонные мечты,
Твоя струя лазурней высоты,
Пьяней вина и гибельнее яда.

Как в душный день хотя бы с дробью града
Дождь радует зачахшие кусты,
Обрадовал безрадостного ты,
Твой пламень в жилах – жгучая услада.

Я долго шел по рытвинам дорог,
Я жаждал, я устал, я изнемог
В тисках тоски отчаянной и мрачной,

Не верил в сон, не ждал отлива мук,
Но, хмель любви глубокой и прозрачной,
Ты опьянил негаданно и вдруг.

*1 мая 1921 г. Воскресенье.
Москва*

VI. «Ты опьянил негаданно и вдруг...»

Ты опьянил негаданно и вдруг,
Любви благоухающий напиток,
Ты пробудил дремавших сил избыток
И сделал все прекраснее вокруг.

Ты снял с души сомнения недуг,
Извлек ее из плена нудных пыток,
И пухом серебристых маргариток
Покрыл проснувшегося сердца луг.

О, тишина – живительная влага!
Ты мне теперь единственное благо,
Тобой одной наполню свой досуг...

Как спорить нам с насмешницей-судьбою?
Сегодня счастлив дружбою с тобою,
Еще вчера я был веселью друг.

*2 мая 1921 г. Понедельник.
Москва*

VII. «Еще вчера я был веселью друг...»

Еще вчера я был веселью друг,
Мой светлый смех звенел друзьям и девам,
И как стрелой стремительным напевом
Моей души натягивался лук.

Еще вчера, наивно близорук,
Я предан был минутным королевам
Встречающим то милостью, то гневом,
Познавшим смысл единой из наук.

Не замечая гибельной рутины,
Я жил во тьме, сегодня паутины
Любовью словно ветром сметены;

Вчерашнее мне – горькая досада.
Вчера я так боялся тишины,
А нынче сердце тишине лишь радо.

3 мая 1921 г. Вторник.

Москва

VIII. «А нынче сердце тишине лишь радо...»

А нынче сердце тишине лишь радо,
Той тишине, которая одна
Дает познать глубины чувств до дна,
Очистив мысль от приторного чада.

Светильник снов, провидений лампада,
Маяк предчувствий брезжущих, она —
Прославленная издавна страна
Чудес в действительности — Эльдорадо.

Меня любовь к ней быстро привела,
С ее полей — прилежная пчела —
Я доверху наполнил медом соты,

И умилен смиренностью благой,
Я наяву узрел ее красоты,
Воскресший, просветленный и другой.

4 мая 1921 г. Среда.

Москва

IX. «Воскресший, просветленный и другой...»

Воскресший, просветленный и другой,
Сегодняшний, не прежний, не вчерашний;
Моя душа взрыхленной стала пашней,
Вспоенной всласть разлившейся рекой.

Не скрытая ни мглою, ни пургой
Мне даль ясна; гляжу вперед бесстрашной,
И кровь звенит по жилам бесшабашней
Чем колокольчик в поле под дугой.

С отвагою немислимою прежде,
Доверясь обольстительной надежде,
Не пасынок, не пленник, не изгой,

Согрет и бодр, под небом бирюзовым,
Весне вослед, навстречу летним зовам,
Я путь начну уверенной ногой.

*5 мая 1921 г. Четверг.
Москва*

Х. «Я путь начну уверенной ногой...»

Я путь начну уверенной ногой,
Не затеряюсь в праздном разговоре,
Не запылюсь в презрительном укорё,
Миную пруд с гниущею тоской.

С заботою и ласкою какой
Мне поутру затеплят небо зори,
А ночью звезды в бдительном дозоре
Постерегут мой праведный покой.

Кто всем родной, всему по-детски верит,
Не верстами, а чувствами измерит
Тот скудные житейские пути;

Черти спираль, стрижей горластых стая,
Ржаная нива, зыбься и цветы,
Мне суждена дорога золотая.

*6 мая 1921 г. Пятница.
Москва*

XI. «Мне суждена дорога золотая...»

Мне суждена дорога золотая,
Сама судьба со мною заодно;
Моя любовь не лунное вино,
А влага солнца изжелта-густая.

В лучах светил сияющих не тая,
Не отраженным светом ей дано
В душе ко восходу пробуждать зерно,
А собственным, немеркнувшим, блистая.

Не алый дым, не розовый угар,
Она мне тот благословенный дар,
Не убережь которого не смею

От суеты неугомонных дней,
И, нежная и в ненависти, ею
Моя душа теперь еще нежней.

7 мая 1921 г. Суббота.

Москва

XII. «Моя душа теперь еще нежней...»

Моя душа теперь еще нежней,
Еще прозрачней, глубже и певучей;
Тяжелый мрак уплыл с гнетущей тучей
И лопнули объятия ремней.

И дышится желанней и вольней
8 последний шаг прозревшему над кручей,
Настигнутому молнией летучей,
Обрызганному россыпью огней.

Кто много дней по зыби волн зеленых,
Изменчивых и горько-просоленных
Вел наугад свой ненадежный бриг,

Тому любовь не пристань ли святая?
Она ему вдвойне милей в тот миг,
Когда благоухает, расцветая.

*8 мая 1921 г. Воскресенье.
Москва*

XIII. «Когда благоухает, расцветая...»

Когда благоухает, расцветая,
Душа омытая дождем любви,
Прошедшего на память не зови,
Оно душе, что розам пыль пустая.

О будущем восторженно мечтая,
Лишь настоящее благослови,
Его цветы раскрывшиеся рви
Пока они цветут, не облетая.

О, я обрел давно желанный кров!
Уединенье тихих вечеров
Воспоминаньями я не нарушу;

Мне миг поет: Над прошлым не косней,
Пусть напоит возжаждавшую душу
Любовь весной повеявшая в ней.

*8 мая 1921 г. Воскресенье.
Москва*

XIV «Любовь весной повеявшая в ней...»

Любовь весной повеявшая в ней,
В моей душе, ее обогатила;
Ей вновь дана особенная сила,
Чтоб каждый миг прочувствовать полней.

Ни сумерек, ни мрака, ни теней
Там не найти, где зоркое светило
Все тайники насквозь позолотило,
Все уголки представило ясней.

С такой душой всему пойду навстречу,
Всем улыбнусь и каждому ответчу,
Утешу всех, прощу всем, все приму

От райских гимнов до проклятий ада,
Ведь предназначен целый мир тому, —
Кому дана блаженная награда.

8 мая 1921 г. Вторник.

Москва

XV «Кому дана блаженная награда...»

Кому дана блаженная награда,
Мед знойных уст и свежесть нежных рук,
Тот замыкается в чудесный круг,
Где милый образ – верная отрада.

О, сладкий сон хмельного винограда,
Ты опьянил негаданно и вдруг,
Еще вчера я был веселью друг,
А нынче сердце тишине лишь радо.

Воскресший, просветленный и другой,
Я путь начну уверенной ногой,
Мне суждена дорога золотая;

Моя душа теперь еще нежней,
Когда благоухает, расцветая,
Любовь весной повеявшая в ней.

29 апреля 1921 г. Пятница.

Москва

29 апреля – 8 мая 1921

Пятница – Воскресенье. Москва

«О нищета, убожество и тлен!...»

О нищета, убожество и тлен!..
Не развязать запутавшийся узел;
Еще не кончен допотопный плен,
А тусклый день уже ресницы сузил.

В неизмеримый загнаны закут
Справляем шумно Пирровы победы,
А у ворот безмолвно стерегут,
Как хищники прожорливые, беды.

Трясина лжи засасывает нас,
Лишь жалкий бред великие миражи,
И гулко бьет одиннадцатый час
Над призраком злокачественной блажи.

*<1921 г. 26 июня. Воскресенье.
Москва>*

«Татарин/Якерин...»

Татарин
Якерин
Бездарен
Как мерин.

1921 г. 8 июля. Пятница.

Москва

Ночные размышления по дороге домой («Как долг путь с Арбата до Землянки...»)

Как долг путь с Арбата до Землянки!..
По бесфонарным улицам столицы,
Ногам набегавшимся вдоволь за день,
Удастся ли до дома добрести?
И с силою собравшись последней,
Лечу вперед с возможной быстротою,
Встревоживая гулками шагами
Насторожившую тишину.

И вновь рассудок строго вопрошает:
«Зачем еще провел бесплодно вечер?
Ужели жизнь дарована поэту,
Чтоб еженощно в клубе он торчал?!..»
И в голове жужжат как пчелы мысли,
Им нет конца, как нет конца экспромтам
Тщедушного поэта Короткова,
Которые он пишет три часа.

Не оценить мне глубины и силы
Поэзии Максима и Тараса,
И не понять работы плодотворной

В правлении В. П. Федорова;
Лишь имена: Мареев, Злотополюский,
Манухина и Лада Руставели
Мне говорят, что стоит жить на свете,
Когда в Москве есть «Малый Особняк».

1921 г. 25 июля. Понедельник.

Москва

Человек («Невозмутимый как философ...»)

Невозмутимый как философ,
Я скромно коротал свой век,
Но здесь какой-то человек
В записке дал мне ряд вопросов.
 Лишь на один из них сейчас
 Отвечу строками сурово,
 Начав их без четверти час
 И кончив пять минут второго.
Рубя слова как дровосек,
В конце воскликну я невольно: —
«Будь человеком, человек,
И этого вполне довольно!..»

*1921 г. 31 июля. Воскресенье.
Москва*

«Мы забываем нежные слова»

Мы забываем нежные слова
В тот миг, когда любовь уже готова
Сплести их в пенистые кружева
Признания и бреда золотого.

Но расставаясь в следующий час
Нам чувствовать дано, что неизбежно
Воспоминанья будут мучить нас
О неумении высказаться нежно.

1921 г. 4 ноября. Пятница.

Москва

«О, ранней осени пора!...»

О, ранней осени пора!..
О, эти поздние прогулки!..
В скиту удары топора
Вдвойне отчетливы и гулки.
Склонился на бок дряхлый вяз
У монастырского забора,
И шлейф лохматых туч увяз
В вершинах пасмурного бора.
Как и вчера, нам повезло,
Как и вчера, мы – только двое,
И льет настойчиво и зло
Тяжело-острый запах хвоя.
Как и вчера, твой дрогнет рот,
И вспыхнут грани в изумруде,
Когда нас примет поворот
И я коснусь прохладной груди.

1921

«О, этот облик!... Это имя!...»

О, этот облик!.. Это имя!..
Они во сне и наяву;
Только надеждами одними
В свершенье чаяний живу.

Мне каждый день в разлуке долог,
Все жду когда же, наконец,
Развеется туманный полог
Между двух связанных сердец.

И как награду в утро встречи
За подвиг верности и мук,
Мои мужские примут плечи
Легкую тяжесть женских рук.

1921

«От влажных строф ямбического склада...»

От влажных строф ямбического склада,
Пленительна, спокойна и легка,
Плыви благоуханная прохлада
В дыханьи ласкового ветерка.

И перед тем как в сумраке разлиться
Между цветов, колосьев и ветвей,
Ты опаленные сердца и лица
Волнующею свежестью обвей.

1921

«От холода ли сердце затвердело...»

От холода ли сердце затвердело,
Или чрезмерный жар его сковал
Мне все равно!.. Под сенью покрывал
Я предрешил задуманное дело.

Моей души сомнение не задело,
Пусть яростно девятый мчался вал,
Не тщетно я в беспамятстве взывал
К той тишине, которой нет предела.

Переступив зияющий провал,
Она пришла как только миновал
Тяжелый день и небо отордело...

Ясней нет блага, сладостней удела,
Чем созерцать лица ее овал,
Всего себя отдав ей без раздела.

1921

«Розовый диск в отдаленную рощу скользнул...»

Розовый диск в отдаленную рощу скользнул;
Легким туманом дымится овраг за дорогой;
Месяц над ветлами к облаку робко прильнул,
Новорожденный, наивный такой и двурогий.

Шумен был день и томителен солнечный зной,
Вечер безмолвствует свежесть и сон навеяв;
Как хорошо, что для нас в этой жизни земной
Все отцветает, едва расцвести успевая.

Радость развеется ветром минут без следа,
Верная память подругою лживою будет,
Мелкими каплями дней ледяная вода
Страсть охладит и горячую дружбу остудит.

Все на мгновенье, и нам суждено лишь на миг
Вспыхнуть звездой и свежим пахнуть ароматом...
Вот посмотри: этот месяц давно ли возник,
А уж висит, наклонившись над самым закатом!..

«Сегодня я снова крылат...»

Сегодня я снова крылат,
Сегодня я весел неволью;
Душа упорхнула из лат,
Сжимавших так долго и больно.

Душа упорхнула из лат
Навстречу блеснувшей надежде,
Я каждому встречному рад
И ласков со всеми как прежде.

Я каждому встречному рад
И каждый мне кажется милым;
Один перехваченный взгляд
Дал силы скудеющим силам.

Один перехваченный взгляд
И узел сомнений развязан...
Сегодня я снова крылат
И этим тебе я обязан!

«Тебе одной восторги и печали...»

Тебе одной восторги и печали
Прохладных строк, что зыбко укачали
Меня неугомонною волной;
И вот воспоминаньями больной
Томлюсь, влеком любовью, о причале.
Не раз глаза в глазах ответ встречали
И губы пахли влагой и весной,
Но и другим признания звучали
Тебе одной.
Все бережет и радует вначале
Мою любовь; от жгучего луча ли,
От тени ли дрожащей и сквозной
Она растет, усиливая зной;
Мы с ней вдвоем рондо предназначали
Тебе одной...

1921

«Я не гадаю робко и тревожно...»

Я не гадаю робко и тревожно
Какую дань судьба мне принесет,
И самому свой путь провидеть можно
От злых глубин до радостных высот.

В грядущем предусматриваю встречу,
А нынче острием карандаша
Еще непонимающим отвечаю: —
Нежнее неба – нежная душа!..

1921

«Я не хотел делить досуг с тобой, тоска...»

Я не хотел делить досуг с тобой, тоска;
Я вышел в ржавый сад, где пахнет влажной глиной,
И вот над головой простые облака,
Крутая синева и клекот журавлиный.
Уже четвертый час, но еще сыро тут,
Еще не сумерки, но здесь уже лилово,
И мысли легкие стремительно растут,
И бьется на губах настойчивое слово.
Сегодняшнего нет в томлении моем,
Меня волнует миг, предчувствуемый мною,
И в памяти в один смешались водоем
Арктические льды с тропической волною...

1921

«Не изменю ямбическому метру...»

А. Я. Марееву

Не изменю ямбическому метру
Он тишине сопутствующий паж;
Крылата мысль, душа подобна ветру
И быстроног прилежный карандаш.

Поэт и друг! Волнующий и верный!
Не доверяйся прихоти волны,
Свои сердца мы с ревностью примерной
Оберегать от горечи должны.

Под свист и рев на площади базарной
Юродствовать и буйствовать не нам,
Мы в простоте как небо лучезарной
Поверим вновь видениям и снам.

Не нам плоды блаженного недуга
Разменивать на стертые гроши,
Лишь тишина – нежнейшая подруга
Тому, кто пел под музыку души.

«В рассветный час омытая росой...»

В рассветный час омытая росой
Природа успокаивает вдвое;
Горит восток прозрачной полосой
И сладок запах освеженной хвои.

Еще в кустах таинственность и мрак,
Но свет растет с минуты на минуту
И тень ползет под ясени в овраг
К сырому и заросшему приюту.

Еще листва дымится и тиха,
Еще волнение сердца не тревожит,
И утреннего крика петуха
Душа, как символ, не принять не может.

1921

«Вы не изгладите из памяти, года...»

Вы не изгладите из памяти, года,
Тот отдаленный край, где в берег оголенный
С разбега шумно бьет тяжелая вода
Холодной пеною и россыпью соленой.
Мне вспоминается огромная луна,
Сырые облака прорезавшая боком,
И неожиданный для мачт и полотна
Стремительный порыв в безветрии глубоком.
О, северная ночь, качавшая мой челн,
Я бережно пронес сквозь время и забвенье
Величественный гул твоих громоздких волн
И ветра твоего к лицу прикосновенье...

1921

«Еще во власти мигов острых...»

Еще во власти мигов острых,
От поцелуев не остыв,
Ты вспомнила о младших сестрах
И уходить собралась ты.

А я неутоленный страстью
К рукам отяжелевшим льну,
И на зло призрачному счастью
Наш жребий горестный кляню.

Тебе – на крест семейной скуки
Идти по городу в метель,
Мне – горечь выпитой разлуки
И неостывшая постель.

А незастегнутое платье
Хранит над поясом следы
Почти жестокого объятья
И нежный запах резеды.

1921

«За шумом дней – сухая тишина...»

За шумом дней – сухая тишина,
За бредом сердца – тела отдых львиный...
Ошеломленным грузною лавиной
Иная боль уже предрешена.
Мне говорят: – благоуханен хмель,
Я говорю: – он жжет, не освежая;
Волна неистовая и чужая
С разбега слижет розовую мель.
Глотают пену ржавые бока,
Порывистый рвет реи ветер, рея,
И луч беды час от часу острее
Пронзает тех, чья жажда глубока.
По капле в кровь сочится мутный яд,
И взгляд змеи приковывает разом;
Но наяву тем снам не верит разум,
Которые пророчества таят...

«Курчавит ветер волосы льна...»

Курчавит ветер волосы льна,
А я томлюсь все той же загадкой;
Не в первый раз уже душа больна
Тоской пленительной и мукой сладкою.

Так отчего же и в этот раз,
Голоса чувства снова не слушая,
Стараюсь холодом ненужных фраз
Раскрывшуюся оледенить душу я.

Разве не ложью звучат слова?
Разве возможно быть ими связанным?
Моя душа потому и жива,
Что каждый миг трепетала несказанным.

1921

«Насторожившаяся зреет нива...»

Насторожившаяся зреет нива,
Роса тепла, как пар от молока,
И поворачиваются лениво
Неповоротливые облака.

1921

«Не легок сон случайного ночлега...»

Не легок сон случайного ночлега,
Когда в ушах проклятья Эвменид
И ветерок с аттического берега
Немолчною цикадою звенит.

Сквозь кружева водоворотной пены,
Взлетев в пылающие облака,
Стрела лукавой Анадиомены
Невинного пронзает голубка.

Не по плечам тяжелая обуза,
Но к свету пробивается родник,
И уж парит лирическая Муза
Над тем, кто в ночь к источнику приник.

И все к судьбе направлены дороги,
Где лавр и мирт друг с другом сплетены,
И громяхают немощные дороги
По мрамору классической страны.

«Не ошибочны эти слова...»

Не ошибочны эти слова,
Но они прозвучали ошибкой;
Для других ты быть может права,
А меня не уверишь улыбкой.

Если чувств откровенно-нагих
Ты не хочешь показывать людям,
Никогда говорить при других
О родстве наших душ мы не будем.

Ты ведь знаешь, как знаю и я,
Что пленительной отданы силе,
От себя даже это тая,
Мы блаженных томлений вкусили.

Лепестков у надежды не рви,
Предназначенное непреложно;
Только в нежной друг к другу любви
Расцвести нам обоим возможно!

«Не траурной, а розовой печали...»

Не траурной, а розовой печали
Незримый след отметил мне чело;
Январь жесток, а в сердце зажурчали
Ручьи любви и сердце зацвело.
И день, и ночь являют профиль милый,
Тугую грудь и слабую ладонь,
И томный ток пронизывает жилы,
Вливая в кровь расплавленный огонь.
О, этот жар!.. В нем таешь, не сгорая;
В ушах звенит: – от прошлого отчаль,
Еще нежней твоя любовь вторая,
Которой улыбается печаль.

1921

«Нет, никогда я не забуду...»

Нет, никогда я не забуду
Этого светлого мгновенья,
Преобразившего все вдруг,
Скамью склонившуюся к пруду,
Горячих губ прикосновенье
И трепетанье теплых рук.

Струя легкого аромата
От резеды ли, от гвоздик ли
С ветром плыла из цветника,
Тускнел розовый тюль заката
И вдалеке к деревьям никли
Батистовые облака.

Я ждал пока лесенкой шаткой,
Медленно, с грацией гибкой,
Ты поднималась на крыльцо,
И было мне наградой сладкой
Неожиданною улыбкой
Обмолвившееся лицо.

<1921>

«Игру его любил творец Макбета...»

*Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облакал.*

А. С. Пушкин

«Игру его любил творец Макбета»,
А впрочем, может быть, и не любил,
Не вызовешь ведь всех их из могил
Скончавшихся любителей сонета,

Чтобы у них потребовать ответа
Действительно ль сонет им был так мил,
Что многие повыбились из сил,
Трудясь над ним с заката до рассвета.

Я думаю, нам Пушкин не солгал,
Ему равно ни холодно, ни жарко,
Что Дант, Шекспир, Мицкевич и Петрарка

Сонетами прельщались, и у скал
На взморье иль в уединеньи парка
«Им скорбну мысль Камознс облакал».

«Меня воображение захватило...»

Меня воображение захватило;
Сквозь мглу и снег я вижу наяву
Закатывающееся светило
И остывающую синеву.

Крутой туман распластан над болотом,
Осенний воздух – крепкое вино,
И вдоволь горизонтным позолотам
Сегодня разогреться не дано.

И мреет сумрак матово-кирпичный,
С которым гармонируют вполне
Кудрявый дым над крышей черепичной
И ранний свет в готическом окне.

Тростник хрустит как изморозь сухая,
Прохладный ток касается лица,
И в смутном отдалении затихая
Звенит напев шального бубенца.

*<1922 г. 6 марта. Понедельник.
Москва>*

«Двуслысенна и не ясна...»

Двуслысенна и не ясна,
В апрельский день многолукавый
Мне представляется весна
Аллегорическою славой.

Ненастояща синева
И блики золота фальшивы,
А воробьиные слова
И слишком приторны и лживы.

И вот разветривая сны,
Сырою мглой туманя лица,
Веет дыхание весны,
Чтоб серым мороком разлиться.

*1922 г. 10 апреля. Понедельник.
Москва*

«Изящно и легко выделывая па...»

Изящно и легко выделявая па,
Предусмотрительно ты пробирайся к двери,
Не то нам здесь сейчас проломит черепа
Илья-Артур Фрумсон поэмою о Мэри.

1922 г. 3 мая. Среда.

Москва

«Илья-Артур Фрумсон...»

Илья-Артур Фрумсон
Своей поэмой жалкой
Сперва вогнал нас в сон,
Потом огрел как палкой.

1922 г. 3 мая. Среда.

Москва

«О, щедрая память, зачем эта стертая дата...»

О, щедрая память, зачем эта стертая дата
Тебя заставляет тянуть бесконечную нить?..
Довольно, довольно!.. Пускай это было когда-то,
Сейчас я не смею в былое себя заманить.

Ведь все уплывает, чтоб снова уже не вернуться,
И каждая встреча разлукой должна расцвести;
Обнявшие руки еще не хотят разомкнуться,
А губы, целуя, уже восклицают: «Прости!..»

Мы живы мгновеньем, нам лишь настоящее мило,
Грядущее смутно, а прошлое смыто волной,
И то, что вчера нас предчувствием счастья томило.
Сегодня печалит, а завтра пройдет стороной.

Зачем же, о, память, я узами связан твоими
И ласковым ветром из теплого сумрака лет
Ты снова приносишь все то же певучее имя,
Навстречу рассвету застенчивой ночи вослед?..

1922 г. 11 июня. Воскресенье.

Москва

«От смерти миру смертью веет...»

От смерти миру смертью веет...
Г. Оболдуев

«От смерти миру смертью веет»,
От Оболдуева – дерьмом...
Ведь каждый смертный разумеет:
«От смерти миру смертью веет»,
Но тем не менее советует
В благоговении немом: —
«От смерти миру смертью веет»,
От Оболдуева – дерьмом...

1922 г. 9 августа. Среда.
Москва

«Колокола пустились в пляс...»

Колокола пустились в пляс...
Н. Лавров

«Колокола пустились в пляс»,
Услышав горе-триолеты,
Что к жизни вызвал лоботряс;
«Колокола пустились в пляс»,
И день, не выдержав, погас,
И ночь завязла в тине Леты;
«Колокола пустились в пляс»,
Услышав горе-триолеты.

1922 г. 9 августа. Среда.
Москва

«Мне память падшая велела...»

Мне память падшая велела...
3. Мамаева-Сумская

«Мне память падшая велела»
Писать как пишет И. С. Ру
И я внезапно заболела.
«Мне память падшая велела»,
И я тоски не одолела
И триолечу поутру:
«Мне память падшая велела»
Писать как пишет И. С. Ру.

1922 г. 9 августа. Среда.
Москва

«Я изнемог от триолетов...»

Я изнемог от триолетов,
Еще один – и я умру!..
Прослушав дюжину поэтов,
Я изнемог от триолетов;
А вечер нынче фиолетов
И пахнет соснами в бору...
Я изнемог от триолетов,
Еще один – и я умру!..

*1922 г. 9 августа. Среда.
Москва*

«Читает те же переводы...»

Читает те же переводы
Наш бородач в который раз?
Недели, месяцы и годы
Читает те же переводы,
Не признавая вовсе моды,
Он... И сегодня целый час
Читает те же переводы
Наш бородач в который раз?

*1922 г. 16 августа. Среда.
Москва*

«Все, чем нас земля дарила...»

*Все, чем нас земля дарила
Позабудем навсегда!..*

В. Федоров

«Все, чем нас земля дарила
Позабудем навсегда!..»
Возглашал рифмач-мудрила.
«Все, чем нас земля дарила»
Нас сегодня уморило,
И промолвили мы: «Да,
«Все, чем нас земля дарила
Позабудем навсегда!..»

*1922 г. 16 августа. Среда.
Москва*

«Я слепнуть не хочу от молнии грозовой...»

*Я слепнуть не хочу от молнии грозовой...
Ни слушать скрипок вой (неистовые
звуки).*

А. А. Блок.

«Я слепнуть не хочу от молнии грозовой»,
Когда на каждый вздох неуволнимым эхом
Отвечает душа и к радостным утехам
Меня зовут глаза горячей синевой.

Кто был крещен водой не мертвой, а живой,
Тот светится звездой, звенит задорным смехом,
Безмолвствует землей, растет лесным орехом
И легкой бабочкой порхает над травой.

Прекрасно в мире все: миг встречи, час разлуки,
Молчание зимы и музыка весны;
Нам жизнь ручается, — вернее нет поруки, —

Что только те из нас для смерти рождены,
Которым не дано ни слышать тишины,
«Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!)»

1922 г. 28 августа. Понедельник.

Москва

Э. Е. Левонтину («О, Эзра, божественно ты восседаешь на кресле...»)

Э. Е. Левонтину

О, Эзра, божественно ты восседаешь на кресле,
Взирая на публику грозным Зевесом с Олимпа,
Смотрите, мол, вот я каков врию преда Литоса,
Желаю дам слово, а нет – не посмеешь и пикнуть.

1922 г. 20 сентября. Среда.

Москва

Е. В. Астафьевой («Вот этот сборник неоклассиков...») Надпись на сборнике стихов

Вот этот сборник неоклассиков,
Безукоризненный почти,
Ты поцелуй семнадцать разиков
И с наслаждением прочти.

Ты здесь отыщешь Волчанецкую,
Левонтина – любимца муз,
И старушенцию немецкую,
С кем сладок Менского союз.

Мафусаила Гиляровского,
Счет потерявшего годам,
И покорителя московского
Литературных наших дам.

Без лада Ладу, Фейгу фейную,
Сусанну полную огня,
И сдунув гущицу кофейную,
Ты в нем увидишь и меня.

И у себя совсем оставь его,

Он окрылит твои мечты...
Пусть для кого-то ты Астафьева,
Но для меня Попова ты!

1922 г. 27 сентября. Среда.

Москва

«Расплывется лениво лиловый от ладана дым...»

Расплывется лениво лиловый от ладана дым,
Обессилен, замрет элегический благовест
сельский,
И последнее слово над телом зарытым моим
С неподдельною нежностью вымолвит ветер
апрельский.

Будет утренний воздух томительно пахнуть весной
И пригретой землею, которой мой прах придавили,
Ты глубоко вздохнешь и безмолвно прощаясь со
мною,
Разбросаешь подснежники щедрой рукой по
могиле.

Резвый луч торопливо тебя поцелует в глаза,
В обнаженных кустах задрожат золотистые пятна,
И подумаешь ты: «Он ушел ничего не сказав,
И теперь я не знаю, когда он вернется обратно...»

*<1922 г. 3 октября. Вторник.
Москва>*

«Надувается парус, шумит за кормою вода...»

Надувается парус, шумит за кормою вода,
Ветер хлещет в лицо серебром просолившейся
пыли;

То же самое было, я помню, в то время, когда
За руном золотым мы в Колхиду чудесную плыли.

Днем нас мучило солнце и был горизонт сиротлив,
Мы четырнадцать суток томились в безвыходном
круге,

И тревожила мысль, что в тени фессалийских олив
Позабыли о нас полногрудые наши подруги.

А безлунною ночью под пологом бархатной тьмы,
В расслабляющем сне до кормы распростершись
от носа,

Все мы бредили, ибо еще не увидели мы
Олеандровых рощ и воинственных женщин
Лемноса.

1922 г. 13 декабря. Среда.

Москва

«Когда три дня я не поем...»

Когда три дня я не поем
И будет пуст живот как бочка, —
Обед из этих поэм
Я проглочу, пожалуй. Точка.

Его я не переварю
И попадут мне камни в почки,
И я скончаюсь к январю!..
Знак восклицательный и точки!..

1922 г. 13 декабря. Среда.

Москва

«Напоследок хмельней опьяненные губы прильнут...»

Напоследок хмельней опьяненные губы прильнут,
Обовьются настойчивей отяжелевшие руки;
Золотая моя, только несколько легких минут
Мы успеем укрыть от упорного взгляда разлуки.
Неожиданный блик задрожал у тебя над виском,
У ресниц твоих тень из расплывчатой сделалась
резкой,
И предутренный ветер, провеявший влажным
песком
И цветущею липой, шалит кружевной занавеской.
Я с удвоенной нежностью платье тебе застегну,
Освежу утомленную шею жемчужною ниткой,
Ты уйдешь без улыбки, но, лишь подойду я к окну,
Улыбнешься из сада и скрипнешь громоздкой
калиткой.
Прозвенит тишина, робкий луч проскользнет на
кровать,
Я закрою глаза с раздражающей слабостью в теле,
И, пока не усну, смутно будут меня волновать
Тонкий запах духов и тепло неостывшей постели.

«В уединеньи золотом...»

В уединеньи золотом —
О, легкий взор в нее не падай! —
Душа укрылась как щитом
Акмеистической прохладой.
Но зной земной любви жесток,
Он мучит тело томным пленом
И гонит жадной крови ток
По расширяющимся венам.
И неизбежно познаю,
Когда душа прозолотела,
Головокружительную
И тусклую истому тела.

1922

«Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды...»

Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды,
И кляня, и приветствуя свой преждевременный
час;

Здесь, на милой земле, я дышал и любил не
однажды

И сюда расцветать возвращусь не один еще раз.
Помню давнюю ночь: как сегодня, мерцая белесо,
По зениту текло молоко из упругих сосцов,
И мы так же летели к могучей руке Геркулеса,
За собой оставляя стремившихся к нам Близнецов.
Но тогда Антарес не пылал на клешне Скорпиона,
Альтаир не сиял бриллиантовым глазом Орла,
И пугливых Плеяд не преследовал Пес Ориона,
И не эта Полярная нашей полярной была.

И когда-нибудь снова взглянув в незабвенное
небо, —

В те минуты, когда мне никто не сумеет помочь, —
В Лебедином крыле я — увы! — не увижу Денеба
И вздохну, вспоминая вот эту осеннюю ночь...

«Ревнивое сердце досаду таит...»

Ревнивое сердце досаду таит,
Недаром сегодня так пальцы хрустели,
И я драгоценным дождем персеид
В тревожную полночь был поднят с постели.

Томил гиацинтовый запах платка
И веяло в шумном дыхании сада: —
Земная любовь несказанно сладка,
Но слишком тягуча земная досада...

Настойчивый ветер сомненья рассей,
Размеренней, душевные мысли, звените;
К нам хрупкие звезды бросает Персей
И воздух секут золотистые нити.

О если б твой образ мгновенно потух,
И я на Земле обреченный бескрылью
Мог вдоволь насытить пылающий дух,
Блуждая в пространстве космической пылью!..

«Пока тобой согрета грудь...»

Пока тобой согрета грудь
И ты сияешь мне в зените,
Вокруг тебя – мой легкий путь
По эллиптической орбите.
Пускай пространство делит нас;
Среди лучистых волн и мелей
Я в предназначенный мне час
Пройду палящий перигелий.
Но если свет погаснет твой, —
Не освещенный, не согретый,
Я брошусь в холод мировой
Параболической кометой.

1922

«Пусть опущены вежды...»

Пусть опущены вежды
Самой милой из жен,
Влажным ветром надежды
Я теперь освежен.
Глину времени рою —
Я в былое прозрел,
Вижу гордую Трою,
Слышу пение стрел.
И – виновница плена —
Неземной и земной,
Как другая Елена,
Ты стоишь предо мной.
И не надо, не радуй
Ясным трауром глаз,
Я доволен прохладой
В этот розовый час.

1922

«Заря потухает, лиловые блекнут шелка...»

Заря потухает, лиловые блекнут шелка,
Сиреновой накипью пенятся бледные горы;
Как мог я подумать, что милая эта рука
Когда-нибудь будет искать у другого опоры.
Сухая дорога влечет неизвестно куда,
Навстречу плывет и целует ресницы прохлады,
Серебряной искрой блеснула в зените звезда
Поймав одновременно оба рассеянных взгляда.

Остывшее облако – смешанный с известью мел,
Тускнеющий отблеск скользит по лицу дорогому;
Как мог я подумать в такую минуту, как смел,
Что так же когда-нибудь ты улыбнешься другому...

1922

«Знаю: – жизнь без усилий покинет меня...»

Знаю: – жизнь без усилий покинет меня...
С теплым телом своим и с землею зеленой
Я прощусь на закате спокойного дня
Драгоценным пожаром зари опаленный.
Колокольчик лениво вдали прозвенит,
Будут птицы шуметь, размещаясь к ночлегу,
И сквозь ясную пену позволит зенит
Различить в отстоявшемся сумраке Бегу
И пока умилительный свет не погас
И родные поля пред глазами моими,
Я в последний, простой и торжественный час
Повторю через жизнь пронесенное имя.
И подумаю, может быть, с грустью потом:
«Уходя из любимого мира земного,
Я его оставляю в огне золотом,
А таким ли увижу когда-нибудь снова?..»

1922

«Мы много видывали видов...»

Мы много видывали видов: —
Альвэк, Чичерин и Левит,
Но нынче, видимо, Левидов
Представит нам из видов вид.

1923 г. 24 января. Среда.

Москва

«Мне музыка сознание затемнила...»

Мне музыка сознание затемнила;
Меня воображение томит;
Я чувствую прохладный ветер с Нила
И вижу силуэты пирамид.

Сухая ночь безмолвствует сурово
И, колыхаясь, возникают в ней
Перед гробницей Рамзеса Второго
Не тени – нет! – лишь призраки теней.

Лицом к лицу с тысячелетней славой
Не устоять ни сердцу, ни уму,
И Сириус не белый, а кровавый
Пронзает историческую тьму.

Когда ж над обелиском Псамметиха
Вспорхнет египетская стрекоза
И африканский день откроет тихо
Свои великолепные глаза —

Кустарник вздрогнет высохший и редкий,
Мучительно похожий на эспри,
И четко отпечатаются ветки

На фоне фантастической зари.

1923 г. 5 февраля. Понедельник.

Москва

Шахматы («Настойчиво, без усталости и спешки...»)

Настойчиво, без усталости и спешки,
Храня в рядах порядок и покой,
Ведут атаку связанные пешки,
Направленные опытной рукой.

Ладьи скользят уверенно и ловко,
Слоны скрепляют линии фланг,
И своевременная рокировка
Усиливает действующий фланг.

Двойной шах!.. Отступления ищи ты,
А удержать позиции нельзя;
Еще раз шах!.. И черным нет защиты
От маневрирующего ферзя.

Пробита брешь, исход – как на ладони,
В руках врага соседние поля,
И настигают взмыленные кони
Покинутого всеми короля.

*<1923 г. 8 марта. Четверг.
Москва>*

Н. П. Кугушевой («Наталья Петровна...»)

Н. П. Кугушевой

Наталья Петровна,
Зачем так неровно
Раздулся Ваш флюс;
Вы стали – о, Боже! —
Ужасно похожи
На пейзажку русс.

*1923 г. 1 апреля. Воскресенье.
Москва*

В. М. Инбер («Какая горькая услада...»)

Надпись на сборнике стихов

Какая горькая услада
Вам подарить в ответ, пока
Еще не разлилась прохлада,
Сей сборник Литособняка.

И я заранее согласен,
Что в нем не мало чепухи;
Но все ж мой подвиг не напрасен,
Когда здесь есть мои стихи.

*1923 г. 11 июня. Понедельник.
Москва*

Антиной («Вполоборота от соседки...»)

Вполоборота от соседки,
Под африканскою луной,
На пьедестале у беседки
Стоит красавец Антиной.

И знаменитая Венера
Напрасно силится увлечь
В любви революционера
Безукоризненностью плеч.

Нет, не она его пленила,
Стройна, прекрасна и бела,
Он вспоминает воды Нила
И смуглых юношей тела.

Пусть должен он в аллее сада
Дышать с ней воздухом одним,
Ему не радость, а досада
Ее заигрыванья с ним.

Пусть у нее пылают ушки,
Пускай ей страсть вздымает грудь,
Томленье этой потаскушки

Его не трогает ничуть.

Ужель она не понимает,
Что не ее любовный ток,
А ветерок приподнимает
Многозначительный листок?

*<1923 г. 12 июня. Вторник.
Москва>*

«Напрасно нежности разлив...»

Напрасно нежности разлив
Душа укрыть в себе хотела,
Прикосновеньем и сквозь лиф
Уже волнует это тело.

Но милый образ так жесток,
Теперь, тревожа, будет сниться
Над бровью легкий завиток,
Почти коснувшийся ресницы.

*1923 г. 24 июня. Воскресенье.
Москва*

«Когда простую жизнь я скукой рассеку...»

Когда простую жизнь я скукой рассеку
И мне надоедят стихи, дела и лица,
Я брошу всех и все, поеду в Мексику,
Чтоб телом и душой кой-как расшевелиться.

Из Калифорнии, минуя Гуаймас,
У Рио-дель-Норте, восточней Аризоны
Я в прерию вступлю, где рыщут и сейчас
Искатели следов, индейцы и бизоны.

Я буду обсыхать и греться у костра,
Спать где-нибудь в кустах закутавшись брезентом,
И подкупив бродяг десятка полтора,
Провозглашу себя техасским президентом.

И даже может быть кого-нибудь убью,
Иль к первой встречной вдруг воспламенев не в
меру,
Я потащусь за ней через Колумбию
Куда-нибудь на юг, в Бразилию иль в Перу.

1923 г. 27 июля. Пятница.

Москва

«Вчера от скуки мне растягивало рот...»

Вчера от скуки мне растягивало рот
Пока свои стихи читал один из «нео»;
Зачем я должен жить близ Яузских ворот,
А не под сенью пальм на острове Борнео?!

Там до сих пор стихов не пишут дикари,
Не оглашают их с напыщенностью жалкой,
Там правило одно: словами не кори,
А бей по голове бамбуковой палкой.

В воскресный день с утра ты не услышишь там
Тупой гармоник и хилой мандолины,
Там ярой музыкой ревет гиппопотам,
Кричат пронзительно фламинго и павлины.

Там женщину любить не помешает муж
И просто овладеть туземкою и белой:
Подстереги ее, легонько оглаушь,
Тащи к себе и с ней все, что захочешь делай.

А надоеет она иль станет докучать,
Гони ее скорей без всяких объяснений,
И будь уверен, что ни суд и ни печать

Не выскажут тебе своих особых мнений.

Там непосредственность не стыд и не изъян,
Там трезвый взгляд на жизнь не искажает призма,
И при желании у прятки обезьян
Возможно наблюдать зачатки коммунизма.

1923 г. 7 сентября. Пятница.

Москва

«Пугая логикою зверской...»

*Зачем я должен жить близ Яузских ворот,
А не под сенью пальм на острове Борнео?!!*

Н. Н. Минаев

Пугая логикою зверской,
Скрипя как старая кровать,
Опять какой-нибудь там Терский
Начнет меня критиковать.

В стихах не больше понимая
Чем в астрономии пифон,
Он словно дачник в вечер мая
Заводит гнусный граммофон.

Но я держать пари намерен
Хотя б на тысячу рублей,
Что глуп как самый сивый мерин
Сей мудрствующий водолей.

И вот от такого нео —
Классического сапога,
Сбежишь не только на Борнео,
А даже к черту на рога!..

1923 г. 1 октября. Понедельник.

Москва

Пушкин («Где облака подобно ленте...»)

Где облака подобно ленте
В густую зелень вплетены,
Он на гранитном постаменте
Стоит у каменной стены.

Быть может прошлое лелея,
Он вспоминает в этот час
И царскосельские аллеи,
И николаевский Кавказ.

Столетний парк давно запущен,
Тут поневоле загрустишь;
Ах, если б вновь любезный Пущин
Вспугнул Михайловскую тишь.

Иль отогнав его сомненья,
Здесь, на клочке родной земли,
Тяжелый плен уединенья
С ним разделила Натали.

Но вместо взбалмошной кокетки,
Успокоением даря,
Сквозь загоревшиеся ветки

К нему ласкается заря.

И он с беспечностью лицейской
Глядит туда наискосок,
Где у Венеры Медицейской
Отбит классический сосок.

*<1923 г. 11 октября. Четверг.
Москва>*

Людендорф («Пока еще резервы есть у нас...»)

Доклад начальника штаба Восточного фронта

генерала Людендорфа о дислокациях и операциях войсковых частей, действующих на этом фронте, главнокомандующему фронтом фельдмаршалу Гинденбургу в начале 1915 года.

– «Пока еще резервы есть у нас,
Нам нужно не откладывая больше
Широкой операцией зараз
Добиться оккупации всей Польши.

Все говорит решительно за то,
Что здесь успех нам важен чрезвычайно,
Что там сейчас прорыв немыслим, что
Удастся нам склонить фон Фалькенгайна.

Его Величество же без труда
Мы убедим, тем более, что в этом
Поддержит нас с охотою всегда
Фон Гетцендорф своим авторитетом.

Момент назрел и это ясно всем!..

Мной план уже детально разработан
С расчетом к будущей зиме совсем
Россию вывести из строя... Вот он: —

XIII-ый и V-ый корпуса,
Они всегда сражались безупречно,
Минуя Августовские леса,
Стремительно захватят Молодечно.

Прикроет фланг базируясь на Торн
Фон Шольц с двумя бригадами ландштурма,
И быстро энергичный фон Эйхгорн
Под Ковну перебросится для штурма.

Фон Мюльман клином врезываясь в бой,
Для Рененкамфа явится преградой,
Удерживая Неман за собой
6-ой артиллерийскою бригадой.

Между собой не тратя лишних слов,
Пока в войсках решимость не остыла,
Фон Франсуа и Отто фон Белов
Зайдут к Новогеоргиевску с тыла.

Едва ль продержится он долго, коль
Двенадцатою армией ударив,
Его Высочество принц Леопольд
Отбросит Драгомирова за Нарев.

С фон Гальвицем проследует в обход
Дивизия 177-ая,
И фон Линзинген выйдет на Стоход,
Брусилова у Луцка зажимая.

А фон Макензен с юга, от Карпат, —
Его маневр не может быть неверным, —
Произведет двухфланговый охват
Гвардейским и XVII-ым ландверным.

XX-ый корпус следуя с VIII-ым
Форсирует на Висле переправу
И фон Базелер точным и прямым
Ударом в лоб прорвется на Варшаву!..»

— «Что ж, хорошо!.. Я подпишу!.. Давно
Уж встряски ждут российские медведи!..»
И старый Гинденбург взглянул в окно,
Слегка зевнул и вспомнил о обеде.

*<1923 г. 17 ноября. Суббота.
Москва>*

«Оттого ли, что ветер замедлил свой шаг...»

Оттого ли, что ветер замедлил свой шаг,
Загустевшее небо от пены очистив,
Вдруг запахло росой, зазвенело в ушах
И не меркнет Арктур между липовых листьев.
А тому, кто надежд не сумел уберечь,
Кто любовь уподобил комете хвостатой,
Предназначено воздухом чувственных встреч
До рассвета дышать у бесчувственных статуй.
Как вернусь продолжать утомительный пир,
Если воспоминание слишком телесно,
Если в сердце, в котором вмещался весь мир,
В этот миг даже маленькой зависти тесно...

1923

«Когда-нибудь достигнув совершенства...»

Когда-нибудь достигнув совершенства,
Великолепным пятистопным ямбом,
Цезурами преображая ритмы,
Я возвращусь к сегодняшнему дню;
Назначенного часа ожидая,
Пусть образы сжимаются и стынут,
Пусть яблоками созревают мысли,
И тяжелеют легкие слова.
Теперь – сентябрь, безветрие и полдень,
И успокаивающее солнце
Пронизывает грузной позолотой
Широкую проржавевшую сень;
Как свежий мед, тягуч и влажен воздух,
И зеленью отсвечивает небо,
Такой густой, такой глубокой сини
Я не запомню в нынешнем году.
Шуршат опавшие листья, и душу
Отягощает сладкая дремота,
Но чувственную нежностью томится
Проснувшееся тело почему?
Иль, может быть, его уже коснулась
Через батист разгоряченной грудью
С обыкновенным именем Марии

Девятнадцатилетняя она...

1923

«Легким шелестом листья приветствуют нас...»

Легким шелестом листья приветствуют нас
На сентябрьском закате в саду опустелом;
Может быть, этот прах, что мы топчем сейчас,
Был когда-нибудь женским волнующим телом...
Может быть, точно так же светилось окно,
Зеленела вода и болото дымило,
В час, когда для любви обнажаясь, оно
Раздражало теплом и прохладой томило.
А теперь, посмотри, эта горькая прель
Угрожает земле золотою гангреной;
Неужели вот здесь – оправданье и цель
Человеческой жизни случайной и бренной.
Неужели и ты отойдешь в забытье,
Только душу укрыв оболочкой другою,
И когда-нибудь милое тело твоё
Облетевшей листвою прошуршит под ногою...

«Ах, не поэту ли под стать...»

Ах, не поэту ли под стать,
Бездельем легким не сучая,
В аллеях время коротать
От после-полудня до чая.
Кустарник высохший хрустит,
И в постоянстве непреклонном
Листы сквозь строй кариатид
Летят к дорическим колоннам.
А там, где бюст Карамзина
Глядит величественно-хмуро
И клонит гроздь бузина
Ко рту безрукого амура, —
Там на березе у скамьи —
Мной вырезанные когда-то
Инициалы Е. М. И.
И знаменательная дата.

1923

«Я о чем-то подумал, но только не помню о чем...»

Я о чем-то подумал, но только не помню о чем...
Всколыхнулась вода от напрасной тревоги утиной,
И томительный месяц завяз утомленным лучом
В кудреватых кустах, убеленных сырой паутиной.
Чем в ревнивой досаде тревожному сердцу
помочь?!

Как душой побороть расслабляющей нежности
смуту?!

Где укрыться сейчас, если даже пугливая ночь
Мне не хочет простить одиночества в эту минуту?!
Не колышатся клены, никто никого не зовет;
Словно стрелы, мгновенья вонзаются в мысли с
налета,

Раздражающий месяц за облако скрылся – и вот
Не мерцает уже оловянная накипь болота.
Ветер шумно метнулся, мешая дышать резеде;
Утомленье росло, и томленье настойчиво
длилось,

И в густой, как любовь, и в тягучей, как ревность,
воде

Золотым пауком осторожно звезда шевелилась...

«В темноте не заметно осенних пометок...»

В темноте не заметно осенних пометок;
Воздух горек от дыма, росы и брусники,
И мерцает между фиолетовых веток
Золотистая россыпь Волос Вероники.
Здесь туманно и тихо, а там на вокзале
Суета и звонки перед поездом скорым;
Вот и мы, наконец, без труда развязали
Тот запутанный узел, томились в котором.
Но все та же тоска и дорога все та же —
Иль сегодняшний день для души опечатка? —
И у ветхой калитки на пыльном трельяже
Все лежит позабытая тою перчатка.
А другая теперь скрыть улыбки не сможет,
Преисполнена гордостью полной победы;
Это мне показалось, иль правда, быть может,
Что упала звезда из плеча Андромеды...

1923

«В эту ночь тишина»

В эту ночь тишина
Полным голосом пела,
В синей мути окна
Трепетала Капелла.
И в тисках духоты,
Как в запахнутой шали,
Задыхаясь, цветы
Исступленно дышали.
Милый образ дробя,
Чахла память больная;
Я не видел тебя,
О тебе вспоминая.
А мохнатая мгла
Разрасталась и крепла,
И душа не могла
Просиять из-под пепла...

1923

Поздравительные телеграммы из Америки

I. «Ваша десятилетняя деятельность поистине изумительна!...»

Ваша десятилетняя деятельность поистине изумительна!..

Говорят, что Вы долго томились в Канске;
Вероятно поэтому Вы пишете так вразумительно,
Жаль вот только, что не по-американски.

А то бы я с Вашего позволения
Кой-что почитал бы своим детишкам...
Примите, почтеннейший, искренние поздравления
От гражданина Колумбии уважающего Вас
слишком.

Колумбия. Богота.

1923

П. «Вчера узнали: – Десять лет!...»

Вчера узнали: – Десять лет! —
От счастья мы заегозили и
Телеграфируем: Привет
От пролетариев Бразилии!..

Бразилия. Рио-де-Жанейро.
1923

III. «Когда в мое сердце вгрызается грусть...»

Когда в мое сердце вгрызается грусть,
Я – воин и вождь не мычу как корова,
Нет, я повторяю тебя наизусть,
Особенно нравится мне «Гончарова».

Сегодня я страстно мечтаю о дне,
Когда с позволения Великого Духа,
Мой брат бледнолицый, достанется мне
Твой скальп знаменитый от уха до уха!..

Голубая Лисица.

Мексика. Прерия.

1923

IV. «В Ваших ангельских стихах...»

В Ваших ангельских стихах
Сильно веет дух Америкин;
Проздравляю впопыхах!..
Зампредпрофсоженприс
Мэри Кин.

Коста-Рика. Сан-Хозе.

V. «Я русскую литературу до тонкости изучил...»

Я русскую литературу до тонкости изучил,
И сам к творчеству склонность имею большую;
Жаль, что Гиляровский безвременно почил,
А Брюсов за контр-революцию сослан в Шую.

Из русских после Надсона, Вы – лучший поэт,
Остальными, по правде сказать, я недоволен...
Желаю успехов!.. Пушкину привет!..
Я слышал, что он серьезно болен.

Парагвай. Ассунсион.

VI. «Безумно Вас люблю, поэт мой черноокий...»

Безумно Вас люблю, поэт мой черноокий,
И подражая Вам, пишу стихи сама;
Пришлите карточку, не будьте так жестоки,
Но с надписью в стихах, не то сойду с ума.

Мне мама говорит: «Поэзия опасна,
Не будешь ею сыт, она лишь портит кровь...»
Но это – ерунда! У Вас она прекрасна,
Вот только бы чуть-чуть побольше про любовь!..

Венесуела. Каракас.

VII. «Я страдал от подагры сорок восемь лет...»

Я страдал от подагры сорок восемь лет, —
Мне восемьдесят семь, проживаю в Чили,
Но творенья твои, вдохновенный поэт,
Меня окончательно излечили.

Я окреп, недовольство исчезло как дым,
По ночам мне только хорошее снится,
Вообще чувствую себя молодым
И на этих днях собираюсь жениться!..

Чили. Сант-Яго.

VIII. «Соперник, примите с острова Кубы...»

Соперник, примите с острова Кубы,
Крепкое пожатье и поцелуй в губы.

Я чту Вас не как поэта-имажиниста,
А как величайшего в Европе шахматиста.

Меня не касается бряцанье на лире,
Я очень опасаюсь за первенство в мире.

Впрочем не в моем характере бросаться словами,
Разобью Алехина – сражусь с Вами!..

Х. Р. Капабланка-и-Граупера
О. Куба. Гаванна.

IX. «Вы бесспорно талантливы – это не лесть...»

Вы бесспорно талантливы – это не лесть,
Это каждому интеллигентному человеку видно,
Но один недостаток у Вас все-таки есть,
И по-моему это чрезвычайно обидно.

В сей торжественный день пожелаю я Вам
Не идти по пути безусловно вредному
Ради Бога, прислушайтесь к моим словам: —
Не подражайте больше Демьяну Бедному!..

Перу. Лима.

1923

«Я руки за голову заложил...»

Я руки за голову заложил,
Я вытянул измученное тело,
И кровь по руслам воспаленных жил
Полууспоительно хрустела.

Пусть страсть в изнеможение истекла
И пресыщенье – нежности преграда,
Но память из граненого стекла
Просвечиваться радугою рада.

Я прекословя сердцу снизошел
К сухим губам прохладой ороситься,
И в темноте мне выдан был за шелк
Простой лоскут заношенного ситца.

И вот душа чего-то лишена,
И суживаются зрачки, и строже
Звенит в ушах и в мыслях тишина
Меж приторными приступами дрожи.

*1924 г. 12 февраля. Вторник.
Москва*

Поэма о дне моего сорокалетия («В тот день, когда мне минет сорок лет...») И о последующей моей героической жизни и смерти

I

В тот день, когда мне минет сорок лет
Рассматривая жизнь свою под лупой,
Я улыбнусь как пиковый валет
Найдя жену тщеславною и глупой.

Любовницу бездарной и тупой,
С манерами и взглядами солдата,
Знакомых надоедливой толпой
И молодость загубленной... Тогда-то

Забравшись в трюм, без паспорта, через
Атлантику, от скуки изнывая,
Я поплыву на Буэнос-Айрес,
Чтобы попасть в столицу Парагвая.

II

С полгода пробродив по городам
И чувствуя себя слегка усталым,
Посватаюсь к какой-нибудь мадам
Почтенных лет с приличным капиталом.

Когда ж апоплексический удар
Ее сразит в кафе Ассунсиона,
Я получу по завещанью в дар
Публичный дом под видом пансиона.

И не смущаясь из-за пустяков, —
Стыд не огонь, не прожигает кожу, —
За счет сластолюбивых стариков
Я собственные блага приумножу.

Но далее к доходам охладев,
Как подобает истому герою,
Я распушу любвеобильных дев
И фешенебельный притон закрою.

III

Слоняясь то с заплатами по швам,
То самым элегантным и душистым,
Я вдруг смотря по обстоятельствам
Примкну иль к анархистам иль к фашистам.

И буду после пламенных речей,
Во имя справедливости и мщенья,
Взрывать дворцы, калечить богачей
И убивать министров без смущенья.

Иль может быть как раз наоборот,
В пример и поучение для прочих
Расстреливать из окон и ворот
Процессии и митинги рабочих.

IV

В конце концов и это надоест!..
И, тщательно покрасившись под негра,
Я удалюсь из шумных значных мест
Служить к плантатору на Рио-Негро.

И под защитой аргентинской тьмы,
Там где-нибудь в подвале за верандой,
Почищу негритянские умы
Коммунистическою пропагандой.

И как-нибудь весною, в октябре,
Мы, сговорившись всем кагалом рабым,
Хозяина поджарим на костре
И дочиста плантацию разграбим.

Поняв, что это мне кой-чем грозит,
Чтоб на себя быть снова непохожим,
Приобрета индейский реквизит,
Я сделаюсь на время краснокожим.

Средь бела дня, почти-что на виду,
Скальпируя без всяких промедлений,
Я небывалый ужас наведу
На мирных истребителей оленей.

V

Но все имеет свой конец — увы! —
И вспомнив то, что Музы мне вручили,
Поэтом знаменитым из Москвы
Я появлюсь на горизонте Чили.

По просьбе дам, лелеющих мечту
Меня пленить, я в лунный вечер в роще,
Встав в позу живописную, прочту
Им что-нибудь любовное попроще.

Конечно – потрясающий успех!
И прослезясь от пафоса момента
Повесится на шею мне при всех
Законная супруга президента.

Придется тут ее поцеловать,
А поутру величественней Данта,
Забравшись с сапогами на кровать,
Я гордо выслушаю секунданта.

Привыкнув полагаться на авось,
Со стороны быть может неуклюже,
Без колебаний я проткну насквозь
Не по летам ревнующего мужа.

И в тот же день, как будто сильно пьян,
Лохматый и оборванный бродяга,
Похожий на бразильских обезьян,
Отправится на север из Сант-Яго.

VI

От вечных страхов как не изнемочь,
Когда тебя отслеживают строго!
Лишь на пятнадцатые сутки в ночь
Я перейду за тропик Козерога.

И как-то за бутылкою вина,
В случайном разговоре встречный малый
Напомнит мне о том, что есть страна,
Которая зовется Гватемалой.

Поразузнав что нужно без труда
И предвкушая новую аферу,
Я полечу стремительно туда,
Не уплатив за стол и номер в Перу.

VII

И вот однажды гражданам с утра
Газета «Вразумительное слово»
Поведает, что прибыл к ним вчера
Известный прорицатель из Козлова.

А в полночь переступит мой порог
Глава правительства сухой и ржавый
С вопросом: «Как в возможно краткий срок
Нам сделаться великою державой?»

Поколдовав и вылив гуцу в чан,
Как бы в припадке чародейной дрожи,
Я изреку: «Все зло от англичан!
Поэтому и сахар стал дороже!..»

Работая словами и пером,
Я в пору сахарного недорода
Организую английский погром
На благо гватемальского народа.

И лишь за то, что бедным я помог,
По требованью европейских миссий,
Меня упрячут крепко под замок
До заседаний всяческих комиссий.

Но вовремя мой отдых прекратив, —
Как этакой любви не подивиться? —
Меня спасет от мрачных перспектив
Четырнадцатилетняя девица.

И распродав двух кошек и трех сов,
Ее отцу и пинкертонам в пику,
Мы с поездом в одиннадцать часов
На жительство отбудем в Коста-Рику.

VIII

И снова оказавшись не у дел,
Я сделаюсь сначала дипломатом,
Затем министром иностранных дел
И предъявлю Китаю ультиматум.

Блестящий шаг, но тем не менее,
Не захотев знакомиться с винтовкой,
Взволнованное население
Запротестует общей забастовкой.

Но пожелав использовать вполне
Мою незаурядную натуру,
Парламент в панике предложит мне
Неограниченную диктатуру.

Установив спокойствие внутри,
Расправившись по-свойски с крикунами,
Я разгромлю недели в две иль в три
Китайские десанты при Панаме.

И, в Сан-Хозе подписывая мир,
Приобрету, другого не считая,
Для маленькой республики Памир,

А для себя – фельдмаршала Китая.

IX

Но, как известно каждому уму,
Всё – прах и суета в подлунном мире!
Я глубже эту истину пойму,
Когда мне стукнет семьдесят четыре.

И порешив на этом же году,
Что мы без Бога плеснеем и стынем,
Обвешавшись веригами пойду
На поклоненье тамошним святыням.

И ко всему мирскому слеп и глух,
Я буду в каждом встречном поселеньи
Пугать неразговорчивых старух
Рассказами о светопреставленьи.

И, наконец, на семьдесят шестом,
В Боливии, в местечке Санта-Роза,
Чрезмерным изнулив себя постом,
Скончаюсь от артериосклероза.

«Поэма о дне» написана 1 марта. Суббота – 5 марта.

Среда.

1924 года в Москве

«Над рассудком празднуя победу...»

Над рассудком празднуя победу
Все равно на радость иль беду
Я с тобой в Австралию поеду
В этом или в будущем году.

Пусть нас шторм раскачивает бурно
В океане грозном и седом,
Бросит якорь в гавани Мельбурна
Точно в срок наш плавающий дом.

Будет запад золот и рубинов,
И под гонг, сумятицу и крик,
Ты к себе, а я свой дом покинув,
Мы сойдем на странный материк.

Где с рычаньем рыщет динго карий
И заводят шумную игру
В голубой тени араукарий
Удивительные кенгуру.

Где из чащи эвкалиптов видно
Как с густой слюной на языке,
Подползает жадная ехидна

К утконосу спящему в песке.

Где забравшись на ночь в дикий крокус,
Казуар лишается хвоста,
И гигантский светится Канопус
Под созвездьем Южного Креста.

Где – уву! – невежественны массы
И вполне возможно, что весной
Невоспитанные папуасы
Захотят полакомиться мной.

Но и с перспективами такими
Я не против выскажусь, а за,
Коль зовут последовать за ними
Эти первобытные глаза.

*<1924 г. 16 июня. Понедельник.
Москва>*

«Мы слушаем стихи, о ритмах говорим...»

Мы слушаем стихи, о ритмах говорим,
Но разве утаить в мешке возможно шило?
И может быть уже в классический Нарым
Кого-нибудь из нас судьба послать решила.

И если для меня готов такой удел,
Я с первого же дня без всяких промедлений
Займусь с энергией, достойной лучших дел,
Организацией сознательных тюленей.

Пока в них интерес к ученью не зачах,
Мы политграмоту закончим в три урока,
Затем я освещу им в пламенных речах
Путь классовой борьбы достаточно широко.

И убедившись в том, что поняли они,
Что масса лозунги как следует впитала,
Я с увлечением столь редким в наши дни,
Прочту им, наконец, кой-что из «Капитала».

И вот настанет день, когда на все готов
Тюлений главный вождь, восторженно неистов,
Нырнет с толпой свергать правительство китов

И их приспешников акул-капиталистов.

А это для того понадобится мне,
Чтоб пролетарии спокойны быть могли бы:
Уж если кто из них окажется на дне —
Его обгложут лишь трудящиеся рыбы.

<1924 г. 20 июля. Воскресенье.

Москва>

«Так умерла любовь... Вначале...»

Так умерла любовь... Вначале
Пылало небо полчаса
И в отдалении звучали
Мальчишеские голоса.

Но обескровело светило,
И под защитой темноты
Ночь беззастенчиво схватила
Полуувядшие цветы.

Когда ж надежды облетели,
Настало время расцвести
В душе сомнению, а в теле
Неудовлетворенности.

И сердце вымолвило строго:
На этот раз – не прекословь! —
Не перейдет с тобой порога
Двадцатидневная любовь.

*<1924 г. 9 августа. Суббота.
Москва>*

Начало поэмы («Орлиное Перо не знает страха...»)

1.

Орлиное Перо не знает страха;
Он – мудрый вождь и мужественный воин,
Не старая лисица и не баба,
Он не умеет и не хочет лгать;
Откройте уши, воины и дети,
Слова вождя пусть слух ваш улаживают,
Как свист лассо, как пенье томагавка,
Как вопль скальпируемого врага.

2.

То было в месяц падающих листьев:
Два племени – апахи и команчи
Между собой топор войны зарыли
И собрались держать Большой Совет;
Мы трижды выкурили трубку мира,

Водою огненной себя согрели,
И обменявшись кровью дали клятву
Шакалов бледнолицых проучить.

3.

Между двух лун темны и тихи ночи,
И, покидая теплые вигвамы,
В такую ночь мы в прерию вступили,
Держа свой путь тропинкою войны;
Три солнца мы мустангов резвых гнали,
К четвертому достигли Рио-Гранде,
Где не ступали наши мокасины
С тех пор, как гнев Ваконды пал на нас...

1924 г. 27 августа. Среда.

Москва

Химера («Было тихо в комнате и серо...»)

Было тихо в комнате и серо,
Билась муха жалобно звеня,
В час, когда гигантская химера
Навалилась грудью на меня.

В жилах кровь оледенела, горло
Заложил резиновый комок,
И под телом, что она простерла
Я дышать и двигаться не мог.

Мне казалось: сердцу места мало,
Будто сердце схвачено в тиски,
И ломило темя и сжимало
Как чугунным обручем виски.

Словно гад по мраморным ступеням,
Извивалась потная рука
По моим беспомощным коленям
С похотливой дрожью паука.

От крылатой женщины-гиены
Пахло мерзкой сыростью крота,
И шипели клочья грязной пены

У ее чудовищного рта.

А потом в суставах захрустело,
Все померкло в мраке золотом,
Я лишился собственного тела,
А потом – не знаю, а потом

Где-то прокричал петух... Венера
Сквозь стекло рассеивала мглу
Над блестящей ручкой револьвера
И кровавой лужей на полу.

1924 г. 30 сентября. Вторник.

Москва

Надпись на экземпляре «Поэмы о дне» («Эта поэма – детище мое...»)

Е. Д. Волчанецкой-Ровинской

Эта поэма – детище мое,
Но ее происхождение несколько туманно;
Мы коллективно создали ее:
Я на бумаге, на машинке Марианна...

1924 г. 12 ноября. Среда.

Москва

«Переполюнясь лавой золотой...»

Переполюнясь лавой золотой,
Два мира – мы друг к другу тяготели,
И страсть соединила нас в постели,
Воспламенив взаимной наготой.

И в этот час прекрасный и простой,
Свершилось то, чего мы так хотели,
Я пламенел на отданном мне теле,
А ты мерцала звездной красотой.

Трепещущим, неслышащим, незрячим,
Я жадно лънул к губам твоим горячим,
Безудержною нежностью жесток,

И в первый раз колени ты разжала,
Открыв еще не смятый лепесток
Для моего безжалостного жала.

1924 г. 27 декабря. Суббота.

Москва

«В парке было сумрачно и тихо...»

В парке было сумрачно и тихо,
Лишь перед размытою плотинкой
Осторожно старая утиха
Крякала, похрустывая тиной.
Да душа звучала голосами,
Музыкой бесформенной сырея,
Чтоб слова раскладывались сами
В ритмы пятистопного хорей.
Листья вырисовывались тонко,
Шевелясь на фоне золотистом,
И прошла знакомая эстонка,
Шелестя разглаженным батистом.
Фавн смотрел глазами павиана
На сухие бедра Аполлона,
А высокомерная Диана
Улыбалась неблагосклонно.
И не скатываясь, под закатом,
Тронувшим изваянное тело,
На плече классически-покатом
Дождевая капля золотела.

«Задумался ветер, лиловое облако вспенив...»

Задумался ветер, лиловое облако вспенив,
Тяжелую зелень и тучную рожь взбудоражив;
Твой профиль – я знаю – казался бы нежно-
сиренев
На фоне заката, который не в меру оранжев.

О, если бы сердце от смутных предчувствий
очистив,
Такую любовь и томление такое отбросив,
Зеленым листком колыхаться меж кленовых
листьев,
Иль колосом желтым качаться среди спелых
колосьев.

И снова в душе полноту бытия обнаружив,
Подземною влагой горячую кровь успокоив,
Не знать о плечах, затуманенных дымкою кружев,
О трауре глаз и о косах душистей левкоев.

Коричневы тени и сини края силуэтов,
И я повторяю, себя до конца опечалив: —
Теперь бы твой профиль казался почти фиолетов
На этом закате, что так изумительно-палев...

«Если б я родился павианом...»

Если б я родился павианом
Где-нибудь в тропических широтах,
Я бы ловко лазил по лианам
И ловил мартышек желторотых.

В детстве бы свой ум не беспокоя,
Не читал про Пири и про Кука,
И не знал бы вовсе, что такое
Наша человеческая скука.

Разве плохо будучи эстетом,
Ночью, что есть силы понатужась,
С милою предсвадебным дуэтом
Наводить на готтентотов ужас.

Или ради развлечения просто
У туриста утащив бутылку,
Ею же бесхвостого прохвоста
Энергично стукнуть по затылку.

День за днем, то в чаще, то в овраге
Время проводил бы я приятно,
И за неимением бумаги
Не писал стихов бы вероятно.

И питая склонность с самых ранних
Лет к многодочерним павианам,
Я считался бы у павианов
Первым павианьим донжуаном.

1925 г. 25 февраля. Среда.

Москва

Мессалина («Приняв империи кормило...»)

Приняв империи кормило
Рукою римлянки шальной,
Ты даже цезарей затмила
Разгулом похоти больной.

И мог ли Клавдий золотушный,
Любивший лишь покушать всласть,
Насытить ласкою тщедушной
Твою чудовищную страсть.

И ты из цезарской постели,
Сменив пурпуровый хитон
На плащ рабыни, с дрожью в теле
Шла в гладиаторский притон.

Где распален твоею жаждой,
Твоим восторгом заражен,
Давил могучим телом каждый
Тебя нежнейшую из жен.

Где отвечая пылом силе,
Ты трепетала как лоза,
И, расширяясь, чуть косили

Твои прекрасные глаза.

А после в цирке равнодушно,
Ты посылала на убой
Еще вчера от страсти душной
В поту дышавших над тобой.

*<1925 г. 30 марта. Понедельник.
Москва>*

«Любовью к прошлому ведом...»

Любовью к прошлому ведом,
Во тьме годов тебя отметив,
Я посетил твой старый дом,
Борис Петрович Шереметев!

*1925 г. 8 июня. Понедельник.
Кусково.*

«Вы давно мечту таите...»

Вы давно мечту таите,
Уважаемый мой сэр,
Поселиться на Таити,
Бросив РСФСР.

Правда, может быть вначале
Жаль Вам будет той страны,
Где живем мы без печали
Все свободны и равны.

Но утешьтесь, там за это
Солнце впятеро палит,
И неведом для поэта
Фантастический Главлит

Там немудрствующих янки
Презирая за дела,
Щеголяют таитянки
В чем их мама родила.

И по зарослям шагая,
Каждый маленький прохвост
Может видеть попугая
И схватить его за хвост.

Там по женскому вопросу
Не заезжены пути,
И родному Наркомпросу
Можно пользу принести,

На досуге после чая,
Для рабочих и крестьян,
Терпеливо изучая
Быт и нравы обезьян.

Но мечту свою таите,
А не то Вас без труда
Водворят не на Таити,
А похуже кой-куда!

*<9 июня 1925 г. Вторник.
Москва>*

11 августа 1925 года («По воробьям из пушек: бум и бах...»)

По воробьям из пушек: бум и бах,
От множества цитат изнемогая,
С похвальным постоянством попугая
Твердил одно и тоже Авербах.

Лелевич спичкой ковырял в зубах,
Глазами одобрительно мигая,
А в воздухе, попутчиков пугая,
Струился дух рабкоровских рубях.

Тирады смысл под фразами запрятав,
Кого-то клял взъерошенный Арватов,
Бард от сохи не мог двух слов связать,

Грозя на мир пустить свою когорту,
И повторив раз двадцать: «так сказать»,
Малашкин, наконец, послал всех к черту.

*<1925 г. 12 августа. Среда.
Москва>*

С. М. Городецкому («Сергей Митрофаныч...»)

Сергей Митрофаныч!
Мой возраст как будто не детский:
Я вовсе не паныч
И не бюргерчонок немецкий,
Поэтому на ночь
Выслушивать вздор молодецкий —
Сие стихотворное крошево —
Мне стоит, ей Богу, не дешево,
К тому ж и для Вас, Городецкий,
Я в этом не вижу хорошего!..

*<1925 г. 16 сентября. Среда.
Москва>*

«Морозная полночь за окнами там...»

Морозная полночь за окнами там,
А здесь под журчанье ямбической речи,
Мне сладко всецело отдаться мечтам
О нашей, условленной, завтрашней встрече.

Три дня я блуждал под плащом темноты,
Лишь голос твой слышал, но этого мало,
Три дня на тебя не смотрел я, а ты
Моим равностопным стихам не внимала.

Но завтра я снова губами прильну
К руке вероятно уставшей от клавиш,
Но завтра ты снова, едва я взгляну,
Над грудью открытое платье поправишь.

Дыханье зимы на стекле серебра,
Сияет луна и, словам не внимая,
В мечтах о тебе в эту ночь декабря
Я чувствую легкое веянье мая.

*<1925 г. Декабрь.
Москва>*

«Затих в бессильи ветер красный...»

Затих в бессильи ветер красный,
Вокруг сумятица и зной,
А я дышу прохладой ясной
И умиляюсь тишиной.

И над зачахшею осокой,
Немногих жаждущих поя,
Ты веешь свежестью высокой,
Моя прохладная струя.

1925

Москва

«Оборвав на полу строчке...»

Оборвав на полустрочке,
Я спускаюсь в мир земной,
Если ты в одной сорочке
Наклонилась надо мной.

Ты пылаешь как в простуде,
Ты вздыхаешь горячо,
И настойчивые груди
Обжигают мне плечо.

Ах, конец воображеньям!..
Этой близостью пьяня,
Ты порывистым движеньем
На постель влечешь меня.

И, противиться не в силах,
Я стремлюсь в желанный плен
Между розовых и милых
Разомкнувшихся колен.

«Средь мглы томительной и нудной...»

Средь мглы томительной и нудной,
Навстречу первому лучу
Я вышел в путь прямой и трудный,
Затеплив скромную свечу.

Пусть слева ветер лицемерный,
Меня дважды голос свой,
Меня сбивал с дороги верной,
Толкая в омут головой.

Пускай туманом едким справа
Сырая вестница беды,
Струилась душная отрава
От застоявшейся воды.

И пусть обросшие грибами,
Неповоротливые пни
Гнилыми шамкали губами
Давно знакомое: «Распни!..»

Я знал: – за сумрачным болотом,
Над зыбкой нивой ячменя
Сиять небесным позолотам

Настанет время для меня.

1925

Москва

Ода тысяча девятьсот пятому («Пусть искалеченный и смятый...»)

Пусть искалеченный и смятый
Штыком, винтовкой и кнутом,
Но ты сиял, девятьсот пятый,
В огне восстаний золотом.

О предвозвестник новой даты,
Пусть над тобой свистела плеть
И твердо помнили солдаты
Приказ: «Патронов не жалеть!»

Пусть на людей кидаясь догом,
Хорунжий каждый властью пьян,
По деревням и по дорогам
Порол нагайками крестьян.

И на местах «крамолы дерзкой»
Любой карательный отряд
С решительностью гренадерской
Стрелял в десятого подряд.

Пусть для «острастки и науки»

Спешили вешать до суда,
И палачам ломило руки
От непосильного «труда».

И задыхаясь дымом мгlistым,
Со всех концов подожжена,
Огромным факелом смолистым
Пылала темная страна.

Пусть!.. Но для нас ты тем и дорог,
Что и замученным из-под
Расстрелов, виселиц и порок
Бросал царя в холодный пот.

Что августейшие особы,
Поняв куда твой вихрь летит,
От страха, жадности и злобы
Теряли сон и аппетит.

Что полыханьем грозных зарев
Вспугнув откормленных ворон,
Ты, декабрем своим ударив,
Поколебал чугунный трон.

Что низко согнутые выи,
Покорных исстари ярму,
Ты гордо выпрямил впервые
Навстречу ветру своему.

Что ты рассеял их сомненья
И в первый раз в одно связал
Железной цепью единенья
Завод, казарму и вокзал.

И на гнилом кресте распятый,
Через двенадцать лет потом
Ты просиял, девятьсот пятый,
Вновь в девятьсот семнадцатом!

1925

Аттила («В ту ночь твой сон дурная кровь мутила...»)

В ту ночь твой сон дурная кровь мутила,
Над станом стыл глухой собачий вой,
И выползло из бездны мировой
Огромное хвостатое светило.

А утром с цепи жизнь тебя спустила,
Ты бросился к добыче боевой,
Широкоскулый, с бритой головой,
Коротконогий увалень – Аттила.

Ты шел и пропадали города,
Леса валялись, ржавела вода,
Зловещими кострами рдели дали,

Нищала и плешивела земля,
А впереди безмолвно ожидали
Тебя Каталаунские поля.

Завоеватели («Покинув жен, любовниц и детей...»)

Покинув жен, любовниц и детей,
Перемешавшись в гуще пестрой банды,
Голодные, не слушая команды,
Продрогшие от кожи до костей,

Ватагою непрошенных гостей,
Спешили к грудам золота за Анды
Кастильские оборванные гранды,
Солдаты и бродяги всех мастей.

А впереди стремительный вожатый,
С усмешкою меж скулами зажатой,
К луке седельной голову клоня,

Прислушиваясь к рыку ягуара,
Нахлестывая взмокшего коня,
Скакал безжалостный Франциск Пизарро.

Ленин («Под рев солдат и крики моряков...»)

Под рев солдат и крики моряков: —
«Долой войну!.. Долой капиталистов!..»
Керенский истерически неистов
Цитатами громил большевиков.

Досадуя на этих мужиков,
Чхеидзе звал к порядку их как пристав,
А в ложе иностранных журналистов
Ехидно улыбался Милюков.

Но оборвав на полуслове фразу
Керенский смолк... Все замерло... И сразу
Огромный зал наполнился одним;

Он шел в века по-новому нетленен,
И вспыхивало искрой вслед за ним
Уже магическое слово: «Ленин!»

Марий («По глухим минтурнским дебрям...»)

По глухим минтурнским дебрям,
По болотам и лесам,
Я скитаюсь диким вепрем,
Не даваясь жадным псам.
Голова моя сенатом
Высоко оценена,
Но продажным оптиматам
Не достанется она.

Пусть судьба меня хлестнула,
Стала мачехою мать,
Не тебе, Корнелий Сулла,
Кая Мария сломать!
План твой гнусный я разрушу
Не погибну от ножа,
Пусть твою гнилую душу
Разъедает зависть-ржа.

Ведь тебе, я знаю, снится,
Что в цепях с клейменым лбом
Пред моею колесницей
Сам Югурта шел рабом.
Не мои ли легионы,

В бой бросаюсь как на пир,
И у Акв и у Вероны
Изумляли целый мир?

И в изгнании, — я верю, —
Плебсом я боготворим;
Мне — затравленному зверю
Покорится снова Рим!
Я рабов пушу на волю,
А сенат не пощажу,
И семь дней войскам позволю
Предаваться грабежу.

Чтобы им был отдых сладок,
Я для них по городам
Как рабынь аристократок
В лупанарии отдам.
И с заката до востока,
От снегов до пирамид,
Имя Мария жестоко
Вновь над миром прогремит!

1925

Николай II («Фронты трещат... Грядущее темно...») (1916 г.)

Фронты трещат... Грядущее темно...
В стране развал.... Правительство убого...
А он во всем надеясь на Бога,
Изволит развлекаться в домино.
Обычно вежлив и корректен, но,
Когда вокруг о «старце» толков много,
Насупится, усы топорщит строго
И молча, не пьянея, пьет вино.

А по утрам, тоску на час посеяв,
Докладывать приходит Алексеев, —
Ах, Боже мой, как это тяжело!
И он, откушав свежей земляники,
Шлет телеграмму в Царское Село:
«Спал хорошо. Погода прелесть. Ники».

1925

Послание двум («Тарас Григорьевич Мачтет!...»)

Тарас Григорьевич Мачтет!
Максим Эрнестович Нетропов!
Один из вас стихи прочтет,
Другой одобрит их, захлопав.

А если кто поднимет лай,
То словопрением обширным
Вас защитят – Григорий Ширман
И я – Минаев Николай.

1925 г. Суббота.

Москва

Пушкина («Пушкина Наталья Николавна!...»)

Пушкина Наталья Николавна!
Как могу тебя я оправдать,
Если ты вела себя бесславно
И его заставила страдать.

Бабочкой порхая по салонам,
Упиваясь бальной суетой,
Светским этикетом и шаблоном,
Ты была тщеславной и пустой.

Ритм стихов твой облик делал хмурым,
Доводил тебя до дурноты,
А кавалергардским каламбурам
Улыбалась благосклонно ты.

Но тебя виню я не за это,
Не о том сейчас веду я речь,
Ты могла в нем не ценить поэта,
Но не смела мужа не беречь.

Женщина отставшая от века!
Сверху позолоченная медь!
Не понять такого человека

Значит просто сердца не иметь.

Ты, сестрой прикрытая, молчала,
Болтунам и сплетницам даря
Ноября четвертое сначала,
Вслед – двадцать седьмое января.

И причина ужаса такого,
Не краснея, лишь семь лет спустя,
Ты пошла за сводника Ланского,
Тридцатидвухлетнее дитя.

И к тебе презреньем сердце вспенив, —
Как в порыве гнева и тоски
Твоему любовнику Тургенев, —
Я тебе не подал бы руки.

1925

Распутин («Весь зал в цветах... Оркестр играет туш...»)

Весь зал в цветах... Оркестр играет туш...
А сей некоронованный Юпитер
Набитый рот ладонью сальной вытер
И ущипнул девицу из кликуш.

– «Прощай, милоч! Делов вагон, к тому ж
И папа с мамой вызывают в Питер...
Не ведашь ли, что это за кондитер
Сидит вон с той, аль это ейный муж?!»

И распираем наглостью и водкой,
Расстегиваясь, грузною походкой,
Он к столику напротив подошел:

– «Эй, барыня, покажь-ка где тут ватер?!»
Пощечина и падает на стол
Российский закулисный император.

Чжан Цзо-Лин («Бессонницей страдающая как павлин...»)

Бессонницей страдающая как павлин,
От сытных мыслей изредка икая,
Затмить и превзойти Юань Ши-кая
Мечтает втайне маршал Чжан Цзо-лин.

– «Собрать кулак у северных долин
И, Гоминдану с виду потакая,
Отрезать путь к Пекину от Шанхая,
Затем удар и вот я – властелин!..»

Как хорошо в чаду благоуханном,
Свою особу видеть богдыханом,
Но злая мысль мозг давит как в тифу:

– «А вдруг пока здесь без толку сижу я,
Там Фын Юй-сян, поладив с У Пей-фу
Успеет сам столкнуть Дуань Цзи-чжуа?..»

«Акмеистический поэт Минаев...»

Акмеистический поэт Минаев
В стихах не опасается оков,
Но от старанья чуть ли не растаяв,
Их избегает всячески Глушков.

Одни слегка почесывают темя,
Другие ловят образы в уме,
Но все хотят в назначенное время
Окончить с честью это буриме.

Глядит, как кот прищурившись, хозяин
На поэтесс тщедушные тела,
И лишь того, кто критикой облаян,
Совсем не утешает пастила.

1925

Москва

«Будет час – я знаю это!...»

Будет час – я знаю это! —
Как ревниво не таи,
Обнажатся для поэта
Бедра смуглые твои.

Всем вам девушкам и женам
Предназначено упасть,
Если ветром напряженным
Вас коснется наша страсть.

И тебе придется тоже,
Скромность милую храня,
На свое девичье ложе
В этот час принять меня.

Чтоб руками стиснув тело,
Мог я жадным острием
Погрузиться до предела
В твой горячий водоем.

1925

Москва

Над гробом Есенина («В этом мире темном и убогом...»)

В этом мире темном и убогом,
Где должны мы коротать свой век,
Ты бродил недолго по дорогам
С незавидной кличкой: человек.

Мучимый неискренностью братской,
Ты в бреду хмелен и нездоров,
Буйствовал среди Москвы кабацкой,
А любил березки и коров.

Тесно в нашем неуютном теле,
И душа рванулася из пут,
Чтоб найти в космической метели
И успокоенье и уют.

Ах, душа поэта – озорница!
Пусть тебе сквозь холод голубой
В мире том ни разу не приснится
Этот мир покинутый тобой.

1926 г. 1 января. Пятница.

Москва

Б. Я. Брайниной («Будет жизнь Вам сладостней варенья...»)

Будет жизнь Вам сладостней варенья,
Вмиг растает Ваша грусть,
Если Вы сие стихотворенье
Выучите наизусть.

*1926 г. 2 января. Суббота.
Москва*

«Этот день пришел меня обидеть...»

Этот день пришел меня обидеть,
Серый был он, а не голубой;
Я с утра мечтал тебя увидеть,
Слушать голос твой и быть с тобой.

Но возникшей радости перечая,
Сердце заволакивала мгла,
Точно я предчувствовал, что встреча
Будет мне сегодня тяжела.

Ты казалась вылитой из гипса,
А в глазах зияла темнота;
Неужели я в тебе ошибся
И на самом деле ты не та?

Неужели лживо обещанье
И любовь в отчаяньи умрет,
Вспомнив равнодушное прощанье
Под январским ветром у ворот?

*1926 г. 3 января. Воскресенье.
Москва*

Г. А. Ширману («В томительные дни себя порадуй...»)

В томительные дни себя порадуй
Высокою лирической прохладой,
Ты знаешь, друг, по-прежнему жесток,
Горжусь я тем, что бережно направил
Из хаоса твой буйственный поток
В гранитное русло сонетных правил.

1926 г. 22 января. Пятница.

Москва

И. В. Грузинову («Я не кричу до хрипоты...»)

Я не кричу до хрипоты
Как стаи нынешних павлинов;
Моей поэзии цветы
Не для витрин и магазинов;
Но знаю, их оценишь ты,
Иван Васильевич Грузинов!

1926 г. 23 января. Суббота.

Москва

А. П. Савкину («Протокол перепишите чисто...») Надпись на книге

Протокол перепишите чисто,
А затем, придя домой,
Этими стихами акмеиста
Насладитесь-ка, друг мой!

*1926 г. 23 января. Суббота.
Москва*

Е. Н. Минаеву

1. «Предайся наслаждению...»

Предайся наслаждению,
Читай, душой пылая...
Дана сия Евгению
От брата Николая.

2. Рассуждение о бренности нашего земного существования и мораль из сего рассуждения вытекающая («Любим, пьем, поем к чему-то мы...»)

Любим, пьем, поем к чему-то мы
И волнуемся как рожь;
Наша жизнь – советский грош,
Только редкими минутами
Этот мир для нас хорош.
Все охватит холод газовый,
Все пройдет, все – трын-трава!
Помни мудрые слова,
Но за шалости наказывай
«Фитю-фитю 22...»

*1926 г. 24 января. Воскресенье.
Москва*

А. Н. Минаевой («Мои советы, Нина...»)

Мои советы, Нина: —
Служи в Мосфинотделе,
Играй на пианино
Три раза в две недели.
Обедай с аппетитом,
Не ссорься с Катей на ночь,
А коль придет с визитом
Щеглов Сергей Иванович,
Чтоб время не скучая
Провел он, в tkte-a-tkte'e
Ему ты после чая,
Читай стихи вот эти.

*1926 г. 24 января. Воскресенье.
Москва*

3. Е. Сотниковой («Скучно в жизни прыгать, Зоя...»)

Скучно в жизни прыгать, Зоя,
Одинокой стрекозою,
Время Вам уж
Выйти замуж,
Полноту приобрести
И детишек завести.

*1926 г. 25 января. Понедельник.
Москва*

Н. П. Савкину («Милый мой ветренник, духом не падай!...»)

Милый мой ветренник, духом не падай!..
Средь духоты и лирической темени
Пусть эта книга земною прохладой
Веет в лицо твое время от времени.
Творчество, друг, и тебе ведь знакомо,
Ведь и тебя захлестнула волна его...
Преду правления – предревизкома,
Савкину Коле от Коли Минаева.

1926 г. 26 января. Вторник.

Москва

М. Н. Ямпольской («Примите от поэта, Марианна...»)

Примите от поэта, Марианна,
Его «Прохлады» строгие цветы;
Вы, как и я, бежите неустанно
От громкоговорящей суеты.
Я знаю, Вам, такой простой и скромной,
Мои стихи давно уже сродни,
В них не найти развязности наемной,
Бессмыслицы и пошлой трескотни.
Мне творчество, что розовая призма,
Я сквозь нее в грядущее смотрю,
Встречая на дороге акмеизма
Признания встающую зарю.

1926 г. 27 января. Среда.

Москва

Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Исполнитесь почтения...») Надпись на книге

Исполнитесь почтения
И знайте, что «Прохлада»
Дается Вам для чтения,
А вовсе не для склада.
Пусть лакомит как груша Вас
Она, иль как анчоус,
О, бывшая Кугушева-с!..
А ныне Сивачева-с!..

*1926 г. 27 января. Среда.
Москва*

Н. С. Берендгофу («То клянем, то славим мы богов...»)

То клянем, то славим мы богов,
Мы поэты, наша правда в миге!..
Николай Сергеич Берендгоф,
Будьте другом этой ясной книге.

1926 г. 30 января. Суббота.

Москва

Т. Г. Мачтету («Скажу тебе по совести, Тарас...»)

Скажу тебе по совести, Тарас,
С тобою мы поэты разных рас:
Ты – чернозем невспаханного луга,
Я – строгий сад в хозяйственных руках,
Мы говорим на разных языках,
Но искренно приветствуем друг друга.

1926 г. 30 января. Суббота.

Москва

Е. Ф. Никитиной («Двенадцать строчек посвящения...»)

Двенадцать строчек посвящения
Улыбкой Музы озаря,
Даю Вам книгу без смущенья
В тридцатый вечер января.
В ней нет словесной канонады,
Нелепых поз, крикливых фраз;
Струя лирической прохлады
С ее страниц овеет Вас.
Мне не сродни эпилепсия,
Я не поклонник чепухи...
Примите же, о Евдоксия
Федоровна, мои стихи!

*<1926 г. 30 января. Суббота.
Москва>*

О. Л. Леонидову («Средь стаи поэтических калек...»)

Средь стаи поэтических калек,
Во всю разбарабанившихся ныне,
Да будет эта книга Вам, Олег,
Как манна голодающим в пустыне.

*1926 г. 1 февраля. Понедельник.
Москва*

П. И. Вагину («Скажу Вам по секрету...»)

Скажу Вам по секрету,
Милейший Петр Иванович,
Читайте книгу эту
И по утрам и на ночь.
Едва на Вас «Прохлада»
Повеет в час досуга,
В душе умрет досада
На женщину и друга.
И жизнь Вам будет слаще
Вишневого варенья...
Читайте-ка почаще
Мои стихотворенья!

*1926 г. 1 февраля. Понедельник.
Москва*

Н. 3. Пресман и С. Л. Фридману («Друзья мои!.. Прошу вас: вместе...»)

Друзья мои!.. Прошу вас: вместе
Перелистывайте листы,
Но прежде окна занавесьте
От повседневной суеты,

Чтоб лишь моим стихам внимая,
А не веселью со двора,
(Я говорю о ночи мая,) —
Вы просидели до утра.

Я не заумен, не мистичен,
Не краснобайствую, не злюсь,
Я, как всегда, акмеистичен,
А это безусловно — плюс.

И если жизнь расторгнув узы,
По разным бросит вас углам, —
Сей дар моей прохладной Музы
Вы разделите пополам!..

1926 г. 2 февраля. Вторник.

Москва

С. А. Укше («Сопровивляйтесь характеру женскому...»)

Сопровивляйтесь характеру женскому:
Не подражайте Захарову-Менскому
Это случается с Вами подчас;
Будьте в дальнейшем всегда акмеисткою!..
Иначе, честное слово, затискаю
Я постоянною критикой Вас.

*1926 г. 2 февраля. Вторник.
Москва*

М. А. Зенкевичу («Друг! Камен не ценят массы...»)

Друг! Камен не ценят массы,
Не нужны сейчас стихи,
Спят крылатые Пегасы,
Лишь коняги от сохи

Ржут во всю покинув стойла, —
Дни, недели, месяца,
Громко требуя то поила,
То сенца и овсеца.

Я скажу своей «Прохладе»:
«Не забудь, ты – Музы дочь,
Не тебе в бездарном стаде
Коротать глухую ночь.

В знак приязни книгу эту
Ясен метром, рифмой чист,
Отдает поэт поэту
Акмеисту – акмеист.

*<1926 г. 2 февраля. Вторник.
Москва>*

П. Г. Скосыреву («Говорю я Скосыреву Пете:....»)

Говорю я Скосыреву Пете: —
«Все бывает, друг, на этом свете!

Коль тебя измучит зноем «жись»
Ты моей «Прохладой» освежись».

*1926 г. 3 февраля. Среда.
Москва*

М. Э. Нетропову («Когда разводят тары-бары...»)

Когда разводят тары-бары
Родной поэзии татары,
Выходит даже не смешно,
Твои «гремящие фанфары»
Куда внушительнее, но
Тебе остыть немного надо,
Ты с каждым годом горячей,
Пусть защитит тебя «Прохлада»
От собственных «Снопов лучей».

<1926 г. 3 февраля. Среда.

Москва>

Н. Н. Захарову-Менекому («Милый Коля, не робея...»)

Милый Коля, не робея,
Комплимент скажу тебе я: —

Лучше быть поэтом Менским,
Чем поэтом Безыменским!

*1926 г. 3 февраля. Среда.
Москва*

С. И. Пейчу («Какая это благодать...»)

Какая это благодать,
Что ты – и я и Муза рады! —
Сумел в рисунке передать
Стиль и дыхание «Прохлады».

Теперь прими из наших рук
Дар ясной Музы и поэта;
Ты угодил нам, милый друг,
Благодарим тебя за это!..

*1926 г. 4 февраля. Четверг.
Москва*

В. Г. Вешневу («Мы для широких масс без критики мертвы...»)

Мы для широких масс без критики мертвы;
Я твердо верю, что об этой книге Вы

(«Блажен кто верует, тепло ему на свете!»)
Напишите на днях рецензию в газете.

*1926 г. 5 февраля. Пятница.
Москва*

Надпись на книге. Самому себе («Мне говорят: "Ты Музой не забыт..."»)

Мне говорят: «Ты Музой не забыт,
Но ты поешь о звездах и Елене,
А где же революция, где быт,
Где тот, пред кем мы пали на колени?»

Я улыбаюсь и молчу в ответ;
Они как дети фразами играют;
Я знаю, что сегодняшнего нет,
А звезды и сердца не умирают.

*<1926 г. 5 февраля. Пятница.
Москва>*

В. К. Звягинцевой («Вы стоите на мосту...»)

Вы стоите на мосту,
Но отнюдь не на посту,

Посему должны быть рады
Получить струю прохлады.

*1926 г. 6 февраля. Суббота.
Москва*

С. А. Алякринскому («Я тебе во имя смычки...»)

Я тебе во имя смычки
Отдаю стихи сии;
Но прошу тебя, мой друг,
Не вгоняй меня в испуг:
По усвоенной привычке
Их огульно не дои!

*1926 г. 6 февраля. Суббота.
Москва*

В. А. Дынник («Я сегодня словно именинник...»)

Я сегодня словно именинник,
Иль Адам, когда он был в раю,
Оттого что, Валентина Дынник,
Вам свою «Прохладу» отдаю.
Я скажу Вам с гордостью при этом:
Постоянно помните о том,
Что я был и буду лишь поэтом,
А не поэтическим шутом.
И затем прибавлю на прощанье: —
На нее взгляните понежней,
И не забывайте обещанья
В «Красной Нови» отзыв дать о ней.

<1926 г. 6 февраля. Суббота.

Москва>

М. Я. Козыреву («Поверьте искренним словам:...»)

Поверьте искренним словам: —
Даю я эту книгу Вам,

Чтобы вдвоем с Владимировой Адой
Вы освежились в душный день прохладой.

*1926 г. 6 февраля. Суббота.
Москва*

Э. Е. Левонтину («О, Эзра, поэт-символист и никитинский критик...»)

О, Эзра, поэт-символист и никитинский критик,
В знак дружбы давнишней даю я тебе эту книгу;
Читать ее можно во всякое время и даже
Когда голова заболит или зубы заноят.
В ней нет бутафорского грома, как нет и тальянки,
Которые нынче у наших пиитов в фаворе,
Здесь тихо и ясно и легкою свежестью веет,
Недаром я выбрал ей имя такое: «Прохлада».

1926 г. 6 февраля. Суббота.

Москва

В. П. Ютанову («Владимир Павлович Ютанов!...»)

Владимир Павлович Ютанов!
На стихотворных шарлатанов
Сегодня урожай хорош;
Иной открыв свое оконце,
Орет на целых три червонца,
А стоит ровно медный грош.
А я – поэт!.. И книга эта
Была мне Музою пропета,
Ее читайте не спеша,
Пусть прохлаждается душа.

*1926 г. 11 февраля. Четверг.
Москва*

В. Л. Львову-Рогачевскому («Я отдаю свою «Прохладу» Вам...») Надпись на книге

Я отдаю свою «Прохладу» Вам,
В ней нет зауми, выкриков и свиста,
Я как всегда строг к метру и словам,
Избрав себе дорогу акмеиста.
Не нужен мне словесный фейерверк
С идеей календарного листочка...

Февраль. Одиннадцатое. Четверг.
Двадцатый век. Двадцать шестой год. Точка.

*1926 г. 11 февраля. Четверг.
Москва*

К. Ф. Юону («Вы кистью дух сжигаете, я – словом...») Надпись на книге

Вы кистью дух сжигаете, я – словом
На этой самой скудной из планет;
Мы оба дышим воздухом лиловым
Страны, которой не было и нет.
И радостно, что в дни какой-то смены,
Средь суеты, под звон шаблонных фраз,
Нам так же улыбаются Камены
И звезды успокаивают нас.

*<1926 г. 14 февраля. Воскресенье.
Москва>*

Г. Ф. Дешкину («Милый Дешкин, наш исправный...»)

Милый Дешкин, наш исправный
Управдел и казначей,
Со страниц сей книги славной
Не своди своих очей.
Искры прежнего таланта
Собери-ка ты в груди,
И кой-что на эсперанто
Из нее переведи.
И за это из сарая
Нашей жизни на юру,
Попадешь ты в кущи рая,
А не в адскую дыру.

*<1926 г. 17 февраля. Среда.
Москва>*

М. И. Гинзбургу («Поверь мне, Гинзбург Михаил:...»)

Поверь мне, Гинзбург Михаил: —

Н. Н. Минаева – поэта

Не скроет тинистая Лета

И не затащит жирный ил.

1926 г. 18 февраля. Четверг.

Москва

Е. Г. Соколу («Все кружась вокруг да около...»)

Все кружась вокруг да около,
Я беспечно рифмой цокал,
Но подбитый клювом сокола
Грузно стукнулся я б кол,
Вся душа во мне заекала,
Я от ужаса зачмокал,
Потому тут и Куокала,
Сознаюсь, Евгений Сокол,
Что душа от этих строк ала,
Рифмы все уже раскокала.

*1926 г. 20 февраля. Суббота.
Москва*

И. С. Рукавишникову («Свет – Иван Сергеич Рукавишников...») Надпись на книге

Свет – Иван Сергеич Рукавишников,
Средь поэтов ныне много школ и каст,
Воспевают звезды и большевиков,
Город и деревню, кто во что горазд.

Но из них известно только кой-кому,
Что и в наше время – нечего скрывать!
Лучше петь негромко, да по-своему,
Чем чужою песней глотку надрывать.

*1926 г. 20 февраля. Суббота.
Москва*

Н. П. Хорикову («Ты, Хориков, акоитист...»)

Ты, Хориков, акоитист,
Карман твой, очевидно, чист,

Так значит больше чем воров
Ты опасайся цензоров:

Они, не жаждя грабежа,
Зарезать могут без ножа!

*1926 г. 20 февраля. Суббота.
Москва*

П. А. Терскому («Средь неугомонной...»)

Средь неугомонной
Лирики советской,
Мыслями казенной,
А по форме детской,
Эта книга, Петро,
Будет, вероятно,
Чистотою метра
Всем весьма приятна.

*1926 г. 20 февраля. Суббота.
Москва*

Г. А. Шенгели («Нам ли ждать признанья масс...») Надпись на книге

Нам ли ждать признанья масс
В эти дни лихих шарманщиков,
Гармонистов на заказ
И казенных барабанщиков.

К Музам мы уйдем в приют,
Пусть заученные арии
Оглушительно поют
Мужички и пролетарии.

Пусть мешает нашим снам
Удалая безголосица,
Так же звезды светят нам,
Так же сердце к сердцу просится.

Разве может замолчать
Даже в сумраке забвения
Тот, на ком лежит печать
Золотого вдохновения?..

*<1926 г. 23 февраля. Вторник.
Москва>*

«Я теперь ту жизнь уже забыл...»

Я теперь ту жизнь уже забыл,
Но телесной памятью тревожим,
Я не сомневаюсь в том, что был
Самым чистокровным краснокожим.

О, мой бравый капитан Майн-Рид,
Прежний дух во мне не убывает,
Я смеюсь над тем, кто говорит,
Что чудес на свете не бывает.

В это время странное, когда
Жизнь должны устраивать мы сами,
Не скучая вовсе без труда,
Я могу бездельничать часами.

Никаким восторгом не горя
И не суется бестолково,
Я – поэт с душою дикаря
Должен жить средь гвалта городского.

Брежу я величием равнин
Без газет, трамваев и милиций,
И чужого вместо: «гражданин»,

Часто называю: «бледнолицый!»

А когда мерещится мне бой,
Или кровь томится по пассатам,
Тянется рука сама собой
К головам не в меру волосатым.

Эх ты, жизнь – одна сплошная снедь!
Как и чем тебя я подытожу,
Если мне приходится краснеть
За свою теперешнюю кожу?..

*<1926 г. 25 февраля. Четверг.
Москва>*

И. Н. Розанову («Ах, Иван Никанорыч, я рад...»)

Ах, Иван Никанорыч, я рад
Сделать свой поэтический вклад
В богатейшую Вашу коллекцию;
Ознакомьтесь с «Прохладой» сейчас,
А в дальнейшем прочтите для масс
О поэте Минаеве лекцию.

*1926 г. 27 февраля. Суббота.
Москва*

А. А. Демидову («Алексеич Алексей...»)

Алексеич Алексей
По фамилии Демидов,
Вероятно в жизни сей
Вы видали много видов.
Много разных петухов
Кукарекало Вам в уши,
Но, я знаю, для стихов
Вы душой не стали глуше.
Потому надеюсь я,
Что мой первенец «Прохлада»
Вами примется в друзья
И оценится как надо.

*<1926 г. 28 февраля. Воскресенье.
Москва>*

В. А. Бутягиной («Вот Вам, Бутягина Варвара...»)

Вот Вам, Бутягина Варвара,
«Прохлада» чистая моя,
В ней нет советского угара,
Как нет и нудного нытья.
Она рукой поэта строго
Очищена от шелухи,
Чтоб всем была ясна дорога
Сквозь эти ясные стихи.
Я не лирический повеса,
Не стихотворная шпана,
И я надеюсь, поэтесса,
Что будет близкой Вам она.

*1926 г. 1 марта. Понедельник.
Москва*

Н. Г. Савкиной («Надежда Георгиевна...»)

Надежда Георгиевна,
Внимательно и понемногу
Читайте «Прохладу», она —
Хорошая книга, ей-Богу!
А если кой-что наизусть
Вы выучите, то, поверьте,
Забудете всякую грусть
От этого часа до смерти.
Не тронет вас жизненный зной,
И Вы в поэтическом раже
За книгу, при встрече со мной,
Меня поцелуете даже.

1926 г. 2 марта. Вторник.

Москва

В. Г. Дуловой («Семнадцать Вам, мне тридцать лет...»)

Семнадцать Вам, мне тридцать лет,
Вы в мире гостя, я прохожий,
Вы – музыкантша, я – поэт,
Как-будто мы ничем не схожи.

Но пусть судьбою суждено
Нам угождать различным вкусам,
У нас есть общее одно:
Мы с Вами оба служим Музам.

*1926 г. 7 марта. Воскресенье.
Москва*

А. Я. Марееву («Милый Саша, друг любезный...»)

Милый Саша, друг любезный,
Вот тебе «Прохлада», на!..
Пусть не будет бесполезной
Для души твоей она.
Здесь не красно и не хмуро, —
Ни станка нет, ни сохи;
Это вовсе не халтура,
А серьезные стихи.
Потому такая пища
Не насытит нынче масс,
Но, я думаю, дружище,
Ты вернешься к ней не раз.

*1926 г. 7 марта. Воскресенье.
Москва*

«Я – двадцатого века МОСКОВСКИЙ ПОЭТ...»

Я – двадцатого века московский поэт, —
Не могу распрощаться с мечтою упорной,
Что когда-нибудь, пусть через тысячу лет,
Мое сердце забьется под кожей черной.

Я не жизнью теперь – прозябанием зову
Этих дней и ночей суетливую стаю,
А тогда мне удастся свершить наяву
Все, о чем я сейчас лишь бесплодно мечтаю.

Хорошо, например, без житейских забот,
Насладившись как следует жирной добычей,
Под тропическим солнцем набитый живот
Согревать, не боясь никаких неприличий.

И заранее выбрав из дюжины жен
Двух, которые к ласкам особенно падки,
В те минуты, когда ты в мечты погружен,
Их заставить слегка щекотать тебе пятки.

Хорошо не выслушивать глупых мудрил,
Пересчитывать звезды и верить в Бога,
А из всех окружающих только горилл

Уважать и побаиваться немного.

Пусть мне скажут: «Да это – горячечный бред,
Это не поэтично и не современно!..»
Разве я виноват, что московский поэт
С удовольствием бы превратился в бушмена?

<1926 г. 10 марта. Среда.

Москва>

Р. А. Ивневу («Как всегда без пышных фраз...») Надпись на книге

Как всегда без пышных фраз
И не сладок как амурик,
Эту книгу я сейчас
Отдаю Вам, милый Рюрик.

В ней покой и тишина,
Зыбь теней и блики света,
Пусть обрадует она
Настоящего поэта.

*1926 г. 17 марта. Среда.
Москва*

С. П. Сорокину («Для чего, какого черта...»)

Для чего, какого черта
Средь актерских обдувал,
Две недели я в АЗОРТО
Даром время убивал?

Получить за службу где там?!.
Мы довольны быть должны,
Что с трудом смогли при этом
Сохранить свои штаны.

*1926 г. 21 марта. Воскресенье.
Москва*

С. С. Вымениц («Соня, грусть свою рассей...»)

Соня, грусть свою рассей,
Что подобно домоседу,
На страницах книги сей
Я в Австралию не еду.
Здесь лишь звездные края,
Да любви земной вериги,
А экзотика моя
Будет в следующей книге.

*1926 г. 22 марта. Понедельник.
Москва*

3. И. Рукавишниковой («Пусть во многом жизнь нелепа...»)

Пусть во многом жизнь нелепа,
Пусть нас смерть подстерегает,
Сделать шаг навстречу смерти
Никогда не поздно нам;
Все же стоит жить, ей-богу
Если в мире существуют
Звезды, те, кого мы любим
И хорошие стихи.

*1926 г. 23 марта. Вторник.
Москва*

Л. М. Пеньковскому («Средь теперешней московской...»)

Средь теперешней московской
Поэтической трухи,
Получи-ка, Лев Пеньковский,
Настоящие стихи.

Я не мчусь лихим карьером
Виршеплетам модным вслед,
Ибо я не «некто в сером»,
А сознательный поэт.

*1926 г. 24 марта. Среда.
Москва*

«Сделай выбор пока не поздно!..»

Сделай выбор пока не поздно!
Здесь не ценят совсем стихов,
Здесь выслушивают серьезно
Кукарекающих петухов.

Ой вы, люди сохи и горна,
Вам поэзия – дело швах,
Но оценят меня, бесспорно,
На Сандвичевых островах!

Там детей не калечит школа
И у масс не утрачен вкус,
Сандвичане обоего пола
Не открещиваются от Муз.

Книга там не товар лежалый,
Напечатаешь так прочтут,
И не лишним будет, пожалуй,
Даже брюсовский институт.

Там по внешности неказисты,
Под излюбленные там-там,
Непричесанные марксисты

Предаются другим мечтам.

Там по темам свободно плавай,
Без опаски ныряй в слова...
Да, придется мне ехать за славой
На Сандвичевы острова!

*<1926 г. 25 марта. Четверг.
Москва>*

С. П. Чихуновой («Я скажу тебе, любя...»)

Я скажу тебе, любя: —
Не смущай напрасно беса,
Не родится из тебя
Никакая поэтесса.

А чтоб не было тоски
Поселись-ка ты с Борисом,
Штопай старые носки,
Кулебяки делай с рисом.
Растолстей и будь горда
Званьем красной командирши,
И забудь раз-навсегда
Как слагать плохие вирши.

*1926 г. 28 марта. Воскресенье.
Москва*

В. И. Розанову («Пусть кричат о смычках и отмычках...»)

Пусть кричат о смычках и отмычках
Нынешние «критики» в кавычках,
Нам смешон залиvistый их лай;

Будь уверен, Розанов Владимир,
Что поэтов род еще не вымер,
Коль живет Минаев Николай!

1926 г. 31 марта. Среда.

Москва

Н. Н. Фатову («В день не очень-то весенний...»)

В день не очень-то весенний,
На одном из «воскресений»
Я экспромтом, впопыхах
Надпись делаю в стихах,
Как и следует поэту,
Отдавая книгу эту.

*1926 г. 4 апреля. Воскресенье.
Москва*

А. П. Наврозову («Сегодня вечер свеж и розов...»)

Сегодня вечер свеж и розов,
Кричат грачи, скользят лучи,
А посему Андрей Наврозов,
Мою «Прохладу» получи.

*1926 г. 8 апреля. Четверг.
Москва*

Д. С. Усову («Мне кажется, мы одинаковых вкусов...»)

Мне кажется, мы одинаковых вкусов
И, следовательно, весьма вероятно,
Что будет Вам, Дмитрий Сергеевич Усов,
«Прохлада» моя и близка и приятна.

1926 г. 8 апреля. Четверг.

Москва

И. П. Приблудному («Не забудь, Иван Приблудный...»)

Не забудь, Иван Приблудный,
Путь поэта – путь, брат, трудный,
Мало пташкой щебетать,
Мало слышать лет мгновений
И на крыльях вдохновений
Поэтически витать.
Средь людей из «Кино-Арса»
На успех пустой не зарься,
Знай: такая слава – дым;
Даже где-нибудь под Мервом,
Лучше быть Приблудным первым,
Чем Есениным вторым!

<1926 г. 10 апреля. Суббота.

Москва>

П. Н. Петровскому («Петр Николаич! Вам, певцу «Последних песен»...»)

Петр Николаич! Вам, певцу «Последних песен»,
Лирический мой мир да будет интересен!..

1926 г. 21 апреля. Среда.

Москва

М. М. Марьяновой («Поэты слишком любят вина...»)

Поэты слишком любят вина,
Но не моя – увы! – вина,
Что имя Ваше мне, Мальвина,
Приятней всякого вина!

1926 г. 24 апреля. Суббота.

Москва

В. П. Федорову («Василий Павлыч Федоров...»)

Василий Павлыч Федоров,
Дарю тебе я книгу эту,
Читай ее и будь здоров;
Василий Павлыч Федоров,
Здесь нет есенинских коров
И пролетарских громов нету;
Василий Павлыч Федоров,
Дарю тебе я книгу эту!

*1926 г. 28 апреля. Среда.
Москва*

Н. П. Оболенской («Весьма приятно на Земле у нас...»)

Весьма приятно на Земле у нас
Быть человеком породы женской: —
Тут сразу можно быть и Хабиас,
И Комаровой, и Оболенской!..

1926 г. 28 апреля. Среда.

Москва

Н. С. Власову-Окскому («Не во сне, а наяву...»)

Не во сне, а наяву,
Радостно, а не с досадой,
Вам на Вашу «Синеву»
Отвечаю я «Прохладой».

1926 г. 28 апреля. Среда.

Москва

С. 3. Федорченко («Ах, Софья Захаровна, Вам отдавая «Прохладу»...») Надпись на книге

Ах, Софья Захаровна, Вам отдавая «Прохладу»
С большим удовольствием, все же смущен я
немного

Той мыслью, что должен (Вы помните вечер Кан-
фуна?)

Вам сделать на книге сей надпись в содружестве
с Музой.

Я надписи эти разбрасывал ранее щедро,
А ныне все темы как будто исчерпаны мною;
Ну, что напишу? Впрочем, непринужденно болтая,
К восьмой подобрался я строчке и, видимо,
спасся!..

1926 г. 15 мая. Суббота.

Москва

Т. Н. Варвинской («Тася, в день твой именинный...»)

Тася, в день твой именинный,
С чистым сердцем, без интриги,
Сей стишок не очень длинный
Я пишу тебе на книге.

И советов ряд хороших
В нем даю я в назиданье:
В дождь ходи всегда в галошах,
Даже если – на свиданье.

Будь душой мягка как вата,
И свои не портя нервы
Моего комдира-брата
Не обыгрывай ты в червы.

Не питай пристрастия к детской,
Не сердись на Гинч-Петрова,
И в республике советской
Будь счастлива и здорова!

*1926 г. 23 мая. Воскресенье.
Москва*

Н. П. Зигель («Что написать могу для Вас...»)

Что написать могу для Вас,
Когда случайно в вечер летний,
Мы повстречались в первый раз
И может быть уже в последний?

Но Вам в раздумьи золотом,
Перелистав страницы эти,
Не раз придется и потом
Невольно вспомнить о поэте.

1926 г. 27 мая. Четверг.

Москва

Е. П. Павлову («Я светлой мыслью сердце радую...»)

Я светлой мыслью сердце радую,
Друг беспечальных юных лет,
Что этой ясною «Прохладою»
Тебя обрадует поэт.

А ты мои стихотворения,
Где нет ни пошлости, ни лжи,
В минуты сладкого горения
На музыку переложил.

1926 г. 29 мая. Суббота.

Москва

Б. М. Зубакину («Теребя пушистый бакен...»)

Теребя пушистый бакен,
Как вельможный пан Ратай,
О пиит Борис Зубакин,
Эту книгу ты читай
Обязательно на даче,
Под березкой у плетня,
Чтоб понять мои задачи
И почувствовать меня.
И отдав себя экстазу
Ты под гуд шмелей и пчел
Изреки экспромтом фразу: —
«С удовольствием прочел!..»

*<1926 г. 31 мая. Понедельник.
Москва>*

«Обмануть не может темнота...»

Обмануть не может темнота...
Этим телом плоть свою сжигая,
Я душою чувствую: не та,
Не единственная, а другая.

Но слепая кровь меня томит
И во рту прохладный привкус мяты,
И как очертанья пирамид
Встали груди, что еще не смяты.

Пусть порыв мой страстный не высок,
Что мне делать, если захотело
Женских ласк горячих как песок
Жадное мое мужское тело?

Пламень крови, ты не золотой!
Ведь душа осталась несогретой,
И сейчас она стремиться к той,
Только плоть довольствуется этой.

*<1926 г. 2 июня. Среда.
Москва>*

И. А. Белоусову («Кто был душою молодым...») Надпись на книге

Кто был душою молодым
И обладал певучим даром,
Тот на Земле гостил недаром:
Он не рассеется как дым.

Так пусть же в этот душный час,
Средь поэтического смрада,
Моя спокойная «Прохлада»
Повеет свежестью на Вас.

1926 г. 2 июня. Среда.

Москва

Д. Д. Благому («В сердце вспыхнул порыв благой...»)

В сердце вспыхнул порыв благой,
Дмитрий Дмитриевич Благой,
Вам исследователю-поэту
Дать лирическую книгу эту.

1926 г. 3 июня. Четверг.

Москва

«О, моя земная Муза...»

О моя земная Муза,
Посмотри: страницу эту
Как лучом озолотило
Имя ясное твое,
И от утренней прохлады,
В час лирического ветра,
Веет свежестью высокой
И томленьем о тебе.

Я живу под звездным небом
Неизбывною любовью,
Я дышу во сне и в яви
Вместе с воздухом тобой,
Потому что для поэта,
Переполнившего сердце,
Ничего нет в целом мире
Драгоценнее тебя.

*<1926 г. 10 июня. Четверг.
Москва>*

«Как всегда безудержно мечтая...»

Как всегда безудержно мечтая,
Пусть за это критика клеймит,
Я добрался нынче до Китая
Поскорее чем товарищ Шмидт.

О, страна Конфуция и чая,
Генералов, прачечных и блох,
Ты проводишь время не сучая,
Каждым днем захвачена врасплох!

Да и как тебе не веселиться,
Как не улыбаться во весь рот,
Если, что ни город, то столица,
Что не месяц, то переворот?!

На груди твоей средь гаоляна
Дышит ветром северных долин,
Приучая к делу Чжан Сюэ-Ляна,
Бонапарт хунхузский Чжан Цзо-Лин.

И на них навастривая уши,
В интересах партии Аньфу
Плავает без усталости по суше

Одиссей раскосый У Пей-Фу

А южнее, где благоуханно
Веет гоминдановский Кантон,
Чан Кай-Ши по нотах Карахана
Задаёт товарищеский тон.

Но не веря в бабушкины сказки,
В смысле власти тоже не профан,
Не желает следовать указке
В собственных владеньях Сун Чун-Фан.

И повсюду с севера до юга,
Не теряя времени и слов,
Генералы ловко бьют друг друга,
Путая все карты у послов.

Все они как круглые сироты
Добывают свой насущный рис,
Каждому из них довольно роты,
Чтобы сделать гражданам сюрприз.

И не только жирного буржуя,
Что от страха лезет под кровать,
Даже самого Дуань Цзи-Чжуя
Можно без труда арестовать.

Ах, мечты под резкий звон трамваев,
Для меня вы лучший витамин,

Ибо я москвич Н. Н. Минаев,
А не вейхайвеец Ник-Ник-Мин!

Ибо даже в этот вечер майский
Граждане, ругая свой домком,
Выражаются не по-китайски,
А уж слишком русским языком...

1926 г. 25 июня. Пятница.

Москва

Баллада об алиментах («По возможности без лирических фраз...»)

1

По возможности без лирических фраз,
Расскажу вам историю эту на ночь...
Не в некотором царстве, а в республике у нас
Жил гражданин Семен Иванович.

Было ему сорок восемь лет,
Жил он, по-видимому, сыто,
Ходил постоянно обут и одет,
Ибо служил в кооперативе Госмыта.

По вечерам он пил кефир,
Мечтал почему-то о загранице,
И пытаюсь одолеть «Ордер на мир»,
Каждый раз засыпал на третьей странице.

Ну и жил бы себе, да и дело с концом!
Но несколько странным его мать уродила:

Неизвестно отчего напоминал он лицом
Самого лучшего нильского крокодила.

Крокодил, безусловно, очень хорош
И даже пользуется уважением,
Но если человек на него похож,
Это нельзя назвать достижением!

2

И в той же квартире номер шестой, —
Как опишу сие хладнокровно! —
Сияя своей пролетарской красотой,
Цвела комсомолка Марья Петровна.

Она имела жирные уста,
Говорила нудно и слишком длинно,
Была глупа и потрясающе толста
И, по ее словам, невинна.

И когда по ночам скрипела кровать
Под телом ее сырым и мясистым,
Семена Иваныча это не могло не волновать,
Хоть он и считался на службе марксистом.

Он кряхтел и думал: «Я так одинок,

Заведу-ка романчик с этою Машей,
При ее содействии смешной такой щенок
В будущем году назовет меня папашей.

К тому же, во-первых, она ходит в райком,
Во-вторых, у ней есть за что подержаться;
Побалую ее конфетками с чайком,
Авось она не очень будет жаться?!..»

И в те же минуты ворочаясь без сна
Так, что внизу сыпалась известка
И мыши смертельно пугались, она
Рассуждала по-женски практично и жестко:

– «Нужно мне с ним спеться, хошь не хошь,
Это не такая уж большая досада,
Что Семен Иваныч здорово похож
На кого-то из злогического сада!

Во всяком случае его следует нагреть,
Довольно мне разыгрывать египетскую муму
При его солидности его треть
Должна представлять громадную сумму!..»

И обсудив все детали со всех сторон,
Деловитая пролетарская фея
И распаленный буржуазный селадон
Мгновенно погружались в объятия Морфея.

3

И вот что мы видим через несколько дней:
Они во власти магического круга,
То она у него, то он у ней,
Словом, не могут наглядеться друг на друга.

Часто Марья Петровна впадая в гнев,
Возмущается ужасно поведением Чемберлена,
А Семен Иваныч от томленья побледнев,
В это время пожимает ее левое колено.

Потом, в свою очередь, ведет рассказ,
Немногословно, но красноречиво,
О том, как он собирался на Кавказ
И о недостатках кооператива.

4

Но в одну непрекрасную ночь, когда
Они пили чай, рассуждая о Париже,
Мой герой решил: Все это – ерунда!
Один разговор, надо к делу ближе.

И, высморкавшись, неожиданно рек:
– «Мэри, я мечтаю о Вас как о чуде,
Будьте моею сейчас... и навек!..
И храбро схватил ее за груди.

Но Марья Петровна была хитра,
Она и здесь поступила прекрасно:
Подумала: Дурак, давно пора!
Но сделала вид, что никак не согласна.

И когда, наконец, она решилась пасть,
Он перед таким телесным изобильем,
Прямо-таки африканскую страсть
Отразил на своем лице крокодильем.

И разинув рот изо всех сил,
Тут же на диване, под часами,
Сразу ей голову откусил,
Которую и проглотил вместе с волосами.

А Марья Петровна, этот бедный голубок,
Только укоризненно вздохнула,
Перевернулась на правый бок
И как ни в чем не бывало заснула.

Семен же Иваныч, выпив свой кефир,
Попытался выполнить невозможный номер,
А именно: осилить «Ордер на мир»,
Но на третьей странице не выдержал и помер.

А на утро в райкоме товарищ Якот
Развивал свой взгляд голосом еловым:
– «Человек, это ведь не рогатый скот,
Он отлично может прожить и безголовым!

У нее есть руки, чтоб голосовать,
Имеются ноги – заниматься физкультурой,
Чего же еще? А на голову наплевать,
По крайней мере не будет душой!..»

Но товарищ Цацкин, известный кипятюк,
На него набросился разъяренной пумой:
– «А на чем ей носить красный платок?!
Ты об этом, товарищ Якот, подумай...»

Его поддержали и начали преть,
И через несколько часов, в поту и в мыле,
Что-то такое, не мог я подсмотреть,
При одном воздержавшемся постановили.

А чтобы покончить разом с молвой,
И чтобы пострадавшей не было обидно,
Ей дали удостоверение, что она с головой,

Но только головы у нее не видно.

6

Женщины, вникните в мои слова:
Каждой из вас, как и всякому мужчине,
Весьма и весьма необходима голова,
По очень и очень уважительной причине.

Поэтому куда бы вас расчет не заводил,
Остерегайтесь подозрительных идиллий:
Ведь если ваш партнер лицом крокодил,
Значит у него и темперамент крокодилий!

12–13 июля 1926 года.

Москва

Рецензия («С чувством ужаса тупого...»)

С чувством ужаса тупого,
Очевидно за грехи,
Я прочел сейчас Попова
Закавказские стихи.
Вместо всяческих «жемчужин»,
Отыскал я в них «клопов»...
Нет, решительно не нужен
ВСП пиит Попов!

*1926 г. 18 сентября. Суббота.
Москва*

«Единственное счастье у меня...»

Единственное счастье у меня
Любовь к тебе, она бурлит по венам,
Ежесекундной нежностью пьяня,
Не утоляя вымыслом мгновенным.
Ей только два предписаны пути:
Иль просиять, иль не дождавшись света
Ютиться в клетке сердца взаперти,
Щадя самолюбивого поэта.
Еще дышу тобою и пока
Ношу любовь как милую обузу,
Которая быть может на века
Озолотит лирическую Музу.

*<1926 г. 27 сентября. Понедельник.
Москва>*

«Как мог я – безумный – поверить, что ты виновата?..»

Как мог я – безумный – поверить, что ты виновата?
Закатная сырость ползет по сентябрьскому саду,
Под липами грустно, а небо чуть зеленовато,
И острая жалость сменяет тупую досаду.
Сейчас только, здесь только, в сумраке этом
лиловом,
Я понял, что значит с единственной в мире
расстаться;
О, милая, милая, я оскорбил тебя словом,
Свой храм оскверняя безумной хулой святотатца...

*<1926 г. 28 сентября. Вторник.
Москва>*

«К терпенью, о Муза, себя приучай!..»

К терпенью, о Муза, себя приучай!..
Здесь в поте лица говорят и внимают,
Едят бутерброды и кушают чай
И делают вид, что стихи понимают.
Здесь — этот осанист, а тот неказист —
Сидят знатоки всевозможных пиитик,
И каждый из них диалектик-марксист,
И каждый иль в прошлом иль в будущем критик.
А в центре стола и вниманья она, —
Для многих к грядущему мост из былого, —
«Трудами» и формами отягчена,
Давать соизволит «по поводу слово».
Здесь в прениях ставят вопросы ребром,
Хотя разрешать их никто не намерен,
Здесь барды от сох щеголяют нутром,
В стихах повествуя, что чувствует мерин.
И вот все сидят с выраженьем в лице,
Друг друга словами до одури мают,
И спорят о выеденном яйце,
И делают вид, что они понимают...

<1926 г. 4 октября. Понедельник.

Москва>

Товарищи («Товарищи, товарищи, сюда!...») Начало ненаписанной пьесы в стихах

- «Товарищи, товарищи, сюда!
Я отыскал...» – «Всегда найдет пройдоха»
- «Прекрасный вид, поблизости вода!»
- «И вообще здесь, видимо, не плохо?!..»
- «Что это за растения растут?..»
- «По-моему попали мы в пампасы!..»
- «А интересно очень: есть-ли тут
Широкие трудящиеся массы?!..»

*1926 г. 22 октября. Пятница.
Москва*

«О эта нежность к бытию...»

О эта нежность к бытию
И крови легкое кипенье...
Любовь, я в жилах узнаю
Твое серебряное пенье!
И перечувствовать спеша
Прикосновенье гостыи строгой,
Переполняется душа
Очаровательной тревогой.

*<1926 г. 23 октября. Суббота.
Москва>*

«Я не клонил пред чувством головы...»

Я не клонил пред чувством головы,
Я был пленен не женщиной, а Музой,
Но ты пришла и сердце мне – увы! —
Отяготила милою обузой.

И вот любовь, с которой сладу нет,
В очарованьи необыкновенном
Душой воспринимается как свет
И чувствуется пламенем по венам.

И на строку ложится отблеск твой,
И зреет страсть в тревоге ожидания,
И нависает тучей грозовой
Молниеносный ливень обладания.

*<1926 г. 10 ноября. Среда.
Москва>*

М. А. Тарловскому («Я не хотел в «Прохладе», Марк Тарловский...»)

Я не хотел в «Прохладе», Марк Тарловский,
С литературной резвостью орловской
Побить рекорды бардов наших дней,
Нет, я решал задачи потрудней.

И пусть, поэт, не лживой одалиской,
А женщиной желанною и близкой,
К тебе прильнет в лирическую ночь
Моя акмеистическая дочь.

1926 г. 18 ноября. Четверг.

Москва

Маяковскому («Саженный рост, фигура Геркулеса...»)

*В этой жизни помереть не трудно,
Сделать жизнь значительно трудней!..*

В. В. Маяковский

Саженный рост, фигура Геркулеса,
Размашистость и митинговый зык;
И вот гремишь как ржавое железо,
Чудовищно коверкая язык.

И простоты чураясь, что заразы,
Ты начинаешь синтаксис давить,
И громозишь немыслимые фразы,
Чтоб только рифм побольше наловить.

Увы! Они как груди у кормилиц
В твоих строках беспомощно висят,
К тому жив рифмах мой однофамилец
Тебя объехал лет на шестьдесят.

Изображать царь-колокол московский,
Поверь, весьма сомнительная честь;

Пора, пора, товарищ Маяковский,
Тебе серьезно Пушкина прочесть.

Пора понять, что спишь ты беспробудно,
Что голос твой – не голос наших дней:
Ведь рифмовать по-твоему нетрудно,
Писать стихи значительно трудней!..

*<1926 г. 19 ноября. Пятница.
Москва>*

«Нам не надо – мы не в Полинезии!..»

Нам не надо – мы не в Полинезии! —
В эмпиреях мыслями витать,
Назначение нынешней поэзии
Бодрым духом массы напитать.

Ибо словно на закате лужица
Наша жизнь должна порозоветь,
Если над бумагой понатужится
Взяв перо, какой-нибудь медведь.

Он начнет: «Ой, вы поля отлогие!
Ой ты, время тракторных пахот!..»
И уже видны идеология
И здоровый классовый подход.

Не беда, что слишком он старается,
Что труда и пота не таит:
Ведь читать никто не собирается,
Но зато доволен сам пиит.

Знает он, что критики намеренно,
Ерунду марксизмом серебря,
Назовут его стихи про мерина

Новым достиженьем Октября.

И упорно Музы краснолицые,
Оттесняя белокожих нас,
При поддержке чуть ли не милиции
Всей коммуной лезут на Парнас.

<1926 г. 29 ноября. Понедельник.

Москва>

«Автор безжалостный сей...»

Автор безжалостный сей
Невероятно неровен:
То он – пророк Моисей,
То – композитор Бетховен.

Впрочем и в этом году
Те же мы слушаем звуки,
Так же сидим как в чаду
И засыпаем от скуки.

*1926 г. 11 декабря. Суббота.
Москва*

«Ведь музыка мудрей чем все науки!...»

— «Ведь музыка мудрей чем все науки!...»

— «Играй, играй, еще и без конца!...»

И льются неестественные звуки

Из горла сочинителя-чтеца.

Сей драматург не очень хладнокровен,

Он за себя не может отвечать,

Но странно все ж, что Людвиг ван Бетховен

Старался по-звериному рычать.

1926 г. 11 декабря. Суббота.

Москва

Поэтам («Пусть слова поэзии крылаты...»)

Пусть слова поэзии крылаты,
Им нельзя остаться налегке,
Мы должны заковывать их в латы
И друг с другом спаявать в строке.

Чтоб порывом творческого ветра,
На крутом лирическом пути,
Не могло их выбросить из метра
И сухими листьями взмести.

Нам дана жестокая година,
Мы вдвойне обязаны уметь
Слить в стихотвореньи воедино
Душу с телом – золото и медь.

И тогда с самим собой в беседе
Мы по праву можем быть горды,
Ибо сплав из золота и меди
Не боится крови и воды.

*<1926 г. 17 декабря. Пятница.
Москва>*

«О, пролетарии всех стран...»

О, пролетарии всех стран!
Взгляните на осла вы,
Что напустив воды в «Буран»,
Всемирной жаждет славы.

Бороться можете лишь вы
С таким его соблазном,
А то не верит он – увы! —
Поэтам буржуазным.

Навек избавьте от химер
Его рассудок детский,
Внушив ему что не Гомер
Он даже и советский.

*1927 г. 4 января. Понедельник.
Москва*

«Длинней чем Марксов «Капитал»...»

Длинней чем Марксов «Капитал»
твоя поэма для народа;
Ты сочинял ее три года
И три часа подряд читал.

Пиит, сей труд тобой зачатый,
Для блага собственной души
Хоть тридцать лет еще пиши,
Но... не читай и не печатай!..

*1927 г. 10 января. Понедельник.
Москва*

«Сразу видно он – Морской...»

Сразу видно: он – Морской!
Что ни строчка, то водица,
Веет нудью и тоской
И ни к черту не годится.

*1927 г. 10 января. Понедельник.
Москва*

«Погнавшись за мировою славой...»

Погнавшись за мирвою славой,
В одной литературной мастерской,
Нас щедро полил собственной «Полтавой»
Пиита по прозванию: Морской.

Хоть труд его огромен по размерам,
Но автор и с терпением таким
Ни Пушкиным не будет, ни Гомером,
А навсегда останется Морским.

*1927 г. 10 января. Понедельник.
Москва*

П. А. Радимову («Я для тебя, Радимов Павел...»)

Я для тебя, Радимов Павел,
Средь суматохи городской,
В «Прохладу» эти строки вставил
«Своею собственной рукой».
Скажу тебе: Гекзаметр древний
С твоими темами в ладу
И пахнет русскою деревней
Твой гимн крестьянскому труду.
И мне всегда приятна встреча
С тобой, в котором столько лет
Живут, друг другу не переча,
И живописец, и поэт.

<1927 г. 15 января. Суббота.

Москва>

«Ты пришла несвоевременно...»

Ты пришла несвоевременно
И обиделась к тому ж,
Но ведь в том, что ты беременна
Виноват не я, а муж!

1927 г. 21 января. Пятница.

Москва

«Было ясно мне, что Шурочка...»

Было ясно мне, что Шурочка —
Патентованная дурочка,
А сейчас скажу я хмуро:
Александра дочь Никифора —
Беспатентная кикимора
И не дурочка, а дура!

*1927 г. 21 января. Пятница.
Москва*

«К родной поэзии влеком...»

К родной поэзии влеком,
Поет восторженный нарком
Свой очередной панегирик:
– «Иосиф Уткин, вот сатирик,
С войной гражданской знаком,
Владеет русским языком
И вообще изящный лирик!..»

Читатель, ты ему не верь:
Москва не Тула и не Тверь,
Здесь знают внемлющие чутко
Хотя бы голосу рассудка,
Что средь лирических тетерь
Сей Уткин – как его не мерь —
Лишь поэтическая утка!

*<1927 г. 27 января. Четверг.
Москва>*

Сон и явь («Писатель Свирский видел сон...»)

Писатель Свирский видел сон,
Что он не он, а Петерсон, —
О незабвенное виденье! —
Что уж не Герценовский Дом,
Сей литераторский содом,
А тихий Кремль его владенье.

Но, пробудясь, почтенный муж
Сообразил, что это — чушь
И стал от гнева фиолетов,
И пальцем тыкая в меню,
Решил: «Сегодня ж прогоню
Из этих стен Союз Поэтов!...»

А так как сам он стар и слаб,
То подрядил на подвиг МАГШ,
Ведь МАГШ ему кой-чем обязан...
О где ты, правда, на земле,
За то, что Свирский не в Кремле
Союз Поэтов так наказан!

*<1927 г. 28 января. Пятница.
Москва>*

А. Ф. Струве («Ах, Александр Филиппыч Струве...») Надпись на книге

Ах, Александр Филиппыч Струве,
Надолго память уловила
Из Вашей азбуки игру «ве»,
Где вместе Вава и Вавила.

Плывет на Вас моя «Прохлада»
Не по низинам и канавам,
И пусть приятней шоколада
На вкус покажется она Вам.

*1927 г. 25 февраля. Пятница.
Москва*

Разговор редактора с поэтом («Был четверг... Зимний день в дымных сумерках мерк»)

Был четверг... Зимний день в дымных сумерках мерк...

Кегельбан мрачно гмыкал один из романсов,
А Некрасин не ведал чем горек четверг
И зашел разузнать о судьбе своих стансов.

Он явился сегодня в пятнадцатый раз,
Он четырнадцать раз приходил за ответом,
И все той же шаблонной коллекцией фраз
Издевалась судьба над наивным поэтом.

Кегельбан каждый раз ему в ухо шипел:
– «Что торопитесь так, гражданин, в самом деле?
Я был занят, стихов просмотреть не успел,
Загляните на следующей неделе!..»

А сегодня поэт: – «Я давал Вам стихи...»

Кегельбан: – «Гм!.. Фамилия Ваша?» –
«Некрасин...»

– «Не пойдут!.. – «Отчего же?» – «Формально
плохи,

А идеологически смысл их не ясен...»

– «Но позвольте...» – «Прошу Вас не перебивать,
В них одна поэтическая водица;
Мы не можем рабочим рекомендовать
То, что им безусловно читать не годится!..»

На лице Кегельбана заерзал испуг,
Он поправил усы, что беспомощно свисли,
И, желая блеснуть красноречием, вдруг
Начал вслух излагать глубочайшие мысли:

– «Я Вам выскажу полностью и целиком
На поэзию послеоктябрьскую взгляды:
Не пишите, во-первых, таким языком,
Что нам ваши Венеры, Камены, Наяды?!.

Во-вторых, почему у вас Рим, а не Тверь?
Почему Нил и Ганг, а не Днепр и не Волга?
Коль хотите быть в литературе теперь,
Так забудьте об этом всерьез и надолго!..

В-третьих, знайте, никак невозможно сейчас
Быть ни рыбой, ни мясом, ни красным, ни белым,
Ну а главное – больше давайте для масс
Оптимизма и бодрости в общем и целом!..»

Тут он сочно чихнул, вытер наскоро нос,
Очевидно тирада его взволновала,

Выпил чай и, поставив стакан на поднос,
Продолжал рассуждать как ни в чем не бывало:

– «Вы глядите на жизнь как бы через окно,
Сочиняете разные там триолеты,
Всё о чем-то печально вздыхаете, но,
Не забудьте, у нас есть иные поэты.

Вот, к примеру, поэт Павсикакий Растать,
Обратите вниманье, тамбовский крестьянин,
Пишет так, что почти невозможно читать,
А, пожалуй, почище чем ваш Северянин!

Я, признаться, его исключительно чту,
Это первый знаток деревенского быта,
Впрочем, что говорить, я Вам лучше прочту,
Называется «Песнь избача». Знаменито!..

Песнь избача

Хорошо в лугу с девченкой,
Месяц словно как козел,
Он трясет всё бороденкой
Над избами красных сел.

Сон сошел на всех трудящих

С той поры как помер день,
Только я счастья прикащик
Лишь не сплю средь деревень.

Да и ты, моя Матюха,
Тоже будто бы не спишь,
И мы слышим чутким ухом,
Что плывет ночная тишь.

А вокруг звезд как наседок,
Облака как есть толпа;
Ах, ты мать твою разъедак!..
Ах, ты мать твою разтак!..

А на утро спозаранки,
Чуть зажжется пыл лучей,
Мы сыграем на тальянке
И поладим вообще.

От земли пойдет дух клейкий,
Ты взглянешь ко мне в глаза,
И мы явимся в ячейку
Политграмоту чесать.

И над всем советским краем,
Чтоб наука шла в дома,
Мы свет знания пымаем,
Без него всем нам ведь тьма!..

Вы заметили образы: месяц – козел,
Звезды словно насадки, куда тут Орешин!
Правда, слог кое-где еще слишком тяжел,
Но ведь в этом и Пушкин подчас не безгрешен!..

Ну, а рифмы какие: чесать и глаза,
Спишь и тишь... Замечательно, ярко и ново!
С первой строчки, подлец, козыряет с туза,
Он смекнул в чем поэзии нашей основа.

Если Вы возразите: Растать-то один,
Это, мол, исключенье, других назови-ка?
Я скажу: А Ерема Большой-Нескладин!
А Иван Удалой! А Никифор Чивика!

А Драчейко! А Хватов! Да мало ли их?
И у каждого, это нам дорого вдвое,
Свой язык, своя тема, свой собственный стих,
Вообще что-то чувствуется живое!..

Ну, а Ваши стихи? Про любовь, про зарю,
Философствуете на избитые темы...
Нет, товарищ, решительно Вам говорю:
Не нужны в наше время такие поэмы!

Я не так еще стар, не дурак и не пьян,
И к тому же мой опыт порукою в этом:
Даже в жадной до лирики гуще крестьян
Не найти потребителя вашим сонетам!...»

Он умолк и подумал: О, как я умен!
Будь хоть Бальмонт сам тут и его развенчаю;
И, почесываясь, зычно крикнул: – «Семен,
Принеси-ка еще мне с лимончиком чаю!..»

<Март 1927>

И. С. Рукавишникову («Иван Сергеич, милый! Не жалеи...»)

Иван Сергеич, милый! Не жалеи,
Не предавайся праздничной кручине,
Что нынче твой справляют юбилей:
Прими сие как следует мужчине.

Пускай тебе в напыщенности фраз
Звучит хвала, что многим прозвучала,
Ведь мир несовершенен, в нем для нас
Всегда всё повторяется сначала.

Ты долго пел, а это – подвиг петь,
Когда вокруг и слушать не желают,
Когда гремит проржавевшая медь
И моськи поэтические лают.

И я за то, что Музу возлюбя,
Ты принял жизнь высокую и злую,
Ямбическими строфами тебя
Приветствую и братски поцелую!..

*<1927 г. 7 марта. Понедельник.
Москва>*

А.М. Чачикову («Александр Михайлыч Чачиков...») Надпись на книге

Александр Михайлыч Чачиков,
Пусть не зная неудач
Прыгнет выше прочих мячиков
«Чай-Хане» твой резвый мяч.

Я же с медленной «Прохлагою»
И во сне и наяву
Не взлетаю и не падаю,
А уверенно плыву.

*1927 г. 23 марта. Среда.
Москва*

К. Н. Лавровой («Товарищ Клавдия Лаврова...»)

Товарищ Клавдия Лаврова,
Смотри с восторгом на Китай,
Пиши стихи и будь здорова
И Н. Минаева читай!

*1927 г. 2 апреля. Суббота.
Москва*

Л. В. Кирьяковой
(«Госпожа Кирьякова!...»)
Надпись на книге

Госпожа Кирьякова!
Не читайте всякого,
 Чтоб не знать тоски;
Муз казенных шалости
Немощны до жалости
 Поэтически.
Из меню подобного
Чересчур уж сдобного
 Даже я не ем,
Кушать же «руду» мою
Вы должны, я думаю,
 С удовольствием!..

*<1927 г. 5 апреля. Вторник.
Москва>*

«Не далекая и не чужая...»

Не далекая и не чужая,
Ты моя в этот благодный час,
Я ласкаю тебя, обнажая
И для губ, и для рук, и для глаз.

Я вчера ощущал до предела
Неудовлетворенности гнет,
А сегодня желанное тело
К моему с женской пылкостью льнет.

И пьяня поцелуями щедро,
Упоительным мигом маня,
Ты в свои сокровенные недра
В первый раз принимаешь меня.

*1927 г. 9 мая. Понедельник.
Москва*

С. А. Апраксиной («Для безмозглой головы...»)

Для безмозглой головы
Здесь нужна философия: —
И Сергей Мятажный – Вы
И Апраксина София!
Это многим повод вслух
Толковать о небылицах;
Для меня ж под видом двух
Вы едины в разных лицах.
И взобравшись на Парнас,
За радушие в награду
Эти строки я для Вас
От руки вношу в «Прохладу».

1927 г. 22 мая. Воскресенье.

Москва

«Я не сдаю в архивы Госиздата...»

Я не сдаю в архивы Госиздата
Свои стихи, что резвою гурьбой
Бегут из-под пера и кандидата
В Гомеры увлекают в равный бой.

Меня пьянит сегодняшняя дата,
Пусть вечер серый, а не голубой;
Я бредил женским обликом когда-то,
А ныне, Муза, брежу я тобой.

Вздыхает Пяст, сурово смотрит Мина,
Увы! здесь нет уютного камина,
Но раньше всех я кончу свой сонет;

Ах, мне желанна теплая подушка,
Но как тут быть, когда подушки нет,
И я шепчу своей соседке: «Душка!..»

1927 г. 29 мая. Воскресенье.

Лианозово, Моск. обл.

«Мы – советские работники...»

Мы – советские работники
Честно ходим на «субботники».

А сейчас без опасенья
Мы справляем воскресенье.

На душе тепло и розово,
И в поселке Лианозово

Мы во славу всей России
Пьем в гостях у Евдоксии!..

*1927 г. 29 мая. Воскресенье.
Лианозово, Моск. губ.*

«Вопреки ленивым толкам...»

Вопреки ленивым толкам,
В одиночестве забвенья,
По лирическим проселкам
Веет ветер вдохновенья.

Он дождем благоухает,
Он томит тревогой сладкой,
И ритмически вздыхает
Над раскрытою тетрадкой.

И звенят без проволочки
Рифма вслед за рифмой четкой,
И кокетничают строчки
Поэтической походкой.

Бьет в виски прибоем милым
Кровь от вымыслов хмельная,
И торопится по жилам
Для чего сама не зная.

И не смеешь удивиться
Тайной близости Эроса,
И нельзя остановиться
У крутого поворота.

И в беспуты непролазном,
От избытка нервной влаги
Мысль охвачена соблазном
Передать себя бумаге.

<1927 г. 17 июня. Пятница.

Москва>

«Так просто все: сначала...»

Так просто все: сначала
В тумане золотом
Мечта меня качала
Над жизнью, а потом

Когда в момент паденья
Замкнулся мысли круг,
Мне без предупрежденья
Явилась Муза вдруг.

Она как бы затмила
Собой сиянье дня,
И близостью томила
Как женщина меня.

Меж нами крепили узы,
Сквозь полузабытье
Я слышал вздохи Музы,
Я чувствовал ее.

И в творческой отваге,
Проворна и легка,
За рифмой по бумаге
Зарыскала рука.

Пусть сладко нам обоим,
Но мы должны прикрыть
Эпическим покоем
Лирическую прыть.

*<1927 г. 14 июля. Четверг.
Москва>*

«Пусть мило улыбнулась ты сначала...»

Пусть мило улыбнулась ты сначала,
В приветственном пожатии руки
Почувствовал я взору вопреки,
Что прежде ты теплей меня встречала.
И нервной дрожью, острой как кинжал,
Вдруг холодок по телу пробежал.

В каком-то раздвоении жестоком
Я уж не мог быть с чувством заодно,
Когда в венецианское окно
С заката солнце хлынуло потоком,
И лава драгоценного луча
У твоего расплавилась плеча.

Я наблюдал, как словно загорая
Смуглела кожа в золоте густом,
И с нежностью подумал я о том,
Что и она — любовь моя вторая —
Носила то же имя, что и ты:
Классическое имя красоты.

Сгущался в сумрак тихий вечер летний,
Прощальный свет, рассеиваясь, гас;

Я у тебя был только в третий раз,
Но этот третий, может быть, последний: —
Я избалован участью иной
И мало мне любезности одной.

И все равно забудешь о поэте
Ты или снова позовешь меня,
Я, в памяти прекрасное храня,
За строфы элегические эти
И ту великолепную зарю
Тебя, участница, благодарю!..

*<1927 г. 11 августа. Четверг.
Москва>*

«Увяла роза данная тобой...»

Увяла роза, данная тобой,
Мое томленье убывает,
А этот вечер тускло-голубой
Воспоминая навеивает.
Я ожидал ответа на вопрос,
Когда, отдаваясь зною,
Ты в белом вся с букетом красных роз
Предстала вдруг передо мною.
В тот день лишь сном душа была жива,
Я только с Музой жаждал встречи,
Но полуоткрывали кружева
Твои пленительные плечи.
Но пенистое золото волос
Над лбом сгущалось понемногу,
И вот в крови брожение началось,
Переходящее в тревогу.
Я чувствовал, что это неспроста,
Что мне легко пойти навстречу,
И что тринадцатое августа
Я розой в памяти отмечу.

*<1927 г. 27 августа. Суббота.
Москва>*

«Эта ночь – ее я не забуду!..»

Эта ночь – ее я не забуду! —
Разожгла мое воображение,
Августовские сырые звезды
Как-то неестественно мерцали;
Несмотря на полное затишье
Подозрительно скрипели сосны,
И непроницаемая темень
От меня лицо твоё скрывала.

Мне казалось, этой ночью с нами
Необыкновенное случится:
Может быть, запутанные лешим,
Забредем мы к старой ведьме в гости;
Иль русалки, мелодичным пеньем
Затуманивая нам сознание,
Нас заманят в озеро глухое,
Чтобы там защекотать со смехом.

Или рыцари большой дороги
В романтических плащах и шляпах,
Выскочив со свистом из оврага,
В сердце поразят меня рапирой,
А тебя, дрожащую от гнева,
Унесут в глубокую пещеру,

Где заставят приготовить ужин
И по очереди быть женою.

Но вернулись мы благополучно,
И не только нечестии поганой,
Даже энергичных безработных
В эту ночь – увы! – не оказалось.
И когда постель была готова,
Сбросив незатейливое платье,
Ты ко мне прижалась теплой грудью
И меня поцеловала в губы.

В тот же миг почувствовал я сразу:
Все, чего я ожидал сегодня —
Только поэтические бредни,
Плод моей фантазии горячей.
Ах, какой я, в самом деле, странный!
Ну, зачем журавль мне нужен в небе,
Если у меня в руках синица —
Маленькое комнатное счастье?!

*<1927 г. 3 сентября. Суббота.
Москва>*

Ф. Н. Кашинцеву («Пишу сие за кружкой пива...»)

Пишу сие за кружкой пива
В столовой «Литособняка»:
Нас часто жизнь несправедливо
Тревожит из-за пустяка.

Но будет к Вам она безгневна
И за серьезные грехи,
Когда начнете ежедневно
Читать Минаева стихи.

*1927 г. 9 сентября. Пятница.
Москва*

Н. С. Гринвальд («Ты целый день в Мострикотаже...»)

Ты целый день в Мострикотаже
Проводишь, спишь спокойно ночь,
Живешь в двух комнатах и даже
Имеешь маленькую дочь.

Не спорю, это все приятно,
Всех благ твоих не перечесть,
Но все же и на солнце пятна
И в этой жизни скука есть.

Чтоб жить на свете не скучая,
Ты вместо всякой чепухи
Читай на службе после чая
Мои хорошие стихи.

Прочтешь – и свежестью повеет,
И ты впадешь в особый раж,
И в тот же миг подешевеет
В Москве советский трикотаж.

*1927 г. 17 сентября. Суббота.
Москва*

С. Д. Федоровой («Я сегодня вместо роз...»)

Я сегодня вместо роз
Вам, одной из именинниц,
С поздравлением принес
Поэтический гостинец.

В нем сиянье звезд дрожит,
Ветер лирики в нем реет;
Он коль жарко освежит,
Если холодно – согреет.

*1927 г. 30 сентября. Пятница.
Москва*

«Я вижу, я чувствую, я сознаю...»

Я вижу, я чувствую, я сознаю, —
Мне был этот привкус особенный ведам,
Любовь взбудоражила душу мою,
Ее переполнив томленьем и бредом.
И бьется у сердца горячий прибор,
И кровь в лихорадке от зноя и гула...
Любовь улыбнулась мне вместе с тобой,
Твоими глазами в глаза мне взглянула.

*<1927 г. 21 октября. Пятница.
Москва>*

«В наше время катастроф...»

В наше время катастроф
Прозябать в Европах что-там?!.
Я хочу – мой план здоров —
Жизнь наладить готтентотам.

В день отъезда я бы здесь
Распростился с нудным сплином,
И намазался бы весь
Самым лучшим гуталином.

А приехав, напрямик,
Не точа напрасно лясы,
Я бы начал в тот же миг
Призывать к восстанью массы.

Коль там есть еще цари,
От которых жить не сладко,
Я бы их недели в три
Уничтожил без остатка.

И стальным большевиком,
На погибель высшим кастам,
Власть бы отдал целиком
Пролетариям губастым.

Несмотря на тьму невзгод,
С непосредственностью детской,
Я бы сделал через год
Готтентотию советской.

Я б к культуре черных баб
Приобщил и, между прочим,
Буржуазный баобаб
Стал бы деревом рабочим.

Я б для тамошней комсы
Произвел себя в Адамы,
И в свободные часы
Сочинял бы стиходрамы.

И талант мой оцени
Тонким нюхом пролетарским,
Называли бы меня
Африканским Луначарским.

Вообще по мере сил,
Углубленный в труд свой мирный,
Я бы пользу приносил
Революции всемирной.

Но – увы! – в родной стране,
Не учтя моей сноровки,
Не дают упорно мне

В Африку командировки!..

<1927 г. 25 октября. Вторник.

Москва>

Самодержец («Париж пленен чарльстоном и туманом...»)

Париж пленен чарльстоном и туманом...
Консьержи спят... Бессмертные творят...
На страже Фош... В Палате говорят,
А действуют Пуанкаре с Брианом.

Всю ночь по мировым кафешантанам,
На зависть безвалютных сибарят,
Американцы золотом сорят,
А он – увы! – бывает редко пьяным.

– «Да, денег нет и сердится Вики,
В России варвары-большевики,
Доколе нам нужду терпеть, доколе?

Придется вновь... Почисть-ка ментик, Жан!...»
И шествует занять у дяди Коли
Сей самодержец русских парижан.

*<1927 г. 6 ноября. Воскресенье.
Москва>*

Б. А. Садовскому («Вам, поэт-нижегородец...»)

Вам, поэт-нижегородец,
В память нашего знакомства,
Книгу-первенца «Прохладу»
Отдает поэт-москвич.

Я заранее уверен,
Что она у Вашей Музы
Встретит искренний и нежный
Поэтический прием.

И поэтому надеюсь,
Что к пенатам возвратившись,
Вы ее не отдадите
На съедение мышам,

А поставите на полку
Рядом с Брюсовым и Блоком,
Чтоб она в любое время
Находилась под рукой.

*1927 г. 20 ноября. Воскресенье.
Москва*

А. И. Худяковой («Вы среди дешевой канители...»)

Вы среди дешевой канители
Мою лирическую нить
По-настоящему сумели
Почувствовать и оценить.

Так пусть за это как награда,
В передгрозовый душный час
Моя спокойная «Прохлада»
Провеет в комнате у Вас.

*1927 г. 27 ноября. Воскресенье.
Москва*

Пленум ЦК ВКП (б) («Являя миру новые манеры...»)

Являя миру новые манеры,
Впав в социалистический задор,
С имуществом полдюжины Пандор,
Идут ва-банк оппозиционеры.

Здесь явью называются химеры,
На цифрах здесь базируется вздор,
И в каждой фразе слово «термидор»
Склоняется без смысла и без меры.

В борьбе за власть нелепица и бред,
Здесь бывший пред ИККИ и с ним полпред,
С французским смешан здесь нижегородский;

И под свистки партийного райка,
Под крик: «Шпана!..» с трибуны сходит Троцкий...
Так заседает ленинский ЦК.

*<1927 г. 28 ноября. Понедельник.
Москва>*

А. А. Чумаченко («Да, милая Ада Артемьевна, да!...»)

Да, милая Ада Артемьевна, да!..
Я в книгу вношу амфибрахии эти,
Чтоб Вам они напоминали всегда
Об авторе их – правоверном поэте.

Я здесь заявляю без всяких прикрас,
(Мне кажется шаг этот вовсе не ложен,)
Что я с легким сердцем бываю у Вас
И по настоящему к Вам расположен.

*1927 г. 2 декабря. Пятница.
Москва*

С. А. Богадуровой («Скажу Вам правды не тая...») Надпись на книге

Скажу Вам правды не тая:
Я вовсе завистью не ранен,
Что я не Игорь Северянин,
А Николай Минаев – я.

Я горожу свой огород,
Мне дорога своя монета,
Поверьте на слово, что это
Не плохо, а наоборот!

*1927 г. 4 декабря. Воскресенье.
Москва*

Дизе Худяковой («Чтобы жизнь была конфеткой...») В альбом

Чтобы жизнь была конфеткой,
А не кашей и лапшой,
Надо быть хорошей деткой,
То есть паинькой большой.

Если будешь ты упряма,
Непослушна и гневна, —
Загрустим и я и мама
И Раиса Дмитриевна.

*1927 г. 11 декабря. Воскресенье.
Москва*

К. К. Барсову («Передо мной встает картина...»)

Надпись на книге

Передо мной встает картина:
Ночь в Рублеве... Снег и мгла...
Константин сын Константина
С этой книгой у стола.

И пускай бушует вьюга,
Пусть глухая ночь темна,
Книга – лучшая подруга,
Если по-сердцу она!

*1927 г. 14 декабря. Среда.
Москва*

Б. А. Садовскому («Не говори: «Печальный дан..»)

Не говори: «Печальный дан
Мне жребий!..» И жалеть не надо,
Что утащили чемодан,
В котором пряталась «Прохлада».

Четырехстопный ямб простой
Сегодня я отполирую
И вышлю вместо книги той,
Сию, такую же, вторую.

Надеюсь, что на этот раз
Не украдут ее в дороге,
И что в традиционный час,
Слегка помявшись на пороге

И попросив на питье
Почтарь Иван, а может Павел,
Тебе, поэт, вручит ее
По всем статьям почтовых правил.

*1927 г. 15 декабря. Четверг.
Москва*

М. В. и Н. Ф. Шемшуриным («Пусть исчезли те года...»)

Пусть исчезли те года,
Пусть те радости иссякли,
Все же в памяти всегда
Ваши детские спектакли.
 Беспечально время шло,
 Горизонт казался чистым,
 Было ясно и тепло
 Режиссерам и артистам.
И театр ваш оцению,
Детвора смеялась звонко
Видя с яствами меня
В славной роли поваренка.

*1927 г. 19 декабря. Понедельник.
Москва*

Б. А. Садовскому («Вам, дядя Сони, Вам, поэт...»)

*Б. А. Садовскому
Из коллективного письма*

Вам, дядя Сони, Вам, поэт,
Когда в моих глазах лилово,
Я шлю лирический привет
Из подмосковного Рублева.

*1927 г. 25 декабря. Воскресенье.
Рублево, Моск. обл.*

Девочке – воспитательница («При поддержке бога Браммы...»)

*Дизе Худяковой – Р. Д. Фиксен
В альбом.*

При поддержке бога Браммы,
Дизя, милый мой дружок,
И по просьбе твоей мамы
Сочиняю я стишок.
И хотя мне трудновато
Мысль высказывать стихом,
Я душой мягка как вата
И пишу тебе в альбом.
Мне бы легче было прозой
Изложить свои мечты: —
Будь же ты прекрасной розой
В блеске чудной красоты!..

*1928 г. 9 января. Понедельник.
Москва*

Б. А. Садовскому («На эти строки нежно глядя...»)

На эти строки нежно глядя,
Прими почтительный поклон,
Мой новоиспеченный дядя —
«Нижегородский Аполлон!»

Да будет благостен и светел
Твой поэтический удел,
Хотя ты к фраку страсть заметил
Во мне, а к Соне проглядел.

Твоей поэмой мы пленяли
Друг другу уши и умы,
Но если бы тебя не знали
Могли обидеться бы мы.

Мы на тебя зубов не точим,
Настолько пламенна любовь
Нас всех к тебе, но, между прочим,
Поговорим о фраке вновь.

Кому он в наше время нужен?
Ну, посуди, какой в нем прок,
Когда на самый «тонный» ужин

Прийти в чем хочешь не порок.

Когда на «пышном» юбилее
Тому на ком изящный фрак
Придется быть лицом алее
Чем молодой вареный рак.

И даже – это факт! – для брака
Теперь в нем надобности нет:
Я «окрутился» и без фрака
С твоей племянницей, поэт!

1928 г. 10 января. Вторник.

Москва

«Ее стихи не ерунда...»

Ее стихи не ерунда,
Они один из твердых знаков
Конструктивистского «труда,
Который всюду одинаков».

*1928 г. 12 января. Четверг.
Москва*

«Слегка полна, чуть-чуть томна...»

Слегка полна, чуть-чуть томна,
Ланиты пудрит, красит губки;
По виду женщина она,
А по стихам – Есенин в юбке.

1928 г. 12 января. Четверг.

Москва

Разговор за шахматами («Пальмы... Пенистая брага...»)

Пальмы... Пенистая брага...
И ехидно молвив: «Шах!...»
Улыбнется Федорага
Как афганский падишах.

И прикинувшись тихоней,
Он прибавит: «Здесь, Ник-Ник,
Ваш роман с лошадкой Соней
На глазах моих возник.

Мной, не кем иным, он начат,
Вспомним, правды не тая,
Познакомил я вас, значит
Ваше счастье это – я!..

И поэтому за эту,
Прямо молвлю, благодать,
Потрудитесь-ка поэту
Что-нибудь такое дать!...»

Что в смущеньи я отвечу
Матерому рифмачу?
Чем ему за эту встречу

Я достойно оплачу?

И спустя две-три минуты,
Отогнав его коней,
Я воскликну: «Фу-ты, ну-ты!
Иль забыли Вы о ней?!»

Иль не Вы любовью сладкой
Упивались как вином
На Страстном бульваре с Адкой?!»
И возьму ладью слоном.

«Так какой еще награды
Вы хотите от меня?
Вы должны быть очень рады
Жару Адского огня!

Впрочем, так как Вы мой ближний
И солидное лицо,
Я для Вас мгновенно в Нижний
Накатаю письмецо.

Я велю вернуться Адке,
И она моим словам
Вняв, сейчас же без оглядки
Прилетит в объятья к Вам!..»

Но над ходом понатужась,
Неестественно лилов,

Федорага в дикий ужас
Вдруг впадет от этих слов.

Точно кто-то вместо пива
Напоил его водой,
Затрясет он некрасиво
Знаменитой бородой.

Что-то буркнет он невнятно
И вздохнет как автомат,
Ну, а я ему, понятно,
В этот миг устрою мат.

*1928 г. 14 января. Суббота.
Москва*

Воспоминания Н. Н. Минаева («В будке теплой от трамвая...»)

В будке теплой от трамвая
Я с брюнеточкой сидел.
Жить – живу я, не зевая,
В ней красу я усмотрел.

Тип красивый, носик тонкий,
Глазки ласково глядят,
Голос милый, порой звонкий,
Щечки, ротик всех манят.

Я сидел, все уверяя,
В чем – не помню я теперь,
Все трамваи пропуская,
Я твердил: «Мой друг, поверь,

Ты одно очарованье,
Никуда мы не уйдем,
Помутила мне сознание,
Счастье вместе мы найдем».

Наступила ночь и звезды,
Все трамваи уж прошли,
Улетели птицы в гнезда

Наш мы путь вдвоем нашли.

Москва 16 января 1928

Охотный ряд 7 ч. 50 мин. вечера

«Знаю, что не сбыться по весне и...»

Знаю, что не сбыться по весне и
В этот год мечте моей давнишней:
Вместо экзотической Гвинеи
Я поеду в пролетарский Нижний.
Чтоб по специальному заказу,
При знакомстве более коротком,
Показать свою особу сразу
Теще, бабушке, дядьям и теткам.

Там не разойтись моей натуре,
Там конфликт получится не мелкий,
Если в споре о литературе
Запущу я в дядюшку тарелкой.
Иль экзальтированную тетку,
Умилив галантностью сначала,
Я поволоку заткнув ей глотку
Чтобы благим матом не кричала.

Нет, там участь ждет меня такая: —
Свято чтить семейственный обычай,
Никогда ни в чем не допуская
Даже минимальных неприличий.
Делать то, что все найдут полезным,

Привыкая к частым переменам,
Быть со всеми приторно-любезным,
То есть образцовым сверхджентльменом.

Видеть только то, что мне покажут,
Отвечать почтительно и чинно,
И тогда все родственники скажут: —
«Он – очаровательный мужчина!..»
Заживу я там без огорченья,
Кой-какой принакоплю излишек,
И для тещинога развлечения
Заведу полдюжины детишек.

Стану рассуждать о профсоюзах,
О пайках и о дороговизне,
И забуду навсегда о музах
Да, пожалуй, кстати и о жизни.
А в Москве друзья собравшись вместе,
Молвят: «Нижний это, брат, не Ницца!
Да «погиб поэт, невольник чести»,
Угораздил черт его жениться!..»

*<1928 г. 23 января. Понедельник.
Москва>*

Дизе Худяковой («Меня ты, Дизя, не кори...») Надпись на книге

Меня ты, Дизя, не кори
За именинный мой подарок,
Коль будут в нем лишь дикари
И не окажется дикарок.
Зато здесь правда, а не ложь;
Но если ты в словах быть может
Чего-нибудь здесь не поймешь,
Раиса Дмитриевна поможет.
Она присевши отдохнуть,
Простыми русскими словами
Тебе расскажет что-нибудь
О мокалинах и вигваме.

1928 г. 27 января. Пятница.

Москва

С. А. Минаевой («Ты не будь девчонкой гадкой...»)

Ты не будь девчонкой гадкой,
Милой девочкою будь:
Не води знакомства с Адкой
И про «ужины» забудь.
Одурманивайся в меру
Театральной игрой,
И в антрактах кавалеру
Глазки томные не строй.
Больше спи и кушай слаще,
С первым встречным не болтай,
На меня смотри почаще
И стихи мои читай!

1928 г. 31 января. Вторник.

Москва

«Не Нельдихен он даже по уму...»

Не Нельдихен он даже по уму,
И по таланту даже не Адуев,
Он только – Оболдуев и ему
Не выкарабкаться из оболдуев.

1928 г. 1 февраля. Среда.

Москва

Е. И. Шадек («О, мадам-товарищ Шадек!...»)

О, мадам-товарищ Шадек!
 Знайте: в книге сей,
Как в пространстве, все – порядок,
 Все – вокруг осей.

Пусть плетут, что для поэта
 Хаос это плюс,
Я – увы! – не верю в это
 И на это злюсь.

И даря Вам как лекарство
 Исповедь души,
Я надеюсь, – о, коварство! —
 Что она в тиши

В час, когда мечта на страже
 И душа чиста,
Будет Вам милее даже
 Вашего кота!

*<1928 г. 7 февраля. Вторник.
Москва>*

«Милая девочка! Радость моя...»

Милая девочка!.. Радость моя!..
Я как и ты в темноте ожидания,
Вместе с тобою мечтаю и я
О предстоящей минуте свиданья.

Оба томимся мы, оба грустны,
Лишь друг от друга крылатые вести
Нам утешенье, но солнце весны
Нас приласкает не порознь, а вместе.

Будет прекрасен и сладок вдвойне
Час нашей близости после разлуки;
Ты улыбнешься и на-плечи мне
Вскинешь полуобнаженные руки.

И у вскипающей крови в плену,
Стиснув порывисто тело хмельное,
Я, моя девочка, жадно прильну
К нежным губам твоим, жгучим от зноя.

*<1928 г. 13 февраля. Понедельник.
Москва>*

А. А. Альвингу **(«Алексеевич Арсений...»)**

Алексеевич Арсений,
Вам на «Наденьку» в ответ
Отдает без опасений
Книгу лирики поэт.

Пусть как свежим дуновеньем
В эти дни стихов для масс,
Неказенным вдохновеньем
Опахнет «Прохлада» Вас.

1928 г. 1 марта. Четверг.
Москва

«Был вечер как вечер... Закат – как закат...»

Был вечер как вечер... Закат – как закат...
Смеркалось, а я в золотой лихорадке
Навстречу потемкам, почти наугад,
Пером расторопным скользил по тетрадке.

Горячая мысль начинала кипеть,
Я был под напором девятого вала,
Рука не могла за строкою поспеть
И рифма оформиться не успевала.

В такие минуты мы только горим,
До низменной жизни какое нам дело!..
Но Муза промолвила: «Поговорим»...
И с легким укором в глаза поглядела.

Я резким движеньем перо отшвырнул,
Досада во мне с любопытством боролась,
Я голову поднял, глубоко вздохнул
И слушал знакомый взволнованный голос.

Он нервно вибрировал, нежно звеня,
Он креп и слабел, словно ветер, в движеньи:
– «Для женщины ты забываешь меня,

Ты, клявшийся мне в неизменном служеньи!

В тот вечер – ты помнишь? – с тобой я была,
Тебя эта девочка сразу пленила;
Она улыбнулась, плечом повела
И этим с дороги меня отстранила.

Пусть глаз ее просишь ясней синевы
И грация не переходит в жеманство,
Ты знаешь, что женское сердце – увы! —
Является символом непостоянства.

Сегодня она безраздельно твоя,
А завтра, быть может, отдастся другому;
Так созданы женщины, друг мой, а я
Останусь верна своему дорогову.

Я буду твоею рабой и судьбой,
Я лаской тебя окружать не устану,
Я даже на гибель пойду за тобой
И вместе с тобою дышать перестану.

Ты был от меня вдохновеньем согрет,
Ты чувствовал свежесть лирической дрожи,
Ты сам убедился, что творческий бред
Любовного бреда острее и дороже.

Зачем же ты слишком увлекся игрой?
Зачем по капризу соперницы милой

Из первой любимой я стала второй,
К которой приходят с растроченной силой?!

Она замолчала... Погасла заря...
В соседней квартире шумели невнятно,
И на стену с улицы от фонаря
Ложились косые дрожащие пятна.

Мне сердце сдавило тоскою хмельной,
Я мыслить не смел о своем оправдании,
А Муза, как совесть моя, предо мной
Стояла в отчаянии и в ожидании.

Я вымолвил только: «Прости...» и затих,
Но теплые руки мне шею обвили,
И знойные губы коснулись моих
И творческим жаром меня оживили.

Я лампу зажег и шарахнулась мгла,
И вновь торопливо скользя по тетрадке
Рука за строкою поспеть не могла
И нежилась кровь в золотой лихорадке...

<15 марта 1928>

М. И. Гиттерману
(«Михаил Гиттерман...»)
Надпись на книге

Михаил Гиттерман,
В поэтическом раже
Я не прячусь в туман
И в сплошные миражи.

Я не груб, не речист,
Не взъерошен как ельник,
Ибо я – акмеист,
А не стихобездельник!

1928 г. 21 марта. Среда.
Москва

В. В. Вольтман («Ах, мимо дровяного склада...»)

Ах, мимо дровяного склада
И чайной с запахом котлет,
Плыви, плыви, моя прохлада,
За пылким Чачиковым вслед,

Чей шаг стремителен и гулок,
Кто страшен в качестве врага,
Туда, в Уланский переулок,
Где раздевают донага.

Где от отечественных бошей —
О, возмущенье, о, скандал! —
Тарловский Марк поэт хороший
Едва-едва не пострадал.

И там, во имя дружбы старой,
Дыханьем липовых ветвей
Ты над Васильевной Варварой
Успокоительно провей.

*1928 г. 31 марта. Суббота.
Москва*

«Милая, та ночь, когда мы будем...»

Милая, та ночь, когда мы будем
Вместе вновь, не склонит нас ко сну,
Я прижмусь к твоим горячим грудям
И к губам пылающим прильну.

И в очаровательном томленьи,
Ощутимой близостью дразня,
Ты, моя желанная, колени
Разомкнешь покорно для меня.

1928 г. 3 апреля. Вторник.

Москва

М. И. Гиттерману («Скажу я Вам, пятная лист...») В альбом

Скажу я Вам, пятная лист: —
С Берлинским мы не коммунисты,
Но все-таки мы оба «исты»:
Он – шахматист, я – акмеист!

1928 г. 4 апреля. Среда.

Москва

С. А. Минаевой («Ты очень любишь лошадей...»)

Надпись на открытке

Ты очень любишь лошадей,
Так пусть ни валко и ни шатко
От разных теток и дядей
Умчит тебя сия лошадка.

А главный дядя Садовской
Борис, увидев дно бокала,
Махнет в отчаяньи рукой
И мрачно молвит: «Ускакала!..»

*1928 г. 12 апреля. Четверг.
Москва*

С. А. Минаевой («Не сердись, моя Сонюра...»)

Не сердись, моя Сонюра,
Не жалеи и не грусти,
Что сырое небо хмуро
И заносит снег пути.

Это – верь мне – ненадолго,
Улыбнется вдруг весна,
И пойдут Ока и Волга
Пробужденные от сна.

Сад пахнёт цветущей вишней,
И по-прежнему любя,
Я к тебе приеду в Нижний
Из Москвы, обнять тебя.

И с твоих горячих губок,
Утоляя жажду, вновь
Осушить пьянящий кубок,
Где шампанское – любовь!

*1928 г. 20 апреля. Пятница.
Москва*

«О, хлебороб и пролетарий...»

О, хлебороб и пролетарий,
В коммунистический азарт
Впадите вы: герои Зарт —
Отцы Паисий и Нектарий.

За что ж с Буденным вы ходили?
За то ли, чтоб в конце концов
Духовных пастырей-отцов
Совбеллетристски выводили?!

*1928 г. 21 апреля. Суббота.
Москва*

М. Н. Кюнерту («Здесь на Сретенском бульваре...») В альбом

Здесь на Сретенском бульваре,
После двух бутылок пива,
Я мечтаю не о Варе,
Что колюча как крапива,
Нет, в лирическом фасоне
Вспоминаю я о Соне!..

*1928 г. 24 апреля. Вторник.
Москва*

О Соне и Тане, их нежной дружбе, нижегородском сердцееде, судьбе- злодейке и проч. («Хоть подруги Соня с Таней...»)

Хоть подруги Соня с Таней,
Но во всем они различны:
Соня до самозабвенья
Дышит воздухом кулис,
Таня медленно и верно
Все «грызет гранит науки»,
Удивляя очень Соню
Прилежанием таким.

И когда они гуляют,
Длинной стаей кавалеры
Бродят с топотом за ними
И кланутся им в любви
Небывалой, невозможной,
Вечной и неугасимой,
Нежной словно вздох левкоя
И горячей как огонь.

И средь этой пышной стаи
Самый главный Королевич,
Сердцеед нижегородский,
Знаменитый донжуан;
Он такой неотразимый,
От него без исключенья
Старые и молодые
Сходят женщины с ума.

Иногда же Соня с Таней,
Чтоб узнать, что ждет их в жизни,
Занимаются гаданьем
Или просто мирно спят;
Вообще живут счастливо,
День прошел и слава Богу!..
Так бы милые подруги
Жили много-много лет.

Но – увы! – судьба-злодейка
Иначе распорядилась:
В Балахну поедет Таня
Массам оспу прививать;
Соне ж ехать невозможно:
Как уедешь, коль, во-первых,
Травиатный и айдный
Начинается сезон?

Во-вторых, к ней в это время
Прибывает из столицы

Тот, кого она пленила,
То есть автор этих строк...
Но, прекрасные подруги,
Не отчаивайтесь слишком,
Снова будете вы вместе,
Да притом еще со мной!

1928 г. 12 мая. Суббота.

Москва

Ю. Д. Гиттерман («Из Нижнего легко и прытко...») Надпись на открытке

Из Нижнего легко и прытко,
Как поэтический товар,
Лети в Москву, сия открытка,
Где есть Рождественский бульвар.
И там в ленивый полдень летом,
Рассеяв комнатный туман,
Ты очутись с моим приветом
В руках Юдифи Гиттерман.
Пусть рифмам улыбаясь юно,
Она промолвит в тот же миг:
«Не хуже самого Кан-Фуна
Владеет ямбами Ник-Ник!..»

1928 г. 22 мая. Вторник.

Нижний Новгород

И. П. Сидорову («Из столицы прикатив...») Надпись на книге

Из столицы прикатив
К Вам в деревню Королево,
На свой собственный мотив
Я скажу такое слово:

– «Целиной ведя свой плуг,
Иль в саду копая грядки,
Не сердитесь вовсе, друг,
На советские порядки.

Пусть болтают ерунду
Исполкомовские рожи,
Коль уж жить в таком аду
Так уж жить без нервной дрожи.

И не стоит волновать
Вам больного сердца нити,
Вы скажите: «Наплевать!...»
И на все рукой махните.

*<1928 г. 3 июня. Воскресенье.
Нижний Новгород>*

С. Л. Забалуеву («В земном блаженствуя раю...») Надпись на книге

В земном блаженствуя раю,
Вам, мастер ягодной наливки,
Я во владенье отдаю
Свои лирические сливки.

Они нежны на вкус и взгляд,
Они свежи прохладой ровной,
И если надо исцелят
От всякой немощи духовной.

*1928 г. 9 июля. Понедельник.
Нижний Новгород*

Песня («Мы мало дорожили...») С. А. Минаевой – в альбом

Мы мало дорожили
Сохранностью сердец;
Семь месяцев мы жили
И вот пришел конец.

Мы в церкви не венчались
И Богом не клялись,
В Москве мы повстречались,
А в Нижнем разошлись!

*1928 г. 10 июля. Вторник.
Нижний Новгород*

А. А. Богадуrowой («Настя Богадуrowа...»)

Настя Богадуrowа,
На досуге в Сормове
Не ищите хмурого
В стихотворном «кормове».

Не содержит книжица
И крестьян с рабочими,
В ней все стройно движется
Рычагами прочими.

Здесь моя одна вина:
Вникнув в дело папино,
Я забыл Канавино,
Не воспел Растяпино.

И промолвив в комнате: —
«Это не вина его!..»
Вы сейчас же вспомните
Москвича Минаева.

*1928 г. 10 июля. Вторник.
Нижний Новгород*

Надпись на портрете («Взглянув со вздохом на портрет...»)

С. А. Минаевой

Взглянув со вздохом на портрет,
Меня являющий искусно,
Ты молвишь: «Где ты, мой поэт?..»
И головой поникнешь грустно.

Твой резвый взор затмит слеза,
И с теплой нежностью участия,
Ты вспомнишь серые глаза
И кратковременное счастье.

*1928 г. 10 июля. Вторник.
Нижний Новгород*

Ю. Д. Гиттерман («Любуйтесь южною луною...»)

Любуйтесь южною луной,
Дышите влажным ветром с моря,
И вообще не знайте горя
В краю Одессщины родной.

Согласен я, что дачный срок —
Непоэтическая зона,
Зато к открытию сезона
Вас ждет кан-фуновский «пирог»!..

*1928 г. 13 июля. Пятница.
Москва*

«Как бы и куда бы я ни шел...»

Как бы и куда бы я ни шел,
Жизнь моя не сделается краше,
Потому что я произошел
Не от пролетарского папаши.

Не держал он молот у огня,
Признавал воротнички и мыло,
Да к тому ж и мать моя меня
Не за жатвой на поле вскормила.

Правда, в этом я не виноват,
Но – увы! – кому какое дело,
Что я вышел только розоват,
Что судьба за мной не доглядела.

Будь она внимательней ко мне
Был бы я теперь советским Дантом,
И, пожалуй, к будущей весне
Я затмил бы Уткина талантом.

И родной поэзии колосс,
С выразительностью тараканьей,
Я махал бы «лирикой волос»,
Вызывая гром рукоплесканий.

А сейчас, пока еще в пальто,
Я брожу как некое виденье,
Мелкобуржуазное ничто
Без надежд и без происхожденья.

Что моя лирическая власть?
Ведь и с ней бескрылая я птица...
Чтобы в рай хоть как-нибудь попасть
Мне придется перевоплотиться!..

*<1928 г. 20 июля. Пятница.
Москва>*

Рассказ о культурном помзамзаве, о невежественной машинистке и о необычайном происшествии в Горсовнархозе или Торжество культуры («Я начну свое повествование...»)

1

Я начну свое повествование
Не спеша, куда мне торопиться:
Я, во-первых, не пожарный, славы,
Во-вторых, не очень жажду, в-третьих,
Умирать пока не собираюсь.
И к тому ж скажу вам откровенно:
В наши дни культурных достижений
Вообще спешить писать не надо.

2

Тише пишешь – дальше будешь! Это
Для меня как дважды два четыре.
Потому то и неторопливым
Метром, именуемым хореем
Пятистопным, белыми стихами,
Но заметьте, это очень важно,
Хоть без рифм, но все-таки не прозой,
Я спокойно к делу приступаю.

3

Жил да был – начну традиционно —
В городе районного масштаба,
В наше героическое время,
Капитон Мартыныч Застреляев.
Был он сладок, лыс и беспартиен,
Одинок, не стар, но и не молод,
И как значилось в его анкете,
Был он трудовым интеллигентом.

4

Он пристроился в Горсовнархозе,
Занимая по заслугам место
Пятого помощника замзава;
Всех одиннадцать их было прежде;
А сейчас их там в связи с режимом
Экономии всего лишь десять,
Что по-моему совсем немного
Для солиднейшего учрежденья.

5

Вот и всё, что я могу, пожалуй,
Вам поведать о своем герое;
Впрочем, нет, еще есть, извините,
Я забыл сказать о самом главном,
Именно: пред чем благоговел он,
И чему с таким энтузиазмом
Отдавал и в праздники и в будни
Сто процентов своего досуга.

6

Капитон Мартыныч Застреляев
Птицами ужасно увлекался,
Это первое, второе был он
К языку богов равнодушен.
И хотя соседи говорили,
Что не только галки от вороны,
Отличить он будто бы не может
Даже страуса от попугая.

7

Автор этому не хочет верить,
Мало ль что в провинции болтают,
Да еще из зависти, герою ж
Моему завидовали: служит,
Комнату отдельную имеет,
Никому не платит алиментов
И с собою носит постоянно
Свой объемистый мешок пайковый.

8

О его литературном вкусе
Я не буду здесь распространяться,
Я замечу лишь, что из поэтов
Всех времен и всех народов, выше
Всех он ставил по «красотам слога»
И «глубинам мысли» не Шекспира
И не веймарского олимпийца,
А из наших одного пиита.

9

Увидав портрет его в журнале,
Застреляев с пафосом воскликнул:
– «Сразу видно, что поэт хороший,
Даже гениальный безусловно,
Это вам не Сологуб, не Бедный,
Не Ратгауз и не Антокольский!..
Ишь какой на-редкость волосатый
И фамилия такая птичья.

10

Мой герой любил блеснуть цитатой,
И на этой безобидной почве
С ним история однажды вышла,
Кончившаяся по-счастью с пользой
Для него, но всё же по району
Вызвавшая много кривотолков
И не угодившая в газету
Лишь благодаря весенней вспашке.

11

Дело было так: Пред окончанием
Трудового дня в Горсовнархозе,
В комнату, где пятый помзамзава
Протирал двенадцатые брюки,
Забрела одна из машинисток —
Гурия Овидиевна Фазик,
Чтобы взять на всякий случай справку,
Что она действительно пишмашка.

12

Капитон Мартыныч был в ударе:
Только что ему приснился дятел,
Он встал с места, повернулся к Фазик,
Принял угрожающую позу
Неестественно мигнул глазами,
Руку к лысине воздел и зычно
Крикнув: «Что же дали Вы эпохе,
Живописная лахудра?!» плюнул.

13

Слабое перо мое бессильно
Вам изобразить, что тут случилось,
Но поскольку автор я мне нужно,
Если не для вас, так для потомства,
Попытаться дать сию картину:
Фазик прыгнула и с диким воплем
Рухнула в истерике у шкафа,
Как подстреленная антилопа.

14

Мой герой вспотев и рот разинув,
Превратился сразу в изваянье,
Остальные в панике мгновенно
К двери бросились, давя друг друга,
С громом опрокидывая стулья
И так яро топая ногами,
Что внизу в общественной столовой
В щели посыпались тараканы.

15

Чтоб понять как следует всё это,
Нужно знать, что завоём учрежденья
Был партиец с восьмилетним стажем —
Ветер Пантелеймоныч Эпоха.
Он как человек с железной волей,
Ни одной минуты не промешкав,
Отстранил обоих от работы
Впредь до выяснения конфликта.

16

И три дня с утра до поздней ночи,
В тесном помещении месткома,
Пили чай, курили, брали слово,
Возражали и голосовали.
Прежде попросили Г. О. Фазик;
Председатель пальцем ткнув в бумагу,
С удовольствием икнул и буркнул:
– «Ну-с, товарищ Фазик, докладайте!..»

17

Фазик доложила: Застреляев
Обозвал ее при всех лахудрой,
Да притом еще и опорочил
Имя доброе ее, придумав,
Что она товарищу Епохе
Будто бы дала чего-то, это —
Клевета и сплетни, потому что
Застреляев – бюрократ и склочник.

18

И потом прибавила с апломбом:
– «Я служу уже четыре года,
Поведенье всем мое известно,
До сих пор я девушка и в Мопре
Состою я с самого начала,
И в Осоавиахиме тоже,
И примазавшемуся к соввласти
Оскорблять себя я не позволю!..»

19

Молвила и гордо посмотрела
На портрет Буденного, изящно
Высморкалась, бедрами вильнула
И весьма демонстративно вышла.
Застреляев отскочил от двери,
Но она его не удостоив
Даже взглядом, вдоль по коридору
Проплыла как ледокол «Малыгин».

20

После небольшого перерыва
Пригласили моего героя.
Он вошел и потирая руки,
Вразумительно и деловито,
Объяснил почтенному собранию,
Что здесь вышло недоразуменье,
Он ничем гражданку не обидел,
Ибо он достаточно культурен.

21

– «Граждане страны социализма!..»
Продолжал он воодушевляясь:
«Где же и какая здесь обида?
Я продекламировал две строчки
Нашего советского поэта.
Он вам всем известен, полагаю,
Это – Уткин, он по направлению
Мапповский символик романтизма.

22

Даже сам нарком по просвещенью
Анатолий Васильич Луначарский,
Терпсихору этого поэта
Одобрят и рекомендуют;
Он не так давно в газетной прессе
Похвалил его: Изящный лирик,
Говорит, и языком владеет
И знаком с гражданской войною!..

23

Всем известно, что нарком наш скуп
Хвалит литераторов, к примеру,
Из поэтов нынешних, ей Богу,
Он не похвалил и половины!
Значит, если он похвалит, можно
Быть уверенным, что не напрасно:
Это вам не буржуазный критик,
Ведь подход-то у него марксистский!..»

24

Пораженные таким конкретным
Доказательством, зашевелились
Заседавшие, а комсомолец
Секретарь, облизывая ручку,
Заявил: «Ах, Уткин! Как же, знаю,
Я его всю книжку проработал,
Так сказать, поэт на ять, что надо!
Классик пролетарского Парнаса!..»

25

Председатель промычал: «Чего же
Взбеленилась данная гражданка?
Эти женщины народ отсталый,
Особливо на культурном фронте,
В голове у них лишь шуры-муры;
Нет бы, чтоб поинтересоваться
Романом каким иль сочиненьем,
Мало ли у нас теперь талантов?!»

26

Вы, товарищ Застреляев, правы,
Я сочувствую вам полным сердцем,
Но скажите нам, хотя, конечно,
Целиком мы это понимаем,
Что имел в виду писатель Уткин,
Помянув в стихе своем Епоху,
И в каком-таким особом смысле
Вы поняли это выраженье?..»

27

Капитон Мартыныч улыбнулся
С видом превосходства и сейчас же
Самыми доступными словами
Изложил свои соображенья.
Он изрек: «Эпоха, это значит,
Что ли время, то же и период!
Разные у нас эпохи были,
Иль как раньше выражались эры.

28

Например: в истории известна
Ледниковая эпоха в мире:
Было холодно тогда всё время,
Лета вовсе не было, морозы
В сорок градусов весь год стояли.
А теперь – советская эпоха,
И у нас бывает очень жарко!..
Вот на это намекнул и Уткин.»

29

– «Так», заметил председатель, «верно!
Наш Епоха вовсе не причем тут...
А теперь еще вопрос, товарищ,
Почему поэт из вдохновенья
Величает женщину лахудрой?
Что название это означает?
Может быть действительно обидно
Девушке услышать эту кличку?..»

30

– «Что вы, что вы!.. В высших кулуарах
Говорят, что по происхождению
Уткин – сын рабочего испанца;
Ясно, что ему довольно трудно
Позабыть свой диалект природный,
Потому-то иногда и в стих свой
Он вставляет что-нибудь такое.
Ведь лахудра по-испански – дева!..»

31

Резолюция гласила: Фазик
Порицанье вынести, вменив ей
Крепко политграмоту освоить
И в кружке рабкоров заниматься.
Застреляеву за культработу
Благодарность объявить и выдать
К первомаю, как пример для прочих,
Месячный оклад за счет месткома.

Уткина признать поэтом, всё же
Указав ему, чтоб он в дальнейшем
Выражался лишь по-русски, ибо
Родину его без передышки
Гнет в дугу лакей капиталистов,
Враг трудящихся, фашист известный,
Золотопогонник и сообщник
Муссолини – Примо де Ривера.

*<25 июля. Среда – 2 августа. Четверг.
1928 года. Москва>*

Ответ живописной лахудры И. Уткину («Уткин, вирши Ваши плохи...»)

*Что же дали Вы эпохе,
Живописная лахудра?*

И. Уткин.

Уткин, вирши Ваши плохи,
В них ни склада и ни лада;
Что Вы там на счет эпохи?
Знаю я чего Вам надо.

Не болтайте-ка пустого,
Попросите лучше чинно:
Вам я дать всегда готова,
А эпоха – не мужчина!

*1928 г. 6 августа. Понедельник.
Москва*

М. Ю. Окуневой («Ах, Юльевна, ох, Мирра...») В альбом

Ах, Юльевна, ох, Мирра,
Моя ли в том вина,
Что для народов мира
Ах, Юльевна, ох, Мирра,
И лишь во имя мира
Я выпил литр вина...
Ах, Юльевна, ох, Мирра,
Моя ли в том вина?!.

*1928 г. 10 сентября. Понедельник.
Москва*

С. А. Минаевой («Июльский день ленив и сладок...») Надпись на открытке

Июльский день ленив и сладок,
Лошадкам в роще благодать,
Но как средь множества лошадок
Могу тебя я угадать?

Глазами я не очень зорок,
Но зорок чувством красоты,
И потому без оговорок
Скажу что беленькая – ты!

*1928 г. 28 сентября. Пятница.
Москва*

С. Е. Нельдихену («Вот еще задача для мозгов!...») Записка

Вот еще загадка для мозгов!..
Вы «Никитинских субботников»,
Так сказать, действительнейший член,
Нéльдихен, Нельдiхен, Нельдихén.

Так позвольте все-таки спросить
Как же следует произносить?
Впрочем всем известно, о, хитрец,
Вы – Сергей Евгеньич и конец!

*1928 г. 6 октября. Суббота.
Москва*

Надпись к плакату («Не чисть машину на ходу...»)

«Не чисть машину на ходу!..»
Предупреждал плакат рабочих,
Но этот парень на беду
Был легкомысленнее прочих.

И вот однажды в час труда
Машины дьявольская сила
Бедняге раз и навсегда
По локоть руку откусила.

Но тут он сам лишь виноват
через «авось» свой он страдает...

Товарищ, помни, что плакат
И учит и предупреждает!

*1928 г. 12 октября. Пятница.
Москва*

Е. Ф. Никитиной. Записка («Триолеты – ерунда!..») Записка

Триолеты – ерунда!
Вы Захарову не верьте;
Повторяю: да, да, да,
Триолеты – ерунда!
В них риторики вода
В поэтическом конверте;
Триолеты – ерунда!
Вы Захарову не верьте...

*1928 г. 10 ноября. Суббота.
Москва*

Запись в книге посетителей («Хотя здесь все не очень ново...»)

Хотя здесь все не очень ново,
Но не сердясь и не ворча,
Я отмечаю Галунова
Александра Андреича!

*1928 г. 23 декабря. Воскресенье.
Москва*

«Причащайся влагой жгучей...»

Причащайся влагой жгучей,
Разгорайся как дрова,

Будь хоть красною, хоть белой,
Вообще, что хочешь делай,

Лишь стихами нас не мучай,
Ада Владимирова!

*1929 г. 2 февраля. Суббота.
Москва*

В. К. Земляновой **(«Назначение поэтово...»)**

Назначение поэтово

Быть в порыве, быть в движении,

Я ж в «Литосе» вместо этого

Сплю в сидячем положении.

И взамен степного конского

Ржанья, с детства слуху близкого,

Слышу рыканье Волконского

И рычанье Гиницисского.

Но одним по крайней мере я

Утешаю сердце наново: —

Здесь за мной сидит Валерия

Константиновна Землянова.

<1929 г. 26 февраля. Вторник.

Москва>

А. В. Владимировой («Ленив, но грамматически не хром...») В альбом

Ленив, но грамматически не хром,
Не первый и, конечно, не последний,
Вожу я искривившимся пером
По сей бумаге девяностолетней.

И не уподобляясь ни вралю,
Ни поэтическому попугаю
За «Ливень» Вас я здесь не похваляю,
Но – не сердитесь! – и не обругаю.

1929 г. 25 мая. Суббота.

Москва

Т. М. Шах-Паронианц («Скажу я Вам без лишних слов...») Надпись на открытке

Скажу я Вам без лишних слов:
Как без ворон страна родимая,
Кавказ немыслим без орлов,
«Орел» там вещь необходимая.

С ним будет Ваша жизнь сладка,
Себя полетами Вы радуйте,
Взлетайте смело в облака,
Но только в бездну с ним не падайте!..

*1929 г. 14 июня. Пятница.
Москва*

Т. М. Шах-Паронианц («Не читайте Вы беспечно...») Из письма

Не читайте Вы беспечно
Нынешнего беллетриста,
Пишущего по уродски,
И тогда Вам будет вечно
В Пятигорске не гористо
И не кисло в Кисловодске.

1929 г. 4 июля. Четверг.

Москва

Я. Д. Поюровскому («Без стоянья и забкнижки...»)

Без стоянья и забкнижки —
О советская стезя! —
Даже детские штанишки
Получить теперь нельзя.

Я же Вам сверх всяких выдач
И не в очередь, Пою —
ровский Яков + Давыдыч,
Эту книгу отдаю.

Пусть она дыханьем ровным
Вашу душу обольстит,
Пусть к поэзии Петровнам
Утоляет аппетит.

Пусть, мне большего не надо,
Хоть на миг, но до конца
Всколыхнет моя «Прохлада»
Поюровские сердца.

*<1929 г. 7 июля. Понедельник.
Москва>*

Надпись на открытке («Передо мной сия открытка...»)

С. А. Минаевой

Передо мной сия открытка,
И хлопнув Музу по плечу
Я как всегда легко и прытко
На ней стихами настрочу.

Смотри: вдали темнеют горы,
Над ними виснут облачка,
А эти люди разговоры
Ведут про «белого бычка».

И в излияниях ретивых,
Они скрипят на все лады
О том, что в кооперативах
Не купишь даже ерунды.

О том, что стало год от года
Трудней скопить хотя бы грош,
О том, что скверная погода
И не особенная рожь.

О том, что хлеба слишком мало,

Да и картошки не ахти,
Что жизнь за жабры всех поймала,
Хоть плачь, хоть смейся, а кряхти.

А ветерок едва вздыхает,
И веет свежестью родник,
И в стороне благоухает
Укрытый липами цветник.

Ты разгляди картинку эту,
Свой слух стихами побалуй
И с благодарностью поэту
Пошли воздушный поцелуй.

*1929 г. 8 июля. Понедельник.
Москва*

С. А. Минаевой («Чтоб жизнь твоя как фейерверк...») Надпись на открытке

Чтоб жизнь твоя как фейерверк
Была без всяких оговорок,
Одиннадцатого в четверг
Я выезжаю в 10.40.

И проведя без сна всю ночь,
И оттого похож на Будду,
По расписанию точь-в-точь
К тебе я в пятницу прибуду.

1929 г. 10 июля. Среда.

Москва

А. И. Строковскому («Устроившись в вагоне на ночь...»)

Устроившись в вагоне на ночь
Удобней, чтобы сну помочь,
Я все же, Александр Иванович,
Увы! – заснуть не мог всю ночь.

В зубах дымилась папираса,
Меня качало и трясло,
И с каждым миготом от «Литоса»
На Нижний Новгород несло.

Давно знакомую картину
Мне рисовал в потемках ум:
Сидите Вы согнувши спину
Над балансированьем сумм.

И возле Вас в приливе гнева
Агент какой-нибудь рычит,
А в темном уголке налево
В. К. Землянова «стучит».

И Соломон Наумыч снова,

Желая вылезти из пут,
Идет в фонарную Бахнова
Всего лишь на двадцать минут.

Напротив в комнате, с отвагой,
Чтоб дело было «на мази»,
Шуршит оберточной бумагой
Миниатюрная Зизи.

А сзади Вас в живхудотделе
С усами спец и без усов
Работают семь дней в неделе
По восемнадцати часов.

И с неусыпною заботой,
В горячем воздухе тайком,
Парит над этою работой
Как ангел смерти – ликвидком.

*1929 г. 15 июля. Понедельник.
Нижний Новгород*

Т. И. Громовой («Я, к сожаленью, не неистов...»)

Я, к сожаленью, не неистов
И не шипуч как хлебный квас,
Я не из стана футуристов,
Что в Петербурге тешил Вас.
Но все ж, чтоб быть духовно сытым
И Вам, и мужу, и А. И.
Внимательно и с аппетитом
Читайте Вы стихи мои.
А я зимой под вой метели
Припомню, лежа на боку,
Хозяйку громовской «артели»,
Июльский полдень и Оку.

<1929 г. 3 августа. Суббота.

Нижний Новгород. Новая деревня>

С. А. Минаевой («Хоть в душе не мало дырок...»)

Хоть в душе немало дырок,
Но по-прежнему любя,
Из классических Бутырок
Поздравляю я тебя.

Вместо пышного букета,
Я сегодня впопыхах
Отошлю посланье это
В хореических стихах.

Пусть оно, дорогу зная,
В Известковый полетит,
И тебе, моя родная,
Пусть улучшит аппетит.

Не тоскуй, цветы и здравствуй
И люби меня к тому ж!
Твой, вновь твой и еще раз твой
Изолированный муж.

*<1929 г. 30 сентября. Понедельник.
Москва>*

В. С. Сноведской- Шахматовой («Я Вам сегодня на прощанье...»)

Я Вам сегодня на прощанье
Стихами путь осеребрю,
И исполняя обещанье
Свою «Прохладу» подарю.

А Вы в признательность за это
Должны, забыв хандру и грусть,
Читать московского поэта
Нижегородцам наизусть.

*1929 г. 23 октября. Среда.
Москва*

«Мне не улыбалась жизнь простая...»

Мне не улыбалась жизнь простая,
Был я до экзотики охочим,
Жил предосудительно мечтая
О Таити, Мексике и прочем.

Но судьба, чтобы во мне заштопать
Идеологические дырки,
Как-то ночью черною как копоть
Привезла мечтателя в Бутырки.

О, страна Эмаров и Майн-Ридов!
Я проник в твои глухие недра:
Экземпляры всевозможных видов
Были экспонированы щедро.

Раздавалось с посвистом сопенье,
Храп был то эпическим, то бурным,
И носов лирическое пенье
Смешивалось с громом нецензурным.

И когда, сложив себя на части,
Я на нары втерся понемногу,
Некто неопределенной масти

Положил мне на голову ногу.

Вмиг исчезла вся моя дремота,
Я не мог отделаться от зуда...
Рядом с кем-то вроде бегемота,
Кто-то с чахлой внешностью верблюда

Крепко спал, а дальше, где сияла
Лысина, выпячивая скулы,
Головой торчал из одеяла
Самый близкий родственник акулы.

И дивясь необычайной яви,
Я пытался выяснить на деле
Где я: на Ямайке иль на Яве?
В Занзинбаре иль в Венесуэле?

Но решить задачу эту скоро
Невозможно без поддержки магов: —
Тут была и фауна и флора
Всех морей и всех архипелагов.

Как-то раз, когда весьма упорно
Я боролся с съеденными щами,
Голос равнодушный как валторна
Объявил мне: «Ну давай с вещами!..»

Я глаза раскрыл и брови сузил,
Потрясенный, так сказать, моментом,

И пошел, взвалив на плечи узел,
Следом за прекраснополом ментом.

И вступив на европейский берег,
Распростившись с жизнью бестолковой,
Я из Азии, Африк и Америк
По Москве поехал в Известковый.

И – былой по тропикам скорбитель —
Я скажу вам, взрослые и дети,
Знайте, что Бутырская обитель
Экзотичнее всего на свете!

*<1929 г. 27 октября. Воскресенье.
Москва>*

А. А. Галунову («Александр Андреич Галунов!..»)

Александр Андреич Галунов!
Врач, поэт, художник, Бога ради,
Негров, крокодилов и слонов
Не старайтесь отыскать в «Прохладе».
В пышном экзотическом раю
Здесь я не блаженствую, поверьте,
Здесь я чистым голосом пою
О любви, о звездах и о смерти.
Но меня не трогает тоска:
Ведь для сердца моего не ново,
Что моя поэзия близка
Сердцу Александру Галунова.

<1929 г. 20 ноября. Среда.

Москва>

А. С. Выдрину («Это даже как будто странно...»)

Это даже как будто странно,
Это словно горчица к чаю,
Именинница Марианна,
А «Прохладу» я Вам вручаю.
Но сознательно делая это,
Я смотрю Вам в глаза невинно:
Ибо Вы – в этом нет секрета! —
Марианнина половина.
И когда к Вам в окно как в трюмо ночь
Заглядится кокеткой-франтихой,
Вы вдвоем, Александр Соломоныч,
Наслаждайтесь сей лирикой тихой.

<1929 г. 23 ноября. Суббота.

Москва>

«Я упивался Вами много раз...»

Я упивался Вами много раз,
В те дни, когда душа казалась нищей,
И Ваш трактат еще и посейчас
Является моей духовной пищей.

Здесь ходит слух, что будто Вы масон,
Хотел бы знать. Ужасно сожалею,
Что Вы не праздновали юбилея
Когда я праздновал. Вильсон.

США. Вашингтон.

*1929 г. 10 декабря. Понедельник.
Москва*

«Доклад об Альвинге читая...»

Доклад об Альвинге читая,
Верховский Юрий так дрожал,
Как будто прямо из Китая
Он на субботник прибежал.

Что ж растревожило поэта
До сокровенных недр души?
Оказывается: Мачтета
Он счел за дядю Чан Кай-Ши.

*1929 г. 14 декабря. Суббота.
Москва*

Т. М. Шах-Паронианц («Увы! Михайловна Тамара...»)

Увы! Михайловна Тамара
Паронианц с приставкой Шах,
Не ждите царственного дара:
Я не афганский падишах.

И не папаша Реза-хана,
И не сынок Кемаль-паши,
Не брат я даже Фын Юй-Сяна,
И не племянник Чан Кай-Ши.

А потому я без коварства
Вам во владенье отдаю
Не четверть собственного царства,
А книгу скромную свою.

Не алименты в ней и черти,
Нет, здесь поет без всяких мин
О звездах, о любви, о смерти
Поэт московский Ник-Ник-Мин.

*1929 г. 15 декабря. Воскресенье.
Москва*

«В этом мире так всегда бывает...»

В этом мире так всегда бывает,
Даже если счастье нам сродни,
Все тускнеет, блекнет, убывает,
Чувства, и желания, и дни.

Сколько раз и радуем и мучим
Женщинами был я, сколько раз
Я блуждал по их телам дремучим,
Освежаясь в заводях их глаз.

Но в зените близости, бывало,
Как бы ни был страстью я богат,
Кровь моя, как лава, остывала
И любовь склонялась на закат.

Отчего же ныне чувство это,
Всем законам жизни не подстать,
Пережив все степени расцвета,
Ни за что не хочет отцветать?..

*<1929 г. 20 декабря. Пятница.
Москва>*

«Не еврей он, не татарин...»

Не еврей он, не татарин,
Жест размашист, голос сталь,
Настоящий он Тамарин,
Но – увы! – не Блюменталь!

1929 г. 21 декабря. Суббота.

Москва

«С пафосом поистине огромным...»

С пафосом поистине огромным,
Видимо, решив, что мы туркмены,
Вдруг представил бутафорский гром нам
Некий представитель Мельпомены.
Он жестикулировал с экстазом,
Он впадал и в гнев и в назиданье,
И, качая головой и тазом,
Выражал восторги и страданья.
Но – увы! – успеха не имело
Представленье: слишком уж кошмарен
Этот друг Комиссаржевской мело
декламатор-трубадур Тамарин.

*<1929 г. 21 декабря. Суббота.
Москва>*

Напутствие Ф. Д. («Ясно мне как на ладони...»)

Ясно мне как на ладони:
Завтра в этот самый час
Спать Вы будете в вагоне,
Позабыв о грешных нас.

Лучшего всего желая,
Я скажу: из головы
Не гоните Николая
Николаевича Вы!..

*1929 г. 28 декабря. Суббота.
Москва*

«Давно уж превратились в ил...»

Давно уж превратились в ил,
В хороший перегной,
И рекордсмен Мафусаил
И флотоводец Ной.

И несмотря на чудеса
Енох почтенный сам,
Попав живым на небеса,
Не верит чудесам.

Уж изменился взгляд на мир
У кур и у коров,
И воздух всяческих Пальмир
Стал гнил и нездоров.

Уже сомненья заползли
В сознание камней,
И только люди – соль земли! —
Не сделались умней.

Они рассудку вопреки
Надеются, – и вот
На берегах Москвы-реки
Встречают Новый год.

*<1929 г. 31 декабря. Вторник.
Москва>*

Л. Г. Жданову («Я повторяю и в дни туманов...»)

Я повторяю и в дни туманов
И в знойный полдень и в буран:
Привет Вам, Лев Григорьевич Жданов,
Литературный ветеран.

Пусть жизнь пред Вами розовеет,
Пусть вешней свежестью полей
Моя прохлада Вас овеет
В полустолетний юбилей.

*1930 г. 3 января. Пятница.
Москва*

Е. В. Пановой («Евгения Васильевна Панова...»)

Евгения Васильевна Панова,
Я не еврей, не сарт, не армянин,
А потому в день Ваших именин
К Вам с поздравлением явился снова.

Когда-то тесть Бориса Годунова,
А может быть царь ассирийский Нин,
Поев сказал: «Блажен тот гражданин,
Бряцать на лире коего основа!..»

И эта фраза истину таит;
А так как сын Ваш – радуйтесь – пиит,
Теперь Панов, а прежде Дир Туманный,

То Вы его амброзией из роз
Кормите на ночь, а не кашкой манной,
Чтоб в нем талант литературный рос.

*1930 г. 6 января. Понедельник.
Москва*

Л. С. Кутузовой («Веленье выполняя музово...») Надпись на книге

Веленье выполняя музово,
Иль музино верней, Вам лично я,
Любовь Степановна Кутузова,
Свои стихи акмеистичные

Вручаю с пожеланьем лучшего;
В них тишина и свет и тени, и
Как в прошлом Фет о книге Тютчева,
Вы о «Прохладе» по прочтении

Скажите, сердцем бурно тикая: —
«Ручаюсь и во сне и в яви я,
Что эта книга невеликая
Томов премногих величавее!..»

*1930 г. 15 января. Среда.
Москва*

Ю. И. Шеталовой («Ах, никитинка Юлия...»)

Ах, никитинка Юлия,
Приношу не в июле я
А зимой Вам с Полиной Петровной
В дар за ваше радушие,
Голос внутренний слушая,
Дочку Музы моей полнокровной.

Чур, не голосом драмовым
И не с лириком Шамовым
Вы читайте «Прохладу», а с мамой,
Впрочем впал тут я в мистику
И понес ерундистику: —
Заморозила разум зима мой!..

*1930 г. 19 января. Воскресенье.
Москва*

Надпись на книге («Улыбнись светло и кротко...»)

Улыбнись светло и кротко,
Глаз тревогой не темня,
Девочка-нижегородка,
Полюбившая меня.

Не ревнуй и не досадуй,
Что отдельною строкой
Протянулось над «Прохладой»
Имя женщины другой.

Пусть когда-то волновала
Сердце мне она и кровь,
Это время миновало
И его не будет вновь.

И теперь в тиши домашней
Все, что есть в моей судьбе,
Я несу не той вчерашней,
А сегодняшней – тебе.

*<1930 г. 27 января. Пятница.
Москва>*

Ю. Д. Гиттерман («Наконец, Юдифь Давыдовна...»)

Наконец, Юдифь Давыдовна,
Я свой долг плачу сполна:
Эту книгу ждали Вы давно
И теперь у Вас она.

Ею Вы в часы вечерние
Закаляйте дух и плоть,
Дабы жизненные тернии
Не посмели Вас колоть.

А когда в Одессу вешнюю
Будет путь направлен Ваш,
Вы «Прохладу» эту здешнюю
Положите в саквояж.

Чтоб она дыша размеренно,
В унисон морской волне,
Там на улице Чичерина
Вам твердила обо мне.

*<1930 г. 21 февраля. Пятница.
Москва>*

«Сед, но выхолен и розов...»

Сед, но выхолен и розов,
И криклив как петушок,
Старичок М. В. Морозов
Прочитал нам свой стишок.

Не беда, что в нем хромала
Часто рифма без подков,
Мы досадовали мало,
Ибо Музе сто годков.

1930 г. 10 мая. Суббота.

Москва

«На твою взглянул я голову...»

На твою взглянул я голову,
Что блестит подобно олову,
Но ни кустика волос
Мне узреть не довелось.

Всякий, кто с тобой якшается,
Поразмыслив, утешается:
«Правда, слишком уж плешив,
Но зато не будет вшив!..»

*1930 г. 7 декабря. Воскресенье.
Москва*

Н. Ф. Шаевой («Воспоминания нахлынув...») Надпись на книге

Воспоминания нахлынув,
Рисуют мне такой «пейзаж»: —
Вы, Соколов, Заклюев, Хлынов,
Я и Иван Иванович Ваш.

Мне так близка картина эта,
Ведь, сознаюсь, что для меня,
«Пока не требует поэта»,
Приятна с картами возня.

И ясно вижу я и слышу
В какой мы все впадали транс,
Когда вдруг Вас, а также Ингу,
Без трех «сажали» в преферанс.

*19 февраля 1931 г. Четверг.
Москва*

«Говорят, что ты девица...»

Говорят, что ты девица
Несказанной красоты,
Значит следует дивиться,
Что еще девица ты.

*1931 г. 17 апреля. Пятница.
Москва*

«Не разберет никак народ...»

Не разберет никак народ,
Что сквер собой обезобразив
Стоит Клементий Тимирязев,
Или сидит, наоборот.

1931 г. 4 августа. Вторник.

Москва

Эпитафия А. И. Свирского («Как не назвать его талантом?!...»)

Как не назвать его талантом?!
Он не был к времени глухим,
Он был писателем плохим
И первоклассным комендантом.

1931 г. 2 сентября. Среда.

Москва

«Пересматривая снова...»

Пересматривая снова
 Стихоплетов заново,
Я прочел стихи Панова,
 Бывшего Туманного.

И замечу, что при этом,
 Сидя на диване я,
Расценил его поэтом
 Не без дарования.

*1931 г. 26 декабря. Суббота.
Москва*

«Слишком оскорбителен и меток...»

Слишком оскорбителен и меток
Был удар по сердцу и лицу;
Даже не простившись напоследок,
От меня ушла ты к подлецу.

Так ты рассчиталась с тем, который,
Глубоко жалея и любя,
Был тебе надежною опорой
В горькие минуты для тебя.

С тем, который клятвами твоими
Успокоенный, не помня зла,
Честь свою вручил тебе и имя,
Чтобы их сквозь жизнь ты пронесла.

Знаю я, что сам всему виною,
Мог ли я иного ждать конца,
Если взял змею себе женою
И открыл свой дом для подлеца.

Мог ли быть спокоен и отраден
В этом мире жизненный мой путь,
Если, пожалев, одну из гадин,

Сам я положил ее на грудь.

Разве я не знал, что за доверье
И радушие истинный подлец,
В чьи бы он не вырядился перья,
Подлостью заплатит наконец?

А змея — так водится от века —
Рано или поздно острие
С ядом впустит в сердце человека,
На груди согревшего ее.

<1932 г. Февраль.

Москва>

О. П. Шкафер («Весь день пробежав в поисках ретивых...»)

Весь день пробежав в поисках ретивых,
Я не увидел в кооперативах
Ни тортов, ни пирожных, ни вина,
Ей Богу, это не моя вина!

Ведь несмотря на наши достижения,
У нас теперь такое положение,
Что граждане, встав в очередь, поют: —
«Бери скорее, что тебе дают!..»

А потому примите благосклонно
Сей скромный дар, добытый без талона,
Который Вам в день Ваших именин
Принес небезызвестный гражданин.

Привыкнув мыслить здраво и конкретно,
Пришел я к выводу, что Вам не вредно
Во времена культурных эстафет
За чаем скушать несколько конфет.

К тому ж особенны конфеты эти,
Таких еще не сыщется на свете:
Ведь посвятив работе этой час,

Их подсластил стихами я для Вас.

<1932 г. 24 июля. Воскресенье.

Москва>

«Вас, неповторимые стихи...»

Вас, неповторимые стихи
Эти с экзотическими метками,
Создавал я, видно, за грехи,
Некогда содеянные предками.

Вам на свет не выбраться из тьмы,
Не по месту вы своеобразны и
Не смущать советские умы
Пролетарские и буржуазные.

Вам бы время самое цвести,
Но в стране сплошного процветания
Индивидуальность не в чести
И предосудительны мечтания.

*1932 г. 9 декабря. Пятница.
Москва*

«Спéвак к делу охладела...»

Спéвак к делу охладела,
Зав все это разглядел
И сказал: «Такое дело
Мне испортит весь отдел!...»

И за то, что не радела
Уготовил ей удел: —
Сдать дела и после дела
Оказаться не у дел.

1932

Москва

«Ты как любовница ни бе ни ме...»

Ты как любовница ни бе, ни ме,
А как жена на редкость неудобна,
С тобой я был в какой-то полутьме
И мне жилось совсем-таки не сдобно.

Мне лезла в голову лишь дребедень,
Лишь раздражение в душе бродило,
Но, наконец, в один прекрасный день
Ты от себя меня освободила.

О, этот день!.. Ему моя хвала,
Он снежен был, хотя морозил слишком,
И ты благополучно отбыла
С нажитым за три года барахлишком.

И вот опять мне с жизнью по пути
И полное спокойствие на Шипке...
Судьба, судьба за это мне не мсти,
Я целиком признал свои ошибки!

1932

Москва

«Это не комедия, поверь...»

Это не комедия, поверь,
И не сумасбродное художество,
Я в любви разборчивей теперь,
Не переносу я в ней убожества.

Как-никак ведь ты мне не жена,
Что ж я буду все тебя разгадывать?
Женщина не мудрствовать должна,
А уметь быть радостной и радовать.

Ну, а ты как раз наоборот:
Ты всегда настроена панически,
Из всего городишь огород,
Ко всему подходишь иронически.

Постоянно пичкаешь меня
Философией банально-пресною,
И все явственней день ото дня
Превращаешься в неинтересную.

Разве кто любовнице простит,
Что жене и то не извиняется?
Если притупился аппетит
Кушанье, как правило, меняется.

Так прощай, не жди и не зови,
Это не каприз и не чудачество: —
И в промышленности, и в любви
Следует вести борьбу за качество!..

1932

Москва

«Я уклада жизни не нарушу...»

Я уклада жизни не нарушу,
Не пойду наперекор судьбе,
Обновлю я комнату и душу
И совсем забуду о тебе.

Мне не нужно к прошлому возврата,
Я случившегося не кляню,
Разве это горькая утрата:
Потерять фальшивую жену?

Ты ушла – и скатертью дорога!
Мы впотьмах блуждали наугад,
Наша встреча – ложная тревога,
А любовь – дешевый суррогат.

И давно предвиденным прощаньем
На мгновенье сердце опала,
Просиял мне ярким обещаньем
Этот день – восьмое февраля.

1932

Москва

«Берегись! Играешь ты с огнем!...»

Берегись!.. Играешь ты с огнем!..
В моем сердце скоро будет чистка,
Ты лишиться места можешь в нем,
Канительщица и формалистка.
По тебе я месяц уж томлюсь,
Ты же тянешь, тянешь без предела;
В делопроизводстве это плюс,
А любовь совсем другое дело!
Не мешало бы тебе понять,
Что в любви не требуется фальши,
Если ты дала себя обнять,
Значит нужно двигаться и дальше.
Ну а ты в теории – Париж,
А на практике какой-то Китеж:
Молвив а, ты бе не говоришь
И до визы Загса волокитишь.
А ведь каждый профсоюза член
Знает, что для нарсуда и Жакта
Загс отнюдь не обязателен,
С них вполне достаточно и факта.
Верить в загсовскую благодать —
Правоуклонистская замашка,
Что тебе, подумай, может дать

Лишняя за номером бумажка?
Ведь она в саду твоей любви
Не прибавит роз и незабудок;
Ради Бога, быстро изживи
Этот буржуазный предрассудок.
А не то в два счета разлюбя, —
Формулирую свой вывод кратко, —
Я из сердца вычищу тебя,
Волокитчица и бюрократка!

1932

«Юная кокетка и нарядница...»

Юная кокетка и нарядница
Кровь мою сумела всколыхнуть,
У нее пленительная задница
И очаровательная грудь.
Но сия классическая грация
Волокитой длительной грозит: —
С ней необходима декорация
И в античном стиле реквизит.
Тут прямолинейно-откровенному
Быть нельзя в стремлениях мужских,
Ей не скажешь кратко, по-военному:
— «Раз, два, три!.. Даешь и никаких!..»
Нужно с ней разыгрывать идиллию
На аркадный этакий фасон,
Поднести то розу ей, то лилию,
При луне вздыхать с ней в унисон.
Говорить, что сердце разрывается
От тоски, что жизнь — пустой мираж,
Вообще создать, что называется,
Соответствующий антураж.
В результате антуража этого,
Приблизительно недели в две,
Будет лиловато-фиолетово
У нее в крови и в голове.

И она, забыв об осторожности,
Прелестей созревших благодать
Мне сама при первой же возможности
Пожелает полностью отдать.
Так, талантливо и без апатии
Проведя всю эту канитель,
Я путем высокой дипломатии
Залучу красавицу в постель.

1932

«Я только мельком вижу Вас...»

Я только мельком вижу вас,
Всегда на миг, всегда случайно,
И для меня цвет ваших глаз,
Как и улыбка ваша – тайна.
Прекрасный плод нередко гниль
Таит и лгут у женщин лица,
Хочу узнать вас, чтобы иль
Приблизиться иль отдалиться.
Еще томленья в сердце нет,
Но ожидание тревожит: —
Что это, лживый пустоцвет,
Или росток любви быть может?..

1932

«Перестань кокетничать со мною...»

Перестань кокетничать со мною,
Изощряться в женском обаянии,
Ни небесной страстью, ни земною
Я пылать к тебе не в состоянии.

У тебя движенья угловаты,
Шея цвета блекло-голубого,
Руки неизящны как ухваты,
А физиономия дубова.

На успех тут шансы очень плохи,
Так зачем же тратить по-пустому
Эти неестественные вздохи,
Эту бутафорскую истому.

Брось вокруг да около крутиться
И платок безжалостно не тискай,
Ведь тобою может восхититься
Лишь мужчина с временной пропиской.

1932

Москва

««Поцелуй!..» молил Фоменко...»

«Поцелуй!..» молил Фоменко
Афанасьеву Аннет,
Но Аннет сказала: «Нет!
Я ведь полька, не бушменка!..»
Тут – так сообщает Тасс —
От решительного вето
Сей нахал, не взвидев света,
Впал в особенный экстаз.

И как тигр при виде лани
Зарывав что было сил,
Непокладистую пани
За ланиту укусил.

1932

Москва

«Добывай по степени уменья...»

Добывай по степени уменья,
Что ты можешь – славу или щи,
Только среди женщин современья
Совершенства тела не ищи.

Для чего напрасно лезть из кожи,
Если первый встречный подтвердит
Что в наш век гражданки не похожи,
К сожалению, на Афродит.

Там в осанке грация величья,
Стан, что вместе нежен и суров,
Здесь в движеньях суетливость птичья
И телосложение коров.

Где ж очароваться тут поэту
Девушкой, замужней иль вдовой,
Коль взглянув на ту или на эту
Только покачаешь головой.

Рост как рост, манеры как манеры,
И лицом как будто не урод,
А фигура или из фанеры,
Или уж совсем наоборот.

10 января 1933 г. Вторник.

Москва

«Папа, папа, не кляни, не сетуй..»

– «Папа, папа, не кляни, не сетуй,
Пред тобой с повинной дочь твоя;
Там... вчера... на вечеринке этой...
Потеряла... ах!.. невинность я...»
– «Ну и задала ты мне тревогу?..
Страх мой – тьфу не сглазить! – был нелеп;
Говоришь – невинность, слава Богу!..
Я уж думал карточку на хлеб...»

*<1933 г. 2 февраля. Четверг.
Москва>*

«Я был смущен три ночи и три дня...»

Я был смущен три ночи и три дня,
Услышав о супружестве Мачтета;
Я откровенно признаюсь, что это
Подействовало очень на меня.

Сия лампада брачного огня
Должна быть здесь в столице, а не где-то
Приветствуема нами и воспета,
Бутылками и рифмами звеня.

Тарас! Рассеялись твои печали,
Тебя восторги страсти укачали,
Ты пьешь блаженство ведрами, а мы

Запутавшись в угрюмой чаще леса,
Глядим, зубами щелкая, из тьмы
В туман твоей любви, где все белесо...

*1933 г. 3 марта. Пятница.
Москва*

«От флирта с тобой и валютной еды...»

От флирта с тобой и валютной еды
Ты хочешь, чтоб я завертелся как белка,
И вот приглашение в недра среды
Насквозь буржуазной с приставкою «мелко».
Хоть вылазка в дебри такие не грех,
Особенно если причина невинна,
Но я раскусил уже этот орех
И мне не по вкусу его сердцевина.
Поэтому я в экстатический раж
Не склонен впадать, словом, и до визита
Я знаю до тонкости твой антураж
И каждую вещь твоего реквизита.
Два-три беспартийных по части острот,
Полдюжины дев специально для фона,
И традиционные джаз и фокстрот
И голос Вертинского из патефона.
Средь завов и замов различных мастей,
Ты в шелковом платье под цвет апельсина,
И поровну электризуют гостей
Твое обаянье и блага Торгсина.
В присутствии Сержей, Мишелей и Мить,
Ты будешь со мной грациозно-жеманной,
Меня продолжая весь вечер кормить

Горячими взглядами – кашкою манной.
Они обещают – такие глаза —
В дальнейшем почти неземное блаженство,
В них все 100 % не против, а за
И все достижения техники женства.
Но я не желаю тянуть канитель
И ради талантливых глаз киевлянки
И экспортных килек в мороз и метель
Тащиться на Красную Пресню с Землянки.

<1933 г. 5 июля. Среда.

Москва>

Е. И. Фроловой («Мое вступительное слово...»)

Мое вступительное слово
И кратко и без громких фраз,
И Вы, Евгения Фролова,
Его усвоите зараз.

Обещанного ждут три года,
Но ожиданье это нудь,
Да и хорошая погода
Мне подсказала не тянуть.

И ровно через две недели
По точному календарю,
Не на словах уж, а на деле
Я эту книгу Вам дарю.

Пусть будет Вам вдвойне милее,
Устав от дум, забот и дел,
Дышать «Прохладой» в той аллее,
Где вместе с Вами я сидел.

*<1933 г. 5 августа. Суббота.
Москва>*

Разговор по телефону («3–17–04...»)

3–17–04...

Ты?.. Алло!..

Холодно у нас в квартире,
Иль тепло?

Самочувствие сынишки
Каково?

Залатала ли штанишки
У него?

Из райкома прямо еду
Я домой,
Приготовь-ка все к обеду
Ангел мой!

Там у нас картошки много,
Есть ирис...
Но проворней, ради Бога,
Шевелись!

Ведь едва окончим дружно
Мы обед,
Мне опять поехать нужно

В Моссовет!..

1933 г. 26 ноября. Воскресенье.

Москва

«Плотный, маленького роста...»

Плотный, маленького роста,
Но занозист и зубаст,
Он на вещи смотрит просто,
Ибо он энтузиаст.

На редакцию сердито
Нападает он врасплох,
И по мнению Файнблита
Все вылавливает блох.

И отстаивая стойко
На бумагу свой лимит,
Он руками машет бойко
И безжалостно шумит.

Как вулкан он многолавен
И горяч, но кто же он?
Наш завбум товарищ Славин
Соломоныч Соломон.

*1934 г. 27 апреля. Пятница.
Москва*

«То скептически, то радуясь...»

То скептически, то радуясь,
То уверенно, а то нет,
Он заходит к нам в декаду раз
И с апломбом баритонит

И – свидетелей имея в нас,
Как при входе он «левееет», —
Эстрин Софья Еремеевна
От смущенья розовеет.

1934 г. 20 мая. Воскресенье.

Москва

М. И. Евменову («Не в субботу, не во вторник...») Надпись на книге

Не в субботу, не во вторник,
И не в среду а в четверг,
В час, когда закат померк,
В мир явился этот сборник.

И, любезнейший М. И.,
Я поведаю Вам с жаром,
Что явился он не даром,
Ибо в нем стихи мои.

*1934 г. 1 июня. Пятница.
Москва*

«Моисей Соломоныч Фанблит...»

Моисей Соломоныч Файнблит
Перегружен работой очень,
Он всегда чем-нибудь озабочен
И кому-нибудь «завтра» сулит.

У него свыше тысячи дел,
Из которых сверхспешных две трети:
Ах, зачем существует на свете
Производственный этот отдел!

И со всех погоняем сторон,
(Полуян и Чичко и Памфилов
С целым выводком балансофилов,)
По издательству носится он

Словно сенсационная весть,
И весь день хлопотливо как птица
Убеждает, грозит, суетится,
Успевая однако поесть.

И хотя его сердце болит,
Но и в зной и во время морозов
Как упитанный юноша розов

Моисей Соломоныч Файнблит

1934 г. 7 июля. Суббота.

Москва

Ю. Д. Гиттерман («Нет, не на берегах Невы...»)

Нет, не на берегах Невы,
Не у истоков Меты и Камы,
Опять блаженствуете Вы
Среди красот Одессы-мамы.

Там, расточая Вам хвалы,
Родные в Вас души не чают,
А черноморские валы
В своих объятьях Вас качают.

Там хорошо у волн вздремнуть,
И на закате, вероятно,
Пройтись под ручку с кем-нибудь
Вдоль по Чичеринской приятно.

О, обольстительнейший юг!
О, несравненная Одесса!
В ней без сомненья Ваш супруг
Забыл об ОСТ'ах ВКС'а.

А я средь каменной Москвы,
В шумливом Рыбном переулке,
Стандартизирую – увы! —

Колеса, ободы и втулки.

1934 г. 23 августа. Четверг.

Москва

С. Е. Эстрин («Среди редакционного труда...»)

Среди редакционного труда,
Питаюсь прозой Сиротенок,
Вы можете утратить навсегда
Свой поэтический оттенок.

А так как это не по вкусу мне,
Я на работе, выпив чаю,
А не в Крыму у моря при луне,
Свою «Прохладу» Вам вручаю.

Пусть Вас она слегка расшевелит,
Чуть-чуть заденет за живое; —
Ведь нас с приставкой маленькою «лит»
Во всем издательстве лишь двое...

17 декабря 1934

Москва

Кому в издательстве жить хорошо («Товарищи и граждане...») монолог главбуха

Товарищи и граждане,
Сейчас я вам поведаю
Кому у нас в издательстве
Живется хорошо,
Кто пользуется благами
И всякими поблажками,
К кому начальство высшее
Весьма благоволит.

Бурыкин, Эстрин, Толстиков
Владимир Афанасьевич,
Минаев с Осиповичем,
И Шрайбер и Файнблит,
Как в масле сыр катаются,
Им вместе всем и каждому
Не жизнь – а удовольствие!
Малина – а не жизнь!

Читают, редактируют,

Вычеркивают, вписывают,
Вычитывают, считают,
А деньги им гони,
И пухнут их бумажники
Невиданными темпами,
А их счета текущие
Час-от-часу растут.

Как тут не позавидовать,
Как здесь не подосадовать,
Когда Фортуна глупая
Неведомо за что
Мостит их путь алмазами,
Когда на долю выпало
Им адское везение,
А мне – наоборот!

Они у нас в издательстве
Осыпаны червонцами,
А я зубами щелкаю
На заработки их;
За что судьба коварная
Меня возненавидела,
Зачем я не в редакции,
А в первом этаже?!

*1934 г. 24 декабря. Понедельник.
Москва*

Е. К. Фофановой-Устиновой
**(«Альбом раскрыт...
О, Муза, помоги!...»)**
В альбом

Альбом раскрыт... О, Муза, помоги!
Здесь промах мне едва ли извинится;
Скорей за дело, вот тебе страница,
По ней легко и быстро пробеги.

Ты мне сейчас обязана помочь:
Ты знаешь ведь, что этого альбома
Владелица – не дочка управдома,
А Константина Фофанова дочь!

*1935 г. 27 сентября. Пятница.
Москва*

«Ты, бесспорно, среди Дусек, Марусек и Таток...»

Ты, бесспорно, среди Дусек, Марусек и Таток
Выделяешься внешностью, в этом твой плюс,
Но зато у тебя есть большой недостаток,
На который всегда я особенно злюсь.

Ты – ну, честное слово! – настолько наивна,
Точно только сегодня свалилась с луны,
Ты – ей Богу! – как старорежимная гривна
Между гривенниками советской страны.

Это я поэтически и джентельменски
Выражаюсь и точки не ставлю над и,
А другой грубой прозой, по-безыменски,
Аттестует наивные мысли твои.

В наше время наивность и с Язу – минус,
А твоя словно Зондский пролив глубока,
Я в нее ни за что добровольно не ринусь,
А поэтому, как говорится, пока!..

*1935 г. 8 октября. Вторник.
Москва*

«Вся – истома, вся – томленье...»

Вся – истома, вся – томление,
Ты, как знойный день над нивой,
Производишь впечатление
Апатичной и ленивой.

Но откуда-то таинственно,
Вероятно из домкома,
Слух прошел, что ты воинственна
И к агрессии влекома.

Что прибыв из Евпатории,
Ты в товарища с бородкой
На нейтральной территории
Запустила сковородкой.

В результате это мужество,
Подогретое экстазом,
Все надежды на замужество
У тебя убило разом.

Ибо все твои поклонники,
Даже самый здоровенный,
Оказались не сторонники

В женах доблести военной.

И на все четыре стороны,
С целью самообороны,
Разлетелись словно вороны,
Иль, вернее, как вороны.

К ним ты чувствуешь презрение,
Времена клянешь и нравы,
Но с житейской точки зрения
Ведь они, ей Богу, правы!

Кто прельстится долей этою: —
Состоять в законном браке
Не с Татьяной, не с Джульеттою,
А с какою-то Араки!..

*1935 г. 1 ноября. Пятница.
Москва*

«Слишком долго ждать нам солнца вешнего!..»

Слишком долго ждать нам солнца вешнего!..
Чтобы успокоить нервы Ваши
Едемте сейчас в Покровско-Стрешнево,
Только, ради Бога, без мамыши.

С нею ездить – сущее мучение:
Ведь она в трамвае словно детям
Всем начнет читать нравоучения,
Разжигая ярость граждан этим.

А отсюда – шаг до коалиции,
За которой горькая расплата:
Либо отделение милиции,
Либо склифасовская палата.

Это первое... Но кроме этого
Я хотел бы с Вами, чаровница,
Стильно выражаясь, tet-a-tet'ово,
То есть без мамыши объясниться.

Все переоценивая заново,
Мы начнем с помещицкой России,
И, коснувшись метода Стаханова,

Вспомним о фашистской экспансии.

А когда из глаз исчезнут домики
И пейзаж поманит к восхищенью,
От политики и экономики
Перейдем мы к личному общенью.

Трепет чувств... Волнение неизвестности...
А вокруг кустарник поределый,
Хвойный бор, пустынные окрестности...
Тишина... Что хочешь, то и делай!

Нас увидит только небо синее...
Время проведем мы знаменито...
Что дрожите?!. Вы – не Абиссиния,
Да и я ведь не сеньор Бенито!..

*1935 г. 1 декабря. Воскресенье.
Москва*

Керенский («В Москве, на фронте, в Ставке, в Петрограде...»)

В Москве, на фронте, в Ставке, в Петрограде,
Палеологу с Бьюкененом в тон,
Шесть месяцев ораторствует он,
Захлебываясь в пламенной тираде.

Актер на политической эстраде,
Тепличной революции бутон,
Любимец дам, подстриженный Дантон,
Он держится у власти Христа ради.

Но бывший царь отправлен за Урал,
В подполье загнан Ленин, генерал
Корнилов, как мятежник, под арестом,

И, взятыми со сцены напрокат,
Осанкой, позой, пафосом и жестом
Кокетничает душка-адвокат

*<1936 г. 20 июля. Понедельник.
Москва>*

Е. И. Фроловой («Дом Отдыха, Женюрочка...»)

Дом Отдыха, Женюрочка,
Едва-едва не рай:
Живи в нем словно курочка,
Ешь, пей, да отдыхай.

Лапши, борщи, рассольники
Уписывай там ты,
Чтобы прибыть в Сокольники
С прибавкой полноты.

Животные ли, птицы ли
В еде не разбирай,
Ешь рябчиков и шницели
Коль уж попала в рай.

Гуляй и спи, Женюшенька,
Побольше и, ей-ей,
Спокойней будет душенька,
А тело здоровей!..

*1936 г. 4 августа. Вторник.
Москва*

М. Н. Ямпольской («Легкой поступью хорея...»

Легкой поступью хорея
Их слегка посеребря,
Сказки Белого Андрея
В день двадцатый ноября
Отдает тебе на Бронной,
В честь прошедших именин,
Неизменно благосклонный
К вам обоим гражданин.
Я не зря иду на это:
Ведь чуть-чуть не до небес
Превознес сего поэта
Благоверный твой – А. С.

*<1936 г. 20 ноября. Пятница.
Москва>*

«Все женщины – разные!...»

Все женщины – разные!
Ведь нужно учесть,
Что есть безобразные
Итак себе есть.

Но есть и красивые
От глаз до ногтей,
Есть рыжие, сивые
И прочих мастей.

Одни разухабисты,
Другие зато
Скучны как акафисты,
Пресны как лото.

У этих сложение
Почти что Венер,
У тех достижения
По части манер.

Та любит художества,
Та шелк-полотно,
А эти – их множество —
Фокстрот и кино.

Той радость великая
Молчать словно пень,
А эта, чиликая,
Проводит весь день.

Той мыслить – бессмыслица:
В мозгах ее тьма,
За этою числится
Немного ума.

Вот эта – жеманница,
А эта проста,
Та – пошлости данница,
Та – лгунья, а та —

Рабыня приличия...
Однако – увы! —
Все эти различия
Для нашей братвы

В итоге – безделица,
А главное там,
Где женщины делятся
На дам и не дам.

*1936 г. 30 ноября. Пятница.
Москва*

«Ночь... Мороз... Безветренно и сухо...»

Ночь... Мороз... Безветренно и сухо...
Двое за нуждой зашли во двор,
И до моего донесся слуха
Продолжающийся разговор:

– «Лучше б, так сказать, царю поэтов
Позже-бы родиться на сто лет...
Жалко, что в Республике Советов
Пушкина живого с нами нет!

Уж поверь мне, жизненны и яркие
Были бы у нас наверняка
Образы стахановки-доярки
И орденоносца-горняка...»

– «Ах, чудак!.. Побольше реализма,
Ты витаешь где-то в облаках:
Ведь живя в стране социализма,
Был бы он давно уж в Соловках!..»

Так вооруженный диаматом,
Пусть он далеко не эрудит,
Даже не обкладывая матом,

В прениях любого победит.

<1937 г. 8 февраля. Понедельник.

Москва>

Происшествие на даче («Гражданин в пуху и вате...»)

Гражданин в пуху и вате
Сладко грезил на кровати;
Вдруг к нему не чуя ног,
Прибежал его сынок.

Растолкал и крикнул: «Слышь-ка,
Вышла книжка, пап, малышка!
Надевай-ка сапоги-с
И кати скорей в Могиз!...»

Застегнув рубашки ворот,
Покатил папаша в город,
Не почтя сие за труд:
Опоздаешь – разберут!

И забрав одним ударом
Двадцать штук почти-что даром,
(Двадцать книжек два рубля,)
Он запел: «Тра-ля-ля-ля!...»

Ловко выполнив задачу,
Возвратился он на дачу,
И улегшись спать сиял

Из-под пары одеял.

<1937 г. 18 августа. Среда.

Москва>

«День безрадостен и матов...»

День безрадостен и матов,
Холод, дождик и туман...
Не спеша вещает Шагов,
Что-то мямлит Вексельман.
Редко Немов молвит слово
И щебечут так легко
Соколова и Орлова —
Птички певчие РИКО.

*1937 г. 1 октября. Пятница.
Москва*

Игорь Северянин в Москве («Не Кантов и Бетховенов, не Байронов и Мариев...»)

Не Кантов и Бетховенов, не Байронов и Мариев,
Во дни двадцатилетия, в слепительные дни,
Я славлю, а потомственных советских
пролетариев,
И всех, кто с ними классово, и всех, кто им сродни.

Стахановцы-рабочие, ударники-колхозники
И ты, не прежний дрябленький, а наш интеллигент,
Вы в темпах – сверкудесники, в масштабах –
грандиозники,
Вы в жизни воплощаете легенду из легенд.

Вам чужды колебания, противны чувства низкие,
Во всем вы предприимчивы: в труде, в любви, в
борьбе,
Вы в мужестве воспитаны, питомцы
большевистские,
Вы героизмом вскормлены, птенцы ВКП(б).

Привет мой вам, могильщики всемирной
буржуазии,

Светила путеводные трудом забитых масс,
В Европе и Америке, в Австралии и Азии
И даже в недрах Африки гремит молва о вас.

Вам жизнь не волчья ягода, а крепкая миндалина,
Вам будущее солнечно и розово без призм...
Вперед за дело Ленина, вперед за дело Сталина
К заре коммунистической через социализм!

<1937 г. 7 ноября. Воскресенье.

Москва>

За счастье родины – на выборы все! («Побольше энергии, порыва, движения...»)

Побольше энергии, порыва, движения
И дружно на выборы в Верховный Совет!
Пора демонстрировать свои достижения,
Каких никогда еще не видывал свет.

Цветущие девушки, счастливые матери,
Отважные юноши, отцы и мужья,
Кто в небе на аэро, кто в море на катере,
Стахановцы трактора, станка и ружья,

Все словно один к избирательным ящикам,
За счастье родины вложить бюллетень,
Пусть каждый для каждого послужит образчиком
В такой исторический знаменательный день.

Долой равнодушие, халатность, медлительность
Привитые в прошлом попом и царем,
Не надо беспечности, проявимте бдительность
И лучших из лучших в Совет изберем!

Мы – первая социализма проталина!

Мы – сила, мы – молодость, мы – радость, мы – свет!

Да здравствует партия Ленина – Сталина!

Да здравствуют выборы в Верховный Совет!..

1937 г. 12 декабря. Воскресенье.

Москва

Пушкину («В лихолетье брошенный судьбою...»)

В лихолетье брошенный судьбою,
Я устал, все валится из рук;
Дай-ка побеседую с тобою,
Лучший поэтический мой друг.

Со страниц, прижатых к изголовью,
На меня ты смотришь как живой,
Человек с такой горячей кровью
И такой разумной головой.

В эти дни тебя восславят хором
И сиропом будут поливать
Наши культуртрегеры, которым
На литературу наплевать.

А за ними станут лезть из кожи,
В рамках разрешенных тем и фраз,
Те, кому печной горшок дороже
Всей твоей поэзии в сто раз.

Знаю, жизнь тебя встречала строго: —
В двадцать лет была невесела
На Екатеринослав дорога

Вскормленнику Царского Села.

Знаю, косность и непониманье
Над тобой жужжали стаяй мух,
И от августейшего вниманья
Иногда захватывало дух.

Но зато, наполнив пуншем чары,
И вольнолюбивы, и лихи,
И конногвардейцы, и гусары
С увлеченьем слушали стихи.

Но зато на жесткой службе царской,
Средь субординации большой,
Состояли Инзов и Лепарский —
Люди с человеческой душой.

Но зато не лез квартальный пристав
В мир цезур, метафор и идей,
И среди десятков журналистов
Был один-единственный Фаддей.

Это счастье, что тебе на свете
Довелось не в наше время жить:
Мог ли ты служить в Политпросвете
И своему гению служить?

Мог ли ты с покорностью барана,
По команде разевая рот,

Возглашать под грохот барабана: —
«Лишь у нас!.. Да здравствует!.. Вперед!..»

И с холопским рвением и потом,
Мог ли ты, на все махнув рукой,
Славить по одним и тем же нотам
И во здоровье и за упокой?!

Только на благоприятном месте
Зреет плод в благоприятный час...
Если б ты родился с нами вместе
Не было бы Пушкина у нас!..

1937

«По-видимому, все в порядке в этом...»

По-видимому, все в порядке в этом,
Как говорится, лучшем из миров:
Земля родит, бывает жарко летом,
Стригут баранов и доят коров.

Сияют звезды, вовремя светает,
Я становлюсь год-от-году мудрей,
И на бумаге пышно процветает
Страна холопов и секретарей.

*<1938 г. 1 мая. Воскресенье.
Москва>*

«Гениальный на все руки...»

Гениальный на все руки,
Друг всего, отец всех Муз,
Рассуждением о науке
Осчастливил Совсоюз.
Правда, им симпатий мира
К коммунизму не привлечь,
Но годится для сортира
Историческая речь.

*<1938 г. Май
Москва>*

Кантата («Проживая в Пензе, Тага...»)

Н. П. Кузусевой-Сивачевой

Проживая в Пензе, Тата,
 Не страдай от живота,
Трам-трам-трам-трам, тра-та-та-та,
 Трам-трам-трам-трам, тра-та-та!
Вот и вся моя кантата,
 До свидания, Тага,
Трам-трам-трам-трам, тра-та-та-та,
 Трам-трам-трам-трам, тра-та-та!

1938 г. Лето.

Москва

Н. П. Кугушевой- Сивачевой («Ведь не Марии и не Антонины...»)

Ведь не Марии и не Антонины,
А, как это от нас ты не таи,
Двадцать шестого августа твои,
Наталия Петровна, именины.

Поэтому купи кило свинины,
Очищенной, советского Аи,
И поздравителей так напои,
Чтоб море им казалось по штанины.

Финал, примерно, должен быть таков:
Гора окурков, грудa черепков,
Везде объедки, стол по-свински залит,

А гости: тот рыдает о былом,
Другой, поллитра требуя, скандалит,
А третий растянулся под столом...

<Август> 1938

Москва

«Ты надулась и – «До свиданья!...»...»

Ты надулась и – «До свиданья!...»
Заспешил почему-то вдруг
На какое-то заседание
Дрессированный твой супруг.

И едва он, закончив фразу,
Свой распухший портфель унес,
За меня принялась ты сразу
И, по-видимому всерьез.

Ты резвилась пантерой гибкой,
Ты порхала как стрекоза,
Очаровывала улыбкой
И закатывала глаза.

Млела, томничала, дрожала,
Нетерпения не тая,
Словом, всячески выражала:
Мол, дерзай и я вся твоя!

Ах, уж эти мне шуры-муры!
Не даешь даже чай допить;
Разве можно без увертюры

Прямо к действию приступить?

Дай опомниться хоть немножко,
Не легко мне идти вперед:
Ты суха, а сухая ложка,
По пословице, рот дерет.

Но уж поздно трубить к отбою: —
Вторит вздохам твоим кровать...
Неужели же я с тобою
Должен больше чем флиртовать?!

1938

«Жизни неудачи...»

Жизни неудачи
Я уж не клянусь,
Здесь, на этой даче
В маленьком Клину.

Тянутся лениво
Дни без суеты;
За окном крапива,
Солнце и цветы.

Запахами сада
Веет из окна;
На душе отрада,
В сердце тишина.

И забот не зная,
Отдыхаю я
Здесь с тобой, родная,
Славная моя.

1939 г. Июль.

Клин

«Буйству плоти потакая...»

Буйству плоти потакая,
Грубо комкая белье,
Обнажит рука мужская
Тело женское твое.

И стремясь скорее к цели,
Не щадя грудей и плеч,
Он прижмет тебя к постели,
Под себя заставив лечь.

Чтоб двойник его нескромный
Истощить весь пыл свой мог,
Отыскав приют укромный
Меж твоих горячих ног.

1939

Москва

«Играет патефон «Москва моя!...»

Играет патефон «Москва моя!...»
Вино лучится в рюмках и стаканах,
Ну, словом, жизнь кипит вокруг, а я
Упорно думаю о тараканах.

Они имеют длинные усы
И очень выразительные лица,
И могут забираться за часы
И там непринужденно шевелиться.

Им жизнь ясна, их жребий не жесток,
Без громких фраз и без рукоплесканий
Они проводят век свой тараканий,
Для них опасен только кипяток.

Но в наши дни кто их побеспокоит?
Ведь человеку не до пустяков:
Он борется с наследием веков,
А керосин к тому же денег стоит.

И с грацией нечуждой мне подчас,
Тянусь я вилкой к пряному соленью,
Приняв за факт, что время к сожаленью
Работает на них, а не на нас.

«Как говорят, родом ты из-под Вильно...»

Как говорят, родом ты из-под Вильно,
Лет тебе, видимо, за шестьдесят,
Тело твое велико и обильно
И кой-какие придатки висят.

Ты обладаешь корнет-а-пистоном,
Пишешь кому-то раз в месяц в Донбасс,
И разговариваешь баритоном,
Переходящем при пафосе в бас.

Кошку свою называешь Карменой,
Любишь изрядно попить и поесть,
Но несмотря на пошиб современный,
Что-то в тебе допотопное есть.

Кто же ты в прошлом? Портниха ли, сваха ль
Трудно решить, но товарищ Пузен
Наш управдом, безусловно твой хахаль,
Иль, говоря по-французски, кузен.

Лишь он появится, мы замечаем:
Потолковав про районный совет
И подкрепившись картошкой и чаем,

Демонстративно вы гасите свет.

А как уйдет он, особенно ярко
Рдеешь ты в кухню придя за водой,
И ухмыляешься словно доярка,
Давшая за год рекордный удой.

1939

«Когда и где и как я сброшу...»

Когда и где и как я сброшу,
День изо дня, за годом год,
Таскаемую мною ношу
Тоски, тревоги и невзгод?

А впрочем мне не все равно ли
В сознании или в бреду,
От страсти, гнева или боли
Я, изнемогши, упаду?

И пусть бесчувственное тело
Поглотит вырытая пасть,
Душа теперь еще взлетела
И ей на Землю не упасть.

Ведь может быть чертя кривую,
Ей предназначено идти
Сквозь беспредельность мировую
По бесконечному пути.

1939

Москва

«С каждым днем трудней мне дожидаться...»

С каждым днем трудней мне дожидаться,
Но ведь и тебе не вмоготу
И вот-вот желание отдаться
Я легко в глазах твоих прочту.

Сразу вспыхнет кровь моя мужская,
Что так долго этого ждала,
И уже из рук не выпускаю,
Я тебя раздену догола.

И пока мы лгнуть друг к другу будем,
Ненасытная моя рука
От плечей опустится по грудям
И коснется бедер и лобка.

И тебя я навзничь опрокину,
И наощупь в щелку между ног
Как в ножны резиновые вдвину
Свой из плоти скованный клинок.

1939

Москва

«Сначала мы, подобно голубкам...»

Сначала мы, подобно голубкам
Воркуя, в вечер розовый и синий
Лишь робко прикасаемся к рукам
И называем милую богиней.

Но наша кровь привыкла бунтовать,
И через день и в нежности мы грубы,
Нам слишком мало руки целовать,
Когда так близко шелковые губы.

И вдруг в глазах становится темно,
Звенит в ушах, а тело как в простуде,
И вот мы мнем на бедрах полотно
И тискаем батистовые груди.

И потеряв богиню и мечту,
Захлестнутые страстной волною,
Мы ощущаем жизни полноту
С обыкновенной женщиной земною.

«Твой голос страстен, рот твой рдян...»

Твой голос страстен, рот твой рдян,
Сулишь ты бездну наслажденья,
Но как история мидян
Темно твое происхождение.

Другим поэтому займись,
А я пока тебя третирую,
Я не пойду на компромисс,
Себя я не скомпрометирую.

Имею ль право я забыть,
Что здесь возможен акт вредительства;
Почем я знаю, может быть
Ты дочь его превосходительства?

Или быть может мать твоя
Из именитого купечества?
Нет, рисковать не стану я
Из показного молодчества!

Так не сбивай меня с пути
Уловками разнообразными,
Мне кров и разум не мути

Своими женскими соблазнами.

Меня на это не поймать,
Ведь ты недавно в нашей местности,
И кто твои отец и мать
Покрыто мраком неизвестности.

1939

Москва

«Ты всех лучше на заводе...»

Ты всех лучше на заводе: —
Ты пикантна, не глупа,
Одеваешься по моде
И танцуешь вальс в три па.

На собраньи после пренья,
Запеваешь сгоряча
Дунаевского творенье
Со словами Кумача.

И такие, и сякие,
Все к тебе, и там и тут,
Активисты заводские
Точно мухи к меду льнут.

Самому парторгу лично
Пред тобой не устоять,
Комсомолка на «отлично»
И работница на «ять»!

Так скажи мне, почему же
Ты себе в конце концов
Подыскать не можешь мужа
Среди стольких молодцов?

Почему они так смело,
Будто спевшись, все подряд,
Лишь дойдет до Загса дело,
«До свиданья!..» говорят?

Потому, что словно фея
Ты им всем дары свои,
От Петра до Тимофея,
От Ивана до Ильи,

Раздаешь без промедленья,
А мужья – собственники,
Им жены обобществленье
Безусловно не с руки.

И дивясь твоим делишкам,
Весь рабочий городок
Рассуждает, что уж слишком
Ты слаба на передок.

1939

«Ты губами звучно чмокала...»

*Мы – в преддверии социализма!
Из речи*

Ты губами звучно чмокала,
Выражая торжество:
– «Мы социализма около,
Мы в преддверии его!

Мы под мирною оливою,
С нашим гением-вождем,
Жизнь советскую, счастливую
Беспрепятственно ведем!...»

Не морочь нас сказкой детскою
И затертыми клише,
Жизнь счастливую, советскую
Ненавидим мы в душе.

Нас при этакой феерии
Даже мысль бросает в дрожь:
– «Если гнусно так в преддверии,
То за дверью каково ж?!..»

«Уже с утра каким-то нервным шагом...»

Уже с утра каким-то нервным шагом,
Топчась вокруг центральных площадей,
По разным торгам и универсамам
Ты бродишь в поисках очередей.

И, наконец, с заветными словами
Ты обретаешь временный приют,
Промолвив: «Кто последний?.. Я за Вами!..»
И тотчас же прибавив: «Что дают?!..»

Но в дни, когда особенно хвостато,
Ты возвращаешься домой, – увы! —
Что называется без результата,
Зато помятой с ног до головы.

Пускай тебе за метр мадепалама
Не жаль боков и пуговиц к тому ж,
Но не забудь, что все-таки ты дама
И у тебя поэтому есть муж.

Ты посмотри, он сделался лиловым,
Он безусловно выглядит больным,
Он вынужден обедать по столовым,

А ужинать по барам и пивным.

Быть может перевыполнив задание,
Сей производственник-энтузиаст
Вдруг обессилит от недоедания
И Богу душу, так сказать, отдаст.

Пойми, что мужа выгодней чем этот,
Ты не отыщешь даже днем с огнем,
Так осуди вредительский свой метод,
Начни всерьез заботиться о нем.

В стране Советов быть ловимоменткой,
Значит идти с культурой вразрез,
Ты называешься интеллигенткой,
А в чем же твой духовный интерес?

Не только что художественной прозы,
Ты не читаешь даже и газет,
Тебя интересуют не колхозы,
А бархат, коверкот и маркизет.

Что для тебя театры и музеи?
Рост производства, качество машин?
Давали бы побольше бумазеи,
А главное атлас и крепдешин.

Я и смеюсь и негодую разом,
К уму взываю, чувству говорю,

Но разве могут пафос или разум
Воздействовать на этакую фрю?

В ответ на все ты машешь лишь руками,
Я у тебя и вздоха не исторг,
И завтра вновь пойдешь ты за чулками
В Союзгалантерейтрикотажторг

1939

Г. А. Александровской («Милая Галина...»)

Милая Галина,
Пусть всегда для Вас
Сладок как малина
Будет каждый час.

Пусть без клякс и пятен,
Страхов и невзгод,
Весел и приятен
Быстро мчится год.

Пусть все дни недели,
Скука, сплин и грусть
Не находят щели
В сердце к Вам, и пусть

Будет как долина
Ваша жизнь ровна,
Милая Галина
Александровна!

1939

Москва

Кай Юлий Цезарь («Что ж угрожайте мне законом...»)

Что ж угрожайте мне законом,
Мой час настал, личину прочь!..
Подумал ты над Рубиконом
В ту историческую ночь,

Когда пресытись славой ратной,
Расправой с варварами горд,
Ты круто повернул обратно
Ряды построенных когорт.

А цизальпинский ветер свежий,
Переходя порою в шквал,
Вздудал как холст твой плащ медвежий
И тогу консульскую рвал.

И топотали легионы
И, пыль как лошади клубя,
В игре ва-банк центурионы
Бросали ставки на тебя.

Шагали галлы и гетулы
Под знаком римского орла,
И тень блистательного Суллы

Тебя к владычеству вела.

И уж вставал за косогором
Тот день для многих роковой,
Когда, дрожа, сенат и форум
Увидят новый облик твой.

1924–1939

Себе в альбом («Дав ненадолго Музе волю...»)

Дав ненадолго Музе волю,
На голубом
Листке писать стихи изволю
Себе в альбом.

Да будут в них: эпитет точен,
Метр чист и строг,
И без малейших червоточин
Концовки строк.

Смысл ясен, образы игривы,
Строфа проста,
И фраза правильна от гривы
И до хвоста.

Я и во сне того желаю
И наяву
Себе – поэту Николаю
Минаеву.

Эпитафия («Здесь прах лежит того, кто был поэтом...»)

Здесь прах лежит того, кто был поэтом,
А следовательно и чудаком: —
Он не искал сочувствия ни в ком,
Хоть иногда имел потребность в этом.

Ни благ, ни славы не стяжал он — где там! —
Он не был с лицемерием знаком,
И до конца по жизни шел пешком
И явно не по-модному одетым.

Избрав себе философа удел,
На этот мир с улыбкой он глядел,
А не с энтузиазмом иль обидой;

Прохожий, вздохом ты его почти,
А коль умен ему и позавидуй: —
У цели он, а ты еще в пути...

1939

9 термидора II года («...Отечество в опасности!... Измена!...»)

... «Отечество в опасности!.. Измена!..
Так вот они защитники крестьян!..
Предатели!.. Для них я лишь Сеян,
А правосудье только грязь и пена...

Гарнье де Л'Об – трусливая гиена
Рассвирепел, и ненавистью пьян
Как волк по клетке мечется Талльян,
И блещет злобой взор Билльо-Варрена.

Погибло все!.. О, Франция, судьба
Твоя жалка!..» Сен-Жюст, Кутон, Леба
Безмолвствуют средь яростного стона,

И опершись в бессильи на барьер,
Под вопли: «Смерть тирану!.. Кровь Дантона
Душит его!..» бледнеет Робеспьер.

*<1940 г. 22 августа. Четверг.
Москва>*

«Говорил я тебе своевременно...»

Говорил я тебе своевременно:
– «Берегись!.. Опасайся!.. Смотри!..
Догуляешься!.. Будешь беременна!..
Растопырит тебя изнутри!..»

Не внимала ты мне и не верила,
Не желала и думать о том;
Все гулянья, все парки измерила,
А теперь вот сиди с животом.

Подготавливай чепчики с лентами,
Как-никак через месяц ты мать,
А потом повозись с алиментами,
Да «предмет» свой попробуй поймать.

Трудно сладить с товарищем-барином!
Он всегда тут как тут словно бес,
Чуть повеяло в воздухе жареным,
А запахло паленым – исчез.

Ты ведь знала сама, разумеется,
Что девица дает урожай,
Если что-то такое имеется;

Так уж, хочешь не хочешь, рожай!

Не скули, что тебя, мол, преследует
С детства рок, – это глупости! – но
Расплатиться ведь чем-нибудь следует
За концерты, кафе и кино.

Коль судить по прогульному времени
И твоей толщине, так тебе
Разрешиться придется от бремени
Минимально четверкой бебе.

1940 г. 24 сентября. Вторник.

Москва

«Все задушевней год от года...»

Все задушевней год от года,
Когда мы с ней наедине,
Со мной беседует природа
И поверяет тайны мне.

Все чище в сумраке зеленом,
Рождая светлую тоску,
Звучит мне эхом отдаленным
Неторопливое «ку-ку!»

Все чаще грудь моя согрета
Теплом испарины земной,
Меня как друг встречает лето
И все прекрасней надо мной

Родное небо, под которым,
Успокоение суля,
И тишиною, и простором
Меня приветствуют поля.

*<1940 г. 29 сентября. Воскресенье.
Москва>*

«Я каждый день приветствую зарю...»

Я каждый день приветствую зарю,
Я вслушиваюсь в музыку земную,
Смотрю на звезды, с Музой говорю
И женщину любимую ревную.

Пусть иногда мне больно и темно,
Я счастлив, что в зеленом мире этом
Мне было в первый майский день дано
Родиться Божьей милостью поэтом.

Не торопясь уйти в небытие,
И не спеша к обещанному раю,
Я душу жгу и в пламени ее
Земною плотью медленно сгораю.

*<1940 г. 5 октября. Суббота.
Москва>*

«Здесь в столетней липовой аллее...»

Здесь в столетней липовой аллее,
В этот августовский сумрак ранний,
Ты мне кажешься еще милее
И становишься вдвойне желанней.

Небо загустевшее белесо,
Только край закатный мутно-розов,
Ветра нет и слышно из-за леса
Шумное дыхание паровозов.

Время к осени, а веет маем,
Близко к счастью, а слова иссякли;
Мы как в сказке, мы не понимаем
Полусвет ли это, полумрак ли?

Но от этого ли, от того ли,
Полумрак ли это, полусвет ли, —
Явь как сон, и молишь поневоле:
Подожди!.. Повремени!.. Помедли!..

*<1940 г. 15 октября. Вторник.
Москва>*

«Когда душа утомлена...»

Когда душа утомлена,
А нудный день еще не прожит,
В одно мгновение она
Уйти за грань земного может.

И пусть стремится вслед за ней
Многоголосой жизни скрежет,
Душа отдастся сну полней
И этим путь к себе отрежет.

Ничто не тронет там ее,
Лишь, словно тень на фоне белом,
Земной печали острие
Напомнит ей о связи с телом.

*<1940 г. 8 ноября. Пятница.
Москва>*

«Сияет солнце утомленно...»

Сияет солнце утомленно,
И запах тленья как миндаль,
И сквозь нагие ветки клена
Видна сапфировая даль.

Забиты досками ворота,
Перед крыльцом следы подков,
И на газоне возле грота
Зола и груды черепков.

И ворох листьев у ступенек,
И кем-то вытопан цветник,
И куст сирени словно веник
К балкону ветхому преник.

Между перил паучья пряжа,
А водосток изъела ржа,
И зелень чахлого трельяжа
Вокруг беседки не свежа.

И разбросавшись как попало
Над садом виснут облака,
Одни с оттенками опала,
Другие цвета молока.

*<1940 г. 16 ноября. Суббота.
Москва>*

«Вот и не преминула ты ко мне явиться...»

Вот и не преминула ты ко мне явиться,
Сообщить с гримасою, что выходишь замуж,
Для чего ж подчеркивать фальшь свою, девица,
Ведь твою неискренность видно по глазам уж.

Говоришь, твой Васенька трудится кассиром,
Что ж местечко теплое: не на хлеб и воду,
Человек с фантазией тут не будет сирым,
Он не уподобится горе-счетоводу

Я бы посоветовал на кассирских нервах
Не играть без усталости с целью подогреть их:
Это не понравится Васеньке, во-первых,
Во-вторых, невыгодно и опасно, в-третьих.

Ты ему не вдалбливай, кто такие Гойя,
Дюрер и Корреджио, для его делишек
Это несущественно, лучше на другое
Ты используй собственной глупости излишек.

Говоря по совести, я жалею мужа,
Впрочем, глупость в женщине вовсе не увечье,
В этом утешение все-таки, к тому же

Глупость, как доказано, свойство человеческое.

У тебя и в будущем крохотная ролька,
Мир твоим вступлением в брак не обновится,
Все пойдет по-прежнему, то есть плохо, только
Будет глупой дамочкой глупая девица.

<1940 г. 25 декабря. Среда.

Москва>

Сыну – мать («С Новым годом тебя поздравляю...») Надпись на открытке

Н. А. Фролову – Е. И. Фролова

С Новым годом тебя поздравляю,
Посылаю сердечный привет,
И еще своему Николаю
Счастья, знаний, успехов желаю
И здоровья на семьдесят лет.

Будь товарищем и командиром,
Раньше всех выходи на аврал,
Чтоб со временем перед всем миром,
На отпор буржуазным задирам,
Появился Фролов адмирал.

1941 г. 1 января. Среда.

Москва

«Твой роман чреват, так сказать, плодами...»

Твой роман чреват, так сказать, плодами,
Начинаешь ты не с того абзаца;
Подобает ли, ты подумай, даме
С кавалерами по углам лобзаться?

Это девичья как-никак работа,
Отбивать доход у девиц к чему же,
А тем более, что не зря ведь кто-то
Встарь изрек: «Жена да боится мужа!...»

Ты пойми, что муж – не фланер с бульвара,
Не последняя в колеснице спица,
И естественно коль из самовара
Своего не даст он другим напиться.

А тем паче твой, ибо он с востока,
Темпераментный человек кавказский,
Лозунг: «Зуб за зуб и за око око!»
Для него звучит далеко не сказкой.

Ходит он теперь постоянно хмурым,
На мужчин глядит как на жертву кречет,
Соучастника по твоим амурам

Он, поймав, убьет или изувечит.

Не дают ему спать чужие лавры,
Он от ревности стал желтей лимона,
Он готовится по Шекспиру в мавры,
Значит, кончишь жизнь ты как Дездемона!..

<1941 г. 4 января. Суббота.

Москва>

Г. А. Александровской («Галина Александровна, Але-...»)

Галина Александровна Але-
ксандровская, поверьте мне, хочу я,
Чтоб было Вам уютно на земле
И жили Вы по радостям кочуя.

Чтоб жизнь на все Вам отвечала «да»
И никогда не жалила Вас коброй,
Чтоб были Вы такою же всегда,
Какая ныне, милою и доброй.

К несчастью, в людях эгоизм неист-
ребим и все от немца до еврея
Полны собой, я тоже – эгоист:
Ведь я живу себя надеждой грея,

Что никогда, как молвил Гамсун Кнут,
Не сменится ни Павликом, ни Димой
Совадвокат без нескольких минут
И сорок лет уж братец мой родимый.

*<1941 г. 15 марта. Суббота.
Москва>*

М. С. Магиту («Михаил Савельевич Магит...»)

Михаил Савельевич Магит!
Я не поэтический джигит,
И поэтому мне не под стать
Стихотворной удалю блистать.

Ведь экспромт, поверьте мне, всегда
Если разобраться – ерунда,
А бессмыслица и чепуха
Это оскорбление стиха.

Чтоб в стихах хоть что-нибудь сказать
Нужно тему с формою связать,
Нужно метр и рифму так вести,
Чтоб не спотыкаться на пути.

На скаку заметить ров нельзя,
Потому экспромтная стезя
Привести к Парнасу не «могит»,
Михаил Савельевич Магит!

*<1941 г. 18 апреля. Пятница.
Москва>*

И. М. Брюсовой («Скажу Вам откровенно, Иоанна...»)

Скажу Вам откровенно, Иоанна
Матвеевна, без лишних фраз: —
По моему довольно таки странно,
Что нет моих стихов у Вас.

Вписав сегодня утром эти строчки
В «Прохладу» ясную свою,
Я вечером без всякой проволоочки
Ее Вам в руки отдаю.

На свете много всевозможных вкусов,
Не угодишь на всех – увы! —
Мне грустно только, что Валерий Брюсов
Над ней не склонит головы.

И ныне я, ее создатель скромный,
Ей пожелаю от души
Найти себе у Вас приют укромный
Средь поэтической «лапши».

*<1941 г. 24 апреля. Четверг.
Москва>*

Женщина – женщине («В Крыму, вдали от площади Арбатской...»)

В Крыму, вдали от площади Арбатской,
Под рокот волн, на пляже, при луне,
Душой и телом, так сказать, вдвойне
Я связь креплю с республикою братской.

Я не скулю как неврастеник датский:
«Быть иль не быть?!.» Здесь быть по вкусу мне,
Но утверждать, что счастлива вполне
Все ж не могу: не едет Златовратский.

Мы жизнь ведем аркадских пастушков,
Мы, это – я и трепетный Горшков,
Как чичисбей мой он не без таланта,

Но я хочу, чтоб был со мной А. Н: —
Он захватил меня навеки в плен
Своими переводами из Данта.

1941 г. 19 мая. Понедельник.

Москва

Надпись на портрете Ф. И. Шаляпина («Такой артист рождается раз в сто лет...»)

Такой артист рождается раз в сто лет
Шаляпин – целая эпоха,
И следовательно его портрет
Иметь, мне кажется, не плохо.
Пусть он теперь лишь памятью храним,
Все ж современным попугаям
Смешно и глупо состязаться с ним:
Ведь он для них недосыгаем.
Его искусство пышно расцвело,
Они же вечные бутоны
И весят вместе взятые кило,
А он один четыре тонны.

*<1941 г. 7 июня. Суббота.
Москва>*

«Мое рондо – мечтаний смутных дата...»

Мое рондо – мечтаний смутных дата,
Оно возникло в миг, когда в окно
Скользнул великолепный луч заката,
И там, где было только что темно
Вдруг стало золотисто-розовато.

В такие сумерки мечта крылата,
Пусть гаснет свет, пусть день уходит, но
За этот миг, за тот луч расплата —
Мое рондо.

Я вспомнил пережитое когда-то,
Мной пережитое давно
И годы нашей молодости, Тата,
И в память их тебе посвящено,
Как дань любви поэта, друга, брата,
Мое рондо.

*<1941 г. 13 июня. Пятница.
Москва>*

Е. И. Фроловой («Чтобы выполнить задачу...»)

Чтобы выполнить задачу,
Я сегодня вечером
Сдам в больницу передачу
Вместе с собственным стишком.

И к утру без приключения
До тебя дойдет она;
В ней конфеты и печенье,
Масло, сыр и ветчина.

Плюс к тому, без проволочки,
Израсходовав полдня,
Я достал тебе чулочки,
Как просила ты меня.

Их я тоже посылаю,
Неприменно их носи,
И за это Николаю,
То есть мне скажи: “merci”.

А съестное с аппетитом
Скушай, милый птенчик мой,
И скорей простясь с артритом

Возвращайся ты домой.

1941 г. 17 июня. Вторник.

Москва

«Ты меня любовью согревала...»

Ты меня любовью согревала,
Ты мне озаряла путь земной,
Но угасла ты и покрывало
Серой мглы нависло надо мной.
Жить теперь я только прошлым буду
И о счастье отнятом скорбя,
Я не разлюблю и не забуду
Никогда, любовь моя, тебя.

*<1941 г. 20 июля. Воскресенье.
Москва>*

Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Во дни, когда кругом пожар...»)

Во дни, когда кругом пожар
Войны, в дни сахарного голода,
Мой этот, Тата, скромный дар
Тебе дороже шоколада.
Едва переступив порог
Своей светлицы темноватой,
«Умоешь» ты весь сахарок,
Его полив сначала мятой.
И разморят тебя мечты,
И сном покажется бомбежка,
И, облизнувшись, скажешь ты:
«Еще прибавил бы немножко!..»

*1941 г. 8 сентября. Понедельник.
Москва*

Н. П. Кугушевой-Сивачевой («Вместо браслета золотого...»)

Вместо браслета золотого,
Духов или букета роз,
В день августа двадцать шестого
Тебе я «музыку» принес.

Припомни, как она, бывало,
Разноголосицей трубя,
Бросала в жар и волновала
Из нас особенно тебя.

Как в виде частого сюрприза,
Едва справляясь с парой карт,
Нас всех обыгрывала Лиза,
Которой вовсе чужд азарт.

Как весело и шумно было,
Как быстро шел за часом час,
И как Женюшенька любила
Послушать «музыку» среди нас.

Но «кончен бал, погасли свечи»,
Кто по дрова пошел, кто в лес,
«Иных уж нет, а те далече»

И бомбы падают с небес.

И жизнь как будто раскололась,
И все поворотило вспять,
И не раздастся милый голос:
«Достань, Наташа, 35!..»

Но все же в дни грозы и бури,
В неподходящий столь момент,
Прими на память о Женюре
Сей «музыкальный» инструмент.

*1941 г. 11 сентября. Четверг.
Москва*

М. И. и Ю. Д. Милиоти («Минаев – я, вы – Милиоти...») Надпись на книге

Минаев – я, вы – Милиоти,
А это значит, черт возьми,
Что мы на той же самой ноте
Сошлись, а именно на «ми»!

Вам, как и мне, совсем не место
Коптиться в этом дыму,
Короче говоря, из теста
Мы одного, а потому

Примите – он не пахнет Торой —
Мой поэтический привет,
И с ним от Музы дочь, которой
Исполнилось пятнадцать лет.

*<1941 г. 7 октября. Вторник.
Москва>*

«Все померкло, все поблекло...»

Все померкло, все поблекло,
Все не то, и я – иной,
Как сквозь матовые стекла
Я смотрю на мир земной.

А тоска мне сердце гложет,
И оно на боль в ответ
Ни на миг забыть не может
Ту, которой в мире нет.

Как еще дышу я, зная,
Что ушла из бытия
Спутница моя земная,
Несравненная моя?

1941

«Ты из жизни ушла, одиноким оставив меня...»

Ты из жизни ушла, одиноким оставив меня,
И сама в одиночестве в тесном гробу приютилась,
Ты покинула мир на закате июльского дня
Вместе с солнцем, но солнце, тебя проводив,
возвратилось.

А тебя больше нет и не будет уже никогда...
Чем утешу я сердце и как я его успокою?
Пролетят дни за днями, пройдут за годами года,
А оно не расстанется – бьется покуда – с тоскою.

И потянется жизнь как бесцветная грубая нить,
Только память о прошлом мне будет отрадой
единой;
В целом мире никто не сумеет тебя заменить
И стихи о тебе станут песней моей лебединой.

Здесь на бедной Земле, потонувшей во лжи и в
крови,
Мы любили друг друга и тем были счастливы оба,
А теперь только отблеск твоей неизбывной любви
Мне мерцает звездой из забитого наглухо гроба.

1941

«Что мне утешенья и участие...»

Что мне утешенья и участие,
Им внимаю с острой болью я;
Отошло мое земное счастье,
Скрылась радость светлая моя.

В сердце больше места нет надежде,
Что твоею нежностью согрет
Буду вновь я как бывало прежде,
Ведь тебя на белом свете нет.

А еще недавно ты дышала,
Излучая свет любви из глаз,
Ты мне жизнь собою украшала,
Ты была со мною, а сейчас

Я один стою перед судьбою,
Стало пусто в мире, ты ушла,
И погас, любовь моя, с тобою
Мой источник света и тепла.

«Так, видимо, нужно, так, видно, угодно судьбе...»

Так, видимо, нужно, так, видно, угодно судьбе,
Чтоб звездною россыпью искрилось небо, а я
На звезды смотрел и душою стремился к тебе,
Моя незабвенная, светлая радость моя.

Дышала прохладой и веяла сыростью ночь,
Листы трепетали и благоухали цветы,
А сердце мое не могло в этот час мне помочь,
Оно не сумело ответить мне, где теперь ты.

Томясь по тебе, я не вижу тебя наяву,
А ты с прежней лаской быть может глядишь на
меня,
И может быть чувствуешь как и зачем я живу
С того, в вечный траур мне сердце одевшего дня.

Во имя немеркнувшей даже за гробом любви,
Из плена земного, из тесных оков бытия
Меня поскорее к себе навсегда призови,
Моя незабвенная, светлая радость моя.

«И мороз, и вьюга...»

И мороз, и вьюга...
Ночь как жизнь темна...
Верная подруга,
Нежная жена,
В суету мирскую
Не вернешься ты;
Я один тоскую
В мире суеты,
Сердцем вспоминая
Как был счастлив я
В нем с тобой, родная,
Милая моя!..
Мир в бреду недуга...
Жизнь как ночь темна...
Нежная подруга,
Верная жена,
Нет для жизни силы
И желанья нет;
Только из могилы
Мне сияет свет,
Где лежишь, не зная
Мрака бытия,
Ты, моя родная,
Светлая моя!..

1942 г. 16 января. Пятница.

Москва

Милой Иоанне Матвеевне Брюсовой в день ее шестидесятилетия («Стоя, руки по швам...»)

Стоя, руки по швам,
Иоанна Матвевна,
В день рождения Вам
Пожелаю душевно,

Чтоб горел керогаз
И «голландка» не гасла,
И чтоб были у Вас
Сахар, мясо и масло,

Чтоб не стала семья
Ваша жертвой Арея,
Чтобы книги В. Я.
Издавались щедрее,

И чтоб, словно в раю,
Вы спокойно и просто
Жизнь земную свою
Продолжали лет до-ста.

15 февраля 1942

«В тихий вечер за столом...»

В тихий вечер за столом
У раскрытого окошка
Я мечтою был в былом.
В тихий вечер за столом
Мне повеяло теплом,
И взгрустнулось мне немножко
В тихий вечер за столом
У раскрытого окошка.

1942

Москва

А. А. Галунову («Добросердечный друг мой, в эти дни...»)

Добросердечный друг мой, в эти дни
Разрухи, страха, жадности и злобы,
В дни гнусной жизни только для утробы
С приправой лицемерной болтовни,

Все чистое, все светлое в тени,
А на виду гниенье и микробы,
И нужно быть душою твердым, чтобы
В ней уберечь для творчества огни.

Мы все внутри безвыходного круга,
Но с Вами долголетняя подруга
Плечо с плечом проходит через тьму,

А я бреду сквозь оторопь людскую
Один как перст, ненужный никому,
И об ушедшей спутнице тоскую...

1942

Москва

«Душитель мысли, враг всего живого...»

Душитель мысли, враг всего живого,
Отец холопства, подхалимства друг,
Кавказец, проявивший ловкость рук,
С умом и внешностью городского,
Разыгрывай кровавый водевиль,
Ссылай, расстреливай, терроризируй,
И над страной серой и сирой
Что хочешь делай, но не джугашвиль.

1942

«Жиреющая самка...»

Жиреющая самка,
Глуха, разинут рот;
Она душою хамка,
А внешностью урод.

1942

Москва

«Полужаба, полуженщина...»

Полужаба, полуженщина,
Смесь дерьма с папье-маше,
По манерам деревенщина
И стервоза по душе.

1942

Москва

«Снова пахнуло дыханием свежим...»

Снова пахнуло дыханием свежим
Зелени юной и влажной земли,
И по оврагам и тропам медвежьим
Голубоснежки вновь расцвели.

Снова весна словно младшему брату
Нежность свою расточает мне, но
Нет тебя в мире и эту утрату
Даже весне возместить не дано.

Хоть для меня ласки солнца как милость, —
Ведь на закате июльского дня
Солнце мое вечной мглой затмилось
И никогда не согреет меня, —

Но вместе с рощицей этой весною
Мне не очнуться от зимнего сна,
Ибо ты, радость моя, не со мною,
А без тебя и весна – не весна!

«Такою светлою, такою милою...»

Такою светлою, такою милою
Была недавно ты в расцвете женском,
А ныне скрытая сырой могилою
Лежишь на кладбище Преображенском.

Уж не смутят тебя сердечно-чуткую
Земные горести, тоска и злоба,
Ты обрела себе в годину жуткую
Успокоение под крышкой гроба.

А без тебя и мне не быть утешенным,
Ведь в мире холодно, темно и голо,
И я дрожу как лист под ветром бешеным
Насилья, дикости и произвола.

Но и в кромешной тьме лучом спасения,
Все разгорался и вырастая,
Мне светит образ твой, моя Евгения,
Моя заступница, моя святая!

«Я вновь пришел к тебе, моя родная...»

Я вновь пришел к тебе, моя родная,
Чтоб поклониться холмику тому,
Где ты лежишь не чувствуя, не зная
Как тяжело мне в мире одному.

Ведь с той поры, когда оставив тело
Свое земле с Земли ты отбыла,
Моя душа навек осиротела,
С тобой лишившись света и тепла.

И вот блуждая ощупью во мраке,
Сквозь ложь, сквозь лицемерье, сквозь вражду,
Я вижу только ненависти знаки
И лишь невзгод от будущего жду.

И в эти дни нужды, тоски, болезни,
В сиянии немеркнувшей любви,
Ты для меня в прекрасном сне воскресни
И жизнь влачить меня благослови.

В альбом («Стихи в альбом почти всегда измена...»)

Стихи в альбом почти всегда измена
Тому что есть: ведь в чаяньи добра
Польстить хозяйке нужно непременно,
Иль прокричать хозяину ура.

А я взамен приветственного клича
Вам, ритмами играя, прошепчу:
«От Николая Николаевича —
Николаю Николаевичу».

1942

Г. А. Александровской («В дни духовного паденья...»)

В дни духовного паденья,
Горя и эрзац-еденья
 Вам желаю всяких благ,
И в честь Вашего рожденья
Водружу на целый день я
 На воротах сердца флаг.

*1943 г. 16 марта. Вторник.
Москва*

Надпись на червонце без номера («Как среди толпы славян японец...»)

Как среди толпы славян японец,
Иль меж научных книг роман,
Сей недоделанный червонец
Попал сегодня в мой карман.

И я дивясь такому чуду,
За то, что он в семье урод,
Его поспешно с рук не сбуду,
А сохраню, наоборот.

1943 г. 31 марта. Среда.

Москва

И. Н. Розанову («Тот, кто достиг расцвета мастерства...»)

Тот, кто достиг расцвета мастерства
В поэзии, тот с точностью и сразу
Найдет созвучья, ритмы и слова,
Чтоб их вместить в лирическую фразу.
Как будто поэтическим лучом
Просветится насквозь его работа,
И он сумеет даже ни о чем
Сказать экспромтом собственное что-то.
И на походку Музы не рыча,
Спокойно и без всякого горенья,
Я заношу сие стихотворенье
В альбом Ивана Никанорыча.

<1943 г. 26 мая. Среда.

Москва>

«В Москве последний переводчик Данта...»

В Москве последний переводчик Данта,
А в Вольске первый скульптор, Златовратский,
Во всеоружьи, так сказать, таланта
Вдруг выявил характер свой дурацкий.

К несчастью, выкинутую им «штучку»
Никак нельзя живописать строками,
Приходится поспешно бросив ручку,
В недоуменьи развести руками.

1943 г. 2 сентября. Четверг.

Москва

«Ты – хамка и холуйка, ты халда и хабалка...»

Ты – хамка и холуйка, ты – халда и хабалка,
Холопка по призванию, как видишь все на «ха».
Ты в возрасте под тридцать невольная весталка,
Иль, по простонародному, девица без греха.

И в наши дни Дианой жить вовсе не досада,
Для девушки быть девушкой есть высшая хвала,
Но ты то непорочна, что страшно толстозада,
Что слишком недотеписта, что до-нельзя пухла.

Ведь многие, ей Богу, не блещут красотою,
Не каждой предназначено быть лакомым куском,
Но ты-то несравнима ни с этою, ни с тою,
Ты просто исключение, ты только мяса ком.

Твои повадки пошлы, твои ухватки глупы,
И тщетно ты улыбкою растягиваешь рот,
Ведь даже близорукий увидит и без лупы,
Что ты – прости мне, Господи! – урод-мордоворот

1943 г. 19 декабря. Воскресенье.

Москва

«Что несет мне новый год...»

Что несет мне новый год
Я уж знаю: труд бездушный,
Цепь страданий, груз невзгод
И неволи воздух душный.

Днем и ночью мрак густой,
Где лишь творчество – светило,
И опять тоску о той,
Что меня осиротила.

Он подходит, топоча
По тропе войной истертой,
Год по счету тысяча
Девятьсот сорок четвертый.

И быть может это в нем,
В час еще мне неизвестный,
Я, слабея день за днем,
Упаду под ношей крестной?

Или может быть поэт,
Не поладив с миром косным,
Сам уйдет за милой вслед
Этим годом високосным?

*<1943 г. 31 декабря. Пятница.
Москва>*

«Под конвоем, по дороге...»

Под конвоем, по дороге,
Средь родных полей, в наш век,
Еле-еле тащут ноги
Тридцать слишком человек.

Почему и что за люди
Спор ведут в рассветной мгле
Об обеденном премблуде
И вечернем горбыле?

Может быть они по тропам
И лесным трущобам на
Удивление Европам —
Вот, мол, дикая страна! —

В час погони за грошами,
Встречных в несколько минут
Оставляли голышами,
Тут же сделав им капут?

Иль шакалами пролаяв,
В океане, в день труда,
Разгружали без хозяев
Многотонные суда?

Куклы жизни на задворках,
В куртках, в ватниках, в пальто,
В сапогах, в лаптях, в опорках,
Босиком и в буцах, то

Не разбойники-бродяги,
Не грабители морей,
А всех видов доходяги
Из тюремных лагерей.

1944 г. Лето.

Серебряные Пруды, Моск. обл.

«Он похож на драного кота...»

Он похож на драного кота,
Что в отбросах по помойкам роется;
Разница меж ними только та:
Сей прохвост, во-первых, без хвоста,
Во-вторых, хоть изредка умоется.

1944 г. Лето.

Серебряные Пруды, Моск. обл.

«От него всегда разит...»

От него всегда разит,
Он воняет словно кал,
Скот и гнусный паразит,
Гад и лагерный шакал.

1944 г. Лето.

Серебряные Пруды, Моск. обл.

М. М. Кукуеву («Где питанья каждый день...»)

Где пита́нья ка́ждый де́нь
Разреша́ются вопро́сы,
Ты скита́ешься ка́к те́нь,
Подбира́я все отбро́сы.

Безалабе́рный Куку́й,
Мы с то́бой не ма́лолетки,
Для че́го ж ты, расто́лкуй,
Ешь обгло́дки и объе́дки?

От карто́шки ко́жура,
Ры́бий хвост и хле́ба кро́шка, —
Разве э́та все́ мура
Ощу́тится хо́ть немно́жко

Отощавши́м живо́том,
Если да́же три арбу́за,
Вме́сте с корка́ми при́том,
Не напо́лнят на́ши пу́за?

1944 г. Лето.

Серебряные пруды, Моск. обл.

Ф. Ф. Кукушкину («Ты, Кукушкин, в жизни новой...»)

Ты, Кукушкин, в жизни новой
Ешь и пей, жни и куй,
Только в рощице сосновой
По ночам не кукуй.

Вместо пения по нотам
Расскажи анекдот;
Пусть зовешься ты Федотом,
Ты Федот, да не тот!

1944 г. Лето

Серебряные Пруды. Моск. обл.

«Потирает руки он...»

Потирает руки он
В результате дел удачных,
Местечковый Соломон
Из породы лапсердачных.

Увидав как он дрожит
Малохольный, конопатый,
Каждый скажет: «Это – жид!»
И прибавит: «Жид пархатый!..»

1944 г. Лето.

Серебряные Пруды, Московская область

В. М. Ципер («Вера Моисевна...»)

Вера Моисевна,
Не таращьте гневно
Ваших глаз:
Ибо без куренья
Демон одуренья
Мучит нас.

К нам войдя с подносом,
Чуете Вы носом
Дым и вонь,
(Так всегда бывает,)
Кто же добывает
Нам огонь?

Так как Вы сestroю
Всем нам, то открою
Вам спроста,
Что на всю палату
Нам катает вату
Староста.

1944 г. Осень.
Москва

«Балбес воспитанный тюрьмой...»

Балбес воспитанный тюрьмой,
Ночлежками и бардаками,
К тому ж еще глухонемой,
Грозить мне вздумал кулаками.

Хоть драки я не признаю,
Но защищаясь я ударю,
И опоганю длань свою
Об отвратительную харю.

1944

Москва

«Бывало в дни борьбы...»

Бывало в дни борьбы
Во тьме по вечерам,
Я многим метил лбы
Печатью эпиграмм.

А ныне днем с огнем
Я дам ему щелчок;
Но что сказать о нем?
Он только – дурачок!

1944

Москва

«Как рассуждает он судить я не берусь....»

Как рассуждает он судить я не берусь,
По-белорусски иль хохлацки,
Но кто бы ни был он, хохол иль белорус —
Он рассуждает по-дурацки.

1944

Москва

«Юноши и малолетки...»

Юноши и малолетки,
Взрослые и старики,
Словно сельди в бочке, в клетке
Около Москвы-реки.

Ежедневно две оправки,
Смысл которых не высок,
И прогулка, где ни травки,
Только небо да песок.

От горбушки до баланды
День плетется не спеша,
И лишь окрикам команды
Внемлет сонная душа.

И родя глухие вести
Средь невежества и тьмы,
Время топчется на месте
В четырех стенах тюрьмы.

1944

Москва

«Красна-девица с лица...»

Красна-девица с лица,
С тонким детским голоском
И с душою подлеца,
Был он круглым дураком.
Что ему ты не толкуй,
От такого холуя
Лишь услышишь: – «На.....,
Ни... и до...!»

1944

Серебряные пруды, Моск. обл.

«Ни дипломат, ни кормчий, ни герой...»

Ни дипломат, ни кормчий, ни герой
В тебе себя ничем не проявили,
Ведь гений даже Николай Второй
В сравнении с тобою, Джугашвили!
Но как тиран, тюремщик и палач,
Но как творец холопства, лжи и скуки,
Ты съел собаку, тертый ты калач,
Тут, так сказать, тебе и карты в руки.

1944

«Он по профессии – больной...»

Он по профессии – больной...
Страдает горлом он и носом,
Боками, грудью и спиной
И то запором, то поносом.

Однако этот маниак
С душонкой подлой человечка
Приносит пользу миру, как
При геморрое.... свечка.

1944

Москва

«Три раза солнце пламенем июльским...»

Три раза солнце пламенем июльским
С полудня опаляло тополя,
И по просторам пензенским и тульским
Три раза колосились поля

С тех пор как ты, расставшись с этим миром,
Погасла как в предутрии звезда,
Меня оставив немощным и сирым
И потерявшим радость навсегда.

И пусть текут дни, месяцы и годы,
Разматывая время словно нить,
Не исчерпать им щедрости природы
И сердца моего не изменить.

Хотя оно измучено борьбою,
Но повинуюсь чувству и судьбе,
Оно и ныне бьется лишь тобою
И как и прежде предано тебе.

Баллада о двух врачах («Всем друзьям своим в усладу..»)

Всем друзьям своим в усладу
Так сказать, с огнем в очах,
Напишу-ка я балладу
О тюремных двух врачах,
Что палатой той владели, —
Это справка подтвердит, —
Где в моем голодном теле
Пребывал миокардит.
Восемь строк отдав вступленью,
Как по щучьему веленью,
Забывая про войну,
Я решительно начну.

Доктор Анна Федоровна —
Враг всех истин прописных,
Ибо слишком хладнокровно
Морит голодом больных.
Хватит, мол, иметь в желудке
Ложку сахара песку,
Хлеба триста граммов в сутки
И поллитра кипятку.
Как-никак, а эта мера
Не годится для примера,

И больной имеет рот!
Но зато, наоборот,

Доктор Лидия Павловна
Хочет, чтоб и в эти дни
Все больные поголовно
Поправлялись, чтоб они
Получали с маслом кашку,
Укрепляя тем тела,
И легко дает «букашку»
Вместо общего стола.

При такой простой зарядке
У больного все в порядке:
Стул, мокрота и моча,
Тут уж я рубну сплеча!

Первый врач больных калечит,
Их вгоняя в гроб порой,
И, напротив, врач второй
По возможности их лечит,
Очевидно неспроста
Начиная с живота.

Если б... Но на этом месте,
Под вуалью полутьмы,
С шаловливой Музой вместе
Отдохнем немного мы
И воздав хвалу молчанью,

Зашагаем к окончанию.

В рощу образов вступая
По ритмическим следам
На правах поэта-пая
Сам себе совет я дам:
Чтоб тебе и горя мало
Было, друг мой, не болтай,

Ибо здесь не Гватемала
И, ей-Богу, не Китай.
Да и ты, припоминая
Взрыв фугасных бомб и мин,
Не Николоза Миная
И, ей-ей, не Ник-Ник-Мин.
Здесь не делят всех по кастам,
Не кричат ура тому,
Кто с мощной, но языкастым
Неуютно, потому
Не чеши язык в придирах
И, неправдой не греша,
Расскажи, что при Бутырках,
Безусловно хороша,
Есть больница областная
И со вздохом повтори
Про себя: Москва, Лесная,
43/63.

Дальше, сетуй иль не сетуй,

Чтоб пошло писанье впрок
В эту вещь о вещи этой
Я внесу двенадцать строк,
Чтоб разматывая нить
Кое-что в ней пояснить.

Игнорируя заглавие
И на все махнув рукой,
Начинал я петь во здравье,
А кончал за упокой.
Чтоб хореев через пять
Петь во здравие опять.
Я хотел блеснуть рассказом,
Но в лирической волне
Все свелось к отдельным фразам
И невинной болтовне.
Словом, в теме о врачах
Мой талант совсем зачах.
А теперь... Но рифм обуза
Тяготит от головы
И до ног, и слишком Муза
Расшалилась и – увы! —
Больше нет мне с нею сладу
И как азбуку Ю, Я,
Наконец свою балладу
Здесь заканчиваю я.
И прощаясь взглядом с ней,
Ставлю точку поясней.

7 января 1945 г. Воскресенье. Москва

Лирическая повесть ни о чем («Как мне назвать поэму эту...») Начало поэмы

1

Как мне назвать поэму эту?
С чего и чем ее начать?
И способом каким поэту
Скорей пробраться с ней в печать?
Такие сложные вопросы
Поставил я перед собой,
Пуская сизо-голубой
Дымок душистой папиросы
И попивая шоколад
С миндальным кексом и халвою...
А там, над крышами палат
И хижин, словом, над Москвою,
Пронзив насквозь зенит лучом,
Сияла ярко Вега в Лире;
Я назову поэму «Лири-
ческая повесть ни о чем».

Итак заглавие готово!..
Пускайся в путь, поэт, смелей
Среди разлива золотого
Своих лирических полей.
Четерехстопный ямб – дорога,
Где меж бурьяна и былья
Ритмическая колея
Лежит торжественно и строго.
Где колыхаясь и дрожа,
Друг с другом стиснутые плотно,
Встают как дымка миража
Творческих образов полотна.
И в отдаленьи, наконец,
Для слуха сладкая уловка,
Звенит уверенно и ловко
Опорной рифмы бубенец.

*<1945 г. 15 января. Понедельник.
Москва>*

«Все также как во время оно...»

Все так же как во время оно,
Владычествуя над душой,
Сияли пояс Ориона
И ковш Медведицы Большой.

И так же привлекая взгляды,
Томили мысль как испокон
Веков – Возничий и Дракон,
Кассиопея и Плеяды.

И зыбля в зеркале пруда
Лучи как перья опахала,
Всю ночь Полярная звезда
Нетленной вехой полыхала.

И помогая мне уйти
Мечтой с Земли зеленоватой,
Светилось небо звездной ватой
В пределах Млечного Пути.

*<1945 г. 1 февраля. Четверг.
Москва>*

«Обозначилась дыра...»

Обозначилась дыра:
Всем узнать пришла пора,
Что ни грамма в нем ума нет,

Но по-прежнему с утра,
И сегодня как вчера,
Барабанов барабанит.

Врет он, так сказать, на ять,
Зная, что не устоять
Перед ним гурту баранов;

И терзая слух опять —
Раз, два, три, четыре, пять! —
Барабанит Барабанов.

*1945 г. 7 февраля. Среда.
Москва*

«Как хлеб пшеничный рыхл и бел он...»

Как хлеб пшеничный рыхл и бел он,
Но вид такой у молодца
Как будто бы он недоделан
Родителями до конца.

За обмусоленный окурок
Готов залезть с ушами в грязь
Сей недотепа и придурок,
Хоть Оболенский, да не князь.

*1945 г. 10 февраля. Суббота.
Москва*

«Пересыльная слабосилка...»

Пересыльная слабосилка
Матюгается и бузит,
Здесь среди прочих болван Кириллка,
Шут тюремный и паразит.

И отправится он не в Ниццу
Встретить новой весны расцвет,
А транзитом через больницу
Непосредственно на тот свет.

*1945 г. 15 марта. Четверг.
Москва*

Семейный пейзаж («Ах в своем уме ли я?!...»)

Ах, в своем уме ли я?!.
Что за аномалия?!.
Здесь вся их фамилия
Вместе собралась:
Старшая Камелия,
Средняя Амалия,
Младшая Эмилия,
Сестры Дыролаз.

В фазе догорания,
Павы горделивее,
На лице претензия
Место занимать
В фокусе Урания —
Августа – Оливия —
Юлия – Гортензия
Гуговна – их мать.

Дальше без усилия,
Там, где декорация,
Вижу в лучшем виде я
Старых трех хрычей: —
Дядюшку Вергилия,

Дяденьку Горация
И отца Овидия —
Никанорычей.

*<1945 г. 14 апреля. Суббота.
Рошаль, Моск. обл.>*

«Я констатирую уверенно...»

Я констатирую уверенно
Факт, что похож Мартынов здорово
Физиономией на мерина,
А поведением на борова.

1945 г. 17 августа. Пятница.

Москва

«Издалека как будто баба...»

Издалека как-будто баба,
А подойдешь и если с тыла
Посмотришь так она кобыла,
А если спереди так жаба.

*1945 г. 22 сентября. Суббота.
Москва*

«Как листок мятущийся от шквала...»

Как листок мятущийся от шквала,
В дни тоски, тревоги и невзгод,
И без той, что сердце согревала,
Я опять встречаю Новый год.

Что мне пожелания и ужин,
Если средь живых я неживой,
Если мне на этом свете нужен
Лишь покой под крышкой гробовой?

*1945 г. 31 декабря. Понедельник.
Москва*

«Дочь мегеры, ведьмы внучка...»

Дочь мегеры, ведьмы внучка,
Изнутри навоза кучка,
Где гнилье, дерьмо и хлам,
А снаружи эта штучка —
Австралийская вонючка
С русской жабой пополам.

*1946 г. 18 января. Пятница.
Москва*

Тамаре Лапшиной («Не пререкайся с папой...») В альбом

Не пререкайся с папой
 Ни летом, ни зимой,
Не будь ни в чем растяпой,
Учись, стирай и стряпай
 И пол козь нужно мой.

Ешь больше чернослива
 И каши из пшена,
И будешь ты счастлива,
 Тамара Лапшина.

*1946 г. 3 апреля. Среда.
Москва*

Н. П. Кугушевой- Сивачевой («Вместо всякой вкусной жвачки...»)

Вместо всякой вкусной жвачки,
В край далекий из Москвы,
Папирос плохих две пачки
Посылаю я, увы!

Дар мой скуден и неярк,
Но при нем напомним вновь:
Хоть не дорог мой подарок, —
Дорога моя любовь!

*1946 г. 4 сентября. Среда.
Москва*

М. Д. Рындзюнской («В знак моего к Вам уваженья...»)

В знак моего к Вам уваженья
Пусть рифмы будут здесь на ять,
И сам на целую сажень я
Хочу Вам ямбами сиять.

Я помню день: с утра был тих он,
А к ночи впал в какой-то бред,
И не один Чурилин Тихон
Был Вами бережно согрет.

В работе с силою Атланта,
Вы в жизни слабенькая нить,
И кроме Вашего таланта
Я Ваше сердце стал ценить.

Поэт, ваятель, балерина, —
Для всех лишь в этом толк, а я
Нашел и душу в Вас, Марина
Давыдовна Рындзюнская.

*1946 г. 14 ноября. Четверг.
Москва*

«Как призывно ни гляди ты...»

Как призывно ни гляди ты,
Взор твой страсти не родит:
Не сестра ты Афродиты,
А почти гермафродит.
Такова твоя фигура
От плечей и до колен,
Что и с помощью Амура
На тебя не встанет член.

*1947 г. 15 апреля. Вторник.
Москва*

Говорит старая барыня («Ни охнуть, ни вздохнуть!...»)

Ни охнуть, ни вздохнуть!..
И дамам нету спуска,
Чуть скажешь что-нибудь
Сейчас тебя в кутузку.

Разрушили семью,
Весь мир разудивили;
За башнями семью
Сидит какой-то Швили.

На улицах – бедлам,
А молоко в продаже
С водою пополам,
И нет муки, и даже

От красной ерунды
Ухудшилась погода...
И это все – плоды
Семнадцатого года!

*<1947 г. 25 июля. Пятница.
Москва>*

Н. С. Бонар («Отнюдь не в хандре и унынии...»)

Отнюдь не в хандре и унынии,
А с трепетом как на пожар,
Я мчусь к Вам в Петровские линии,
Надежда Сергевна Бонар.

В большой разгороженной комнате,
Где сумрак таится с утра,
Вы нам, когда нужно, напомните,
Что взяться за дело пора.

Что ждаты нам уж более некого,
А вздумает если прийти
Танцовщица бывшая Грекова,
Так с нами ей не по пути.

И вот мы – друзья картомании —
За стол все и молод и стар
Усядемся в теплой компании
У Вас, у супругов Бонар.

*<1947 г. 7 августа. Четверг.
Москва>*

«Не могу сказать короче я...»

Не могу сказать короче я: —
Ведь почти что на ходу
Я строчу Вам семистрочие,
В нем имею я в виду
Вас и все такое прочее...
Здесь я ставлю многоточие,
А во вторник к Вам приду.

1948 г. 16 апреля. Пятница.

Москва

М. П. Горбункову («Митрофан Петрович! Пиво, квас...»)

Митрофан Петрович! Пиво, квас,
Кофе, чай, вино и молоко
Вновь я собираюсь пить у Вас,
Но до Вас добраться нелегко.
Повторишь пока идешь сполна
Все слова на а, или на я,
До такой уж степени длинна
Фрунзенская набережная.
Но осилю, хоть и не юнец,
Я кой-как препятствие сие,
И вблизи увижу, наконец,
Дом 118, корпус Е.

*<1948 г. 30 октября. Суббота.
Москва>*

«По дороге катится...»

По дороге катится
 К дому из кина,
Словно каракатица,
 Серка Сракина.
Марфою-посадницей
 Смотрит на парней,
И при этом задницей
 Дрыгает сильней.

1948

Москва

«Спасал от Гитлера Европу...»

Спасал от Гитлера Европу
И был при этом ранен в...!

1949 г. 14 января. Пятница.

Москва

Е. С. Должанской («Мы с Вами добрые друзья...») Надпись на книге

Мы с Вами добрые друзья,
Ведь Вы, Е. С, моя соседка,
Так вот Вам лирика моя,
Вы ею пользуйтесь нередко.

В ней запах свежести разлит,
И пусть во время чтения прытко
Пред Вами по полу юлит
Миниатюрная Зуритка.

*1949 г. 22 марта. Вторник.
Москва*

«Небо в клочьях от хламид...»

Небо в клочьях от хламид
Сизосеро,
Электричеством томит
Атмосфера.

Затаив дыхание сад
Стал безмолвней,
Он как будто полосат
В блеске молний.

Он едва-едва живой,
В предосенье
Жаждет влаги дождевой
Как спасенья.

И в душе переворот,
Словно как-то
С жизнью я иду вразброд,
Против такта.

Но ведь это не беда,
Что к заре я
Не укроюсь никуда
От хорея.

1949 г. 14 августа. Воскресенье.

Пушкино, Моск. обл.

Данте Алигьери («Труд жизни завершен... Один я как в пустыне...»)

Труд жизни завершен... Один я как в пустыне...
Ведь Портинари дочь средь ангелов в раю,
И Кавальканти нет, и к Джемме путь в семью,
В мою Флоренцию заказан мне доныне.

Святейший наш отец, забыв о Божьем Сыне,
Филиппу Валуа запродаст честь свою,
И в Авиньоне за печатями семью
Позорит папский сан и римские святыни.

А Генрих цезарь мой, мечты моей кумир,
Оплот империи, покинул этот мир,
Не довершив того, чего душа взалкала;

Куда, к кому пойти с протянутой рукой?
К нему, к Кангранде лишь, к Франческо делла
Скала
В Верону, а затем в Равенну на покой...

*<1950 г. 7 января. Суббота.
Москва>*

3. Е. Сотниковой («По-прежнему нам небо бирюзою...»)

По-прежнему нам небо бирюзою
Сияет днем, а ночью в темноте
Все те же звезды светятся, но, Зоя,
И мир не тот, и мы уже не те.

Мы долго не встречались... В эти годы
Я шел сквозь чащу жизни напролом,
Я замерзал в неволе у невзгоды
И был пригрет любовью под крылом.

Не знаю я, как счастье Вам служило
И в гости к Вам ходила ли тоска,
Но и на Вас отметку наложила
Безжалостного времени рука.

Пусть все в былом... Я все судьбе прощаю
За то, что с Музой в дружбе состою,
И как дыханье мая ощущаю
Под осень жизни молодость свою.

<1950 г. 12 июля. Среда.

Москва>

«Все в прошлом... Все когда-то было...»

Все в прошлом... Все когда-то было...
Все потускнело, отцвело,
Померкло, выцвело, остыло,
Поблекло, стерлось и ушло.

Вдали не знаю, что такое,
Иду куда-то не спеша,
И тело хочет лишь покоя
И только отдыха душа.

Я не заигрываю с верой,
В глаза надежде не смотрю,
И застилает сумрак серый
Мою закатную зарю.

Зачем же в вечер мой туманный
Ко мне явилась в гости вновь,
Такой непрошенной, незваной
И неожиданной любовь?..

<1950 г. Июль.

Москва>

«Повеяло как будто ароматом...»

Повеяло как будто ароматом,
Светлей в душе и потеплела кровь,
Все оттого, что над моим закатом
Взошла звездой последняя любовь.
Все время перед взорами моими
Мелькает милый образ словно тень,
И в памяти коротенькое имя
Звенит, не умолкая целый день.
Что впереди?.. Ночная свежесть или
Полдневный зной? Затишье иль гроза?
В последний раз мне сердце осветили
Любви последней карие глаза.

<1950 г. Июль.

Москва>

«В тихий августовский, непорочный, предутренний час...»

В тихий августовский, непорочный, предутренний час

Сердце было полно и мечта никуда не летела,
Я глядел в глубину темнокарих сияющих глаз
И касался губами желанного милого тела.

Но за окнами ветер чуть-чуть потревожил листву
А над крышей звезда потеряла свой блеск
златоцветный,
И уж мнится, что было, то было лишь сном наяву,
Нам обоим любовью навеянным в час
предрассветный.

1950 г. 21 августа. Понедельник.

Москва

27 августа 1950 г. («Этот день был ясным и прохладным...»)

Этот день был ясным и прохладным,
Бледной просинью сияло небо,
И послеполуденное солнце
Долго к нам заглядывало в окна,
И хотя еще дышало лето,
Но по той, особой, светлой грусти,
Что на все кладет свой отпечаток,
Близкая предчувствовалась осень.

Может быть от этого казалась
Комната уютнее и было
Празднично и тихо так, как будто
Мы вдвоем остались в целом мире;
Третьим было наше счастье только,
И глаза твои светились счастьем,
И моя душа о счастье пела,
И от счастья трепетало сердце.

Пусть в грядущем мрак и непогода,
Чем бы жизнь меня не оскорбила,
Как бы мной судьба не помыкала,
И какой бы мне ни выпал жребий,
Я, пока дышу и ощущаю,

Не забуду этот день воскресный,
Этот августовский день, который
Больше никогда не повторится.

<1950 г. 30 августа. Среда.

Москва>

«Это чувство ты не баюкай...»

Это чувство ты не баюкай:
Это – только мираж в пути,
Ведь оно отзовется мукой,
Когда время придет уйти.

Это – греза под легким газом,
Это – сказка, – прекрасный бред...
Мне все время внушает разум,
А душа отвечает: нет!

Пусть считает он это бредней,
Ты всем сердцем благослови
Каждый час, каждый луч последней
Озарившей тебя любви.

1950 г. Август.

Москва

«Все, что мне оставил полдень летний...»

Все, что мне оставил полдень летний,
И тепло и свет осенних дней,
Я отдам моей любви последней
И последней радости моей.

Может ты заменишь мне другую,
Ту незабываемую, ту
Сердцу близкую и дорогую,
Что ушла куда-то в пустоту.

Хоть не повторится то, что было, —
Об одном теперь мои мечты:
Чтобы как она меня любила,
Также бы меня любила ты.

Больше ничего мне и не надо,
Потому что в вечер бытия
Ты моя последняя отрада,
Ты любовь последняя моя.

*1950 г. Сентябрь.
Москва*

Е. В. Тимофеевой («Подарка именинного взамен...»)

Подарка именинного взамен,
Желаю Вам на Ваши именины:
Не ссориться с хозяйкою Е. Н.
И поскорей отделаться от Нины.

Иметь сверхэлегантный туалет
Из крепдешина, бархата и газа,
И жить до ста четырнадцати лет
И по сто тысяч выиграть два раза.

1950 г. 7 декабря. Четверг.

Москва

«Опять волнует кровь мою весна...»

Опять волнует кровь мою весна,
Цветет сирень и ночь как золотая,
И, отражением в реке блистая,
Высоко поднимается луна.

Мечта очарования полна,
И для нее совсем не запятая
Достичь освобожденного Китая,
Где, как и здесь, покой и тишина.

Чего душе такую ночью надо?!.
Кругом успокоенье и отрада,
Прекрасен путь уединенный мой,

Он не тернист и по дневному светел...
И, безмятежно шествуя домой,
Я по дороге никого не встретил.

1950 г. Декабрь.

Москва

«Подвержен спекулянтской мании...»

Подвержен спекулянтской мании,
Он как старьевщик приволок
В Москву на рынок из Германии
Мешок поношенных чулок.

1950

Москва

«С лицом как задница ТОЧЬ-В-ТОЧЬ...»

С лицом как задница точь-в-точь,
С ухватками башибузука,
Не только сукина ты дочь,
Но и барсукина ты сука!

1950

Москва

«Среди столичных хамов-дураков...»

Среди столичных хамов-дураков,
По хамству побивает все рекорды
Анчутки зять, племянник Держиморды,
Хам всесоюзный – некий Барсуков.

1950

Москва

«Хамелеон из кулаков...»

Хамелеон из кулаков,
Мозги барана, жадность волка,
А внешность мерина, таков
Едрит Хренович Балаболка.

1950

Москва

«Утомленно плещет море...»

Утомленно плещет море,
Набегают вал на вал,
Я вблизи увижу вскоре
Твоего лица овал.

В небе вспыхивают звезды,
А вокруг ложится тьма,
И хотя я умным создан,
От тебя я без ума.

Эта ночь!.. Она как сказка,
Как души влюбленной бред,
И спадает с сердца маска,
Открывая страсти след.

Но твоей противясь власти,
Мне во тьме журчит вода:
«Эта дама рыжей масти
Не годится никуда!..»

1950

Москва

«Я как ворон крови жажду мести...»

Я как ворон крови жажду мести,
Потому что мой ревнивый глаз
У кино вчера заметил вместе
С неизвестным гражданином Вас.

О, коварная!.. Стекают капли
По стеклу и плачет голый сад...
Кто же Вам он? Уж не новый раб ли,
Что тиранству Вашей власти рад?

Мне не побороть сердечной дрожи,
Ведь в душе погас последний луч,
И теперь ей сотни солнц дороже
Сумрак и лохмотья хмурых туч...

1950

Москва

«Не белорус Едрит Хренович...»

Не белорус Едрит Хренович,
И не еврей как Каганович,

Не армянин как Микоян,
Не украинец, не цыган,

И не узбек, и не татарин,
Не русский пахарь или барин,

Нет – в поле сорная трава —
Он – никудышная мордва!

1950

Москва

Н. Е. Сазоновой («Мы знакомы уже давно...»)

Мы знакомы уже давно
И давно родилась «Прохлада»,
И давно бы мне было надо
С нею Вас познакомить, но

Поправима сия беда,
А в свое оправданье сразу
Я промолвлю одну лишь фразу: —
«Лучше поздно – чем никогда!..»

*1951 г. 5 февраля. Понедельник.
Москва*

«В жизнь других всегда суя свой нос...»

В жизнь других всегда суя свой нос,
Эта переметная сума,
Дожила до крашенных волос,
Не нажив ни мужа, ни ума.

*1951 г. 6 февраля. Вторник.
Москва*

«Весь век она других зудила...»

Весь век она других зудила,
И разводила и сводила,
И от чужих романов без ума,
Осталась старой девою сама.

1951 г. 6 февраля. Вторник.

Москва

«Раздув свое кадило...»

Раздув свое кадило,
 Всем сплетницам кума,
Она людей сводила,
 Но только не с ума.

*1951 г. 6 февраля. Вторник.
Москва*

«Кем была она вчера...»

Кем была она вчера,
Та же и сегодня:
По работе – медсестра,
По призванию – сводня.

*1951 г. 6 февраля. Вторник.
Москва*

«Беспросветна мечта и надежда убога...»

Беспросветна мечта и надежда убога,
Путь затоптан и к цели не видно следа,
Как назойливый гость сердце мучит тревога
И висит надо мной словно туча беда.

Но могу ли сказать, что обижен судьбою,
Если средь огорчений, тоски и невзгод
Был согрет, озарен и овеян тобою
И твоею любовью минувший мой год.

1951 г. 16 февраля. Пятница.

Москва

«Вчера я ждал тебя, ведь ты...»

Вчера я ждал тебя, ведь ты
Сказала, что придешь,
Но ожидания цветы
Покрыла снегом ложь.

Я начал ждать тебя с утра
И ждал при свете дня,
Я тосковал, но ты вчера
Забыла про меня.

Я ждал, чтоб сердце расцвело,
Чтоб ожил мой приют,
Я ждал, а время все текло
По капелькам минут.

Я ждал тебя до темноты,
И после при огне,
Весь день я ждал тебя, а ты
Забыла обо мне.

Ужель твоя любовь – игра?!
За что и почему
Так больно сделала вчера
Ты сердцу моему!?.

1951 г. 17 февраля. Суббота.

Москва

«Думал я, в последний раз любя...»

Думал я, в последний раз любя,
Под конец житейского пути,
Сердцем опереться на тебя
И с тобою счастье обрести.

Но надежда эта солгала
И мечта растаяла как сон;
Ты со мной недолго пробыла,
А ведь с глаз долой – из сердца вон.

Жизнь моя лишь тленье без огня,
Счастье только высохший венок;
Сердцем ты покинула меня
И с тобой теперь я одинок...

*1951 г. 3 марта. Суббота.
Москва*

«Когда я свой окончу путь...»

Когда я свой окончу путь,
Тернистый путь любви и муки,
В уединеньи как-нибудь
Мои стихи возьмешь ты в руки.

Ты вспомнишь, что моя рука
Средь этих строк с пером бродила,
Что душу каждая строка
Мне грела здесь и холодила.

И, дрогнув, милый голос твой
Замрет в волнении глубоком,
И я предстану как живой
Перед твоим духовным оком.

И с болью в сердце, у стола,
Переживая долю вдовью,
Ты скажешь: «Это я была
Его последнею любовью...»

*1951 г. 7 марта. Среда.
Москва*

Лене Сазонову («Мальчик резвый, мальчик милый...»)

Мальчик резвый, мальчик милый,
Ты мою послушай речь: —
Нужно всей своею силой
На ученье приналечь.

Чтоб здоровым быть и сытым
И не тощим как скелет,
Нужно кушать с аппетитом
Без остатка весь обед.

Делать все, что скажет папа,
Слушать мамины слова,
Знать как пишут слово: шляпа,
Сколько будет дважды два.

И тогда, наевшись каши,
Сделав все уроки дня,
В карты, в шахматы и в шашки
Обыграешь ты меня.

*1951 г. 23 марта. Пятница.
Москва*

3. Е. Сотниковой **(«Зоинька моя родная...»)**

Зоинька моя родная,
Тяжела мне жизнь земная,
 Ибо всей душой любя,
 Жить я должен без тебя.
Вот прошла еще неделя;
Завтра – первого апреля,
 В день обманный искони,
 Ты меня не обмани
И ко мне на Серпуховку,
Взяв помаду и пуховку,
 Чтоб со мною быть в ладу,
 Приезжай пораньше. Жду!..

1951 г. 31 марта. Суббота.
Москва

3. Е. Сотниковой («Поклонник цветонасаждения...») Надпись на книге

Поклонник цветонасаждения,
Я каждый год вручать готов
Тебе, в день твоего рожденья,
Большой букет живых цветов.
Но этот раз взамен букета,
На память нынешнего дня,
Стихи прекрасного поэта
Прими в подарок от меня.

*1951 г. 8 апреля. Воскресенье.
Москва*

«В волненьи повседневной суеты...»

В волненьи повседневной суеты,
Среди житейских бед и тягот,
Мы все подвластны времени и ты
Сегодня стала старше на год.

Сегодня день рожденья твоего,
Когда-то в этот день и где-то
Ты родилась быть может для того,
Чтоб быть подругою поэта.

Чтоб в сердце мне пахнув своей весной
И освежив мой полдень летний,
Стать для меня в осенний вечер мой
Любовью поздней и последней.

Пусть на закат влекут тебя года,
И накануне увяданья
Ты для меня все так же молода
Как в наше первое свиданье.

*<8 апреля 1951
Москва>*

«Я думал с тобою последнее счастье найти...»

Я думал с тобою последнее счастье найти,
Всем сердцем любя, я мечтал быть всем сердцем
любимым,
Но я обманулся; расходятся наши пути,
Увяли мечты и надежды рассеялись дымом.
Средь холода жизни, под пологом траурных туч
Душа только ласки и нежности только просила,
Один мне сиял и один согревал меня луч,
Но ты, как свечу, равнодушно его погасила.

<1951 г. 9 апреля. Понедельник.

Москва>

Надпись к обрамленью («В дни тревоги и томленья...»)

В дни тревоги и томленья,
В дни, когда грозит мне шквал,
Развлекаясь, обрамленье
Это я нарисовал.

Но свободна середина,
Значит нужно, так сказать,
С обрамленьем воедино
Чем-нибудь ее связать.

О, моя отрада, лира!
Зазвучи мне в этот день
И работу ювелира
В рифмы звонкие одень.

1951 г. 12 апреля. Четверг.

Москва

О подснежниках стихи по заказу твоему («На этот раз я темой связан...»)

З. Е. Сотниковой

На этот раз я темой связан,
Ведь о подснежниках стихи,
Да чтобы не были плохи,
Я написать тебе обязан.

Цветы мне эти не сродни,
Их одеянье грубовато,
И не имея аромата
Не могут напоить они

Своим дыханьем воздух сельский,
И, что о них ни напиши,
Они тем только хороши,
Что расцветают в день апрельский.

*1951 г. 21 апреля. Суббота.
Москва*

«Итак – финал!.. А я как прежде медлю...»

Итак – финал!.. А я как прежде медлю
И все вопрос решаю роковой,
Что выбрать мне: отраву бритву петлю,
Иль из окна о камни головой?
Чего я жду кого я караулю,
Зачем себе задачу задаю,
Что мне избрать: газ, рельсы, провод, пулю,
Иль под водой окончить жизнь свою?..

<1951 г. 25 апреля. Среда.

Москва>

3. Е. Сотниковой («Моя Зоя /Я как в бреду...»)

Моя Зо́я,
Я как в бреду,
Тоскую я,
Тебя все жду.
Ведь люблю
Судьбе назло,
Мне без тебя
Так тяжело.
Моя Зо́я,
В тебе мой свет,
Зо́я моя,
Я твой поэт.
Да не забудь,
Что я к тому ж
Не кто-нибудь
Тебе, а муж.
Осуществи
Скорей мечты
Моей любви,
Ведь знаешь ты,
Что как в плену
Тоскую я
И жизнь клян,

Моя Зоя́.

1951 г. 6 мая. Воскресенье.

Москва

3. Е. Сотниковой («Моя Зоя иль моя Зоя...»)

Моя́ Зо́я иль мо́я Зо́я,
в уедине́нии жизнь губя,
Я, как больной цветок левкоя
Без влаги, вяну без тебя.
Поэ́тому садись на ме́тро,
На а́вто иль на троллейбу́с,
И мчись ко мне быстрее ветра,
Быстрее́ чем с поля боя трус.
Трево́гой сердце беспоко́я,
С то́бой в разлу́ке чахну я,
Моя́ супру́га, мо́я Зо́я,
Моя́ жена́, моя́ Зо́я.

1951 г. 12 мая. Суббота.

Москва

Е. П. Заливухиной- Степановой («Позвольте мне, поэту Николаю...»)

Позвольте мне, поэту Николаю
Минаеву, в день Ваших именин
Сказать в стихах чего я Вам желаю
Как друг, как человек, как гражданин.

Я Вам желаю выиграть сто тысяч
И вообще обилия деньжат,
И шалых кошек хорошенько высечь,
Когда они Вас слишком раздражат.

Не быть знакомой с хворью и недугом,
Не знать в лицо невзгуду и беду,
И с Вашим поэтическим супругом
Всю жизнь прожить в довольстве и в ладу.

1951 г. 3 июня. Воскресенье.

Москва

О твоём коте Трепанге («Тебе не жалко и не тяжко...»)

З. Е. Сотниковой

Тебе не жалко и не тяжко,
Что твой Трепанг, твой кот – увы! —
С хвоста до самой головы —
Обыкновенная дворняжка.
Чтоб по кастрюлям он не лазил,
Чтоб он не смел полов марать,
И чтоб поменьше он проказил,
Его побольше нужно драть.
Но что тебе советы эти?
Ведь для тебя такой урод,
Получертенок – полукот,
Милее всех котов на свете.

*1951 г. 17 июня. Воскресенье.
Москва*

Самому себе («Тебя я создал в те года...»)

Тебя я создал в те года,
 Когда сиял мне свет,
Но и теперь, как и тогда,
 Все тот же я поэт.

Мелькают ритмы мне опять
 И образы скользят,
Хотя тебе уж двадцать пять,
 А мне под шестьдесят.

*1951 г. 3 августа. Пятница.
Москва*

«Опять тоска моя остра...»

Опять тоска моя остра,
А в сердце темнота,
И я не тот, что был вчера,
И ты уже не та.
Настал предвиденный мной час,
Нам к цели не дойти:
Неодолимая у нас
Преграда на пути.
И бродят мысли наугад,
И остывает кровь,
И уж склонилась на закат
Последняя любовь.

*<1951 г. 18 октября. Четверг.
Москва>*

«Сколько сил затрачено и лет...»

Сколько сил затрачено и лет,
Но бесплоден с Музой твой роман:
Лишь среди графоманов ты – поэт,
А среди поэтов – графоман!

1951 г. 29 октября. Понедельник.

Москва

Эпитафия Трепангу («Не существом на двух ногах...»)

З. Е. Сотниковой – в альбом

Не существом на двух ногах
В ботинках или сапогах,
 Не обезьяной и не попкой,
Он в жизни черным был котом
С усами, шерстью и хвостом
 И сокращенно звался «Трепкой».

1951 г. 26 декабря. Среда.

Москва

«Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела...»

Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела,
Под небесною синью твоя зеленеет могила,
А когда-то со мною дорогою жизни ты шла,
Это было давно, но я помню когда это было.

Пусть могила твоя не одета в порфир и гранит,
Пусть она не в цветах и не в лентах с венками из
жести, —

Благодарная память моя бережливо хранит
Те счастливые дни, что друг с другом мы прожили
вместе.

Мне приходит пора за тобою отправиться вслед,
Ибо к отдыху тело, а сердце к покою стремится,
Но пока я дышу твой во мраке мерцающий свет
Для меня ни на миг никогда и ничем не затмится.

Пусть тоска по тебе переплавилась в светлую
грусть,

Пусть люблю я другую, но сердце тебя не забыло,
Пусть, что было прошло, но что было то было, и
пусть

Это было давно, но я помню когда это было...

«Я знал, что ты ником незаменима...»

Я знал, что ты никем незаменима,
Ведь девять лет в тревоге и борьбе,
Я проходил, глаза потупив, мимо
Земной любви, тоскуя о тебе.
Я и в мечтах не мог с тобой расстаться,
Но вот ее я встретил на пути
И захотел с безумством святотатца
В ее любви твою любовь найти.
Но разве ей твоя любовь под силу?
Ведь без тебя не может быть и нет
Такой любви и я сойду в могилу,
Храня в душе твои тепло и свет.

1951

«Я пренебрег всем тем, что было свято...»

Я пренебрег всем тем, что было свято,
Чем для меня была при жизни ты,
И вот подходит, крадучись, расплата
За все мои лукавые мечты.
Я не хотел смириться пред судьбою
И, женщину другую полюбя,
Вновь счастья пережитого с тобою
Надеялся достигнуть без тебя.
Но лепестки надежды, облетая,
И аромат утратили и цвет...
Прости меня, прости, моя святая,
За то, что я нарушил свой обет!

1951

«В его стихах таланта не ищи...»

В его стихах таланта не ищи,
Найти талант в подобных виршах где там?
Ему в глуши хлебать бы лаптем щи,
А он в столице значится поэтом.
Однако было бы ошибкой счесть,
Что он совсем в поэты не годится,
Ведь у него талант особый есть:
Он умудрился вовремя родиться.

1951

3. Е. Сотниковой – С. И. Кожухов («Тоскою сердце выев...») Надпись на открытке

Тоскою сердце выев
По детям и жене,
Я все же съездил в Киев
Как нужно было мне.

Не придаю я веры
Аллахам и Христам,
И вовсе не пещеры
Меня прельщали там.

Совсем не из-за денег,
Как может думать он,
Мной Тарле академик
Недавно посрамлен.

Как тонкий аналитик,
Ему заткнул я рот,
Ведь он – космополитик,
А я – наоборот!

Исполнив долг почетный,

Не сяду я на мель!
Привет мой «переметной»
И теткам Же и Эль.

В какой теперь надежде
Твой муж-чудак Ник-Ник?
Ужели как и прежде
В слова мои не вник?

Что Лёкины ланиты?
Как учится она?

Твой братец знаменитый
Серж из Бородина.

*1952 г. 11 февраля. Понедельник.
Москва*

3. Е. Сотниковой – надпись на открытке («Пострадавший от инфаркта...»)

Пострадавший от инфаркта,
Вместо торта и цветов
В этот день 8 марта,
В праздник женщин и котов,
О себе напоминая,
Шлю тебе открытку я,
Зоинька моя родная,
Стрекозозоинька моя.

*1952 г. 6 марта. Четверг.
Москва*

«Серая скука, от лени спасения

Серая скука, от лени спасения
Нет, даже думать не хочется,
А беспросветное небо осеннее
Только и знает что мочится.
Вот она прелесть житья деревенского!
Здесь и сангвиник отчаится,
Здесь бодрый дух самого Безыменского
За двое суток скончается.

1952 г. 29 октября. Среда.

Москва

Д. К. Богомильскому – в альбом («Ах, Давид Кириллыч Богомильский...»)

Ах, Давид Кириллыч Богомильский,
Ваш альбом автографов громаден,
Словно крокодил ужасный нильский
Он на пищу чрезвычайно жаден.

Ведь в его утробе понемногу,
Начиная с короля Артура,
Разместится в образцах, ей Богу,
Мировая вся литература.

В нем пока преобладает проза,
Из поэтов я почти что первый,
Но меня спасает от мороза
И мне успокаивает нервы

Мысль, что после моего почина
Сей альбом Ваш удостоят чести
Приукрасить Рюрик и Мальвина
С ятеписцем Шепеленко вместе.

1952 г. 4 декабря. Четверг.

Москва

«Судьба, играя и шаля...»

Судьба, играя и шаля,
И напевая тра-ля-ля,
Его приблизила к культуре:
В футболе он – Эмиль Золя
И футболист в литературе.

1952 г. Декабрь.

Москва

«Грохот... Посвист молодецкий...»

*Шепот... Робкое дыхание...
Трели соловья...*

А. А. Фет

Грохот... Посвист молодецкий...
Треск шаблонных фраз...
Гром фанфар и лепет детский:
– «Мы» и «Лишь у нас!..»

Бойкость без ограничений...
Бодрость без границ...
Ряд вчерашних изречений
Из передовиц.

В черствых строчках жесткость прозы...
Грубость топора...
И заводы, и колхозы,
И ура-ура!..

1952

«Как галки над пашней...»

*Как мошки зарею
Крылатые звуки толпятся...*

А. А. Фет

Как галки над пашней
Стихи друг на друга похожи,
С натугой всегдашней
Их авторы лезут из кожи.

Но почва колхоза
От пота и рвения чахнет,
Дубовая проза
Поэзией даже не пахнет.

Но где уж при этом
Подумать хотя бы о стиле...
О, если б поэтам
Печатать стихи запретили!..

1952

«Оттого, что мне казалась ты...»

Оттого, что мне казалась ты
Не такую как на самом деле,
А такой, какой мечты хотели,
Беспокойные мои мечты,

От того душа моя скорбит
И дорога жизни не легка мне,
И лежит на сердце словно камни
Груз тоски, тревоги и обид.

Скоро сердце я перегружу
Неизбывной горечью земною,
Скоро место занятое мною
В этом мире я освобожу.

Потому мне белый свет не мил
И его покину я до срока,
Что в тебе ошибся так жестоко
И тебя – такую – полюбил.

<1953 г. Февраль.

Москва>

Следователь и автор («– Скажи, за что по твоему, Ник-Ник...»)

- «Скажи, за что по-твоему, Ник-Ник,
Ты к нам попал в лефортовский тайник?
Что сделал ты? Твои какие вины?!.»
- «Писал стихи и чай пил у Мальвины!...»

1953 г. 6 марта. Пятница.

Москва

«В стороне от суетного мира...»

В стороне от суетного мира,
Где не слышно шума и гудков,
Мне приуготована квартира
Под охраной стражи и замков.

Сколько в ней отчаянья и муки
Между стен холодных разлилось,
Сколько выстрадано от разлуки,
Сколько жгучих выплакано слез.

О неисцеляющее средство:
Одному на склоне бытия
В памяти рассматривать наследство,
Что мне жизнь оставила моя!

Я ловлю воспоминанья эти,
Я над ними плачу и скорблю,
И о той, которой нет на свете,
И о той, которую люблю.

С каждым днем в тоске скудеют силы,
Сердце тлеет словно уголек,
И уже, как видно, до могилы
Многотрудный путь мой недалек.

<10 марта 1953

Москва. Лефортовская тюрьма>

Тюремный сонет («Посуда, столик, веник и кровать...»)

Посуда, столик, веник и кровать,
Водопровод и «вечная» параша,
(Она как урна иль, вернее, чаша,) —
Которую не нужно выливать.

Здесь в шесть часов предписано вставать...
Пью с хлебом чай... В обед все щи да каша...
На ужин суп, а в десять спать, вот наша
Жизнь, если можно так ее назвать.

Всегда один... Тревожусь и тоскую...
Рассматриваю жизнь свою мирскую,
Над пережитым мыслями парю...

Шагаю взад-вперед... Стихи читаю
Вслух сам себе... Стою... Сажу... Курю...
И с каждым днем душой и телом таю.

*<1953 г. 22 марта. Воскресенье.
Москва>*

3. Е. Сотниковой («Проходит быстро жизнь земная...»)

Проходит быстро жизнь земная,
Мелькают год за годом вслед,
И вот тебе, моя родная,
Сегодня 49 лет.

Я в этот день назад два года
Тебя почтить стихами мог,
Но где теперь моя свобода?
Я крепко заперт на замок.
И больно мне – зачем лукавить? —
И горько мне – к чему скрывать? —
Что не могу тебя поздравить
И наяву поцеловать.

1953 г. 8 апреля. Среда.

Москва

Баллада о четырех королях («То не какая-нибудь тля...»)

1

1. То не какая-нибудь тля,
Не дюжина чертей,
Сошлись четыре короля
Всех карточных мастей,

2. Чтобы в рождественскую ночь,
От подданных тайком,
Друг другу искренно помочь
Хотя бы языком.

3. Теперь не веришь никому
Изолгалась и знать,
И друг от друга потому
Им важно все узнать.

4. Они уселись на диван,
Пружинами треща,
Единый выработать план
Для действий сообща.

5. Все началось казалось бы
Прекрасно, как должно,
Они наморщили уж лбы,
Чтобы подумать, но,

6. Заерзав, пиковый король
Окинул взором зал
И, наступая на мозоль
Червонному, сказал:

7. – «О, венценосцы!.. О, цари!..
Хотя вокруг посты,
И плотно сдвинуты драпри,
И двери заперты.

8. Хоть можем мы – хвала богам! —
Раз кворум на лицо,
Уже разбить на страх врагам
Колумбово яйцо,

9. Но в исторический сей миг,
Перед судом веков,
Я заявляю напрямик
И без обиняков,

10. Что двигать дело не скользя,
Меж нами говоря,
Без председателя нельзя

И без секретаря!

11. Порядок должен быть всегда,
Внемлите сим словам,
А потому о, господа,
Я предлагаю вам

12. Избрать в президиум сейчас,
Друг друга оценив,
Двоих достойнейших из нас,
И в том числе меня.

13. В секретари я не гожусь,
Писать я не тово,
Но милостиво соглашусь
На председательство.

14. Ну венценосцы, веселей!...»
И он подпер бока,
Взглянув на прочих королей
Немного свысока.

15. Заволновались короли:
— Какая ерунда!
Они ведь тоже соль земли,
А вовсе не вода.

16. Да он всю жизнь должно быть дрых?
Ведь это – курам смех,

Что он из них из четверых
Умней и лучше всех!..

17. И каждый вспомнив славу дел,
Свершенных в оны дни,
Быть председателем хотел,
Писать же ни-ни-ни.

2

18. Так продолжалось полчаса,
Дошло бы и до слез,
Но к счастью, старая лиса,
Король червонный внес

19. Тут предложение, он вдруг,
Собрав остаток сил
И расстегнув крючок у брюк,
Такое возгласил:

20. – «Коллеги, что нам спорить зря
Так долго о пустом,
Мы изберем секретаря
Сначала, а потом

21. Уж председателя, тогда

Останется лишь три
Кандидатуры, господа,
Пока ж в секретари

22. Коллегу надобно бубен
Избрать без лишних фраз:
Он энергичен, смел, умен,
Да и моложе нас.

23. Умеет он себя держать
С достоинством к тому ж,
Я думаю, что возражать
Не будет славный муж.

24. Пусть каждый станет вмиг немым,
Как говорится, пнем,
И равным, тайным и прямым
Давайте голоснем!..»

25. Речь миротворца-хитреца
Текла не на-авось,
И августейшие сердца
Промаслились насквозь.

26. Затих мгновенно гвалт и крик,
Сломались иглы жал,
И даже самодержец пик
Ничуть не возражал.

27. Лишь названный секретарем
В борьбе не изнемог,
Словами он по всем по трем
Разил как только мог.

28. Он клялся властью сатаны,
Венеры красотой,
Честью мундира и жены
И троицей святой,

29. Что он теперь совсем не тот,
Каким являлся встарь,
Что самый черный готтентот
Не хуже секретарь,

30. Что шашкой может, а пером
Владеть не может он,
Что он сегодня принял бром
И уж впадает в сон,

31. Что он не помнит ни черта,
К примеру, в слове «треф»
Не знает пишется фита,
Или простое эф,

32. Что он отнюдь не фантазер,
А человек на ять,
И что ему стыд и позор
В писаках состоять,

33. Что, сговорившись, старики,
Когда им нечем крыть,
Над ним рассудку вопреки
Показывают прыть.

34. А он понадобится им
Еще не раз, не два,
Недаром умником таким
Зовет его молва.

35. И пригрозив им сотней кар,
Он в гневе ментик снял,
Послав их всех куда Макар
Телят не загонял.

36. Ив боевую позу встав,
Свирепый кавалер
Внезапно засучил рукав
И вынул револьвер.

37. Но не прошел и номер сей,
Услышав: «Рота, пли!...»
Бесцеремонно тройкой всей
Заржали короли.

38. А он проделав антраша,
Как юный сорванец,
Решил, что смерть не хороша

И сдался наконец.

3

39. Раздались клики в честь его
Из трех беззубых ртов,
Такое было торжество,
Что каждый был готов,

40. Восторгом искренним горя,
Со страстностью осы,
Расцеловать секретаря
И в губы и в усы.

41. Однако пиковый король,
Ужасный формалист,
Свою оправдывая роль,
Достал бумаги лист.

42. И разделив его на всех,
Мучительно пыхтя,
Изрек: «Чтоб не было прорех,
Мы все-таки, хотя

43. Единодушием полны
И согласился он,

Всегда выдерживать должны
Официальный тон.

44. Поэтому сейчас же для
Порядка, господа,
Мы все четыре короля
Напишем без труда

45. На этих вот листках верже
Избранника, а там
Мы с чистой совестью уже
Засядем по местам.»

46. Никто не возражал... И вот
В полуночной тиши,
Чуть-чуть поскрипывая, в ход
Пошли карандаши.

47. Затем читали. Каждый взор
К запискам жадно ник,
Стояло в первых трех: бубкор,
В четвертой же – корпик.

48. – «Ну старцы!..» – рявкнул, морща нос
Король бубен: «Теперь
Кто председатель?! вот вопрос!..»
И с шиком плюнул в дверь.

49... «Чтоб не возникла болтовня

Пустая, как солдат
Скажу вам прямо: от меня
Зависит кандидат!

50. Да, да, не делайте гримас,
Я знаю наперед,
Что каждый сам себя из вас
Сейчас же изберет.

51. Я не какой-нибудь фантаст,
Свалившийся с небес:
Ведь только голос мой создаст
Кому-то перевес!

52. А посему без дальних слов,
Без всяких но и ну,
Из ваших лысых трех голов
Я выберу одну.

53. Пусть председательствует впредь
В собрании царей,
И мы начнем скорее преть
И кончим поскорей!...»

54. Ого!.. Да он не лыком шит...
Бубнили старики,
Пуškai, действительно, решит,
Хотя-б на узелки...

55. И даже пиковый король,
Заядлый бюрократ,
Без возражений хлопнул мошь
И, видимо, был рад.

4

56. Когда улегся шум вокруг,
Не справившись с нутром,
Король бубновый издал звук,
Напомнивший всем гром.

57. Он принял импозантный вид
И сильно разопрев
Воскликнул: «Мудрый как Давид,
Сосед – владыка трэф,

58. Будь председателем у нас,
Займи почетный пост!
Ты ешь с белугой ананас
И в общем не прохвост!

59. Ты с малых лет благочестив,
Твоя эмблема – крест,
Ты перенес недавно тиф
И корь в один присест!

60. Сумеешь ты замазать рты
Говорунов лихих,
Хочу, чтоб вел собрание ты!
Садись – и никаких!..»

61. Хотя король трепф как пион
Рдел и едва глазел,
Всё ж не заставил снова он
Просить себя и сел.

62. Мясист, с подушкой живота,
Курнос и краснокож,
Он на ангорского кота
Был здорово похож.

63. Кругл словно шар, слегка раскос,
Ушаст и толстогуб,
Он ел с селедкой абрикос
И с тортом рыбный суп.

64. Он еле-еле в кресло влез,
Расселся словно фря,
И замурлыкал полонез
Из «Жизни за царя».

65. Но через несколько минут,
Он из-под соболей
Достал, как символ власти, кнут,

Чем прочих королей

66. Перепугал и в тишине,
Крестя раскрытый рот,
Проямлил явственно вполне
Рассевшимся вразброд:

67. – «Прошу вас, братья, от души
Сюда, за круглый стол;
А ты, брат от бубен, пиши
Подробный протокол.

68. Кто первый просит слова, ну?..
Отлично, первым – сват,
А вы блюдите тишину,
Я малость глуховат.

69. Но прежде чем поговорим
Со сватом-королем,
Мы телеграмму папе в Рим
С приветствием пошлем.

70. Пускай помолится за нас
Святейший наш отец,
Чтоб дал Господь нам в добрый час
Содружество сердец.

71. Кто против?.. Нет!.. Теперь кто за?..
Единогласно!.. Знак

Приятный, ночи за глаза
Нам хватит коли так.

72. Мы кончим, значит, без помех...
Ну, брат наш во-пиках,
Просил ты слова раньше всех,
Вспари-ка в облаках

73. И от салонов модных кис
До нор, где преет голь,
Пред нами мыслью растекись...
Мы слушаем, глаголь!»

5

74. Оратор царственно икнул,
Моргнув, глотнул воды,
И выразительно мотнул
Остатком бороды.

75. И кверху голову задрал,
Встал важно в стороне,
Великолепен как жираф
Под пальмой при луне.

76. Он вытаращил правый глаз,

Уперся задом в печь,
И как из бочки полилась
Следующая речь:

77. – «О, венценосцы!.. В царстве пик
Поганые дела:
Повсюду недовольство, – ик! —
Роптанье и хула.

78. Работать тройки не хотят
Четырнадцать часов,
Шестерки тайно их мутят,
Кивая на тузов.

79. Всё это, мол, один обман,
Вы гнёте спины зря,
Задаром, пухнет лишь карман
У них, да у царя.

80. А у меня, поверьте мне,
В кармане четвертак,
И вообще по всей стране
Творится кавардак!

81. Тузы мне денег не дают,
А уж который год
О конституции поют
С букетом всех свобод.

82. Да я покуда ни гу-гу
Пусть прут против рожна,
Я не желаю к пирогу
Сажать их, но жена

83. Моя рехнулася совсем,
Как есть сошла с ума,
Она не брезгует ничем
И ездит к ним в дома.

84. Ещё не дальше как вчера,
Когда я так устал,
Она сказала мне: «Пора
Уважить капитал.

85. С ним, друг мой, очень не шути,
Тут можно в лужу сесть,
Ты посмотри, везде почти
Парламенты уж есть.

86. Пусть поболтают, чёрт возьми,
Поноют, поблажат,
Зато у нас, mon cher ami,
Прибавится деньжат!..»

87. Когда же я, как Бонапарт,
Ей не дал запугать
Себя, она войдя в азарт,
Давай меня ругать.

88. – «Вы, говорит, тиран, дурак,
Невежа и нахал!..»
И так меня костила, как
Я сроду не слыхал.

89. – «Я, говорит, Вам не жена,
Осел, с сего числа;
Я так классично сложена
Отнюдь не для осла!

90. Довольно с Вами, старый хрен,
Мне молодость губить;
Не беспокойтесь, я взамен
Найду кого любить.

91. Уж есть ценитель и знаток
Всех прелестей моих,
Мы с ним уедем на Восток,
Нам хватит на двоих.

92. Мы поблаженствуем вдвоем,
А Вы, тупой кретин,
При интересе при своём
Останетесь один!

93. Вы ведь – ничтожество, а я
У Муз нашла приют,
Меня культурные края

Читают и поют.

94. Меня назад тому сто лет
Сам Пушкин воспевал,
Чайковский же ему вослед
Мной слух очаровал.

95. Мне не осмыслить нипочём,
Как я могла досель
Здесь прозябать с таким хрычом?
Вы – студень!.. Вы – кисель!..

96. Вы, так сказать, полускопец!..
Каплун без перьев Вы!..
Вы сивый мерин, наконец!..»
И тут она-увы! —

97. Как-будто кто-то укусил
Её, средь бела дня
По голове, что было сил,
Бабахнула меня.

98. А в заключение доложу: —
Жизнь это трудный спорт!
Я за грядущее дрожу,
Страну попутал чорт

99. Хлеба съел червь, а крыши ржа,
У каждой розы шип...

Уже «Долой самодержа!..»
Кричал какой-то тип.

100. Повсюду крахи, ряд панам!..
Везде застой в делах!..
Что Новый год готовит нам
Не знает и Аллах!!!»

101. Он сел, трагически вздохнул,
Утер платком виски,
И на ноги себе взглянул
Пессимистически.

102. И, нарушая этикет,
Вдруг в обществе таком
Демонстративно о паркет
Ударил каблуком.

6

103. Очнувшись, трефовый король
Пробормотал: «Це-це...»
Изобразив тупую боль
И ужас на лице.

104. «Це-це-ценны твои слова,

Мой брат, благодарю...»
И наклонилась голова
Его к секретарю.

105. Теперь речет пусть брат червей...»
И гаркнул секретарь: —
«Ну, шагом арррш!.. Да поживей,
Червивый старче, шпарь!..»

106. Но почесавшись не спеша,
Прозрачный как кристалл, —
В чем только держится душа? —
Король червонный встал.

107. С лица задрипанный сморчок,
Обитель всех обид,
Он был потерт как пяточок,
Запуган и забит.

108. Весь изогнувшись словно крюк,
Типичнейший мандрил,
Он застегнул крючок у брюк
И так заговорил:

109. — «Да, золотые времена,
Коллеги, отошли...
Моя червонная страна
В заразе и в пыли.

110. У нас – свобода! И народ,
Лишённый всяких пут,
Истошным голосом орет,
Что скоро мне капут.

111. Никто пред мной не клонит взор,
Никто не лебезит,
И даже двойка – о, позор! —
Вполголоса дерзит.

112. Тузы запуганы у нас,
И так как нет здесь дам,
Я грубо выражусь: не раз
Их били по задам.

113. Да и с министрами слабо:
Один – ходячий хмель,
Другой какой-то би-ба-бо
Из рода пустомель.

114. Две трети туги на мозги,
Премьер же мистер Зет,
Услышав чьи-нибудь шаги,
Спасается в клозет.

115. Такая власть мне не редут!..
Где прежний их апломб?
Сидят у моря всё и ждут
Погоды или бомб!..

116. Палата выборных – увы! —
Когда туда придешь,
На языке Иговы
Поднимется галдеж,

117. Кричат все хором: «Ай-вай-вай!»
А вовсе не «Виват!»
И если с рельс сойдет трамвай,
И тут я виноват.

118. Меня клянут за хлеб, за соль,
За спички, за пальто,
Как-будто я уж не король,
А чёрт-те знает кто!

119. Ну, словом, жизнь ни бе, ни ме,
Ни два, ни полтора,
Как ни прикидывай в уме,
Всё хлам и мишура!..

120. Надежда только на штыки,
Без них сплошной конфуз;
Уж основали батраки
Единый профсоюз!

121. Едва я сильно занемог,
Они насупротив
Дворца открыли под шумок

Свой кооператив,

122. Где раз в неделю по утрам,
По книжкам, а не так,
Дают картошки по сто грамм
И редьки на пятак!..»

123. Здесь как-то сжался он в комок,
Закашлял, захрипел,
И, отдышавшись сколько мог,
Вновь Лазаря запел:

124. — «В семье – печальный антураж!
Мой сын валет – бандит,
По части взломов касс и краж
Профессор-эрудит!

125. Он опозорил род отцов!
Он с шайкой ловкачей
Громит лабазы у купцов
И грабит богачей.

126. Да что купцы?.. Не раз трещал
Мой собственный комод,
Когда до нитки очищал
Его наследник-мот

127. На днях, – клянутся сторожа, —
Машину в десять тонн

На их глазах из гаража
Угнал, сам Пинкертон

128. И день и ночь, в мороз и в зной,
Тщеславием гоним,
Да и наградой, как шальной
Охотится за ним.

129. И это будущий король?
Грядущее червей?
Ринальдо!.. Лехтвейс!.. Рокамболь!..
Разбойник-Соловей!

130. Да, золотые времена
Бесследно скрылись вдаль!
Коллеги, нам присуждена
Тяжелая медаль.

131. Жизнь уж не спелые плоды,
А тернии одни;
Сухими вряд-ли из воды
Мы выйдем в эти дни!

132. Нам ни за что не обойтись
Без ран и без потерь,
Хоть жди, хоть яблочком катись
Всё плохо: ведь теперь

133. Не устилают уж цветы

Дорогу королей,
И, шапка Мономаха, ты
Раз в триста тяжелей!!!»

134. Прodelав сей словесный трюк,
Он, сморщившись, чихнул,
Вновь расстегнул крючок у брюк
И спину разогнул.

135. И скрывшись в кресле, чуть дыша,
Едва-едва живой,
Почесывался не спеша,
Качая головой.

7

136. Раскисший тревовый король,
Прослушав эту речь,
Был огорошен ею столь,
Что захотел прилечь.

137. Он щедро веки ослезил,
Пошевелил рукой,
И животом изобразил
Смиренье и покой.

138. А секретарь воткнув перо
В ореховый пенал,
Вдруг ухмыльнулся так хитро,
Как будто что-то знал.

139. Он выделялся как курсив,
Как в бане трубочист:
Носат не в меру ликом сив,
Огромен и плечист.

140. Усы почти до потолка,
А шевелюра – во!
Тянулась к ножницам рука
При взгляде на него.

141. Он, быв немного под хмельком
И несколько сердит,
Вскочил и грохнул кулаком,
Ну прямо троглодит.

142. Затем мгновенно побелев
И зверски морща лоб,
Зарыкал как голодный лев
При виде антилоп:

143. – «Все это чушь и чепуха!..
Мальчишкины усы!..
Одна Демьянова уха!..
Вы штатские – трусы!..

144. Вам нищими бы по полям
Скитаться да тужить,
Послушать вас, так королям
Нельзя на свете жить.

145. Ну, что семейные дела?
В семье всегда – урод:
Не обойдется без козла
Хороший огород!

146. Есть у меня братень-валет,
Богема и балда,
Так он налопавшись котлет,
Бежит ко мне всегда

147. И кланчит: «Братец, поддержи
Искусство и талант!
В искусстве нет ни капли лжи,
Как выразился Кант.

148. По-королевски помоги,
По-царски сострадай!..»
То дай ему на сапоги,
А то на краски дай.

149. Я говорил ему и так,
И стукнув в медный лоб:
«Писал бы вывески, дурак!»

Не хочет остолоп.

150. – «Я, говорит, талант большой...
Мне ль буквы малевать?
Я, говорит, с такой душой
Хотел на них плевать!

151. Я гениален... и шабаш!..
Таков мой формуляр.
Передо мной Да Винчи ваш —
Марала и маляр!..

152. Уж над челом моим парит
Бессмертия венок!
На той неделе, говорит,
Весь мир склоню у ног!..»

153. А я вам призраком отца
Клянусь, он зрит с небес,
И выведенного яйца
Не стоит сей балбес!..»

154. Он, приподняв рукою нос,
В зубах сигару сжал
И, задымив как паровоз,
Сейчас же продолжал:

155. – «Конечно, прежде не в пример
Вольготней нам жилось,

Скажу как честный офицер,
А ныне развелось

156. Уж чересчур средь горожан
Мутителей воды,
Социалистов-каторжан,
Бездомной лабуды

157. И всевозможного дерьма!
Но пусть они кричат,
Научит разуму тюрьма
Строптивых этих чад.

158. Бояться нам какая статья
Подпольных голышей:
Не так-то просто им достать
До наших царских шей!

159. А вы трясетесь как желе,
Забыв, что испокон
Веков блюдется на земле
Неписанный закон: —

160. Нам услаждаться, им корпеть
Всю жизнь, и в наши дни
Мы их не раз заставим петь
«Боже, царя храни».

161. Пускай угрозы мне твердят,

Пускай, когда я ем,
В окно голодные глядят
С неудовольствием.

162. Мой не страдает аппетит,
Что где-то у ворот
Какой-нибудь Иван иль Тит
Клянет мой царский род.

163. Но самолюбие мое
Мешает спать мне, коль
В железке – в гриву мать ее! —
Беспомощен король.

164. Любая двойка – два очка,
А мы и дамы – жир...
Я от такого «пустячка»
Готов бежать в Алжир,

165. Где возле самых пирамид
Рубаха-парень бей
Пьет ром и перед ним дымит
Рагу из голубей.

166. Я, царь, не значу ни шиша!
А как же мой престиж?!.
Да этого, Алёша-ша,
И чорту не простишь!..

167. Три наслаждения дано,
Сказал какой-то бард,
Нам в жизни: женщины, вино
И карточный азарт.

168. И это правда! Я, король,
Люблю на весь масштаб,
И вкось, и поперек, и вдоль,
Игру, коньяк и баб!..

169. А остальное – требуха!
Дырявые штаны!
Одна Демьянова уха!
Объелись белены

170. Вы старики-трусы... Наш век
Для умных не злодей!
Мать вашу сорок человек
И восемь лошадей!!!

171. Уррра!.. Да здравствуют мои
Друзья: – Махно, Батый,
Алжирский бей, Петлюра и
Альфонс XIII!!!!»

172. Он, барабаня речь свою,
Погонами мерцал,
Махал руками как в бою
И шпорами бряцал.

173. Но прокричав ура гуртом
В честь этих светил,
Он высморкался и потом
Всё это прекратил.

174. И не боясь язык сломать, —
Язык ведь не ребро, —
Упомянул ещё раз мать
И взялся за перо.

8

175. Развеселились короли: —
Вот жизнь – не жизнь, а рай!
Его побасенкам внемли,
Так и не умирай!

176. Сиди да царствуй! Пей да ешь!
Врагов руби сплеча!..
И вытер выцветшую плешь
Червонный, хохоча.

177. А пиковый весь изнемог,
Крича: «Ох, генерал!..»
От смеха он как лошадь взмок

И чуть не захворал.

178. И даже трефовый король,
Нисколько не дремля,
Мяукал: «До-ре-ми-фа-соль!..
Трам-трам-трам-тра-ля-ля!..»

179. И заскрипев как тарантас,
Вдруг начал: «Братия,
Вы все рекли, без выкрутас
Реку теперь и я...»

180. И поперхнувшись впопыхах,
Продолжил: «Всюду – плоть...
Мир погрязает во грехах,
Прогневался Господь!

181. Жизнь стала хуже во сто крат:
Мясное в пост едят;
Впадают девушки в разврат,
А после не родят.

182. Мужчины ходят без бород,
А дамы в сорок лет
Бесстыдно шаркают фокстрот,
Вся жизнь у них балет.

183. Они в лукавой тине зла
Завязли до ушей,

Разделись чуть не догола,
Ловя чужих мужей.

184. Остриглись, мажут краской рты,
Живут чуть не с семьёю,
Совсем забыв средь суеты
И Бога и семью!..»

185. Он посмотрел на потолок
И явно напоказ
Заохав, дальше поволок
Пудовый свой рассказ:

186. – «В простонародье тоже – грех,
Распутство, скверна, срам!
И там для суетных утех
Забыли Божий храм.

187. И накануне Рождества
Им помолиться – труд,
А непристойные слова
Под окнами орут.

188. Всем недовольны, всё корят,
А, главное, скоты! —
Мы тоже люди, говорят,
Не смейте нас на ты.

189. Пред господами не встают

И, – тут он застонал, —
Чуть что сейчас же запоют
«Интернационал».

190. Всё изменилось под луной,
Всё, даже мужики!..
Ликует дьявол, а виной
Всему – большевики!..

191. Они – промолвить ночью страх —
Царя вогнали в гроб,
И подготавливают крах
Всех царственных особ.

192. Варфоломеевскую ночь
Устроив для дворян,
Они горланят: «Руки прочь
От негров и зырян!»

193. На пьедестал возносят труд,
А сами кипяток
Пьют вместо чая, воблу жрут
И ходят без порток.

194. Цивилизацию губя
По сушам и морям,
Они везде ведут себя
Подобно дикарям.

195. Читают изредка и то
Лишь Марксов «Капитал»,
А «Готский альманах» никто
Из них и не читал.

196. Ломают церкви и у всех
Смущают дух и ум:
Мол, Бога нет на небесех,
Мол, вера – опиум!

197. А для своих партийных дел
Копируют тот свет:
Правые, дескать, ад-отдел,
Левые – рай-совет

198. И эти выродки земли
Не верят в статус-кво!
Они и лошадь довели,
Клянусь вам, до того,

199. Что из нее у них теперь.
Горбат и нравом лют,
Образовался некий зверь
По прозвищу верблюд.

200. Они, о, братья, огонь и мраз,
Исчадь адской тьмы,
Они опасней в тыщу раз
Холеры и чумы!

201. Мир ими в красной чехарде
К гибели ведем!
Столпотворение везде!
Гоморра и Содом!...»

202. И, всхлипывая, в уголке
Он лег под образа,
И по его гневной щеке
Проехала слеза.

203. И как подмоченный бисквит
Он начал весь сыреть,
Закрыв глаза и сделал вид,
Что жаждет умереть.

9

204. При виде такой беды
Все повскакали с мест,
Один дает ему воды,
Другой подносит крест.

205. А третий множа кутерьму
Являя ловкость рук,
Скорей старается к нему

Забраться под сюртук.

206. И каждый думал: Жирный кот,
Тебе бы щи варить,
Тебе бы жарить антрекот,
А вовсе не царить.

207. Ишь развалился на софе,
Пошевелиться лень,
Лежит как где-нибудь в Уфе
Откормленный тюлень.

208. Изображай, пожалуй, дрожь,
Не станем мы в тупик,
Врёшь, не таковский, не помрешь,
Очухаешься вмиг!..

209. И вот, действительно, едва
Мохнатая рука,
Из-под чужого рукава,
Коснулась кошелька,

210. Король треп стал лицом алей
И просто, без чудес,
На радость прочих королей,
Немедленно воскрес.

211. Он облизнулся, обнажив
Язык весь и хвалу

Воздав Создателю, что жив,
Направился к столу.

212. И прежде чем на кресло сесть,
Он вытащил из-под
Него и начал вместе есть
Навагу и компот.

213. И сразу пиковый король
Всех воодушевил,
Губами ловко сделав ноль,
Он с чувством заявил:

214. – «О, венценосцы, нам пора
Хоть что-нибудь решить:
Уж недалеко до утра,
Придётся поспешить!

215. Чтоб не пропала ночь вотще,
Должны мы наяву
Впредь толковать не вообще,
А лишь по-существу

216. Что предпринять нам? Как нам быть?
Как дело повести,
Чтоб разом горести избыть
И неприятности?

217. Чтоб жизнь была, как встарь, проста

И жить бы нам рядом
За пазухою у Христа,
А не под колпаком!...»

218. Он прав, жужжали короли,
С ним прямо благодать;
Чтоб не остаться на мели
Давайте рассуждать!..

219. И рассужденье началось:
Кой-как нащупав брод,
Вновь сели трое без волос,
Один наоборот,

220. Чтоб кое-чем пошевелив,
Придумать вчетвером
Как жить под кущами олив
В тепле своих хором.

221. Но уж минуты через три
Пошли не в бровь, а в глаз
Уколы, едкости, пари,
И склока началась.

222. Вдруг поднялся такой галдёж,
Что только их ушам
Был впору он, но невтерпёж
Ни мухам, ни мышам.

223. – «Коллеги, нужен манифест!...»
– «Врет, венценосцы, он!
Немедля надо в Бухарест
Бежать, Наполеон

224. Бежал ведь с Эльбы средь зимы,
Не глядя на зажим,
И по его примеру мы
К румынам побежим!...»

225. – «Шалишь!.. Начхать мне на румын,
Кабачких прихлебал!
Их Мардареску – сукин сын!
В Алжир и кончен бал!...»

226. – «Поститесь, братья, по средам
И, не щадя затрат,
В монастыри запрячьте дам,
Чтоб вывести разврат...»

227. – «Цыц!.. Не желаю я без баб,
Ишь старый дуrolом,
Коль телом немощен и слаб,
Сиди и пой псалом,

228. А людям не мешай любить!..»
– «Коллеги, вот прогноз:
Мы можем горю пособить
И утереть всем нос

229. Лишь манифестом! Этот шаг
Нам троны сбережёт!..»
– «О, венценосцы, сей ишак
Нахально слишком ржёт!..»

230. – «Заткни фонтан свой, водолей!..»
– «Замолкни, ки-ка-пу!..»
– «Пороть нам следует смелей
Шпану и шантрапу,

231. И остальную дребедень
Уж кстати заодно!..»
– «Молитесь, братья, каждый день,
Живите праведно...»

232. – «О, венценосцы! У Дюма
Барон фон Де-Грие!..»
– «Коллеги, важно нам весьма...»
– «Смиренномудрие

233. По мнению, братья, моему
Оплот в скорбях мирских...
– «Чего приплёл сюда Дюму

Пороть – и никаких!!!»

234. Бесследно канул в вечность час,
А шум не умолкал,
Их благородный пыл не гас
И крепок был накал.

235. Но вскоре трёфовый король,
Почувствовав озноб,
Нашел единственный пароль
Для входа в царский лоб.

236. Взмахнув как знаменем кнутом,
Гнул он: «На Москву!
На этот дьявольский фантом,
В поход я вас зову!

237. Вы позабыли, братья, тут,
Я паки вам повем,
Что коммунисты всё растут,
Так значит прежде чем

238. Пытаться нам в ярмо загнать
И хамов и хамих,
Необходимо доконать
Совдеповцев самих.

239. Должны мы дружною волной,
Как братья во Христе,

Весь мир поднять на них войной,
И ночью в темноте

240. В крестовый выступить поход
И драться, скажем, ну,
Как дрался рыцарь Дон-Кихот
В Троянскую войну!...»

241. И он как некий чужодел,
Разлив такой елей,
Победоносно поглядел
На прочих королей.

11

242. Король, известно, паладин,
Поэтому в момент
Все согласились как один
На сей эксперимент.

243. Но менее чем через пять
Минут была иной
Картина: все они опять
Галдели как в пивной,

244. Или на ярмарке, где был

Заезжий балаган,
И шла продажа трех кобыл
С участием цыган.

245. – «Всех сухопутных и морских
И всяких прочих сил
Я вождь – и больше никаких!..»
Король бубен басил.

246. – «А вас назначить, это чушь!
Полфунта колбасы!
Вы – старикашки и к тому ж
Вы штатские – трусы!

247. В вас вместо крови кислый квас!
Вы все на волосок
Лишь от могилы, ведь из вас
Уж сыпется песок!

248. Вы в первую же из атак
Обмочитесь в штаны!
А я военных дел мастак,
Мне это хоть бы хны!

249. Я заберу на фронт с собой
Походную кровать,
И буду на коне весь бой
Со свитой гарцовать!

250. Я на войне как древний грек,
Герой и чародей!
Мать вашу сорок человек
И восемь лошадей!!!»

251. И зычно носом затрубя,
В экстазе, сам не свой,
Он закурил, закрыв себя
Завесой дымовой.

252. Но остальные короли
Вопили: – «Вот те на!..
Куда заехал?! Ой люли!..
Игрушка что-ль война?!

253. Из молодых да ранний он!..
И как ведь стал речист!..
Без полминуты Цицерон,
А на руку не чист!..

254. Ого, какой разгрыз орех!..
Какой отлил заряд!..
С суконным рылом – смех и грех! —
Полез в калашный ряд!..

255. Совсем генералиссимус!..
Почти что Чан Кай-Ши!..
Мол, грудь вперед, нафабри ус
И к славе поспеши!..

256. Нет, как учил писатель Пруст,
Тут надобен, милоч,
Тот, у кого чердак не пуст
И варит котелок!..

257. Ему доверить нашу рать?!.
Признать в нем жожака?!.
Нам, слава Богу, умирать
Не хочется пока!..

258. Нет, мы уж лучше подождём!..
Он глуп и бестолков!..
Немыслимо с таким вождём
Свалить большевиков!!!»

259. И каждый мнил одно и то ж:
Что он – авторитет,
Что в полководцах он хорош,
А остальные нет.

260. Что будет всеми признан он
Немного погодя...
И вновь пошёл аукцион
На главного вождя.

261. А время мерно шло и шло...
Под эту канитель
Померкли звёзды, рассвело
И мыши скрылись в щель.

262. Уж некто в шапке набекрень
Как столб в воротах врос,
И, обещая ясный день,
Потрескивал мороз.

263. Уж заглянула к ним заря
В промёрзшее окно
И на носу секретаря
Оставила пятно.

264. Уж дворник действовал скребком
Вовсю, уж бланманже
В одной кастрюле с судаком
Прокисло и уже

265. Пролаял пес, пропел петух,
Прозвякал бубенец,
И пара самых стойких мух
Издохла наконец,

266. А короли на randevу,
Не ведая преград,
Всё выясняли брать Москву,
Иль прежде Петроград?

267. Над всем командовать кому,
Чтоб верный был успех?
Кто выше прочих по уму
И кто практичней всех?

268. Как выгоднее наступать,
Молчком иль с трубачом?
Где нужно пушки покупать?
Какие и почём?

269. И сколько надо танков, чтоб
Прорыв решающ был?
И где ударить прямо в лоб,
А где во фланг иль в тыл?

270. Как поэффектней воскрылить
Для будущих веков?
И как друг с другом поделить
Страну большевиков?!

271. Противясь выходу в тираж,
Потея и кряхтя,
Они вошли в чрезмерный раж,

Но все-таки, хотя

272. Всю ночь сидели короли,
Мозгами шевеля,
Так ни к чему и не пришли
Четыре короля

273. А, следовательно, мораль
Баллады такова: —
За январем всегда февраль
Идет и дважды два

274. Всегда четыре, а не три,
И воду не толочь
Не могут даже и цари
В рождественскую ночь!

273. Но, как сказал Марк Юний Брут,
Конец – всему венец,
А потому я точку тут
Поставлю наконец.

<22 августа 1928 – 3 мая 1953>

«Я лишь воспоминаньями живу...»

Я лишь воспоминаньями живу,
О прошлом памятью одною,
И хоть тебя не вижу наяву
Но образ твой всегда со мною.

От суматошной жизни вдалеке,
К тебе протягиваю руки,
А сердце беспокоится в тоске,
Страшась безжалостной разлуки.

Как прежде будь душе моей родна,
Росой любви мне в сердце брызни,
Ведь в целом мире только ты одна
Меня привязываешь к жизни.

1953 г. 14 мая. Четверг.

Москва

«Ты жирна и неуклюжа...»

Ты жирна и неуклюжа
С гривой крашенных волос,
Для тебя на свете мужа
Почему то не нашлось.

А тебе перевалило
Как-никак за шестьдесят,
Ведь и краска и белила
О годах твоих гласят.

Ты повсюду колобродишь,
Всем даешь дурной прогноз,
Всех ты сводишь и разводишь
И во все суешь свой нос.

Всех тебе царапнуть нужно,
Сплетни всем метнуть икру
Ибо где живется дружно,
Там тебе не по нутру.

Но всегда ты многократно,
Как индюк раздувшись вся,
То туда, а то обратно
Переметываешься.

И талантом и привычкой —
Сводня, сплетница, кума,
Ты прославилась под кличкой:
«Переметная сума!»

Этой клички не избудешь
Ты ни летом, ни зимой,
И за гробом даже будешь
Переметною сумой.

*1953 г. 29 июня. Понедельник.
Москва*

«Еще нежнее, еще интимней...»

Еще нежнее, еще интимней
Твои слова;
Деревья этой ночью зимней
Как кружева.

Мы медленно идем дорогой
Плечо к плечу,
И сердцем встретиться с тревогой
Я не хочу.

Пусть уплывают без возврата
За годом год,
Пусть я не тот, что был когда-то,
Я все же тот.

Пусть жизнь моя уже на склоне,
Но как всегда
Сияет Ригель в Орионе —
Моя звезда.

*1953 г. 1 июля. Среда.
Москва*

«Кончена феерия...»

Кончена феерия:
С матерого борова,
Толщиною хворого,
Прозвище которого,
Извините, Берия,
Сразу очень здорово
Сбита фанаберия...
Тут вам не Либерия!

*<1953 г. 5 сентября. Суббота.
Москва>*

«Все, что есть и будет незабвенно...»

Все, что есть и будет незабвенно
Мне дано на склоне бытия
Лишь тобой... О, будь благословенна
Ты, любовь последняя моя!

Лишь с тобою снова стал мне ведом
Ритм как волны зыблущихся строк,
Ибо Муза за тобою следом
Вновь переступила мой порог.

Ты теплом мне отогрела душу,
Светом озарила полутьму,
И пока дышу я не нарушу
Клятвы данной сердцу своему.

Пусть все преходяще, все мгновенно,
Расставаясь с этим миром, вновь
Повторю я: «Будь благословенна
Ты, моя последняя любовь!..»

*1953 г. 1 октября. Четверг.
В пути Москва-Чимкент.*

Новогодний привет («Для любви расстояния нет...»)

*З. Е. Сотниковой —
надпись на открытке*

Для любви расстояния нет...
Нашу жизнь вспоминая былую,
Шлю тебе новогодний привет,
Поздравляю тебя и целую.

Я желаю тебе целый год
Красоваться душевною силой,
Быть здоровой, не ведать невзгод
И остаться такою же милой.

*1953 г. 13 декабря. Воскресенье.
Актюбинск*

«Одним желанием оваян...»

Одним желанием оваян
Тот и другой, бегут рысцой
В библиотеку Кривошей
И с ним его приятель Цой.

Чтоб объяснить такое рвенье
Не надо много говорить: —
Нужны им книги не для чтенья,
Им захотелось закурить.

*1954 г. 7 января. Четверг.
Актюбинск*

«Сей поклонник литературы...»

Сей поклонник литературы
И любитель изоискусств,
Вырывает из книг гравюры
И рисунки в избытке чувств.

Я не лезу в карман за словом
И скажу ему напрямик: —
Будь ты лагерным Третьяковым,
Но при этом не порти книг!..

*1954 г. 8 января. Пятница.
Актюбинск*

«И земля под снегом не дрожит...»

И земля под снегом не дрожит,
И никто как будто не кусается,
Так чего ж все время опасается
Этот полутурок-полужид?

*1954 г. 29 января. Пятница.
Актюбинск*

Надпись к рисунку («Молодчина крокодил...»)

Молодчина крокодил,
Он нам очень угодил,
Поддержал нас и помог,
Запуская вилы в бок!

*1954 г. 5 февраля. Пятница.
Актюбинск*

3. Е. Сотниковой («Вчерашний день был ярок...»)

Вчерашний день был ярок
И солнечен с утра,
Московский твой подарок
Я получил вчера.

В нем масло и конфеты,
Баранки и мешок,
Конверты, сигареты
И даже ремешок.

Три пачки рафинада,
Сыр и карандаши,
Ну, словом, все, что надо
Для тела и души.

И нынче уж с рассвета
Жую я и курю,
И рифмами за это
Тебя благодарю.

*1954 г. 14 февраля. Воскресенье.
Актюбинск*

«Уж с утра с особым вкусом...»

Уж с утра с особым вкусом,
Словно громовой раскат,
Раздается по баракам
Десятиэтажный мат.

Как бы в бешеном припадке,
Каждый каждому орет:
«Ах, ты мать твою в лопатки,
В глотку, в буркалы и в рот!...»

Мат потоком мутным льется
И струя его густа,
Беспрерывно раздается:
Трам-трам-трам-трам, тра-та-та!

И не только молодые —
В матерщине ловкачи,
Матерятся и седые
Усачи-бородачи.

Бросьте в ругани тягаться,
Пустозвоны-звонари,
Перестаньте матюгаться
От зари и до зари.

1954 г. 15 февраля. Понедельник.

Актюбинск

«Сей добрый молодец пьян словно стелька, вдрызг...»

Сей добрый молодец пьян словно стелька, вдрызг,
На собственных ногах ему держаться риск,
Приходится ему пуская руки в дело,
Все стены обтереть собою на пути,
Стараясь голову на шее донести,
Чтоб как-нибудь она за землю не задела.

1954 г. 16 февраля. Вторник.

Актюбинск

«Когда у нас в день раза два иль три...»

Когда у нас в день раза два иль три
Паленым пахнет – мы не в панике,
Готовы мы с любым держать пари,
Что это подгорают сухари,
Или Рассохины подштанники.

*1954 г. 18 февраля. Четверг.
Актюбинск*

«Встав от сна, в час утра ранний...»

Встав от сна, в час утра ранний,
С освеженной головой,
Я к тебе, о, наш завбаней,
Обращаю голос свой.

Предвкушая наслаждение
Искupаться средь зимы,
Так сказать, в твои владенья
Раз в декаду входим мы.

В давке, холоде и гaме,
Совершая чудеса,
Мы кой-как, стуча зубами,
Обнажаем телеса.

Ноги как на тротуаре,
Краны бьют фонтаном и
Ощупью в белесом паре
Бродишь в поисках скамьи.

С потолка все время каплет,
Шайки долго не добыть;
Тут невольнo словно Гамлет

Скажешь: «Быть или не быть?!..»

Я тебе пробарабаню:
За такую благодать,
То есть этакую баню, —
Баню следует задать!

*1954 г. 6 марта. Суббота.
Актюбинск*

Тарас Шевченко («Поэт, борец и патриот...»)

Поэт, борец и патриот,
Он был бельмом в глазу царизма,
Но все меняется и вот
Его приветствует народ,
Идущий к свету коммунизма.

*1954 г. 9 марта. Вторник.
Актюбинск*

«Он ночью отошьет в свой старый котелок...»

Он ночью отошьет в свой старый котелок,
А утром говорит товарищу: «Милоч,
Возьми, коль нужен он и пользуйся им, ибо
В нем суп жирнее и наваристее рыба...»

1954 г. 16 марта. Вторник.

Актюбинск

А. В. Васильеву («Впитав культуры аромат...»)

Впитав культуры аромат
И подкрепившись диаматом,
Вы вправе дать любому мат,
Но обложить не в праве матом.

1954 г. 10 июня. Четверг.

Петропавловск

Частушка («Мою Зоиньку милую...»)

Мою Зоиньку милую,
Обнимаю и целую,
И прошу прими, мой свет,
Петропавловский привет.

<8 сентября 1954, Петропавловск >

«Ты по наружности амур...»

Ты по наружности амур
Колхозного села,
Ты парфюмерна чересчур,
Румяна и пухла.

Ты с верой, так сказать, в богов
В грядущее идешь,
Где ждешь кисельных берегов
И рек молочных ждешь.

Твои казенные мечты
Лишь тлеют без огня;
Квасная патриотка ты,
Кашица-размазня!

Тише воды, ниже травы,
По виду всем своя,
На самом деле ты – увы! —
Зловредна как змея.

На самом деле просто так
На всех, тайком, из-за
Угла ты вешаешь собак
И лаешь за глаза.

У злопыхательства в плену,
На самом деле ты
Собаку съела не одну
По части клеветы.

Язык твой словно помело,
Ты любишь им трепать
И мягко стелешь, да зело
Бывает жестко спать.

*1954 г. 9 декабря. Четверг.
Петропавловск*

«Нам пели Музы, другом был Эрот...»

Нам пели Музы, другом был Эрот,
Сердца и звезды властвовали нами,
Мы украшали землю именами
И нищими стучались у ворот.

Мы утверждали все наоборот,
Томили дев несбыточными снами
И старцев леденили временами
Дыханием арктических широт.

Мы превращали в золото камень,
Для нас века былые – современье,
Средь ночи день, весна среди зимы;

Благословенным пламенем согреты,
В несовершенном этом мире мы —
Божественные гости... Мы, поэты...

*< Катрены: – 1926 г. 22 января. Пятница.
Москва*

*Терцеты: – 1954 г. 11 декабря. Суббота.
Петропавловск>*

«Дубина Щербаков...»

Дубина Щербаков —
Подлец из дураков,
Орясина Степанов —
Мерзавец из болванов.

*1954 г. 15 декабря. Среда.
Петропавловск*

«Из всевозможных дураков...»

Из всевозможных дураков
И всевозможнейших болванов,
Дурашливей всех Щербаков,
А всех болванистей Степанов.

1954 г. 15 декабря. Среда.

Петропавловск

Поздравление с Новым годом («Жизнью несколько помятым...»)

З. Е. Сотниковой – надпись на открытке

Жизнью несколько помятым,
Тихо дни свои влача,
С Новым годом тысяча
Девятьсот пятьдесят пятым,
Но по-старому любя,
Поздравляю я тебя.

Твой душой и телом верный,
Весь, всегда, везде, совсем,
Муж, супруг и благоверный,
Да к тому ж поэт – Эн-Эм.

*1954 г. 24 декабря. Пятница.
Петропавловск*

3. Е. Сотниковой («В день твоего рожденья...»)

В день твоего рожденья,
 В канун весны,
К тебе мои виденья,
 Мечты и сны,
Которыми согрета
 Душа, в Москву,
Летят быстрее света,
 На randevu.
И рея среди комнат,
 В сияньи дня,
Они тебе напомнят
 Вновь про меня.
И буду целый день я
 С тобой как тень,
В день твоего рожденья,
 В апрельский день.

*1955 г. 22 марта. Вторник.
Петропавловск*

В. П. Тихонову («Не в Сочи, Ялте или Ницце...»)

Не в Сочи, Ялте или Ницце,
А за решеткою тюрьмы
В Семипалатинске, в больнице
Друг друга повстречали мы.

Мы быстро дружески спознались,
Ко мне Вы не были глухи,
А я покорно пил vernalis
И Вам читал свои стихи.

И вот поэт и врач мы рядом,
Мы словно кровная родня
По вкусам, помыслам и взглядам,
И даже если для меня

Вдруг переменится картина
И будет жизнь моя нова,
Я не забуду Валентина
Павловича Тихонова.

*<1955 г. 27 апреля. Среда.
Семипалатинск>*

«Отгадай загадку дядька!...»

– «Отгадай загадку, дядька!
Что такое: Два туза,
Ко – в конце, в начале – за?..»
– «Хоть и грамотна ты, Надька,
Да не плюнешь мне глаза,
Отгадаю, егоза: —
Задемидко и Засядько!..»

*<4 мая 1955 г. Среда.
Семипалатинск. Больница>*

«Как ни смотри, хоть так хоть этак...»

Как ни смотри, хоть так хоть этак,
Но все равно сорвется с губ: —
Сей Ювенал в сатире туп,
А в эпиграммах он не едок!

1955 г. 13 мая. Пятница.

Семипалатинск

«Хоть путь его печатный долог...»

Хоть путь его печатный долог,
И он как будто акулолог,
 Но меч его сатиры туп,
И в эпиграммах он не колок,
Как еж лишившийся иголок,
 А в общем он – поэтодуб!

1955 г. 13 мая. Пятница.

Семипалатинск

«В своей сатире он лишь груб...»

В своей сатире он лишь груб,
В ней только ругань и водица,
И для укуса он беззуб,
И для укола не годится.

1955 г. 13 мая. Пятница.

Семипалатинск

Он и она («...«Да, я ревную, но не без причины...»)

- ... «Да, я ревную, но не без причины:
Мне не по вкусу, что, наперебой,
На улице какие-то мужчины
Всегда раскланиваются с тобой...»
- «Такой пустяк ты склонен сделать драмой,
А сам меж тем топорщишься как еж,
При встрече с каждой девушкой и дамой,
Которым ты поклоны отдаешь.
Я вовсе не Прекрасная Елена,
Так не шпионь за мной исподтишка;
То, друг мой, члены моего кружка!..»
- «А то, мой друг, кружки моего члена!..»

*<1955 г. 14 мая. Суббота.
Семипалатинск>*

«Мне это дар, мне словно праздник это...»

Мне это дар, мне словно праздник это: —
Ведь в наши дни стандартных рифмачей,
Я встретил Божьей милостью поэта,
И свеж и самобытен голос чей.

Как будто что-то душу всколыхнуло,
И в духоте и серой скуке дня
Вдруг воздухом поэзии пахнуло
От книги Комарова на меня.

*1955 г. 15 мая. Воскресенье.
Семипалатинск*

Жене – муж («В росистом поле рано поутру...»)

**Л. М. Тихоновой – В. П. Тихонов -
Надпись на открытке**

В росистом поле рано поутру
Живых цветов, таких как эти,
Я собственной рукою соберу
И принесу тебе в букете.

Но это будет после, а пока,
Лишенный так сказать движенья,
Я на открытке шлю издалека
Тебе лишь их изображение.

*1955 г. 18 мая. Среда.
Семипалатинск*

«С виду затхлая затычка...»

С виду затхлая затычка,
С русской речью незнаком,
Смесь жида с цыганом – Жичка
Размахался кулаком.

По усвоенной привычке
Каждому намять бока,
Сразу можно видеть в Жичке
Полицая-кулака.

За грызню, за сучью кличку,
За опасность для людей,
Эту Жучку, то есть Жичку
Нужно на цепь и в кандей.

Как и чем его ни пичкай,
В голове безмозглой – тьма,
Был он, есть и будет Жичкой —
Смесью хамства и дерьма!

*1955 г. 22 мая. Воскресенье.
Семипалатинск*

«Вчера собачьей логикой задет...»

Вчера собачьей логикой задет,
Присутствуя при песьей драке,
Нарушил словом я нейтралитет,
Сказав: «Тубо!..» одной собаке.

Вмиг среди псов окончилась грызня,
Произошла меж ними смычка,
И вместе зарычали на меня
Кобель Павлюк и сука Жичка.

*1955 г. 23 мая. Понедельник.
Семипалатинск*

3. Е. Сотниковой («Этот твой листок бумаги в клетку...») Из письма

Этот твой листок бумаги в клетку
Очутившись у меня в руках,
Приобрел трехцветную виньетку
И сопровождение в стихах.

Но с тобой не выдержав разлуки
И увидев как я тут живу
Он опять в твои вернется руки
Из Семипалатинска в Москву.

*1955 г. 19 августа. Пятница.
Семипалатинск*

«Вновь июль... И снова этот день...»

Вновь июль... И снова этот день
Навсегда мне памятный... И снова,
На песок отбрасывая тень,
Я стою у холмика родного.

Уж не раз в течение стольких лет
Зеленел он свежую травую,
И не раз сплошные тучи бед
Над моей сгущались головою.

Но и сквозь ненастье и года
Мне твой свет сияет с прежней силой,
И опять я плачу как тогда
Над твоей бескrestною могилой.

16 июля 1956. Понедельник

«Пусть цвет меняет сей хамелеон...»

Пусть цвет меняет сей хамелеон,
Пусть то ползет, то скачет он галопом,
Холоп вчера, холоп сегодня он
И завтра будет он холопом.

1956 г. 26 июля. Четверг.

Москва

Рондель о рондели («Свою вечернюю рондель...»)

Свою вечернюю рондель
Я написал давно когда-то,
В минуты летнего заката
Под мелодичную свирель.
Перед собой поставив цель,
Сравнительно молодцевато,
Свою вечернюю рондель
Я написал давно когда-то.
И вот сегодня неужель,
Когда уж стерлась эта дата
И Муза опытом богата,
Приму себе я за модель
Свою вечернюю рондель?

11 августа 1956. Суббота

Литературный сонет («Итак я начинаю свой сонет...»)

Итак я начинаю свой сонет
С воспоминаний бывшего когда-то:
Вновь в памяти безжалостная дата,
А в небесах сиянье трех планет.

Гелиотропом пахнет... Ветра нет...
И шагом деревянного солдата
Подходит тот, чья шея бородата,
А предок генерал Сухозанет

Напоминая чем-то бегемота,
Зевает он, какая-то дремота
Ему смежает веки, там и тут

Мерцают черепки, у грота взрыто,
А рядом рододендроны растут
И брошено разбитое корыто...

<12 августа 1956. Воскресенье>

«Отдав на время бесу...»

Отдав на время бесу
Взволнованность свою,
Я, так сказать, принцессу
Сегодня воспою.

Похожая на стельку,
Лежит она как пень,
Поддай ей чай в постельку,
Ведь ей подняться лень.

Вне дома робко бляя,
Смиренна как овца,
Она в семье наглее
Любого наглеца.

Паршивая овечка,
Грошовая фольга,
Она – не Богу свечка,
А черту кочерга!

Жадна, неблагодарна,
Зануда и зуда,
Никчемна и бездарна,
Негодна никуда,

Неряха высшей марки,
Позорное пятно, —
С манерами кухарки
Принцесса Гуано!

18 августа 1956. Суббота

Баллада о балладе («Я – Божьей милостью поэт...»)

Я – Божьей милостью поэт
И был поэтом я измлада;
Ведь лишь поэзия мне – свет
И только творчество – отрада.
Скользят как струи водопада,
Сверкая, пенясь и бурля,
Стихи ямбического склада,
Мои четыре короля.
Чего-чего в них только нет:
Свой ритм и рифм своих плеяда,
Язык на разный вкус и цвет
И острота с приправой яда.
Они выходят вон из ряда,
Свои имея вензеля,
Мои возлюбленные чада —
Мои четыре короля.

Знак мастерства, плод дум и лет,
За верность знамени награда,
Они и карточный квартет,
И мировая буффонада.
Доволен я и Муза рада,
Что, ум и сердце веселя,

Живут для слуха и для взгляда
Мои четыре короля.

Друзья, в конце баллады надо
Сказать открыто, не юля: —
Великолепная баллада
Мои четыре короля!

25 августа 1956. Суббота

Н. Е. Сазоновой («Наталия Евгеньевна! Мадам...»)

Наталия Евгеньевна! Мадам
Сазонова, примите поздравленье
И назло эскулапам-господам
Понизьте сверхнормальное давление.

По-прежнему, терпя на том урон,
С сестрицей вместе в трепетном восторге,
Рассматривайте штапель и капрон,
Не торопясь, в каком-нибудь Мосторге.

А у себя в домашнем уголке
День посвящайте кухонным заботам,
Иль стрекочите сидя на пеньке
Машиной швейною, а по субботам

На рыбу снаряжайте, сгоряча
Не упустив чего-нибудь из вида,
Супруга Глеба Викторовича,
А вместе с ним и сына Леонида.

30 августа 1956. Четверг

«Не на финиковой ветке...»

Не на финиковой ветке,
Не в тропическом саду
А на жердочке и в клетке
Дремлет бедный какаду.

«Славен наш Господь в Сионе»
Не поет его душа,
Ведь на полном пансионе
Жизнь не очень хороша.

Что же я себя пугаю,
Кое-как еще скользя,
Если даже попугаю
Позавидовать нельзя?..

<31 августа 1956. Пятница. Москва>

«Не по картинам и не со слов...»

Не по картинам и не со слов,
День этот мне наяву знаком: —
Небо синеет между стволов,
Тлением пахнет за цветником.

Палевый, розовый, золотой,
Щедро пронизанный светом дня,
Грустной и немощной красотой
Сад очаровывает меня.

Пусть красота эта, немощь, грусть,
Только преддверье дождей и тьмы,
Пусть нездоровы они и пусть
Недолговечны, но вместе мы,

Листьями высохшими шурша,
Бродим в аллеях плечо с плечом,
И успокоенная душа
Не беспокоится ни о чем.

*<1956 г. 1 сентября. Суббота.
Москва>*

«Он о себе, мол, сам был трубачом...»

Он о себе, мол, сам был трубачом,
Он сам себя, мол, сделал uber alles,
Они, мол, совершенно не причем,
Они, мол, перед ним не пресмыкались.

Они, мол, не батрачили ему,
Тут, видите ли, время подкачало...
На все вопросы как и почему?
Ответ один-единственный: – Сначала

Они из пешки сделали ферзя,
Затем перехолопствовали сдуру,
А там и пикнуть стало им нельзя:
Они тряслись за собственную шкуру.

<4 сентября 1956. Вторник>

«Что же братцы тут такого...»

Что же, братцы, тут такого?!
Я люблю комфорт, уют,
Лавры Сержа Михалкова
Мне покоя не дают.

Мой удел отнюдь не красен,
Наг я, так сказать, и сир,
Сочиню-ка пару басен
И на весь прославлюсь мир.

Наши дни – не время оно,
Тем вокруг полным-полно,
Например, хамелеона
Можно взять на мушку, но

Как бы здесь не сесть мне в лужу:
Из мешка десятков шил
Сразу вылезет наружу,
И, подумав, я решил:

Нет, не мне якшаться с басней,
Нрав мой, видно, не таков,
Мне ужиться не судьба с ней,
Ибо я не Михалков!

<6 сентября. 1956. Четверг. Москва>

«Ты долго расхваливал Савву Морозова...»

Ты долго расхваливал Савву Морозова,
Потом рассуждал об аварии Расковой,
А небо над нами кудрявилось розово
И осень казалась особенно ласковой.

И лужицы были чуть-чуть фиолетовы,
И листья на кленах оранжево-палевы,
А ты разливался как прожили лето вы
И где и почему молоко покупали вы.

Такой болтовни и в романах трехтомных
Не встретишь, а ты со слезой умиления
Вдруг вспомнив пилота и рыбака Громовых,
Опять разглагольствовал без сожаления.

Хоть липой не пахло, мне сделалось липово,
Смотрел на тебя я здорового малого
И думал: «Сейчас он начнет про Филиппова,
А там для него только шаг и до Чкалова...»

7 сентября 1956. Пятница

«Я над «Правдой» выбился из сил...»

Я над «Правдой» выбился из сил,
Роясь в годовом ее комплекте;
Вдруг свирепо кто-то забасил
На каком-то странном диалекте:

– «Мдóнга брыщя фе;шу – он пел —
Ютыце лжако нка́взопу чэ́ркдухе,
Ы́тро уфши мгндéфба вза́мнгопéл!..»
И так далее все в том же духе.

И с тупой ломотою в виске,
Предавался домыслам я разным:
На каком поет он языке
И о чем с таким энтузиазмом?

Но с трудом и только через час
Мысль моя задачу разрешила: —
Это пел свободный папуас,
Страстно воспевая панча-шила...

<10 ноября 1956. Суббота. Москва>

«Хоть он почти что старичок...»

Хоть он почти что старичок
И стоит только пяточок,
К нему попробуй-ка пристань-ка;
В дробленьи скул не новичок
Сей знаменитый дурачок,
Но не Иванушка, а Ванька!

<28 марта. 1957. Четверг>

О девице Вале и о фестивале («Советская студентка Валя...»)

Советская студентка Валя
Ждет не дождется фестиваля,
Чтоб среди песен и цветов
Увидеть граждан всех цветов.

Но, к сожалению, этой Вале
Придется быть, поверьте мне,
Не на московском фестивале,
А на казахской целине.

Ей не вступить в борьбу с судьбою,
А потому в моем уме,
Как говорят, само собою
Уже готово резюме: —

Увы! не всем девицам Валям
Дано скакать по фестивалям,
Ведь не вместит всех наших Валь
Шестой всемирный фестиваль!

<19 июня. 1957. Среда>

«Друг за другом голоса во все концы...»

Друг за другом голоса во все концы
В громкоговорители
Удалые песнетворцы-молодцы
Музыкадарители

Мокроусов, Блантер, Новиков, Покрас,
Носов, Кац, Коваль, но я
Полагаю: дело в том, что здесь у нас
Радость фестивальная.

2 июля 1957. Вторник

«С красною шапчонкой на макушке...»

С красною шапчонкой на макушке,
Осторожно, крадучись, тайком,
Я иду к ворожее-старушке
Погадать над чаем с молоком.

Начитался сам ты всяких басен,
Сам себя и страхами помучь: —
Путь, конечно, жуток и опасен,
Лес, понятно, мрачен и дремуч.

Может быть ни молока, ни чаю
Уж не пить мне, может на беду
Серого я волка повстречаю
И к нему в утробу попаду.

Значит нужно всматриваться зорко
В каждый куст и в каждый пенек окрест,
Впрочем существует поговорка:
«Бог не выдаст, так свинья не съест!»

*<1957 г. 14 ноября. Четверг.
Москва>*

«Визитеры – черт их побери!...»

Визитеры – черт их побери! —
Каждый день у нас: вожди рабочие,
Председатели, секретари,
Президенты, короли и прочие.
Что за дни, ах, что это за дни!..
Встречи, речи, тосты, заявления...
Уж чего-чего, а болтовни
Больше всех на душу населения.

*<1958 г. 17 июня. Вторник.
Москва>*

«Просто так, без всякого мандата...»

Просто так, без всякого мандата
К современным мужикам и бабам,
Ехал я в деревню как когда-то
По крутым проселочным ухабам.

И вокруг по-прежнему все было:
Так же летний ветер был умерен,
Так же точно фыркала кобыла
И хвостом обмахивался мерин.

Так же вдоль затоптанных обочин
Весь в пыли торчал кустарник тощий,
И как будто чем-то озабочен
Так же месяц лоснился над рощей.

Так же розов был у небосклона
Край, и вообще была природа
Все такой же как во время оно,
То есть до семнадцатого года.

<18 июня 1958. Среда>

«Один все время чешет языком...»

Один все время чешет языком,
Другой весь день руками только чешет;
Так почему же ездит тот, кто брешет
А тот, кто чешет тащится пешком?

19 июня 1958

«Он даже на безрыбьи рак...»

Он даже на безрыбьи рак,
Он не соратник даже в рати,
Он просто-напросто – дурак,
Но, так сказать, дурак в квадрате.

19 июня 1958. Четверг

«Казенной лирики бутон...»

Казенной лирики бутон,
Стандартной выпечки батон,
В твоих стихах всегда все в тон,
Будь это даже эпиграмма: —
В них подхалимства триста тонн,
Но нет поэзии ни грамма.

19 июня 1958. Четверг

«Кружилась голова... Ко сну долило...»

Кружилась голова... Ко сну долило...
Стих ветер, обессилев на ходу,
Пруд потускнел, дорога не пылила
И сильно пахло розами в саду.
Безмолвствовали тополя прямые,
Не шелестя серебряной листвой,
И молниями вспарываемые
Таили тучи ливень грозовой.

*1958 г. 20 июня. Пятница.
Москва*

«Ты готов к анархии скатиться...»

Ты готов к анархии скатиться,
А твердишь о классовой борьбе...
Как же это?! Что же ты за птица?!
И откуда странности в тебе?

Как же ты – питомец комсомола,
Любящий фисташки и урюк,
Вместе с тем поклонник рок-энд-ролла
И стилижных вывертов и брюк?

Кроме вопросительного знака
На лице, что каждого дивит,
Все в тебе по мерке, но однако
Все непрезентабельно на вид.

Ты национальности эстонской,
Белобрыс и выпить не дурак,
А носат как Вячеслав Полонский,
Или Сирано де Бержерак.

21 июня 1958. Суббота

«Сегодня самый длинный день...»

Сегодня самый длинный день...

Сегодня наступает лето...

Мне сердце скорбью не задень

Сегодня, самый длинный день,

А в рифмы звучные одень

Простые строки триолета

Сегодня!.. Самый длинный день

Сегодня... Наступает лето...

22 июня 1958. Воскресенье

«Видишь войтам средних лет гражданина...»

Видишь вон там средних лет гражданина
С бледным лицом не от мира сего,
Что грациозно подсел к пианино, —
Ты как огня опасайся его.

Коль он прикинется страстно влюбленным,
Будет галантностью всех изумлять, —
Знай: это значит запахло паленым
И по ночам с ним не вздумай гулять.

Он не глаза, а пальто твое ценит,
Хочет он фарс завершить барышом,
Он тебя в сквере как куклу разденет,
До дому пустит бежать нагишом.

Ведь не одна уж девица и дама
После прогулки с ним, даже зимой,
Только в костюме супруги Адама
За полночь с плачем являлась домой.

23 июня 1958. Понедельник

«Вы воркуете нежно, вы – два голубка...»

Вы воркуете нежно, вы – два голубка,
И любовь ваша словно тетрадка без клякс,
Но ведь это сегодня, ведь это пока
Вас районный не зарегистрировал Загс.

Что же ждет вас в дальнейшем? Что будет потом?
Журавлей променяете вы на синиц,
И прочтете любовь как растрепанный том,
Где во многих местах не хватает страниц.

Следом главк или трест... Дальше в лес – больше
дров!

Тут уж дочиста вытопчут ваши мечты
Грубость завоов, истерика бухгалтеров
И подвохи усердствующей мелкоты.

Дома, справа сосед – лютый ваш супостат,
Слева – фурия мать и мегера жена,
В кухне гвалт и угрозы и как результат —
За камфорки захватническая война.

Ну, а что же, как лампа, в содоме таком
Вам осветит на час постоянную тьму?

Ей – пикантные фильмы и сплетни с душком,
А футбольные матчи и водка – ему.

Так и будет крутиться, отсель и досель,
Вкруг да около, жизнь ваша день ото дня
Под шарманку и бубен, точь-в-точь карусель,
Где вы – два деревянных бесхвостых коня.

<24 июня 1958. Вторник>

«Снова в сердце умиротворенье...»

Снова в сердце умиротворенье,
Снова как не раз за много лет
Очаровывает слух и зренье
Самый поэтический балет.

Снова в той же самой колыбели
Музы танца грезу создают,
Снова скрипки и виолончели
Музыку Чайковского поют.

Снова ждут над озером рассвета
Юный принц и коршун-чародей,
И порхает лебедем Одетта
В стае белоснежных лебедей.

25 июня 1958. Среда

«Запутался совсем ты в доводах и датах...»

Запутался совсем ты в доводах и датах,
Пропагандируя теорию свою,
И бритых, и в усах, и даже бородатых
Пытаясь одолеть в решительном бою.

Гудели голоса из дерева и стали,
Ехидничал доцент, плевался генерал,
Одни ругались вслух, другие хохотали,
А некто без волос все руки потирал.

Давно уж сказано: «Один не воин в поле!»
(Я переставил здесь в пословице слова.)
Что ж прешь ты на рожон, с нелепицей тем боле,
Подумай-ка о том, с прической голова?

На подвиги твои глаза бы не глядели:
Ты даже здравый смысл в докладе опроверг,
Но если у тебя семь пятниц на неделе,
То ведь у большинства бывает и четверг!

26 июня 1958. Четверг

«Блат использовав папашин...»

Блат использовав папашин,
Ты поедешь, мой дружок,
Или в Главжелезо в Кашин,
Или в Центроспирт в Торжок.

Там средь всяческих пернатых
И собак, держа фасон,
Ходит много неженатых
С положением персон.

Нет сомнения, что там уж
Палец вденешь ты в кольцо,
То есть скоро выйдешь замуж
За почтенное лицо.

И с культурою знакома,
С разрешения властей,
Свой салон откроешь дома
Для талантов всех мастей.

Всем глаза коля столицей,
Ты почти наверняка
Будешь кашинскою львицей,
Иль гетерою Торжка.

27 июня 1958. Пятница

Американец – американке («Давно мы с тобой не видались...»)

Давно мы с тобой не видались,
Почтенная миссис Эдит,
Теперь мир не тот уж и Даллес
Как будто теряет кредит.

Катали на Спутнике Лайку,
Ван Клиберну славу поют,
В ООН сладко спят, а вот Айку
Паломники спать не дают.

Сэр Антони после афронта,
Не тратя ни слов, ни чернил,
Бесследно исчез с горизонта,
Макмиллан его заменил.

К порядку себя приневоля,
Избрав себе новый удел,
Французы призвали де Голля,
Чтоб крепко у власти сидел.

Топорщится в НАТО датчанин,

К тому же, прибавлю еще, —
В России премьер не Булганин,
А друг его бывший – Хрущев.

Да, все изменилось на свете!
Везде саботаж и борьба,
Сукарны и Насеры эти,
А многим персонам судьба

Коленом под зад надавала,
Лишь сидя у моря, в тиши,
Все ждет как ни в чем не бывало
Погоды наш друг Чан Кай-Ши...

28 июня 1958. Суббота

«О ты, моя классическая Муза...»

О ты, моя классическая Муза,
Воспой сии колхозные поля,
На коих королева-кукуруза
Растет сердца и взоры веселя.

А там, за насажденными садами,
Поэтому невидимый и днем,
Отмеченный учеными трудами,
Колхоз-миллионер «Ударник», в нем

Тучны коровы, плодовиты ярки,
Страшны быки, свирепы жеребцы,
В нем все без исключения доярки
Ядрены и свежи как огурцы,

А трактористы – греки из-под Трои,
Им нипочем ни солнце, ни вода,
Тем более, что часть из них – герои
Социалистического труда.

<29 июня 1958. Воскресенье>

«Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы...»

Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы:
Кто любит поест, кто доносы кропать,
А ты любишь спать; сколько ты ни спала бы,
Тебе все равно вечно хочется спать.

На днях у тебя институтский экзамен,
Теперь бы учить за билетом билет,
А ты только спишь как ребеночек мамин,
Иль как старушня – в девятнадцать-то лет!

Такой никудышной, такой залежалой
И то не под силу, и это не в мочь;
Коль выйдешь ты замуж, так муж твой, пожалуй,
Прогонит тебя на вторую же ночь.

Тебе бы трапецию, кольца и брусся,
Тебе бы плясать кэк-уок и матчиш,
А ты спишь да спишь и, ей Богу, боюсь я,
Что ты и приход коммунизма проспишь.

30 июня 1958. Понедельник

«Свет погас... Платья дам поблекли...»

Свет погас... Платья дам поблекли,
Но заискрились кисти рук,
И к глазам поднялись бинокли,
И лорнеты раскрылись вдруг.

Только что в белоснежной пене
Ветер с озера колебал
Перья птиц, а теперь на сцене
В замке юного принца бал.

И смычки все смелей дерзали,
И от лож до последних мест
Заполнял все пространство в зале
Упоительный вальс невест.

1 июля 1958. Вторник

«Ты всегда, везде во всем на страже...»

Ты всегда, везде, во всем на страже,
Пашут ли, иль водят хоровод,
Птицевод, животновод и даже
Счетовод и кукурузовод.

Ты и с общего собрания тягу
Не задашь вслед за секретарем,
Вообще такого работягу
Не отыщешь даже с фонарем.

Почему ж колхозникам ты тошен?
Потому, что слишком уж речист,
До невероятности дотошен
И прилипчив словно банный лист.

Для тебя во всем колхозе только
Существует собственное я,
Да, пожалуй, взбалмошная полька —
Щуплая супружница твоя.

2 июля 1958. Среда

«Скоро, девка, скоро, так и знай...»

Скоро, девка, скоро, так и знай,
Попадут студенческий состав,
И ты двинешься на Кустанай,
А быть может и на Кокчетав.

Хоть дорога в Казахстан длинна,
Но зато поездка весела,
А приедешь – будет целина
За сто километров от села.

Там всегда с открытою душой,
Среди Свет, Алл, Галь, Юр, Толь и Мить,
Ты работай только на «большой»,
Чтоб свой институт не посрамить.

И в порядке, так сказать, вещей,
Там себе и славу ты стяжай
Лучшей разливательницы щей,
Иними обильный урожай.

3 июля 1958. Четверг

«Не вспоминай, не сетуй, не зови...»

Не вспоминай, не сетуй, не зови...
Воспоминанье только растревожит: —
Что прежде было сказкою в любви
Теперь нам сказкой быть не может.

Она прошла – та светлая пора,
А память в сердце чувства не пробудит,
И то, что радовало нас вчера,
Сегодня радовать не будет...

4 июля 1958. Пятница

«Ты, живущий с поэтическим клеймом...»

Ты, живущий с поэтическим клеймом,
Не чуждающийся впрочем благ земных,
Проповедник в дифирамбах аксиом
И глашатай в одах истин прописных.

По стандартной лире двигая персты,
Только по ветру ты звуки издаешь,
Если ветер переменится и ты
По другому направлению поешь.

Для тебя давным-давно протоптан путь,
Воспеваешь ты архангелов и рай;
Хоть в стихах твоих таланта ни чуть-чуть,
Но зато в них подхалимства через край.

Облачившись в свой лирический салоп,
Не пробьешь ты стену к музам даже лбом,
Был холопом ты и ныне ты – холоп,
И холопом будешь в случае любом!

<5 июля 1958. Суббота>

Музе («Ты от меня готова упорхнуть...»)

Ты от меня готова упорхнуть,
И чувствую, и знаю это я...
Куда же ты теперь направишь путь,
Крылатая наперсница моя?

Все эти дни тобою лишь дыша,
Я счастлив был, я не был одинок,
Кипели мысли, пенилась душа
И я сплетал лирический венок.

Ты двадцать дней со мною пробыла
И каждый день дарила мне цветы;
Ты улетишь и в сердце будет мгла,
А в мыслях ощущение пустоты.

Померкли звезды... Утро... Свежесть... Тишь...
Восток вот-вот готов зарозоветь...
Когда же вновь меня ты посетишь,
Моя золотокрылая, ответь?

<6 июля 1958. Воскресенье>

«Это, брат, не женщина, а сказка!..»

Это, брат, не женщина, а сказка!
Ты узнай-ка, кто сия картинка: —
Перуанка или гондураска?
Бразильянка или аргентинка?

Сальвадорка или мексиканка,
Из Гаити может быть иль с Кубы,
А быть может и доминиканка,
У Трухильо скалившая зубы?

Боливийка или гватемалка?
Колумбийка или костаричка?
Впрочем нам ни шатко и ни валко
Где бы ни родилась эта птичка.

Ведь, во-первых, мы не балаболки,
Что нам строить разные догадки!
Все они метиски и креолки,
Или квартеронки и мулатки.

Во-вторых, возможности, брат, наши
Не откроют нам путей к роману:
Слишком мало съели мы, брат, каши,

Эта штучка нам не по карману.

Для нее, брат, плаваем мы мелко,
Не простая шашка ведь, а дамка
Эта самая венесуэлка,
Никарагуанка иль панамка?

Значит не приглядывайся зорко
И ни у кого не узнавай-ка,
Кто она: чилийка, эквадорка,
Уругвайка или парагвайка?..

14 июля 1958. Понедельник

«Массне, Россини, Верди и Гуно...»

Массне, Россини, Верди и Гуно,
Пуччини, Вагнер, Глинка и Чайковский
В его репертуаре и давно
Он угождает публике московской.

Он не хватает с неба звезд, но ведь
Не всем же быть Карузо иль Мазини,
Во всяком случае он не медведь,
Рожденный в человеческой образине.

Певец давно все это осознал,
И, предвкушая гром аплодисментов,
Он тянет «ля» как радиосигнал
Настройки музыкальных инструментов.

<15 июля 1958. Вторник>

«Дул ветер... колыхались провода...»

Дул ветер... Колыхались провода...
Качались сосны... Зыбилась вода...
А здесь, за чаем, как обыкновенно

Твой муж зевал и морщил брови, но
Мне почему-то вспомнились Равенна
И хмурый Дант, смакующий вино.

Уже смеркалось... Где-то за окошком,
Грозь друг другу и взывая к кошкам,
Вопили отвратительно коты...

День уходил без всякого изъяна
Для сердца и ума и только ты
Гримасничала словно обезьяна.

<16 июля 1958. Среда>

«Не пьяные, не просто бузотеры...»

Не пьяные, не просто бузотеры
Кричат передо мной,
Нет, это современные актеры
Сошлись втроем в пивной.

Они жестикулируют и с чувством,
Присущим всем троим,
Клянутся вслух, что живы лишь искусством
И дышат только им.

Однако эти деятели сцены
В стенах театра – тля,
Они служители не Мельпомены,
А длинного рубля.

И пусть они об Ольридже и Кине
Здесь подняли галдеж, —
Я старый воробей и на мякине
Меня не проведешь!..

24 июля 1958. Четверг

Руслан у Финна («Среди диких скал, в краю тумана...») (1 картина 2 действия оперы м. И. Глинки «Руслан и Людмила»)

Среди диких скал, в краю тумана
Волшебник добрый старец Финн
Встречает витязя Руслана: —
«Добро пожаловать, мой сын!..»

И в тишине, в глухой пустыне,
Отрадой путника поя,
Течет как плавная струя
Его баллада о Наине.

Расстроит он злых козней план,
Ему известно место плена;
И с благодарностью Руслан
Пред Финном преклонил колено.

Скорей на север – обрести
Вновь ту, кто все собой затмила...
И вот – финал: «Там ждет Людмила!..»
– «Старец, прости!..» – «Витязь, прости!..»

16 августа 1958. Суббота

«Опять я брожу по осеннему саду...»

Опять я брожу по осеннему саду,
Разбросанными лоскутами шурша,
Опять умиление сменяет досаду
И успокоенье находит душа.

На всем обреченность, везде ожиданье,
Повсюду покой и дремота без грез;
Болезненной красотой увяданья
Отмечены платица лип и берез.

Атласное небо особенно сине
И шелковые паутинки висят
На палевом клене и сизой осине,
А рыжий кустарник как шкурки лисят.

Опять ощущаю над мыслями власть я
Опавшей листвы и поблекшей травы,
И в сердце моем не предчувствие счастья,
А воспоминанье о счастье, увы!..

10 октября 1958. Пятница

«В старинном парке были мы с тобой...»

В старинном парке были мы с тобой,
Он шелестел листвою в этот час,
И легкий ветер навевал на нас
Дыханье майской ночи голубой.

Цвела сирень, луна была ярка,
И вот вполголоса запела ты
Романс «Не ветер вея с высоты»,
Слова А. Т., а музыка Р.-К.

*1958 г. 12 октября. Воскресенье.
Москва*

«Нынче долго снилась мне Формоза...»

Нынче долго снилась мне Формоза,
Или просто-напросто Тайвань,
Остров, где китайская мимоза
Заменяет русскую герань.

Остров, где, куда не погляди ты,
Воровство, мошенничество, ложь,
Где все обыватели – бандиты,
То есть гоминдановцы все сплошь.

Остров, что расцвел бы при поэте,
Мог бы стать убежищем всех муз,
Где живет единственный на свете
В наши дни генералиссимус.

Остров, где потерянный был, видно,
Но еще не возвращенный рай...
Вот поэтому мне и обидно,
Что я – я, а не Пынь Дэ-Хуай!..

13 октября 1958. Понедельник

«Даже и во сне мне не узреть его...»

Даже и во сне мне не узреть его,
Долго как и сладко как ни спи я,
Папу Иоанна Двадцать Третьего,
Что сменил Двенадцатого Пия.

Много было Сикстов, Львов, Евгениев,
Климентов, Урбанов, Бенедиктов,
Меценатов, по распутству гениев,
Авторов зловещих интердиктов.

Он же не историями длинными
Донжуанства или донкихотства
Окончательно над гибеллинами
Обеспечил гвельфов превосходство.

Нет, во имя славы католичества
И своей – наместника Христова,
Он побил рекорд Его Величества
Людовика Восемнадцатого.

<7 декабря 1958. Воскресенье>

«Наяву ли это было...»

Наяву ли это было
Или только мне приснилось,
Что каурая кобыла
Нехотя жевала силос.

Что кудлатый пес хрипуче
Гавкал, словно был простужен,
А петух в навозной куче
Добывал свой скудный ужин.

Что я сам в каком-то раже
Вдруг запел из «Риголетто»;
Помню место я и даже
День, когда случилось это.

Это было после хмеля,
В шалаше у огорода,
Двадцать пятого апреля
Пятьдесят шестого года.

7 января 1959

«Я не в духе нынче и тем более...»

Я не в духе нынче и тем более,
Что не свылся с запахами псиними;
Небо в мутносерой меланхолии
Низко нависает над осинами.
Палисадник выглядит взъерошенным,
В нем калитка по ветру качается,
И с утра ненастьем огорошенным
Дачникам хорошего не чается.
Дождь заладил дробью барабанною
Нудно словно диктор семилеткою,
И терраса делается ванной,
А в три метра комнатуха – клеткою.
Потное окошко затуманено,
Лезет в щели непогодь холодная;
Рядом у товарища Куманина
Взвизгивает сука благородная.
Мозг тупеет, мысль в недоумении,
Сердце скукой и хандрою саднится,
И хоть киснешь в кресле, тем не менее
К вечеру почувствуется задница.

<10 февраля 1959>

«Где-то что-то весьма подозрительно гукало...»

Где-то что-то весьма подозрительно гукало,
Но, состряпанное из тряпья и мочала,
Размалеванное огородное пугало
Вовсе этого, кажется, не замечало.

Не знакомо оно с философскими муками,
К объясненью явлений не ищет шпаргалок,
И, не интересуясь какими-то звуками,
От ворон огород охраняет и галок.

Это все на меня оказало влияние
И подумал я, легкою завистью мучась:
– «Быть на страже общественного достояния
В наше время – высокополезная участь!...»

<12 февраля 1959>

Юноша – девушке («Я не хочу распространяться длинно...»)

Я не хочу распространяться длинно
И кратко заявляю потому,
Что ты, очаровательная Инна,
Весьма желанна сердцу моему.

Твое лицо, твой взор, твою улыбку
Я полюбил в тревоге школьных дней
Безумнее чем пойманную рыбку,
Сильнее сна и алгебры нежней.

Как своего вассала королева
Меня ты осчастливишь наяву,
Коль соизволишь, царственная дева,
Мне у метро назначить randevu.

10 апреля 1959

Школьник – школьнице («Брось мозги коверкать, Инка...»)

Брось мозги коверкать, Инка,
И айда из дому – ну!
Не робей: со мною финка,
Коль пристанет кто – пырну.

Двинем мы с тобой на скверик,
Где гулянка и галдеж,
Там поуже всех Америк
Носит брюки молодежь.

Не ситра и не кефиру,
У ближайшего ларька
Мы пропустим для блезиру
Я сто грамм, а ты пивка.

Вообще – скажу обратно —
Вместе с Филькою Левшой,
Проведем мы время знатно,
Как с присыпкой на большой!

Там ты первую стилижкой
Из девчонок будешь, но
В двадцать два ноль-ноль всей бражкой

Мы затопаем в кино.

14 апреля 1959

«Где-то в дебрях черной Африки...»

Где-то в дебрях черной Африки
И поныне, слава Богу,
Кафры, кафрихи и кафрики
Поживают понемногу.

Жизнь влача довольно хмурую,
Пропадая от трахомы,
Все они с литературой
Совершенно не знакомы.

Вместо Шелли и Новалиса
Льнут к бутылкам и кастрюлям,
Но и там обосновались
Дядя Сэм со Джоном Булем.

Словом, сзади там и спереди
И куда не посмотрите —
Это самое процветает,
Процветает, процветает.

<26 апреля 1959>

«Вечер был безветрен и туманно-матов...»

Вечер был безветрен и туманно-матов,
Небо загустело в мутно-сизой хмари;
По командировке ехал я в Саратов,
А все время думал о Мадагаскаре.

Может, потому что там совсем недавно
В дни цветенья кофе и гелиотропа,
Как мне объяснила Нора Николавна,
Было нечто вроде Ноева потопа?

Или, потому что там в любой деревне,
От хозяйки жирной до сухой свинарки,
Если только верить Клавдии Андревне,
Женщины всех классов сплошь мадагаскарки?

Лишь когда луч солнца из-за поднебесья
Выскользнув, расплылся в луже у колодца,
Осознал я: это, потому что здесь я
С колониализмом не могу бороться.

<3 мая 1959>

«Сделки заключаются и браки...»

Сделки заключаются и браки,
К океанам двигаются реки,
По закусочным зимуют раки,
И торгуют камешками греки.

Под базарно-рыночные крики
Льются поэтические строки,
И на побережье Коста-Рики
Расцветают пальмы и пороки.

Собираются в поход Мальбуки,
Раздаются рявканья и рыки,
Бизнесмены потирают руки
И журчат в оазисах арыки.

Там и тут выкидывают трюки
Политические раскоряки,
И надели узенькие брюки
Хорошо упитанные хряки.

<8 мая 1959>

«Мне сегодня как-то одиноко...»

Мне сегодня как-то одиноко,
Потому я в грезах наяву
По великолепной Ориноко
С Александром Гумбольдтом плыву.

Стаи экзотических двулапых
И поют, и стонут, и кричат,
От цветов и листьев пряный запах,
Духота и сырость словно чад.

Палачи-москиты рвут на части
Тело как клещами; кое-где
Крокодилы разевая пасти,
Хлопают хвостами по воде.

Небо как на выцветшей картине;
Издали похожий на комод,
У побережья в плесени и тине
Принимает ванну бегемот.

Озорством каким-то обуяны,
Так сказать валяя дурака,
Безобразничают обезьяны
И на нас взирают свысока.

Но все это лишь воображение:
Гумбольдт умер ровно век назад,
Я же – извини за выражение! —
Только отшлифовываю зад.

12 мая 1959

«Быль за сказку принимая...»

Быль за сказку принимая
Словно Дон-Кихот,
Шестьдесят шестого мая
Встретил я приход.

Полегоньку, втихомолку,
И всегда пешком,
Я шагаю по проселку,
А не большаком.

Но – ни дна ей, ни покрышки! —
Жизнь как шустрый бес
Не дает мне передышки
В области чудес.

На заводе, в поле, в шахте,
Чтобы пить и есть,
Каждый день стоят на вахте
В память или в честь.

И казенного восторга
В сердце не тая,
Видят в лозунгах парторга
Корень бытия.

Все кипят в ажиотаже,
Только я пока
Ко всему бесстрастен, даже
К Пленуму ЦК.

<22 мая 1959>

«Когда-то в жизни давней...»

Когда-то в жизни давней
Я жил среди чудес,
Я был в то время павний,
Гурон иль ирокез.

Быв птичкой-невеличкой,
Я красился пестро
И действовал под кличкой
«Орлиное Перо».

Не путаясь в бумагах,
Тогда мы, например,
Не ведали о благах
США и СССР.

С трудом считали до ста,
Могли не состоять
Нигде и жили просто,
Но, так сказать, на ять.

Никто не тряс правами
На остров иль канал,
И каждый спал в вигваме,
Был сыт и твердо знал: —

Коль ночью непогожей
Он встретит существо
В штанах и с белой кожей,
Так снимет скальп с него.

А утром ставя сети,
Не знал, наоборот,
Что есть на белом свете
Уран и водород.

Да, в обществе прекрасном
В те дни шла жизнь моя,
Но я тогда был красным,
А ныне – белый я!..

<13 июня 1959>

Письмо Н. С. Хрущеву – гражданки-орловчанки («О, Сергеевич Никита!...»)

О, Сергеевич Никита!
Изнемогшая в борьбе,
У разбитого корыта
Очутившись, я к тебе

О возмездии взываю;
Бывший член КПСС,
Я всем сердцем уповаю
На тебя, орлом с небес

Появись в Орле скорее,
Обезвредь старуху-фрю
И в обкоме дай по шее
Пятому секретарю!

13 июля 1959

«Аппетитно пообедав...»

Аппетитно пообедав
С кашей отпрыском свиньи,
Стал читать я двух Альфредов: —
Де Мюссе и де Виньи.

Нестандартные французы!
Каждый носит свой наряд;
Этих двух Альфредов музыки
Разным тембром говорят.

Погружаясь в мир былого,
Я нигде, друзья мои,
В их творениях ни слова
Не нашел о двух Луи.

И ни косвенно, ни прямо,
Ни в строках, ни между строк,
Никакого фимиама
Не разносит ветерок.

Но зато Альфреда оба,
Даже в шумный наш уют,
Да к тому же из-за гроба,
Сердцу голос подают.

<17 июля 1959>

«Чуть побрызгав ландышем Коти...»

Чуть побрызгав ландышем Коти
На себя и на платочек с меткой,
Вышла мама с дочкой-малолеткой
Погулять и молвила в пути:

– «Доченька, беги скорей к реке
И скажи мне, что за человечки,
Дяди или тети там у речки
Издали белеют на песке?..»

Отгнав букашку от щеки,
Бросив наземь прыгалки и мишку,
Побежала девочка вприпрыжку
На разведку к берегу реки.

И покуда мама сквозь лорнет
Белые разглядывала пятна,
Возвратилась дочь ее обратно,
Раскрасневшись словно маков цвет.

– «Мамочка, меня ты не брани,
Я глядела спереди и сзади,
Но не знаю – тети или дяди,

Потому что голые они!...»

30 июля 1959

Рондо («Лишь Муза в этот вечер у огня...»)

Лишь Муза в этот вечер у огня
Ко мне подсела, близостью пьяня, —
В природе обозначилась тревога:
Взъерошилась осина-недотрога
И всколыхнулись волны ячменя.

Жизнь без нее чадит как головня,
Действительность бесцветна и убога,
Ведь для души прекрасному родня
Лишь Муза.

Я знаю – неизведанным маня,
Когда моя окончится дорога
По бытию, и ласково и строго,
Под звездным небом иль при свете дня,
Покинуть мир благословит меня
Лишь Муза.

<11 августа 1959>

Второй литературный сонет («Нет, не одна влекла меня дорога...») Послание-акrostих Николаю Минаеву

Нет, не одна влекла меня дорога
И знал я и Джульетт и Виолетт;
Кокетничал я с жизнью много лет,
Однако жизнь со мной держалась строго.

Ловя в Сахаре как-то носорога
Арканом, я за счастьем мчался вслед: —
Югурты сохранившийся скелет
Мной найден был. Довез до Таганрога

И заработал этим миллион...
Научный я теперь Наполеон,
Академист! — а брюки протирая,

Ей — Богу ты не снимешь урожай,
Ведь, брат, стихи не доведут до рая...
Учти сие и в Африку езжай!..

14 август 1959

«Месяц май... Мурлычет море...»

Месяц май... Мурлычет море
Мелодично, музыкально...
Модница московской марки,
Миловидна, молода,
Маслоносова Маруся
Молвит мрачному мужлану,
Меднолобову Матвею,
Мясорубу-молодцу:

— «Молдаванин Мисаил,
Малохольный мамалыжка,
Месяц мне мозги мутит;
Молдаванин Мисаил
Мне мощной милльонной мил.
Мерин, мул, морж, мопс, мартышка —
Молдаванин Мисаил,
Малохольный мамалыжка!..»

Морщась, Мотья Меднолобов,
Мастодонт монументальный,
Мощный, мускулистый малый
Мямлит, медленно мыча:
— «Мы, мол, мы мышиною мымре,
Мисаилке-миroeду

Морду, мол, мурло, мол, можем
Моментально молотить!..»

<16 августа 1959>

Триолеты о поэте. Памяти И. С. Рукавишникова

Памяти И. С. Рукавишникова

1. «Я начинаю триолет...»

Я начинаю триолет
На склоне дня и склоне лета,
А также и на склоне лет.
Я начинаю триолет
Поэту в память и вослед.
Под музыку из «Риголетто»
Я начинаю триолет
На склоне дня и склоне лета.

2. «Поэт, наружностью ты был...»

Поэт, наружностью ты был
Точь-в-точь подобен Дон-Кихоту,
А сердцем – триолетофил.
Поэт, наружностью ты был
Как рыцарь из Ламанчи хил,
И на ходу мурлыча хоту,
Поэт, наружностью ты был
Точь-в-точь подобен Дон-Кихоту.

3. «Ты как когда-то Дон-Кихот...»

Ты как когда-то Дон-Кихот
Сражался с мельницами тоже,
Свое перо пуская в ход.
Ты как когда-то Дон-Кихот
Всегда за что-то шел в поход,
И вылезая вон из кожи,
Ты как когда-то Дон-Кихот
Сражался с мельницами тоже.

4. «Иван Сергеич, как живой...»

Иван Сергеич, как живой
Сейчас стоишь ты предо мною.
Звучит мне тихий голос твой,
Иван Сергеич, как живой.
Качая узкой головой,
С едва заметной сединою,
Иван Сергеич, как живой
Сейчас стоишь ты предо мною.

5. «Закончив пятый триолет...»

Закончив пятый триолет,
Я о тебе писать кончаю;
Ведь нужно сделать туалет,
Закончив пятый триолет;
И собираясь съесть омлет
И выпить два стакана чаю,
Закончив пятый триолет,
Я о тебе писать кончаю.

20 августа 1959

«Чтоб я не понял ни аза...»

Чтоб я не понял ни аза
И принял пошлый фарс за сказку,
Амур надел мне на глаза
Свою любовную повязку.

Но день за днем от слов и дел
Все больше чувства холодели,
И наконец я разглядел
Какая ты на самом деле.

Все сразу сделалось видней,
Открылось то, что было скрыто,
И вот – увы! – на склоне дней
Я у разбитого корыта.

Так выхваляться перестань,
Ведь спала с глаз моих повязка,
А без нее ты только дрянь
И доброта твоя лишь маска.

25 августа 1959

Третий литературный сонет («О чем-то призадумалась природа...»)

О чем-то призадумалась природа
У благодатной осени в плену;
Я может быть в последний раз взгляну
В ее глаза в такое время года.

К ней погостить с утра взяла погода
С собой не дождь и хмари пелену,
А тишину – к которой сердцем льну —
И солнечную просинь небосвода.

За перелеском ало-золотым
По кособоку вниз сползает дым,
То тая вдруг, то снова возникая;

От этого становится грустней,
Но освежают душу грусть такая,
Да красота погожих этих дней.

27 августа 1959

«Кобель, кобыла, кролик, кот, козел...»

Кобель, кобыла, кролик, кот, козел
Корове комментировали книжку
«Как Карп кулак колхозных кур колол».
Кобель, кобыла, кролик, кот, козел
Конечно кстати крыли комсомол.
Кусая кукурузу как коврижку,
Кобель, кобыла, кролик, кот, козел
Корове комментировали книжку.

<28 августа 1959>

«Кукарекнул петух, промычала корова...»

Кукарекнул петух, промычала корова,
Как в стихах подъесенинских бардов точь-в-точь,
Побледневшее небо смотрело сурово,
Провожая на отдых колхозную ночь.

Мы на бревнах вдвоем эту ночь коротали,
Но ее мы с тобой просидели не зря,
Об электроэнергии, выплавке стали,
Трудовых и холодной войне говоря.

Зашуршав запыленной листвой по березам,
Появился рассветный шалун-ветерок,
Потянуло укропом, дымком и навозом,
Констатирую я, так сказать, между строк.

Разгоревшись, восток был болезненно ярок,
По-соседству в избе запищало дитя,
И прошла босиком бригадирша доярок,
Непрерывно зевая и рот свой крестя.

Неожиданно локомотив у вокзала
Запахтев, прокричал троекратно ура,
И, потягиваясь, ты с улыбкой сказала:

– «С добрым утром, мой друг, спать ложиться пора!..»

<30 августа 1959>

Танка («Идя все далее...»)

Идя все дале,
Когда-нибудь я в танке
Скажу о Дале,
А не убийце танке
И не поэте Танке.

31 августа 1959

Терцина («Блуждая мыслью в царстве медицины...»)

Блуждая мыслью в царстве медицины,
Уже дойдя до терапии, я
Вдруг вспомнил, что не написал терцины,

А это – упущение, друзья!
Поэт обязан формою любую
Владеть, коль он на сцене бытия

Не только бравый барабанщик к бою,
Иль поставщик на каждый праздник од,
Что, словно соревнуясь меж собою,

Из ничего городят огород.
Он не на побегушках подмастерьем,
А мастером быть должен, ведь народ

Орла мгновенно отличит по перьям
И взлету от вороны и грача
И никогда не распахнет он дверь им

В свои сердца... А маятник, стуча,
Минуты гонит к ясному рассвету,
Но я не встречу первого луча

Склоненным над тетрадью, и поэту
Нужны и сон, и отдых, и покой,
Поэтому-то я терцину эту
Заканчиваю этою строкой.

2 сентября 1959

«Чуть ли не с века персидского Дария...»

Чуть ли не с века персидского Дария
И главным образом в гуще столиц
Слышится эта любовная ария,
Коей мужчины пленяют девиц.

Ныне она широкоповсеместная,
Всюду поют женихи без квартир:
— «О полюби меня, дева прелестная,
И мне завидовать будет весь мир!...»

1959 г. 4 сентября. Пятница.

Москва

Осенняя канцона («В недели увяданья сада...»)

В недели увяданья сада
Среди аллей
Мечта светлей,
Крылата мысль и Муза рада.
На ветках и песке едва-едва,
Живая и сухая,
Прошелестит и прошуршит листва,
От солнца полыхая,
А после этого слышна
Особенная тишина.

О золотое время года!
Ведь неспроста
Во все цвета
Себя украсила природа.
Она сквозь дрему грезит о былом,
Оставшимся от лета,
Последним, поздним, северным теплом
В последний раз согрета,
Отдав с улыбкой бытию
Всю привлекательность свою.

Как это близко мне и мило,

И наяву
Я здесь живу
Тем, что мне память воскресила
В спокойствии сияющего дня;
 Ни радость, ни тревога
Не погостят сегодня у меня...
 Пусть может быть немного
Осталось дней мне или лет,
Я в жизни свой оставляю след.

<9 сентября 1959>

«И в ненастье, напоследок...»

И в ненастье, напоследок
Перед близкою зимой,
Сад, хоть беден он и редок,
Все же взор пленяет мой.

Дождь утихнуть не намерен
И, роняя пену с губ,
О беседку мокрый мерин
Чешет вылинявший круп.

Изогнув по ветру спины,
Вдоль террасы там и тут,
Вымокшие георгины
Кое-как еще цветут.

Листья с яблонь, груш и вишен
Навзничь падают и ниц,
И в кустах малины слышен
Писк скучающих синиц.

У стены, в углу, за горкой
Ров крапивою зарос,
И вот-вот под хрупкой коркой
Скроет лужицы мороз.

<27 октября 1959>

«Протопав, словно пьяный, чардаш...»

Протопав, словно пьяный, чардаш,
А вслед затем и краковяк,
Ты залп по роте янычар дашь,
Раздавишь их как раков як.

С тревогой смотрит Кадар Янош
И Владислав Гомулка с ним,
Что в море мчит река Дарья нож,
Был коим долго мул казним.

Пьет из ведра кефир кобыла,
А я как тать попону тру,
Чтобы тебе, штафирка, было
Сие читать не по нутру.

24 ноября 1959

«То, что ты чересчур глупа...»

То, что ты чересчур глупа
Не должно досаждать мужчине:
Ведь известно, что твой папа
Состоит в генеральском чине.

А за то, что твой нос курнос,
У тебя есть все блага мира:
Телевизор и пылесос,
И трехкомнатная квартира.

Кто желает сменить на пух
Свой матрац, крытый грубой пряжей,
Для того не беда, что дух
В окруженьи твоём — стилижий.

Нет, уж если мне повезло,
От тебя не задам я тягу,
И чтоб жить круглый год тепло
Я и сам превращусь в стилигу.

28 ноября 1959

«Как нафталин лежит на ветках иней...»

Как нафталин лежит на ветках иней,
И белым мохом каждый куст оброс,
И тишина, и неба купол синий,
И двадцатидвухградусный мороз.

Чем дальше в лес тем сумрачней и глуше
И хочется сказать, тем больше дров,
Захватывает дух и щиплет уши,
Но зимний воздух легок и здоров.

А ночью перед восхищенным взором
На юге поднимается гигант —
Великолепный Орион, в котором
Сверкает Ригель словно бриллиант.

<8 декабря 1959>

«В нашей теплой, так сказать, компании...»

В нашей теплой, так сказать, компании
Ты – единственная иностранка,
К нам ты заявила из Испании,
Не поладив с генералом Франко.

Говоришь, что с важными персонами
Каждый день встречаться неохота,
Ну а там встречаешься лишь с донами
И не встретишь только Дон-Кихота.

В Мурсии, в Астурии, в Валенсии,
В лапах фалангистской камарильи,
Бедствуют Сервантесы без пенсии,
Прозябают Гойи и Мурильи.

Батраки, что нищи от иллюзии
И гидальго нищие от дури
Попрошайничают в Андалузии,
Побираются в Эстремадуре.

Тайно подрабатывая ночками,
В улицах Толедо и Кордовы
Бродят, словно тени, одиночками

Карменситы – девушки и вдовы.

А в Мадриде – гвоздь руководства! —
Посреди начальствующих типов
Восседает сверхпревосходительство,
Заменяя всех Карлов и Филиппов.

Какова ж по внешности настырная
Эта личность? Тощ ли как сосиска,
Или тучен как сарделька жирная
Главный каудильо дон Франсиско?

<11 декабря 1959>

«У тебя, моей колхозной милки...»

У тебя, моей колхозной милки,
Опоросы выше всех,
А твои кормушки и поилки
Я разделал под орех.

Ты в районе лучшая свинарка
И поэтому – ей-ей —
Мне по временам бывает жарко
От известности твоей.

Мы порой друг другу назначаем
Встречу, то есть randevu,
Не в кино, не в клубе, не за чаем,
А в твоём свином хлеву.

Сколько же об этом разговоров,
И повсюду болтовня,
Что тебе многопудовый боров
Во сто раз милей меня.

Можно ль верить глупым небылицам,
Басням злостной клеветы?
Но ведь всем злорадствующим лицам

Не заткнешь затычкой рты.

Как предмет тебе не посторонний,
Я предупредить могу: —
Даже среди собственных хавроний
Ты о плане ни гу-гу

Ведь едва касается подушки
Твой вспотевший за день лоб,
Как уж под тебя твои подружки
Начинают свой подкоп.

Всполошились девки-психопатки
И к зиме тебе грозят
Получить от каждой свиноматки
По полсотни поросят.

<18 декабря 1959>

«Безмолвствуют березы в безветрии таком...»

Безмолвствуют березы в безветрии таком,
И запах сонной розы по-прежнему знаком,

И свежесть овевает, и влажно от росы,
И тихо как бывает в спокойные часы.

Так что ж меня тревожит?.. Кто мысль мою увлек?..
Я понял, что быть может тот день уж недалек,

Быть может здесь у пруда сознания и сил
Лишусь я, но покуда я чувствовал, я жил.

Покуда на дороге во тьме фонарь блестел,
В саду дремали боги, белея гипсом тел,

Земля цветы растила, туманилась вода
И вечные светила сияли как всегда.

<20 декабря 1959>

«Что тебе пора возрождения?..»

Что тебе пора возрождения?
Что подснежники и что ландыши?
В недрах сонного учреждения
Ты весь день сиди и на план дыши.

Много лет назад молвил маршал Ланн,
Усмирив свинцом бунт мятежников: —
«Ведь тому кто свой выполняет план
Не до ландышей и подснежников!..»

А начальник твой как-то раз изрек,
Не когда-нибудь, а уж в наши дни: —
«Хоть умри, но план в календарный срок
На сто процентов перевыполни!..»

Вообще они, эти разные
Поэтичные все материи,
Как понятия буржуазные
Не годятся для бухгалтерии.

<30 декабря 1959>

Вместо предисловия («Не дары чужого огорода...») «Может быть последние стихи»

Не дары чужого огорода, —
Здесь плоды, что с Музою вдвоем,
За последние четыре года,
Мы собрали в садике своем.

Разные по тону и манере
Словно день и ночь иль да и нет,
Здесь они расставлены по мере
Своего рождения на свет.

И пускай разноречьем четко
Разграничены друг с другом, но
Ведь у них у всех одна походка
И мировоззрение одно.

В них всегда все кстати, все на месте,
Все как раз, но грустно на душе,
Что стихи здесь собранные вместе
Может быть последние уже...

3 января 1960

«Хоть в теперешней феерии...»

Хоть в теперешней феерии
Петь в миноре не приказано,
Хоть со времени империи
И того, что с нею связано

Звона нет великопостного
Колокольного московского, —
Я в честь года високосного
И Касьяна Голейзовского,

В час, когда на сердце матово,
А в уме столпотворение,
Февраля двадцать девятого
Написал стихотворение.

29 февраля 1960

«Я знаю твой тайный грешок...»

Я знаю твой тайный грешок: —
В политике универсалом
Ты хочешь быть, старый мешок,
Наполненный мясом и салом.
Тебе, что колхоз, что Париж,
Везде ты одно тараторишь,
Балакаешь и говоришь,
Ораторствуешь и гуторишь.

<30 марта 1960>

«Я ни душой, ни телом не слабею...»

Я ни душой, ни телом не слабею,
Что в наши дни в отставке динамит,
Ведь мне живется как у пирамид
Древнеегипетскому скарабею.

Но несмотря на то, что Энвер-бею
Завидовал султан Абдул-Гамид,
Меня к счастливым зависть не томит,
Я равнодушен даже к Аджубею.

Куда ни взглянешь всюду благодать,
И вообще по графику до рая,
Что называется, рукой подать,

Но как существовать не угорая,
Коль фимиами струится словно чад
И только славословия звучат?..

<11 мая 1960>

«Среди бар и мужиков...»

Среди бар и мужиков,
При прощаньи и при встрече,
Наш советский Хлестаков
Не обходится без речи.
Но каков бы ни был фон,
Тот же ляпает узор
Всесоюзный грамофон
И всемирный «миротворец».

<23 мая 1960>

«Юпитер сердится, а значит он не прав...»

Юпитер сердится, а значит он не прав: —
В земную метя цель, попал он пальцем в небо,
Но смертным для чего показывать свой нрав,
Ведь на Олимпе есть жена-богиня Геба.
Так вознесись туда и, лежа на печи,
Там громы ты в нее и молнии мечи.

<25 мая 1960>

«Целый день ты трешься средь собак...»

Целый день ты трешься средь собак,
Надрываясь в «пиль», «тубо» и кличках,
А стемнеет – тащишься в кабак,
Хоть живешь у черта на куличках.

Чтобы псам в развитии помочь,
Ты завел особенные баки,
Став физиономией точь-в-точь
Неким подобием собаки.

А на людях, всем наперекор,
Ты с шпионско-сыщицких романов
Сразу переводишь разговор
На бульдогов и на доберманов.

А когда под ой-ру и матчиш
Вкруг пойдет наполненная чарка,
Ты от удовольствия рычишь
Словно волкодав или овчарка.

Нет, брат, нужно дело и досуг
Сообразовать в созвучьи с веком!
Разве ты средь кобелей и сук

Сделаешься новым человеком?..

Ты от жизни прячешься в кусты,
Так нельзя, брат!.. Сядь-ка, да побачим:
Ведь совсем окобелился ты,
Пребывая в обществе собачьем.

<26 мая 1960>

«Ясень, осина, береза, ольха...»

Ясень, осина, береза, ольха...
Небо к востоку чуть-чуть розовеет,
Ветер отсутствует, роща тиха,
Лишь предрассветною свежестью веет.

И через миг ты почувствуешь вдруг: —
Явь это – сон, а действительность – греза,
Если тебя обступили вокруг
Ясень, осина, ольха и береза.

1 июня 1960

«Я – не я, и лошадь не моя!..»

«Я – не я, и лошадь не моя!..»

Этот постоянный наш девиз
Даже в чужеземные края
Ныне отправляется без виз.

Для чего нам думать да гадать,
Ведь с горы что надобно видней,
Если свет, так это – благодать,
Если тьма, – мечтали мы о ней.

Нынче этак, послезавтра так,
В среду – да, а в понедельник – нет,
Что в апреле ценится в пятак,
В мае будет стоить сто монет.

Подан знак и сразу все встают,
И, подобострастья не тая,
Хором, как положено, поют:
«Я – не я, и лошадь не моя!..»

<4 июня 1960>

«У нас с тобой сегодня праздник, Муза...»

У нас с тобой сегодня праздник, Муза:
Пятидесятилетие союза,
В который мы с волнением в крови
На утре лет вступили по любви.

Свершилось как бы жизни озаренье,
Когда в шестнадцать строк стихотворенье,
При помощи твоей, из мира грез
Впервые я в тетрадку перенес.

И пусть не раз, не два за эти годы
Нас на пути встречали непогоды,
Но средь тревог, тоски и темноты
Меня всегда поддерживала ты.

Мы прожили полвека не впустую,
И нынче нашу свадьбу золотую
Приветствуют великолепный день
И распускающаяся сирень.

11 июня 1960

«Что ты жадно глядишь из окошка...»

Что ты жадно глядишь на дорогу...
Н. А. Некрасов

Что ты жадно глядишь из окошка,
В стороне от бездомных подруг,
Видно, ты растревожилась, кошка,
Что глаза твои вспыхнули вдруг?

И зачем, громыхая бутылкой,
Ты за мухою прыгаешь вмиг?
На тебя с глуповатой ухмылкой
Загляделся прохожий мужик.

На тебя заглядеться не диво,
Утащить тебя всякий не прочь;
Скачут резвые блохи игриво
По спине твоей черной как ночь.

Не гляди в переулок Калашный,
Зазевавшихся мух не лови,
И такую закускою страшной
Добровольно себя не травь.

Зря своих коготков не топыря,
Ты уймись, желтоглазая Пыря:
Мухи сдохнут к зиме, а мужик
Ловит кошек, чтоб сшить воротник.

1962 г. 19 сентября. Среда.

Москва

«Кверху ушки оттопыря...»

Кверху ушки оттопыря,
Вороша за шкафом хлам,
Грациозно скачет Пыря
По скамейкам и столам.

Не капроновую юбку,
Ей природа для красы
Сшила бархатную шубку
И приклеила усы.

А когда ее дремота
Клонит долу, в полусне
Мне она мурлычет что-то
И ласкается ко мне.

И за песенку и ласку
Я сегодня воспою
Черношерстку златоглазку, —
Киску милую мою.

*1962 г. 15 декабря. Суббота.
Москва*

Д. И. Шепеленко («То поясница, то коленка...») Надпись на книге

То поясница, то коленка,
То ноет здесь, то там болит,
А значит, Дмитрий Шепеленко,
Теперь я тоже инвалид.

В такие годы – тут хоть тресни! —
Мы по велению судьбы
Приобретаем и болезни
И, кстати, палку для ходьбы.

Так пусть поэзия поможет: —
Ведь вместо жирной требухи
Нам запретить никто не может
Вкушать нежирные стихи.

И Вам свою вручая дочку,
Которой тридцать восемь лет,
Я в заключение ставлю точку
И шлю лирический привет.

1964 г. 22 марта. Воскресенье.

Москва

М. М. Марьяновой **(«Извините Бога ради...»)** **В альбом**

Извините Бога ради,
Что до нынешнего дня
Вы в автографной тетради
Обходились без меня.

Прогоню сейчас же лень я
И уже без промедленья
Залатаю сей пробел,
О котором так скорбел.

И со мною, не старея,
В ритмах легкого хорея,
Заведут свой хоровод
Рифмы звонкие – и вот

Для сердечного помина
Строки стройные весьма
От поэта Ник-Ник-Мина
Поэтессе Ма-Ми-Ма.

1964 г. 12 мая. Вторник.

Москва

А. Я. Марееву («Почти что год, как на прощанье...»)

Почти что год, как на прощанье,
Перед собой и мной греша,
Ты повторяешь обещанье
Мне дать напиться из ковша.

Но, видно, требуется чудо,
Или настырность Лейб и Мовш,
Чтобы извлек ты из-под спуда
На воздух кованный свой ковш.

Не маг я и не из евреев,
Я как и ты русак-москвич,
Ах, Саша, Саша!.. Ох, Мареев!..
Эх, Александр Яковлевич!..

1964 г. 9 июля. Четверг.

Москва

Стихи неизвестных лет

«Облаков белоснежные нити...»

Облаков белоснежные нити
От закатных лучшей розовея,
В победившей лазури парите
Сновиденьями сладкими вея.
Убаюкайте тенью надежды
Утомившихся в жизненной битве,
И сомкните усталые вежды
День проводших в труде и молитве.
И когда на траве заблистают
Летней ночи алмазные слезы, —
Вы бесследно растайте, как тают
Обманувшие юные грезы.

Летним вечером («Солнце село... Нежной краскою...»)

Солнце село... Нежной краскою
Рдеет неба полоса...
Теплый ветер с тихой ласкою
Мне колеблет волоса.
Я стою как очарованный,
Негой вечера объят,
И слегка листвою взволнованной
Липы сонные дрожат.
Я мечтаю, – снова радостный, —
Грудью полною дыша,
Тишиной вечерней благостной
Проникается душа.
В ней смолкают все волнения.
Дремлет скорбь, забота спит,
И лишь пламя вдохновения
Ярким светочем горит.

«Увешан пурпурными кистями...»

Увешан пурпурными кистями
Сад в сентябре вдвойне милее...
Шурша поблекнувшими листьями,
Иду по кленовой аллее.
Как утомленно-ярки прелести
Перед кануном увяданья!
И в каждом вздохе, в каждом шелесте
Я чую скрытое страданье.
Везде, во всем сквозит уныние,
Тоска пред чем-то неизбежным,
И только небо бледно-синее
По-прежнему осталось нежным.
Душа томится неразгаданным
И почему-то видеть странно,
Что над водой кадильным ладаном
Повисло облако тумана.
А листья падают и падают,
Как обманувшие надежды,
И взор внимательный не радуют
Их разноцветные одежды...

А. Л. Соболев.

Биографический очерк

Ожесточившиеся в многолетних войнах, раздосадованные чередой поражений, свирепые ливийские, нумидийские, греческие наемники заняли древний город. Государственная казна и без того была скудна, а чудовищная контрибуция Риму истощила ее досуха; в результате двадцать тысяч человек, вернувшиеся из неудачного похода, остались без обещанного жалования – так невыплаченная зарплата меняет мир. В ярости и остервенении бросились они крушить богатые дворцы карфагенян, особенно свирепствуя в обители ненавистного Гамилькара Барки. Нервно пиликали скрипки. По длинной темной лестнице, заботливо декорированной К. Коровиным, плавно спускалась высокая женская фигура. Музыка подчеркивала торжественность момента. Все взгляды прикованы к медленно спускающейся дочери полководца: полный зрительный зал (до пожара, сгубившего коровинские декорации в 1914 году, спектакль «Саламбо» неизменно шел с аншлагом), завистливые коллеги, технические сотрудники, нервный режиссер. Все смотрят на нее! – кроме нас, поскольку мы должны в эту мину-

ту, когда все вдруг замерло, отыскать взглядом среди исполинской массовки пятнадцатилетнего танцовщика, известного нам только по нечетким фотографиям¹. Сегодня, 31 октября 1910 года, он впервые выступает на сцене Большого театра²; Эвтерпа и Терпсихора спорят за право властвовать над его душой. Его зовут Николай Николаевич Минаев.

Он родился 1 мая 1895 года в Москве в мещанской семье³. Об отце его мы не знаем ничего, кроме имени (Николай Васильевич) и предположительной даты смерти (1904); о матери известно немного больше. В адресных книгах они не значатся; юридически

¹ Ради связности сюжета пришлось пойти на небольшую уловку: мы доподлинно знаем, что он исполнял роль Ганнибала (афиша – ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед хр. 297), но был ли он на сцене во время знаменитого нисхождения заглавной героини – установить не удалось.

² Формально – нет, он появлялся на этой сцене еще 7 января 1910 года, согласно афише, отложившейся в его архиве (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед хр. 295), причем в опере «Руслан и Людмила», в роли Черномора. Некоторое время было посвящено лихорадочным соображениям на тему того, как артист балета может выступать в опере, покуда не выяснилось, что роль эта – без слов.

³ Обоснование даты рождения, отличающейся от общепринятой (в частности – значащейся в единственной на сегодняшний день биографии Минаева: Кеда А. А. Минаев Николай Николаевич//Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М. – П. М., 1999. С. 77–79) см. на с. 576–577. В весьма скудной литературе о Минаеве выделяется чрезвычайно удачный очерк: Молодяков В. Bibliophilica. М., 2008. С. 272–282.

семья приписана к Красносельской слободе, но первый адрес, который попадаетеся нам в собственных бумагах Минаева – и который останется с ним более чем на полвека – Известковый, 3. Малютка-переулок недалеко от Таганки, зажатый между идущими на-со Аристарховым и Большим Дровяным, образовывал вместе с ними полуфантомный московский топоним «Землянка»; типичная окраина. В 1920-е годы, наспех набрасывая свою автобиографию, Минаев эклектически соединит старые и новые мифы, сдобрив их щепоткой незамысловатого юмора:

«Я родился в Москве в 1895 г. 1 мая в день Интернационала, тем самым подчеркнув свою солидарность с трудящимися всего мира. Относительно моих отдаленных предков мне ничего не известно. Правда, очень приятно сознавать, что твои предки за попытку свержения капиталистического строя были вынуждены эмигрировать в Россию из Мексики, Бразилии или Перу, но к великому сожалению утверждать этого не могу, так как, если это и соответствует действительности, все же никаких удостоверений и документов не сохранилось.

Стихов мои предки, кажется, не писали, за что я им весьма благодарен. Очевидно они все свои поэтические задатки берегли для меня. Впрочем, все же был поэт Д. Д. Минаев, но он больше предок Есенина с

одной стороны и Маяковского с другой нежели мой»⁴. (Тень однофамильца – блестящего версификатора со столь же тавтологичными именем и отчеством – будет следовать за ним всю жизнь).

Быт и занятия семьи Минаевых для нас труднообразимы, а предубеждение против их класса велико: столичное мещанство оставило мало летописцев и воспоминателей (вообразите себе мемуары продавщицы, записки приказчика!). Это же касается и литературных родословных – поэт-крестьянин последние два века (от Слепушкина до Есенина) мог рассчитывать на живое любопытство и авансом испытанную приязнь; Брюсову пробковый заводик поминают и поныне. Сохранившиеся письма Маргариты Павловны Минаевой, матери поэта, выдают в ней натуру чистую и пылкую: написанные аккуратным разборчивым почерком, безупречно литературные, они содержат изрядное количество трогательных поучений («Остерегайтесь зелени и холодной сырой воды, следи, мой дорогой, чтобы был порядок, не расстраивайся, не сердись, будь похладнокровней, умеи сдерживать себя, придет время – сам поймешь, что это вредно и нехорошо»⁵), но совсем немного биографических подробностей. Периодически звучат мягкие сето-

⁴ ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 2.

⁵ Письмо от 4 июля 1910 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 2 об.

вания на безденежье («Я сижу почти совсем без денег, первого все получили, а я при пиковом интересе так как забрала вперед перед отъездом и уже пришлось занять у кассира немного»⁶), рассказы о прочитанных книгах, редкие путевые впечатления. Возможно, она служит машинисткой («дома работаю на машине»⁷); с какого-то момента ее письма запечатываются в фирменные конверты «Акционерное общество Граммофон. Главная контора и склад» – полагаю, это и есть место ее работы.

Каждое лето она, в согласии с тогдашней практикой, отправляла детей на три месяца в деревню; одно из напутственных писем, отправленных сыну, выразительно рисует ее психологический портрет:

«Дорогой мой, я сознаю, что тебе не весело, но в Москве было бы гораздо и скучнее и вообще хуже. Конечно, только ты со мною и я и ты мы оба были бы покойнее ведь я знаю тебя ты не особенно покоен вдали от меня, но дорогой мой мальчик, успокойся, тебе надо отдохнуть, самое главное, и отдохнуть хорошо, но где же можешь ты получить столько спокойствия, как именно не здесь, где ты находишься. Ведь как мы с тобой ни ссоримся, мой дорогой сынок, но мы очень, очень друг друга любим и давай дадим себе оба сло-

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

во никогда серьезно не раздражаться и чтоб между нами не было никаких недоразумений и ссор тем более»⁸. Иногда поездка в деревню заменялась вояжем в Нижний Новгород, где жила семья его дяди И. П. Сидорова, техника Нижегородской ярмарки. (В скобках сказать, вынужденная литературоцентричность сильно сужает нашу, и без того слабоватую, оптику: какие сюжеты, какие судьбы проходят мимо нас, если на них не падает слабый лучик художественного слова! Дядя Минаева – образованный, остроумный, легко и с удовольствием переходящий в письмах с прозы на стихи и обратно – в 1917 году затеял было, предчувствуя массовый спрос, уйти на повышение на пулеметный завод во Владимире, но, быстро сообразив, устроил себе совершенный дауншифтинг, скрывшись в нижегородских лесах, где пробавлялся бортничеством до конца 1920-х годов, когда следы его потерялись).

Всего детей было трое: около 1896 года родилась Антонина и около 1900-го Евгений. Редкие герои минаевских эпиграмм и инскриптов, они пройдут почти вне освещенного поля: Евгений, после каких-то неловкостей с басмачами в Средней Азии, окажется в Москве на среднеюридических должностях; Антонина будет работать бухгалтером⁹. Впрочем, пока судь-

⁸ Письмо от 11 июля 1910 года//Тамже. Л. 16 об. – 17.

⁹ Наличные сведения об их биографиях см. в комментариях (с. 705–

ба их не только еще не разлучила, но даже поставила рядом – на одной рукописной театральной афишке, где их роли распределились в высшей степени провиденциально: Женя Минаев демонстрировал упражнения с гириями, Антонина читала стихотворение Никитина, а наш герой (по свойски обозначенный в афишке домашним именем «Ляля») декламировал басню и изображал снежинку. Дело было 7 июля 1907 года на подмосковной даче М. В. и Н. Ф. Шемшуриных¹⁰, любителей и знатоков народного театра; двадцать лет спустя Минаев напомним им: «Пусть исчезли те года, / Пусть те радости иссякли, / Все же в памяти всегда / Ваши детские спектакли. / Беспечально время шло, / Горизонт казался чистым, / Было ясно и тепло / Режиссерам и артистам»¹¹.

При ретроспективном взгляде на его биографию отчетливо видны несколько ключевых поворотных точек: перемена траектории, избавление от смертельной опасности, счастливая встреча. Одна из них падает на 1904 год, когда уже сложившаяся, казалось, ровная линия ближайших нескольких лет вдруг, надло-

706).

¹⁰ Афиша: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 289.

¹¹ Все стихотворения Минаева, включенные в эту книгу, здесь и далее цитируются без ссылок. Следует (но не знаю как) отличать от них цитирующиеся без ссылок же строки разных поэтов, которые автор полагает хрестоматийными.

мившись, направляет его судьбу по другому руслу. В этом году, по достижении Минаевым одиннадцати лет, его мать затребовала и получила следующую официальную бумагу:

«Свидетельство

Дано из Московской Мещанской Управы мещанке Красносельской слободы Маргарите Павловой Минаевой для представления в одно из средних учебных заведений при поступлении в оное сына ее Николая Николаева Минаева в том, что в Московском мещанском сословии по Красносельской слободе под № 1152 значится записанным Николай Николаев Минаев в семействе родителей отца Николая Васильева Минаева, ныне умершего и матери Маргариты Павловой Минаевой, веры Православной, родился 1го Мая 1893-го <так!> года, и что со стороны Мещанской Управы не встречается препятствий к прохождению ему курса наук в учебном заведении, в московской 5-й гимназии.

Настоящее свидетельство не может служить видом на жительство, а должно быть представлено в учебное заведение.

Мая 4 дня 1904 года»¹².

5-я гимназия на ул. Поварской, куда собирал бумаги Минаев – классическое московское учебное заве-

¹² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2398. Л. 3.

дение с вольным духом, титулованными преподавателями и легендарными учениками. В 1900-м году сюда поступал Пастернак (фактически он пошел в 1901-м году сразу во второй класс); в 1906-м году в 4-й класс перешел из кутаисской гимназии Маяковский. Во взрослой жизни Минаев первого не замечал, а ко второму испытывал устойчивую неприязнь («Сажённый рост, фигура Геркулеса, / Размашистость и митинговый зык; / И вот гремишь как ржавое железо, / Чудовищно коверкая язык» etc), – восходят ли эти чувства к личному знакомству? Или, напротив, неслучившаяся встреча лишила его шанса идти в литературу в кильватере будущей знаменитости? О пребывании Минаева в гимназии сведений нет никаких – успел ли он проучиться там хотя бы год? Потому что уже через некоторое время он перейдет в заведение, оставившее намного больший след в его судьбе – в Московское Театральное Училище.

Как известно, балет и опера в России – дело государственное («в имперский мягкий плюш...», – было сказано почти спустя столетие) и, кажется, ни одна из видных историче-ских отраслей бескрайнего хозяйства не функционировала в любезном отечестве с таким продуманным ладом. Стоит сказать, что только по московским заведениям Императорских театров (а главные дела творились все-таки в столице) дважды

в неделю типографским способом издавался информационный бюллетень (практически, собственная газета), входивший в самую суть вещей:

«Вследствие появления у артиста балетной труппы В. Никитина инфекционного заболевания, всякие сношения по службе в ИМПЕРАТОРСКИХ театрах с ним и с живущими в его квартире должны быть прекращены впредь до окончания карантина».

«Курьер драматической труппы Николай Парфешкин из разрешенного отпуска явился в срок».

«Портному Владимиру Редькину разрешен отпуск на родину с 12-го по 22-е сего Апреля с сохранением содержания, по домашним обстоятельствам»¹³.

Будущие оперные и балетные звезды готовились к своему поприщу в Петербургском и Московском Императорских театральных училищах, где были балетное отделение и драматические курсы; в свою очередь, в первом из них находились мужские и жен-

¹³ Цитирую по экземпляру, хранящемуся: РГАЛИ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 9. Одно время каждый выпуск венчали две фамилии, сами по себе имевшие сугубо театральное звучание: «Исполняющий должность управляющего конторой Н. фон-Бооль», «Регистратор Дворец-Дворецкий».

ские классы¹⁴. Мужское балетное отделение Московского училища (далее мы будем говорить в основном о нем) состояло из четырех классов: приготовительного (занимавшего два года) и трех годичных; таким образом, полное обучение продолжалось пять лет. Учебные занятия практически повторяли курс городского училища: Закон Божий, русский язык и литература, арифметика, история, география, чистописание и рисование. Задача заведения определяла реестр специальных предметов: танцы балетные, танцы бальные и характерные, мимика, исполнение балетов и дивертисментов; музыка, фехтование, военные приемы и хоровое пение. В балетное отделение принимались дети христианского вероисповедания, всех сословий, с 9 до 11 лет (в исключительных случаях разрешалось расширить этот диапазон на год), умеющие читать и писать по-русски. Обучение было бесплатным. Учащиеся постоянно бывали в Малом театре (где за ними была закреплена особая ложа). По окончании училища ставился экзаменационный спектакль, на котором присутствовали антрепренеры лучших театров; обычно свежее испеченные актеры здесь же заключали первые в своей жизни ангаже-

¹⁴ Здесь и далее нюансы балетного образования излагаются по книге: Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина. Два века истории в документах. М., 2013.

менты. Полная статистика по Театральному училищу до наших дней не дошла, но известно, что число одновременно обучающихся воспитанников не превышало нескольких десятков. И здесь мы неожиданно («мало в нем было линейного») должны вернуться к вопросу о годе рождения нашего героя.

У нас есть две главных версии: 1 мая 1893 года (эта дата содержится в процитированном выше «свидетельстве» 1904 года) и 1 мая 1895 года (его он сам называет в автобиографии). 1893 год значится в следственном деле, в главной словарной статье о Минаеве и широко разошелся по литературе. Напротив, 1895 встречается лишь в собственной его автобиографии, в справочнике И. Н. Розанова¹⁵ (не исключено, что со слов самого автора) и в нескольких поэтических автохарактеристиках («Семнадцать Вам, мне тридцать лет», – ст-ние 1926 года¹⁶). Но при этом через призму образовательных формальностей 1895 год выглядит куда как логичнее: в гимназию естественнее поступать в 10 лет, нежели в 12; в театральное училище (которое Минаев закончил в 1912 году¹⁷,

¹⁵ Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. Библиографическое описание. М., 1975. С. 181.

¹⁶ Ср. также: «Быль за сказку принимая / Словно Дон-Кихот, / Шестьдесят шестого мая / Встретил я приход» (1959).

¹⁷ См.: Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина. Два века истории в документах. М., 2013. С. 388.

так что начать должен был в 1907) 14-тилетних не принимали категорически, а 12-летних – вполне возможно и т. д. Поэтому в дальнейшем – и до обнаружения бесспорных доказательств (например, оригинала записи о крещении) я намереваюсь придерживаться варианта «1895».

Пять лет обучения классическому балету не оставили следа в его стихах (если не считать таковым тягу к плавности, – заметил бы критик венгеровской школы), но были запечатлены россыпью архивных мелочей. 17 мая 1908 года (т. е. на второй год обучения, если верна наша хронографическая реконструкция) он получил грамоту за успехи в учебе¹⁸; 7 января 1910 года он играл Черномора в опере Глинки; 4 марта 1911 года он исполняет неизвестную нам роль в «Ревизоре» на сцене Малого театра¹⁹; 31 октября 1910 и 6 марта 1911 – танцует в «Саламбо» (с чего я начал свое правдивое повествование); 11 мая 1912 года получает похвальный лист за успехи в науках и балетных танцах²⁰. Это ознаменует окончание учебы; неделей позже на его домашний адрес приходит письмо следующего содержания:

«Дорогое мое дитя, Коля Минаев, позволь

¹⁸ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 290.

¹⁹ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 296.

²⁰ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 299.

мне сегодня, когда ты навсегда распростился с училищем, выразить тебе те чувства, которые волнуют меня, твоего старого воспитателя. Мне грустно думать, что с этих пор я не буду тебя видеть каждый день, как это было до сих пор, что скоро пропадут для тебя школьные интересы, которые нас так сближали, что я потеряю право оказывать на тебя даже то незначительное влияние, которое было в моей власти. Такое чувство приходится испытывать воспитателям каждый год. Уж такое наше дело. Мы, точно ямщики, довозим вас до известного предела, откуда вы отправляетесь на собственных ногах. Но разлуку с твоим выпуском и особенно с тобою я чувствую острее. Как сейчас вижу тебя маленьким мальчиком; теперь уж ты молодой человек, и за все это время мне не приходит в голову ни одного горького воспоминания. И это не потому, что я тебя очень люблю, — все хвалят тебя и твоих товарищей и ставят вас в пример девочкам. Я, может быть, имею формальное право гордиться таким воспитанником, как ты (хотя я прекрасно знаю, как ничтожна здесь крупица моего влияния), но я еще более дорожу своей обязанностью быть признательным тебе и твоим товарищам. Прими же, мой милый, мою сердечную благодарность за твое милое и доброе отношение ко мне и передай мою благодарность маме. Скажи ей, что если бы все ученики у нас

были как ты, то мне, как воспитателю, было бы так хорошо, что умирать не надо»²¹.

Автор его – Евгений Васильевич Шаломытов (1873– после 1917) – потомственный театральный работник; сын артиста; выпускник МГУ, вернувшийся в лоно родной дирекции Императорских Театров в качестве воспитателя, заменявшего порой учителей²². Для Минаева 1910-х годов – это один из главных собеседников и корреспондентов, о чем можно судить и по частоте ответных писем (архив Шаломытова пропал) и по множеству посвящений в минаевских ювенилиях. Но – поразительная вещь – о поэтических опытах своего любимого воспитанника и регулярного корреспондента Шаломытов узнал пять лет спустя после первого стихотворения и через два года после дебютной публикации – и то случайно:

«Прости, что так долго не писал, и не ответил тебе. Чувствую себя не важно. Не здоровьем, конечно. Не откликнулся даже на такую капитальную новость, что ты поэт. Не подумай, однако, что я хладнокровно отнесся к этому открытию. Наоборот, даже почувствовал некоторую гордость, что воспитал пииту. Может

²¹ Письмо 17 мая 1912 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 3 об. – 4.

²² Все сведения – из его личного дела // РГАЛИ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 113.

быть в будущей биографии и мне будет отведено полторы строчки и таким образом я не умру для потомства. Жаль только, что я узнал об этом стороной. Может быть, будет Ваша милость, пришлешь мне для образца оду или буриме? Как бы то ни было, поздравляю от всего сердца»²³.

И – две недели спустя:

«Весна уже в разгаре... однако не в этом дело, а в том, что ты, хитрый крокодил и пинкертон, писал исподтишка стишки, печатал, может быть подносил кому-нибудь свои произведения с надписью «от автора» и ни единым словом не обмолвился об этом передо мной, хранителем, так сказать, твоей юности, так что я рисковал даже быть подстреленным чем-нибудь немецким и умереть, так и не узнав обо всем этом. По-видимому тебя и теперь это нисколько не тревожит, п. ч. ты ни слова не ответил на письмо, в котором я пенял тебе за скрытность. Будь же человеколюбив, отзовись и пришли хоть несколько строчек своей поэзии. Надеюсь, что ты не футурист»²⁴.

В этом – важная черта психологического портрета нашего героя: взаиморезонирующие скрытность и гордость, заставляющие его строго дозировать ин-

²³ Письмо 23 марта 1915 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 1.

²⁴ Письмо 16 апреля 1915 года // Там же. Л. 3 об.

формацию, касающуюся столь важного дела. Тем более, что первый опыт в этой области был довольно болезненным.

Дебютное стихотворение Минаева датировано 29-м мая 1910 года. Второе появилось два месяца спустя; третье – еще через два месяца. К весне 1913 года их было уже более двух десятков (сужу только по сохранившимся) и об их существовании, похоже, не знала ни одна живая душа. Около этого времени он делает то же, что и тысячи его сверстников, сдавшихся поэтической лихорадке: запечатав стихотворение в конверт, отправляет его в редакцию популярного журнала. Выбор адресатов здесь по-своему показателен: не чувствуя собственной манеры и не имея очевидных учителей, он подбирает журналы, столь же безликие, как и его собственные стихи; не исключено, впрочем, что в учет берется и практическое соображение: в «Живописное обозрение» очереди должны быть поменьше, чем в «Аполлон». Первые отклики не заставляют себя ждать: «Глубокоуважаемый Товарищ! Раньше Ваших писем я не получал кажется, а теперь скажу стихи ничего себе, но так как завалены ранее присланными стихами не знаю когда придется пустить, скоро не обещаю»²⁵. Впрочем первый успех

²⁵ Письмо С. Е. Ганыпина из журнала «Живое слово» от 16 мая 1913 года (п.ш.) // ГЛМ. Ф. 383. Оп. ЕЕд. хр. 266. Л. 1. Сергей Евсеевич Ганы-

приходит довольно быстро – и уже 9 июля 1913 года редакция журнала «Весь мир» объявила о том, что одно стихотворение принято к публикации. Буквально несколько дней спустя оно было напечатано. Этой радостью стоило поделиться.

В начале 1910-х годов несколько раз подряд Минаев проводил летние вакации в подмосковном Клину; в заботе о будущем биографе он написал в 1914 году большое сатирическое стихотворение «Клин летом», где легкими штрихами набросал галерею своих тамошних знакомых: «Борис Дерягин реалист / Блуждает с Маней вдоль аллеи, / Усат, огромен и плечист / Сидит на лавке казначей», «А Лиза с Шурую сидят / С студентом где-нибудь тайком, / И до забвенья говорят / О чем-то важном и большом» etc. Из всех этих смутных фигур (загробный покой которых мы только что потревожили впервые за столетие) одна вдруг обретает довольно зримые черты – это Лиза из последнего катрена, которой, собственно, и посвящено все

пин (1878–1953) – симпатичный поэт-самоучка из крестьян, один из бесчисленных любимцев Горького. Из журналов с отчетливо выраженной поэтической физиономией Минаев посылал стихи в «Млечный путь» – и удостоился довольно надменного ответа: «Редакции нравятся Ваши стихи и одним из них мы воспользуемся для ближайших №№. Ожидая от Вас дальнейших присылов, берем на себя смелость советовать Вам больше работать над стихом и избегать избитых слов и рифм» (письмо от 17 января 1914 года (по п. ш.)/ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 264. Л. 1). Стихи Минаева в «Млечном пути» напечатаны не были.

стихотворение. В архиве сохранилось три пачки ее писем к Минаеву – и из них под звуки девичьего щелбания (впрочем, очаровательного) извлекается кое-какой биографический субстрат: звали ее Елизаветой Гусевой, была она клинкой учительницей, преподавала русский язык и словесность, любила театр, писала стихи. Минаева она называла «Звездочка». В сентябре 1913 года он отправил (или вручил) ей какой-то свой рифмованный текст, не доживший до наших дней; в ответ она посылает ему письмо с легким, почти кокетливым упреком: «Почему Вы, Коля, написали такую злую сказку? А я и не подозревала, что Вы мне немного товарищ, – оказывается Вы поэт в своем роде, – а я и не предполагала, и не узнала в Вас “коллегу по писательству”»²⁶.

Судя по всему, он пришел в совершенную ярость: особенно его обидело «в своем роде». Не ожидавшая, судя по всему, такой реакции Гусева вынуждена была подробно оправдываться:

«Вы обиделись, Коля, на мое «поэт, в своем роде». Простите я совсем, совсем не хотела Вас огорчить. Сознаюсь, что я чуть-чуть, немножечко иронизировала, думая, что Вы пишете только шутки.

²⁶ Письмо 21 сентября 1913 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 7 об. – 8.

Я думала, что Вы любите и служите искусству по-другому – сцене, мечтаете о карьере артиста, и никак поэтому не ожидала встретить в Вас себе, так сказать, коллегу по писательству, и Вы никогда ни одним словом об этом мне не обмолвились, но почему? Я понимаю, говорить всем или вообще об этом не стоит, но ведь я «коллега», одна и та же цель, один и тот же бог, которому мы начинаем молиться... Пусть даже, если бы у нас были мечты, утопия, – и это ценно, но я не думаю, что утопия, почему правда не может мечта осуществиться в жизни, – разве нет данных для этого? Я чувствую в себе силы и способность писать, лица компетентные говорят, что у меня больше чем только способность. Я верю и нет (бывают сомнения), и все-таки чувствую, что да, не знаю только степень ее. Итак мне даже теперь немножко обидно за Вашу недоверчивость, во всяком случае, когда бы Вы мне сказали, то я не отнеслась бы скептически, ни иронически, – я слишком серьезно на это смотрю. Но почему, Звездочка, Вы мне не говорили, разве Вы меня не узнали? Но теперь давайте поправим это. Во-первых, я беру назад слова «в своем роде», и Вы забудьте их, я Вам искренно объяснила причину этого, и причина не обидная, да? Я рада, что встретила человека, товарища по работе и цели, – ведь не ошибаюсь, да? И давайте будем товарищами и друзьями, – нас объ-

единит наше любимое дело, общность интересов... – согласны, Звездочка? Я рада, что Вы сказали о своей склонности, и знаете у меня было очень хорошее чувство, когда я узнала это. А теперь вот что, пришлите мне Ваши стихотворения, – мне очень хочется их почитать. А где было напечатано Ваше стихотворение, и когда? Коля, если можно, не пришлете тот журнал, где оно напечатано»²⁷.

Адресат упорствовал в своей обиде, так что несколько дней спустя вослед полетела новая порция увещаний:

«Коля, Вы нехорошо делаете, что отказываетесь показать мне Ваши стихотворения. Почему Вы думаете, что неинтересно? Напротив, скажу это очень интересно. И почему Вы до печати не хотите показать, и неужели уж так нет ни одного совершенно готового? Нет, это просто пустая отговорка. И к чему Вы хотите поломаться? ... Нет, Коля, Вы как хотите, а все-таки Вы мне пришлите некоторые стихотворения, да например то, которое у Вас напечатано, Вы можете переписать в письмо, я у Вас журнал и не прошу, я понимаю, как он должен быть Вам дорог...»²⁸.

²⁷ Письмо 5 октября 1913 года // Там же. Л. 11–12.

²⁸ Письмо 14 октября 1913 года // Там же. Л. 15 об.

Эта переписка, прерываемая обидами, не встречами, взаимными посвящениями и сатирическими уколами, продлится еще два года, закончившись напутствием: «А как Вы думаете, Коля, должно быть, мы чувствуя назвали Вас: «Звездочка», – пожалуй в будущем засияете яркой звездой. Я уверена, что оно станет пророческим. Будет второй известный поэт Минаев»²⁹. За это время наш герой напишет несколько десятков стихотворений; примерно треть их будет напечатана. Разнообразие манер, продемонстрированных им в этих опытах, почти утомительно: это выглядит, как первый подступ к настройке музыкального инструмента неопытным мастером или, наоборот, какая-то просодическая каменоломня. Тот дивный лирический протеизм, который два десятилетия спустя станет фирменным знаком его поэтического голоса, предстает пока чередой несмешных пародий. Двукратно разведенный Никитин («Ах, какая воля!.. Ах, какой простор!..»), социальная сатира («Шум, говор, крики, веселие пьяное... / Яркие носы от вина покрасневшие...»), разночинный гоготок («Молодой пастух Егорка / Хочет утопиться»), подражание школьному фольклору («Перед вошью с длинным носом / Скачет печь на сковородке»)... вся эта какофония (педантически, кстати, включенная мною в книгу) изредка пре-

²⁹ Письмо 1 ноября 1915 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 10.

рывается чистым человеческим голосом, справедливо обещающим скорое становление собственной личности поэта.

Медленно преодолеваемая расфокусировка лирического зрения хорошо видна на примере стихотворений военного цикла. С первого дня войны Минаев (впрочем, вместе со всей – за редчайшим исключением – поэтической ротой) стал изготавливать в большом количестве стихи про врагов и святое дело, превосходя в деле насильственного патриотизма известные образцы. И в эти же дни он, обращаясь к собственному дядюшке с рифмованным поздравлением, заключает его пожеланием: «Чтоб судьбе своенравной назло / Вы бы стали ужасно богаты, / Чтоб Вам в жизни чертовски везло, / И чтоб Вас не забрали в солдаты!». Самому Минаеву эта опасность не грозила: по окончании школы он был приказом министра Императорского двора зачислен на действительную службу артиста балетной труппы Императорских Московских театров, что в военное время приравнивалось чуть ли не к нахождению на передовой³⁰. (На самом деле – не вполне – и в сентябре 1915 года он безуспешно подавал документы о зачислении в офицерское училище³¹). Рука военного ведомства дотянулась до него

³⁰ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2398. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 32а.

25 октября 1917 года (как мы увидим и впредь, судьба выбирала для вмешательства в его дела непростые для страны дни): ему было предписано явиться для прохождения воинской повинности. На повестке полагалось поставить подпись: судя по сохранившемуся бланку рука его ощутимо дрожала (или просто затупилось перо)³².

Привычной рукой отвечая в советской анкете на вопрос о роде собственных занятий в 1917–1919 годах, Минаев был крайне лаконичен: работал танцором в Большом театре. Балетная его карьера не складывалась – по недостатку истовости, из-за недостаточных физических кондиций или от перемены музыки – по крайней мере, все его роли были второстепенные; впрочем, современники хвалили его Коробейника из «Конька-горбунка». В его стихах этого времени текущие события не нашли отклика вовсе: не только революция, но и смерть нежно любимой матери (1920³³)

³² Там же. Л. 12–12 об.

³³ В бумагах Минаева годом ее смерти иногда указывается 1919; переправляю согласно с некрологическим письмом И. П. Сидорова, датированным 8 апреля 1920 года: «Если бы вы только знали, как нас поразила смерть Маргариты Павловны, долго не могли поверить, что ее нет и никогда больше не увидишь ее в хлопотах, в заботах о семье. Мы, конечно, как следует хорошим христианам, как получили Ваше письмо, сейчас же отслужили панихиду, затем служили в 40-й день» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 7).

никак не были запечатлены, по крайней мере в сохранившихся текстах. Этот творческий эскапизм имел в себе нечто алхимическое: самостоятельная манера вызревала в тигле, отгороженном от каких бы то ни было внешних влияний.

К рубежу 1918/1919 годов поэтическая система стала обретать координаты, которые, отвердев, остались с ним на всю жизнь: «Массивный книжный шкаф уходит в потолок, / В нем собраны стихи поэтов разных вкусов, / Здесь к Северянину прижался плотно Блок, / И с Фофановым в ряд стоят Кузмин и Брюсов». В мае 1919 года, уже после обретения собственного голоса, он делает то, с чего его современники обычно начинали свою литературную карьеру – пишет письмо Брюсову:

«Мне очень бы хотелось знать Ваше откровенное мнение о моих стихах, препровождаемых вместе с письмом, как поэта для меня наиболее авторитетного в современной поэзии. Мне кажется, что у меня все-таки есть кое-какое поэтическое дарование и мне хотелось бы узнать от Вас о недостатках моих стихов, особенно о технической их стороне, и о достоинствах, если таковые имеются»³⁴.

Ответное письмо не сохранилось (возможно, оно

³⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 95. Ед. хр. 4. Л. 1.

было заменено беседой), но тон и содержание его можно вообразить. Не слишком щедрый на похвалы, Брюсов несколько месяцев спустя вписал Минаеву в альбом стихотворение почти апологетическое:

НИКОЛАЮ МИНАЕВУ ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ

*...а в миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один, без
сожаленья!*

*Urbi et orbi
Издревле сладостный союз...*

Пушкин

Годы делят нас и поколения:
Дышишь ты весной, мгновенным маем; —
Я последние считаю звенья
Цепи той, что все мы не снимаем.

Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке: —
Голос Музы, — над путем росистым,
Там, где тени, тайны, сон и маки.

И пока ты — на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет, —
Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей — венец трепещет.

3 августа 1919³⁵

С этой рекомендацией двадцатичетырехлетний поэт вступал в литературу.

Впрочем, для начала он ошибся дверью, приняв участие в «литературном собеседовании» студии московского Пролеткульта³⁶, но быстро поправился: в следующий раз бесстрастная хроника зафиксирует его в том же дружественном окружении, в котором он останется на ближайшие десятилетия: 18 марта 1919 года он читает три стихотворения на вечере «Литературного особняка» в Леонтьевском переулке³⁷. Новый круг знакомств отражается и на творчестве: именно в этот момент долгая череда текстов о погоде и природе вдруг сменяется едкими эпиграммами: «О, предводитель воинства / Очередного изма, / Твоих стихов достоинство / В том, что они как клизма». За апрель

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 4. Напечатано: Брюсов В. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1974. С. 394.

³⁶ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. Ответственный редактор – А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 253. На соседних страницах этого превосходного справочника имя Минаева встретится еще раз – среди пайщиков свежесозданной «Книжной лавки писателей» (С. 267), но это ошибка, разошедшаяся по литературе – имеется в виду издатель Николай Иванович Минаев.

³⁷ Этот вечер в хронике не отражен; установлен по записной книжке Минаева (о которой будет рассказано далее).

– июнь 1919 года жертвами более или менее остроумных филиппик сделались М. Нетропов, Н. Кугушева, М. Гинзбург, Н. Адуев, Н. Ольховская и др.: едва обретя новый мир, он немедленно начал его обживать стихом. За эти месяцы он выступал с публичными чтениями трижды; все разы – под эгидой «Литературного особняка». 5 июля того же года, прочтя три стихотворения на вечере «Всероссийского союза поэтов», он получил свой первый гонорар за публичное выступление – 60 рублей. Поэтическая Москва в этом году представляла бесконечные возможности для литературной самоидентификации: не желающего быть презантистом охотно привечали импрессионисты; ренегат-ничевок мог поступить в акоитисты, о более популярных и многолюдных объединениях не приходится и говорить. Минаев примыкает к наименее задиристому из них – обширному, аморфному и исключительно мирному «Литературному особняку»³⁸

³⁸ Предварительный очерк истории объединения см.: Гринько Е. Д. Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 68–70; Гринько Е. Д. «Литературный особняк» (1919–1929) // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина 16 декабря 2000 г. М., 2001. С. 163–165. Ср. также выразительный отзыв современника: «Есть в Москве любопытное учреждение: Литературный особняк – собрание мальчиков и девочек, наивно полагающих, что в мире только одно важно и нужно – стихописание. Все они пишут океаны стихов, ко-

(где особняк – скорее намек на обособленное положение в литературе, нежели на величественное здание, тем более отсутствующее). Кружок был основан в феврале 1919 года, имея формальной целью «выяснение различных вопросов поэзии, ведущей свое начало от классических образцов»³⁹. Ему предстояло несколько ступеней легализации (ибо возмужание его шло параллельно со становлением советской бюрократии); устав был заверен 19 ноября 1919 года; под этой версии подписались все отцы-основатели (среди которых, впрочем, две леди): М. П. Гальперин, Е. Н. Волчанецкая, О. Л. Шиманский, В. А. Бутягина, М. Э. Портен (Нетропов), Н. Н. Захаров-Мэнский, М. Д. Ройзман, В. П. Федоров⁴⁰. Масштабные списки членов «ЛО», в изобилии сохранившиеся в архивах, весьма любопытны – и с точки зрения фантомных союзничеств (так, в какой-то момент в «Особняк» – не авансом ли? – были приняты Бальмонт, Вяч. Иванов,

торых никто не печатает» (Миндлин Э. Москва с крыши // Литературная неделя. № 2. Приложение к газете «Петроградская Правда». 18 февраля 1923. С. 3).

³⁹ Устав «Литературного особняка» // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Ср., кстати, чуть более позднее саркастическое соображение Брюсова: «Так как устав «Л. Особняка» не представляет никаких отличий от обычных уставов разных литературных и иных обществ, считаю его в общем вполне приемлемым» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 4. Ед. хр. 48. Л. 28).

Балтрушайтис), и вообще как проект словника к чаемому словарю поэтов начала XX века. Художественную общность участников описать можно лишь апофатически: все они были *не футуристы* (в широком смысле слова); впрочем, председатель объединения, О. Шиманский (Леонидов), обращаясь к государству за субсидией, нашел слова, чтобы выразить этот же смысл в позитивном ключе:

«Кружок поэтов и критиков, носящий название «Литер. Особняк», объединяя собой НЕОКЛАССИЧЕСКОЕ и СИМВОЛИЧЕСКОЕ течения современной русской поэзии, поставлен, из-за суровых условий переживаемого момента, в крайне тяжелое положение для того, чтобы поддерживать и развивать эти два наиболее здоровых и могучих направления нашей литературы исключительно собственными силами – без помощи со стороны Государства. Основанный в феврале 1919 года, вот уже более года наш кружок вел совершенно самостоятельно, не затрудняя никого просьбами о поддержке, огромную культурную работу»⁴¹.

К этой просьбе была приложена подробная смета расходов, составитель которой лавировал между Сциллой мечты и Харибдой бюджетной комиссии: с

⁴¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93. Л. 1.

одной стороны, предполагалось издание собственно-го журнала (100 000 руб.) и организация Студии стихо-ведения (120 000 руб.); впрочем, на худой конец годи-лось и приобретение пишущей машинки (10 000 руб.).

Минаев не входил в число учредителей «Литера-турного особняка», но с середины 1919 года прини-мал участие в большинстве его публичных меропри-ятий. Собственного журнала у «Литературного особ-няка» не было (да и вообще мало кто, кроме пролет-культовцев, мог этим похвастаться), так что бумаж-ные публикации были весьма редки, а порой и безго-норарны. В этих условиях основной формой автопре-зентации и заработка становились публичные чтения, культура которых необыкновенно расцвела в Москве 1918–1922 годов.

В многочисленных мемуарах, запечатлевших вы-ступающих стихотворцев и их порой малосимпатич-ную публику, по преимуществу описываются литера-турные кафе («Домино», «Питtoresк», «Не рыдай» и мн. др.), причем с точки зрения зрителя и слушате-ля. Благодаря заботливости нашего героя мы можем взглянуть на эту ситуацию под другим углом: в его ар-хиве сохранилась маленькая записная книжка, куда он педантически заносил данные обо всех своих вы-ступлениях⁴². Здесь фиксировалась дата чтения (при-

⁴² ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 326.

чем – по старому и новому стилю!), имя кружка или общества, под эгидой которого проводилось мероприятие, место чтения; приводился перечень текстов, исполнявшихся Минаевым, и записывался гонорар. Типичная запись выглядит так:

«Дворец искусств» (50 р.)

Поварская, 52.

6(19) июня. Суббота.

1) «Последний пламень солнце...» 2

2) Весенний сонет (В. Б.) 3

3) «Все отошло и – без...» 3

4) «Сладко нежиться в мягкой...» 2

5) Накануне зимы. 2

6) «Зарумянила осень...» 2

7) «Вокруг замкнутые уста...» 2⁴³.

География выступлений была довольно широка: в 1920, например, году Минаев выступал с публичными чтениями тридцать раз, участвуя в мероприятиях «Всероссийского союза поэтов», «Литературного особняка» и «Дворца искусств» и заработав за это время 16 000 рублей (1920 – год сильной инфляции, поэтому усреднить их и мысленно конвертировать для наглядности во что-нибудь удобопонятное

⁴³ Там же. Л. 1 об. Цифры за каждым стихотворением означают (как я понял после довольно долгого мозгового штурма) какой по счету раз этот текст исполняется публично. Инициалы при «Весеннем сонете» означают, что он был посвящен Брюсову.

не представляется возможным).

Подобный способ публикации (взамен традиционного бумажного), хотя и был вынужденным, имел существенные преимущества: быструю обкатку нового текста на публике, мгновенную справедливость, преодоление социальной изоляции. К концу первого года своей писательской карьеры Минаев – общепризнанный поэт, знакомый со всем московским литературным миром – и даже кое-кому начинает казаться, что он «стал почему-то играть большую роль»⁴⁴.

Это отражается и на собственных его стихах: литература (а вернее даже – литературная жизнь) становится главной его темой. Ближайший аналог этому – из области прозы, когда вчерашняя дружеская беседа, почти не видоизменившись, переносится назавтра в роман (подробнее см. в «Записках покойника»). Стихи Минаева, взятые в хронологической последовательности, представляют собой почти беспримесный дневник наблюдений, где первопричиной для написания текста может служить унылая поэма коллеги, золотистый отблеск огня в камине, осеннее путешествие в деревню, кокаиновая ломка приятеля и скука

⁴⁴ Из письма М. Нетропова к Т. Мачтету от 5 сентября 1919 года: «Минаев стал почему-то играть большую роль и даже член приемной комиссии по издательствам «Молодой России»» (РГБ. Ф. 324. Карт. 1. Ед. хр. 78. Л. 2–2 об.).

литературного заседания. Весь этот неровный тематически и просодически корпус и породившая его манера (которую сегодня мы назвали бы лирическим гиперреализмом) нуждалась в автоописании. На фоне буйно цветущих вокруг названий с латинскими корнями заводить новое было безвкусицей (тем более, что в Театральном училище древние языки не преподавали). Поэтому Минаев обратился к недавнему прошлому – и назвал себя *акмеистом*.

«В Москве идет ожесточенная борьба поэтических направлений. Группа поэтов (судя по именам, совсем зеленая молодежь, вроде петербургской «Звучащей раковины»), пожелала «зарегистрироваться» во Всероссийском Союзе Поэтов в качестве «группы акмеистов». Президиум Союза «отказал в регистрации», предложив группе обратиться «заутверждением» к петербургским акмеистам. Устроенный «группой акмеистов» вечер ознаменовался, как нам пишет один из ее учредителей, неудачной попыткой сорвать его, произведенной футуристами и ничевоками»⁴⁵.

Это первое (и, кажется, единственное) печатное упоминание о вечере «московских поэтов-акмеистов», состоявшемся 5 января 1922 года в клубе Всероссийского союза поэтов⁴⁶; вместе с Минаевым на

⁴⁵ Летопись дома литераторов. 1922. № 8/9. 25 февраля. С. 12.

⁴⁶ Экран. 1922. № 17. С. 3. Предварительный уговор об этом собрании

нем выступали Н. Пресман, С. Фридман и менее известный В. Любин⁴⁷.

был зафиксирован в дневнике Т. Г. Мачтета, ревниво наблюдавшего за беседой Минаева и Н. Пресман: «А тут еще Минаев подливает масла в огонь, шуточно декламирует ее <Пресман> стихи, она ловит его руки, зажимает ему рот рукой и всецело им занята. Чувствуя под собою почву под ногами, поэт, наконец, ей предлагает:— Давайте объединимся, основем группу акмеистов при Союзе. Н. З. и Фридман радостно его приглашение принимают. <...>— Ну, так значит, решено, с 25 декабря у нас при Союзе группа акмеистов, подам заявление, — восклицает радостно Минаев, — запишите в свой дневник, — балагурит он по моему адресу <...>— Приходите ко мне во вторник, в 8 часов, и мы все обсудим вместе, — предлагает она ласково Минаеву. Я не знаю, что и подумать» (Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 758–759). Подробный отзыв о вечере см. там же, с. 761–762 (запись от 7 января).

⁴⁷ Любин Владимир Львович (р. 1897) — поэт, журналист. Его стихотворение было вписано в альбом Минаева (РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 12); ср. кстати появление его имени среди подписавших поздравление Сологубу от Всероссийского союза поэтов (Юбилей Федора Сологуба (1924 год). Публикация А. В. Лаврова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 324). Он входил в московский кружок «Учащихся искусству» (УЧИСК); одно его стихотворение приводит в воспоминаниях Т. Фохт-Ларионова (Российский архив. Т. 11. М., 2001. С. 655). См. также: Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 761. Ср. персональный состав московских акмеистов, названный в показаниях С. Укше 1927 года: «Московская группа акмеистов образовалась в 1923 г. Первоначально она состояла из Н. Н. Минаева, Марианны Ямпольской, меня и Надежды Пресман, потом был приглашен Пеньковский, но он скоро уехал. Хотели мы пригласить в руководители кого-нибудь из основоположителей акмеизма: приглашали Мандельштама, но он отказался; пригласили Зенкевича. Он согласился бывать, но руководящей роли не играл

Смысл, вкладываемый Минаевым в понятие «акмеизм», конечно, отнюдь не равен комплексу художественных представлений петербургской группы⁴⁸. На-

и на наших собраниях был очень редко – последнее время не бывал. Потом еще к нам вступил Д. С. Усов. Потом мы подумали о расширении группы и пригласили поэта Миниха, которого нам хвалили как прекрасного поэта с акмеистическим уклоном. Он был 2 раза и уехал. Он привел Марка Тарловского. Тарловский бывал на заседаниях и участвовал на нашем вечере в Цекубу, но другим говорил, что себя причисляет к конструктивистам. Группа официально не была зарегистрирована. В московскую группу акмеистов входят: 1. Пресман-Фридман Надежда Зиновьевна, живет на Б. Дмитровке. 2. Яковлева-Ямпольская Мария Николаевна, Малая Кисловка, около филармонии. 3. Минаев Николай Николаевич. 4. Тарловский Марк. 5. Зенкевич Михаил Александрович, Мясницкая улица. 6. Усов Дмитрий Сергеевич. 7. Миних, уехал из Москвы. 8. Пеньковский. Собирались иногда у меня, иногда у Пресман. Записано с моих слов верно. С. Укше» (Виноградов Владимир. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты»// Независимая газета. 20 апреля 1994. № 74 (750). С. 5).

⁴⁸ Ср. почти наверняка известный Минаеву отзыв его побывавшего в Петрограде приятеля: «Пишешь ли что-либо? У меня что-то не работает сейчас. Приписываю это дождливым дням и петроградскому акмеизму. Представь себе здесь почти все поэты и молодежь и старики акмеисты. Вот была бы история, если бы рязанских бандитов переселить всех в Петроград! Шуму бы много было. Здесь меня и то имажинистом считают. Вообще здесь литературная публика смиренная и к бунтовщикам московским не подходит» (письмо Н. П. Хорикова Т. Г. Мачте-ту от 22 сентября 1921 года//РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 17. *Рязанские бандиты* – поэты, отчасти объединенные эфемерным званием «люминистов», сконцентрировавшиеся вокруг нескольких альманахов, вышедших в Рязани; оба корреспондента попадали под это автоописание). Ср. кстати зарисовку современника: «– Реакция! – вопил на днях молодой экспрессионист в комнате Правления Всероссийского

до, кстати, сказать, что наш герой, вообще не слишком жалующий литературных авторитетов, за свою жизнь ни разу не упомянул ни Ахматову, ни Мандельштама⁴⁹, ни Нарбута, ни Гумилева⁵⁰ (хотя следы влияния последнего видны в минаевских стихах невооруженным глазом); с двумя остальными акмеистами он был знаком, хотя и довольно поверхностно. Вероятно (не факт, что мы имеем право так глубоко заглядывать в душу поэта), для Минаева было принципиально важно обозначить непрерывность классической традиции, провести свою поэтическую генеалогию напрямую к золотому веку – и он выбрал для это-

Союза поэтов. – Реакция! Помилуйте! Их перехвалили, всех этих возрождающихся стариков – акмеистов. В Петербурге печатают одних акмеистов!..» (Миндлин Э. О канунах поэзии // Экран 1923. № 22. С. 6).

⁴⁹ Известен, впрочем, его отзыв, зафиксированный в дневнике Т. Г. Мачтета: «На днях в Кафе читал О. Мандельштам, второй божок моих современников после Пастернака. – Вот как надо писать, – захлебывается от восторга мой друг Минаев» (запись от 31 марта 1921 г. // Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 721). Ср. также в записи от 22 февраля 1922 года: «Неистошимый Минаев читает между тем то Мандельштама, то Анненского» (Там же. С. 765).

⁵⁰ Ср., кстати, записанный 3 декабря 1924 года Диром Туманным (см. о нем на с. 744) в альбоме Минаева рифмованный некролог Гумилеву: «...Второй чеканил сталь холодных строф – / Поэт-эстет с душой авантюриста, / С пером средневековых мастеров / И с внешностью английского туриста; / Он в реве львов звенящих рифм искал, / Переплывал тропические реки / Пал как Шенье. И с пулей у виска / Ушел в страну умолкнувших навеки!» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 51).

го наиболее короткий и очевидный путь. (Не случайно другое автонаименование, надолго принятое на себя Минаевым и его единовѣрцами – «неоклассики»). Впервые эта преемственность декларируется в программном стихотворении 1922 года: «В уединеньи золотом – / О, легкий взор в нее не падай! – / Душа укрылась как щитом / Акмеистической прохладой»; спустя несколько лет это определение будет – вновь апофатически! – расшифровано: «Я не заумен, не мистичен, / Не краснобайствую, не злюсь, / Я, как всегда, акмеистичен, / А это безусловно – плюс». Это же, только прозой, он повторит в автобиографии: «В поэзии я иду по линии наибольшего сопротивления и потому предан душой и телом акмеизму, считая его самой высокой, трудной и современной поэтической школой. К другим группировкам отношусь довольно терпимо и признаю даже некоторых лефов и неоклассиков. В минуты же душевного умиления проливаю обильные слезы над трупами имажинистов»⁵¹. И, наконец, вручая свой сборник стихов Зенкевичу, чья принадлежность к движению не могла быть оспорена, Минаев заключает инскрипт напористой кодой: «В знак приятни книгу эту, / Ясен метром, рифмой чист, / Отдает поэт поэту, / Акмеисту – акмеист»⁵².

⁵¹ ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 2.

⁵² Отметим в скобках, что почти одновременно происходит геогра-

Первая и единственная книга Минаева – сборник «Прохлада» – вышла в свет в середине января 1926 года под маркой издательства «Современная Россия» тиражом в тысячу экземпляров. Обложка, нарисованная С. Пейчем, изображает условно-романтический пейзаж – купы деревьев, сумерки, большой, идущий на убыль, месяц во все небо. В книгу включено тридцать стихотворений, написанных в 1920–1924 годах; от дат оставлены только обозначения лет (хотя числа педантически сохранялись в рукописи); порядок не хронологический. На авантитуле книги отпечатано посвящение «Елене»; никаких подробностей о ней мы не знаем, за исключением того, что ей же, по всей вероятности, посвящено еще несколько стихотворений начала 20-х годов (четыре года спустя он будет каяться перед тогдашней возлюбленной: «Не ревнуй и не досадуй, / Что отдельною строкой / Протянулось над «Прохладой» / Имя женщины другой»).

Книга прошла практически незамеченной: единственный небольшой отзыв появился в журнале «Красная новь», – причем он был отчасти инспирирован самим Минаевым – преподнося экземпляр Валентине Дынник, он закончил передаточное стихотворение словами: «И затем прибавлю на прощанье: – / На

фическая локализация смежной марки: создается «Московский цех поэтов» с недолгой, но крайне любопытной историей.

нее взгляните понежней, / И не забывайте обещанья / В «Красной Нови» отзыв дать о ней». Пожелание это было исполнено; в большой обзорной статье «Право на песню» Дынник посвятила «Прохладе» отдельную главу:

«Всякого акмеиста, в силу самого звания его, принято рассматривать прежде всего с точки зрения его художественного мастерства. Это обыкновение подкрепляется и историко-литературными нашими воспоминаниями, и давними теоретическими высказываниями самих акмеистов («Аполлон», 1913) – совершенно отчетливой их тенденцией творить прекрасное «из тяжести недоброй». Акмеиста как-то невольно представляешь себе в позе укротителя – укротителя словесной стихии. Поэтому, подымая щит акмеизма, всякий поэт, тем самым, накладывает на себя обязанность особого формального совершенства. С этой точки зрения и хочется в первую очередь поговорить о Н. Минаеве.

Минуя редкую форму – рондо «Тебе одной восторги и печали» (кто не сумел бы написать рондо в наши дни?), спустимся в более глубокие слои поэтического стиля, трудно поддающиеся быстрой обработке, в ритмическую структуру строчки, в художественную семантику, в искусство композиции.

По части ритма Минаев не безупречен. Литературный педант мог бы выискать у него две-три покоробленных строчки, вроде: «Уже четвертый час, но еще сыро тут», зато литературный гурман может посмаковать смелые ускорения пятистопных ямбов: «Девятнадцатилетняя она», «Полууспокоительно хрустела» и проч. Просточитатель, если он даст себе в этом отчет, отметит, как общее явление, ненавязчивое разнообразие, иногда же – энергическую выразительность ритма:

И гонит жадной крови ток
По расширяющимся венам. <...>

Но культурой стиха, щитом акмеизма поэту не удастся прикрыть слабое место своей лирики – какую-то отвлеченность всех эмоций, слишком обособленно возводимых в «перл создания»: в любви поэта, в его раздумьях, в его тоске, в его взволнованности природой чувствуется больше всего «человек вообще», а не отдельная живая личность и уж отнюдь не современник. Каждый метод художественного воздействия имеет право на существование, но для восприятия такого вневременного – *sub speciae aeternitatis* – искусства требуется от читателя чересчур большая восприимчивость, от

поэта – чересчур титаническая глубина...»⁵³.

Существенная часть тиража «Прохлады» осталась у автора: начав раздаривать экземпляры 21 января 1926 года (первый получил А. С. Каспий⁵⁴), он закончил это занятие тридцать восемь лет спустя, вручив книгу с большим инскриптом Д. И. Шепеленко 22 марта 1964 года⁵⁵. До 1951 года он фиксировал акты дарения в записной книжке – за это время было роздано сто тридцать шесть экземпляров. Существенная часть их снабжена стихотворными инскриптами, копию каждого из которых автор непременно оставлял себе – и любопытно, что, несмотря на тщательные поиски, мною до сих пор не обнаружено ни одного поэтического минаевского инскрипта, между тем как поэтических сохранилось в государственных и частных собраниях больше десяти.

Вообще эта страсть к фиксированию мельчайших подробностей литературного быта, драгоценных для

⁵³ Дынник В. Право на песню // Красная новь. 1926. № 12. С. 255–256.

⁵⁴ Список реципиентов «Прохлады» сохранился в одной из записных книжек Минаева: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1–4. Я решительно затрудняюсь сказать, почему первый экземпляр получил самарско-московско-царицынский журналист и фотограф Александр Сергеевич Карягин-Каспий (1891–1941), никогда больше в биографии Минаева не появившийся.

⁵⁵ Об этом – принципиальном для текстологии Минаева – экземпляре см. на с. 638.

историка, обостряется у Минаева в середине 1920-х годов, одновременно с изданием книги. Дело здесь в осознании масштаба собственной личности («Печататься начал еще до революции 1917 г. и надеюсь продолжать и после смерти»⁵⁶, — обмолвился он в автобиографии) или в обостренном ощущении нарастания энтропии — Бог вещь, но, по крайней мере, работу биографа это облегчает неимоверно. Минаев записывает даты выступлений, места публикаций, тщательно сберегает входящую почту (не упуская и совершенных эфемерид, вроде повесток на заседания литературных обществ), ведет каталоги (отдельно алфавитный и хронологический) своих стихов. Вообще по идеальности устройства своего поэтического хозяйства с ним могли бы соперничать только Блок и Сологуб — при том, что Минаеву в жизни пришлось куда как сложнее.

Эта борьба с подступающим хаосом не была эгоцентричной: еще около 1919 года им было заведено два альбома, которые подносились в расчете на более-менее подробную запись всем писателям, которые встречались ему на пути. Делалось это без различия чинов, но с оглядкой на минимальное единомыслие: так, в них нет ни представителей боевого крыла пролеткультовцев, ни чрезмерно обласканных со-

⁵⁶ ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 2.

ветской властью авторов. Восходящие к этим альбомам записи знаменитостей (Есенина, Хабиас, Брюсова) давно напечатаны; среди оставшихся нам интереснее прочих те, где воссоздается облик хранителя альбомов. Так, поэт Макс Кюнерт (в миру – работник цирка, издатель шестиугольных книг, продолжатель брюсовских романов⁵⁷) записал туда (хочется сказать – запостил) стихотворение «Акмеистическая поэзия», проясняющее термин и рисующее портрет адресата:

Достоинств всех ее не перечислить;
Как в шахматной игре размеренны ходы,
И скупость образов и полновесность мысли
Недостижимы, мудры и просты.

В своих объятиях она познание сжала,
Стихи как караван идут, не торопясь —
Холодные как лезвие кинжала
И завершенные как острие копья⁵⁸.

Борис Зубакин (мистик, розенкрейцер, гипнотизер, приятель юного Бахтина, выдающийся экспромтист) вписал в альбом такое несбывшееся предсказание:

⁵⁷ О нем см.: Молодяков В. Bibliophilica. М., 2008. С. 251–256.

⁵⁸ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 115; с прозаическим посвящением: «Милому Николаю Николаевичу Минаеву оправдывающему вполне высокое звание акмеиста».

Дорогому другу – поэту Минаеву экспромт.

Мина его —
 Не Минаева
 Под дырку – стилизация.
На нем – «убор Ноя» —
Лежит в уборной – «Цивилизация» —
 На перегное
Его зовут – «ин
 тел
 лигент».
И тело сие – лежит.
Перед входом к Славе.
Перешагни поэт, – он на пути – момент —
А там нас ждут и Пушкин и Державин⁵⁹.

Пророчество его не оправдалось: слава медлила.
На последней странице «Прохлады» был опублико-
ван список готовящихся к печати книг того же автора:

Вторая книга стихов.

Венок сонетов.

Экзотическая лирика.

Поэма о дне моего сорокалетия и о
последующей моей героической жизни и смерти.

Из всех этих проектов ближе прочих подобралась
к печатному станку «Экзотическая лирика». Произо-
шло это благодаря напористости Е. Ф. Никитиной, воз-

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 75 об.

главляемому ею объединению «Никитинские субботники» и одноименному издательству. Осенью 1928 года Минаев, сильно сблизившийся с этим кружком и его основательницей, подал в издательство рукопись готовой книги⁶⁰. На титульном листе ее значилось: Николай Минаев. Экзотические стихи. В начале октября манускрипт ушел в «Главное Управление по делам Литературы и Издательств» («Главлит»), т. е. цензуру, которая 15 октября поставила на него разрешительный штамп, снабдив краткой рекомендацией: «Печатать разрешается. Исключить на стр. 15–18 «Баллада об алиментах». На стр. 19–22 «Разговор редактора с поэтом» и «Песнь избача». На стр. 23–28 «Рассказ о культурном помзавзаве».

15/X 28 Указать из<дательств>во и цену».

Между тем, дни вольной печати стремительно klo-нились к закату – и книга остановилась в производстве, даже не уйдя в набор. Впрочем, смену общественной атмосферы Минаев тем временем мог ощутить и с другой стороны.

«Литературный особняк», с которым Минаев был органически связан с первых дней своей литературной биографии, к середине 1920-х годов ощутимо захирел, но около 1927 года обрел вдруг второе дыхание. Причины этого были чисто экономические: из-за

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579.

ужесточения финансовой политики создать (выражаясь в сегодняшних терминах) новое юридическое лицо было мудрено, но расширить деятельность имеющегося – еще вполне возможно. На рубеже 1926–1927 годов группа предприимчивых граждан вошла в состав правления полуживого «Литературного особняка», – формально, вероятно, ради споспешествования отечественной словесности, а на самом деле – ради получения заветной бумаги:

«Свидетельство

Административным отделом М. С. разрешается гр. Правлению Коллектива поэтов и критиков «Литературный особняк» в лице отв. зав. КРЫЛЬЦОВА И. С. прожив. в Москве производить торговлю распивочно пивом в столовой по Зарядьевскому пер. д. И»⁶¹.

Работа закипела.

Надо сказать, что торговцы пивом, судя по всему, делились прибылью честно (к делу подшита уморительная докладная записка писателя Дешкина, который был отправлен тайно шпионить за столовой – не скрывают ли прибыль⁶²); в результате собственно литературная деятельность «Особняка» тоже немед-

⁶¹ Материалы ревизии ЛИТОС // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 42.

⁶² Там же. Л. 46. Согласно его отчету, оборот столовой в день составлял 260–280 руб., кассовые чеки исправно пробивались.

ленно оживилась. Архив объединения стал быстро наполняться заявлениями писателей, просящих возобновить свое членство: 13 августа 1927 года свое участие подтвердил Г. Оболдуев, 15 августа – А. Чумаченко, 22 сентября – А. Чичерин⁶³. Минаев, по всей вероятности, исполнял в это время обязанности секретаря объединения: по крайней мере, один из приглашенных, Т. Мачтет, отвечает письмом на его имя:

«Уважаемый Николай Николаевич. Извещаю Вас что Ваше приглашение участвовать во вновь зарождающемся «особняке» я получил. Имею работы о Ю. Жадовской, К. Рылееве и др. которые с удовольствием прочитаю на одном из собраний. Готовлю второй сборник стихов. Для вечера памяти Рильке С. Н. Шиль предлагает прочесть его письма к ней и имеющиеся материалы к Рильке относящиеся нигде не напечатанные. Пока всего лучшего. Адрес мой прежний Арбат 30 кв. 69. Уважающий Вас Тарас Мачтет»⁶⁴.

К осени 1927 года коммерческую службу «Особняка» решено было выделить в особое «Кино-театральное и агентурное бюро ЛИТОС»; формально главной его задачей было посредничество в области культуры

⁶³ Там же. Л. 53 и сл.

⁶⁴ Там же. Л. 61а.

(75 % от прибыли должны были доставаться «Особняку», а 25 оставаться предпринимателям)⁶⁵. 8 января Председатель Правления «Особняка» поэт Василий Федоров очерчивал перед собравшимися блистательные перспективы: публичные вечера, собственное издательство, дом отдыха для членов общества⁶⁶. Минаев был официально принят на должность секретаря и, с присущей ему бюрократической обстоятельностью, начал вести протокол за протоколом. Илья Эренбург и Макс Кюнерт предложили открыть книжный магазин (принято!). Варвара Мониная и Минаев решили образовать комиссию (одобрено!). Возглавить ее был призван Рукавишников (единогласно!)⁶⁷. В производстве одновременно находились два коллективных сборника, три книги стихов И. Аксенова, четыре – Василия Федорова, по одной – Мониной, Минаева, Дешкина, книга прозы Нетропова⁶⁸. В этот мо-

⁶⁵ Там же. Л. 64.

⁶⁶ Протоколы заседания «Литературного особняка» // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 69. Л. 99 (в этом деле бумаги подшиты в порядке обратном хронологическому).

⁶⁷ Эти решения приняты на заседании 27 февраля 1928 года // Там же. Л. 80.

⁶⁸ Это выясняется из протокола заседания 4 января 1929 года; там же упоминается: «В виду острого бумажного кризиса отложить обращение в Главлит по вопросу о разрешении «Л. О.» издательской деятельности, а временно по части готовых книг снести с Издательством Всероссийского Союза поэтов» (Там же. Л. 33–33 об.). Здесь же обсуждалась

мент на сцене появилось НКВД.

«В виду того, что Коллектив поэтов и критиков «Литературный особняк», несмотря на постановление Народного Комиссариата Внутренних дел от 2 апреля 1929 года до сих пор не приступил к практическому осуществлению предложения самоликвидироваться, Народный Комиссариат Внутренних дел постановляет:

1. Для проведения ликвидации Коллектива поэтов и критиков «Литературный Особняк» создать комиссию в составе представителя от ликвидируемой организации, представителя Народного Комиссариата по просвещению и представителя Народного Комиссариата Внутренних дел под председательством последнего.

2. Настоящее постановление предъявить исполнительному органу коллектива «Литературный Особняк» и предложить немедленно приостановить всю деятельность коллектива.

судьба нашего героя: «Запросить Председателя Ревизионной комиссии о возможности выхода Н. Н. Минаева из членов Ревизионной комиссии; в утвердительном случае согласиться с предложением директора Бюро о предоставлении Н. Н. Минаеву, во исполнение постановления Правления, по протоколу № 36 от 22 / VII 28 г., п. 3, работы в Бюро «ЛИТОС» по ведению книги заказов и расчетов с поставщиками и агентами, с оплатой 50 р. в месяц. Срок начала работы Н. Н. Минаева установить Директору Бюро» (Там же. Л. 33).

3. Ликвидационной комиссии приступить к работе немедленно и закончить полную ликвидацию дел «Литературного особняка» и его предприятий к 1-му сентября 1929 года»⁶⁹.

С этого момента на предприятии, как сказали бы сейчас, было введено внешнее управление (сиречь ликвидационная комиссия), предварительные итоги наблюдений которой были неутешительны:

«Об-во «Литературный Особняк» существует с 1919 года. В начале своего существования ЛО. был деятельной, общественно-полезной организацией, но с момента прекращения гос. субсидий, т. е. с 1922–23 г. Л. О. свел свою общественную работу на ноль.

В 1927–28 г. Л. О. вновь ожил, но это оживление пошло не по пути развертывания литературно-общественной деятельности, а по пути изыскания средств для удовлетворения экономических потребностей небольшой группы членов, для чего: вопреки прав, предоставленных уставом, была открыта пивная, которая давала доход отдельным членам правления и ревизионной комиссии.

Когда торговля пивом по указанию НКВД была закрыта, Л. О. нашел иной способ изыскания средств, посредством

⁶⁹ Дело по ликвидации Общества поэтов и критиков «Литературный особняк» // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 68. Л. 1.

фактического предоставления своего имени как общественной организации, частному агентурному предприятию, находившемуся до последнего дня существования Л. О. в ведении последнего.

В последнее время работа Л. О. свелась к расширению работы распространительного бюро «Литое» и заслонила собой непосредственные задачи Л. О., так что «Литературный Особняк» как общественная организация давно прекратила свое существование, а вместо него существовало частное предприятие, пользовавшееся вывеской общественной организации.

Что касается деятельности этого распространительного бюро «Литос», то ожидать худшего не приходилось, в НКВД имеются жалобы на неблагоприятные действия Литоса, больше того, за подобные деяния отдельные уполномоченные привлекались уже к суду и были осуждены»⁷⁰.

Таким образом, к весне / лету 1929 года ЛИТОС был разгромлен. Минаев (предупрежденный или почувствовавший неладное) сложил с себя полномочия члена Ревизионной комиссии еще зимой, оставшись простым конторщиком с жалованием в 50 руб-

⁷⁰ Доклад Председателя ликвидационной комиссии С. М. Шварца инспектору прямых налогов 1 участка Москвы Скоблину // Там же. Л. 34–34 об.

лей в месяц; после закрытия конторы обмелел и этот финансовый ручеек. В практическом смысле для него это означало и прощание с литературным миром Москвы, с которым теперь его связывала последняя – семейная – ниточка. Здесь нам нужно отступить немного назад.

У поэта Бориса Александровича Садовского, уроженца Нижнего Новгорода, была сестра – Наталья Александровна Богодурова (Богодурова). Ее старшая дочь София в начале 1920-х годов приехала в Москву в надежде на дядину протекцию в театральном мире, о которой немедленно и воззвала в недатированном письме: «Милый дядя Боря. Меня постигла неудача. Мейерхольда не будет в Москве раньше октября. Адрес Собинова я узнала, напиши ему и пришли мне я схожу с твоим письмом к нему. Он может устроить статисткой в какой-нибудь театр»⁷¹. Подробности этого сюжета неизвестны и, судя по всему, остаться в Москве ей не удалось – но среди столичных ее знакомств было и знакомство с нашим героем. 13 августа 1924 года она оставляет ему записку, рассказывающую о стиле их отношений лучше, чем просящийся с пера абзац с экивоками: «Ты умеешь, я вижу, только сердиться да дуться из-за пустяков, а сам не пришел в условленный день, зная, что я на завтра должна

⁷¹ Недатированное письмо // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 31.

уехать и тем самым лишена возможности условиться с тобой насчет будущих встреч»⁷². В его стихах она появляется зимой 1927 года – сначала как адресат инскрипта, вполне нейтрального по тону. Уже через три недели Минаев начинает стихотворное обращение к Садовскому со слегка фамильярного «Вам, дядя Соня, Вам, поэт», а еще две недели спустя пишет ему мадригал на правах свежееобретенного родственника: «На эти строки нежно глядя, / Прими почтительный поклон, / Мой новоиспеченный дядя – / «Нижегородский Аполлон!»». Вероятно, формальный брак между С. А. Богадуrowой и Минаевым был заключен в первые дни января 1928 года.

Семейная жизнь их складывалась непросто: по каким-то коммунальным причинам она не могла оставаться в Москве, а продолжала жить в Нижнем Новгороде в родительском доме; Минаев же, бомбардируя ее утешительными стихами и письмами, мог выбираться на Волгу сравнительно редко⁷³. С классиче-

⁷² ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 7–7 об.

⁷³ В начале февраля обсуждался план поселить С. А. в доме А. И. Худяковой (о которой см. ниже), но тут вмешались обстоятельства непреодолимой силы – на место, занимавшееся ее мужем, утвердили нового профессора, которому предстояло воцариться в их квартире: «Мне очень неприятно сказать Вам, но приходится мне взять обратно то обещание которое я Вам дала: приютить на два месяца Соню. Но Вы сами понимаете, что это теперь невозможно. Мне очень-очень совестно

ской грациозностью дело пыталась поправить мать новобрачной:

«Насчет Сони скажу, что она очень скучает и хочет видеть Вас. По моему было бы всего лучше поехать ей сейчас к Вам. Если Вам трудно, то мы будем помогать Вам по мере возможности. Ей надо не много, она не избалована, неприхотлива, а других расходов, я думаю, не будет, а она только и мечтает, чтобы жить с Вами вместе, очень скучает о Вас, т. к. ждет Вас с нетерпением. Со всеми Садовскими перессорилась и тем более жить ей здесь тяжело. Борис Садовской должно быть от нечего делать заводит сплетни и всех перессорил. Весной все уедут, он, кажется, собирается жить в Рублеве с Анной Ипполитовной, а другой брат с сестрой уедут на все лето, и вся квартира будет свободна, вот тогда и будем Вас ждать непременно»⁷⁴.

Вняв этим призывам, Минаев приехал в дом Богатуровых в конце мая; по каким-то причинам вскоре они рассорились вдрызг:

Мы мало дорожили

Вам отказать в Вашей просьбе и я очень прошу Вас не сердиться на меня» (письмо Худяковой к Минаеву от 19 февраля 1928 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 2–1 об.).

⁷⁴ Письмо Н. А. Богатуровой Минаеву от 13 марта 1928 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 1–2.

Сохранностью сердец;
Семь месяцев мы жили
И вот пришел конец.

Мы в церкви не венчались
И Богом не клялись,
В Москве мы повстречались,
А в Нижнем разошлись!

Это еще был не разрыв: вскоре они примирились (кажется, снова не без посредничества Натальи Александровны)⁷⁵. Лето 1929 года Минаев вновь проводил в Нижнем («Чтоб жизнь твоя как фейерверк / Была без всяких оговорок, / Одиннадцатого в четверг / Я выезжаю в 10.40», – писал он накануне жене) – и только в начале 1930-х они разошлись окончательно. Официально брак был расторгнут 22 февраля 1932 года.

⁷⁵ Ср. в ее письме к Минаеву от 11 июля 1928 года «Вы не можете себе представить, как мне грустно, что мы с Вами так расстались и не поговорили раньше. Я виновата, конечно, очень, что не спросила Вас, но я не решалась этого сделать, т. к. Вы сами молчали и я по правде сказать думала, что Вы давно уже решили разойтись и что это было у Вас только предлог к разводу. <.. > Соня очень убивается и для нее это хороший урок, т. к. она раскаивается и уже и Королева и все прочее ее не радует. Я Вас очень прошу ничего ей пока не писать о разводе, т. к. я знаю, что она Вас очень любит и ей все очень тяжело. Было бы самое лучшее взять Вам ее к себе и там бы Вы увидели как она будет себя вести и т. д. Живя с Вами она бы может изменилась во всем была бы прекрасной женой, т. к. у нас в семье вообще все живут очень хорошо и никто никогда не разводился» (Там же. Л. 4, 4 об.).

Нужно обладать слишком живым умом, чтобы рассуждать о том, насколько значима для Минаева в этом браке была фигура ближайшего родственника нареченной, но мы вполне можем констатировать, что Борис Садовской – последний из крупных писателей, встретившихся на жизненном пути нашего героя. Их взаимная приязнь была predetermined: с поправкой на творческую манеру и темперамент оба они принадлежали примерно к одному литературному направлению. Первая встреча их состоялась в конце 1927 года (и была зафиксирована в инскрипте: «Вам, поэт-нижегородец, / В память нашего знакомства, / Книгу-первенца «Прохладу» / Отдает поэт-москвич»); сразу после этого судьба постаралась их надолго не разлучать.

В конце 1927 – начале 1928 годов оба они – регулярные посетители салона Анны Ипполитовны Худяковой, собравшей вокруг себя несколько специфическую, но крайне любопытную компанию, где поэты-неудачники соседствовали с робкими юристами и высокопоставленными инженерами водоочистки. Компания эта не оставила летописца, но, благодаря счастливой случайности, быт ее и дух были запечатлены в шуточной поэме Садовского «Нэти», которая написана под явным впечатлением дружбы с Минаевым – и, в частности, изобильно снабжена эпиграфа-

ми из его стихов. Здесь же содержится его шаржированный портрет:

Но вот под гром рукоплесканий
Встает Линяев – акмеист,
И, пальцем шевеля в кармане,
Отходит в угол, как артист
И вдохновенно оправляет
Жилет и брюки. Он читает
И голосок негромкий чист⁷⁶.

Эти отношения, кажется, иссякли чуть ли не раньше, чем расторглись семейные узы: единственное сохранившееся письмо Садовского к Минаеву, отправленное 14 марта 1931 года, напрочь лишено душевной теплоты: «Я распродаю свою библиотеку. Если хотите, приезжайте или присылайте кого-нибудь из Ваших знакомых. Есть книги редкие и с автографами. Только предупреждаю, что я дешево не продам»⁷⁷. Собственно, уже к весне 1928 года Минаев явственно отдаляется от круга Худяковой – и таким образом обрывается последняя из нитей, связывающих его с литературным сообществом. А вскоре происходит событие, довольно решительно меняющее всю его жизнь.

27 августа 1929 года в квартиру Минаевых в Извест-

⁷⁶ Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 315.

⁷⁷ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1.

ковом пришли с обыском⁷⁸. Дома была только сестра, Антонина Николаевна; она же вместе с секретарем домоуправления, приглашенным в качестве понятого, подписали протокол изъятия: «Одна гуттаперчевая печать, телеграмма, 3 тетради, 3 сброшюрованных стихотворения и два листка, напечатанных на пишущей машинке»⁷⁹. Технология была еще не отработана, поэтому обыскивающие не стали сидеть в заставе, а просто ушли, передав Минаеву приказание явиться 9-го сентября на допрос. Заполнив короткую анкету (из которой мы с вами, читатель, не узнали бы ничего нового), Минаеву объявили о его аресте; здесь же он нацарапал дрожащей от ярости или от страха рукой: «Считаю свой арест недоразумением»⁸⁰. 26 сентября ему предъявлено обвинение: «1929 года, сентября 26 дня. Я, старший уполномоченный 5 от-

⁷⁸ Материалы из архива ФСБ, на которые ссылался в своей пионерской работе А. А. Кеда, ныне недоступны; здесь и далее (за исключением короткого фрагмента из ГАРФ, отмеченного особо), я цитирую уголовные дела Минаева по копиям, сделанным его падчерицей Еленой Борисовной Сотниковой, которая спасла его архив. В собрании А. И. Романова сохранился черновик или копия ее заявления в ФСК России 7 февраля 1990 года с просьбой вернуть конфискованные материалы и дать ознакомиться со следственным делом. Судя по всему, первая просьба осталась без ответа, а вторая была выполнена.

⁷⁹ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 9. В составе этой единицы хранения — 4 листа ксерокопии из подлинника дела и фрагменты рукописной копии.

⁸⁰ Там же. Л. 3.

дела СО ОГПУ – Гендин⁸¹, рассмотрев дело по обвинению гр. Минаева Николая Николаевича в составлении и распространении литературных произведений антисоветского содержания, нашел, что настоящее подтверждается имеющимися в деле материалами, а потому, принимая во внимание вышеизложенное, постановил: привлечь Минаева Николая Николаевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58/10 ст. УК и избрав меру пресечения уклонения от следствия и суда – содержание под стражей»⁸². На этом же бланке Минаев написал: «С предъявленным мне обвинением не согласен, т. к. никакой антисоветской литературы не сочинял и не распространял. Н. Минаев»⁸³.

Удивительно (замечу в скобках), насколько разительно отличается поведение обеих сторон от поневоле привычного для нас образца второй половины 1930-х. Обвиняемый не только не спешит признаться во всех грехах – он настойчиво рвется в бой, стремясь переубедить не просто следователя, но всю стоящую за ним машину подавления:

⁸¹ Константин Григорьевич Гендин (1899 – после 1939) – брат высокопоставленного чекиста С. Г. Гендина, уполномоченный 5 отделения СО ОГПУ, известный, в частности, своим участием в «деле четырех поэтов» (указано В. В. Нехотиным).

⁸² ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 4–5.

⁸³ Там же. Л. 5.

«Литературной работой начал заниматься вплотную с 1922 г. Пишу стихи, в том числе и сатиру. Из написанных мною сатир могу назвать следующие:

1. Баллада об алиментах,
2. Баллада о четырех королях.
3. Поэма о дне моего сорокалетия.
4. Разговор редактора с поэтом.
5. Рассказ о культурном помзамзае, о невежественной машинистке и о необыкновенном происшествии в Губсовнаркоме.

Кроме того, имею сатирические стихи: о Борнео, о Мексике, Таити, о Китае и несколько других.

Часть своих сатир я отдавал в «Никитинские субботники» для издания, но Главлитом они пропущены не были. Свои мелкие стихи я печатаю в периодических изданиях. <...>

Мне непонятна политика Главлита, разрешающего, с одной стороны, к печати ненужные произведения, и запрещающего, с другой стороны, такие произведения, которые, по моему мнению, должны быть напечатаны в советских изданиях.

В марте 1928 г. я читал на одном из академических вечеров Союза поэтов одну из своих сатир: не то «Разговор редактора с поэтом», не то «Балладу об алиментах». После

того, как я прочел свою сатиру, начались прения среди присутствующей публики. Небольшая группа человека в 3–4 высказалась резко против моей сатиры. Смысл их выступления сводился к тому, что моя сатира антисоветская, и что читать её в Союзе поэтов не следует. В мою защиту выступил зав. академ. сектором А. Н. Чичерин, заявивший, что он и Союз поэтов не считают мои произведения антисоветскими, что я выступал с чтением их неоднократно, в присутствии коммунистов и даже специально, на комсомольском вечере в доме печати»⁸⁴.

На сегодняшний день нам недоступна полная копия следственного дела, поэтому подлинные причины ареста остаются неизвестными. Следователь аккуратно выпрашивает Минаева о нескольких его знакомых, но особенно подробно – о Л. В. Кирьяковой – не здесь ли разгадка происходящего? Возможно, что ниточка к минаевскому делу тянется от процесса над Кирьяковой, которая была осуждена за организацию невиннейшего литературного кружка «Зеленая лампа», куда входили Булгаков, Слезкин, Галати – и где Минаев несколько раз читал стихи. Эта версия, в частности, объясняет то, что тянувшееся два месяца дело окончилось пшиком:

⁸⁴ Там же. Л. 11–11 а.

«1929 года, октября 10 дня. Я, ст. уполномоченный 5-го Отд. СО ОГПУ – Гендин, рассмотрев следственное дело № 82602 по обвинению Минаева Николая Николаевича по ст. 58/10 УК, арестованного 9 IX 29 г., содержащегося в Бутырской тюрьме и принимая во внимание, что дальнейшее его содержание под стражей не вызывает необходимости, полагаю: Минаева Ник. Ник. из-под стражи освободить под подписку о невыезде из г. Москвы, дело следствием продолжать»⁸⁵.

Как-то раз, когда весьма упорно
Я боролся с съеденными щами,
Голос равнодушный как валторна
Объявил мне: «Ну, давай с вещами!..»

Я глаза раскрыл и брови сузил,
Потрясенный, так сказать, моментом,
И пошел, взвалив на плечи узел,
Следом за прекраснополом ментом.

Здесь начинается новый этап биографии нашего героя, документированный куда как хуже первого. Он практически полностью порывает отношения с официальной литературой: проекты вольных альманахов

⁸⁵ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 13–13 об. Справка об освобождении: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 324. Юридически дело было закрыто только в 1931 году.

иссякли, а об отдельной книге политическому преступнику думать, конечно, не приходилось. Несмотря на крайне бережное отношение Минаева к своему архиву, документов 30-х и 40-х годов там осталось совсем немного: собственно, переписка его всегда была незначительной по объему, а в новых обстоятельствах она почти полностью сошла на нет, так что о круге его общения мы можем судить почти исключительно по посвящениям, выставленным над стихами. Один из первых экземпляров «Прохлады», врученных после отсидки, был преподнесен Юдифи Давыдовне Гиттерман – и на этой истории надо остановиться по-подробнее.

Во второй половине 1910-х годов в Одессе жил поэт Михаил Исаевич Гиттерман⁸⁶. От шумного круга впоследствии прославленных рифмующих одесситов он держался несколько поодаль, благодаря чему в литературные летописи не попал. В 1922 году в Одессе он выпустил единственную книжку стихов; в 1926-м переехал в Москву; в дальнейшем печатался только на эсперанто, которого, кажется, был большой знаток. С Минаевым он и его жена Юдифь Давыдовна были знакомы, вероятно, с 1928 года: 21-го марта Михаилу Исаевичу была преподнесена «Прохлада», а уже 1 июля его жена писала в Нижний наслаждавшемуся

⁸⁶ Чуть подробнее о нем см. на с. 732.

семейной жизнью Минаеву подробный отчет о праздновании дня рождения Пушкина в московских литературных кругах:

«Мы с Мих. Исаев. решили в этом факельном шествии участия не принимать, а пойти на вечер Пушкина, который устраивает кружок любителей русской словесности, в зале Консерватории, тем более, что в газете была заметка о том, что на этот вечер приглашены Горький и внуки Пушкина. Какое же было наше удивление, когда мы увидели, что на эстраду входит Чичерин со своим «выводком» – группой членов ВСП. Затем объявляют, что слово предоставляется члену ВСП Чичерину. Чичерин в своем слове сказал, что вот мол ВСП не имел возможности праздновать этот день и что он от имени ВСП приносит свою глубокую благодарность кружку любителей русской словесности за то что они разрешили им принять участие в своем вечере.

Выступал, конечно, Сокол со своими стихами о Пушкине, которые мне совсем не нравятся и по моему он мог их не читать. Затем читал Тарловский хорошее стихотворение, но я нахожу, что его стихи какие-то сухие и в них нет теплоты. Читала Вольтман не плохое стихотворение. Соколова или Соколовская длинная такая поэтесса похожая на лошадь. Фейга Коган и Пеньковский, который прочел

позорное стихотворение. Во время чтения зал хохотал, конечно, не оттого, что оно было остроумно, а оттого, что оно было ужасно. Я не верила своим ушам, что это стихи Пеньковского. Да я забыла еще упомянуть Левонтина, который прочел прекрасное свое стихотворение о Пушкине. Ну вот и все»⁸⁷.

За несколько московских лет Гиттерман сделал внушительную карьеру, добравшись до должности начальника отдела Всесоюзного Комитета стандартизации при Совете Труда и обороны. Обстоятельство это оказалось для Минаева спасительным: лишенный средств к существованию, с клеймом обвинявшегося в государственном преступлении – он мог рассчитывать лишь на сугубо незамысловатую работу, но, благодаря протекции Гиттермана, был принят к нему в отдел. Круг его занятий здесь был, кажется, широк и неопределенен: редактирование ведомственного журнала, текущая переписка, заботы о полиграфической стороне дела. Случались, впрочем, и экзотические поручения:

«Ник. Николаевич!

Насочините <sic> эпиграмму. Тема: вместо

⁸⁷ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 6. Столь длинная цитата (хотя и любопытная, кажется, сама по себе) приведена для того, чтобы продемонстрировать степень погружения супругов в местные поэтические расклады.

докладов о стандартизации доклад о Горьком и
зачитайте. А ну-ка!

МГ»⁸⁸.

Кажется, несмотря на рифмованные сетования («А
я средь каменной Москвы, / В шумливом Рыбном пе-
реулке, / Стандартизирую – увы! – / Колеса, ободы и
втулки»), работа эта была ему по душе. Как и в любых
сообществах, куда его забрасывала судьба, он нахо-
дил себе и собеседников, и приятелей, и пищу для са-
тирических упражнений:

Товарищи и граждане,
Сейчас я вам поведаю
Кому у нас в издательстве
Живется хорошо,
Кто пользуется благами
И всякими поблажками,
К кому начальство высшее
Весьма благоволит.

Несмотря на обилие стихов эпохи стандартизации
и сохранившуюся двустороннюю переписку с Гиттер-
манами⁸⁹, мы не можем установить доподлинно, до

⁸⁸ Недатированная записка Гиттермана к Минаеву // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 12.

⁸⁹ Письма Минаева опубликованы: Топоровский Ян. Акмеистическое эхо // Окна (Иерусалим). 1998. 14 мая. С.12 (указано Р. Д. Тименчиком).

какого года продолжалась его работа здесь⁹⁰. Служебная переписка ограничена периодом 1930–1934 годов; в стихах местные реалии фиксируются также до 1934 года. Но при этом в архиве хранятся справки о краткосрочной, но все-таки службе Минаева контролером-статистиком в «Стройобъединении» ВДНХ РСФСР (август–ноябрь 1930), секретарем на курсах технормирования Всехимпрома (датирована 7 марта 1931), корреспондентом во Всесоюзном комбинате Планового заочного образования (с 7 января по 19 апреля 1932 года)⁹¹. Как это примирить, я пока не представляю: кажется, эти должности не подразумевали посменной работы или совместительства. Также не очень понятно, чем эпоха стандартизации в жизни Минаева закончилась: просто всякие упоминания о сослуживцах исчезают из стихов.

Собственно говоря, с середины 1930-х годов почти единственным (и уж во всяком случае – центральным) источником для реконструкции биографии Минаева становятся его стихи: он поневоле воплотил (несколько модифицировав сообразно времени) давнюю сим-

⁹⁰ Вероятно, ответ на этот вопрос содержится в архиве «Учреждений по руководству стандартизацией в СССР» (РГАЭ. Ф. 4460), но в 2013 – начале 2014 годов он находился в стадии переезда и оттого был недоступен.

⁹¹ Все три справки ныне образуют одну единицу хранения: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 1–3.

волистскую идею о том, что биография автору не нужна, ибо все нужное скажут его тексты. Только по стихам мы можем вообразить круг его общения: вдруг среди них появится короткий мадригал Е. К. Фофановой («Владелица – не дочка управдома, / А Константина Фофанова дочь!») – отражение это случайной встречи? Или знак какой-то совместной, может быть даже историко-литературной работы? (Она занималась сбережением и истолкованием текстов отца и брата). Только по стихам мы сможем судить о складывающемся его романе с будущей женой – Евгенией Ильиничной Фроловой – и скудость источников не позволяет вообразить ее облик хотя бы с минимальной полнотой.

В 1933 году он, само собой, дарит ей «Прохладу»; инскрипт написан на «Вы», но лирическая струна басовито рокочет уже где-то между третьим и четвертым катренами: «Пусть будет Вам вдвойне милее, / Устав от дум, забот и дел, / Дышать «Прохладой» в той аллее, / Где вместе с Вами я сидел». Три года спустя стихотворение, адресованное ей, проникнуто уже совершенно семейной заботой – равно как и ее ответные письма из санатория⁹². В ближайший круг их общения входила Н. П. Кугушева, незадолго до этого вышедшая замуж за Г. Г. Бартеля; в частности, в

⁹² ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 233.

один из предвоенных годов они вчетвером отдыхали на даче Танеевых в подмосковном Демьяново, недалеко от Клина. В этот или в предыдущий год Минаев ненадолго получил работу, косвенно связанную с литературой – в Рекламно-издательской конторе Московского отделения Книготоргового объединения Государственных издательств (МОГИЗ). Должность его, согласно справке, выписанной летом 1937 года, называлась довольно скромно – «редактор каталожного отдела»⁹³. Повинуясь своему обычному инстинкту трансформации реальности в ладные стихи, Минаев быстро описал новых сослуживцев, а заодно и предложил образец рифмованной рекламы объединения («Надевай-ка сапоги-с / И кати скорей в Могиз!..»), вероятно, не принятый недалёковидным работодателем.

В этом же году в его мировоззрении и творчестве происходит зримый перелом, связанный, как представляется, с шумно празднуемым столетием пушкинской гибели (не могу не отметить в скобках важных трансформаций, произошедших за советские годы в юбилейном деле: в частности, круглая дата с

⁹³ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 4. Летом 1940 года Кугушева рекомендовала Минаеву обратиться к В. Н. Наумовой-Широких в Книжную палату, где тогда открылась вакансия (см. ее письмо к Е. Фроловой от 18 августа 1940 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 6), но воспользовался ли он этим предложением, я не знаю.

момента смерти героя сделалась не меньшим поводом для праздника, чем годовщина его рождения)⁹⁴. Минаев, уязвленный своей безвестностью и в полной мере ощущающий свою поэтическую силу, пытается преодолеть метафизическое одиночество, обращаясь к юбиляру: «В лихолетье брошенный судьбою, / Я устал, все валится из рук; / Дай-ка побеседую с тобою, / Лучший поэтический мой друг». Примеряя пушкинскую биографию (известную ему, кстати, в завидных подробностях) к окружающей действительности, Минаев приходит к выводу: «Это счастье, что тебе на свете / Довелось не в наше время жить: / Мог ли ты служить в Политпросвете / И своему гению служить?». Это логическое усилие становится переломным для собственного минаевского творчества: если до этого центральным ее жизнестроительным мотивом был эскапизм, изредка прерываемый незлобивой и локальной сатирой, начиная с 1937 года среди его стихов появляется отчетливая антисталинская риторика:

Гениальный на все руки,
Друг всего, отец всех Муз,

⁹⁴ Мы с Л. И. Соболевым некогда написали про это небольшую, но занятную статью, канувшую в нерожденном сборнике, затевавшемся по итогам конференции в Высшей школе экономики. Как сослаться на это? Собиралось быть в печати?

Рассуждением о науке
Осчастливил Совсоюз.
Правда, им симпатий мира
К коммунизму не привлечь,
Но годится для сортира
Историческая речь.

В этот момент вынужденная изоляция окажется спасительной: в такой же ситуации на Мандельштама, не избегавшего общества советских писателей, донесли за считанные недели. В ближайшем окружении Минаева по счастливой случайности осведомителя не нашлось: впрочем, судить о его беседах второй половины 1930-х годов мы можем исключительно по стихотворным мадригалам. Среди их адресатов – жена его брата Г. Александровская, ученый-ботаник и самодеятельный художник М. С. Маггит, И. М. Брюсова (вдова поэта). В это время он вновь с издавна ему знакомой семейной парой скульпторов – А. Н. Златовратским и М. Д. Рындзюнской – и это, кажется, единственный интеллигентский дом, в котором он регулярно бывает (здесь же, кстати, в те же годы гостит другой выброшенный на обочину талант – Тихон Чурилин).

Летом 1941 года заболевает его жена – и 16 июля умирает от заражения крови в московской больнице. Смерть эта производит на него ошеломляющее впечатление.

чатление: в ближайшие несколько месяцев он, после короткой записки пасынку («<...> жизнь моя клонится к закату, и я уже больше не найду такого друга, каким мне была твоя незабвенная мама»⁹⁵) полностью выпадает из действительности. Первые стихи после перерыва посвящены памяти умершей (они позже составят отдельный цикл); другие – адресованы их ближайшей общей подруге – Кугушевой, которую 18 сентября депортировали в Казахстан вместе с мужем – этническим немцем⁹⁶. Минаев остается один.

С зимы 1942 года по май 1943 он работал кассиром на фабрике № 28 Наркоммясомолпрома, с мая по ноябрь 1943 года – сторожем («бойцом пожарно-сторожевой охраны») на фабрике печатных учебно-наглядных пособий. Вероятно, уволившись оттуда, он поступил на должность агента снабжения на завод «Манометр» (он существует и сейчас, только переехал в деревню к тетке: г. Энгельс-19 Саратовской области)⁹⁷. Точнее сказать, сам «Манометр» по мере приближения немецких войск, был эвакуирован в Томск, а в его корпусах расположился завод № 836, выпускавший, вероятно, что-то сообразно велениям време-

⁹⁵ Полностью цитируется на с. 757–758.

⁹⁶ Подробнее см.: Кугушева Н. Проржавленные дни. М., 2010. С. 252–255.

⁹⁷ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 1–3.

ни смертоносное. Именно тут произошел следующий акт драмы: 29 февраля 1944 года (обратите внимание на своеобразие даты) агент снабжения самовольно оставил рабочее место, что по условиям военного времени грозило серьезным возмездием. Оно не заставило себя ждать.

«Именем Союза Советских Социалистических Республик.

7/IV 1944 г. Военный трибунал Молотовского р-на гор. Москвы в составе Председательствующего Иванова и членов Какабадзе и Волдина <Золдина? Болдина?> при секретаре Кудрявцевой

Рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению Минаева Николая Николаевича 1893 г. рождения из служащих урож. г. Москвы русский грамотный б/п работал на заводе 836 агентом по снабжению труд. стаж с 1912 г. членом профсоюза не состоит не судим вдов проживал Известковый пер. 3 кв 14.

Обвиняется по указу от 26 /XII 41 г.

Судебным следствием установлено, что подсудимый Минаев работал на з-де 836 в должности агента снабжения, 29/II 44 г. самовольно оставил работу на з-де и в дальнейшем на производство не вернулся, что подтверждается объяснением подсудимого и материалами дела.

Находя обвинение Минаева Н. <по> Указу от 26/ XII 41 г. доказанным военный трибунал руководствуясь ст. ст. 319, 320 УПК

ПРИГОВОРИЛ

Минаева Николая Николаевича по указу от 26/ XII 41 г. подвергнуть тюремному заключению без поражения в правах сроком на шесть лет. Меры пресечения оставить содержание под стражей. Срок отбывания наказания считать с 4 /IV 1944 г. Приговор обжалованию не подлежит»⁹⁸.

Под конвоем, по дороге,
Средь родных полей, в наш век,
Еле-еле тащут ноги
Тридцать с лишком человек.

Почему и что за люди
Спор ведут в рассветной мгле
Об обеденном премблуде
И вечернем горбыле?

Может быть они по тропам
И лесным трущобам на
Удивление Европам —

⁹⁸ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 1. Оригинал – чрезвычайно слепая машинопись, так что все фамилии прочитаны предположительно.

Вот, мол, дикая страна! —

В час погони за грошами,
Встречных в несколько минут
Оставляли голышами,
Тут же сделав им капут?

Иль шакалами пролаяв,
В океане, в день труда,
Разгружали без хозяев
Многотонные суда?

Куклы жизни на задворках,
В куртках, в ватниках, в пальто,
В сапогах, в лаптях, в опорах,
Босиком и в буцах, то

Не разбойники-бродяги,
Не грабители морей,
А всех видов доходяги
Из тюремных лагерей.

Под лагерными стихами 1944 года помета «Серебряные Пруды Моск. Обл.» – это маленький поселок на юго-востоке, самый отдаленный из районных центров. В исполинской летописи ГУЛаг'а мне его найти не удалось: вероятно, там располагалось небольшое отделение какого-нибудь из подмосковных лагерей.

Если Минаев и писал кому-нибудь оттуда, то письма эти не сохранились (или пока не разысканы); вновь единственным источником для реконструкции биографии служат стихотворные тексты. Впрочем, на этот раз извлечь из них удастся немного: в основном они представляют собой грубоватые эпиграммы на товарищей по несчастью. Центральный сюжет 1944 года – этап в московскую (вероятно, пересыльную) тюрьму: «Юноши и малолетки, / Взрослые и старики, / Словно сельди в бочке, в клетке / Около Москвы-реки» (из здешних тюрем по описанию больше всего похоже на СИЗО «Пресня» или на ныне несуществующую «Таганку»⁹⁹; остальные значительно дальше от реки, хотя и эти не прямо на берегу). В конце 1944 года он оказывается в Бутырской тюрьме, причем в больнице, где пишет «Балладу о двух врачах». Крайне жизнерадостным четырехстопным хореем здесь излагаются наблюдения, сделанные автором в палате бутырской больницы («Где в моем голодном теле / Пребывал миокардит») и сопоставляются две представительницы племени тюремных медиков. Поэма закончена 7 января 1945 года, а еще спустя три месяца автор, вероятно, по амнистии был освобожден – и 31 марта прямо с пересыльного пункта отправился, как

⁹⁹ Указано В. В. Нехотиным.

написано было в справке, «к месту жительства»¹⁰⁰.

Наступившее за этим десятилетие жизни нашего героя документировано крайне скупо. Возможно, перенесенное в тюрьме заболевание позволило ему получить инвалидность – по крайней мере, больше никаких сведений о его «трудовой деятельности» у нас нет. Даже стихов за эти годы было написано исчезающе мало: четыре в 1946 году, три – в 1947-м, столько же в 1948-м. Его галантная манера приветствовать звучными рифмами любую леди, равнодушную к поэзии, позволяет нам восстановить один из первых его маневров после освобождения: 3 апреля 1946 года он записывает назидательное стихотворение в альбом Тамаре Лапшиной; это – родственница Кугушевой (по-прежнему томящейся в Казахстане), которая время от времени организует ей вынужденно скромное вспомоществование. Три месяца спустя

¹⁰⁰ Там же. Л. 2. Вероятно, возвращение домой прошло не без труда: спустя две недели сестра пишет ему, адресуя письмо: «Рошаль, Московская обл., Кривандинского р-на, Рошальская больница»: «Напиши, пожалуйста, почему ты опять в больнице? Что у тебя за болезнь? Сколько раз я тебя спрашивала об этом, но ты не отвечал. Я уже писала тебе, что площадь у тебя взяли, в комнату по ордеру въехал один военный с семьей. Вообрази, какая у нас теперь теснота! По коридору почти невозможно пройти, – все заставлено» (письмо А. Н. Минаевой от 18 апреля 1945 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 9). Чем завершилась коллизия с военным – неизвестно, но на ближайшие годы его адрес по Известковому не изменился.

полунисший больной Минаев добавляет свой вклад к очередной посылке: «Вместо всякой вкусной жвачки, / В край далекий из Москвы, / Папирос плохих две пачки / Посылаю я, увы!». Между ними возобновляется переписка (из-за перерыва, вызванного минаевским арестом, она считала, что он умер) и они в принятой в их бывшем кругу полушуточной манере уговариваются еще немного пожить в надежде на встречу: «У меня уже все приготовлено для сыграна в ящик. Но давай дадим друг другу слово подождать до осени, скажем месяца два. Неужели тебе не хочется повидать меня и поговорить? Фортуна может еще, вопреки всяким очевидностям, над нами сжалится и колесико судьбы задержится где-нибудь на счастливом номере»¹⁰¹. Она же поддерживает его, получив (несохранившееся) письмо с жалобами на житейские обстоятельства, способствующие молчанию: «Жаль мне, что ты бросил писать, это уже совсем никуда не годится, дорогой. Ты ведь такой талантливый поэт. И мастер хороший, это совсем позор.

Помни, что бедность вечный спутник поэтов! И голод – тоже»¹⁰². Опять возникает (очевидно несбыточ-

¹⁰¹ Письмо Кугушевой к Минаеву от 29 августа 1945 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 22.

¹⁰² Тот же корпус. 22 августа 1947 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 12.

ная для обоих) тема будущей встречи: «Жди меня, Николаша, милый! Будет трогательное свидание престарелых друзей! Сколько я стихов, Колька, написала, несмотря на жуткие условия – холод, бураны, вода в хате мерзнет. Быт подлинных троглодитов. Если бы ты был человек не на одну русскую букву, ты бы приехал бы сюда ко мне хотя бы летом и проведал бы меня! Да и экзотики бы понабрался на всю жизнь. Да и меня бы отсюда похитил, хотя я довольно плотно здесь завязла»¹⁰³. Тем временем в жизни Минаева появляется новое действующее лицо.

В первой половине 1920-х годов среди литературно-музыкально-театральной компании молодежи, в которую был вхож и Минаев, была заметна Зоя Евгеньевна Сотникова, дочь орловского художника Е. М. Сотникова, значащегося в истории искусств автором единственной картины «Ярило». Наш герой познакомился с ней (не картиной, а девушкой), вероятно, в середине 1924 года, но обоим запомнилась одна и та же встреча: на похоронах Брюсова. Тридцать лет спустя, разделенные несколькими тысячами километров, они сверяли свои тогдашние впечатления. Она: «На днях был вечер посвященный Брюсову в Колонном зале. Читались его стихи и был большой концерт. Вспомнилось, как мы были на его похоронах. Был хороший

¹⁰³ Письмо от 18 декабря 1947 года // Там же. Л. 15.

осенний день, хотя я была в шубе. Ты конечно не помнишь, она была широкая японская <?> как тогда носили, отороченная норкой. Запомнилось, как похоронная процессия следовала через старое кладбище на Новое, как семенила за гробом в черном жена Брюсова, как говорил Луначарский, близко к которому мы стояли, он был в расстегнутом пальто. Был погожий день, склонявшийся к вечеру, в прозрачном осеннем воздухе громко раздались слова Луначарского: «Брюсов жив, Брюсов не умер» и тут же раздался паровозный гудок. Мелкая деталь, возвратившись домой, я открыла окно. У нас было много антоновских яблок. А помнишь ли ты, и знал ли ты?»¹⁰⁴. Он: «Да, 9 окт. Исполнилось 30 лет со дня смерти В. Я. Брюсова. Я очень хорошо помню день его похорон, это был чудесный осенний солнечный день. Я живо помню общее впечатление похорон, но многие частности и подробности этого дня испарились из моей памяти, в том числе и то, в каком пальто и башмачках была моя дорогая Зоюшка, которая – увы! – в то время еще не была мне тем, чем она является для меня теперь»¹⁰⁵. Тогда же между ними возникла, похоже, тень романти-

¹⁰⁴ Письмо Е. Сотниковой к Минаеву от 7 ноября 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 14 об. – 15.

¹⁰⁵ Ответное письмо от 17 ноября 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 18.

ческих отношений: она запомнила (на тридцать лет!) дату 10 июля 1925 года, когда было написано письмо, отменяющее их свидание. Январем следующего, 1926 года, помечена обидная минаевская эпиграмма: «Скучно в жизни прыгать, Зоя, / Одинокой стрекозою, / Время Вам уж / Выйти замуж, / Полноту приобрести / И детишек завести». Кажется, она последовала этому совету – и когда они снова встретились в 1950-м, у нее была дочь. У него же не было ничего.

«По-прежнему нам небо бирюзою / Сияет днем, а ночью в темноте / Все те же звезды светятся, но, Зоя, / И мир не тот, и мы уже не те», – этими строками, написанными 12 июля 1950 года, открывается самый обширный цикл любовных стихов Минаева, протянувшийся на десятилетие. Подробностей их отношений мы почти не знаем¹⁰⁶: как видно будет на следующей странице, вспыхивавшая между ними переписка почти всегда подразумевала посредничество лагерного цензора. Исключения невелики, но выразительны: так, около 1951 года их преследовала какая-то квартирная незадача, из-за которой Минаев вынужден был отправить Сотниковой записку: «Вот до чего довела меня моя злосчастная судьба: приходится

¹⁰⁶ Благодаря любезности А. И. Романова, откликнувшегося на интернет-публикацию этой заметки, удалось установить дату бракосочетания Минаева и Сотниковой: 14 ноября 1950 года.

из одного района города писать в другой район своей собственной жене и ходить к ней на свидания, как к чужой, за которой зорко следит ревнивый муж»¹⁰⁷. Возможно, впрочем, речь шла об ужесточении ее рабочего режима: трудилась она то в каких-то полуподпольных артелях по выпуску шелковых платков, то в цехах по изготовлению мягких игрушек. Была она доброй, взбалмошной, непутевой. В их коммунальной квартире шел ремонт; у рабочего («болезненного, хрупкого, очень жалкого и старательного»¹⁰⁸) жильцы украли теплогрeйку. Рассказ об этой истории она заключает словами: «Мне его жаль потому, что я вижу в нем такого же неудачника, как я сама»¹⁰⁹.

В феврале 1952 года у Минаева случился инфаркт. В больницу, по тогдашнему обычаю, жену не пускали, но он нашел способ с ней увидеться:

«Когда пойдешь, встань у моего окна, на дорожке. Там есть около самой загородки не то столб, не то ствол дерева без ветвей, я не разгляжу. Он находится не у моего окна, а дальше, но с моей кровати он как раз посередине моего окна и мне хорошо виден. <...>

Конечно, лица твоего я не увижу на таком расстоянии, а всю тебя разгляжу. Ты не бойся, я с кровати

¹⁰⁷ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 3.

¹⁰⁸ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 22 об.

¹⁰⁹ Там же.

не встану. Ну, будь здорова, моя родная»¹¹⁰. Пребывание его там затянулось – и месяц спустя он обычным своим почерком заполнял открытку, отправленную точно в день всенародного праздника: «Пострадавший от инфаркта, / Вместо торта и цветов, / В женский день 8 марта, / В праздник женщин и котов, / О себе напоминая, / Шлю тебе открытку я, / Зоюшка моя родная, / Стрекозоинька моя».

Одним из символов возвращения к жизни после десятилетней депрессии стала работа Минаева над полным сводом собственных стихотворений. Большая часть беловиков, использованных нами в этой книге, была создана именно в начале 1950-х годов: извлекая из черновиков, из старых публикаций, из собственной памяти, он заносил свои стихи аккуратнейшим почерком в специально подготовленные тетрадки, работая с удивительной старательностью. Как минимум семь рукописных книжек (иные – еще и с орнаментированными страницами) были созданы в 1951 году с прицелом на далекого читателя-потомка; два года спустя они достались на изучение лицам столь же прилежным, но отнюдь не настолько доброжелательным.

Одной из последних ниточек, связывавших Минаева с его собственным прошлым, был салон Мальвины

¹¹⁰ Письмо 10 февраля 1952 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 4.

Марьяновой. Здесь собиралась разномастная и симпатичная компания лиц, по большей части знакомых друг с другом еще с 30-х годов: поэты Д. Шепеленко¹¹¹ и Рюрик Ивнев, литературный функционер Д. Богомильский, скульптор А. Златовратский (упоминавшийся выше); наш герой, знакомый со всеми перечисленными еще с 30-х годов, регулярно там бывал.

Одна из попыток расширения этого круга окончилась трагически.

«В МГБ

Темкина И. М.

Москва, Подсосенский пер., 21, кв. 41

Заявление

В 1950 г. я жил в Успенском пер., д. № 6. В янв. — фев. того года меня встретила гр. Марьянова Мальвина, заявила, что она живет в одном дворе со мной, рекомендовала себя поэтессой, в свое время знакомой с А. М. Горьким. Она стала рассказывать о своих встречах с Горьким на о. Капри. Затем показала журнал, издававшийся не

¹¹¹ Шепеленко (о коем см. подробнее с. 768–769) был одним из главных энтузиастов и по совместительству летописцем кружка; ср. в его позднем стихотворении, написанном после смерти большинства его участников: «Сегодня, други мальвинисты, / Я — абсолютный именинник. / Собрались тут поэты и артисты! / А я среди них пророк пустынный!! / В салон Мальвины с того света / Прибудет ныне Богомильский... / Солон салона! Друг поэтов! / Ему поклон отвесим низкий!!!» (РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1).

то в Киргизии, не то в Казахстане, в котором была отпечатана статья с воспоминаниями о Горьком. В заключение разговора она попросила одолжить 50 р. и сказала, что у нее часто собираются известные литераторы, представители искусства: во время этих вечеров читаются произведения и критически разбираются. Она попросила меня с женой посетить такой вечер, который состоится на днях и выразила желание, чтобы я прочел какой-нибудь из моих рассказов.

Заинтересовавшись этим, мы с женой посетили ее в указанный ею день. Застали ее мать, которая кажется, спала и пожилого человека интеллигентной внешности, который был представлен как скульптор, сын писателя Златовратского. Мы вступили с ним в беседу, т. к. он был глух, то мы предпочитали слушать его. Он рассказывал о своих встречах с Чеховым и Горьким в Крыму, как он работал над скульптурным портретом Горького, после этого стал читать поэму, посвященную Горькому. Это было слабое ученическое произведение, в поэтическом отношении примитивное, в идейном отношении не представляющее никакого интереса. Этаким обывательский пересказ о встречах с Горьким. Я счел это за чудачество старика, увлекающегося поэзией.

Затем они попросили меня прочесть что-

нибудь. Из вежливости я прочитал какой-то отрывок, намереваясь скорее уйти. В это время явился новый посетитель, которого Марьянова отрекомендовала как талантливого поэта, однако работающего сейчас не по своему призванию. Фамилии, имени, отчества сейчас не помню (возможно, Николай Николаевич). Он был среднего роста человек в чрезмерно поношенном костюме. Лицо оставляло впечатление больного туберкулезом, либо много лет работающего в дореволюционных типографиях и общающегося со свинцом, такие лица бывают и у пропойц. На вид ему было лет 50, говорил глухим голосом. Вслед за ним (возможно, и раньше) пришел молодой человек, лет около 30 и был представлен как непосредственный начальник ее, Марьяновой, по работе. Она сказала, что он литератор, работающий сейчас над какой-то повестью, не то очерками, не то рассказом. Фамилии, имени, отчества его не помню. Вел он себя чрезмерно молчаливо, в разговор почти не вступал, читать произведения свои отказался.

После этого Марьяновой был подан пустой чай, без закусок и поэт, назовем его условно Ник. Ник., выразил согласие прочитать свои стихи. Он извлек из кармана небольшую потрепанную тетрадку и заунывным голосом стилем декадентского поэта стал читать. Прочитал стихотворений 15–20, относительно

небольших по размеру, в 5–6 строф, иногда в 1–2.

Все стихотворения были написаны в духе акмеизма, не то символизма, отличались пессимизмом, разочарованием в жизни. Некоторые стихотворения затрагивали и политические темы и носили ярко выраженный антисоветский характер. Из них запомнились стихи, в которых он издевательски говорил о советских поэтах, описывающих жизнь колхозов, заводов; высмеивалась карточная система во время войны (не то затруднения с питанием), а также выражалась мысль о том, что если будешь писать не о современности, то тебя вроде заставит НКВД. Описывались также портреты <нрзб> лиц, помнится были стихи о Керенском, о Распутине.

На вопрос, понравились ли мне стихи, не желая вступать в прения с подобным «автором», сказал, что они не современные и даже (более?), на что поэт отозвался, что писать в современном духе не может, а пишет как умеет. При этом он оставлял впечатление человека, никем не понятого и всеми обиженного.

Когда жена моя заявила, что стихи ей не понравились, Марьянова выразила сожаление, и сказала, что стихи, хотя и не современные и не в духе сегодняшнего дня, но Ник. Ник. человек талантливый и что он даже посвятил ей стихотворение.

Высказывания Златовратского и второго (молодого человека) не помню. После этого Марьянова прочла свое стихотворение о какой-то скульптуре в саду. Стихотворение примитивное и безыдейное. Я с женой заявили, что нам нужно срочно уйти, и, провожая нас, Марьянова сказала, что она очень жалеет, что не пришли еще какие-то литераторы (фамилии их не помню), что они «очень милы», а Ник. Николаевич, хотя и очень презирает ее мать, но она его жалеет и уважает. Просила еще приходить.

Когда мы выходили, за нами увязался вышеупомянутый молодой человек (нрзб) и, прощаясь с нами во дворе, попросил мой адрес с тем, чтобы придти почитать свои рассказы. Я сказал, где я живу, но он ко мне не приходил, и я его больше не видел.

После этого ни я, ни жена моя у Марьяновой не бывали и никого из позванного сблища не встречали.

(подпись)»¹¹².

Об авторе этого текста известно совсем немного: судя по всему, он был неудачником-прозаиком; по крайней мере, таковым он предстает из описаний архивных дел. В РГАЛИ хранятся его присланные на конкурс одноактные пьесы «Американское пари» и

¹¹² ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 30–34.

«Сдается»¹¹³, а также образцы его рассказов вкупе с личным делом¹¹⁴. Последнее, конечно, расширило бы наше представление о его биографии, если бы было открыто – но до истечения 75-летнего запрета осталось еще два года.

Оригиналы доносов, несмотря на исключительную популярность жанра в Советском Союзе и России, в настоящее время весьма труднодоступны – и не без усилий раздобытая мною копия не имеет даже даты. Поэтому доподлинно неизвестно, отчитался ли Темкин о случившемся немедленно по горячим следам (но почему тогда он не мог датировать визит к Марьяновой с точностью до дня?) или, простимулированный какими-то внешними событиями, написал его позже. По крайней мере, делу был дан ход 4-го марта 1953 года – пока на «Ближней даче» исполнялось дыхание Чейн-Стокса, на Лубянке вызревал следующий документ:

«Постановление

(на арест)

гор. Москва, 1953 г. март 4 дня

Я, ст. оперуполномоченный 3 отделения
5 отдела 5 Управления МТБ СССР
майор госбезопасности Олещук, рассмотрев

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 7. Ед. хр. 3001 и 3002.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Ед. хр. 4717.

поступившие в МТБ СССР материалы о преступной деятельности Минаева Николая Николаевича, 1893 года рождения, уроженца г. Москвы, русского, беспартийного, без определенных занятий, проживающего по адресу: ул. Герцена дом 19 кв. 28, -

Нашел:

Минаев Н. Н., будучи озлоблен против существующего в СССР строя, принимает активное участие в антисоветских сборищах группы враждебно настроенных лиц и вместе с ними занимается преступной деятельностью.

Враждебная деятельность Минаева Н. Н. подтверждается показаниями осужденного в 1943 году Русова Н. Н., свидетелей Темкина И. М., Канонич С. М., Рябова Г. З. и официальными материалами Главлита СССР.

На основании изложенного, -

Постановил:

Минаева Николая Николаевича подвергнуть аресту и обыску»¹¹⁵.

Здесь нотабене. Упомянутый Николай Николаевич Русов (1884 – после 1943) – исключительно любопытная фигура. Сын серпуховского бухгалтера; студент Московского университета, поэт, мистик, анархист, ученик Трубецкого, посетитель Толстого, корреспон-

¹¹⁵ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 3 об. – 4.

дент Блока, член клуба Московского Союза Анархистов, неоднократно арестовывавшийся за свои убеждения; сотрудник журнала «Совхоз»; член запрещенной организации «Орден Света»; после ареста 1930 года он пропал из вида. В 1942 году он обнаружился в Москве, а в 1943, по всей вероятности, был вновь арестован – и на допросе 1 апреля 1943 года назвал Минаева: «В эпоху военных действий МИНАЕВ оказался в лагере сочувствующих фашизму и мнимым победам германской армии в унисон настроений СТРАЖЕВА и моим»¹¹⁶. Ровно через десять лет этим показаниям был дан ход.

Второй свидетель – Канонич Сара-Иось Менделевна – жена Темкина. Текст ее письма остался нам недоступен; показания, данные ею на очной ставке, я приведу ниже.

Рябов Г. З. – вероятно, это Григорий Захарович Рябов (1894–1967), врач и историк медицины с обширными знакомствами в писательских кругах, но подробности его участия в этом деле мне неизвестны.

5 марта 1953 года (какова усмешка судьбы!) Минаева арестовывают:

«Нач. Оператив. отделения 7 Управления МТБ СССР – подполковнику гос. безопасности

¹¹⁶ Там же. Л. 21–22.

тов. Куприянову А. Г.

Рапорт

Докладаваю, что 5.3.53 г. мною совместно с капитаном госбезопасности Столяровым В. М. был произведен арест и обыск Минаева Н. Н. прожив. по адресу: гор. Москва, ул. Герцена, д. 19 кв. 28

В момент нашего приезда по месту жительства Минаева Н. Н. последний находился дома. Прочитав ордер на арест, Минаев проговорил, что его арестовывают ни за что, ибо он якобы не виноват, «вот разве только за 1929 год», – добавил он.

В продолжении сбора на квартире и в пути следования в МТБ арестованный вел себя спокойно.

Арест на имущество Минаева Н. Н. не наложен, ввиду отсутствия такового. Арестованный проживал совместно со своей семьей, занимая одну комнату.

При обыске присутствовал и материал просматривал ст. оперуполномоченный 3 отделения 5 отдела 5 Управления МТБ СССР, майор госбезопасности тов. Олещук <...> Майор госбезопасности Копцов

7 марта 1953 г.»¹¹⁷.

¹¹⁷ Там же. Л. 5–5 об.

Спустя несколько дней на допрос была вызвана Марьянова и – удивительная вещь! – насколько она, не производящая, признаться, впечатления обладательницы острого ума, тонко и точно обходит все ловушки, расставляемые ей следователем. Почти шестидесятилетняя леди с опытом ссылки, с памятью об аресте и гибели ближайших друзей, не поддавшись искушению дотопить уже почти обреченного Минаева, действует в рамках единственно верной стратегии – все отрицать:

«Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. ст. 92 и 95 УК РСФСР предупреждена.

Вопрос: Минаева Вы давно знаете?

Ответ: Да. С М-ым Н. Н. я познакомилась в начале 20 годов, когда именно за давностью времени не помню.

Познакомилась я с ним в Союзе писателей в Москве и с тех пор поддерживала с ним знакомство как с поэтом, однако близкой дружбы с ним никогда не имела.

Вопрос: Чем же объясните, что М-в на протяжении длительного времени посещал Вашу квартиру?

Ответ: М-в знал меня как поэтессу, кроме того ему было известно, что меня посещают другие поэты, которые иногда читают свои новые

произведения и обсуждают их.

Иногда М-в заставлял у меня общество из литературных работников, а иногда у меня никого не было. В последнем случае он посидев у меня и поговорив на различные темы уходил.

Когда же у меня были др. поэты, то М-в вместе с ними читал и свои произведения.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: Большею частью М-в читал свои лирические стихи упаднического содержания, названия всех его стихотворений я сейчас не помню.

Как я припоминаю М-в читал так же стихи о Керенском и Николае II, которые по содержанию носили сатирический хар-р, однако политической оценки этим личностям М-в в своих стихах не давал и они были не уместны в современной действительности.

Вопрос: А какие антисоветские стихотворения читал М-в у Вас на квартире?

Ответ: Этого я не помню. Может быть он и читал какие-либо не советские стихи, но я видимо их не слышала т. к. часто выходила на кухню, чтобы приготовить чай для гостей или подать что-нибудь к столу.

Вопрос: Что Вам известно о прошлом М-ва?

Ответ: Мне трудно ответить на этот вопрос, т. е. М-ва я знаю только как поэта. Личной его жизнью никогда не интересовалась, семью его не знаю и

дома у него никогда не была, хотя и находилась с ним в нормальных взаимоотношениях и личных счетов и ссор с ним не имела.

Вопрос: Что имеете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Я хочу сказать, что никаких сборищ у меня на квартире не было. Ко мне приходили старые поэты, с которыми я знакома около 30 лет. Иногда они у меня просто посидев и поговорив на различные темы уходили, а иногда читали свои произведения и обсуждали их.

Заранее эти встречи не обсуждались и никаких определенных дней для этого не назначалось. Обычно или я кого-нибудь из них приглашала или они сами заходили ко мне, или знали что я вечерами почти всегда бываю дома и охотно их принимаю.

Никаких антисоветских разговоров у меня на квартире не было, а если бы кто и попытался их вести то я это запретила бы.

Если некоторые из присутствующих и допускали какие-либо неправильные суждения, то я их останавливала.

Допрос окончен в 22 ч. 00 м.

Протокол допроса мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно.

Подпись:

Допросил: ст. следователь следотдела 4

Здесь к кругу наших источников присоединяется еще один: надзорное дело прокуратуры. Основную его часть составляет вялая дискуссия между жестокосердым прокурором и несправедливым судьей, заканчивающаяся призывом первого оставить в силе приговор, вынесенный вторым, но среди доказательств есть выписка из протокола очной ставки:

«На очной ставке со свидетелем Канонич С. И. на л. д. 137 последняя показала:

«...В этот вечер архитектор и мой муж – Темкин Израиль Маркович читали свои произведения. Вскоре на квартиру Марьяновой пришел Минаев... Минаев пришел сел за стол и впоследствии по просьбе Марьяновой принял участие в чтении стихотворений... По моему общему впечатлению некоторые стихотворения Минаева были упадническими, а некоторые носили явно антисоветский характер с клеветой на советскую действительность и советских людей. Как я сейчас припоминаю, одно из стихотворений, которое читал Минаев, было о Керенском, в котором Минаев критиковал отдельные черты характера Керенского, не давая однако ему политической оценки как

¹¹⁸ Там же. Л. 34–35 об.

Некоторое время спустя был допрошен и Рюрик Ивнев:

«Вопрос: Минаева Вы знаете?

Ответ: Да, с Минаевым Ник. Ник. я знаком примерно с 1923 года. Познакомился я с ним на одном из лит. открытых вечеров в «Союзе поэтов» и поддерживал знакомство вплоть до его ареста органами МТБ.

Вопрос: В связи с чем он был арестован?

Ответ: Со слов Марьяновой Мальвины Мироновны мне неделю тому назад стало известно, что М. арестован будто бы за чтение своих антисоветских стихотворений. Как сказала Марьянова, об этом ей стало известно от ее знакомого Степанова Ал-дра Георгиевича, работающего корректором в Лит. энциклопедии. Степанову стало известно о причине ареста М. от жены последнего, которую он как-то посетил.

Вопрос: Вам известно, где М. читал антисоветские стихотворения?

Ответ: Да, подобные стихотворения М. читал на кв-ре у Марьяновой, где иногда бывал и я.

Вопрос: Что именно читал при Вас Минаев?

Ответ: М. в присутствии меня читал много различных ст-ний и должен сказать, что некоторые из них носили явно антисовет. х-р. Я

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 1. Ед. хр. 1026. Л. 2.

не помню названия всех этих антисовет. ст-ний, однако должен сказать, что стих-ние «Баллада о четырех королях» и ст-ние о комсомолке явно антисоветские. В них автор клеветает на совет. действит. и сов. людей. Воспроизвести более точно содержание этих ст-ний М. я затрудняюсь.

Вопрос: М. читал в присутствии Вас ст-ния с клеветой на руководителей партии и сов. правительства?

Ответ: Нет, таких ст-ний М. при мне никогда не читал. Правда, имели место факты, когда М. выражал свое недовольство мероприятиями партии и сов. пр-ва в отношении лит-ры. Так, например, он заявил, что поэт у нас не может писать свободно, т. к. должен выполнять «социальный заказ». Кроме того, М. клеветнически утверждал, что если даже писатель и напишет что-нибудь приемлемое и хорошее, то его произведения все равно печатать не будут, если он не входит в круг писателей с лит-ным именем. Других каких-либо антисоветских суждений я от него не слышал.

Вопрос: Почему М. читал антисов. стихи именно у Марьяновой?

Ответ: М. хорошо знает Марьянову и тех лиц, к-рые у нее бывали. Он их видимо не стеснялся и считал возможным иногда показать свое враждебное отношение к сов. власти. Присутствующие обычно у М-вой лица давно

знали, что у Минаева есть недовольство сов. властью, однако резко он никогда не выступал и поэтому на его подобные настроения не обращали внимания.

Тот факт, что М. позволяли допускать отдельные антисов. проявления, можно объяснить только тем, что присутствующие потеряли политич. бдительность. К вышесказанному необходимо дополнить, что последнее время Марьянова с неохотой принимала у себя на кв-ре М., однако он, несмотря на это, всё-таки приходил к ней.

Вопрос: Что Вы знаете о прошлом М.?

Ответ: В 1929 году из лит. кругов мне было известно, что в тот период времени М. арестовывался органами ОГПУ за свои антисоветские стихотворения. Подробности этого дела мне неизвестны, т. к. сам М. мне об этом не рассказывал, а я его в свою очередь не спрашивал об этом.

Вообще, должен сказать, что близкой дружбы с Минаевым я никогда не имел, к тому же по натуре он человек очень замкнутый и поэтому о себе мне ничего и никогда не рассказывал. Видя, что М. за последнее время особенно деклассировался и отошел от сов. действительности, и внешне опустил, я делал попытки приобщить его к работе, приблизить к сов. общественности, но он от этого упорно уходил, не желал работать, хотя

я и предлагал ему подстрочные переводы. Он не хотел работать, объясняя это тем, что у него все равно будто бы ничего не получится, т. к. нет желания писать против воли.

Из бесед с М. чувствуется, что он понимает ненужность его стихотворений в настоящее время, однако продолжал писать их.

Вот все, что мне известно о Минаеве»¹²⁰.

Главной проблемой были изъяты при обыске рукописные книжки: в следственном деле сохранились экспертные заключения изучавших их литературоведов, не оставлявшие автору шансов на оправдание: «Почти все эти стихотворения носят ярко выраженный антисоветский характер»; «автор хочет сказать, что в Советском Союзе все граждане из страха перед наказанием вынуждены расхваливать государственный и общественный строй»; «антисоветский, враждебный характер этих стихотворений очевиден»; «некоторые из стихотворений проникнуты враждебными взглядами и идеями»; «явно антисоветские высказывания, смысл которых сводится к тому что в Советском Союзе лучше молчать о неполадках или нарушениях, чтобы не пострадать за это»; «в пошлой и издевательской форме говорится о портрете

¹²⁰ Показания Ивнева по ошибке подшиты к копии дела 1929 года: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 15 об. – 17.

Буденного»; «автор описывает жизнь заключенных с позиций антисоветски настроенного человека»; «лагерную жизнь автор изображает как сплошной ужас, хамство, невежество»; «автор предстает перед читателем как безыдейный авантюрист-космополит, воззрения которого абсолютно противоположны взглядам советского человека»; «автор развязно говорит о членах правительства и проповедует шовинистические взгляды»; «автор стихотворений отрицательно относится к советской власти, к советскому строю»; «в тетради помещена баллада, написанная на глупый и пошлый сюжет»; «автор, в сущности, старается показать, что все советские редакторы являются такими же троглодитами, как описанный автором редактор»; «в стихах звучит бессильная злоба деклассированного, с прогнившей идеологией интеллигента, настроенного явно антисоветски»¹²¹ etc. Среди изъятых при обыске (и, таким образом, навсегда утраченных) текстов были и те, дублиеты которых не сохранились, но таких, по счастью, немного: основная часть архива, вероятно, сберегалась автором не по месту прописки и, таким образом, уцелела.

Текст первого допроса Минаева, состоявшегося 18 марта, ужасен: или его подвергали физическому воздействию или следователь напрямую транслировал

¹²¹ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5.

свои фантазии на бумагу:

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что вы, будучи враждебно настроен против существующего в СССР государственного строя, принимали активное участие в антисоветских собраниях, на которых высказывали злобную клевету на советскую действительность, изготовляли и распространяли стихи вражеского содержания, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст.58–10 ч. II и 58–11 УК РСФСР.

Вам понятно, в чем вы обвиняетесь?

Ответ: С постановлением о предъявлении мне обвинения по ст. ст.58–10 ч. II и 58–11 УК РСФСР я ознакомился. Сущность предъявленного мне обвинения понятна.

Вопрос: В предъявленном обвинении виновным себя признаете?

Ответ: Да, признаю.

Вопрос: В чем конкретно вы признаете себя виновным?

Ответ: Признаю себя виновным в том, что, будучи озлоблен против советской власти, я являлся участником антисоветской группы, посещал вражеские собрания, на которых высказывал клеветнические измышления о политике коммунистической партии и Советского правительства, о советской действительности.

Моя вина состоит еще и в том, что

я на протяжении многих лет писал стихи антисоветского содержания и распространял их среди своего окружения.

Вопрос: Когда вы встали на путь, враждебный советской власти?

Ответ: Трудно сказать, когда я встал на путь, враждебный советской власти. Самым верным будет, если я скажу, что никогда я не был сторонником советской власти.

Родился я в мещанской семье, получил воспитание и образование при царизме. Все это не могло не отразиться на моих взглядах и убеждениях. И если я безразлично отнесся к социалистической революции, происшедшей в России в октябре 1917 года, то совсем иным стало мое отношение к установившимся в стране после революции порядкам, к советскому государственному строю. Советской властью я был недоволен и это недовольство впоследствии переросло во вражду, которую я стал проявлять в изготовляемых мною антисоветских стихах и в клеветнических беседах со своими знакомыми.

Вопрос: Покажите об этом подробнее.

Ответ: Начиная, примерно, с 1923 года я стал писать стихи антисоветского содержания. Впоследствии эти стихи «Предосудительные мечтания» <sic>. Оформление стихов в сборник относится к периоду 1932 года.

В 1926–1928 годах я написал такие стихи, как

«Баллада об алиментах», «Баллада о четырех королях», «Рассказ о культурном помзамзаве, о невежественной машинистке и о необычайном происшествии в Горсовнархозе или торжество культуры», «Разговор редактора с поэтом» и другие.

В этих стихах я злобно клеветал на советскую действительность, на советских людей и вымещал свою злобу против советской власти.

Изготовленные антисоветские стихи я читал не только на частных «субботниках», т. е. на сборищах враждебно настроенных лиц, но и в общественных местах, таких, как дом печати, политехнический музей, где устраивались открытые литературные вечера.

В 1929 году я был арестован органами ОГПУ за изготовление и распространение антисоветских стихов. В течение одного месяца я находился под стражей, но после того, как дал подписку и обещание не выступать в своих «произведениях» против советской власти и не вести никакой вражеской работы, я был из-под стражи освобожден.

Вопрос: Однако вы не прекратили вражеской деятельности, а наоборот, усилили ее в последующие годы. Это так?

Ответ: Да, так. Мой арест не явился для меня уроком. Я еще больше озлобился против советской власти и в своих последующих стихах

еще с большей злобой стал клеветать на советскую действительность.

В 1932 году я собрал в один сборник под названием «Предосудительные мечтания» многие ранее написанные мною стихи вражеского содержания.

В 1938 году я написал два «стихотворения» против вождя советского народа. Назвать их клеветническими – будет слишком мягкая оценка. В них вылилась вся моя ядовитая злоба против всей советской власти и, прежде всего, против вождя советского народа. Его я награждал такими чертами, которыми не награждали даже царя-палача, душителя русского народа Николая второго.

Каждое мое слово в этих стихах пропитано желчной злобой против руководителя коммунистической партии и Советского государства.

Вопрос: Вы и в последующие годы писали клеветнические стихи против вождя советского народа?

Ответ: Не скрою этого. Стихи, в которых я выражал свою ненависть к вождю советского народа, писались мною до 1942 года. Но их было немного, кажется всего четыре стиха.

Вопрос: Вы возводили клевету и на других руководителей партии и государства. Говорите все до конца.

Ответ: Я ничего не скрою. Признаю, что в 1950 году я написал эпиграмму на одного из своих родственников, в которой злобно насмеялся над двумя членами советского правительства и руководителями КПСС»¹²².

Но уже в протоколе одного из следующих допросов вновь слышен живой голос несломленного поэта:

«Вопрос: Антисоветские стихотворения вы читали на квартире у МАРЬЯНОВОЙ и после 1952 года.

Не пытайтесь отрицать это!

Ответ: Я еще раз повторяю, что после 1952 года у МАРЬЯНОВОЙ я не читал антисоветских стихотворений.

Вопрос: КАНОНИЧ Сарру-Иось Менделевну вы знаете?

Ответ: Эту фамилию я слышу впервые.

Вопрос: КАНОНИЧ показала, что в феврале 1950 года в ее присутствии вы читали свои антисоветские стихотворения. Почему же вы ее не помните.

Ответ: Я не отрицаю того положения, что КАНОНИЧ могла быть у МАРЬЯНОВОЙ, когда я читал свои стихотворения. Однако еще раз повторяю, что КАНОНИЧ лично я не знаю и поэтому не мог в присутствии ее читать

¹²² Там же. Л. 12–15.

антисоветские стихотворения.

Вопрос: Это противоречит фактам. Свидетель КАНОНИЧ на допросе 15 декабря 1952 года опознала вас по фотокарточке и показала, что вы читали стихотворения, в которых критиковали с враждебных позиций советскую систему, допускали клевету на советскую действительность и быт советских людей. Теперь вы припоминаете это?

Ответ: Повторяю, при КАНОНИЧ я подобных стихотворений читать не мог.

Вопрос: В том, что вы читали антисоветские стихи у МАРЬЯНОВОЙ вас изобличает и второй свидетель ТЕМКИН Израиль Маркович.

Ответ: ТЕМКИНА я также не знаю и в присутствии его никогда, никаких антисоветских стихотворений не читал.

Вопрос: На допросе 12 декабря 1952 года ТЕМКИН опознал вас по фотокарточке и показал:

«Некоторые стихотворения Николая Николаевича затрагивали и политические темы и носили ярко выраженный антисоветский характер...

В этих стихах Николай Николаевич в издевательской форме высмеивал советскую систему. В них выражалась мысль о том, что НКВД заставляет якобы советских писателей писать о современности».

Что вы теперь скажете?

Ответ: Таких стихотворений в присутствии ТЕМКИНА я читать не мог, так как у меня нет стихотворений, где бы упоминалась деятельность НКВД.

Вопрос: Кто из молодежи присутствовал на ваших антисоветских собраниях?

Ответ: Как я уже сказал, никаких антисоветских собраний у МАРЬЯНОВОЙ не было, а если там иногда и были молодые люди, то кто они я сказать затрудняюсь, так как фамилии их мне не известны»¹²³.

Впрочем, принципиального значения это уже не имело: изъятых при обыске стихов для обвинительного заключения хватало за глаза. 17 июля 1953 года Минаева судили; свидетели обвинения (Темкин и Канонич) на заседание не явились. Адвокат Санников просил пять лет и применить указ об амнистии; прокурор Фунтов просил максимального срока – и судебная коллегия Московского городского суда (председательствующий – Лукашов) пошла ему навстречу: приговор был – десять лет лагерей.

«Спешу известить тебя, что я нахожусь в Казахстане, в гор. Чимкенте, так как ты, вероятно, узнала на Кр. Пресне, что я оттуда выбыл и не зная где я начнешь беспокоиться.

Сегодня, после десятидневной дороги, я

¹²³ Там же. Л. 24–28.

волею судьбы прибыл сюда и сейчас пишу тебе, сидя на полу. Чувствую себя сравнительно ничего, хотя получил довольно сильную встряску в буквальном смысле слова, ибо в пути вагон сильно трясло и я здорово подпрыгивал. Адреса своего тебе не даю, так как сам его не знаю, ибо здесь я нахожусь временно, а отсюда поеду в лагерь, куда не знаю. Из лагеря напишу подробно и тогда ты мне будешь писать»¹²⁴, —

этим письмом, датированным 6 октября 1953 года, начинается его очередная эпопея. Из Чимкента его переправляют в Актюбинск, но, присылая оттуда первую весточку, он предупреждает, что это ненадолго, лагерь транзитный¹²⁵. Подготовленный жизнью к такому исходу, он дистанционно руководит выправлением собственных текстов («Стихов сегодня не посылаю. Посылаю только исправление к стих. от 21 авг. 1950 г., что ты и сделай. Оно вошло в книгу «Лирика», она у тебя есть»¹²⁶), постоянно повторяя: «Читаешь ли ты иногда мои стихи? Храни их, это лучшая

¹²⁴ Письмо Минаева жене от 6 октября 1953 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 5–5 об.

¹²⁵ «В настоящее время я нахожусь в лагере, но это еще не окончательно, отсюда я поеду в другой лагерь, здесь я пока временно. Однако ты напиши мне сюда, так как я пробуду здесь неизвестно сколько времени» (тот же корпус, 22 октября 1953 года // Там же. Л. 7).

¹²⁶ Там же. Л. 7 об.

память обо мне и это лучшее, что я сделал в жизни и чем моя жизнь оправдана»¹²⁷. Осенью того же года его кладут в актюбинскую тюремную больницу: очевидно, это означает второй инфаркт; в письме к Сотниковой он поясняет: «все то же самое»¹²⁸. Основное содержание его инструкций жене (вероятно, он приспособился переправлять их через вольных сотрудников лагеря, т. к. переписка сохранилась в значительном объеме) – формирование полного корпуса текстов одновременно со строгим запрещением вмешиваться в судьбу их сочинителя: «В Верх. Суд не подавай и никаким адвокатам не плати ни одной копейки. Этого совсем не нужно. Я уже, кажется, писал тебе об этом, слушайся меня¹²⁹».

В марте 1954 года из актюбинского лагеря начинают этапировать партии заключенных; готовясь к переменам в судьбе, Минаев на всякий случай прощается с женой: «Дорогая моя, это по всей вероятности мое последнее письмо из Актюбинска, ибо нас отсюда будут куда-то отправлять, куда, это, конечно, нам неизвестно. Несколько партий уже отправили и, очевидно, это предстоит всем. <...> Благословляю тебя и последняя моя мысль в этой жизни будет мыслью о те-

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Письмо от 24 ноября 1953 года // Там же. Л. 13.

¹²⁹ Письмо от 25 декабря 1953 года // Там же. Л. 19.

бе. Я очень доволен, что успел выразить это в стихах. Ты ведь знаешь, что стихи являются целью и оправданием моей жизни, и считаю, что только ими я могу хоть в некоторой степени воздать тебе должное и отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала и за всю твою светлую и чистую любовь ко мне»¹³⁰. 29 марта он попадает в очередную партию; больше двух недель они едут до Челябинска, откуда ему удастся подать восточку. В Челябинске же его снимают с поезда и на десять дней кладут в больницу («Ты не думай, что что-нибудь новое, нет, все то же самое. Полежал, отдохнул, поправился и прибыл сюда»¹³¹). В конце апреля или начале мая он добирается до места назначения – казахского Петропавловска.

В нескольких сотнях километров от него находится в своей бессрочной ссылке Кугушева. Вероятно, боясь ее скомпрометировать, он не рискует писать ей прямо, а вкладывает записочку (заканчивающуюся очаровательным: «Как видишь, я, до некоторой степени, твой сосед»¹³²) в свое письмо жене с просьбой переслать ее обратно в Казахстан; та отказывается («я несколько раз перечитала послание Тате и решительно не хочу его посылать – оно написано крайне легко-

¹³⁰ Письмо 17 марта 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 21.

¹³¹ Письмо 25 апреля 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 2.

¹³² Там же. Л. 9 об.

мысленно – сердись не сердись, как хочешь»¹³³) – и переписка так и не возобновляется. Сангвинический темперамент нашего героя не позволяет ему сконцентрироваться на тяготах окружающей действительности: детали лагерного быта становятся материалом для ярко-певучих стихов («За грызню, за сучью кличку, / За опасность для людей, / Эту Жучку, то есть Жичку / Нужно на цепь и в кандей»), а исходящая почта заполняется беспримесной литературой: «Да, скоро будет 50 лет со дня смерти А. П. Чехова. Это мой любимый писатель. Я ставлю его наряду с Л. Н. Толстым, а в стилистическом отношении даже выше. Это огромный художник и замечательный мастер. Я здесь, не знаю уж в который раз, снова читаю его и вновь с большим наслаждением. Что умер Бунин я не слышал, тоже был большой художник и прозы и стиха»¹³⁴. К исходу лета 1954 года надежды на перемены добиваются и до удаленнейших областей ГУЛаг'а: ««Может быть мы с тобой более или менее скоро увидимся. Когда и как это будет я сейчас сказать не могу, сообщу лишь, что некоторые больные старики, даже со сроками по 25 лет, отправились уже по домам. Следовательно это должно произойти и со мной, однако ты

¹³³ Письмо от 20 июня 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 225. Л. 8.

¹³⁴ Письмо от 28 июня 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 16–16 об.

до поры до времени об этом никому не говори, придет время и узнают, а пока не нужно давать пищу языкам <...>»¹³⁵.

Освобождения пришлось ждать еще больше года: все формальности были окончены только к 22 сентября 1955 года; выданная в Семипалатинске справка («Видом на жительство не служит. При утере не возобновляется») подписана начальником отдела лагеря, моим однофамильцем¹³⁶. По условиям он не мог селиться ближе саκραментального 101-го километра от Москвы; как и многие другие писатели, Минаев выбирает Малоярославец. И на несколько лет выпадает из нашего поля зрения: переписка с Сотниковой окончена с воссоединением, а другие эпистолярные корпуса, если и были, до сегодняшнего дня не дошли. Жгуче интересно было бы прочесть в подробностях, что он думал об окружающем его мире: все-таки вступал он в литературу, пародируя Северянина, а заканчивал свой путь, посмеиваясь над рок-н-роллом: мало кто из авторов проходил сопоставимый путь, сохраняя цельность личности и сознания. Но увы: остались только стихи. Впрочем, продолжая работать над итоговым сводом стихотворений, он – впервые! – формулирует свое эстетическое кредо в

¹³⁵ Письмо от 25 июля 1954 года // Там же. Л. 22.

¹³⁶ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 4.

предисловии к очередному рукописному сборнику:

«Автор этих стихов является сторонником теории искусства для искусства.

Да, да, гражданин, но ты не пугайся, ибо это не так страшно и опасно, как тебе кажется, и не так вредно, как внушают тебе в течение многих лет. Наоборот, это хорошо и вполне уживается со здравым смыслом, с которым часто не в ладу проповедники искусства для чего-то или кого-то.

Что же такое теория искусства для искусства в поэзии?

По-твоему разумению, это – выдумывание каких-то бессмысленных словосочетаний и новых слов, или сочинение стихов на так называемые вечные темы, причем, если это, например, стихи о любви, то любовь здесь является просто любовью, а не любовью в социалистическом обществе, а если стихи о природе, то природа в них выглядит точно такую же, какою она была и до семнадцатого года.

Однако это не так, а, коротко, вот что: – Если ты занимаешься искусством, в данном случае поэзией, т. е. пишешь стихи, то обязанность твоя позаботиться не только о том, чтобы в них ощущалось веяние Музы, но и о том, чтобы они в то же время были и произведением искусства. А это не одно и то же.

Во всяком искусстве, а следовательно и в искусстве поэзии, не столь важно то, что хотел

выразить поэт в своем произведении, а то как он это выполнил. Отсюда следует, что чем бы ты ни хотел проявить свое отношение к миру, что бы ты не желал поведать людям, прежде всего позаботься о том, чтобы сделать это наиболее точно и ясно и всегда помня о целом, т. е. найти наилучшую форму для воплощения идей и образов своего стихотворения, не считаясь с тем, что тебя за это провозгласят формалистом.

Есть искусство народа, но нет искусства для народа. Пора понять, что утверждать противное, значит признавать какое-то искусство второго сорта и тем самым, по теперешнему выражению, барски-пренебрежительно относиться к народу.

Давно и прекрасно сказано, что цель поэзии есть сама поэзия, а не служение, прибавлю я, чему либо, как бы величественно и великолепно оно ни было»¹³⁷.

В середине 1960-х годов, ощутив, вероятно, что история прошла еще один виток спирали, он предпринял последнюю попытку напечататься в официальной прессе. Журнал «Москва» отозвался отпиской краткой («Уважаемый Николай Николаевич! Возвращаю Вам стихи. С ними ознакомился член редколлегии С. В. Смирнов и не счел возможным рекомендовать их к

¹³⁷ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 61.

публикации»¹³⁸); газета «Литературная Россия» – подробной:

«Уважаемый Николай Николаевич!

Ваши стихи выдают руку опытного и культурного поэта, человека, влюбленного не только в русскую классику. Стих четок, часто – краток и ясен, но мы ничего не смогли отобрать для печати. Ваши стихи читали члены редколлегии, в частности С. А. Поделков, с большим вниманием прочитали их работники отдела поэзии – И. Озерова, я. Стихи часто, как говорится, «книжные», т. е. редко идут от жизни, и даже там, где материал свеж и там лежит налет книжности. Это – главное препятствие.

Попадают стилистические огрехи. Вот несколько примеров.

Как нафталин лежит на ветках иней...

– это чистый Саша Черный. В его «ключе».

Чем дальше в лес, тем сумрачней и глуше
И хочется сказать – тем больше дров...

¹³⁸ Письмо от 31 января 1964 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 1. С этим отзывом резонируют несколько лаконичных записок, полученных вдовой Минаева, не оставившей попыток напечатать хоть строчку из его стихов: «Я не нашел ничего. Прошу других членов редколлегии почитать. Вт»; «Ничего не выбрал. Л. С.» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1).

– эти строки нельзя воспринять всерьез, они слишком пародийны.

Будешь вмиг обрызган россыпью жемчужной...

– «Россыпь жемчужная» – штамп.

Но, в общем, таких «огрехов» немного.

К большому нашему сожалению, отобрать для печати ничего не удалось.

С уважением В. Афанасьев, отдел поэзии»¹³⁹.

К середине 1960-х его здоровье ощутимо портится; верный себе, он зарифмовывает свой последний инскрипт на «Прохладе» – через тридцать восемь лет после выхода книги: «То поясница, то коленка, / То ноет здесь, то там болит, / А значит, Дмитрий Шепеленко, / Теперь я тоже инвалид».

24 мая 1967 года он пишет письмо К. Федину, прося его (на тот момент – первого секретаря Союза писателей СССР) о денежном вспомоществовании:

«Уважаемый товарищ Федин.

Необходимость заставляет меня к Вам обратиться, т. к. я сейчас без средств к существованию, лишен возможности получать даже самую мизерную пенсию. Дело в том, что у меня не хватает ни творческого стажа, ни

¹³⁹ Письмо от 21 июня 1966 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 3.

производственного стажа для получения пенсии. Мои стихи, в частности, книга «Прохлада» давно забыты и стали теперь достоянием лишь коллекционеров. Я, конечно, имею и производственный стаж, десять лет был артистом балета Большого театра, но в 1922 году ушел из театра. Печатался я в разных изданиях по 1927 год, а начал печататься в 1913 году, состоял членом Всероссийского союза поэтов. Несмотря на это, Литературный фонд Союза писателей СССР отказал мне в назначении мне пенсии¹⁴⁰. А состояние здоровья у меня очень плохое, мне 74 года, я очень плохо передвигаюсь. Прошу Вашего содействия в назначении мне академической

В архиве сохранилось недатированное ходатайство В. К. Покровского, вероятно, предназначавшееся для Литфонда: «Вскоре достигающий 75-летия литератор Н. Н. Минаев начал печататься еще до первой мировой войны и занимался профессиональным литературным трудом 20 лет (1913–1933). В последнее время Минаев работал в разных учреждениях Москвы на скромных должностях, не имеющих отношения к основной группе его творческих интересов – поэзии. Вполне естественно стремление старого поэта войти в коллективную литературную среду, – как для творческой связи, так и для последующего оформления хотя бы минимальной пенсии, каковую он не обладает из-за прерывности штатного трудового стажа» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 404; здесь же выписаны имена и телефоны лиц, вероятно, готовых поручиться за него: Е. Ф. Никитина, И. А. Горев, Н. М. Медведева, В. М. Лобанов).

пенсии.

Поэт Николай Николаевич Минаев»¹⁴¹.

Ответа на это письмо он не получил. Спустя двадцать дней, 14 июня, его не стало.

А. Л. Соболев

¹⁴¹ ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 162 (машинописная копия).

Комментарии

Архив Минаева сохранился с полнотой почти исключительной; несмотря на три ареста, два из которых были по политическому обвинению и сопровождались обысками и изъятием рукописей, большей части творческих и эпистолярных материалов удалось уцелеть. Помимо череды счастливых случайностей (увенчанной передачей бумаг в феврале 1990 года на вечное хранение в Отдел рукописей Государственного Литературного музея) этому способствовала и твердая нацеленность фондообразователя на сбережение эталонного корпуса собственных стихотворений. В частности, предчувствуя дальнейшие мытарства, он изготовил полное собрание своих стихов, зашифровав их примитивным, но безотказно действующим шифром – по первым буквам каждого слова. В отсутствии живого сочинителя текст этот принципиально не мог быть расшифрован, но при этом мог служить безупречным подспорьем авторской памяти: «Т. н. к. н. т. / Н. д. ч. / С. ч. к. / В. к. м.» – такими строчками, записанными сплошь, заполнялись блокноты с тем, чтобы по миновании опасных дней, концентрат вновь обратился в связные строки:

«То не какая-нибудь тля,
Не дюжина чертей,
Сошлись четыре короля
Всех карточных мастей» (*«Баллада о четырех
королях»*)

Эта же жесткая ориентация на противодействие энтропии определила и чрезвычайно строгий учет, которому подвергал Минаев свои тексты. Так, например, среди материалов архива сохранилась полная картотека стихотворений, алфавитный указатель к стихам (с взаимоотсылками заглавий и первых строк) и другие справочные материалы. Столь же четкий надзор был и над всеми стихотворными коммуникациями: Минаев копировал себе все рифмованные (иных же практически не признавал) инскрипты на своем единственном сборнике стихов, альбомные записи, эпиграммы и пр., т. е., по сути, сам был себе и архивариусом, и филологом и библиографом: в укор современным ему представителям этих профессий.

Нельзя сказать, чтобы архив его обошелся вовсе без утрат. Среди наиболее болезненных дезидерат — «Трагическая поэма без названия», читавшаяся им на литературных вечерах с 1927 года и отобранная при обыске в 1929 году; от нее осталось восстановленное автором по памяти вступление и пересказ ее, отложившийся в материалах следственного дела.

Не разысканы тексты нескольких ранних стихотворений, факт существования которых известен нам из составленного Минаевым списка публичных выступлений (не исключено, впрочем, что ряд их был переделан до неузнаваемости; ср. коллизию со стихотворением «*Сияет солнце утомленно...*» / «*Застенчиво и утомленно...*»; С. 755–756). Не вполне опознаваемы иные стихи из алфавитного перечня (так, значащиеся там «Бородинские жители» могут означать сохранившееся стихотворение «З. Е. Сотниковой – С. И. Кожухов», написанное от лица директора Бородинского музея, а могут – неизвестный нам текст). Некоторые тексты, не попавшие в итоговый свод, вероятно, могут быть со временем извлечены из черновых тетрадей. С другой стороны, мы печатаем несколько стихов, не попавших в итоговый перечень – по недостаточному художественному уровню или просто по забывчивости.

В 1966 году, за год до смерти, Минаев заказал в Отделе справочно-библиографической работы и научно-информационной библиографии библиотеки им. Ленина справку о своих публикациях. Тогда еще была цела легендарная картотека публикаций в периодической печати (ныне утраченная, по всей вероятности, безвозвратно), благодаря чему старший библиограф Колосковская составила для него итоговый свод

прижизненных публикаций. Их оказалось общим числом сорок шесть – меньше пяти процентов его творческого наследия (за пределами библиографии остались считанные выступления в зарубежной печати). Таким образом, главным источником текста для нынешней (и последующих) книг оказываются рукописи, обилие и специфика каковых потребовали выработки текстологических принципов, лишь отчасти корреспондирующих с традиционными. Перед тем, как перейти собственно к характеристике комплекса манускриптов, нужно сделать важную оговорку: у Минаева в обиходе было два почерка, практически не похожих друг на друга: одним он писал все письма, деловые бумаги, черновики стихов и пр. (далее – почерк А); другим же – только беловики стихотворений (почерк Б). Вот краткое описание рукописей, использованных при составлении этой книги.

1. Рабочие тетради (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 1–32). Черновые тетради, заполненные почерком А. Использовались нами по преимуществу лишь для верификации пограничных чтений.

2. Зашифрованные тетради. Вероятно, их было довольно много, но сохранилась только одна (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 97). В нашей работе не использовалась. Почерк А.

3. Отдельные рукописи стихотворений. Небольшое

количество творческих рукописей Минаева, отколовшихся от основного архива, хранится в РГАЛИ, РГБ и ИРЛИ, а также в частных собраниях. Часть их отложилась в редакциях журналов, куда они отправлялись в надежде на публикацию, некоторые осели в архивах лиц, биографически близких Минаеву. Все они по возможности учтены в текстологическом комментарии; разночтения (кроме пунктуационных и строфических) оговорены. В ряде случаев именно рукописи этого рода служат источником текста для публикации.

4. Публикации в периодических изданиях. Их выявлено около 50-ти, с хронологическими границами 1913–1929. Все они учтены в текстологической части комментариев; этапы переработки текста (подчас довольно значительной) зафиксированы.

5. Инскрипты. При жизни Минаева вышла единственная книга – «Прохлада». Благодаря обстоятельству автора, сохранившего в записной книжке реестр получателей подносных экземпляров, мы знаем, что им было раздарено сто тридцать шесть ее экземпляров, первый из которых был преподнесен 21 января 1926 года, а последний – 3 февраля 1951 года (плюс к этому – некоторое количество неучтенных экземпляров, хронологически последний из которых был подарен 22 мая 1964 года). Подавляющее их большинство (а может быть и все) были снабже-

ны инскриптами, причем по большей части – стихотворными. Копии их Минаев сохранял в своем архиве (убирая только прозаическую часть: обращение, подпись, дату). В случае, когда известно местонахождение оригинала, источником текста для публикации служит именно он. Единичные прозаические дарственные надписи Минаева на коллективных сборниках учтены и приводятся в комментариях.

6. Семь беловых тетрадей, заполненных почерком А (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 89–95). Стихи, помещенные в них, практически лишены авторской правки; записаны тесно, вплотную друг к другу, очень мелкими буквами. Все они заполнены в 1950-е годы (три – в 1955-м) и, вероятно, представляют собой опыт восстановления по памяти основного корпуса стихов после утраты части архива, либо попытку создания текстового депозита, который на время был отъединен от основного собрания рукописей, но потом туда вернулся. Варианты, предъявленные в этом источнике, зафиксированы в текстологическом комментарии; кроме того, иногда он служит для уточнения датировок (все эти случаи оговариваются отдельно).

7. Единственная вышедшая при жизни книга Минаева – «Прохлада». В качестве источника текста вошедших в нее стихотворений взят экземпляр, подаренный Минаевым Дмитрию Шепеленко 22 мая 1964

года (РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 48): в него рукою автора были внесены не густые, но значительные поправки.

8. Сорок девять рукописных книг (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 33–82, среди которых затесалась поэма Б. Садовского «Нэти»). Написаны почерком Б. Эти книги, созданные между 1940 и началом 1960-х годов, представляют собой главный источник для описания и публикации творческого наследия Минаева. Концептуально – это прямое продолжение традиции рукописных книг 1919–1921 годов с одним существенным отличием: они не предназначались ни для продажи, ни для раздачи, но только для сбережения корпуса текстов. Внешний облик их слегка разнится: Минаев использовал и казенные клееные тетради на 98 листов и, вероятно, сшитые самостоятельно, книжечки небольшого формата из грубой бумаги. У каждой книги была обложка, иногда рисованная; за ней следовал оформленный красивым орнаментом (Минаев был неплохим рисовальщиком) титульный лист с выходными данными; иногда отдельно отрисовывались и шмуцтитулы. Обычно (хотя и не всегда) каждая страница была заключена в орнаментальную рамку. В конце книги обязательно делалось оглавление; листы фолиировались. На последней странице находилась надпись наподобие следующей: «Книга сделана

автором в июне 1957 года в Москве» – и тоже заключалась в отдельную рамочку.

Некоторые из сборников были составлены по хронологическому принципу («Стихотворения 1910–1912», «Стихи 1956 года»), некоторые – по тематическому («Среди братьев по Музе и сестер во Союзе»; это сборник эпиграмм, пародий и посвящений), иные – по формальным («Только ямбы и хореи», «По восемь строк») или неопознаваемым («Пена») обоснованиям. При этом стихотворения свободно переходили из одного сборника в другой – иные включались в 5–7 книг, а некоторые – лишь в одну. Иные книги изготавливались в двух экземплярах, иногда разительно отличавшихся между собой составом, а иногда – полностью тождественных. От раза к разу менялась композиция сборника, претерпевали метаморфозы сами тексты, ставились и убирались даты. Все это породило беспрецедентный в истории текстологии русского стиха конгломерат вариантов, упорядочить который можно было только при наличии отрефлексированных принципов и строгой методики.

Для начала был составлен хронологический указатель к рукописным книгам (при этом была проведена сверка вариантов одноименных книг; если они оказывались тождественными, то в дальнейших построениях участвовал только один экземпляр). Каждой из

рукописных книг была присвоена собственная сигла (см. список условных сокращений). Потом был сделан полный табличный свод стихотворений по всем книгам, в котором идентификация стихотворения шла по первой строке (ибо название у Минаева склонно усе-каться или меняться), а в качестве параметров учитывались дата написания и дата создания рукописной книги. Дальше тексты были отсортированы по дате написания – и таким образом получилось предварительное оглавление будущего свода. Затем к каждому тексту была составлена начальная текстологическая справка – в виде перечня (в хронологическом порядке) рукописных книг, в которые он был включен. Потом к этому скелету текстологического комментария были добавлены данные о прижизненных публикациях, отдельных рукописях, беловых тетрадях и прочих источниках текста. После этого был сложен первичный корпус – из текстов, взятых по хронологически последним источникам (естественно, разным для каждого стиха). Затем каждое стихотворение было ретроспективно и последовательно сверено со всеми своими промежуточными инкарнациями – печатными и рукописными; все изменения (кроме строфических, пунктуационных и исправления опечаток) фиксировались в комментарии. После этого, если канонический вариант стиха был лишен даты, она извлекалась из одной из преды-

дущих редакций (в этом случае она печатается в ломаных скобках).

Итак, все стихи печатаются в варианте, зафиксированном последней авторской волей и в хронологическом порядке; тексты, даты которых могут быть установлены с точностью до года, печатаются после точно датированных стихов соответствующего года. Несколько текстов не поддающихся датировке, вынесены в конец основного корпуса.

Комментарий к стихам по преимуществу избегает повторения общеизвестных сведений или пояснения хрестоматийных имен. Напротив, малозаметные участники и эпизоды литературной жизни 1920-х годов при возможности описываются с подробностями едва ли не избыточными — поскольку эта оказия для включения их в историческую реконструкцию может оказаться единственной на несколько десятилетий вперед.

Филология есть дело коллективное — и составитель пользуется приятной возможностью поблагодарить тех, без которых работа над этой книгой была бы невозможна.

Идея полноценного собрания сочинений Н. Н. Минаева с подробным историко-литературным комментарием зародилась весной 2011 года в электрическом собеседовании с В. Э. Молодяковым и В. В. Нехоти-

ным по вопросам описания московской группы неоклассиков 1920-х годов. Констатируя исключительную слабую изученность вопроса, мои собеседники решительно призвали меня попробовать улучшить это положение.

Большая часть выездной работы над книгой проходила в читальном зале отдела рукописей Государственного Литературного Музея, где я неизменно встречал приветливую доброжелательность его теплых сотрудников.

Ценными указаниями и замечаниями я обязан Р. Д. Тищенко и Л. М. Турчинскому.

Отдельное спасибо Н. Н. Соболевой и Л. И. Соболеву, прочитавшим эту книгу в рукописи и избавившим ее от многих ошибок и неловкостей.

Я очень признателен Д. Болдыревой за компьютерный набор и С. Чурилову за разыскания в области периодической печати.

Частные детали комментария мы обсуждали с В. А. Дроздовым (тонкости семейной жизни Т. Мачте-та), Ю. Г. Зархиным (возможные кандидатуры на роль адресатов эпиграмм), П. Л. Каганером (персональный состав руководства угольной промышленности), В. В. Кудрявцевым (особенности личности Н. Н. Ольховской), Е. Ю. Натаровым (внутреннее устройство Красноярской пересыльной тюрьмы), И. Р. Петровым

(онтологический статус Е. И. Шадек), Д. В. Полищуком (следы влияния Мандельштама в стихах Минаева), В. А. Резвым (нюансы биографии М. Тарловского), Е. М. Эфрос (вопросы топонимики петербургских пригородов): я очень им благодарен.

Благодаря щедрости А. И. Романова мне удалось воспользоваться материалами его собрания минаевских рукописей и биографических материалов. С. А. Беляков прислал мне копию хранящегося в его собрании минаевского инскрипта.

Читатели интернет-версии биографии высказали ряд ценных наблюдений и дополнений.

Основная часть жизнеописания Минаева начерно сочинена во время долгих прогулок с моей обычной спутницей – палевым Лабрадором Грейс.

Принятые сокращения:

А. Источники текста: рукописные книги

20дней – Минаев Н. В те двадцать дней, когда гостила муза. 17 июня – 6 июля 1958 года. М. 1958 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 62).

75См – Минаев Н. Семьдесят пять стихотворений. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 52).

88См – Минаев Н. 88 стихотворений. 1922–1956. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 55).

Corona – Минаев Н. Corona anions. Венок сонетов. М. 1940 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 36; второй экземпляр: Ед. хр. 45).

Балл – Минаев Н. Баллада о четырех королях. Предосудительные мечтания. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 50).

Вс96

– Минаев Н. Всего 96 строк. М. 1962 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 80).

ВторКн – Минаев Н. Вторая книга стихов. 1917–1921. М. 1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 40; второй экземпляр: Ед. хр. 54).

Камеи – Минаев Н. Камеи. М. 1960 ((ГЛМ. Ф. 383.

Оп. 1. Ед. хр. 70; второй экземпляр: Ед. хр. 73).

Лир1 – Минаев Н. Лирика. 1926–1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 44).

Лир2 – Минаев Н. Лирика. 1924–1956. М. 1957; О том, что было. Стихотворения. 1923–1950. М. 1957; Предосудительные мечтания. Стихи. 1923–1932. М. 1957 (авторский конволют: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 57).

Откл – Минаев Н. Отклики. 1913–1956. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 59).

Пена – Минаев Н. Пена. М. 1961 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 77).

По8стр – Минаев Н. По 8 строк. М. 1960 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 70).

ПослСт – Минаев Н. Может быть последние стихи. М. 1960 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 67).

Поэмы – (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 66).

ПривГор – Минаев Н. С привкусом горечи. Стихотворения 1921–1956. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 51).

ПроСт – Минаев Н. Просто стихи. 1910–1954. М. 1957; Эротика. 1918–1939. М. 1957 (авторский конволют: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 60).

СамЛюб – Минаев Н. Самое любимое мое. М. 1961 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 79).

СоеСт – Минаев Н. Совершенные стихи. 1918–

1956. М. 1958 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 61).

СрБр1 – Минаев Н. Среди братьев по Музе и сестер во Союзе. М. 1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 42).

СрБр2 – Минаев Н. Среди братьев по Музе и сестер во Союзе. М. 1957 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 58).

Ст10–12 – Минаев Н. Стихотворения. 1910–1912. М. 1940 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 33).

Ст13–16 – Минаев Н. Стихотворения. 1913–1916. М. 1940 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 34).

Ст17–20 – Минаев Н. Стихотворения. 1917–1920. М. 1940 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 35).

Ст21–51 – Минаев Н. Стихи. 1921–1951. М. 1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 43).

Ст56 – Минаев Н. Стихи 1956 года. М. 1959 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 74).

Ст57 – Минаев Н. Стихи 1957 года. М. 1961 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 75).

Ст58 – Минаев Н. Стихи 1958 года. М. 1959 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 63).

Ст59 – Минаев Н. Стихи 1959 года. М. 1960 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 68).

Ст60 – Минаев Н. Стихи 1960 года. М. 1961 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 76).

Ст62–64 – Минаев Н. Стихотворения <М. 1964?> (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 83).

СтКУш – Минаев Н. Стихи к ушедшей. М. 1951

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 38).

ТЯмбы – Минаев Н. Только ямбы и хорей. М. 1960 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 69).

УФСт1 – Минаев Н. Ультрафиолетовые стихи. М. 1956 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 46; второй экземпляр. Ед. хр. 47).

УФСт2 – Минаев Н. Ультрафиолетовые стихи. М. 1962 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 82).

Фиалки – Минаев Н. Фиалки. Первая книга стихов. М. 1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 39; второй экземпляр: Ед. хр. 53).

ЭкзСт – Минаев Н. Экзотические стихи. М. 1928 (наборная рукопись с разрешением Главлита) // РГА-ЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579).

Эпигр – Минаев Н. Эпиграммы. М. 1951 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 37).

Б. Источники текста: беловые тетради

БТемр1 – Стихотворения прошлых лет, записанные по памяти в 1955 г. (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 89).

БТемр2 – Стихотворения, написанные в тюрьмах и лагерях (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 90).

БТемр3 – Стихотворения прошлых лет, записанные по памяти в 1955 г. (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 91).

БТемр4 – Стихотворения прошлых лет, записанные

по памяти в 1955 г. (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 92).

БТемр5 – Стихотворения, поэмы, баллады. Стихотворения, написанные в тюрьмах и лагерях (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 93).

БТемр6 – Стихотворения (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 94).

БТемр7 – Стихотворения в двух тетрадах (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 95).

В. Печатная книга

Прохлада – Минаев Н. Прохлада. М. 1926.

Г. Прочие источники

АлфУк – Алфавитный указатель стихотворений (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 98).

Альбом1 – Альбом Н. Н. Минаева (РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 36).

Альбом2 – Альбом Н. Н. Минаева (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489).

ЛБ – Соболев А. Л. Летейская библиотека. Т. 1–2 М. 2013.

Первое стихотворение («*Весна! Чудесная весна!...*»). – *Ст10–12* (под названием «Весна»); *ПроСт.*

Печ. по: *ТЯмбы*.

«Небо хмурится и плачет...». – Ст10–12. Печ. по: *ПроСт*.

Летняя ночь («Ветерок чуть шевелит зеленой листвой...»). – Печ. по: Ст10–12.

«Стояла башня на скале...». – Печ. по: Ст10–12.

«Вот передо мною поле без границы...». – Ст10–12; *ПроСт*. Печ. по: *ТЯмбы*. *Денисиха* – село на территории нынешнего Егорьевского района Московской области.

«Запад гаснет в оранжево-алой дали...». – Ст10–12. Печ. по: *ПроСт*.

Свадьба в деревне («Шум, говор, крики, веселие пьяное...»). – Печ. по: *ПроСт*. *Венская гармоника* – популярный тип гармони, отличающийся расположением клапанов и клавиатуры.

«Над зияющею бездной...». – Печ. по: Ст10–12.

«Солнце село... У пригорка...». – Печ. по: *СрБр2*.

«Быстро к далекому небу взлетела ракета...». – Печ. по: *ПроСт*.

Лютер («Он кончил курс в университете...»). – Печ. по: *ПроСт*.

«Уж догорел закат лучистый...». – Печ. по: Ст10–12.

«Больше нет у меня моей Музы прекрасной...». – Ст10–12. Печ. по: *ПроСт*.

«О, колосс далекий, Сириус лучистый!...». – Печ. по: *ПроСт*.

Чепуха. 1. «Рака в буром сарафане...»; 2. «Галку с книгой и лопатой...»; 3. «Перед вошью с длинным носом...»; 4. «Положили поезд в небо...»; 5. «На яйце крутое всмятку...». – Печ. по: *ПроСт*. Подражание образцам («нескладухи»), распространенным в школьном фольклоре рубежа веков (см. примеры: Школьный быт и фольклор. Т. I–II, Сост. А. Ф. Белосусов. Таллинн, 1992. С. 8; Рейсер С. Лермонтов ли? // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 252–253).

«Сквозь громаду свинцовую туч...». – Впервые: Полночь. 1914. № 4. С. 9 (вар.: ст. 8: «И под теплым, блестящим лучом»; ст. 10: «Задавила собой светлый свод»); Ст10–12. Печ. по: *ПроСт*.

«Над душистой веткою березы...». – Ст10–12; *ПроСт*. Печ. по: *ТЯмбы*.

Страшный сон («Камилавкин Нил Иванович...»). – Печ. по: *ПроСт*.

«За рекой зарницы робко трепетали...». – Печ. по: Ст10–12.

«Деревья буйный ветер клонит...». – Печ. по: Ст10–12.

«Тихо плещет река...». – Печ. по: Ст10–12.

«Летней негой ночь нас опьянила...». – Печ. по: Ст10–12.

Грустная история («Раз гуляя по Петровке...»). – Печ. по: *ПроСт.*

Весеннее утро («Утро тихое и ясное...»). – Ст13–16; *Фиалки*. Печ. по: *ТЯмбы*.

«Вчера, в час вечера закатный...». – Печ. по: *Повстр.*

«Чуть тронут запад розовую краской...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

В альбом («Тебе в альбом без всякой муки...»). – Печ. по: *ПроСт*. Павлов Евгений Павлович, композитор, танцовщик, артист кордебалета Большого театра (личное дело: РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 2402), участник нескольких концертов конца 1910-х годов (см.: Музыкальная жизнь Москвы в первые годы после Октября. М., 1972. С. 150). Был удостоен снисходительного отзыва Н. Я. Мясковского («<...> не могу отрицать дарования в <...> Евг. Павлове <...>» (письмо С. С. Прокофьеву от 1 августа 1923 года // С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский. Переписка. М., 1977. С. 165). В адресных книгах Москвы 1920-х годов значится с пометой «музык., Шк. Гос. Ак. Б. Театра». Ему посвящены многие стихи Минаева 1910–20-х гг. Несколько его писем к Минаеву хранится в папке с письмами неизвестных лиц (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 246). Известен как минимум один его поэтический опыт – акrostих, посвященный Минаеву:

«Не надо нам стихов, прошла для них пора
Искусству смерть зовут голодные желудки
Когда в квартирах нуль и стонет детвора
От холода дрожа, как часовые в будке
Любви пришел конец, и розам и вину
А с ними и певцам-поэтам поневоле
Юродствовать в стихах у голода в плену
Миражами кормить людей – не надо боле
И в голову кому пойдут теперь стихи
Не каша это ведь, не ром и не левкои
А за тяжелые советские грехи
Ей-Богу не в подъем возмездие такое
Впитай в себя все это друг мой тонкий
Уймись и отложи перо свое к сторонке.

29 августа 1919»

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 1).

К ней (*«О, милое, прелестное создание!...»*). – Печ.
по: *СрБр2*. Адресат неизвестен.

Автомобиль (*«Пуская в воздух клубы дыма...»*). –
Печ. по: *ПроСт*.

«Долго сидел я вечерним покоем объятый...». –
Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: *Ст13–16*.

Лунная ночь (*«Лунным светом залиты доли-
ны...»*). – Печ. по: *ПроСт*.

«Опадают листья, увядают цветы...». – Печ. по:
ПроСт.

«О, клены стройные, как вы...». – Печ. по: *ПроСт.*

Надпись на беседке (*«Второго августа тринадцатого года...»*). – Печ. по: *Откл.*

«Вчера нашел цветок лиловый...». – Печ. по: *ПроСт.*

«Уже листва деревьев рдеет...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16. Стихотворение было принято для публикации в журнале «Нива»: «За стихотворение «Уже листва деревьев рдеет» размер коего 16 строк, мы посылаем Вам, почтовым переводом, по 25 коп. со строки, итого – 4 руб., и прилагая квитанцию, просили бы подписать ее и возвратить; другое же, полученное от Вас стихотворение не пригодилось (не возвращается, т. к. написано на обороте принятого)» (письмо Л. Ф. Маркс от 4 сентября 1913 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 3). По этому же поводу Е. Гусева писала Минаеву: «Ну а как Вы после, не посылали никуда своих стихотворений? А в журнале «Нива», когда будет напечатано то Ваше стихотворение, за которое Вы получили первый гонорар?» (письмо от 15 октября 1914 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 19). Несмотря на это, в печати оно не появлялось.

«Загорелся румянцем восток...». – Впервые: Мечта. 1914. № 5. С. 218 (ср. в письме редакции 25 марта 1914 года: «Ваше стихотворение «Загорелся румянцем восток» принято» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 266.

Л. 6)). Печ. по: *ПроСт*.

«Ветер яростно раскачивает лес...». – Ст13–16;
Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

«О, как уныл лес обнаженный...». – Печ. по:
ПроСт.

«Вас вместе с Вашими друзьями...». – Печ. по: *От-
кл. Елизавета Гусева* – учительница из подмосковного
Клина, начинающая поэтесса. Единственный источ-
ник сведений о ней (весьма, признаться, скудных) –
корпус ее писем к Минаеву 1910-х годов; подробности
см. на с. 580–582 наст. изд.

В поле («Кругом от края и до края...»). – Впервые:
Весь мир. 1914. № 33. С. 13 (вар. стр. 13–14: «Но вет-
ра нет и рожь смеется / И даль лазурностью светла»).
Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

Первый снег («Где было к вечеру вчера...»). – Впер-
вые: Весь мир. 1915. № 50. С. 20 (вар.: стр. 1 «Где бы-
ло только лишь вчера», стр. 6. «Глубокий, девствен-
ный и чистый»). Печ. по: *Фиалки*.

«Два свежих полевых букета...». – Печ. по: *Фиал-
ки*.

«Милый друг, как красив этот вид!.. Посмот-
ри...». – Впервые: Весь мир. 1913. № 29. С. 18 (вар.: ст.
5: «А налево капризною лентой река»; ст. 9: «И за ней
у дороги, у самой пыли»); Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*.

Перед весной («Весна!.. мне сердце прошепта-

ло...»). – Впервые: Весь мир. 1914. № 12. С. 17 (вар. ст. 9: «Сегодня яростным набегом»; стр. 11: «Покрыла новым, чистым снегом»); Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по: Ст13–16.

В грустный вечер («Опять один... Смотрю в окно...»). – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по: Ст13–16.

«Майский вечер задумался... Запад нежно румянится...». – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по: Ст13–16.

«Недавно первый вешний гром...». – Ст13–16. Печ. по: Фиалки.

Майский вечер («Деревья сада...»). – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 6. Впервые: Вестник Европы. 1917. № 4/6. С. 354 (с выпуском второй строфы). По поводу этого стихотворения редактор «Вестника Европы» писал Минаеву: «Ваш стих музыкален, у Вас есть лирическое чувство природы, – и кажется мне, – это задатки поэтического дарования, а не просто обмолвка двумя-тремя недурными стихотворениями, какими редкий из нас в свое время не грешил. Будем надеяться, что в будущем эти задатки оправдаются. А пока что беру «Майский вечер», если разрешите выкинуть вторую строфу («Сиянием алым...» и т. д.). По-моему, без нее обойтись можно, – и лирическое стихотворение, – чем короче, тем луч-

ше» (письмо Д. Н. Овсяннико-Куликовского от 25 января 1917 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 2). Минаев отвечал ему: «Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Конечно мне, как вероятно и каждому автору, все-таки жаль выбросить из «майского вечера» вторую строфу, но тем не менее если Вы находите это нужным, я безусловно согласен» ((ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 1). Печ. по: *ТЯмбы*.

Триолет («*Моей тоске причины нет...*»). – Ст13–16; *Фиалки*. Печ. по: *Повстр*.

Клин летом (Из письма Е. М. Гусевой) («*Настало лето... Ожил Клин...*»). – Печ. по: *ПроСт. Лиза* – вероятно, Е. Максимова, их общая клинская приятельница, которая упоминается в письмах Гусевой к Минаеву, ср.: «Я и Лиза Максимова думаем куда-нибудь поехать попутешествовать, место еще не выбрали, – но хочется на юг, и не очень далеко, так, напр. в Малороссию, или по Волге проехать. <...> И вот я, и Лиза М. предлагаем Вам, Звездочка, принять участие в нашем путешествии» (письмо от 29 мая 1914 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 13). В других ее письмах будет упомянута и *Лида*, хотя и без фамилии: «А в Москву мне очень хочется поскорее поехать. Знаете, – там теперь Лида живет постоянно: она служит в Губерн. Земельном комитете и состоит слушатель-

ницей на Высших Женек. Курсах» (письмо от 14 октября 1917 (?) года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 3). В письмах 1913 года упоминаются также *Шура* и *японец*: «А все-таки Вы ошибаетесь в своих предположениях, говоря, что мы забыли все на свете находясь в обществе всех перечисленных Вами, этого не может быть, так как г. Бочаров уехал еще раньше вашего на несколько часов. «Понятного дела» в Клину тоже нет, а также Шура не может наслаждаться обществом можно сказать антипатичным для нее Иван <sic> Ефимовича, и к ее сожалению японца, кажется, в Клину не было» (письмо 22 августа 1913 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 1 об.). Остальные герои неопознаваемы.

«*Цветы покорно увядают...*». – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3 (вар. ст. 11–12: «Мне больно видеть их живыми / Такими жалкими в плену»). Ст 13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст 13–16. Стихотворение было принято в 1919 году для публикации в журнале «Творчество», но напечатано там не было.

Загадка. Рассказ почтенного человека («*Вчера на «Чортовом мосту»...*»). – Печ. по: *ПроСт*. Вероятно, подразумевается «*Чертов мост*» в московском парке Сокольники (разрушен к середине XX века) – небольшой живописный изогнутый мост в районе Путевых прудов (два из которых носят имя Чертовых).

Июль («Вечер даль закрыл фатой...»). – Ст13–16.
Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

Перед увяданьем («Дни все короче и короче...»). – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

«Опять пахнуло лаской вешней...». – Впервые: Весь мир. 1916. № 10. С. 23. Печ. по: ПроСт.

В эти дни («Теперь, когда весь мир кругом...»). – Впервые: Весь мир. 1915. № 2. С. 14 (без заглавия). – Полночь. 1915. № 13. С. 7. Печ. по: ПроСт.

Со славой павшим («Мои возлюбленные братья...»). – Весь мир. 1915. № 11. С. 23 (вар. ст. 9: «Вы здесь несли венок терновый»). Печ. по: ПроСт.

«Затихла в потемках аллея...». – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

Осенние думы («Как грустно: – осень! А давно ли...»). – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

Любовь («Любовь это тихое счастье...»). – Ст13–16 (без разбивки на катрены). Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

Облака («Над засыпанной снегом равниной...»). – Печ. по: ПроСт.

«Еще деревья не успели...». – Печ. по: Фиалки.

«Я шел один дорогой пыльной...». – Печ. по: Фиалки.

«Не унывайте же, друзья...». – Впервые: Весь мир.

1915. № 7. С. 24 (вар. стр. 3: «Мы побеждаем, верю я»). Печ. по: *ПроСт*.

«Когда над нашею странкою...». – Печ. по: *ПроСт*.

«В ясный день пробужденья природы...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

«Как ласково небо закатное...». – Впервые: Русская иллюстрация. 1915. № 27. С. 4 (без разбивки на катрены). Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по Ст13–16. Вместе со стихами «В октябре» («День неприветлив и короток...») и «Облаков белоснежные нити...» было отправлено в редакцию «Русского богатства» с сопровождающим письмом:

«Уважаемая г-жа редактор

Посылаю для редактируемого Вами журнала <...> несколько своих стихотворений. Прошу Вас уведомить о том будут ли они приняты?

С уважением

Н. Н. Минаев

Адрес: Москва, Землянка Известковый пер., д. 3, кв. 14» (ИРЛИ. Ф. 26. Оп. 2. Ед. хр. 211; помета «в<озвращено>»).

«Безотрадной осенней порою...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по Ст13–16.

Письмо из лазарета («Дорогие мои, извините...»). – Печ. по: *ПроСт*.

На поле боя («Туман окутал поле боя...»). – Печ.

по: *ПроСт.*

«*Мы уснули... Нам снится мучительный сон...*». – Впервые: Полночь. 1915. № 1. С. 12 (вар.: ст. 5: «Но растают виденья кошмарного сна»). Печ. по: *ПроСт.*

«*Ты так нежно прильнула ко мне...*». – Печ. по: *ПроСт.*

России («*Многострадальная страна...*»). – Впервые: Весь мир. 1915. № 46. С. 24 (вар. стр. 12: «Сви-репых варваров орду»). Печ. по: *ПроСт.*

«*Помню миг расставанья с тобою, мой друг...*». – Впервые: Русская иллюстрация. 1915. № 30. С. 17 (без разбивки на катрены); Весь мир. 1915. № 32. С. 20 (без разбивки на катрены; стр. 3: «И в глазах твоих ясных виднелся испуг»). Печ. по: *ПроСт.*

«*Сраженный пулей роковой...*». – Впервые: Весь мир. 1915. № 37. С. 6. Печ. по: *ПроСт.* Приятельница Минаева, Е. М. Гусева, писала ему 28 декабря 1917 года: «А Ваше стихотворение «Сраженный пулей разрывной» <sic> у меня во всех школах, где я бываю, ученики выучивают на память, и оно всем очень нравится. У меня когда был свой выпуск, ученики и на экзамене его говорили, и привели в восторг экзаменаторов. Это было давно – еще в 1916 году. А теперь я везде продолжаю давать учить его, у Вас уже много поклонников» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 7 об.).

Христос Воскрес!.. («*Над лесом птичьи голо-*

са...»). – Печ. но: *ПроСт*.

Мухоморы в рассоле (*«Мухоморы в рассоле!... Мухоморы в рассоле]...»*). – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Пародия на стихотворение И. Северянина «Увертюра» (*«Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!...»*), открывающее его сборник 1915 года.

«Вдали от неба голубого...». – Печ. по: *ПроСт*.

На взятие *Перемышля* (*«Ликуйте русские сердца...»*). – Впервые: *Весь мир*. 1915. № 15. С. 14. Печ. по: *ПроСт*. Австрийско-германский гарнизон крепости Перемышль (территория современной Польши) капитулировал после продолжительной осады перед русскими войсками 9 марта 1915 года.

Под осень (*«Как грустен старый парк под осень...»*). – *Ст13–16*. Печ. по: *Фиалки*. Дата по *Ст13–16*.

«И даль в опаловом тумане...». – *Ст13–16*; *Фиалки*. Печ. по: *ТЯмбы*.

Междупланетная трагедия. Поэза об ананасе (*«Это было в пучинах пространства...»*). – Печ. по: *СрБр2*.

«Я шел среди полей безбрежных...». – *Ст13–16*. Печ. по: *Фиалки*. Дата по *Ст13–16*. Стихотворение было послано в редакцию журнала «Вестник Европы», редактор которого, Д. Н. Овсянико-Куликовский, писал автору: «В стихотв<орении> «Я шел среди по-

лей безбрежных», которого форма безукоризненна, Вы допустили, в конце, ужасающий недосмотр:

«Хотелось, все земное бросив,
В прозрачном воздухе тайком
Порхать над золотом колосьев
За легкокрылым мотыльком».

Читатель, вопреки указанию: «все земное бросив», наверное представил себе господина в пиджаке и штанах, порхающего по воздуху за мотыльком. Коварное непрошенное представление мелькнуло и у меня, и я улыбнулся той улыбкой, какая способна испортить и всю музыку» (письмо 25 января 1917 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 2–2 об.). Минаев отвечал ему:

«Что касается стихотворения <Я шел среди полей>, Ваши указания относительно последней строфы я приму к сведению, странно только, что мне самому никогда об этом <так> не приходило в голову. Выбрасывать совершенно последнюю строфу мне не хочется и я еще надеюсь как-нибудь переделать ее.

Благодарю Вас, многоуважаемый Дмитрий Николаевич, за внимательное отношение ко мне и надеюсь со временем оправдать Ваши ожидания.

Позвольте мне, в знак моего к Вам уважения,

в недалеком будущем посвятить Вам одно из моих лучших стихотворений. Когда оно будет совершенно готово, я пришлю его Вам, с просьбою поместить в Вашем журнале.

Не можете ли Вы сказать мне, хотя приблизительно, когда будет напечатан «майский вечер».

Прошу Вас, – извиняюсь, что затрудняю, – ответить мне на вышеизложенные вопросы закрытым письмом.

С уважением

Ник. Ник. Минаев.

Адрес: Москва, Землянка Известковый пер, д. 3, кв. 14» (ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 1–1 об.). В «Вестнике Европы» стихотворения Минаева не появлялись. Стихотворение декламировалось автором 22 декабря 1919 г. в «Литературном особняке» (Новинский б-р).

«Я люблю в тихий полдень под осень...». – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5 (без эпиграфа). Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по Ст13–16. Эпиграф – первая строчка стихотворения И. Ф. Анненского «Я люблю» («Трилистник замирания»).

Это было на даче... (*«Это было на даче, где густая рябина...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Эпиграф – первая строка «поэмы-миньонета» Игоря Северянина 1910 года.

С. 61. Поэза о самом себе («Я вездесущ... Весь век свой странствую...»). – Печ. по: СрБр2.

Осенний сонет («Осенний день прозрачен как хрусталь...»). – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16.

Вечерняя рондель («Зари вечерней полоса...»). – Ст13–16. Печ. по: Фиалки. Дата по Ст13–16. Рондель – твердая стихотворная форма, пришедшая в русскую поэзию из французской; встречается довольно редко (кроме классических образцов Северянина и Вяч. Иванова можно вспомнить разве что Людмилу Перл и Елпидифора Титова).

Послание из Малаховки («К Вам в Белосток...»). – Печ. по: Откл. Шаломытов Евгений Васильевич (1873 – после 1916) – важное лицо в биографии Минаева. Он – сын артиста Императорских театров, учился на физико-математическом факультете Московского университета, который окончил в 1902 году. В этом же году поступил на должность надзирателя Императорского Московского Театрального училища. В 1903 году был назначен воспитателем IX класса (все сведения из личного дела: РГАЛИ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 113). В 1912 году, напутствуя Минаева, окончившего училище, он отправил ему прочувствованное письмо (приводится в послесловии). В 1914 году был призван на фронт, куда и адресовано стихотворение Минаева. Последнее

сведение о нем – письмо к Минаеву от 8 марта 1917 года, помеченное топонимом «Зубец»: «Про себя не знаю, что сказать. Пережили и мы переворот. Родовались, манифестировали, истекали речами. Как я ни уклонялся, приходилось принимать во всем этом участие, приходилось даже председательствовать по общему желанию. Но, признаюсь, все это меня более расстроило нежели захватило. Дай Бог, чтобы все это хорошо кончилось и не превратилось в грызню из-за власти и чтобы одна тирания не сменилась другой. Надеюсь на хороший исход не потому чтобы видел впереди логические пути к этому, а совершенно наоборот, потому, что жизнь полна чудес; кроме того, молодое поколение лучше нашего умеет устраивать жизнь» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 29–29 об.).

В день годовщины (*«В день годовщины, как и прежде...»*). – Печ. по: *ПроСт*.

Апрельский день (*«Апрельский день лучист и светел...»*). – Впервые: Весь мир. 1916. № 17. С. 13 (вар. стр. 2: «Стремглав бегут ручьи журча»; стр. 13–15: «Все то, что цепью ледяною / Во дни зимы сковал мороз / Пробуждено теперь весною»). *Ст13–16*. Печ. по: *Фиалки*. Дата по *Ст13–16*.

И. П. Сидорову. Из письма (*«Пожелаю я Вам всей душой...»*). – *Откл.* (под заглавием: «Мои пожелания на новый 1916 год. И. П. Сидорову»). Печ. по: *Побстр*.

Сидоров Иван Петрович – дядя Минаева, житель Нижнего Новгорода; работал в техническом отделе Нижегородской ярмарки; в 1917 году переехал в Ковров Владимирской губернии и поступил на пулеметный завод техником по устройству водопровода и канализации на заводе; в 1919 служил помощником лесничего; в 1920-е годы, судя по посвященному ему стихотворению Минаева, жил в деревне Королево Нижегородской области.

Бабочка (*«Сильно и смело...»*). – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4. Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

«День неприветлив и короток...». – Под заглавием «В октябре» без разбивки на строфы отправлено в журнал «Русское богатство»; варианты с. 12–16: «Как все печалится и вянет / В слезливом мутном октябре. // Дождем и гнилью пахнет воздух; / И ярко-ярко по ночам / Мерцает небо в крупных звездах / Навстречу поднятым очам». Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16. Стихотворение декламировалось автором 21 июля 1919 на заседании «Литературного Особняка».

Подснежник (*«Лишь весны благодатная нега...»*). – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*.

«Уже сияет солнце ярко...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16...день рождения мая / И

мой... – Минаев родился 1 мая.

«В синем небе на солнце жемчужится...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

Весна в Зубцове (*«Вот уж март... Над зимою смеясь...»*). – Печ. по: *ПроСт*.

Майским утром (*«Майский солнечный день...»*). – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2 (вар. ст. 8: «К нам пришел светлый май»; ст. 20: «Ярко вспыхнет любовь»). Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

Памяти К. М. Фофанова (*«В расцвете радостного мая...»*). – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16. Константин Михайлович Фофанов (1862–1911) умер 17 мая (т. е. стихотворение написано к пятилетней годовщине смерти); Минаев был знаком с его дочерью и посвятил ей стихотворение, а также упоминал его, описывая излюбленные книги своей библиотеки: «Здесь к Северянину прижался плотно Блок, / И с Фофановым в ряд стоят Кузмин и Брюсов».

«Счастье какое увидеться снова...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

Женя и Дора (*«Женя пишет сонату и скерцо...»*). – Печ. по: *ПроСт*. Вероятно, он же и герой стихотворения («Женя»). В одном из недатированных писем Минаеву он передает привет от Доры (хранится среди писем неизвестных лиц; ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр.

246).

«Я спокоен как в юности вновь...». – Печ. по: *ПроСт*.

Е. В. Шаломытову (*«Когда вечера лучезарны и долги...»*). – Откл. Печ. по: *Повстр*.

«Октябрь... Туманно и дождливо...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по: Ст13–16.

«К нам снова возвратилась...». – Ст13–16; *Фиалки*. Печ. по: *ТЯмбы*.

Узоры мороза (*«На стеклах узоры мороза...»*). – *ПроСт*. Печ. по: *Повстр*.

«Омытая дождем природа ликовала...». – Ст13–16. Печ. по: *Фиалки*. Дата по Ст13–16.

«Неуютно и грустно в саду помертвелом...». – Печ. по: *Фиалки*.

Весенний сонет (*«Весна близка!... Весна, весна идет!...»*). – Печ. по: *Фиалки*. Стихотворение декламировалось автором 28 июня 1919 г. на вечере «Литературного особняка» на Садово-Самотечной; 18 июля 1919 г. на вечере «Всероссийского Союза Поэтов» на Тверской, 18; 19 июля 1919 г. во «Дворце Искусств» (Поварская, 52); 26 июля 1919 г. на «Среде» (Знаменка, 5); 3 августа 1919 г. в обществе «Наука и Жизнь» (Петровка); 10 августа 1919 на «Вечере поэтов» в Политехническом музее; 27 февраля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 28 апреля

1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Золотистые блики заката...». – Печ. по: *ПроСт.*

И. П. Сидорову. 1. Слезное моление (*«Протяните нам братскую руку...»*); 2. Дружеский совет (*«Я даю Вам последний совет...»*). – Печ. по: *Откл...на Землянку*. – *Землянка* – неофициальное название района пересечения Никольямской улицы с улицей Земляной вал; точный адрес Минаева: Известковый пер., д. 3, кв. 14 (нельзя не упомянуть мнемоническое правило, изобретенное позже его приятелем: «№ Вашей квартиры я запомнил не потому, что "14 Декабря", а потому, что в сонете... четырнадцать строк» (письмо Г. Ширмана от 23 сентября 1926 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 2 об.)). Первое стихотворение написано в качестве ответа на вопрос, заданный Сидоровым в письме 10 февраля 1917 года: «Есть у Вас мука, сахар и прочее?» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 2); получив подтверждение своим догадкам, Сидоров писал:

21 февраля 1917

ОТВЕТ НА СЛЕЗНОЕ МОЛЕНИЕ

Ляля с мамой не волнуйтесь

Ваши муки исцелю.

На вокзал скорей сбирайтесь;

Багажом муки я шлю.

Вы корзины соберите
И назад пришлите их
А веревки внутрь вложите;
У нас нет уж таких.

Если случай подвернется,
Можно в них опять прислать,
А коль Ляля к нам сберется,
Лучше нечего желать.

(Там же. Л. 4); *Ляля* – домашнее имя Минаева. 20 февраля была отправлена посылка из Нижнего в Москву; 27-го ей вслед направилось письмо: «Дорогой Ляля! Я сильно беспокоюсь о судьбе 2 пудов муки, которую я отправил Вам 20 февраля, квитанцию же на получение ее послал 21 утром, значит 22 Вы должны были получить заказное письмо. Я до сих пор не имею известий получено ли все Вами или нет. Без этих сведений я не могу ничего дальше посылать Вам» (Там же. Л. 5). Поэтическим ответом на этот запрос стало следующее стихотворение (*«Когда ем блинчики верченые...»*).

И. П. Сидорову (*«Когда ем блинчики верченые...»*). – Печ. по: *Откл.* Контекст см. в комментарии к предыдущему стихотворению.

«Прощанье августа – а заодно и лета...». – Впер-

вые: Вечерняя Москва. 1927. 20 августа. № 188. С. 3 (вар.: ст. 2: «Неторопливая и легкая пора»; ст. 7: «Помят детьми газон, их маленькие ножки»; ст. 11–12: «И горделивый шар, торчавший над куртиной, / Куда-то унесли до будущей весны»; ст. 13–16: «Последний летний день внимательно и строго / Глядит вокруг себя, собравшись в путь уже, / И не решался переступить порога / Застенчивый сентябрь стоит на рубеже»). *ВторКн; Камеи*. Печ. по: *ТЯмбы*. Стихотворение декламировалось автором 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено».

«Что такое счастье?.. Это неизвестно...». – Ст17–20; *ВторКн*. Печ. по: *По8стр*.

«Солнце беспощадно жжет весь день с утра...». – Печ. по: Ст17–20.

«Ты ушла от меня навсегда...». – Ст17–20. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: Ст17–20.

Довольно! (*«Довольно лживых обещаний...»*). – Впервые: Весь мир. 1917. № 47. С. 8. Печ. по: *ПроСт*. Приятельница Минаева Е. М. Гусева писала ему 28 декабря 1917 года: «Да, Коля, поздравляю Вас с успехом, – ведь конечно это Ваше стихотворение «Довольно», помещенное в № 47 журнала: «Весь Мир» – да? Ведь не зря мы называли Вас «Звездочкой», – не правда ли? И наверное в недалеком будущем засияете яркой звездой, – а я первая желаю Вам сла-

вы» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 7). Это стихотворение было перепечатано за подписью крестьянина М. М. Кунеевского в «Симбирской народной газете» (1917. 15 декабря).

Из дневника («*Опять зима... Опять снега...*»). – Автограф: РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1 (без заглавия; без разбивки на строфы; вар.: ст. 2: «Покрыли крышу белой шалью»; ст. 6: «И под его напев унылый»; ст. 16: «Я дал тебе вчера уйти»). – *Ст17–20*. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: *Ст17–20*. Стихотворение декламировалось автором 8 августа 1919 г. во «Все-российском Союзе Поэтов».

«*Необозримые поля...*». – Впервые: Всемирная иллюстрация. 1924. № 5–6. С. 49 (вар.: стр. 1: «Раскинувшиеся поля...»; стр. 4: «И тлеет запад, загорая»; стр.: 5–9: «Торчит задумчивый овес / Щетиной выцветших иголок, / И след безжалостных колес / Избороздил кривой проселок. / Томятся ветки чахлых ив»; стр. 14: «Но сердце несказанно радо»); Вечерняя Москва. 1927. 2 июля. № 147. С. 3 (вар. те же, кр. стр. 4); *ВторКн*. Печ. по: *Пена*. Стихотворение декламировалось автором 23 июня 1919 г. на вечере «Литературного особняка» на Садово-Самотечной; 27 февраля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 6 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особ-

няке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 17 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 15 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 26 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

В сумерках (*«Весенние синие сумерки...»*). – Печ. по: *ВторКн.*

С Новым годом (*«С Новым годом поздравляю...»*). – Печ. по: *Откл.* Адресат неизвестен.

«Положив на колени цветы...». – *Ст17–20; ВторКн.* Печ. по: *Камеи.* Дата по: *Ст17–20.*

«Помнишь вечер розовый!...». – Впервые: Творчество. 1919. № 12. С. 21 (вместе со стихами «После ненастья» (*«Как ярок августовский день!...»*) и «Цветы покорно увядают...»; переписку по их поводу см. на с. 657–658). *Ст17–20.* Печ. по: *ВторКн.* Дата по: *Ст17–20.*

«В прозрачных сумерках весною...». – Печ. по: *ПроСт.*

«Весной задыхаешься в каменном склепе...». – *Ст17–20.* Печ. по: *ВторКн.* Дата по: *Ст17–20.*

«Мы ехали в простой коляске...». – *Ст17–20; ВторКн.* Печ. по: *Пена.* Дата по: *Ст17–20.* Тридцать пять лет спустя третья жена Минаева отзовется об этом тексте неодобрительно: «Я люблю в стихах по-

этическую музыку и мне в твоих возвращенных стихах, вернее в одном из них не понравилось выражение «помутнело» или «мутнело» в глазах (там говорится о прогулке в коляске в поле – помнишь?). Переделай это слово. Возникает впечатление как будто ты был пьян. У кого же еще мутнеет в глазах, как у нетрезвых? Не правда ли?» (письмо от 14 ноября 1953 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 8). На это Минаев отвечал ей: «Что касается слова «мутнело», которое тебе не нравится, я знаю в каком это стихотворении (вторая книга стихов). Написано оно в 18 или 19 году. До некоторой степени ты права, моя родная, и потому замени его словом «темнело», это будет лучше. Вообще пиши мне о стихах, что тебе покажется нужным, не стесняясь, и, пожалуйста, не сетуй на форму своих писем» (письмо 24 ноября 1953 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 14). Несмотря на это, во всех наличествующих автографах эпитет остался неизменным.

«Смотрят сумерки в окна ко мне...». – Ст17–20. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: Ст17–20. Стихотворение декламировалось автором 10 мая 1920 в «Литературном особняке».

На даче (*«Над клумбой вьется мошек рой...»*). – *ВторКн*; *ТЯмбы*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *ТЯмбы*.

«Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...»

– *Ст17–20: ВторКн. Печ. по: Пена. Дата по: Ст17–20.* Стихотворение декламировалось автором 28 апреля 1919 г. на вечере «Литературного особняка» на Тверской; 19 июля 1919 г. во «Дворце Искусств» (Поварская, 52); 26 июля 1919 г. на «Среде» (Знаменка, 5); 3 августа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...». – *Ст17–20. Печ. по: ВторКн. Дата по: Ст17–20.* Стихотворение декламировалось автором 15 сентября 1919 г. в «Литературном особняке»; 27 апреля 1921 на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Я проснулся на заре...». – Печ. по: *ПроСт.*
Импровизация (*«Ветер ворвался в ресторан «Яр»...»*). – Печ. по: *СрБр2.*

«Под рдеющим лучом заката...». – *Ст17–20 (с другой разбивкой на строфы). Печ. по: ВторКн. Дата по: Ст17–20.* Стихотворение декламировалось автором 28 апреля 1919 г. на вечере «Литературного особняка» на Тверской; 8 августа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 23 декабря 1919 г. в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка).

После ненастья (*«Как ярок августовский день!*

...»). – Впервые: Творчество. 1919. № 12. С. 21. *См17–20*. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: *См17–20*. Стихотворение декламировалось автором 10 мая 1920 г. в «Литературном особняке». По получении рукописи редакция журнала сообщала автору: «Пишу Вам по поручению редак. Ангарского: он просит Вас обязательно зайти к нему. Кстати сообщая, что из Ваших стихотворений приняты:

«После ненастья»

«Помнишь»

«Цветы покорно увядают»

Секр. редакции Н. Харитонова» (письмо 22 октября 1919 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 1).

На встрече Нового года («Желаю всем присутствующим здесь...»). – Печ. по: *Откл* (раздел «Экспромты»).

«Возвращенная к жизни теплом животворным...». – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 31 марта 1919 г. года на вечере «Литературного особняка» в Леонтьевском переулке; 23 декабря 1919 г. в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка); 23 апреля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Душа как пленница томится...». – Печ. по:

ВторКн.

«Зарумянила осень...». – Впервые: Вечерняя Москва. 1927. 17 сентября. № 212. С. 3 (вар.: ст. 3: «Непрозрачная просинь»; ст. 5: «Утомленности летней»; ст. 17–20: «И отраднее взору / И надежда ясна – / В эту милую пору / Сновидений без сна»). *ВторКн.* Печ. по: *Пена*. Стихотворение декламировалось автором 31 марта 1919 года на вечере «Литературного особняка» в Леонтьевском переулке; 19 июля 1919 г. во «Дворце Искусств» (Поварская, 52); 26 июля 1919 г. на «Среде» (Знаменка, 5); 6 марта 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«К холодным стеклам тусклых окон...». – Впервые: Вечерняя Москва. 1927. 12 ноября. № 258. С. 3 (вар. ст. 7: «И жалок вид больной и жуткий»; ст. 13–16 отсутствуют). Автограф (возможно, наборный для неизвестной публикации): РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 1 (вар. ст. 7–8: «И жалок вид больной и жуткий / Насквозь промокших дряблых лип»). Печ. по: *ВторКн.* Стихотворение декламировалось автором 31 марта 1919 г. на вечере «Литературного особняка» в Леонтьевском переулке; 3 августа 1919 г. в обществе «Наука и Жизнь» (Петровка); 23 августа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 9 сентября

1919 г. в «Звене» (Знаменка, 5); 1 октября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 23 декабря 1919 г. в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка); 27 февраля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 16 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Последний пламень солнце мечет...». – Впервые: Плетень. Рязань. 1921. С. 6 (вар. стр. 6: «Не видно реющих стрижей»). Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 28 апреля 1919 г. на вечере «Литературного особняка» на Тверской; 19 июля 1919 г. во «Дворце Искусств» (Поварская, 52); 26 июля 1919 г. на «Среде» (Знаменка, 5); 3 августа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 августа 1919 г. на «Вечере поэтов» в Политехническом музее; 21 августа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 сентября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 сентября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 4 октября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 января 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»;

6 марта 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 28 марта 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 апреля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«С каждой минутой сумрак мгlistей...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Сентябрьский вечер тих и розов...». – Впервые: Союз поэтов. Второй сборник стихов. М., 1922. С. [15] (вар.: ст. 7–8: «И ворохом измятых кружев / Висят в зените облака»; ст. 13: «Все явлено другим для взгляда»; ст. 15: «И также ничему не рада»). Печ. по: *ВторКн.* Стихотворение декламировалось автором 10 мая 1920 г. в «Литературном особняке»; 26 февраля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 15 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

Пейзаж («От заревых лучей сиреневые...»). – Печ. по: *ВторКн.*

«В кадке с водою у колодца...». – *ЭкзСт; ВторКн.*

Печ. по: *Камеи*. Год по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 2 сентября 1921 г. во «Все-
российском Союзе Поэтов»; 26 января 1922 г. во «Все-
российском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на ве-
чере «Литературного особняка» (чтение книги стихов
«Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обще-
стве «Звено».

«Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...» – Ст17–
20; *ВторКн*. Печ. по: *Камеи*. Дата по: Ст17–20.

В роще (*«Прошумел по листьям дождь... Отгре-
мел за речкой гром...»*). – Ст17–20; *ВторКн*. Печ.
по: *Повстр*. Стихотворение декламировалось авто-
ром 23 июня 1919 г. на вечере «Литературного особ-
няка» на Садово-Самотечной; 18 мая 1920 г. во «Все-
российском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на ав-
торском вечере в «Литературном особняке» (чтение
книги стихов «Нежнее неба»); 17 февраля 1922 г. во
«Всероссийском Союзе Поэтов». Минаев пытался на-
печатать это стихотворение в 1966 году.

«Вот и солнце низко, значит близок вечер...». –
Ст17–20. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: Ст17–20. Стихо-
творение декламировалось автором 23 июня 1919 г.
на вечере «Литературного особняка» на Садово-Са-
мотечной.

«В сумерки весенние...». – Впервые: Плетень. Ря-
зань. 1921. С. 6 (вар. стр. 3–4: «Сладостно забвение /

В миге тишины»; стр. 11: «Слились под синюю»; стр. 15: «Рифмы и созвучия»; стр. 17–20: «Пусть душа безрадостна / Каждый стал поэтом, / В каждом струны сладостно / Дрогнули, звеня»; стр. 23: «Миг успокоения»). *Ст17–20; ВторКн; ТЯмбы*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *ТЯмбы*. Стихотворение декламировалось автором 9 августа 1919 г. в обществе «Наука и Жизнь»; 11 августа 1919 г. на заседании «Литературного особняка» (Пименовский пер., 8, кв. 11).

«Вздыхает нива золотая...». – *Ст17–20; ВторКн*. Печ. по: *Камеи*. Дата по: *Ст17–20*.

«О, предводитель воинства...». – *СрБр1, Эпигр*. Печ. по: *СрБр2*.

«Гремит Максим фанфарно...». – *СрБр1, Эпигр*. Печ. по: *СрБр2*. *Максим* – Нетропов Максим (наст. имя: Портен Максим Эрнестович; 1886–1937?) – прозаик и поэт, филателист-теоретик, заметный участник московской литературной жизни 1920-х годов; адресат многочисленных эпиграмм Минаева.

«Вы, рифмуя, старательно пишете...». – Печ. по: *Откл* (раздел «Экспромты»). Кугушева Наталья Петровна (1899–1964) – поэт; один из ближайших друзей Минаева на протяжении всей его жизни (ср., например, один из резюмирующих отзывов: «Мы дружим с ним <Минаевым> с 19 года не как поэты, ибо он моих стихов не любит. Жизнь как-то столкнула нас в моло-

дости, но как совершенно различных людей, без общей платформы и мы все время поддерживали хорошие отношения» (письмо Кугушевой к Д. Шепеленко от 19 октября 1952 года//ГЛМ. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 122; ср.: «Минаев совсем не бурбонистый, это только так кажется тому, кто его не знает. Он – хороший поэт. Но он всегда затянут в мещанский корсет и кости выпирают во все стороны. <...> Я с ним дружу с 19го года». – Тот же корпус, 22 февраля 1950 года // ГЛМ. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12 об.). Ср., впрочем, и зафиксированное разногласие: «Как я Вас помню, последнее время Вы немножко хандрили. Помню, как между Вами и Кугушечкой бегали черные кошки (кстати, привет ей пожалуйста передайте). Хочется думать, что Вы себя лучше теперь чувствуете» (письмо А. Мареева Минаеву от 2 марта 1919 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1.Ед. хр. 194. Л. 2). О ней см.: ЛБ. Т. 1. С. 220–231. *Миша* – неустановленное лицо. 6 августа 1919 года Кугушева записала в альбом Минаева сонет-акrostих:

Нотаций верный друг и классиков поклонник
И ментор вечный мой, я Вам пишу сонет,
Ко мне склоните взор нежней и благосклонней,
Отбросив холод фраз и скуку слова нет.

Любовное вино вин всяких благовонней,
А радость ярких дней! Не даром Вы поэт,

Нежней поют слова... На Вашем теле броню
Мне хочется пробить и выпить с губ ответ.

И отойдя от дней ненужных и случайных
Направить дерзкий путь навстречу кораблю
Алмазной россыпью, покорною рулю

Едва блеснут слова за нашей детской тайной!
Вот Вам сонет на властное: велю,
Увы! Большой соблазн здесь срифмовать: люблю.

(Альбом1. Л. 14).

«Только знать, что готова награда...». – Печ. по:
ПроСт.

«Он славословит стихи Адуева...». – *СрБр1*.
Печ. по: *СрБр2*. Адуев Николай Альфредович (1895–1950) – поэт; недолго был мужем Марианны Ямпольской, приятельницы Минаева (см.: *ЛБ*. Т. 1. С. 451–452). 9 июня 1921 г. он записал в альбом Минаева стихотворение «Идут века; мелькают слепо дни...» (*Альбом1*. Л. 29). Среди бумаг Минаева сохранилась рукопись посвященного ему стихотворения Адуева:

ЭПИТАФИЯ

Н. Н. Минаеву

Прохожий! Оглянись! Здесь истлевают прах
Нетленного вовек Адуева-поэта.

При жизни он молил о надписи в стихах:
Покойный был всегда поклонник трафарета.

Он скромн был и тих, имел пугливый нрав.
Не чиркал эпиграмм – и жил со всеми в мире.
Он написал роман – в 139 глав!...
(Насмешница-судьба! До нас – дошли 4).

Стихи его, как он, правдивы, без прикрас
И в них прочувствован почти что каждый атом;
В Финляндии живя – он написал «Кавказ»
И бурно страсть воспел – лишь только стал
кастратом.

Он всю земную тварь лелеял и любил
И до конца дошли о ней – его заботы:
При жизни он (герой) принципиально сгнил
Чтоб облегчить червям – три четверти работы.

Он умер со стыда: один тщедушный фронт
Сказал, что у него вчерашней моды платье.
Прими ж его, земля, скорей в свои объятья
И возврати ему зарытый им талант.

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 389).

*«В Союзе два обеда слопав...». – СрБр1. Печ. по:
СрБр2...фанфарные стихи.*

«Уж сколько зим и сколько лет...». – СрБр1. Печ.

по: СрБр2. Гинзбург Михаил – поэт, автор сборников «Сонеты о сплине» (М., 1923), «На Восток» (Л. 1926) и – вероятно – детской книжки «О чем пели колеса» (М., 1927). Эпиграф – из его стихотворения, записанного в альбом Минаева:

ЛЮСЕ ГОЛУБОГЛАЗОЙ
Уж сколько лет и сколько зим
Я молодой совсем не молод
И по пути в далекий Рим
Стрелой любви опять прополот <sic>.
Под шепот мудрости страниц
Следя изгибы тонких линий
Я только вижу шелк ресниц
Улыбку глаз глубинных, синих.
И я постигну как вдвойне
Странна боязнь измены милой,
Когда ты скажешь, что во сне
Ты мне сегодня изменила

М. Гинзбург

6 августа 192 <sic>

(Альбом1. Л. 21).

Винегрет из Мачтета («Вторая Мещанская... Матрена и Фекла...»). – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Мачтет Тарас Григорьевич (1891–1942) – поэт; один из ближайших друзей и литературных соратников Минаева; см. о нем: Дроздков В. А. Дневник Т. Г. Мачтета: второсте-

пенное и главное // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 114–135. Обладая незаурядной внешностью («Поразил меня и троюродный брат Никитиных – Тарас Григорьевич Мачтет, сын скучнейшего, на мой взгляд, писателя Мачтета, почти совсем теперь забытого. Он был похож на страшного гнома, и свои стихи читал заунывным голосом» – Никитина В. Р. Дом окнами на закат. М., 1996. С. 43) и своеобразными творческими манерами, Мачтет был памятен многим мемуаристам. Познакомились они с Минаевым, вероятно, летом 1919 года; по крайней мере первое документальное свидетельство их встречи датировано 8 августа: это запись Мачтета в минаевском альбоме:

СТИХОТВОРЕНИЕ. ПОСВ. Н. МИНАЕВУ

Не Минаев, но Минаев,
Не Димитрий Николай
Винегретами своими
Ради Бога не смущай.

Тарас Мачтет

1919 г. 8 августа

(Альбом 1. Л. 82).

Месяц спустя, Мачтет, уехавший в Рязань, пишет Минаеву: «Сегодня кажется ровно месяц, как я прибыл из Москвы в Рязань и расстался с кафэ поэтов.

Нетропову я уже написал, не знаете, получил ли он мое заказное письмо?

Вам же пишу только сейчас, несмотря на то что вспоминаю вас очень часто и свое и ваше мне обещание писать друг другу.

По приезде мне здесь удалось объединить вокруг себя группу поэтов и назвать наш кружок «Дом искусств». Мы хотим примкнуть к союзу поэтов и стать его филиальным отделением» (письмо 26 августа 1919 (ст. ст.) //ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 1—1 об.).

В эти же дни их общий приятель сообщает Мачтету (вероятно, в надежде на сочувствие): «В Особняке все по старому. Приехал Роговин. Минаев стал почему-то играть большую роль и даже член приемной комиссии по издательствам «Молодой России»» (письмо М. Нетропова от 5 сентября 1919 года//РГБ. Ф. 324. Карт. 1. Ед. хр. 78. Л. 2—2 об.). Один из немногих документальных памятников продолжавшегося приятельства — письмо Мачтета к Минаеву, отложившееся в бумагах «Литературного особняка», конфискованных НКВД: 28 сентября 1927 «Уважаемый Николай Николаевич. Извещаю Вас что Ваше приглашение участвовать во вновь зарождающемся «особняке» я получил. Имею работы о Ю. Жадовской, К. Рылееве и др. которые с удовольствием прочитаю на одном из со-

браний. Готовлю второй сборник стихов. Для вечера памяти Рильке С. Н. Шиль предлагает прочесть его письма к ней и имеющиеся материалы к Рильке относящиеся нигде не напечатанные. Пока всего лучшего. Адрес мой прежний Арбат 30 кв. 69. Уважающий Вас Тарас Мачтет» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 61а). Последующая история их взаимоотношений пунктирно восстанавливается по эпиграммам и посвящениям Минаева. Стихотворение выдержано в стилистике Мачтета и насыщено образами его лирики.

Валерию Брюсову. Акrostих («*Весна! Как счастлива! Покончено с зимой...*»). – Автограф сохранился в бумагах адресата: РГБ. Ф. 386. Карт. 95. Ед. хр. 4; был приложен к письму, в котором, в частности, говорилось: «Мне очень бы хотелось знать Ваше откровенное мнение о моих стихах, препровождаемых вместе с письмом, как поэта для меня наиболее авторитетного в современной поэзии. Мне кажется, что у меня все-таки есть кое-какое поэтическое дарование и мне хотелось бы узнать от Вас о недостатках моих стихов, особенно о технической их стороне, и о достоинствах, если таковые имеются». Печ. по: *ВторКн*. В том же 1919 году Брюсов вписал в альбом Минаева стихотворение:

НИКОЛАЮ МИНАЕВУ ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ

*...а в миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один, без
сожаленья!*

*Urbi et orbi
Издревле сладостный союз...*

Пушкин

Годы делят нас и поколения:
Дышишь ты весной, мгновенным маем; —
Я последние считаю звенья
Цепи той, что все мы не снимаем.

Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке: —
Голос Музы, – над путем росистым,
Там, где тени, тайны, сон и маки.

И пока ты – на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет, —
Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей – венец трепещет.

3 августа 1919

(Альбом 1. Л. 4; перепечатано: Брюсов В. Собрание

сочинений. Т. 3. М., 1974. С. 394). Впервые это стихотворение было опубликовано самим Минаевым; появление его в печати вызвало комментарий современника: «Между прочим, в сборнике впервые появится неизданное стихотворение В. Я. Брюсова (1919 г.), посвященное молодому поэту Н. Минаеву, также печатающемуся в сборнике. <...> Помещаемые ниже стихи Н. Минаева обнаруживают, что В. Я. Брюсов не даром «в гроб сходя» «благословил» этого молодого поэта. Стихи Н. Минаева отличаются большой поэтической выразительностью, скупостью и точностью словесного оформления» (Леонидов О. Среди новых стихов // Красная газета. Вечерний выпуск. Л. 1926. 10 августа. № 184. С. 3).

В альбом на ходу. 1. Н. П. Кугушевой (*«Примите мои пожеланья хорошие...»*); 2. Н. Н. Ольховской (*«Что такое жизнь здешняя наша!..»*). – Печ. по: *ПроСт*. Ольховская Наталья Николаевна – поэт, автор единственного известного стихотворения, вписанного ею в альбом Минаева:

МИЛОМУ КОЛЕ МИНАЕВУ

Летом хорошо у Нирнзее, на крыше...

Я любила там с тобой бывать...

Любо было у прохладной ниши

О любви в глазах твоих читать...

Помнится, мы постоянно пили

Твой любимый, алый гренадин...
Уж полгода, как тебя убили...
У меня остался – кокаин!

10 августа 1919

(Альбом1. Л. 58; см. также: <http://ucas-v-leiden.livejournal.com/149000.html>). 26 августа 1919 (ст. ст.) Т. Мачтет из Рязани передавал ей привет через Минаева: «Что у вас нового среди поэтов?

Как поживает Н. П. Кугушева?

Сегодня она именинница. Поздравьте ее от меня с днем ангела, а также и Н. Н. Ольховскую» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 2). См. также: Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 665.

«Нетропов и Мачтет давно друг другу любы...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. «У первого в стихах гремят фанфарно трубы...» – аллюзия на начало стихотворения Нетропова «Бой быков»: «Гремят фанфары, гремят кристально, /Гремят зовуще и огневейно, /Пестрятся краски, немного бально, / Зонты и шали реют лилейно» (РГАЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 10).

Надпись на книге («Хотя нехорошо хорошему поэту...»). – Печ. по: ПроСт.

«Я знаю: завтра будет то же...». – Печ. по: ПроСт. Стихотворение декламировалось автором 21 июля 1919 г. на заседании «Литературного Особня-

ка»; 16 августа 1919 г. во «Дворце искусств»; 3 декабря 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 2 января 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 21 января 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 апреля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 28 апреля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 18 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Среди членов Союза...». – *СрБр1, Эпигр.* Печ. по: *СрБр2*. Надежда Максимилиановна де Гурно (Клетчер-Ротермунд, псевд. Бианка) – одна из колоритнейших героинь литературной Москвы послереволюционных лет. Ей посвящено несколько эпизодов в автобиографическом романе Р. Ивнева «Богема» (ср. в т. ч.: «Прекрасных женщин было много в столице, но она затмевала всех оригинальностью своих редкой синевы глаз, напоминающих цвет Черного моря в яркий солнечный день. Огромные синие глаза привлекали китайским разрезом. Но это был добавочный козырь, благодаря которому красота становилась необычайной. О ее происхождении в Петербурге никто не знал, да и не интересовался, потому что вско-

ре по приезде в столицу она покорила сердце престарелого французского графа, давно обрусевшего и облысевшего, и, женив его на себе, стала графиней де Гурно. В салонах новоиспеченной графини толпилась золотая молодежь, у Дины появился свой выезд. Квартира ее начала превращаться в галерею редких картин и скульптур, а бриллиантовая коллекция завоевала широкую известность» // Ивнев Р. Богема. М., 2006. С. 276–277); пара недобрых абзацев в мемуарах Н. Серпинской («Русская Надежда купила себе за 10 000 франков титул прогоревшего итальянского графа де Гурно. Титул набивал ей цену на всех фешенебельных игорных курортах, начиная с Монте-Карло. «Графиня» накопила много драгоценностей, мехов, парижских туалетов. Почему-то «застряв» после революции в Москве, поселилась в шикарной гостинице «Люкс» и, как другие прожигатели жизни проедали и пропивали свои состояния, так она «пронюхала» все свои бриллианты. Ее маленькое, пикантное, ловко накосмеченное лицо красивой женщины неопределенного возраста, с сумасшедшими, узкими, зелеными глазами, тонким носом и непрерывно облизываемым и вновь оживляемым парижской губной помадой капризным ртом, всегда прикрытое ежевечерне меняемой огромной парижской шляпой, вносило атмосферу беспокойной чувственности, авантур французских

бульварных романов, той «культуры любви», гнилой, как рокфор, до которой еще не долетел чистый, горный, проветривший легкие искусства ветер революции. Читаемые ею с «инфернальным» выражением плохие стихи, вероятно, редактировались ее многочисленными поклонниками» // Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 221–222). См. также: «В это время неожиданно для всех на сцене молча появилась необычайного вида высокая женщина, смелый туалет на которой подчеркивался отсутствием маски. Свои, конечно, знали, что это была знакомая им, по чтению здесь ею старинных стихов, Надежда Гурно (или Гуро) – бывшая парижская этуаль, женщина «со следами былого очарования», без грима, с одними, казалось, огромными, блестящими глазами кокаинистки, которая молча стояла теперь перед толпою, как бы проверяя на себе впечатление от ее костюма «СОЛОМЕН» <так>, когда-то премированного, как говорят, в Париже. Этот туалет, обнажавший диву почти полностью, состоял только из множества предельно свисавших нитей имитационных – синего и зеленого цвета камней, державшихся на открытых плечах, разве, на честном слове, с помощью незримых почти металлических соединений, причем кажущаяся скромность фигуры говорила за себя, только при условии полной неподвижности фигуры: если этот экзотический наряд

можно было назвать смелым, то поднаряд его казался совсем отсутствующим: над чем и предлагалось теперь публике подумать на досуге. От увядших, пепельного цвета волос этой женщины осталась только искусственная их пышность, а от глаз безмерная пустота прошлого. Публика встретила и проводила эту «грешницу» милосердным молчанием» (Климов А. М. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 336 Оп. 6 Ед. Хр. 13 Л. 13). Ср. также в воспоминаниях Т. Фохт-Ларионовой: «Была там очень колоритной фигурой бывшая графиня Ротермунд, выступавшая под фамилией Де Гурно. Явно выкрашенные в рыжий цвет волосы, сильно накрашенное лицо с сильно подведенными глазами, далеко не первой молодости, странно допотопно одетая в светлое, длинное, видимо, из сундука графини-бабушки вынутое вечернее платье, очень грязного вида газ и кружева. Выступление она начинала своим стихотворением "Я женщина с безумными глазами", но кроме глаз, по-моему, она сама тоже смахивала на безумную» (Фохт-Ларионова Т. Воспоминания // Российский Архив. Т. XI. М. 2001. С. 659). См. также: «Графиня де Гурно, Надежда Михайловна, дочь петербургского врача, незадолго до революции бросила институт, вышла замуж за студента Роттермунда, бросила и его. Вышла за другого, но тот умер. Тогда она покинула Северную столицу и переехала в Моск-

ву. Шел 1918 год. Она пропадала в «Кафе поэтов». Читала там свои стихи, сочиняла частушки для эстрадников, заводила романы, даже снималась в кино. На квартире, где жила, собирала богему. Посещали ее и дельцы черной биржи: Персиц, Носов и др. Они выставляли угощение, а Надежда Михайловна – девочек. Так и стала ее квартира притоном разврата. Не отставала в нем от своих девиц и сама графиня, страстная была женщина. Судебные психиатры, которые обследовали ее, отметили в заключении, что «натура она неуравновешенная, с пониженным чувством стыда, наркоманка и в половом отношении извращенная натура». Простим ей эти слабости, тем более что и суд ее не осудил, а по рекомендации психиатров в декабре 1927 года направил «на полтора года на принудительное лечение» в психиатрическую больницу» (Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003. С. 487–488); см. также: Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 704–706.

16 августа 1919 г. она записала в альбом Минаева стихотворение:

МЕДУЗА

Я женщина с безумными глазами
В них мудрецы не разгадают тайны
Я женщина и у меня прекрасный рот

Он знает многое и вечной вечно служит <?>
Я женщина с волной кровавых волос
В хаосе на плечи спадающих, как змеи
И все мое бескровное многоизменчиво, как время
Я женщина и нагота моя всеильна
Вам говорит о страсти неземной,
Я женщина я властна и капризна
С холодной и преступною душой.
Я женщина во мне есть много тайны
Я сфинкса хладная мечта
Медузой мир зовет меня.

(Альбом1. Л. 42; кстати сказать, это единственное известное стихотворение, принадлежащее ее перу).

Уже несколько лет мы с высокочтимым В. В. Нехотиным складываем вновь обнаруженные факты о Гурно сюда: lucas-v-leyden.livejournal.com/108549.html. Интересующиеся свежими сведениями о ней благоволят обращаться по указанному адресу.

В. А. Гиляровскому («*Писать экспромты мне судьбою суждено!..*»). – СрБр1. Печ. по: СрБр2. В разных источниках Минаев по-разному обозначает степень своего родства (от мнимого до дальнего) с Дмитрием Дмитриевичем Минаевым (1835–1899) – поэтом, снискавшим славу виртуозного версификатора и импровизатора.

Н. С. Берендгофу («*Качаясь вышел на крыль-*

цо...»). – Печ. по: *СрБр2*. Берендгоф Николай Сергеевич (1900–1990) – поэт. 13 августа 1919 г. Берендгоф вписал в альбом Минаева стихотворение «Алый свет» («Умирало солнышко алея...») (*Альбом1*. Л. 71).

«*Вся жизнь – напряжение в прицеле...*». – Печ. по *ПроСт*. Стихотворение декламировалось автором 3 декабря 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 22 декабря 1919 г. в «Литературном особняке» (Новинский б-р); 23 декабря 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«*Слегка трещит камин и золотистый блик...*». – *Ст17–20*. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: *Ст17–20*. Стихотворение декламировалось автором 22 декабря 1919 г. в «Литературном особняке» (Новинский б-р); 23 декабря 1919 г. в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка).

«*Два крепко спаянных звена...*». – *Ст17–20*. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: *Ст17–20*.

Радость («*Подойдет недотрогой-царевной...*»). – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 22 декабря 1919 г. в «Литературном особняке» (Новинский б-р).

«*Вокруг замкнутые уста...*». – Печ. по: *УФСт2*. Стихотворение декламировалось автором 18 июля 1919 г. на вечере «Всероссийского Союза Поэтов» на Тверской, 18; 19 июля 1919 г. во «Дворце Ис-

кусств» (Поварская, 52); 21 июля 1919 г. на заседании «Литературного Особняка»; 25 июля 1919 г. во «Все-
российском Союзе Поэтов»; 26 июля 1919 г. на «Сре-
де» (Знаменка, 5); 3 августа 1919 г. во «Всероссий-
ском Союзе Поэтов»; 16 августа 1919 г. во «Всерос-
сийском Союзе Поэтов»; 23 августа 1919 г. во «Все-
российском Союзе Поэтов»; 3 сентября 1919 г. во
«Всероссийском Союзе Поэтов»; 4 октября 1919 г. во
«Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 декабря 1919 г. во
«Всероссийском Союзе Поэтов»; 23 декабря 1919 г.
в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка); 2 января
1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 января
1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 января
1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 20 января
1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«Все отойдет и — без возврата...». — Печ. по:
ВторКн. Стихотворение декламировалось автором
23 июня 1919 г. на вечере «Литературного особня-
ка» на Садово-Самотечной; 18 июля 1919 г. на вечере
«Всероссийского Союза Поэтов» на Тверской, 18; 19
июля 1919 г. во «Дворце Искусств» (Поварская, 52);
9 августа 1919 г. в обществе «Наука и Жизнь»; 16 ав-
густа 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 1 ок-
тября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 26
ноября 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10
декабря 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»;

23 декабря 1919 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 января 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 14 января 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 16 мая 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов». Эпиграф – из стихотворения Брюсова «На гранитах» («Снова долгий тихий вечер...»).

«День был томителен и зноен...». – Впервые: Творчество. 1919. № 8–9. С. 8 (вар. стр. 3: «Но ветер – непокорный воин»); *ВторКн*. Печ. по: *Пена*. Стихотворение декламировалось автором 11 августа 1919 г. на заседании «Литературного особняка» (Пименовский пер., 8, кв. 11); 16 августа 1919 г. во «Дворце искусств»; 17 февраля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Еще стеклярусные нити...». – *ВторКн*; *СовСт*; *Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Стихотворение декламировалось автором 9 сентября 1919 г. в «Звене» (Знаменка, 5); 15 сентября 1919 г. в «Литературном особняке»; 23 декабря 1919 г. в обществе «Звено» (Бол. Дмитровка); 27 февраля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 28 марта 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 23 апреля 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 31 января 1921 г. на вечере «Литературного особняка» в Художественном театре; 27 апреля 1921 г. на ав-

торском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 19 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 21 мая 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (Леонтьевский пер. 4); 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3).

«Забита будка у ворот...». – *ВторКн; СовСт.* Печ. по: *Камеи*.

К. Д. Бальмонту (*«Твой яркий дар – чудесная певучесть...»*). – *ВторКн.* Печ. по: *ТЯмбы*. Стихотворение декламировалось автором 29 марта 1920 г. в «Литературном особняке» на вечере чествования К. Бальмонта. В журнальном отчете говорилось: «29 марта литературная Москва справила 20-летие со дня выхода в 1890 году в Ярославле книги стихов К. Д. Бальмонта. Чествование было организовано кружком поэтов и критиков «Литературный Особняк» в помещении кружка и носило очень теплый и задушевный характер. Председатель собрания, проф. С. Н. Сакулин, приветствуя поэта от имени О-ва любителей российской словесности, отметил огромное значение Баль-

монта как для нашего поколения, так и для в<с>ей современной литературы. Вячеслав Иванов латинскими и русскими стихами приветствовал юбиляра и вспомнил этапы их совместной работы, их совместного творчества. С приветствиями-стихами выступили поэты Е. Волчанецкая, В. Бутягина, А. Присманова, Р. Именитова, Н. Минаев, Н. Ашукин, В. Иванов, А. Мареев, Н. Захаров-Мэнский, М. Нетропов, О. Леонидов и мн. др.» (Литературная неделя // Вестник театра. 1920. 12–18 апреля. № 60. С. 13). Ср., кстати, отзыв другого выступавшего: «Среди стихотворений которые я Вам посылаю есть одно посвященное Бальмонту ко дню его юбилея, которое я прочел с большим успехом и попал за это в газеты. Бальмонтовский юбилей 29-го марта был вообще очень торжественный. Все литературные общества, кружки, театры и т. п. прислали своих делегатов» (письмо М. Нетропова к Т. Мачтету от 11

мая 1920 года (год – по контексту) // РГБ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 14 об.). Образный ряд стихотворения построен на аллюзиях на заглавия книг и основные темы лирики Бальмонта. Несколько дней спустя Бальмонт презентовал Минаеву экземпляр своей книги «Под северным небом» (М., 1917) с стихотворным автографом:

Дали синие зовут,
Обещают изумруд,
Голубой и синий май,
В дали синие ступай.

(копия инскрипта: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 122;
вручен 4 апреля 1920 года). В этот же день Бальмонт
записал в альбом Минаева четверостишие:

В сердце звездное счастье,
Тонкие светлые нити,
Чье-то доходит участие,
Реки там в небе. Следите.

(Альбом1. Л. 20).

Послание К. Д. Бальмонту (*«Бальмонт прекрасный!..»*). – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Имя «Тага», от лица которой написано стихотворение, несколько раз встречается в шуточных стихах Минаева, но его истинная владелица неизвестна; впрочем, есть ненулевой шанс, что это – Н. П. Кугушева, которую он впоследствии будет так называть.

3. Н. Ивановой (*«Сережа задремал в кровати...»*). – Печ. по: Откл. Адресат и персонажи стихотворения неизвестны.

О. Л. Леонидову (*«Промчится быстро жизнь неистовая...»*). – Печ. по: Повстр. Стихотворение

декламировалось автором 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»). Леонидов Олег (наст. фам.: Шиманский Олег Леонидович; 1893–1951) – поэт, киносценарист, председатель и формальный руководитель «Литературного особняка» (см., в частности, устав объединения: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93). Родился в семье артистов; учился на юридическом факультете Московского университета. Ранние его поэтические опыты были одобрены В. Брюсовым; ср. в письме 19 декабря 1923 г.: «Пусть это короткое письмо напомнит Вам гимназиста Леонидова, который пришел в «Русскую мысль» и от Вас первого услышал ободряющее слово, а затем не раз встречал и встречается Вашу добрую литературную поддержку. Я не избалован приветам приятелью. Привет и приятель В. Я. Брюсова для меня самое ценное в моей «поэтической» дороге» (РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 9. Л. 3). С 1925 года писал сценарии для кино, в чем сильно преуспел. Занимался историей гражданской войны. Биографический очерк о нем см: РГАЛИ. Ф. 2551. Он. 1 Ед. хр. 20. 7 августа 1919 года он вписал в альбом Минаева посвященное ему стихотворение:

Н. МИНАЕВУ

Мне любя простая прозрачность

И молодость Ваших стихов
Не сыщет в них места ни мрачность,
Ни голос смертельных грехов!...

Мне любя весенняя одурь
Звучащая в клейких словах;
Презрели Вы пошлую моду
Писать о больших городах.

У Вас не найдешь проститутки
И даже наркотиков нет
Вы тонкий, Вы радостно-чуткий
Вы милостью Бога – Поэт.

(Альбом1. Л. 18).

«Прозрачно небо... Даль ясна...». – Ст17–20 (вар.: ст. 1–2: «Прозрачен воздух... Даль ясна... / Сияет солнце ярким светом...»; ст. 8: «Из-под ворот украдкой вылез»; без разбивки на строфы); *ВторКн* (варианты те же). Печ. по: *Пена*. Дата по: Ст17–20.

Истинное происшествие («Я вышел от прелестной Вари...»). – Печ. по: *Откл.* Герои стихотворения не атрибутированы. «Домино» – поэтическое кафе в Москве (Тверская, д. 18).

«Томительные дни сомнения и лени...». – Ст17–20. Печ. по: *ВторКн*. Дата по: Ст17–20.

«О, неизбежность наших встреч!...». – Ст17–20.

Печ. по: *ВторКн.* Дата по: *Ст17–20.* Стихотворение декламировалось автором 29 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 24 ноября 1920 г. на конкурсе «Всероссийского Союза Поэтов»; 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 27 декабря 1920 г. в «Литературном особняке»; 31 января 1921 г. на вечере «Литературного особняка» в Художественном театре; 13 апреля 1921 г. на вечере «Литературного особняка» (Тверской бул., 25); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 20 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 14 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 7 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 11 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«Истомной лени я...». – Печ. по: *ПроСт.* Стихотворение декламировалось автором 29 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 1 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 3 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 19 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 22 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 декабря 1920 г. в «Литературном особняке»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Какие силы водят мной?!...». – *Ст. 17–20.* Печ.

по: *ВторКн*. Дата по: *Ст17–20*. Стихотворение декламировалось автором 29 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 1 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 3 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 19 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 20 сентября 1920 г. в «Литературном особняке» (Никитский бул., 8, «Дом Печати»); 22 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 6 октября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 октября 1920 г. в «Литературном особняке»; 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 19 января 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 17 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 9 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 31 октября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«И тишина... И слабо пахнет мятой...». – *Ст 17–20; ВторКн; СоеСт: Повстр* (все – с разбивкой на катрены). Печ. по: *Камеи*. Дата по: *Ст17–20*.

«Самое близкое сердцу – осени, зимы и вес-

ны...». – Ст17–20. Печ. по: ВторКн. Дата по: Ст17–20. Стихотворение декламировалось автором 28 марта 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Вчерашний день казался мне пустым...». – Ст17–10; ВторКн. Печ. по: По8стр. Стихотворение декламировалось автором 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Слова корявы и скрипучи...». – СрБр1, Эпигр. Печ. по: СрБр2.

П. И. Вагину. Записка (*«Нет, невозможно слушать на ночь...»*). – СрБр1. СрБр2. Печ. по: По8стр. Вагин Петр Иванович (наст. фам.: Карамышев; 1877–1926) – писатель. Участник литературного объединения «Звено»; посетитель «Никитинских субботников» (в архиве которых отложилась тетрадь его черновиков: РГА-ЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 366), адресат стихотворения В. Федорова «Изношенное небо» («Не Петербург, не Петроград...»): Федоров Вас. Мумии. 1921. Книга стихов. М., 2001. С. 36. Был автором несколько прозаических книг с занимательными сюжетами (Вагин П. У порога. Рассказы. М., 1922; Вагин Петр. Бессмертие. Сказ. М., 1922; Вагин Петр. Лезна. 16 диалогов с обрамлением. М., 1925); готовил к печати

теоретический труд: «Метафизические, мистические и символические элементы искусства». В 1917 году был уличен в сотрудничестве с охранным отделением, но оправдан; девять лет спустя обвинен в том же самом и в 1926 году расстрелян без суда (ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 2. Ед. хр. 140). Возможно, не без участия Минаева «Литературный особняк» рассматривал 8 декабря 1928 года вопрос «О помощи вдове и сыну б. члена и Зам. Председателя Правления «Л. О.» П. И. Вагина-Карамышева» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 69. Л. 41 об.). Подробности см.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/188160.html>.

«Весною сны – последний талый снег...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 19 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 22 сентября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 6 октября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 9 октября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 октября 1920 г. в «Литературном особняке»; 24 ноября 1920 г. на конкурсе «Всероссийского Союза Поэтов»; 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 19 января 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 31 января 1921 г. на вечере «Литературного особняка» в Художественном театре; 26 февраля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 22 апреля 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27

апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 19 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 14 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 13 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 2 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16).

«Воздух пахнет росой и сеном...». — Впервые: Вечерняя Москва. 1927. 25 июня. № 141. С. 3 (вар.: ст. 8: «Но сейчас не крылаты слова»; ст. 10: «Перепутав, где юг и восток»; ст. 11–12: «И глядит недовольно и строго / У плетня покосившийся стог»; ст. 14: «Не колеблемый ветром атлас»). Ст 17–20. Печ. по: *ВторКн.*

«Восторги встреч и горести разлук!..». — Впервые: Альманах Литературного особняка. № 1. Январь. М., 1922. С. 23 (вар.: ст. 10: «И память жадная то-

мится вами»; в экз. книжных фондов РГБ (шифр Р 85/147) она исправлена характерным почерком автора). Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 14 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено».

«*Тянет жадная бездна...*». – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 11 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 августа 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 декабря 1920 г. в «Литературном особняке»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«*О, радость обрести в пути единоверца...*». – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств».

«*О, сладость уз желаемого плена...*». – Печ. по: *ВторКн*. Елена – адресат ранней лирики Минаева и книги «Прохлада»; фамилия и подробности не установлены.

«О, тайная, о, нежная улада...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Окончу скоро ли волненья странствий?!...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Плетутся сумрачные дни...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Подошла и разнежила взглядом...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Заглох мой сад и неуютен терем...». – Печ. по: *ВторКн.* Стихотворение декламировалось автором 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 27 декабря 1920 г. в «Литературном особняке»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Насквозь пронзают иглы стужи...». – Впервые: Балтийский альманах. № 1. Каунас. 1923. С. 32; Всемирная иллюстрация. 1924. № 5–6. С. 32. Печ. по: *Прохлада.* Стихотворение декламировалось автором 6 октября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 9 октября 1920 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 октября 1920 г. в «Литературном особняке»; 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 31 января 1921 г. на вечере «Литературного особняка» в Художественном театре; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов

«Нежнее неба»); 17 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 13 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 18 августа 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 3 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 1 октября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено»; 12 сентября 1922 г. в «Клубе Сокольнического района»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16). Предложение быть участником «Балтийского Альманаха» Минаев получил от Е. Шкляра в письме 29 сентября 1923 года:

«Ковно, 29 сентября 1923

Высокопочтимый Н. Н.!

Покорнейше просим принять участие в аполитичном, литературно-экономическом ежемесячнике «Балтийский Альманах», имеющем выйти в ноябре размером 10 печат. листов каждая книжка.

В случае согласия, об имеющихся у Вас готовых манускриптах, просим сообщить: Литва, Kaunas, Ožeškienis д. 2, Изд-во «Hermes».

Уважающий Вас Евгений Шкляр» (ГЛМ. Ф. 383.

«Как ненужны слова...». – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 20 сентября 1920 г. в «Литературном особняке» (Никитский бул., 8, «Дом Печати»); 20 декабря 1920 г. во «Дворце Искусств»; 26 февраля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 15 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«Пускай мороз поутру злится...». – Печ. по: *ВторКн*.

«Слова любви что легкий шелест града...». – Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 28 марта 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 20 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 17 февраля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохла-

да»).

«Я проводил сегодня день улыбкой...». – *ВторКн*. Печ. по: *ПроСт*. Стихотворение декламировалось автором 31 января 1921 г. на вечере «Литературного особняка» в Художественном театре; 7 февраля 1921 г. на вечере двухлетней годовщины «Литературного особняка».

«Ах, в дуновеньи ли, в привете ли...». – Впервые: Лирика. Стихи. <Выпуск 1>. М., 1922. С. 22. *ВторКн*. Печ. по: *ТЯмбы*. Стихотворение декламировалось автором 28 марта 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

Черная любовь (*«Взлетает кверху хлопнувшая пробка...»*). – Печ. по рукописи из собрания А. И. Романова.

Corona amoris. Венок сонетов (*«Кому дана блаженная награда...»*; *«Мед знойных уст и свежесть нежных рук...»*; *«Тот замыкается в чудесный круг...»*; *«Где милый образ – верная ограда...»*; *«О, сладкий сон хмельного винограда...»*; *«Ты опьянил негаданно и вдруг...»*; *«Еще вчера я был веселью друг...»*; *«А нынче сердце тишине лишь радо...»*; *«Воскресший, просветленный и другой...»*; *«Я путь начну уве-*

ренной ногой...»; «Мне суждена дорога золотая...»; «Моя душа теперь еще нежнее...»; «Когда благоухает, расцветая...»; «Любовь весной повеявшая в ней...»; «Кому дана блаженная награда...»). – Печ. по: *Corona*.

«О нищета, убожество и тлен!...». – *ПривГор; Пена*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ПривГор*. Стихотворение декламировалось автором 7 декабря 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 20 июля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«*Татарин / Якерин...*». – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Якерин Виктор Абрамович – поэт, прозаик, драматург. По всей вероятности, родился в Киеве; первая из разысканных публикаций – философская миниатюра, опубликованная в местном журнале (Якерин В. Виньетка // *Зритель* (Киев). 1913. № 1. С. 9); в том же году совместно с будущим знаменитым поэтом Корвин-Пиотровским издал сборник стихотворений («Еду лесом. Волк промчался, / Скрылся, жалобно завыл. / Лес от ветра закачался / И вокруг заговорил»). – Стихотворения. Пиотровский Владимир. Якерин Виктор. Вып. первый. Киев. 1913. С. 20). 29 апреля 1924 года подавал заявление в «Литературный особняк» с просьбой об устройстве вечера для чтения рассказов (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81.Ед.хр. 72. Л. 28). В 1920-е годы печатал агитационные брошюры: Яке-

рин Виктор. Женщина-работница. Клубная постановка. М., 1927; Якерин Виктор. Охраняй труд. Живо газетная постановка. М., 1927 («Начнем хотя бы с беременности нашей. / Разве легко стать мамашей? / Тут тебе и тошнота, и одышка – / Бывает такое, что кажется – крышка!»); Якерин Виктор. Социальное страхование. М., 1927; далее следы его теряются.

Ночные размышления по дороге домой (*«Как долг путь с Арбата до Землянки!..»*). – СрБр1. Печ. по: СрБр2. *Тщедушного поэта Короткова...* – Короткое Карп Егорович (Карапет Георгиевич; 1879–1954) – поэт. Его выразительный портрет оставлен в мемуарах Серпинской: «У добродушного рантье, матового брюнета с изобильной растительностью на лице, Карпа Егорыча Короткова, дарившего всей Москве свою поэму в стихах под названием «Семирамида», за которую все благодарили и никто не читал, – музыканты, поэты, художники тоже чувствовали себя легко, весело, свободно. У него была большая, запущенная квартира, без всякой потуги на шик. Мебель заменяли яркие ткани, тахты, ковры. Попадая к Короткову, все «демократизировались», вели себя попросту, без затей» (Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 155). Ср. характеристику его как «определенно устаревшего поэта» в письме М. Нетропова к Т. Мачтету конца июня 1920 года (РГБ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 78.

Л. 6)...поэзии *Максима и Тараса*. – М. Нетропова и Т. Мачтета...*В правлении В. П. Федорова*. – Федоров Василий Павлович (1883 – после 1941) – поэт. О нем см.: Дроздов В. А. Дерзопоэт Василий Федоров // Федоров Вас. Мумии. 1921. Книга стихов. М., 2001. С. III–XIII. Большая часть его стихотворений погибла при аресте автора в 1941 году. *Мареев* – Мареев Александр Яковлевич – поэт; автор книг «Кованый ковш (офорт меня)» (М., 1921) и «Рабиада» (М., 1919); секретарь «Литературного особняка» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93); сохранившаяся переписка его с Минаевым начинается с недатированной просьбы о билетах («Дорогой Николай Николаевич. Устройте брату билеты на балет в Большой театр, если это не очень обременительно для Вас»); продолжается до 30-х годов («Милый Коля! Если с тобой в ближайшие дни ничего серьезного не случится, т. е. если не погрузишься с головой в какую-нибудь новую поэму и по этому поводу забудешь про весь мир, если не будет тебя трести малярня, а также если ты и Софья Александровна <Богадурова> не забыли обещания еще раз побывать у нас, прошу (и М. Г. также) заглянуть к нам в эту среду (12III) вечером. Очень прошу. Будем ждать вас. (М. б. игранем в покер?). Жму руку». – ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 1, 6). Хронологически последнее известие о нем – мадригал Минаева 1964 года. Он

– автор посвященного Минаеву стихотворения «Твой стих – застенчивее тишины...» (Мареев А. Кованый ковш (офорт меня). М., 1921. С. 36). 27 апреля 1921 года он присутствовал на чтении Минаевым сборника «Нежнее неба» в «Литературном особняке», т. к. в этот день подарил экземпляр своей книги В. М. Федорову (ныне хранится: РГБ. Ф. 198. Карт. 16. Ед. хр. 17; владельческая запись адресата: «Вас. Федоров. 27.IV921. Москва. Лит. Особняк»). 11 августа 1919 года он вписал в альбом Минаева рифмованное напутствие:

Если в жизни пустой обрести ты не мог,
Что дороже искусства тебе,
Отвернись от людей! Будь живым одинок
В своей странной и страшной судьбе!

Никогда никого ничему не учи!
Никогда никого не жалеи!
А когда за тобою придут палачи,
Не кори их улыбкой своей!...

И, всходя на бессмертный тобой эшафот,
Прячь тоску в черный плащ и берет, —
Пусть толпа, что платки в твою кровь обмокнет,
Плачет с яростью: «Умер поэт!»

(Альбом 1. Л. 27).

Злотопольский – Злотопольский Михаил Давидович (1896–1979) – поэт; эпизодический участник литературных диспутов (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005 (ук.)) и редкий вкладчик альманахов (напр.: Альманах «Литературного особняка». № 1. М., 1922. С. 13). В бумагах «Литературного особняка» сохранилась его автобиография: «Злотопольский Михаил Давидович. Родился в Елисаветграде, Хере, губ., 23/X 1896 г. Образование получил в Елисаветградс. гимназии, кот. окончил в 1914 г. с медалью. В 16 г. поступил в Харьков. Техн. Институт на механич. факультет. В начале 21-го г. переехал на жительство в г. Москву и поступил в Высшее Технич. Училище по тому же механич. факульт. В наст. время оканчивает курс: осталось сдать только дипломный проект.

Стихи начал писать оч. рано, а печатать начал с 1916 г. отдельными стихотворениями. Сборников не выпускал» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 4. Ед. хр. 48. Л. 11–11 об.). Указанные здесь даты и обстоятельства позволяют идентифицировать его с известным одноименным типографом, автором нескольких книг по полиграфическим технологиям 1930–1940-х гг. *Манухина* Нина Леонтьевна (урожд. Лукина; по второму мужу

– Шенгели; 1893–1980) – поэтесса, переводчица; выразительно характеризует ее автопортрет из первой книги стихов: «Намеренно-простой и строгий туалет, / На выпуклых губах притушен след улыбки, / От загнутых ресниц трепещущий отсвет, / И карих глаз отливы странно-зыбки. / На худенькой руке запаянный браслет, – / Изменчивых опалов жуткие загадки / Напоминают про мистический обет, / Про подвиги любви, которой муки сладки» (Манухина Н. Не то... Кашин. 1920. С. 11). Минаев записал в ее альбом экспромт: «Как весело у нас в «Среде», / Как молодо и как чудесно! / Я думаю, в Москве нигде / Так не бывает интересно!... «Среда». 5.VII.1919» (Марков Анатолий.

«Он знал их всех...»: записки о Г. А. Шенгели и его окружении // Библиофилы России. Альманах. Том VI. М., 2009. С. 160; подразумевается собрание неоклассиков «Московская литературная Среда»). *Лада Руставели* – наст. имя: Екатерина Александровна Васильева (в замуж. Тарловская; 1892–1953) – поэт, участница «Литературного особняка» и «Никитинских субботников». Узнав о ее смерти, Минаев писал жене: «Ты сообщаем, что умерла и Лада. Это вероятно Руставели? Больше, кажется, никакой Лады не было. Когда-то она написала мне стихотворение, в моих бумагах оно должно быть. Сколько уже ушло поэтов и поэтесс моих сверстников и друзей моей молодости!

Печально...» (письмо 9 июня 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1.Ед. хр. 159. Л. 13). В мае 1921 года Руставели записала в альбом Минаева стихотворение:

Полуистертые узоры...
Готические письма...
Я помню смутно чьи-то взоры
И повторяю имена.

Ты отплыла моя трирема
К неискушенным берегам...
Какая новая эмблема
Собой украсит новый храм?

И как войти в его притворы,
Где полумрак и тишина...
Где дремлют в вытертых узорах
Готические письма...

(Альбом1. Л. 13).

Человек («Невозмутимый как философ...»). – Печ. по: *ПроСт*. Стихотворение сочинено и продекламировано 31 июля 1921 г. на вечере импровизаций в клубе «Литературный особняк».

«Мы забываем нежные слова». – Впервые: *Прохлада*. Печ. по: *Повстр*. Стихотворение декламировалось автором 26 апреля 1922 г. на вечере «Литературного особняка».

«О, ранней осени порал...». — Впервые: Балтийский альманах. № 2. Каунас. 1924. С. 34. Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 15 июня 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16).

«О, этот облик!... Это имя!...». — Печ. по: *ВторКн*.

«От влажных строф ямбического склада...». — Печ. по: *Ст21–51*. Стихотворение декламировалось автором 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«От холода ли сердце затвердело...». — Впервые: Балтийский альманах. № 2. Каунас. 1924. С. 34. Печ. по: *ВторКн*. Стихотворение декламировалось автором 22 апреля 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 15 июня 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 27 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Розовый диск в отдаленную рощу скользнул...». —

Печ. по: *ВторКн.*

«Сегодня я снова крылат...». – Печ. по: *Пена.*

«Тебе одной восторги и печали...». – Печ. по: *Прохлада.* Стихотворение декламировалось автором 15 июня 1921 г. на вечере «Литературного особняка», 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Я не гадаю робко и тревожно...». – Печ. по: *ВторКн.* Стихотворение декламировалось автором 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Я не хотел делить досуг с тобой, тоска...». – Печ. по: *Прохлада.* Стихотворение декламировалось автором 7 декабря 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 15 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Не изменю ямбическому метру...». – Впервые: Лирика. Стихи. П-ой сборник. М., 1922. С. 24 (вар.: стр. 11–12: «Мы в простоте сквозной и лучезарной / Поверим вновь обыкновенным снам»). Печ. по: *ВторКн.* Стихотворение декламировалось автором 28 марта 1921 г. на вечере «Литературного особняка» (возм.,

без посвящения); 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 20 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 14 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 7 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 9 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 21 мая 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (Леонтьевский пер. 4); 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«В рассветный час омытая росой...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Вы не изгладите из памяти, года...». – Впервые: Альманах Литературного особняка. № 1. Январь. М., 1922. С. 22. Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 12 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 25 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 27 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 7 декабря 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 7 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 29 декабря 1921 г. во

«Всероссийском Союзе Поэтов»; 5 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 февраля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено»; 12 сентября 1922 г. в «Клубе Сокольнического района»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 5 декабря 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсов пер. 2, кв. 16). Включено в подборку стихов Минаева в книге: Поэзия узников ГУПАГа. Антология. Сост. С. С. Виленский. М., 2005. С. 130.

«Еще во власти мигов острых...». — Печ. по: *Пена.*

«За шумом дней — сухая тишина...». — Печ. по: *Прохлада.* Стихотворение декламировалось автором 22 апреля 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 24 мая 1921 г. на авторском вечере во «Всероссийском Союзе Поэтов» (чтение книги стихов «Нежнее неба»); 15 июня 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 17 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 17 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 13 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 18 августа 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 11 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 ноября 1921 г. во «Всерос-

сийском Союзе Поэтов»; 20 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 августа 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бульвар, д. 25; академическое заседание).

«Курчавит ветер волосы льна...». – Печ. по: *ВторКн.*

«Насторожившаяся зреет нива...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 25 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 7 декабря 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 7 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 29 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 июля 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (чтение книги стихов «Прохлада»).

«Не легок сон случайного ночлега...». – Печ. по: *Ст21–51*. Стихотворение декламировалось автором 15 июня 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 17 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 19 июня 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 19 июля 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 13 августа 1921 г. на вечере «Литературного особняка»; 18 августа 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 3 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 9 сентября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 1 октября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 31 октября 1921 г. во «Всероссийском Союзе

Поэтов»; 27 ноября 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 10 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 15 декабря 1921 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 5 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 5 января 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 февраля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов».

«Не ошибочны эти слова...». – Печ. по: Ст21–51.

«Не траурной, а розовой печали...». – Впервые: Лирика. Стихи. <Выпуск 1>. М., 1922. С. 23 (вар.: стр. 12: «Еще прозрачней хрупкая печаль...»). Печ. по: Прохлада.

«Нет, никогда я не забуду...». – Впервые: Лирика. Стихи. П-й сборник. М., 1922. С. 23: вариант, значительно отличающийся от итогового текста:

Нет, никогда я не забуду
Бледного вечера разлуки,
Затмившего все вечера,
Скамью прижавшуюся к пруду,
Влажные, ласковые руки
И слова четкого: – «пора»!..

Струя легкого аромата
От резеды ли, от гвоздик ли
С ветром плыла из цветника,
Рассеивался чад заката

И обессиленными никли
Распластанные облака.

Я ждал, пока лесенкой шаткой,
С грацией медленной и гибкой
Ты поднималась на крыльцо,
И было мне наградой сладкой
Неожиданною улыбкой
Обмолвившееся лицо.

Печ. по: *Камей.* Дата по: *АлфУк.*

«Игру его любил творец Макбета»... – Рукописная копия (частное собрание). Стихотворение декламировалось автором 1 сентября 1921 года на заседании «Литературного особняка». Эпиграф из ст-ния Пушкина «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»).

«Меня воображенье захватило...». – Впервые: *Прохлада* (вар. стр. 6: «Тягучий воздух – крепкое вино»). *СовСт.* Печ. по: *ТЯмбы.* Стихотворение декламировалось автором 26 апреля 1922 г. на вечере «Литературного особняка»; 21 мая 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (Леонтьевский пер. 4); 20 июля 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов»; 12 августа 1922 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бульвар, д. 25; Академическое заседание); 17 августа 1922 г. в литературном обще-

стве «Звено»; 15 мая 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 17 мая 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович; 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 29 марта 1924 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25); 4 мая 1924 г. в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 29 мая 1924 г. в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 10 ноября 1924 г. на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 10 марта 1925 г. в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16). Среди этих мест пояснений требует, кажется, только суаре М. А. Зельдович; их хозяйка — заметная фигура в московской литературной жизни: переводчица Мария Аркадьевна Зельдович (1890–1957); см. о ней прежде всего воспоминания ее племянницы: Утевская П. Арабески // Между сердцем и временем. Воспоминания об Александре Дейче. Киев. 2009. С. 79–80.

«Двуслысленна и не ясна...». — Печ. по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 26 апреля 1922 на вечере «Литературного особняка».

«Изящно и легко выделявая па...». — СрБр1. Печ. по: СрБр2. Фрумсон Илья Абрамович (1888–1942) — студент Психоневрологического института, позже — сотрудник общества взаимного вспоможения служащих Николаевской железной дороги; революционер.

После большевистского переворота был арестован, после освобождения служил заведующим подотделом торгово-промышленного отдела Главкустпрома. Работал в газете «Кустарь и артель», в издательстве «КОИЗ», газете «Пионерская правда». Его стихи сохранились в семейном архиве и выпущены в печать с апологетическим предисловием («цитировать этого Петрарку XX века, значит почти ничего не сказать об этом вулкане страстей» etc): Фрумсон И.

Годы – миги... Стихи из записных книжек 1914–1942 гг. М., 2011. *Поэма о Мэри*, вероятно, не сохранилась. 21 сентября 1921 года он вписал в альбом Минаева стихотворение:

Иду опять... один... во тьму, по бездорожью.
Люблю «тебя», но проклиная «Вас».
Мне душно, душно! Мир окутан ложью!
Она везде, везде, как ядовитый газ!
И ты, и я – мы ладан многобожью.
Как сфинкс прекрасна даль, и ширь, и высь, и
близь,
И все пропитано нетающей ложью —
На всем – зеленой гнили бархатная слизь...

(Альбом1. Л. 88 об.).

«Илья-Артур Фрумсон...». – СрБр1. Печ. по:
СрБр2.

«О, щедрая память, зачем эта стертая да-
та...». – Печ. по: 88Ст.

«От смерти миру смертью веет...». – СрБр1.
Печ. по: СрБр2. Оболдуев Георгий Николаевич (1898–
1954) – поэт. Биография его в настоящее время тща-
тельно описана; см., напр.: Глоцер В. Поэт Георгий
Оболдуев // Оболдуев Г. Стихотворения. Поэма. М.,
2006. С. 3–20; Озеров Л. Георгий Оболдуев, его жизнь
и поэзия // Оболдуев Г. Устойчивое неравновесие. М.,
1991. С. 3–10. Биографический контекст нелицепри-
ятных отзывов Минаева о нем не обнаружен: их неиз-
бежные пересечения в 1920-е годы (напр., в «Ники-
тинских субботниках») документально не зафиксиро-
ваны за исключением одного: 13 августа 1927 года
Оболдуев подал заявку на вступление в общество
«Литературный особняк» («Прошу считать меня чле-
ном Литературного Особняка. Г. Оболдуев» // ГАРФ.
Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 51), что сделало неиз-
бежными последующие встречи (см., кстати, с. 289).
Среди напечатанных его стихов нет строчки, взятой в
эпиграф. Это и три следующих стихотворения напи-
саны на вечере «Литературного особняка», где был
представлен «Орден триолета», за несколько дней до
этого организованный И. С. Рукавишниковым (об ор-
ганизации «ордена» «Известия» объявили 5 августа,
присовокупив, что участники группы по преимуще-

ству – студенты ВЛХИ); см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1.4. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 484, 487–488. По сути, 9 августа состоялось единственное выступление группы: уже накануне ректор ВЛХИ Брюсов отправил в «Известия» разгневанное письмо: «Не быв, по болезни, несколько дней в Москве, я только теперь ознакомился с заметкой, помещенной в информационном отделе «Известий ВЦИК», где сообщалось о вечере некоего «ордена триолета», причем было сказано, что орден существует «при Литературно-Художественном Институте» и что в вечере приму участие также я. Прошу дать место в газете моему заявлению, что 1) включать мое имя в число участников этого вечера я никому разрешения не давал и участвовать в нем не намерен, и что 2) названный «орден» ни в коем случае не может считать себя [состоящим] существующим «при» Л<итературно>-Х<удожественном> Институте, так как ни его Правление, ни я, состоящий его ректором, на такую организацию разрешения не давали и даже не были об ней своевременно уведомлены. Среди любителей триолета, устроивших вечер, действительно, есть слушатели Института, но действовали они по своему личному почину и связывать свой «орден» с Институтом не имели ни-

какого права» (Новый журнал. 2006. № 243. С. 171–172. Публ. В. Э. Молодякова). Сохранилась программа этого вечера:

«ОРДЕН ТРИОЛЕТА

1-й вечер. Среда. 9 августа 1922 г. в Литературном Особняке, Тверской бульв. 25.

Вступительное слово – А. Топорков

Триолеты – И. Рукавишников, З. Сумская-Мамаева, М. Зубова, А. Александрова, Г. Ободдуев, М. Перский, М. Шефтель, И. Кошкин, М. Гершензон (мл.), Н. Лавров, Д. Соколов, В. Немцев, Г. Русаков.

Диспут: Г. Рачинский, Т. Левит, М. Малишевский»

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 1; исключительно любопытный персональный состав участвующих заслуживает подробного комментария, ныне неподъемного). Уже 14 августа 1923 года Д. Усов констатировал в письме к Е. Архиппову: ««Орден триолета» прекратился» (Усов Д. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 182).

«Колокола пустились в пляс...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Лавров Николай Константинович (1887–1930) – поэт, автор двух стихотворных сборников.

«Мне память падшая велела...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Мамаева-Сумская Зоя Ивановна(1899 —?). Родилась в г. Черноморске, окончила Донской университет, работала в Новороссийском Совдепе заведующим Общей канцелярией; с 15 апреля 1922 работала секретарем-инструктором Единой школы Наркомпроса; с ноября 1920 по март 1921 – инструктор ТЕО Наркомпроса (все сведения из личного дела: ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 9. Ед. хр. 426). Позже училась в ВЛХИ им. В. Я. Брюсова (личное дело: РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 640; см. также: Усов Д. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 183–185); была замужем за И. С. Рукавишниковым...*как пишет И. С. Ру.* – Т. е. И. С. Рукавишников.

«Я изнемог от триолетов...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.

«Читает те же переводы...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.

«Все, чем нас земля дарила...». – СрБр1, СрБр2. Печ. по: *Побстр.* Источник цитаты не установлен.

«Я слепнуть не хочу от молнии грозовой...». – Печ. по: *88Ст.* Стихотворение декламировалось автором 2 сентября 1922 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бульвар, д. 25; Академическое засе-

дание). Эпиграф из ст-ния А. Блока «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» (цикл «Черная кровь»).

Э. Е. Левонтину («О, *Эзра, божественно ты восседаешь на кресле...*»). – Печ. по: *ПроСт* (раздел «Записки»). Эзра Ефимович Левонтин (1891–1968) – поэт. См. о нем: *ЛБ*. Т. 1. С. 234–244. ...*Литоса*. – «Литературного особняка». Краткое его пребывание в должности временно исполняющего обязанности председателя не документировано. В конце 1928 и 1929 году он (вероятно, недолгое время) был юрисконсультом «Литоса» (см. приказ о его назначении 10 ноября 1928 года (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 69. Л. 42) и фрагменты его служебной переписки с И. Аксеновым (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 170)).

Е. В. Астафьевой («*Вот этот сборник неоклассиков...*»). – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Об адресате стихотворения мы знаем исчезающе мало: вероятно, это та Екатерина Астафьева, о которой в одном из поздних писем упоминает Н. Кугушева (имевшая в Москве общий круг знакомств с Минаевым): «А Вы спутали, Астафьева, это моя подруга, муж ее был врач и никакого отношения к нашему семейству не имел. <...> А Катя – мы с ней дружим» (письмо к Д. Шепеленко от 6 октября 1958 года // ГЛМ. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 396 об.). *Вот этот сборник неоклассиков...* – Лирика. Стихи. Второй сборник. М. «Нео-

классики». 1922. Об Екатерине Волчанецкой (Ровинской; 1881–1956) см.: ЛБ. Т. 1. С. 27–37; об Эзре Ефимовиче Левонтине (1891–1968) – там же. С. 234–244;... *старушенцию немецкую..... Менского союз...* – здесь двойной намек: Н. Захарова-Мэнского (о коем см.: Там же. С. 125–136) издавна дразнили «кавалерственной дамой» – по запомнившемуся его стихотворению «Старинная гравюра» («Весна, прохлада, солнце... Снова...»), которое кончается словами: «Но губы тонкие упрямо / Весны вдыхали сладкий сок, / А кавалерственная дама / Роняла слезы на песок»; в этом же сборнике помещены стихотворения «Твое имя отметив в святцах...», «Когда в храме заснут лампы...», героиня которых лишена отчетливых черт; Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935) не нуждается в представлениях (он действительно значительно старше прочих участников альманаха); ...*Ладу*... – Руставели; *Фейгу*... – Коган Фейга Израилевна (1891–1974); о ней см.: <http://lucas-v-leiden.livejournal.com/63439.html>; ср. также в раннем мадригале: «Пусть вечно легкокрылой девы / Звонят хрустальные мечты» / И «легковейные» налевы / Звучат с надзвездной высоты». – Журин А. Фейге Коган // Журин А. Вечные мгновения. М., 1913. С. 26); *Сусанну*... – Укше Сусанна Альфонсовна (1888–1945) – поэт. О ней см.: Алехина Е. В. «Мой путь был труден и

жесток» // Укше С. А. «Стихов серебряные звенья...» М., 2007. С. 5–28. Ее сохранившаяся переписка с Минаевым начинается с послания 1930 года: «У меня к Вам большая просьба. Завед. учебно-восп. частью Новинской женской тюрьмы просила меня устроить там для заключенных литературный вечер. Не могли бы Вы принять в этом вечере участие в качестве поэта и организатора. Я уже разыскивала Миниха, но у жены его не оказалось – и где он обретается, аллах ведает. Непременно надо пригласить Марианну <Ямпольскую>, может быть и Тарловского; сейчас вспомнила, что у Надежды Зиновьевны <Пресман> есть телефон. Заумных поэтов не надо – не подойдут. Аудитория очень примитивная и сентиментальная, и стихи должны быть очень просты и лиричны. Может быть хорош будет Чичерин – уж очень он хорошо читает; хорошо бы Вашего Приблудного. Я думаю, что для такой интересной аудитории все охотно согласятся читать, хорошо бы с коротким простым докладом. Нет ли в Москве Шенгели?» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1). Она – одна из немногих писателей, с которыми Минаев поддерживал отношения до конца 30-х годов; ср. в ее письме 12 марта 1939 года: «Дорогой Николай Николаевич, давно Вы не заходили, а у меня есть новые стихи, и хотелось бы поделиться с Вами. Ни о ком я ничего не знаю и никого не вижу» (Там

же. Л. 2)...увидишь и меня. – В альманахе напечатано стихотворение Минаева «Нет, никогда я не забуду...».

«Расплывется лениво лиловый от ладана дым...». – 88Ст. Печ. по: *Камеи*. Дата по: 88Ст. Это стихотворение особенно любила третья жена Минаева: «А все-таки мне очень нравится твое стихотворение «Расплывется лениво лиловый...» Не правда ли очень хорошо! Оно у тебя из лучших, мною читанных» (письмо 5 марта 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 17 об.).

«Надувается парус, шумит за кормою вода...». – Печ. по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 в «Литературном особняке».

«Когда три дня я не поем...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.

«Напоследок хмельней опьяненные губы прильнут...». – Печ. по: *Прохлада* (с учетом поправки, внесенной автором в экз. Д. Шепеленко; стр. 7 в книге читается: «И предутренный ветер, пропахнувший влажным песком»).

«В уединеньи золотом...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 в «Литературном особняке»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3);

14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречи-

стенка, 16); 25 сентября 1923 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое собрание; Тверской бул., д. 25); 31 октября 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 10 ноября 1924 г. на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 10 марта 1925 г. в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 15 ноября 1925 г. у Н. Н. Фатова (Трубниковский пер. 26, кв. 12). Включено в подборку стихов Минаева в книге: Поэзия узников ГУПАГа. Антология. Сост. С. С. Виленский. М, 2005. С. 130.

«Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 12 сентября 1922 г. в «Клубе Сокольнического района»; 15 ноября 1922 г. в «Литературном особняке»; 10 января 1923 г. в «Литературном особняке»; 24 марта 1923 г. в Инженерном институте (ул. Бахметьевская); 19 апреля 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 25 сентября 1923 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое собрание; Тверской бул., д. 25); 31 октября 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 15 января 1924 г. в «Деловом клубе» (Мясницкая,

5); 4 мая 1924 г. в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1) – ср. в протоколе кружка: «В конце заседания Н. Н. Минаев читает стихи и поэму». – Из протоколов литературного кружка «Современники» (1923–1924 гг.). Вст. статья и публ. А. Ю. Галушкина // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново. 1998. С. 263); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 10 ноября 1924 г. на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 10 марта 1925 г. в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16). Астрономические реалии стихотворения вряд ли могут вызвать затруднение.

«Ревнивое сердце досаду таит...». – Впервые: *Прохлада* (с учетом поправки, сделанной автором в экземпляре Д. Шепеленко; в оригинале стр. 5 читалась: «Томил раздражающий запах платка»). *СовСт.* Печ. по: *СамЛюб.* Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 г. в «Литературном особняке»; 24 марта 1923 г. в Инженерном институте (ул. Бахметьевская); 19 апреля 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 31 октября 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв.

16); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 10 ноября 1924 на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 10 марта 1925 г. в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 15 ноября 1925 г. у Н. Н. Фатова (Трубниковский пер. 26, кв. 12). Для датировки стихотворения принципиально понимать, что метеоритный дождь Персеид – августовское явление.

«Пока тобой согрета грудь...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 г. в «Литературном особняке»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 31 октября 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 3 мая 1924 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25). Включено в подборку стихов Минаева в книге: *Поэзия узников ГУПАГа. Антология*. Сост. С. С. Виленский. М, 2005. С. 130.

«Пусть опущены вежды...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 г. в «Литературном особняке»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16). Вероятно, адресат стихотворения – неустановленная Елена, которой посвящена «Прохлада» (она же – Е. М. И. из стихотворения «Ах, не поэту

ли под стать...»).

«*Заря потухает, лиловые блекнут шелка...*». – Печ. по: *Прохлада* (с учетом поправки, сделанной автором в экземпляре Д. Шепеленко; в печатном тексте стр. 7 была: «Серебряной нитью разрежала сумрак звезда»). Стихотворение декламировалось автором 26 апреля 1922 г. на вечере «Литературного особняка»; 21 мая 1922 г. на вечере «Литературного особняка» (Леонтьевский пер. 4); 12 августа 1922 г. во «Все-российском Союзе Поэтов» (Тверской бульвар, д. 25; Академическое заседание); 17 августа 1922 г. в литературном обществе «Звено».

«*Знаю: – жизнь без усилий покинет меня...*». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 января 1923 г. в «Литературном особняке»; 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3).

«*Мы много видывали видов...*». – *СрБр1, Эпигр.* Печ. по: *СрБр2* (с пометкой: «На докладе М. Леви-дова»). Альвэк (вар.: Альвек; наст. фам.: Израилевич Иосиф Соломонович; 1895–1943?) – поэт; исследователь и публикатор Хлебникова; был знаком с Минаевым и оставил запись в его альбоме. Чичерин – скорее поэт Алексей Николаевич (18897–1960), чем поэт Алексей Владимирович (1900–1989). Левит Теодор Маркович (1904–1942) – поэт. Значился в списке

членов «Литературного особняка» по состоянию на 12 марта 1920 года (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93). Левидов Михаил Юрьевич (1891–1942) – писатель и журналист.

«Мне музыка сознание затемнила...». – *ЭкзСт.*
Печ. по: *88Ст.* Стихотворение декламировалось автором 24 марта 1923 г. в Инженерном институте (ул. Бахметьевская); 19 апреля 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3; см. упоминание о чтении: Никитина Е. Ф. Литературное общество «Никитинские субботники» // Свиток. Вып. 3. Альманах литературного общества «Никитинские субботники». М. – Л. 1924. С. 229); 31 мая 1923 г. на вечере у М. А. Огаркова (Троицкая ул. 15, кв. 10); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 10 октября 1923 г. в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 31 октября 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 3 марта 1925 г. на вечере Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25).

Шахматы (*«Настойчиво, без усталы и спешки...»*). Впервые: Стык. Первый сборник стихов Московского цеха поэтов. М, 1925. С. 101 (вар. стр. 7: «И вовремя

большая рокировка»; стр. 9: «Открытый шах!.. Прикрытия ищи ты»); Шахматы. 1928. № 6. С. 132 (вар. стр. 9: «Открытый шах!.. Прикрытия ищи ты»); Театр и искусство (Харбин). 1928. № 17 (указано Р. Д. Тименчиком); 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 19 апреля 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 5 мая 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 15 мая 1923 г. на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 31 мая 1923 г. на вечере у М. А. Огаркова (Троицкая ул. 15, кв. 10); 14 июня 1923 г. в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 25 сентября 1923 г. во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое собрание; Тверской бул., д. 25); 10 октября 1923 г. в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 г. на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 1 ноября 1923 г. на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 15 января 1924 г. в «Деловом клубе» (Мясницкая, 5); 1 апреля 1924 г. в «Клубе Совработников»; 4 мая 1924 г. в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 8 мая 1924 г. в литературном обществе «Звено»; 13 мая 1924 г. в «Литературном особняке» (Тверской бул. 25). Вероятно, об этом тексте идет речь в письме М. Тарловского к Минаеву от 24 мая 1928 года: «В «30 днях» условно при-

няли Ваше стих-е о шахматах. Другое мне возвратили и я его прилагаю к настоящему письму. Стих-е Ваше принято условно потому, что, по словам секретаря, сейчас принято много стихов, и редакция не может с Вами сейчас расплатиться. Через месяц, думаю, Вы сможете им об этом напомнить» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 1); в журнале «30 дней» публикаций Минаева не выявлено.

Н. П. Кугушевой («*Наталья Петровна...*»). – Печ. по: *Откл* (раздел «Экспромты»).

В. М. Инбер («*Какая горькая услада...*»). – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Судя по году и контексту, надпись была сделана на сборнике «Альманах «Литературного особняка» № 1. М., 1922», где Минаевым были напечатаны стихотворения «Вы не изгладите из памяти, года...» и «Восторги встреч и горести разлук!..» (С. 22–23). *Какая горькая услада...* – Намек на название сборника стихов Инбер «Горькая услада» (Пг. – М., 1917). 10 июня 1923 года Инбер вписала в альбом Минаева ст-ние «Расставаясь, поцелую, плача...» (*Альбом1*. Л. 6 об.).

Антиной («*Вполоборота от соседки...*»). – *88Ст*. ИРЛИ. Ф. 481. Ед. хр. 24. Л. 1 (вариант значительно отличается от итогового:)

Вполоборота от соседки,

Под этой варварской луной
У покосившейся беседки
Стоит кудрявый Антиной.

И острогрудая Диана
Напрасно силится увлечь
Его, любимца Адриана,
Безукоризненностью плеч.

Нет, не она его пленила
В любви сгоревшего до тла,
Он снова видит воды Нила
И смуглых юношей тела.

Но здесь в аллее — о, досада! —
Он вызывает почему
В холодной девственнице сада
Любовь ненужную ему?

Зачем она так томно дышит,
Он не забудет свой Восток,
И ветер ласково колышет
Многозначительный листок.

Печ. но: *Пена*. Дата по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 14 июня 1923 в «Доме ученых» (Цекубу; Пречистенка, 16); 25 сентября 1923 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое

собрание; Тверской бул., д. 25); 29 сентября 1923 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверская ул., д. 18); 10 октября 1923 в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 31 октября 1923 на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 1 ноября 1923 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17);

7 февраля 1924 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 9 марта 1924 на открытом вечере «Московского цеха поэтов» (Деловой Клуб; Мясницкая, 5); 10 марта 1924 в клубе Наркомфина (Ильинка, 8); 4 мая 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 20 декабря 1928 на вечере «Всероссийского Союза Поэтов» (Тверской бул. 25). Стихотворение было отобрано для неосуществившегося коллективного сборника 1927 года, в составлении которого принимали участие М. Сандомирский, Л. Горнунг Волошин, Парнок, Шервинский и Альвинг (см. о нем: Морев Г. А. К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее. Исторический альманах. Т. 21. М. – СПб., 1997. С. 356); подробности выясняются из письма одного из составителей: «Позвольте Вас известить, что из трех, врученных Вами мне для передачи М. Б. Сандомирскому, стихотворений – они выбрали

одно, а именно «Антиной». Остальные два, согласно Вашему желанию – вкладываются в это мое письмо.

Т. обр. все выяснено и Вам остается вручить М. Б. Сандомирскому (Воздвиженка д. № <пропущен> кв. 17 во дворе Крестовоздвиженского монастыря направо, П-ой этаж) причитающиеся с Вас 10 (десять) рублей» (письмо А. Альвинга к Н. Минаеву 18 апреля 1927 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 1–1 об.).

«Напрасно нежности разлил...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

«Когда простую жизнь я скукой рассеку...». – Впервые: Поэты наших дней. Антология. М., 1924. С. 61. ЭкзСт; Балл. Печ. по: Лир2. В рецензии на первую публикацию особо отмечалось: «Поэт Минаев хочет уезжать в Мексику, не мешало бы последовать за ним всем участникам антологии» (Рабочий журнал. 1925. № 4. С. 167; указано Р. Д. Тименчиком). Стихотворение декламировалось автором 25 сентября 1923 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое собрание; Тверской бул., д. 25); 29 сентября 1923 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверская ул., д. 18); 4 октября 1923 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 10 октября 1923 в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 31 октября 1923 на заседании «Цеха поэтов» (Брюсов-

ский пер. 2, кв. 16); 15 января 1924 в «Деловом клубе» (Мясницкая, 5); 8 марта 1924 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 9 марта 1924 на открытом вечере «Московского цеха поэтов» (Деловой Клуб; Мясницкая, 5); 10 марта 1924 в клубе Наркомфина (Ильинка, 8); 29 марта 1924 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25); 1 апреля 1924 в «Клубе Совработников»; 10 апреля 1924 в Консерватории; 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 10 марта 1925 в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 15 ноября 1925 у Н. Н. Фатова (Трубниковский пер. 26, кв. 12); 2 декабря 1925 в «Центральном доме Рабпроса» (Леонтьевский пер., д. 4); 20 февраля 1926 в 41-й трудовой школе 2-й ступени (Покровка, Колпачный пер., д. 4.); 24 февраля 1926 в 48-й трудовой школе 2-й ступени (Большая Никитская, д. 46); 1 апреля 1926 на заседании «Московского Цеха поэтов» в Клубе Консерватории; 8 апреля 1926 в Доме ученых на вечере московских акмеистов; 28 марта 1928 в Техникуме им. Рубинштейна; 27 января 1929 на заводе «Шарикоподшипник» (Шаболовка, 45).

«Вчера от скуки мне растягивало рот...». — *ЭкзСт: Бтетр3: Балл; Лир2* (вар. ст. 22: «Там свежая вода пьянее чем малага»; ст. 24: «Возможно получить общественные блага»); *ТЯмбы* (вар. те же). Печ. по: *УфСт2*. Дата по *БТетр3* и *Лир2* (в *ТЯмбы* явно

ошибочная дата «7 октября 1923 года»). Стихотворение декламировалось автором 25 сентября 1923 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Академическое собрание; Тверской бул., д. 25); 4 октября 1923 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 10 октября 1923 в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 3 мая 1924 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25); 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 13 мая 1924 в «Литературном особняке» (Тверской бул. 25); 16 мая 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 5 ноября 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 3 января 1925 в Политехническом музее; 10 марта 1925 в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 29 ноября 1925 в Политехническом музее; 2 декабря 1925 в «Центральном доме Рабпроса» (Леонтьевский пер., д. 4); 14 февраля 1926 на литературных курсах Всероссийского Союза Поэтов (5-я Тверская-Ямская ул., д. 3); 20 февраля 1926 в 41-й трудовой школе 2-й ступени (Покровка, Колпачный пер., д. 4.); 1 апреля 1926 на заседании «Московского Цеха поэтов» в Клубе Консерватории; 9 мая 1926 в Трудовой школе (Арбат, Кривоникольский пер. 15); 3 октября 1926 в Политехническом му-

зее; 3 апреля 1927 в Клубе Рабпроса (Б. Левшинский пер., д. 6); 28 ноября 1927 на выступлении Всероссийского Союза поэтов в здании Ассоциации художников революционной России (Волхонка, 8); 10 декабря 1927 на выступлении «Литературного Особняка» в Клубе кооператоров (Златоустынский пер., д. 8); 28 марта 1928 в Техникуме им. Рубинштейна; 30 марта 1928 в Институте физической культуры (Гороховская ул. 20); 31 марта 1928 на «Олимпиаде поэтов» в Политехническом музее; 1 апреля 1928 на «Олимпиаде поэтов» в Политехническом музее; 9 апреля 1928 на выступлении «Литературного Особняка» в Артистическом кружке (Пименовский пер., д. 7); 12 мая 1928 в Клубе ВСНХ (Варварская пл.); 20 января 1929 в Обществе им. Островского (Тверской бул., 25); 24 марта 1929 в школе (Волхонка, Антипьевский пер. 6). Стихотворение было предложено для публикации в журнал «Русский современник», откуда пришел отказ: «К сожалению, Ваши стихотворения для журнала не подходят и Редакция возвращает их при сем, как Вы просили, заказным письмом» (письмо 12 июня 1924 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 6); к письму приложена записка, почерком напоминающая почерк К. Чуковского с текстом: «Стихи – не без остроумия. Суховатые, но приятнее многих других. Два стихотворения: о Борнео и Австралии годятся для другого жур-

нала – не для Совр.» (Там же. Л. 7). Фрагменты этого стихотворения были использованы А. Рыбаковым в романе «Выстрел»: «На эстраде небритый поэт в рваных сандалиях на босу ногу, завывая, читал стихи о том, как замечательно быть дикарем, ходить по Африке нагишом с одной только бамбуковой палкой... «И бей по голове бамбуковой палкой...» – это при встрече с врагом. «Ее тихонько оглоушь и делай с нею все, что хочешь...» – при встрече с женщиной» (Рыбаков А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1995. С. 319–320; наблюдение Д. В. Сичинавы). ...*один из «нео»*. – Т. е. из неокласссиков.

«Пугая логикою зверской...». – *СрБр1* (значится в оглавлении, но листок с текстом вырван). Печ. по: *СрБр2*. Эпиграф – автоцитата из ст-ния «Вчера от скуки мне растягивало рот...» (с. 170–171). *Терский* – вероятно, имеется в виду поэт Петр Александрович Терский, участник журнала «Млечный путь», знакомый Есенина, выступавший в конце 1920-х годов на собраниях Всероссийского союза поэтов (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 354). По сведениям Масанова, его настоящая фамилия – Конов. 28 ноября 1923 года он подавал заявление на вступление в «Литературный особняк» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л 2).

Пушкия («Где облака подобно ленте...»). – Впервые: Новые стихи. Сборник второй. 1927. С. 60–61.

88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 31 октября 1923 на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 1 ноября 1923 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 9 января 1924 в «Литературном особняке» (Тверской бул. 25); 15 января 1924 в «Деловом клубе» (Мясницкая, 5); 7 февраля 1924 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 8 марта 1924 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 1 апреля 1924 в «Клубе Совработников»; 3 мая 1924 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25); 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 29 мая 1924 в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 23 ноября 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 12 февраля 1927 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3, кв. 7); 6 июня 1927 на вечере Всероссийского Союза поэтов в Государственной Академии Художественных наук (Пречистенка, 32); 15 декабря 1927 на вечере Э. Каминской в Политехническом музее.

Людендорф («Пока еще резервы есть у нас...»). — 75Ст; Лир2. Печ. по: Пена. Дата по: 75Ст. Стихотворение декламировалось автором 5 декабря 1923 на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 9 января 1924 в «Литературном особняке» (Тверской

бул. 25); 7 февраля 1924 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 8 марта 1924 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 10 марта 1924 в клубе Наркомфина (Ильинка, 8); 29 марта 1924 во «Всероссийском Союзе Поэтов» (Тверской бул., 25); 4 мая 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1) – ср. в протоколе кружка: «В конце заседания Н. Н. Минаев читает стихи и поэму». – Из протоколов литературного кружка «Современники» (1923–1924 гг.). Вст. статья и публ. А. Ю. Галушкина // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново. 1998. С. 263); 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 23 ноября 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 14 апреля 1927 на Вечере акмеистов в Доме Ученых (Пречистенка, 16); 31 мая 1929 в Доме ученых (Пречистенка, 16). Стихотворение было предложено для неустановленного альманаха, собираемого С. Городецким и им отвергнуто: «"Людендорф" очень интересный опыт прозаизации поэзии, но мне хотелось иметь от Вас для этого сборника какую-либо другую Вашу вещь, где сказывалось бы то барокко, о к<ото>ром я говорил «во едину из суббот» <...>» (письмо 14 мая 1927 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 1). Стимулом к написанию стихотворе-

ния могло послужить издание записок немецкого генерала Эриха Людендорфа (1865–1937), предпринятое в 1923–1924 годах: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1–2. М., 1923–1924 (нас. 99–117 первого тома излагаются события, положенные в основание стихотворения). В тексте упоминаются военачальники немецкой службы фельдмаршал Пауль фон Гинденбург (1847–1934), военный министр Эрих фон Фалькенхайн (Фалькенгайн; 1861–1922), генерал-фельдмаршал Франц Конрад фон Хетцендорф (1852–1925), генерал Фридрих фон Шольц (1851–1927), генерал Герман фон Эйхгорн (1848–1918), генерал фон Мюльман, генерал Герман фон Франсуа (1856–1933), генерал Отто фон Белов (1857–1944), генерал-фельдмаршал Леопольд Баварский (1846–1930), генерал Макс фон Гальвиц (1852–1937), генерал-полковник Александр фон Линзинген (1850–1935), генерал-фельдмаршал Август фон Макензен (1849–1945), генерал-полковник Ганс Гартвиг фон Базелер (1850–1921) и русской службы генерал-лейтенант Павел Карлович Ренненкампф (1854–1918), генерал-лейтенант Абрам Михайлович Драгомиров (1868–1955), генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926).

«Оттого ли, что ветер замедлил свой шаг...». – Печ. по: Прохлада.

«Когда-нибудь достигну совершенства...». — Печ. по: *Прохлада*. Подробности о героине стихотворения неизвестны.

«Легким шелестом листья приветствуют нас...». — Печ. по: *Прохлада* (с учетом поправки на экземпляре Д. Шепеленко — ст. 7 читалась: «В час, когда, обнажаясь впервые, оно»).

«Ах, не поэту ли под стать...». — Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»... *бюст Карамзина...* — Вероятно, имеется в виду памятник Карамзину, установленный в 1911 году в подмосковной усадьбе Остафьево, но он представляет собой не бюст, а барельеф. *Е. М. И.* — инициалы Елены, адресата «Прохлады» и нескольких ранних стихотворений.

«Я о чем-то подумал, но только не помню о чем...». — Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 октября 1923 в «Литературном особняке»; 13 октября 1923 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3); 31 октября 1923 на заседании «Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16).

«В темноте не заметно осенних пометок...». — Печ. по: *Прохлада*.

«В эту ночь тишина...». — Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 5 мая 1923

на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3).

Поздравительные телеграммы из Америки. I. *«Ваша десятилетняя деятельность поистине изумительна!...»*; II. *«Вчера узнали: – Десять лет!.. »*; III. *«Когда в мое сердце вгрызается грусть...»*; IV. *«В Ваших ангельских стихах...»*; V *«Я русскую литературу до тонкости изучил...»*; VI. *«Безумно Вас люблю, поэт мой черноокий...»*; VII. *«Я страдал от подагры сорок восемь лет...»*; VIII. *«Соперник, примите с острова Кубы...»*; IX. *«Вы бесспорно талантливы – это не лесть...»*. – СрБр1 (несколько листов вырвано). Печ. по: СрБр2 (часть стихотворений помещены без даты). Стихотворение «Вчераузнали: – Десять лет!...» декламировалось автором 17 декабря 1928 на выступлении Всероссийского союза поэтов в ГАХН (Пречистенка, 32). *«Безумно Вас люблю, поэт мой черноокий...»* – в варианте БТемр5 посвящено Г. Шенгели. Все намеки и подтексты этого цикла остаются мне недоступными.

«Я руки за голову заложил...». – Впервые: Прохлада. Печ. по: ТЯмбы.

Поэма о дне моего сорокалетия (*«В тот день, когда мне минет сорок лет...»*). – ЭкзСт; БТемр5; ПривГор. Печ. по: Поэмы. Стихотворение декламировалось автором 3 мая 1924 во «Всероссийском Союзе

Поэтов» (Тверской бул., 25); 4 мая 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1) – ср. в протоколе кружка: «В конце заседания Н. Н. Минаев читает стихи и поэму». – Из протоколов литературного кружка «Современники» (1923–1924 гг.). Вст. статья и публ. А. Ю. Галушкина//Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново. 1998. С. 263); 7 мая 1924 на заседании «Московского цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16); 8 мая 1924 в литературном обществе «Звено»; 10 мая 1924 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3; не с этим ли эпизодом связана недатированная записка Минаева Никитиной: «Хорошо, Евг. Фед. Только имейте в виду мне надо мин. 45 для чтения вещи, которую я буду читать. Н. М.» (РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 1)?); 13 мая 1924 в «Литературном особняке» (Тверской бул. 25); 15 мая 1924 на вечере у М. А. Зельдович (Трубниковский пер., д. 4, кв. 17); 16 мая 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 29 мая 1924 в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16); 21 апреля 1926 на академическом собрании Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25: главы 1, 2 и 5); 28 апреля 1926 на академическом собрании Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25: глава 7); 9 мая 1926 в Трудовой

школе (Арбат, Кривоникольский пер. 15: главы 1, 2 и 7); 16 мая 1926 на литературных курсах Всероссийского Союза Поэтов (5-я Тверская-Ямская ул., д. 3: главы 1 и 2); 3 апреля 1927 в Клубе Рабпроса (Б. Левшинский пер., д. 6: главы 1 и 2).

«Лад рассудком празднуя победу...». – ЭкзСт; БТетр1 (вар. стр. 11: «Ты к себе, а я свой край покинув»; Балл; Лир2. Печ. по: Пена. Дата по: Лир2. Стихотворение декламировалось автором 12 октября 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 23 ноября 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 3 января 1925 в Политехническом музее; 3 марта 1925 на вечере Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 9 мая 1925 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3, кв. 7); 26 октября 1925 в Педагогическом техникуме (Садовая-Спаская, 19); 15 ноября 1925 у Н. Н. Фатова (Трубниковский пер. 26, кв. 12); 2 декабря 1925 в «Центральном доме Рабпроса» (Леонтьевский пер., д. 4); 18 февраля 1926 в литературном обществе «Звено»; 3 апреля 1926 в 41-й трудовой школе 2-й ступени (Покровка, Колпачный пер., д. 4.).

«Мы слушаем стихи, о ритмах говорим...». – БТетр3; Балл; Лир2. Печ. по: УфСт2. Дата по: БТетр3. Стихотворение декламировалось автором

12 октября 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 10 ноября 1924 на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 1 февраля 1925 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 9 мая 1925 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3, кв. 7); 7 апреля 1927 на заседании «Московского Цеха поэтов» (Брюсовский пер. 2, кв. 16)...*классический Нарым*... – заштатный город Томской губернии; с начала XIX века – место политической ссылки.

«Так умерла любовь... Вначале...». – БТепр1, 75Ст; Лир2; СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: БТепр1.

Начало поэмы («*Орлиное Перо не знает страха...*»). – ЭкзСт; Ст21–51 (вар.: стр. 15: «И обменявшись кровью порешили»). Печ. по: 88Ст.

Химера («*Было тихо в комнате и серо...*»). – ИР-ЛИ. Ф. 481. Ед. хр. 24. Л. 1 об. (вар.: стр. 3: «В час когда влюбленная химера»; стр. 17: «От косматой женщины-гиены»; стр. 19: «И шипели клочья красной пены»; стр. 20: «У ее пылающего рта»). Печ по: 88Ст. Стихотворение декламировалось автором 12 октября 1924 в кружке «Современники» (Б. Афанасьевский пер. 26, кв. 1); 5 ноября 1924 на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 10 ноября 1924 на вечере «Неоклассиков» (Тверской бул., 25); 3 марта 1925 на вечере Всероссийского

Союза Поэтов (Тверской бул., 25); 9 мая 1925 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3, кв. 7); 15 ноября 1925 у Н. Н. Фатова (Трубниковский пер. 26, кв. 12); 8 апреля 1926 в Доме ученых на вечере московских акмеистов.

Надпись на экземпляре «Поэмы о дне» («*Эта поэма – детище мое...*»). – Печ. по: *ПроСт...на машинке Марианна...* – Мария Николаевна Яковлева (Марианна Ямпольская; 1891–1960?) – поэт. О ней см.: ЛБ. Т. 1. С. 445–462. Будучи профессиональной машинисткой, она перепечатывала книги для своих друзей. В частности, по просьбе Минаева она перебебеляла для него рукопись его первой книги: «Милый Николай Николаевич, я за Вашу «Прохладу» принялась со всевозможным рвением и в три дня перепечатала все до «Венка сонетов»; а тут застряла: притащили работу по бухгалтерии, и пришлось засесть за нее, не покладая рук.

В довершение всех бед, заболела. Теперь думаю поступить так: в один из этих вечеров пойти в Леонтьевский пер., к Елизавете Артуровне (Вы ее видели у меня) и на ее машинке напечатать «Венок». Но это только в том случае, если для Вас безразлично, что книга будет напечатана на разных машинках (т. е. разными шрифтами). Если же это для Вас не безразлично, то придется ждать долго. Мне доктор запре-

тил идти на службу до понедельника, а там за мое отсутствие накопится вероятно куча работы. Итак – жду ответа, согласны ли Вы или нет на разные шрифты» (письмо 24 января 1923 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 1–1 об.). 11 августа 1919 она вписала в его альбом стихотворение:

Как хорошо – спокойно, четко
Пройтись по щепке над обрывом, —
Глядеть вперед, предвидя кротко
Возможность гибельного срыва.
Себе и людям бросить вызов, —
В лучах слепительного света
Два полюса надменно сблизив
Ждать непреложного ответа.

(Альбом1. Л. 28).

«Переполняясь лавой золотой...». – Печ. по: *ПроСт*.

«В парке было сумрачно и тихо...». – Печ. по: *Прохлада*. Стихотворение декламировалось автором 10 марта 1925 в Доме ученых (Цекубу) (Пречистенка, д. 16).

«Задумался ветер, лиловое облако вспенив...». – Впервые: *Прохлада* (вар. ст. 11: «Не знать о плечах затуманенных воздухом кружев»). Печ. по: *СовСт*.

«Если б я родился павианом...». – *ЭкзСт; БТемр1*,

БТемр5; Балл. Печ. по: Лир2.

Мессалина («Приняв империи кормило...»). – *ЭкзСт; БТемр1, Лир2; 75Ст; СовСт; СамЛюб. Печ. по: Пена. Дата по: Лир2.*

«Любовью к прошлому ведам...». – Печ. по: *Откл* (раздел «Экспромты»). ...*твой старый дом.* – Вероятно, имеется в виду Кусково – подмосковное имение Шереметевых.

«Вы давно мечту таите...». – *БТемр!* (без разбивки на строфы); *БТемр5: Балл; Лир2; СовСт; ТЯмбы. Печ. по: УфСт2. Дата по: БТемр5. Главлит* – Главное управление по делам литературы и издательств Народного Комиссариата просвещения – главный цензурный орган Советского Союза.

11 августа 1925 года («/7о воробьям из пушек: бум и бах...»). – *БТемр1, Лир2* (вар. стр. 10: «Кого-то клял безжалостный Арватов»); *75Ст. Печ. по: Пена. Дата по: Лир2.* Судя по составу участников, описывается редакционное заседание журнала «На посту» или «На литературном посту», либо Российской Ассоциации Пролетарских Писателей. Упоминаются литературные критики Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937), Г. Лелевич (Лабори Гилелевич Калмансон; 1901–1937), искусствовед Борис Игнатьевич Арватов (1896–1940) и писатель Сергей Иванович Малашкин (1888–1988). Не исключено, что поводом к на-

писанию стихотворения послужило состоявшееся 11 августа 1925 года общее собрание правлений ВАПП и МАПП, среди прочего приветствовавшее резолюцию ЦК РКП (б) о художественной литературе от 18 июня 1925 г. См.: Октябрь. 1925. № 8. С. 165; Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 579.

С. М. Городецкому (*«Сергей Митрофаныч!..»*). – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«Морозная полночь за окнами там...». – БТемр3; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«Затих в бессильи ветер красный...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

«Оборвав на полустрочке...». – БТемр3; ПроСт. Печ. по: Пена.

«Средь мглы томительной и нудной...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

Ода тысяча девятьсот пятому (*«Пусть искалеченный и смятый...»*). – БТемр1 (под загл. «1905 году»); 88Ст. Печ. по: Пена.

Аттила (*«В ту ночь твой сон дурная кровь мутила...»*). – БТемр1, Лир2; 75Ст; СовСт; СамЛюб. Печ. по: Пена...Огромное хвостатое светило. – Комета Галлея, приближавшаяся к земле в 451 году...Ката-лаунские поля. – Место сражения, в котором войска Римской Империи остановили нашествие гуннов, возглавляемых Атиллой.

Завоеватели (*«Покинув жен, любовниц и детей...»*). – БТемр1, Лир2; 75Ст. Печ. по: Пена.

Ленин (*«Под рев солдат и крики моряков...»*). – БТемр1; Лир2; 75Ст. Печ. по: Пена.

Марий (*«По глухим минтурнским дебрям...»*). – Впервые: Новые стихи. <Вып.> 1. М., 1926. С. 40–41 (вар.: ст. 7: «Но врагам моим заклётым»; ст. 13–17: «Я мечты твои разрушу, / Потому спокоен я. / А твою кривую душу / Жалит зависти змея»). БТемр1, Лир2; 75Ст. Печ. по: Пена.

Николай II (*«Фронты трещат... Грядущее темно...»*). – БТемр1, Лир2; 75Ст; Пена (все – с другой разбивкой на строфы). Печ. по автографу 1964 года из архива Д. Шепеленко (РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 47; с пометой: «Два стихотворения Н. М. получены от него 2/IX 1964 г. в 5 ч. 20 м. на Стромынке»; второе – ст-ние «Эпитафия» («Здесь прах лежит того, кто был поэтом...»)). Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал-лейтенант, генерал от инфантерии; с августа 1915 года – начальник штаба верховного главнокомандующего. Поводом к написанию стихотворения, вероятно, послужил выход многотомного издания «Переписка Николая и Александры Романовых» (или публикация в журналах предварительных материалов к нему). Среди телеграмм 1916 года (Т. 4. М., 1926; Т. 5. М., 1927) дословно совпадающих с

процитированным отрывком нет, но есть чрезвычайно похожие.

Послание двум («Тарас Григорьевич Мачтет! ...»). – СрБр1 (с пометкой: «Ник<итинские> Субб<отники>»). Печ. по: СрБр2. Ширман Григорий Яковлевич (1898–1956) – врач и поэт. Онемсм.: Молодяков В. Э. «Огонь мой вспыхнет собственный, не чей-то...». Григорий Ширман – попытка портрета // Ширман Г. Зазвездный зов. М., 2012. С. 641–670. Известны несколько стихотворений Ширмана, посвященных Минаеву: «Во мраке повторяемых причин...», «Найду ли я тот путь неуловимый...» (оба включены в сб-к Ширмана «Клинопись молний»; первое с инициальным посвящением «Н. М.», второе с полным) и «Мне нравится медлительный твой сказ...», появлявшееся в печати (впервые – в сб-ке Ширмана «Карусель зодиака») без последнего катрена:

«Мне нравится медлительный твой сказ,
Как древний мед сгущенный и тягучий,
И поворот монгольских этих глаз,
И этих скул задумчивые кручи.

Змеею прохладительный восток
Вплетен в твои пленительные строки.
Ленивых рек в них вижу я поток
И зорь пустынь в них замысел высокий.

А я фонтаном пьяным клоочу,
И вьется вакханалья голых строчек,
И, приоткинув пеструю парчу,
Мне тело вечности свой дар пророчит»

(печатаю полный текст по рукописи: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 408. Л. 3).

Пушкина (*«Пушкина Наталья Николавна!...»*). – *БТемр1; 75Ст: Лир2*. Печ. по: *Пена. Ноября четвертое сначала, / Вслед – двадцать седьмое января... – 4 (16) ноября 1836 года Пушкин получил анонимный «Патент на звание роносоца» и вечером того же дня отправил вызов Дантесу; 27 января произошла фатальная дуэль...сводника Ланского. – Н. Н. Пушкина вышла замуж за Петра Петровича Ланского (1799–1877) в 1844 году. ...тридцатидвухлетнее дитя... – ошибка Минаева. ...твоему любовнику Тургенев... – Возможно, подразумевается эпизод, записанный П. Бартевым: «И. С. Тургенев передавал нам о том, как он был смущен, приехав на званный бал к графу Киселеву и посаженный рядом с сенатором Дантесом» (Поправки и дополнения // Русский архив. 1900. № 4. С. 655).*

Распутин (*«Весь зал в цветах... Оркестр играет туш...»*). – *БТемр1; 75Ст; Лир2*. Печ. по: *Пена...папа с мамой вызывают в Питер... – Распространен-*

ный слух о том, что Распутин именно так называл Николая II и Александру Феодоровну был не раз зафиксирован в советской печати; ср.: «<...> "папой" Николая Романова величали не только его дети, но и Григорий Распутин. Причем последний называл царя «папой» в более обширном смысле: религиозно-империалистическая транскрипция (храм св. Софии в Константинополе) народного, якобы, выражения: «царь-батюшка»» (Лиров М. Из загробного мира царизма // Печать и революция. 1923. № 5. С. 16).

Чжан Цзо-Лин (*«Бессонницей страдая как павлин...»*). – *БТемр1. 75Ст; Лир2*. Печ. по: Пена. Чжан Цзолин (1875–1928) – крупный китайский военачальник. Сюжет стихотворения – китайская политическая борьба середины 1920-х годов, широко освещавшаяся в советской прессе. Юань Шикай (1859–1916) – китайский военный деятель и самопровозглашенный император. Гоминьдан – Китайская Национальная Народная партия – консервативная политическая партия, побежденная Коммунистической партией Китая, но состоящая (на момент написания стихотворения) с ней во временной коалиции. Фэн Юйсян (1882–1948) – китайский военный деятель, возглавивший государственный переворот 23 октября 1924 года. У Пэйфу (1878–1939) – военачальник Центрального Китая, соперник Чжан Цзолина. Дуань Цижуй

(1865–1936) – с 1924 года возглавлял пекинское правительство, стремясь примирить Чжан Цзолиня и Фэн Юйсяна.

«Акмеистический поэт Минаев...». – БТетр5 (с пометой «У Фридманов. Буриме»). Печ. по: *СрБр2*. Глушков – по всей вероятности, Михаил Александрович Глушков (1896–1959) – киевский поэт; впоследствии московский журналист. Дата смерти, отличающаяся от традиционно упоминаемой (1936) взята из работы: Зобин Г. С, Крижевский В. Г. Цена каламбура (об одном из прототипов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») // Звено. Вестник музейной жизни. 2009. М., 2010. С. 107–110.

«Будет час – я знаю это!...». – БТетр3. Печ. по: *ПроСт*.

Надгробом Есенина («В этом мире темном и убогом...»). – Впервые: Памяти Есенина. М., 1926. С. 196. БТетр3. Печ. по: *ПривГор*. Немногочисленные контакты Минаева и Есенина запечатлены, в частности, в дарственной надписи последнего: Ломан А. П., Земсков В. Ф. Дарственные надписи Есенина (инскрипты) // Русская литература. 1970. № 3. С. 162. См. также: Зинин С. И. С. А. Есенин и его окружение. Биобиблиографический справочник // <http://zinin-miresenina.narod.ru/m.htm>. Мнение Минаева о Есенине оспаривается в недатированном письме Е. П. Пав-

лова к нему: «Милый Коля! Мне как-то не удалось, или я не сумел тебе ответить на очень многое, о чем нам пришлось говорить за последнее время. Прежде всего об Есенине. Я с тобою совершенно не согласен в определении достоинства его стихов. Ты почему-то считаешь «Персидские мотивы» у него наиболее слабыми из его произведений. Не думаю. В них Есенин отдал дань общей культуре, в них он больше всего поэт, и притом очень чистый. В то время как в других он вырастает как нечто косматое, растрепанное, очень нестройное. Там слышатся ритмы частушек, тут условная ритмика народного стиха, а там и вовсе цыганским романсом отдает. И только редко сравнительно звучит что-то настоящее точно ветка сирени, затерявшаяся в самой гуще кустов. Многое вообще рассчитано на ошеломляющее впечатление» (среди писем неустановленных лиц: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 8). Минаев был приглашен на вечер памяти Есенина:

«Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Прошу Вас принять участие с чтением Ваших стихотворений, посвященных С. А. ЕСЕНИНУ на вечере в память его 29-го сего Декабря (Дом Герцена, Тверской бульвар, 25)

Начало в 8 1/2 часов вечера»

(подписано А. Н. Чичериным // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1.

Ед. хр. 274. Л. 14.)

Б. Я. Брайниной (*«Будет жизнь Вам сладостней варенья...»*). - Печ. по: *ПроСт* (раздел «Записки»). Брайнина Берта Яковлевна (1902–1984) – литературный критик; в 1918–1920 годах работала в системе Наркомпроса.

«Этот день пришел меня обидеть...». – Ст21–51 (вар. стр. 8: «Будет мне горька и тяжела»); 75Ст. Печ. по: 88Ст.

Г. А. Ширману (*«В томительные дни себя порадуй...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Первоначально эти шесть строк были терцетами в сонете, надписанном Минаевым на экземпляре «Прохлады», подаренном Ширману (собрание В. Э. Молодякова). На авантитуле книги начертано: «Милому Григорию Яковлевичу Ширману – поэту и другу – с искренней радостью»; далее следует восемь строк, впоследствии отсоединившихся:

Нам пели Музы, другом был Эрот,
Сердца и звезды властвовали нами,
Мы украшали землю именами
И нищими стучались у ворот.

Мы утверждали все наоборот,
Смущали дев несбыточными снами
И старцев леденили временами
Дыханием арктических широт.

– после чего следовало комментируемое стихотворение и дата: 22 января 1926 г. Впоследствии к сонету были дописаны два других терцета, а эти строки обрели самостоятельную жизнь. Любопытное сообщение о том, что именно Минаев рекомендовал Ширману планиду сонетиста не находит других подтверждений.

И. В. Грузинову («*Я не кричу до хрипоты...*»). – Печ. по: *СрБр2*. Грузинов Иван Васильевич (1893–1942) – поэт; о нем см.: Нехотин В. В. «Век Грузинова и Хабиас» // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 219–241. Минаев (вместе с Есениным и В. Федоровым) рекомендовал его 25 сентября 1919 года в члены литературно-художественного кружка «Звено» (см.: Есенин С. Полное собрание сочинений. Т. 7. Кн. 2. М., 2000. С. 491). В бумагах Минаева сохранилась рукопись посвященного ему стихотворения Грузинова:

ВЕЕР РЕСНИЦ

Николаю Минаеву

Вхожу печальный Дон-Жуан
Под своды древнего собора.

В пыли безмолвно спит орган;
Цветные стекла сеть узора
Роняют в сумрак крестных ран.
И вновь горит слеза укора
Под черным веером ресниц.
Но нет Тебя склоненной ниц,
Не видно тени Командора.
Но в темных нишах коридора
Ряды гробниц. Ряды гробниц.

5 августа 1919

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 392).

Надпись на книге. А. П. Савкину (*«Протокол пере-
пишите чисто...»*). – Печ. по: *ПроСт*. Адресат неиз-
вестен. Тождество фамилии и второго инициала с из-
вестным поэтом Н. П. Савкиным позволяет осторожно
предположить, что речь идет о его родственнике.

Е. Н. Минаеву. 1. *«Предайся наслаждению...»*; 2.
Рассуждение о бренности нашего земного существо-
вания и мораль из сего рассуждения вытекающая
(*«Любим, пьем, поем к чему-то мы...»*). – Печ. по: *От-
кл*. Подробности о родном брате поэта, Евгении Нико-
лаевиче Минаеве (ок. 1900 – не ранее 1952), немно-
гочисленны и устанавливаются преимущественно из
его редких писем (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 197). Из
них следует, что он воевал на стороне большевиков,
был начальником канцелярии отдела снабжения в Бу-

гуруслане. Последнее письмо в этой архивной единице датировано декабрем 1920 года и послано из Андижана. По состоянию на 1929 год он работает в кооперативе ОГПУ. В 1930 году он числится по одному адресу с Н. Н. Минаевым (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1930 г. М. <1930> С. 460). В 1952 году Н. Кугушева спрашивает о нем: «Как поживает твой брат Женя? Он адвокат или прокурор?» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 11; письмо 24 июля 1952 года). Данных о нем недостаточно, чтобы идентифицировать его с одним из возможных омонимов, чья судьба прослеживается до второй половины XX века.

А. Н. Минаевой («*Мои советы, Нина...*»). – Печ. по: *Откл.* Минаева Антонина Николаевна (ок. 1896 – не ранее 1945) – сестра поэта; биографические подробности о ней и об упоминаемом в тексте С. И. Щеглове неразысканы. Хронологически последний связанный с ней документ – ее письмо к Минаеву от 18 апреля 1945 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 9). Из ее редких писем следует, что в 1920 году она училась на курсах, позже работала в лично-промысловом отделе Губерфинотдела; в 1930-е – в Мосфинотделе. Во всех известных документах адрес ее совпадает с минаевским.

3. Е. Сотниковой («*Скучно в жизни прыгать, Зоя...*»). – Печ. по: *Откл.* Это – первое упоминание

Зои Евгеньевны Сотниковой, которая четверть века спустя станет женой Минаева. Сведения о ней исчезающе малы: она родилась 8 апреля 1904 года в г. Ельце (указано в свидетельстве о браке Минаева и Сотниковой; собрание А. И. Романова); вероятно, была художницей; в 1950-е годы разрисовывала косынки на фабрике, позже работала в артели по производству мягких игрушек. Знакомы они были как минимум с начала 1920-х годов; подробности см. на с. 614–615. Умерла она в 1987 году (дата смерти списана с плиты в колумбарии Донского кладбища, где покоится ее прах рядом с прахом Минаева). Ее дочь – Елена Борисовна Сотникова (1939–2011) – сохранила архив Минаева и передала его в ГЛМ.

Н. П. Савкину (*«Милый мой ветерник, духом не падай!..»*). – Печ. по: СрБр2. Савкин Николай Петрович (1900 – после 1970) – поэт, автор сборника «Багровые васильки» (М., 1924) и поэмы «Бурлак» (М., 1924); по состоянию на конец 1920-х годов – секретарь заводоуправления фабрики «Дукат» (см.: Галушкин А. Ю., Поливанов К. М. Имажинисты: лицом к лицу с НКВД // Литературное обозрение. 1996. № 5/6 С. 61).

М. Н. Ямпольской (*«Примите от поэта, Марианна...»*). – Печ. по: СрБр2.

Н. П. Кугушевой-Сивачевой. Надпись на книге (*«Исполнитесь почтения...»*). – СрБр2. Печ. по: Побстр.

О, бывшая Кугушева-с!.. / А ныне Сивачева-с!.. – Около 1923 или 1924 года Кугушева вышла замуж за писателя М. Г. Сивачева; ср. пересказ ее несохранившегося письма лета 1924 года: «Наташа в восторге от своего местожительства; там у нее какое-то необыкновенное озеро, бездна, в котором Мих. Горд. купает ее с мостков, держа за руки; лес, где много грибов, но никакой дичи, так что охотник М. Г. принужден стрелять только воробьев и лесных птишек (негодяй!). Наташа верным оруженосцем носит за ним сумку, патронташ и какие-то там охотничьи принадлежности; пишет, что она вообще очень хороший товарищ, так что даже Михаил ею доволен и все будет хорошо, если только он не начнет хандрить и придирааться. Пока еще не начал» (Письмо М. Н. Яковлевой (Ямпольской) к Н. Н. Минаеву от 1 августа 1924 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 4 об. – 5).

Н. С. Берендгофу (*«То клянем, то славим мы богов...»*). – Печ. по: *СрБр2*.

Т. Г. Мачтету (*«Скажу тебе по совести, Тарас...»*). – Печ. по: *СрБр2...чернозем невспаханного луга...* – намек не только на стихийную творческую манеру Мачтета, но и на название его книги стихов «Коркин луг» (М., 1926).

Е. Ф. Никитиной (*«Двенадцать строчек посвящения...»*). – *СрБр2*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *СрБр2*. Ни-

китина Евдоксия Федоровна (1895–1973) – поэт, литературный критик, библиограф; организатор объединения «Никитинские субботники», в работе которого Минаев принимал живое участие.

О. Л. Леонидову (*«Средь стаи поэтических калек...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Экземпляр – в собрании В. Э. Молодякова (стихотворению предшествует прозаическая часть: «Дорогому Олегу Леонидовичу Леонидову – с чувством искренней симпатии»).

П. И. Вагину (*«Скажу Вам по секрету...»*). – Печ. по: *СрБр2*.

Н. З. Пресман и С. Л. Фридману (*«Друзья мои!.. Прошу вас: вместе...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Пресман (в замужестве Фридман) Надежда Зиновьевна (1897–1956) – поэт, участница киевской Мастерской художественного слова (см.: Фрезинский Б. Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // *Минувшее. Исторический альманах*. Т. 22. СПб., 1997. С. 288), московского акмеистического кружка (см., напр.: Виноградов В. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // *Независимая газета*. 1994. № 74 (750) 20 апреля. С. 5) и Всероссийского союза поэтов (см. материал о ее выступлении там осенью 1928 года: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1.Ед.хр. 354); после 1930-го года по преимуществу занималась филологией, писала статьи для КЛЭ, заведовала отделом каталогизации ВГБИЛ (см.:

Рудомино М. И. Моя библиотека. М., 2000. С. 169, 170, 188, 196, 197); см. также: Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014 (ук.). 6 ноября 1924 года она записала в альбом Минаева стихотворение:

Закрыты двери, пусто и темно
Стучат в стекло настойчивые мухи
А под окном поет веретено
Всегда нахмуренной старухи...
Проходят дни недели и года,
И день не в день, и ночи сердце радо,
И время льет, как мутная вода,
Неутоляющей прохладой...

(Альбом 1. Л. 9 об.).

О муже ее, С. Л. Фридмане, сведений практически не сохранилось, за исключением краткой пометки в записной книжке Минаева: Фридман Саадья Лазаревич. Бол. Дмитровка, д. 9, кв. 49 (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 25). 21 августа 1919 года Фридман вписал в альбом Минаева стихотворение:

Туман уснул... И с шумом думы,
Ночные думы льнут к песку...
Разымчивы и сумрачно-угрюмы
Пески молчат: таят тоску.

В ночной опаловой амфоре
Ладея луны плывет в туман... —
И медленно качелит море
Сереброструйчатый обман.

(Альбом 1. Л. 9; *разымчивый* – сильнодействующий, крепкий). Год его рождения (1895) указан в: Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 748.

С. А. Укше («Сопровителю характеру женскому...»). – Печ. по: СрБр2. О Н. Н. Захарове-Менском.

М. А. Зенкевичу («Друг! Камен не ценят массы...»). – ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор. Зенкевич Михаил Александрович (1886–1973) – поэт.

П. Г. Скосыреву («Говорю я Скосыреву Пете:...»). – Печ. по: СрБр2. Скосырев Петр Георгиевич (1900–1960) – поэт и прозаик.

М. Э. Нетропову («Когда разводят «тары-бары»...»). – СрБр2. Печ. по: Пена. Дата по: СрБр2. ... «гремящие фанфары»... – намек на первые строки стихов Нетропова «Бой быков». «Снопы лучей» – название первой книги стихов Нетропова (М., 1922).

Н. Н. Захарову-Менскому («Милый Коля, не робей...»). – Печ. по: СрБр2. Захаров-Менский (наст. фам.: Захаров; вар.: Захаров-Мэнский) Николай Николаевич (1895–1942) – поэт. О нем см.: ЛБ. С. 125–136.

В архиве Минаева сохранилось его письмо от 19 сентября 1925 года: «9-го годовщина смерти Брюсова. В этот день будет устроен большой вечер его памяти. В бумагах В. Я. найден неизвестный Венок Сонетов, который решено прочесть на этом вечере впервые силами 15 поэтов, имеющих отношение к актерству. Просим и тебя принять участие в этом чтении» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 1). В октябре 1919 года он вписал в альбом Минаева стихотворение:

Мои последние печальные маркизы
Веков давно исчезнувших отданье
Брюссельских желтых кружев обаянье
Воспоминаний розовые ризы

Я их люблю в них вся моя отрада
Всей жизни той – в которой мысль – лишь бриз
И боль – моя любовь, в которой столько яда
И непонятный вам души моей каприз.

(Альбом 1. Л. 59).

Безыменский Александр Ильич (1898–1973) – советский поэт; регулярная мишень острот Минаева.

С. И. Пейчу («Какая это благодать...»). – Печ. по: Откл. Пейч Сергей Иванович (1890–1963) – художник, график, редкий участник коллективных выставок (см., напр.: Персональные и групповые выстав-

ки советских художников. Справочник. Т. 1. М., 1989. С. 198; Выставки советского изобразительного искусства. Справочник. Т. V. 1954–1958. М., 1981. С. 133); автор обложки к единственной книге Минаева.

В. Г. Вешневу (*«Мы для широких масс без критики мертвы...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Вешнев Владимир Георгиевич (1881–1932) – прозаик и критик. В бумагах «Литературного особняка» отложилась его автобиография:

«Родился в 1881 г. Происхожу из дворян. Образование среднее. Знание и специальность приобрел путем самообразования.

С 1911 г. вел в провинциальной прессе критические обзоры текущей художественной литературы. В 1913-м году был лектором Ростовского народного университета. В 1919 г. состоял лектором и руководителем семинария Литературной студии московского Пролеткульта. С того же года редактирую журнал московского пролеткульта «Горн». <...>

С 1901 г. стал профессиональным революционером. В 1899 г. сидел в одесской тюрьме. В 1901 г. сидел в Кишиневской тюрьме. В 1903 г. пошел в Якутскую область. В 1906 г. сидел в Иркутской тюрьме» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 70. Л. 9)...*рецензию в газете*. – По всей вероятности, подразумевалась «Учительская газета», где работал Вешнев, но

рецензии на «Прохладу» весной 1926 года там не появлялось.

Надпись на книге. Самому себе. (*«Мне говорят: “Ты Музой не забыт...”»*). – ПривГор. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор...и Елене. – Елена, фамилия которой нам неизвестна – адресат посвящения к «Прохладу».

В. К. Звягинцевой (*«Вы стоите на мосту...»*). – Печ. по: СрБр2. Звягинцева Вера Клавдиевна (1894–1972) – поэт. См. о ней прежде всего: Душа, открытая людям. Воспоминания, статьи, очерки о Вере Звягинцевой. Ереван. 1981. Ср. ее автоописание: «Вы вероятно видели уже нечто черное длинноносое – почему-то изображающее меня в Литературке и читали, что я перевожу грузинских поэтов (всем известно, что армянских) и что-то очень обидное о моих стихах. Ну что же, не привыкать! Все старые большие поэты считали меня поэтом, а официально – так и умру без единого слова характеризующего меня» (письмо к И. Н. Розанову от 23 мая 1939 года//РГБ. Ф. 653. Карт. 37. Ед. хр. 58. Л. 5). ...*стоите на мосту...* – Намек на название ее первой книги «На мосту» (М., 1922). ...*не на посту...* – Каламбурное обыгрывание названия агрессивной литературной группы «На посту» / «На литературном посту».

С. А. Алякринскому (*«Я тебе во имя смычки...»*). –

Печ. по: *СрБр2*. Алякринский Сергей Аркадьевич (1889–1938) – гимназический учитель и поэт.

В. А. Дынник (*«Я сегодня словно именинник...»*). – *СрБр2*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *СрБр2*. Дынник Валентина Александровна (1898–1979) – филолог, переводчик и поэт. *И не забывайте обещанья / В «Красной Нови» отзыв дать о ней.* – Рецензия Дынник на «Прохладу» составила главку «Щит акмеизма» в ее большой обзорной статье «Право на песню» (Красная новь. 1926. № 12. С. 255–256).

М. Я. Козыреву (*«Поверьте искренним словам:...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Козырев Михаил Яковлевич (1882–1942) – писатель. ...с *Владимировой Адой*... – Владимирова Ада (наст. фам.: Ивойлова Олимпиада Владимировна; 1890–1985) – поэт, переводчица; жена М. Козырева.

Э. Е. Левонтину (*«О, Эзра, поэт-символист и никитинский критик...»*). – Печ. по: 88Ст...*никитинский критик*... – Т. е. критически настроенный участник литературного общества «Никитинские субботники».

В. П. Ютанову (*«Владимир Павлович Ютанов!..»*). – Печ. по: *СрБр2*. Ютанов Владимир Павлович (1876–1950) – писатель. В его архиве сохранилось семь автографов стихотворений Минаева, возможно, предназначавшихся для невоплощенного альманаха (РГА-ЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10).

В. Л. Львову-Рогачевскому («Я отдаю свою «Прохладу» Вам...»). -88Ст. Печ. по: *Повстр.* Львов-Рогачевский (наст. фам.: Рогачевский) Василий Львович (1874–1930) – критик.

Надпись на книге. К. Ф. Юону («Вы кистью дух сжигаете, я – словом...»). – *ПривГор*; *Повстр.* Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ПривГор*. Юон Константин Федорович (1875–1958) – художник.

Г. Ф. Дешкину («Милый Дешкин, наш исправный...»). – *СрБр2*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *СрБр2*. Дешкин Георгий Федорович (1891–1963) – поэт...*Управдел и казначей...* – Дешкин работал кассиром в Бюро «Литое», где служил и Минаев...*кой-что на эсперанто...* – Дешкин был одним из делегатов 1 Российского конгресса эсперантистов (1910) и энтузиастом изучения и пропаганды эсперанто; в частности – писал на эсперанто стихи (см. справку: http://www.russianresources.lt/archive/Deshkin/Desh_0.html). 27 апреля 1921 он записал в альбом Минаева стихотворение:

Я – рыцарь, а они смешны
В век электричества и стали.
Теперь не знают тишины,
Не верят в радостные дали.

Но пусть смеются надо мной,

Пусть называют сумасшедшим —
Я буду жить *моей* весной,
Моим загадочным прошедшим!

(Альбом1. Л. 82).

М. И. Гинзбургу («*Поверь мне, Гинзбург Михаил...*»). – Печ. по: *СрБр2*.

Е. Г. Соколу («*Все кружась вокруг да около...*»). – *БТемр3* (с загл.: «Надпись на книге»). Печ. по: *СрБр2*. Сокол Евгений (наст. фам.: Соколов Евгений Григорьевич; 1893–1939) – поэт. В шуточной поэме Б. Садовского «Нэти» Сокол изображен членом банды, в которую входит и Минаев: «У нас / Бандит есть в шайке – Женька Сокол, / Так он субъекту одному / Бутылкой голову раскокал / И чудом не попал в тюрьму. / Способный очень мальчонка, / Да только постоянно пьян» (Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 379–380); здесь же упоминается И. С. Рукавишников из следующего комментария: «А Городушников Иван, / Рыжебородый старичонко, / Над нами главный атаман».

И. С. Рукавишникову. Надпись на книге («*Свет – Иван Сергеевич Рукавишников...*»). – *БТемр3; СрБр2*. Печ. по: *Побстр*. Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930) – поэт.

Н. П. Хорикову («*Ты, Хориков, акаутист...*»). –

Печ. по: *СрБр2*. Хориков Николай Павлович (1899–1937?) – поэт, организатор и пропагандист малолюдного сообщества акоитистов (отрицателей полового акта); о нем см.: Галушкин А. Ю. Пародия как судьба: «Акоитист» Николай Хориков//Русская мысль (Париж). 1997.№ 4198. С. 12;№ 4199.С. 12.Хориков вписал в альбом Минаева стихотворение:

*«Н. Н. Минаеву. На память о времени
проведенном вместе в 1922 г. Коле Коля.*

Будем счастливее птиц,
Колокольни Ивана выше.
У наших ржавых лиц
Души свежее вишень. <sic>
Непричесанные и простые
Без лакированных башмаков,
А волосы по плечам густые
Вместо цилиндров и париков.
Кто-то назвал нас глупыми,
Что не пишем рапортов и бумаг,
А только словами грубыми
Заветное говорили в строфах.
Таковыми уж верно родились,
Влюбленные в женщин и стихи.
Не нас качают автомобили,
Не для нас построены особняки.
Мы же в сердце проложим улицы,
Чувству откроем крыши.

Пусть нет красивых лиц,
Но души свежее вишень.

Москва, 16 сентября 1922 г. Ник. Хориков»

(Альбом 1. Л. 12 об.)

П. А. Терскому. Надпись на книге («Средь неугомонной...»). – БТепр3. Печ. по: СрБр2.

Г. А. Шенгели («Нам ли ждать признанья масс...»). – ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор. Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт.

«Я теперь ту жизнь уже забыл...». – БТепр3; Балл; Лир2. Печ. по: УфСт2. Дата по: Лир2.

И. Н. Розанову («Ах, Иван Никанорыч, я рад...»). – Печ. по: СрБр2. Розанов Иван Никанорович (1874–1959) – филолог, поэт и коллекционер; его обширная библиотека, посвященная русской поэзии трех веков, воспринималась современниками как род литературного депозитария (подробнее см.: ЛБ. Т. 2. С. 300–304). Экземпляр сохранился и описан в составе коллекции: Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. Библиографическое описание. М., 1975. С. 181.

А. А. Демидову («Алексеич Алексей...»). – СрБр2. Печ. по: Пена. Дата по: СрБр2. Демидов Алексей Алексеевич (1883–1934) – писатель, автор рассказов из деревенской жизни (с чем и связана шутка про ку-

карекающих петухов).

В. А. Бутягиной («*Вот Вам, Бутягина Варвара...*»). – Печ. по: *СрБр2*. Бутягина Варвара Александровна (1901 – после 1934) – поэт; член правления общества «Литературный особняк» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 93). Т. Г. Мачтет зафиксировал в дневнике ее беседу с Минаевым после ее выступления 22 декабря 1920 года: «Исполнив свою миссию, она скромно отходит и садится на стул сзади Минаева, положив руку на спинку его стула. Ее почти не видно в гуще нашей, но я слежу за ней незаметно, вижу, как горят ее глаза, с каким вкусом сидит на ней ее шубка, как, склонившись к Минаеву, она мило болтала с ним, потом, словно застыв и вся уйдя в себя, внимательно наблюдает за происходящим на эстраде» (Дроздков В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014. С. 708–709).

Н. Г. Савкиной («*Надежда Георгиевна...*»). – Печ. по: *Откл*. Савкина Надежда Георгиевна – жена Н. П. Савкина.

В. Г. Дуловой («*Семнадцать Вам, мне тридцать лет...*»). – *БТемр3* (с загл.: «Надпись на книге»). Печ. по: *Откл*. Дулова Вера Георгиевна (1909–2000) – в будущем – знаменитая советская арфистка; на тот момент – студентка московской консерватории с обширными знакомствами среди писателей (см.: Капустин

М. Вера Дулова. М., 1981. С. 6); эпизодическая (но запоминающаяся) героиня поэмы «Москва – Петушки» («Конечно, – отвечает, – если вы хотите, чтобы я ее, вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы, – тогда, пожалуйста, волоките. Я ее удавлю» etc). Ср. в позднем письме Минаева к жене: «Что ты, милочка моя, все поминаешь о моих симпатиях? В. Г. Дулова тоже принадлежит к числу их. Одно время я бывал у нее, она и Вадим Борисовский любили мои стихи и всегда просили меня читать их на их домашних вечерах среди музыкантов. Да все это когда-то было. Она была в те времена совсем юной, а теперь ей... она года натри моложе тебя» (письмо 12 января 1955 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 2). Борисовский Вадим Васильевич (1900–1972) – поэт и музыкант.

А. Я. Марееву (*«Милый Саша, друг любезный...»*). – Печ. по: *СрБр2*.

«Я – двадцатого века московский поэт...». – *БТемр3; Балл; Лир2*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Лир2*.

Р. А. Ивневу. Надпись на книге (*«Как всегда без пышных фраз...»*). – *БТемр3; 88Ст*. Печ. по: *Повстр*. Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович; 1891–1981) – поэт. В архиве Минаева сохранилось письмо Ивнева от 30 мая 1928 года: «Мы с Мариенгофом готовим к осени сборник (вроде альманаха), долженствующий быть образцовым. Считая Ваши стихи од-

ними из лучших из совре<менных> стихов, сообщая Вам адрес, по которому Вы можете прислать материал обязательно заказной корреспонденцией, чтобы не пропало и чем больше, тем лучше, чтобы был выбор» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 1).

С. П. Сорокину (*«Для чего, какого черта...»*). – Печ. по: *Откл. АЗОРТО* – Агентурно-зрелищное бюро Российского Театрального общества. Личность адресата не установлена.

С. С. Вымениц (*«Соня, грусть свою рассея...»*). – Печ. по: *Откл.* Адресат – Софья Соломоновна Вымениц, значащаяся в одной из родословных (<http://bakkal.kulichki.com/rod/Treeo.htm>); имя и отчество проверены по записной книжке Минаева: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 7. *А экзотика моя / Будет в следующей книге.* – Подразумевается невышедший сборник Минаева «Экзотические стихи», принятый в производство «Никитинскими субботниками» в 1928 году (макет: РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579). Стихи из него Минаев читал на литературных вечерах с осени 1927 года; см., напр., печатную программу вечера 10 декабря 1927 года, присланную Рукавишникову: ИМЛИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 104.

3. И. Рукавишниковой (*«Пусть во многом жизнь нелепа...»*). – Печ. по: *СрБр2.* Адресат – Зоя Ивановна Рукавишникова; в девичестве – Мамаева-Сумская;

см. о ней с. 686.

Л. М. Пеньковскому (*«Средь теперешней московской...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Пеньковский Лев Минаевич (1894–1958) – поэт и переводчик. *«Некто в сером»* – персонаж пьесы Л. Андреева *«Судьба человека»*.

«Сделай выбор пока не поздно!...». – *Балл; Лир2; СовСт.* Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Лир2*. ...*Даже Брюсовский институт*. – Всероссийский Литературно-художественный институт имени Брюсова – существовавшее с 1921 по 1925 года высшее учебное заведение, готовившее поэтов, прозаиков, драматургов и переводчиков; исключительно важная точка на карте литературной Москвы первой половины 1920-х годов.

С. П. Чихуновой (*«Я скажу тебе, любя...»*). – Печ. по: *Откл.* Об адресате мы знаем только имя и отчество (Софья Павловна) и адрес (Ст. Башиловка, д. 21/1) – благодаря записной книжке Минаева: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 28.

В. И. Розанову (*«Пусть кричат о смычках и отмычках...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Подробности об адресате не разысканы.

Н. Н. Фатову (*«В день не очень-то весенний...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Фатов Николай Николаевич (1887–1961) – профессор филологии. ...*на одном из «вос-*

кресений»... – Вероятно, подразумевается собрание литературного кружка, созданного Фаговым в 1924 году (первоначально он назывался «Белые колонны», потом «Утро»; см.: Летопись собраний литературного кружка «Утро» // Утро. Литературный сборник. М. – Л. 1927. С. 299); заседания его происходили раз в две недели по воскресеньям.

А. П. Наврозову (*«Сегодня вечер свеж и розов...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Наврозов Андрей Петрович (1901–1941) – драматург.

Д. С. Усову (*«Мне кажется, мы одинаковых вкусов...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) – поэт. О нем см.: Нешумова Т. Ф. О Дмитрие Усове – поэзия и правда // Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 1. М., 2011. С. 3–62.

И. П. Приблудному (*«Не забудь, Иван Приблудный...»*). – *88Ст*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *88Ст*. Приблудный Иван (наст. фам.: Овчаренко Яков Петрович; 1905–1937) – поэт. *"Кино-Арс"* – московский кинотеатр *"Арс"* на ул. Тверская. *Мерв* – древний город в Туркмении.

П. Н. Петровскому (*«Петр Николаич! Вам, певцу «Последних песен»...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Петровский Петр Николаевич (1864–1946) – поэт. «Последние песни» – книга его стихов (М., 1922).

М. М. Марьяновой (*«Поэты слишком любят ви-*

на...»). – Печ. по: *СрБр2*. Марьянова Мальвина Мироновна (1896–1972) – поэт; многолетняя приятельница Минаева; их отношения лишь в малой мере запечатлены в сохранившейся – деловой и сухой – переписке (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 195). Марьянова вписала в альбом Минаева 5 ноября 1924 года стихотворение «Живем для звездного виденья...» (*Альбом1*. Л. 35); оно же напечатано: Марьянова М. Голубоснежник. М., 1925. С. 42. Обстоятельства знакомства и взаимоотношений с Минаевым Марьянова (в соответствующей моменту тональности) припоминала на допросе по его делу весной 1953 года:

«ВОПРОС: Минаева вы давно знаете?

ОТВЕТ: Да, с Минаевым Н. Н. я познакомилась в начале 20 годов, когда именно за давностью времени не помню.

Познакомилась я с ним в Союзе писателей в Москве и с тех пор поддерживаю с ним знакомство как с поэтом, однако близкой дружбы с ним никогда не имела.

ВОПРОС: Чем же объясните, что Минаев на протяжении длительного времени посещал Вашу квартиру?

ОТВЕТ: Минаев знал меня как поэтессу, кроме того ему было известно, что меня посещают другие поэты, которые иногда читают свои новые произведения и обсуждают их.

Иногда Минаев заставлял у меня общество из литературных работников, а иногда у меня никого не было. В последнем случае он посидев у меня и поговорив на различные темы уходил.

Когда у меня были другие поэты, то Минаев вместе с ними читал и свои произведения.

ВОПРОС: Какие именно?

ОТВЕТ: Большею частью Минаев читал свои лирические стихи упадочнического содержания, названия всех его стихотворений я сейчас не помню» (Копия следственного дела // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 34–35 об.).

В. П. Федорову («*Василий Павлыч Федоров...*»). – Печ. по: *СрБр2*.

Н. П. Оболенской («*Весьма приятно на Земле у нас...*»). – Печ. по: *СрБр2*. Оболенская (урожд. Комарова) Нина Петровна, более известная под псевдонимом «Нина Хабиас» (1892 – не ранее 1943) – поэт. О ней см.: Галушкин А., Нехотин В. Предисловие // Оболенская (Хабиас) Нина. Собрание стихотворений. М., 1997. С. 5–42; Нехотин В. В. «Век Грузинова и Хабиас» // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 219–241. Сохранившиеся ее письма к Минаеву относятся к 1930-м годам и содержат в равных пропорциях приглашения и упреки в небрежении ими (ср.: «Милый Николай Николаевич, ап <так> как стыдно, фу, как гадко! Так

совсем исчез и раззнакомился со старыми товарищами. Фу, как гадко». – Письмо от 8 февраля 1935 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 3). Интригующе выделяется среди них последнее, написанное почти накануне ее ареста:

«Дорогой Николай Николаевич,
Приезжайте ко мне, пожалуйста, по делу
интересному.

Есть для Вас некое предложение – работа
для Вас легкая и могущая дать и славу, и
деньги» (Письмо от 17 сентября 1936 года // Там
же. Л. 5). Контекст ее не установлен.

Н. С. Власову-Окскому («*Не во сне, а наяву...*»). – Печ. по: *СрБр2*. Власов-Окский Николай Степанович (наст. фам.: Власов; 1888–1947) – поэт. 5 ноября 1924 года (вероятно, на вечере Литературной студии Всероссийского Союза Поэтов, где Минаев читал стихи) он вписал в его альбом стихотворение “Почему я пою о природе...” (*Альбом1*. Л. 22 об.). “*Синева*” – книга стихов Власова-Окского (М., 1924), вышедшая под маркой издательства “Неоклассики”.

С. З. Федорченко («*Ах, Софья Захаровна, Вам отдавая «Прохладу»...*»). – *СрБр2*. Печ. по: *Побстр*. Федорченко Софья Захаровна (1888–1959) – прозаик и поэт. Подаренный ей экземпляр «Прохлады» хранится в библиотеке РГАЛИ. 9 мая 1925 года она вписала

в альбом Минаева стихотворение:

Акмеист здесь есть Минаев
все препятствия сминает,
просто, братцы, съел собаку
на различных ти-тикаках.

(*Альбом* 2. Л. 100; *Титикака* – большое южно-американское озеро; намек на увлечение Минаева географической экзотикой). *Кан-Фун* – «Канструктивизм-Функционализм» – название книги и метонимическое наименование поэта Алексея Николаевича Чичерина (1897–1960).

Т. Н. Варвинской («*Тася, в день твой именинный...*»). – Печ. по: *Откл.* Адресат не установлен; судя по тексту, Варвинская – первая (до Г. Александровской) жена или приятельница брата Минаева. *Комдир* – искаженное «командир». В московских адресных книгах значится единственный *Гинч-Петрое* – Анатолий Павлович, врач.

Н. П. Зигель («*Что написать могу для Вас...*»). – Печ. по: *Откл.* Вероятно, адресат – Надежда Платоновна Зигель (1900–1970-е) – служащая, мать математика Ф. Ю. Зигеля, арестованная в 1920 году по обвинению в контрреволюционной деятельности (указано Г. Г. Лукомниковым).

Е. П. Павлову («*Я светлой мыслью сердце ра-*

дую...»). – Печ. по: *Откл.* Об адресате.

Б. М. Зубакину (*«Теребя пушистый бакен...»*). – 88Ст. Печ. по: *Пена*. Дата по: 88Ст. Зубакин Борис Михайлович (1894–1938) – поэт и философ. О нем см.: Немировский А. П., Уколова В. И. Свет звёзд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. ...*Изреки экспромтом фразу...* – намек на исключительный талант импровизатора, свойственный Зубакину. Среди бумаг Минаева сохранилось четверостишие, написанное рукой Зубакина:

МИНАЕВУ

Тебе завидую, мой друг, я с давних пор,
Как ценят твой ритмический узор! —
Смотри: в твоих строках оставила цензура,
Все опустив слова – одни твои цезуры!

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 394).

«Обмануть не может темнота...». – БТемр1; 75Ст; Лир2: СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 75Ст.

И. А. Белоусову. Надпись на книге (*«Кто был душою молодым...»*). – 88Ст. Печ. по: *Побстр*. Белоусов Иван Алексеевич (1863–1930) – поэт. В его архиве сохранились автографы двух ранних стихотворений Минаева (РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 1291).

Д. Д. Благому (*«В сердце вспыхнул порыв бла-*

гой...»). – Печ. по: *СрБр2*. Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед. В юности писал стихи (см., например, исключительно модернистское стихотворение «В городе» («Раскрыло небо алый зонт...»; Златоцвет. 1914. № 1. С. 10)) и, в частности, выступал с их чтением во Всероссийском союзе поэтов 29 марта 1928 года вместе с Н. Кугушевой, М. Ямпольской и Н. Савкиным; см. гектографированную повестку: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 276.

«О, моя земная Муза...». – Ст21–51; *Лир2*; 75Ст. Печ. по: *Пена*. Дата по: 75Ст. Адресат неизвестен.

«Как всегда безудержно мечтая...». – *ЭкзСт*; *БТепр3*; *Балл*. Печ. по: *Лир2*. Я добрался нынче до Китая / Поскорее чем товарищ Шмидт. – Намек на знаменитый перелет по маршруту Москва – Пекин – Токио, предпринятый группой летчиков под руководством Исайи Павловича Шмидта (1896–1975) летом 1925 года. *Гаолян* – вид сорго, зерновой культуры. Чжан Сюэлян (1901–2001) – военный правитель Маньчжурии. Чжан Цзолин (о нем см. 703) – его отец. Аньфу – китайская политическая партия, добивавшаяся политического сближения с Японией. У Пэйфу, Чан Кайши. Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – советский дипломат; на момент создания стихотворения – старшина дипломатического корпуса в Пекине. Сун Чун-Фан – китайский маршал. Дуань Цижуй. Вей-

хайвей (ныне Вэйхай) – городской округ в Китае.

Баллада об алиментах (*«По возможности без литературческих фраз...»*). – ПривГор. Печ. по: *Поэмы*. Стихотворение было изъято цензурой из разрешенного к печати (но невышедшего) сборника Минаева «Экзотические стихи» (наборная рукопись: РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579). *Госмыт* – вероятно, созданное по аналогии с обычными советскими аббревиатурами, но не существовавшее название. *«Ордер на мир»* – книга А. И. Безыменского (М. – Л. 1926). *Возмущается ужасно поведением Чемберлена*. – Чемберлен Джозеф Остин (1863–1937) – на тот момент – министр иностранных дел Великобритании; регулярный объект инвектив советских пропагандистов. Чтение «Баллады об элементах» было, вероятно, одной из причин первого ареста Минаева; ср. его показания в следственном деле: «В марте 1928 г. я читал на одном из академических вечеров Союза поэтов одну из своих сатир: не то «Разговор редактора с поэтом», не то «Балладу об алиментах». После того, как я прочел свою сатиру, начались прения среди присутствующей публики. Небольшая группа человека в 3–4 высказалась резко против моей сатиры. Смысл их выступления сводился к тому, что моя сатира антисоветская, и что читать ее в Союзе поэтов не следует. В мою защиту выступил зав. академ. сектором А. Н. Чичерин,

заявивший, что он и Союз поэтов не считает мои произведения антисоветскими, что я выступал с чтением их неоднократно, в присутствии коммунистов и даже специально, на комсомольском вечере в д<оме> печати» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3).

Рецензия («С чувством ужаса тупого...»). – Эпигр; *СрБр2*. Печ. по: *Побстр*. Распространенность фамилии не позволяет однозначно определить адресата; возможно, им был рапповец из Азербайджана, позже напечатавший книгу: Попов А. За пятилетку, за революцию. Баку. 1931 (скудные биографические данные о нем приводятся в предисловии к этой книге).

«Единственное счастье у меня...». – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«Как мог я – безумный – поверить, что ты виновата?...». – Лир1, Лир2; 75Ст; *Побстр*. Печ. по: Ка-меи. Дата по: Лир2. Д. В. Полищук обратил наше внимание на явную перекличку этого текста со стихотворением Мандельштама «За то, что я руки твои не сумел удержать...».

«К терпению, о Муза, себя приучай!...». – ПривГор; СовСт. Печ. по: СамЛюб. Дата по: ПривГор. При мысли о литературном собрании, возглавлявшемся дамой в 1926 году, на ум прежде всего приходят «Никитинские субботники», но этой атрибуции противоречит и факт взаимной приязни Никитиной и Минаева

и то обстоятельство, что 4 октября было понедельником.

Товарищи (*«Товарищи, товарищи, сюда!...»*). – ПривГор.

«О эта нежность к бытию...». – Петр1; 75Ст, Лир2; СовСт; По8стр. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир2.

«Я не клонил пред чувством головы...». – Лир1, Лир2; 75Ст; СовСт: Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 75Ст.

М. А. Тарловскому (*«Я не хотел в «Прохладе», Марк Тарловский...»*). – ПривГор. Печ. по: По8стр. Тарловский Марк Ариевич (1902–1952) – поэт. Он посвятил Минаеву стихотворение «Стихи» («Великолепные стихи...»); Тарловский М. Молчаливый полет. Составление, подготовка текста, послесловие и комментарий Е. Витковского и В. Резвого. М., 2009. С. 241) и преподнес ему экземпляр своего сборника «Иронический сад» с инскриптом:

Пустыня ропщущая тени —
Вот мир поэзии земной;
Шакалий вой и визг гиений
И над тобой и надо мной.
Так пусть же славная прохлада
Сквозь заграждение и гнет
Из иронического сада
Успокоительнодохнет

(копия рукой Минаева//ГЛМ. Ф. 383.Оп. 1.Едхр. 133.Л. 1; указано В. Резвым).. *резвостью орловской...* – вероятно, намек на породу верховой лошади «орловский рысак», хотя возможно, что слово взято просто ради изысканной рифмы.

Маяковскому («*Сажённый рост, фигура Геркулеса...*»). – *БТепр3: ПривГор; Пена*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ПривГор*. Эпиграф – из ст-ния Маяковского «Сергею Есенину» («Выушли, как говорится, в мир иной...»)...*мой однофамилец...* – Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) – поэт-виртуоз, неоднократно упоминавшийся Н. Н. в качестве дальнего (в том числе по поэтической линии) предка.

«*Нам не надо – мы не в Полинезии!...*». – *БТепр1*, Балл; *Лир2; СовСт: ТЯмбы; СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Лир2*.

«*Автор безжалостный сей...*». – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Адресат эпиграммы может быть установлен только предположительно: возможно, это – Максим Яковлевич Жижмор (1888–1936), автор пьесы «Бетховен» (М.-Л., 1927); дополнительно в этом убеждает упоминание «драматурга» в следующем стихотворении (датированном тем же днем) и факт, что в обширной литературе о Бетховене (см.: Старцев И. Советская литература о музыке. 1918–1947. Библиогра-

фический указатель книг. М., 1963. С. 208–212) пьеса всего одна – упомянутая. С другой стороны, подавая заявление о приеме в члены «Литературного особняка», Р. И. Колумбов анонсировал «Литературную работу на тему «Бетховен»» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 67), о тексте и содержании которой сведений у нас не имеется.

«Ведь музыка мудрей чем все науки!...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Тема и герой явно связаны с предыдущим стихотворением.

Поэтам (*«Пусть слова поэзии крылаты...»*). – Лир1; Лир2; 75Ст: СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир2.

«О, пролетарии всех стран!...». – СрБр1 (указано в оглавлении, но лист со стихом утрачен); БТемр3. Печ. по: ПривГор. Адресат эпиграммы – Морской (наст. фам. Малышев; 1897–1956) Дмитрий Иванович – поэт. Уроженец села Сапожкино недалеко от Бугуруслана, сын батраков. Посещал литературный кружок Бугуруслана, в 1922 году – студент рабфака Самарского университета, участник ультрапролетарских литературных журналов. С 1923 года – студент Брюсовского института (одобренный, по семейному преданию, на экзамене самим родоначальником); по приглашению Есенина, но без удовольствия выступал в «Стойле Пегаса»; участвовал в деятельности «Никитинских субботников»; был собеседником Горького;

выпустил несколько книг стихов; был арестован; провел в тюрьмах и лагерях больше десяти лет. О нем см.: Васильев Л. Г. Дмитрий Морской. Саранск. 1964. Имеется в виду его монументальное неоконченное произведение; ср.: «Основную часть времени поэт отдавал тогда <1923–1925> работе над романом в стихах «Буран». В 1925 году первый вариант произведения был закончен. В нем насчитывалось свыше четырех тысяч строк. <...>. Дмитрий Иванович не раз возвращался к этому роману, выправляя и отделявая его. Но произведение так и осталось незавершенным из-за трагически сложившейся судьбы поэта» (Васильев Л. Г. Дмитрий Морской. Саранск. 1964. С. 22–23).

«Длинней чем Марксов «Капитал»...». – СрБр1 (указано в оглавлении, но лист со ст-нием утрачен); *Эпигр*; СрБр2. Печ. по: *Повстр*.

«Сразу видно он – Морской...». – *Эпигр*; СрБр1. Печ. по: СрБр2.

С. 257. *«Погнавшись за мировой славой...»*. – СрБр1 (указано в оглавлении, но лист со ст-нием утрачен); БТетр3. Печ. по: СрБр2.

П. А. Радимову («Я для тебя, Вадимов Павел...»). – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Радимов Павел Александрович (1887–1967) – художник и поэт. «Своею собственной рукой» – цитата из «Интернационала». *Гекзаметр древний...* – существенная часть сти-

хов Радимова написана гекзаметром.

«Ты пришла несвоевременно...». – Эпигр. Печ. по: Откл.

«Было ясно мне, что Шурочка...». – Эпигр. Печ. по: Откл. Адресат неизвестен.

«К родной поэзии влеком...». – ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор. Уткин Иосиф Павлович (1903–1944) – советский поэт, переживавший в начале 1927 года стремительный расцвет славы; постоянный объект насмешек и пародий Минаева. Москва не Тула и не Тверь... – Уткин родился в маленьком поселке Внутренней Монголии; юность провел в Иркутске; и для его апологетов и для Минаева равно чувствительно (хотя и по разным причинам) его провинциальное происхождение.

Сон и явь («Писатель Свирский видел сон...»). – ПривГор. Печ. по: Пена. Свирский Алексей Иванович (1865–1942) – писатель и литературный администратор; заведующий Домом Герцена и рестораном при нем. Петерсон Рудольф Августович (1897–1937) – начальник охраны Московского Кремля. Сегодня ж прогоню... – В 1927 году Всероссийский Союз Поэтов вошел в полосу неудач, закончившуюся в 1929 году его закрытием... МАПП – Московская Ассоциация пролетарских писателей.

А. Ф. Струве. Надпись на книге («Ах, Александр Фи-

липпыч Струве...»). – СрБр2. Печ. по: *Повстр.* Струве Александр Филиппович (1874–1934) – поэт, музыковед, теоретик искусства. ...из *Вашей азбуки игру «ее»*... – вероятно, подразумевается книга Струве «Азбука в стихах» (М., 1918); полной уверенности мешает факт категорической недоступности ее экземпляров.

Разговор редактора с поэтом («*Был четверг... Зимний день в дымных сумерках мерк...*»). – *Прив-Гор* (подзагл.: «Поэт и редактор»). Печ. по: *Поэмы.* К тексту присоединено два примечания: датирующее (««Разговор редактора с поэтом» написан в марте 1927 года в Москве») и текстологическое: ««Разговор редактора с поэтом» – глава из «Трагической поэмы без названья» (600 строк), написанной в Москве, в марте 1927 г. и конфискованной ОГПУ в августе 1929 г. Начиналась она так: -

Вам, товарищи, граждане и господа,
Предназначены строки правдивые эти
В них поведаю я как случилась беда,
О которой не упоминалось в газете.

Как всегда величаво, отнюдь не в бреду,
Языком не казенным и ритмом богатым,
Я сегодня в анапестах речь поведу
О поэте, редакторе и о рогатом».

Эти же восемь строк Минаев включал в сборники в качестве самостоятельного произведения («Вступление к “Трагической поэме без названия”»; *ПроСт*). В следственном деле Минаева сохранился пересказ утраченной впоследствии поэмы:

«Среди имеющихся у меня поэм есть поэма, называемая "Трагическая поэма без названия". Содержание ее таково: редактор одного из журналов по фамилии Кегельбан, ничего не понимающий в поэзии, разговаривает с поэтом Некрасиным о стихах. Отвергая его лирику, он рекомендует ему писать, как пишет крестьянский поэт Растать. Некрасин уходит от него в удрученном состоянии, и т. к. неприятие его стихов послужило каплей, переполнившей чашу его неудачно сложившейся жизни, кончает самоубийством. Перед смертью он пишет письмо черту, прося его отомстить редактору. Черт является ночью к редактору на квартиру. Между ним и редактором происходит разговор, где редактор говорит совсем другое и оправдывается. Черт не хочет принять во внимание его извинения. Он вызывает из соседней комнаты жену редактора и заставляет ее съесть своего мужа. Затем черт проводит с ней ночь и наутро исчезает, влезши в бутылку.

Отрывок из разговора черта:

Из редакторов скверных ты самый плохой:
Ты печатал Растатей, Чивик и Дречеек,
Ты наполнил лирической трухой
Библиотеки всех комсомольских ячеек.

Громовержец со слабыми, с сильными трус,
Лил ты воду на мельницу Херов и Юзов,
Ты трудящихся портил в зародыше вкус
Ты кормил ерундой членов всех профсоюзов

Ведь меня все равно не разжалобить чохом»

(цит. по копии: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 11–12). Поэму Минаев декламировал, в частности, в салоне Л. Кирьяковой, один из посетителей которого упоминал об этом в официальных показаниях: «Минаев Н. Н. читал у Кирьяковой свою поэму о поэте, редакторе и черте, в которой главная идея была о запрете течений политики некоторых редакторов Главлита» (Показания А. И. Бенедиктова лета 1927 года // Центральный архив ФСБ; разыскано И. Г. Девятьяровой). Стихотворение было изъято цензурой из разрешенного к печати (но невышедшего) сборника Минаева «Экзотические стихи» (наборная рукопись: РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579). Орешин Петр Васильевич (1887–1938) – поэт крестьянского направления.

Рукавишникову И. С. («Иван Сергеич, милый! Не

жалей...»). – *ПривГор* (под заглавием «Юбилейное приветствие»). Печ. по: *Пена*. Дата по: *ПривГор*. Автограф сохранился в архиве адресата: ИМЛИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 74. ...*нынче твой справляют юбилей...* – В 1927 году Рукавишникову исполнилось 50 лет.

А. М. Чачикову («Александр Михайлыч Чачиков...»). – %8*Ст*. Печ. по: *Побстр*. Чачиков Александр Михайлович (1893–1941) – поэт. «*Чай-Хане*» – книга его стихов (М., 1927).

К. Н. Лавровой («Товарищ Клавдия Лаврова...»). – Печ. по: *СрБр2*. Лаврова Клавдия Николаевна (1892 – после 1957) – поэт. В архиве ЛИТО Наркомпроса отложилась ее краткая автобиография: «Лаврова Клавдия Николаевна. Лектор Центральной Литературной Студии Всероссийского Пролеткульта, лектор Литературной студии в клубе имени Свердлова. Училась 7 лет на историческом факультете Московских Высших Женских Курсов. Печатала статьи и стихи в журналах «Твори», «Горн», «Общее дело», «Агитроста». Кандидат партии Р. К. П.» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 22. Ед. хр. 70. Л. 18 об.). Экземпляр «Прохлады», подаренный ей, находился в собрании П. Васильева (см.: Молодяков В. Э. *Bibliophilica*. М., 2009. С. 273). 26 августа 1919 она вписала в альбом Минаева стихотворение:

Под синим пологом тумана

Луга уснули в сенокос,
И день стал меркнуть слишком рано
Под синим пологом тумана.

И повилика пахнет пряно,
Сзывая к ночи пьяных ос.
Под синим пологом тумана
Луга уснули в сенокос.

(Альбом1. Л. 52).

Надпись на книге. Л. В. Кирьяковой («Госпожа Кирьякова!...»). – БТетр3; ПривГор; Пена. Печ. по: Уф-Ст2. Дата по: ПривГор. Кирьякова Лидия Васильевна (?-1943) – журналистка, писательница; организатор кружка «Зеленая лампа», впоследствии разгромленного ГПУ (см.: Виноградов Владимир. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты»// Независимая газета. 20 апреля 1994. № 74 (750). С. 5). Во время первого ареста Минаева, в частности, допрашивали и в связи с этим делом: «В конце 26 или начале 27 г. в квартире доктора Томашевича я познакомился с Кирьяковой Лидией Васильевной. Я слышал, не помню от кого, что у нее собираются какие-то литераторы, и что эти собрания носят название «Зеленой лампы». Приглашала ли меня Кирьякова на вечера «Зеленой лампы» – ответить затрудняюсь [т. к. забыл]. У Кирьяковой я бывал всегда по ее <пропуск

в копии> специальному приглашению. <...> Я читал там свои сатиры» (цит. по копии: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 12). После суда и высылки в Архангельскую область Кирьякова неоднократно обращалась с просьбой о помиловании в ОГПУ:

«Постановлением Коллегии ОГПУ в июле 27 г<о-да> я была выслана вместе со своей 18 летней дочерью из Москвы в Архан<гельскую> губ<ернию> по обвинению в организации антисоветской группировки с целью пропаганды. Поводом для такого обвинения послужили литературные вечера, кот<орые> у меня бывали.

Ходатайствую о помиловании за себя и за дочь, так как вечера эти носили исключительно литер<атурно>-худож<ественный> характер. Бывали на них мои знакомые писатели – беллетристы и поэты (фамилии их известны следователю) и читали свои произведения до их напечатания. Все прочитанные у меня вещи были напечатаны, за исключ<ением> «Царскосельские ночи» А. Бенедиктова, москов<скими> изд<ательства>ми или поставлены на сценах москов<ских> театров. Все произвед<ения> поэтов, если и не напечатаны, то неоднократно читались в Союзе Поэтов, в худож<ественной> Академии и в Доме Просвещения.

Насколько мне известно, никто из бывавших у меня

никаким админист<ративным> воздействиям не подвергался и находятся на своих служебных местах.

Никаких политических разговоров на вечерах не велось. По своим личным склонностям и по своему образованию я жила исключительно интересами худож<ественной> литературы и искусства, не соприкасаясь совершенно с политической жизнью. Я все время честно работала, и у меня на моей совести нет никаких темных проступков против Сов<етской>

власти» (http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000865.pdf). Возможно, экземпляр «Прохлады» был отправлен ей в ссылку: по крайней мере, 6 июля 1927 года она возвращала его из Вологды дарителю, прося внести коррективы в инскрипт:

«Поэт Н. Н. Минаев, возвращаю Вам Вашу книгу «Прохлада» для переделки надписи на ней в таком виде: «Г-жа К-ва не зовите всякого, чтоб не знать тоски» и дальше.

Л. Кирьякова»

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 1).

«Не далекая и не чужая...». – Печ. по: *ПроСт.*

С. А. Апраксиной («Для безмозгой головы...»). – Печ. по: *СрБр2*. Апраксина-Лавринайтис Софья Александровна (1885 – после 1939) – писательница, напечатавшая несколько драм под псевдонимом «Сергей Мятажный».

«Я не сдаю в архивы Госиздата...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Пяст Владимир Алексеевич (1886–1940) – поэт. Мина – неустановленное лицо. Стихотворение написано в гостях у Е. Ф. Никитиной.

«Мы – советские работники...». – Печ. по: Откл...в гостях у Евдоксии!.. – Т. е. у Е. Ф. Никитино.

«Вопреки ленивым толкам...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт; ТЯмбы. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1.

«Так просто все: сначала...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1.

«Пусть мило улыбнулась ты сначала...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи (вар. стр. 12: «У твоего разбрызгалась плеча»). Печ. по: СамЛюб. Дата по: Лир2. Классическое имя красоты... – Вероятно, Елена: имя, поставленное в посвящении «Прохлады».

«Увяла роза данная тобой...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: Лир1.

«Эта ночь – ее я не забуду!..». – Лир1, Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: Лир1.

Ф. Н. Кашинцеву («Пишу сие за кружкой пива...»). – Печ. по: СрБр2. Кашинцев Федор Нестерович (?-1929) – поэт-сибиряк, автор ультрадекадентского («Работа челюстей моих / И алчность чрева Зоофага») сборника стихов «Боли сердца» (СПб., 1911), организатор ордена дерзо-поэтов, участник «Литературного особняка». В альбом Минаева он за-

писал:

«Из «Науки Дерзких»
Я Император Солнц Несчетных,
Фельдмаршал Армии Миров,
Поэт Свершений Звездочетных,
Монарх всех мыслящих голов.

Федор Кашинцев

19 августа 192 <sic>» (Альбом1. Л. 23). Некоторое время провел в Турции, где, в частности, издал книгу: Кашинцев Ф. Дерзо-коран. Константинополь, 1924. В середине 1920-х годов вернулся и был вновь принят в «Литературный особняк»; ср. в протоколе заседания 16 октября 1926 года: «О возвращении из заграницы Ф. Н. Кашинцева (доклад В. П. Федорова). Кооптировать в члены правления и просить сделать доклад о его книге «ДЕРЗО-КОРАН» и отношении к этой книге зарубежной прессы» (ГАРФ. Ф. 393. Карт. 81. Ед. хр. 69. Л. 141). Ср. в биографической справке из коллекции Е. Ф. Никитиной: «Был членом кружка поэтов и критиков «Литературный Особняк» (до 1928 г. членом правления и зам. председателя), членом Веер. Союза Поэтов и др. организаций. Организовал орден «дерзо-поэтов». Работал в Р. К. И., в М. Сконч. 23 мая в М. Похоронен (25/5) на Дорогомиловском кладбище» (РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 49). См.

также: Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М., 2014 (ук.).

Н. С. Гринвальд (*«Ты целый день в Мострикотаже...»*). – Печ. по: *Откл.* Биографическими данными об адресате не располагаем, за кратким исключением: в записной книжке Минаева (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 8) значится: Гринвальд Надежда Сергеевна. Каретная-Садовая, д. 11.

С. Д. Федоровой (*«Я сегодня вместо роз...»*). – Печ. по: *Откл.* Об адресате известны только минимальные данные: Федорова Софья Дмитриевна. Советская пл., бывш. гост. «Дрезден», ком. 40 (значится в записной книжке Минаева // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 25).

«Я вижу, я чувствую, я сознаю...». – Лир1; Лир2; 75Ст; По8стр. Печ. по: *Камеи*. Дата по: Лир1.

«В наше время катастроф...». – Балл; Лир2; СовСт. Печ. по: УфСт2. Дата по: Лир2. *Готтентоты* – народность юга Африки.

Самодержец (*«Париж пленен чарльстоном и туманом...»*). – БТепр1, Лир2; 75Ст. Печ. по: *Пена*. Дата по: Лир1. Фош Фердинанд (1851–1929) – французский военный деятель; Пуанкаре Раймон (1860–1934) – премьер-министр Франции; Бриан Аристид (1862–1932) – премьер-министр и министр иностранных дел Франции. Вероятно, герой стихотворения –

Великий Князь (а по мнению многих – и Император) Кирилл Владимирович (1876–1938). Тогда *Вики* – его жена Великая Княгиня Виктория Федоровна (1876–1936). Известен эпистолярный отзыв: «Р. С. Ваш «Самодержец» мне нравится» (письмо М. Тарловского от 24 мая 1928 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 1).

Б. А. Садовскому («*Вам, поэт-нижегородец...*»). – Печ. по: *СрБр2*. О родственных и творческих взаимоотношениях Минаева и Бориса Александровича Садовского (1881–1952); см. также комм. Т. В. Анчуговой в кн.: Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 545–547. Из их, вероятно, обширной переписки сохранилось одно письмо Садовского: «Я распродаю свою библиотеку. Если хотите, приезжайте или присылайте кого-нибудь из Ваших знакомых. Есть книги редкие и с автографами. Только предупреждаю, что я дешево не продам» (14 марта 1931 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1).

А. И. Худяковой («*Вы среди дешевой канители...*»). – Печ. по: *Откл.* Худякова Анна Ипполитовна (урожд. Громека), жена профессора Сельскохозяйственной академии Н. Н. Худякова (ср. в воспоминаниях о домашнем быте профессорского кружка: «Хозяйка дома – Анна Ипполитовна Худякова – отличалась широким гостеприимством и придавала этим вечерам уют, тепло, создавала атмосферу искреннего

радушия» (пересказ воспоминаний Е. Б. Криль; приводится по книге: Балязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С. 169–170)). Минаев и Б. Садовской входили в ближайший круг ее общения около 1927 года; тогда же последним была создана монументальная «романтическая эпопея» «Нэти», посвященная Худяковой и построенная на кружковых шутках и преданиях. Каждой главе «Нэти» предпосланы эпиграфы из стихов Минаева (см.: Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 374–383). Последние встречи Минаева с ней фиксируются в середине 1930-х; ср. в письме Н. П. Хабиас-Оболенской к нему: «Милый друг, Николай Николаевич, не только я, но и Анна Ипполитовна, и Иван Васильевич Грузинов были бы рады Вас повидать и поговорить с Вами. Нехорошо так забывать своих друзей» (письмо 15 марта 1934 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1).

Пленум ЦК ВКП (б) (*«Являя миру новые манеры...»*). – *БТемр1. Лир2; 75Ст; Пена*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Лир2*. Минаев кратко пересказывает сюжет объединительного Пленума ЦК ВКП (б), проходившего 29 июля – 9 августа 1927 года. Здесь, в частности, строго осуждалось нарушение партийной дисциплины, допущенное Г. Зиновьевым и Л. Троцким. ИККИ – Исполнительный комитет коммунистического интернационала; председателем его в 1919–1926 годах

был Г. Е. Зиновьев; заместителем председателя – Н. И. Бухарин.

А. А. Чумаченко (*«Да, милая Ада Артемьевна, да!...»*). – Печ. по: *СрБр2*. Чумаченко Ада Артемьевна (1887–1954) – поэт. Их встречаю в 1927 году способствовало желание Чумаченко вступить в члены «Литературного особняка», которое она изъявила в заявлении 15 августа 1927 года (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 52). Узнав о ее смерти, Минаев писал жене: «Твое сообщение о смерти А. А. Чумаченко с прискорбием принял к сведению. Как ты знаешь, я у нее бывал и мы были с ней в хороших отношениях. Она была еще не так стара, всего лет на 5–6 старше меня и с виду довольно здорова» (письмо 14 мая 1954 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 4 об.).

С. А. Богадуrowой (*«Скажу Вам правды не тая...»*). – *СрБр2*. Печ. по: *Повстр*. Богадуrowа (Богодуrowа) Софья Александровна – жена Минаева. Биографических сведений о ней известно немного: уроженка Нижнего Новгорода, племянница Б. А. Садовского (дочь его сестры Натальи Александровны). В начале 20-х годов она переехала в Москву в надежде на протекцию дяди в театральном мире: «Милый дядя Боря. Меня постигла неудача. Мейерхольда не будет в Москве раньше октября. Адрес Собинова я узнала, напиши ему и пришли мне я схожу с твоим

письмом к нему. Он может устроить статисткой в какой-нибудь театр» (недатированное письмо // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 31). Она была знакома с Минаевым с первой половины 20-х годов (см. ее письма к нему: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 167); дальнейшие подробности см. на с. 599–601 наст. изд. Разошлись они в начале 1930-х (15 января 1930-го года М.Ямпольская, приглашая Минаева в гости, зовет и ее: «По общему желанию, собираемся в складчину, но в очень скромной сумме: по 50 к. с семьи, т. е. с тебя с Софьей Александровной всего полтинник. Если сейчас ты без денег, то отдашь после, но приходи обязательно. Будет графолог и мы устроим сеанс» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 16); в 30-е годы была репрессирована. Последний известный мне ее датированный документ – письмо к Садовскому 15 февраля 1934 года (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 39). О семье Богадуриных см.: Новиков И. В. Любимая моя тетя Настя // Нижегородский музей. 2004. № 7/8 (интернет-версия: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=8004_20). См. также превосходный генеалогический обзор семьи Садовских-Богадуриных: <http://forum.svrt.m/index.php?showtopic=4881>.

Дизе Худяковой («Чтобы жизнь была конфеткой...»). – Откл. Печ. по: *Побстр.* Вероятно, адресатства – дочь А. И. Худяковой и Н. Н. Худякова. Раи-

са Дмитриевна Фиксен, судя по другому стихотворению – ее няня. Вероятно, она же упоминается в поэме «Нэти» Б. Садовского: «Она, коль попросту сказать, / Раисой Хитровой зовется. / Из тонких губ ее слегка / Яд незаметной струйкой льется, / И змейка вместо языка, / Как жало розовое, вьется. / Окультной мудрости она / Когда-то в Киеве училась / И очень много добилась»; «Раиса Хитровна потом / Окончила пять факультетов, / Вполне освоила санскрит /Ив обществе друзей-поэтов / На нем свободно говорит» (Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 380–381).

К. К. Барсову (*«Передо мной встает картина...»*). – 88Ст. Печ. по: *Повстр.* Барсов Константин Константинович (1889–1938) – инженер, заведующий сетью труб Московского городского водопровода, заведующий бактериологической лабораторией Рублевской водонасосной башни; художник, скульптор-любитель. Расстрелян. Упоминается в поэме Б. Садовского «Нэти» среди посетителей салона А. И. Худяковой: «Пред ними кажется ребенком / Ваятель Фарсов: черный ус, / Японский лоб и вкусный голос. / Пух на челе его, не волос» (Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 383).

Б. А. Садовскому (*«Не говори: «Печальный дан...»»*). – Печ. по: *СрБр2*. Сюжет стихотворения строится вокруг досадного происшествия, о котором

несколько лет спустя Садовской рассказывал В. Н. Орлову, отвечая на вопрос о принадлежавшем ему автографе Блока: «Стихотворение Блок написал мне в альбом зимой 1913 г., снабдив его датой 1905. Альбом был украден у меня вместе с чемоданом в Москве на вокзале осенью 1927 г. Поэтому я и поспешил напечатать стихи, разумеется, по памяти, но за буквальную их точность могу ручаться» (письмо от 29 июля 1935 // РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1). В шуточной поэме Садовского «Нэти» чемодан крадет сам Минаев, точнее, Линяев, которому он послужил прототипом.

М. В. и Н. Ф. Шемшуриным (*«Пусть исчезли те года...»*). — Печ. по: Откл. Шемшурины Мария Викторовна (1878 —?) и Николай Федорович (1875—1932) — историки, теоретики и практики народного театра. Сохранилось несколько рукописных афиш домашних спектаклей Шемшуриных; Минаев принимал участие в представлении 7 июля 1909 года (вместе с сестрой Ниной играл Снежинок и детей крестьянина в постановке пьесы Н. А. Кирпичниковой «Снежинка») (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 289); 27 июня 1908 («Снежная королева»; ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 291); 2 августа 1909 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 293), но среди обследованных афиш нет ни одной, где упоминался бы поваренок.

Б. А. Садовскому (*«Вам, дядя Сони, Вам, поэт...»*). – Печ. по: *Откл...дядя Сони...* – Т. е. С. А. Богодуровой (Богодуровой), жены Минаева.

Девочке – воспитательница (*«При поддержке бога Браммы...»*). -Печ. по: *Откл.*

Б. А. Садовскому (*«На эти строки нежно глядя...»*). – Впервые: Садовской Б. Морозные узоры. М., 2010 (публ. Т. В. Анчуговой). С. 394–395. Печ. по: *88Ст...к Соне проглядел.* – Т. е. к С. А. Богодуровой. *Твоей поэмой...* – Вероятно, имеется в виду шуточная поэма «Нэти», построенная на обстоятельствах жизни дружеского кружка, собиравшегося вокруг Садовского (см.: Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 374–393).

«Ее стихи не ерунда...». – *Эпигр; СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*. Вероятно, посвящено В. Инбер, поскольку содержит аллюзию на ее стихотворение «Египет» (*«Сюда в музей меня влекут...»*); ср.: «И мы узнали бы тогда / Отстой тысячелетних злаков / И вкус упорного труда, / Который всюду одинаков» (Инбер В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1965. С. 123).

«Слегка полна, чуть-чуть томна...». – *СрБр1, Эпигр*. Печ. по: *СрБр2*. Адресат неизвестен. Можно аккуратно предположить, что стихотворение посвящено Елизавете Яковлевне Стырской (1898–1947); о ней см.: *ЛБ*. Т. 1. С. 355–376. Ср., кстати, в воспоминаниях И.

Грузинова: «1925 год. Осень. Ранним вечером в моей комнате собрались поэты, издатели и одна московская поэтесса. Человек шесть. Все пришли случайно. Явился Есенин. Он был каким-то вялым. Молча сидел в кресле. Вид у него был усталый, измученный. Кажется, он только что пережил неприятные минуты.

Есенин был недоволен поэтессой: она почему-то ему не нравилась. Начал по адресу поэтессы говорить колкости.

– Не обижай ее, Сережа! Она – Есенин в юбке, – сказал я.

Есенин замолчал и оставил поэтессу в покое» (Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. М., 1926. С. 141). Если предположить, что Минаев был среди посетителей Грузинова, то эта формулировка может восходить к описанной реплике.

Разговор за шахматами («Пальмы... Пенистая брага...»). – Печ. по: *Откл. Федорага* – по мнению Т. Г. Анчуговой имеется в виду поэт В. П. Федоров; см.: Садовской Б. А. Морозные узоры. М., 2010. С. 547. Ада – согласно тому же источнику – возможно, Ада Владимиров. Обе эти версии представляются мне небесспорными.

Воспоминания Н. Н. Минаева («В будке теплой от трамвая... »). – По отдельному автографу: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 86; подпись «Ник-Ник-Мин». Стихо-

творение не включено ни в одну из автобиблиографий Минаева и не входило в его рукописные сборники, что оставляет некоторые сомнения в его авторстве (хотя почерк, которым оно переписано, бесспорно его).

«Знаю, что не сбыться по весне и...». – Балл, Лир2 (вар. стр. 12: «Я в главдядю запущу тарелкой»). Печ. по: Пена. Дата по: Лир2.

Дизе Худяковой («Меня ты, Дизя, не кори...»). – Печ. по: Откл. Рауса Дмитриевна – Р. Д. Фиксен. ... знакомства с Адкой. – См. выше.

С. А. Минаевой («Ты не будь девчонкой гадкой...»). – Печ. по: Откл.

«Не Нельдихен он даже по уму...». – СрБр1 (лист со стихотворением утрачен); Эпигр. Печ. по: СрБр2.

Е. И. Шадек («О, мадам-товарищ Шадек!...»). – Откл. Печ. по: Пена. Дата по: Откл. Шадек Елизавета Ильинична (по др. версии: Иосифовна) (1880-е – после 1938) – вероятно, имела отношение к литературе; сохранились ее письма к Е. Ф. Никитиной (РГА-ЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 237). Возможно, она – автор книги: «Макарка. Рассказ» (М. – Л. 1930). В 1937 году была арестована и сослана в Сибирь; просила о заступничестве Е. П. Пешкову (http://pkk.memo.ra/letters_pdf/002155.pdf) (указано И. Р. Петровым).

«Милая девочка! Радость моя...». – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

А. А. Альвингу («Алексеевич Арсений...»). – Печ.
по: *СрБр2*. Альвинг Арсений (Смирнов Арсений Алексеевич; 1885–1942) – поэт. 19 января 1923 года он
вписал в альбом Минаева стихотворение:

«В знак памяти о нашей второй встрече Николаю
Николаевичу Минаеву
Я не люблю стихов
Но ими я пленен.
О, груз моих грехов
От всех отъединен...
И вот хотелось мне бы,
Чтоб опустилось небо
Тоски – и к Вам в тетрадь
Чтоб Вы могли опять
Заставить задрожать
(Чуть приоткрывши дверцу)
Мое больное сердце,
Носящее печать
Медлительных стихов,
Раздумий и грехов,
Полуненужных слов
Разымчивых и нежных
И потому отраднo-неизбежных»

(*Альбом1*. Л. 2 об.). «Наденька» – повесть Альвинга
«Наденька Артенева» (М., 1928). Знакомство их будет
возобновлено в конце 1920-х годов, когда Альвинг

подаст заявление на вступление в общество «Литературный особняк» (14 марта 1929; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 72. Л. 181).

«Был вечер как вечер... Закат – как закат...». – Впервые: Литературный особняк. Второй сборник. М., 1929. С. 33–35 (вар.: ст. 15–18: «Я в сторону Музы лицо повернул / И слушал высокий прерывистый голос / Он смутною музыкой таял, звеня, / Он реял как образы в воображеньи: – »; ст. 23–26: «Вчера у ней на сердце было темно, / Сегодня тобою оно осиянно, / А завтра... О женское сердце!... Оно / Как зыбкое облако непостоянно»; ст. 52–53: «Но хрупкие руки мне шею обвили / И теплые губы коснулись моих»). Отдельный автограф (1951): ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 41. *Лир2; 75Ст; СовСт*. Печ. по: *Камеи*. Дата по отд. автографу.

М. И. Гиттерману (*«Михаил Гиттерман...»*). – *СрБр2*. Печ. по: *Повстр*. Гиттерман Михаил Исаевич (1895–1963) – поэт. С 1913 года жил в Одессе; с 1916 г. – вольнослушатель юридического факультета Новороссийского университета; позже учился на юридическом факультете Одесского университета и в сельскохозяйственном институте; редкий гость одесской литературной хроники (см., напр.: Багрицкий Э. Вечер Южного товарищества писателей // Известия (Одесса). 1923. 2 февр.). С 1926 г. жил в Москве. Автор единственной книги стихов (Гиттерман М. Лесная ке-

лья. Лирика. Книга первая. Одесса. 1922; о специфике ее предлагаю судить по цитате: «У меня прелестнейшая кошечка. / Ей одной – любви моей порыв. / Вот она взобралась на окошечко / и мурлычет, глазки прикрыв»; ср. ретроспективный взгляд в позднем инскрипте: «Милому Ивану Никаноровичу – отжившие стихи от живущего, к сожалению, автора. Михаил Гиттерман. 1 января 1938 г.». – Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. М., 1975. С. 149), эсперантист (судя по титулатуре и обложке книги: Gitterman M. Normigo. Skizo. Eldono «Ekrelo». 1936). Во второй половине 20-х годов – начальник отдела Всесоюзного Комитета стандартизации при Совете Труда и обороны, где работал Минаев (вероятно, принятый туда по его протекции), с 1938 г. – директор издательства «Международная книга», с 1946 г. – главный редактор Трудрезервиздата. Краткий очерк знакомства Гиттермана и его жены с Минаевым и публикация фрагментов их переписки: Топоровский Ян. Акмеистическое эхо // Окна. 1998. 14 мая. С. 12 (указано Р. Д. Тименчиком). Биографию его см.: Гехтлер Р. Прикасаясь к архивам // Мигдаль Times. Еврейский журнал для всех. 2001. № 9 (<http://www.migdal.ra/times/9/932/>); см. также: Фудим Д. Так было... Записки о войне. Одесская трагедия. Иерусалим. 2002. С. 212. Экземпляр с инскриптом находится в собрании Д. Фудима.

В. В. Вольтман («Ах, мимо дровяного склада...»). – *БТепр3*. Печ. по: *СрБр2*. Вольтман Варвара Васильевна (1901–1966) – поэт; биографию ее см.: *ЛБ*. Т. 1. С. 40–55. Чачиков А. (Чачикашвили Александр Михайлович; 1903–1941?) – поэт. ...*в Уланский переулок*... – московский адрес Варвары Вольтман – Уланский переулок, д. 24, кв. 6 (см., напр., ее личное дело в ГАБТ: РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 576). *Тарловский*. В следующей строке подразумеваются события, возможно, вызвавшие к жизни стихотворение Тарловского «Чудило», где от лица налетчика описывается нападение на поэта: «Он еще раз блевнул нутром / И шепнул: «У меня забота – / С самопишущим золотым пером / Возьми у меня листик блокнота. // Запиши мой последний стих, / Сочиненный мной по дороге, / И пошли его, ради всех святых, / В «Новый луч» или «Красные итоги»...» (Тарловский М. Молчаливый полет. Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. Е. Витковского и В. Резвого. М., 2009. С. 150–151; убедительная гипотеза принадлежит В. Резвому). *Боши* (от французского *boche*) – презрительное прозвище немцев.

«Милая, та ночь, когда мы будем...». – Печ. по: *ПроСт*.

М. И. Гиттерману («Скажу я Вам, пятная лист...»). – Печ. по: *Откл.*. Берлинский Борис Мар-

кович (1887–1950) – известный шахматист: «Одним из самых творчески интересных советских шахматистов, выдвинувшихся до революции, был одессит Борис Маркович Берлинский. В 1919 г. он сыграл много легких партий с находившимся тогда на лечении в Одессе будущим чемпионом мира Александром А Aleхиным. Потом Берлинский переехал в Москву и начал успешно выступать в чемпионатах страны и столицы. <.. > [О]н был глухонемым, говорил (если так можно сказать) грубым, хриплым шепотом, а понимал собеседника по движениям губ. Тем не менее он был приятным, интересным компаньоном с богатой внутренней жизнью. Особенно меня поражало, что, несмотря на глухоту, Берлинский был страстным любителем музыки и как в Москве, так и в Ташкенте всегда рвался на симфонические концерты и много и горячо «болел» за музыкальных знаменитостей того времени» (Панов В. Сорок лет за шахматной доской. М., 1966. С. 60). См. также: Романов И. Превозмогая невзгоды // 64. Шахматное обозрение. 1988. № 2. С. 26.

С. А. Минаевой (*«Ты очень любишь лошадей...»*). – Печ. по: *Откл.* О Софье Богадуrowой, жене автора. ..*дядя Садовской* – поэт Борис Александрович Садовской.

С. А. Минаевой (*«Не сердись, моя Сонюра...»*). – Печ. по: *Откл.*

«О, хлебороб и пролетарий...». – СрБр1; СрБр2.
Печ. по: *Повстр.* Елена Зарт – псевдоним писательницы Елены Сергеевны Носковой. Вероятно, имеется в виду ее текст, напечатанный в периодике или оставшийся в рукописи, поскольку в единственной ее книге («Восточные рассказы»; М. – Л. 1926) нет ни Паисия, ни Нектария.

М. Н. Кюнерту (*«Здесь на Сретенском бульваре...»*). – Печ. по: СрБр2. Кюнерт Макс (Гинценберг Макс Николаевич; 1896–1938) – поэт. Биографию его см.: Молодяков В. *Bibliophilica*. М., 2008. С. 251–256. 24 апреля 1928 года писатели обменялись экспромтами: Минаев написал в альбом Кюнерту печатаемое стихотворение и получил в ответ следующий текст:

АКМЕИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

*Милому Николаю Николаевичу Минаеву
оправдывающему вполне высокое
звание акмеиста*

Достоинств всех ее не перечислить;
Как в шахматной игре размеренны ходы,
И скупость образов и полновесность мысли
Недостижимы, мудры и просты.

В своих объятиях она познание сжала,

Стихи как караван идут, не торопясь —
Холодные как лезвие кинжала
И завершенные как острие копья.

24 апреля 1928 (Альбом 2. Л. 15).

Варя – по всей вероятности – Варвара Вольтман;
Соня – жена Минаева Софья Богадунова.

О Соне и Тане, их нежной дружбе, нижегородском сердцеде, судьбе-злодейке и проч. (*«Хоть подружки Соня с Таней...»*). – Печ. по: *Откл.* Соня – Софья Богадунова, жена Минаева; остальные герои и реалии стихотворения неопознаваемы.

Ю. Д. Гиттерман (*«Из Нижнего легко и притко...»*). – Печ. по: *Откл.* Открытка написана во время поездки в Нижний Новгород, анонсированной в предыдущем стихотворении; в этот приезд Минаев на правах родственника останавливался в доме Садовского (ср. адрес «Тихоновская 27» на адресованном Минаеву в Нижний письме М. Тарловского от 2 июля 1928 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 3). Адресат ее – Юдифь Давидовна Гиттерман (1899–1974; годы жизни списаны с могильной плиты на Донском кладбище), жена М. И. Гиттермана. Получив письмо с печатаемым стихотворением, она отвечала Минаеву: «Вашу открытку я получила и читая ее, я не только улыбалась, но хохотала много и от души. Смеялась я ее остроумию и находчивости. Сегодня мне особенно

жаль, что я не умею писать стихи и мне очень «стыдно» отвечать Вам на Ваши прелестные стихи обыкновенной прозой» (письмо от 30 мая 1928 года (год восстановлен по контексту) // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 1). *Где есть Рождественский бульвар.* – Адрес семейства Гиттерманов – Рождественский бульвар, д. № 22, кв. 10...самого Кан-Фуна... – Т. е. А. Н. Чичерина.

Надпись на книге. И. П. Сидорову (*«Из столицы прикатив...»*). – *БТетр3*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Бтетр3.Королеве* – деревня Борского района Нижегородской области.

С. Л. Забалуеву (*«В земном блаженствую раю...»*). – *Откл, Повстр*. Печ. по автографу из собрания С. А. Белякова (до стихотворения написано: «Сергею Лаврентьевичу Забалуеву», после – «9 июля 1928 г. Нижний Новгород»). Адресат – Сергей Лаврентьевич Забалуев (1884–1943), учившийся на медицинском факультете Московского университета (выпуск 1913 года), а позже работавший хирургом в больнице Нижнего Новгорода (арестован в 1937 году; умер в лагере в 1943); несколько его писем к родным опубликовано в сборнике: Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х годов в Нижегородской области. Кн. 1. Нижний Новгород. 1993; см. также: <http://lists.memo.ru/dl2/f494.htm>.

Песня (*«Мы мало дорожили...»*). – Печ. по: *Откл.* Биографический контекст см. в послесловии, с. 600–601.

А. А. Богадуrowой (*«Настя Богадуrowа...»*). – Печ. по: *Откл.* Богадуrowa Анастасия Александровна (1910–1995) – библиотекарь, свояченица Минаева. О ней см.: Новиков И. В. Любимая моя тетя Настя // Нижегородский музей. 2004. № 7/8 (интернет-версия: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=8004_20). *Сормово* – село рядом с Нижним Новгородом, ныне вошедшее в состав города; здесь в семье старшей сестры матери, Е. А. Скворцовой-Садовской, жила А. А. Богадуrowa. *Вникнув в дело папино* – намек непонятен; вряд ли имеется в виду мещанин Николай Минаев, умерший к 1904 году – отец поэта. Вероятнее, что речь идет об отце адресата – Александре Алавердиевиче Богадуrowe – латифундисте и просветителе. *Канавино* – город близ Нижнего Новгорода, с 1928 года вошедший в его состав. *Растяпино* – ныне Дзержинск, город в Нижегородской области.

С. 3 00–3 01. Надпись на портрете (*«Взглянув со вздохом на портрет...»*). – Печ. по: *Откл.*

Ю. Д. Гиттерман (*«Любуйтесь южною луной...»*). – Печ. по: *Откл.* ...кан-фуновский «пирог». – Кан-фун – поэт А. Чичерин; подразумеваются выпекаемые им

арт-объекты, знаменитые книги стихов в виде пряников (см. перечисление среди творческих достижений <<[в]ышедших отдельными оттисками в оригинальном материале, как напр.: конструкция «Авеки Веков», 1924 г. издание пряничное, вкусное, с обильным присутствием мяты; тема образована шоколадом; доска резана в Сергиевом Посаде; печатана и печена в количестве 15-ти штук в Моссельпроме, что у Мясницких ворот» (Чичерин А. Н. Кан-фун. Декларация. М., 1926. С. 5); см. также: Очеретянский А., Янечек Д., Крейд В. Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия. Сборник справочных и теоретических материалов. Книга 2. Н.-И-СПб., 1993. С. 239; ср. титулование его «пряничником» в письме Минаева к Гиттерман от 17 июля 1930 года (Топоровский Ян. Акмеистическое эхо // Окна. 1998. 14 мая. С.12, 14, 16).

«Как бы и куда бы я ни шел...». — БТемр1; Балл; Лир2; ТЯмбы. Печ. по: УфСт2. Дата по: Лир2...затмил бы Уткина талантом. — О поэте Уткине, бывшем регулярным объектом минаевской сатиры. *Я махал бы «лирикой волос»...* — намек на строки Уткина из стихотворения «Свидание»: «Как рад я, / Что к мирным равнинам / Так выдержанно пронес / И мужество гражданина, / И лирику женских волос...» (Уткин И. Первая книга стихов. М. — Л. 1931. С. 77).

Рассказ о культурном помзамзаве, о невежествен-

ной машинистке и о необычайном происшествии в Горсовнархозе или Торжество культуры («Я начну свое повествование...»). – *ПривГор*. Печ. по: *Поэмы*. Стихотворение было изъято цензурой из разрешенного к печати (но невышедшего) сборника Минаева «Экзотические стихи» (наборная рукопись: РГА-ЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 579). *Помзамзав* – помощник заместителя заведующего. *Горсовнархоз* – Городской совет народного хозяйства. *Язык богов* – т. е. поэзия. *Веймарский олимпиец* – Гете. *Ишь какой на редкость волосатый / И фамилия такая птичья*. – Подразумевается И. Уткин, см. выше. ...*Что же дали Вы эпохе, / Живописная лахудра...* – Из стихотворения И. Уткина «Стихи красивой женщине» (Уткин И. Первая книга стихов. М. – Л. 1931. С. 77). *Мопр* – Международная организация помощи борцам революции; *Осоавиахим* – Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству. Регулярное вспомоществование обоим демонстрировало политическую лояльность донора. *Ледокол «Малыгин»* – названный в честь знаменитого полярника ледокол (бывший «Соловей Будимирович») был в момент написания стихотворения на слуху, поскольку принимал летом 1928 года участие в спасении экипажа дирижабля «Италия». *Мапп* – Московская ассоциация пролетарских писателей. *Даже сам нарком по просве-*

щенью / *Анатолий Васильевич Луначарский...* – Вероятнее всего, подразумевается апологетическая статья Луначарского «Иосиф Уткин»: Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. Изд. 2-е. М., 1971. С. 488–493 (впервые: Комсомольская правда. 1927. № 42. 20 февраля. С. 5). *Примо де Ривера и Орбана Мигель* (1903–1936) – испанский политический деятель; в 1923–1930 годах диктатор, председатель правительства.

Ответ живописной лахудры И. Уткину («*Уткин, вирши Ваши плохи...*»). – *СрБр1; Эпигр; ПривГор; СовСт.* Печ. по: *Побстр.* Контекст и эпиграф – см. в комментарии к предыдущему ст-нию.

М. Ю. Окуновой («*Ах, Юльевна, ох, Мира...*»). – *88Ст.* Печ. по: *Побстр.* Биографических данных об адресате не имеется. Теоретически она может оказаться женой писателя Якова Марковича Окунова, знакомство Минаева с которым документально подтверждено; более того, живут они (Я. М. и М. Ю. Окуновы) в одном доме (Б. Гнездиновский, 10), хотя и в разных квартирах (сведения из записной книжки Минаева: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 19).

С. А. Минаевой («*Июльский день ленив и сладок...*»). – *Откл* (с подзаг.: «Надпись на открытке»). Печ. по: *Побстр.*

С. Е. Нельдихену («*Вот еще задача для моз-*

гов]...»). – СрБр2. Печ. по: *Подстр.* Нельдихен Сергей Евгеньевич (1894–1942) – поэт. О нем см.: Давыдов Д. Сергей Нельдихен: поэзия и репутация//Нельдихен С. Органное многоголосье. М., 2013. С. 7–28. Минаев участвовал в написании коллективного сонета, посвященного Нельдихену:

«КОЛЛЕКТИВНЫЙ СОНЕТ

Из антитез и тезисов окрошка,
Помилуй Бог вписать в такую дичь,
Мне этого, сознаюсь, не постичь,
Я человек, к несчастью, а не кошка.
Поднесь манифестанствует Сережка,
Сергей Евгеньич сиречь и остричь,
Дождусь ли я, чтоб малахольный хрыч
Был выдран 72-й Матрешкой.
А все ж таки он будет знаменит,
Над ним уже горит звезда скандала
И промежуточная обласкала
Таки его, и глас его звенит.
Но Нельдихена выслушав мы снова
Подходим к выступлению Степного.

Ми-ми-тар-пень-ско-тум.

(копия рукой Минаева; к тексту сделано примечание: «Написано на собр. «Ник. Суб.». Минихом, Минаевым, Тарловским, Пеньковским, Скосыревым и Туманным во время чтения Нельдихена.

Мои 3 и 4 строчки.

Н. Минаев» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1; имена всех соавторов, кроме Миниха (Александра Викторовича Маслова; 1903–1941) прокомментированы мною на соседних страницах)).

Надпись к плакату (*«Не чисть машину на ходу!..»*). – Печ. по: *Откл.* Первая строка стихотворения – дословно воспроизведенный текст «художественного многокрасочного иллюстрированного плаката» из серии «Техника безопасности» (см. рекламу и каталог серии на спинке обложки журнала «Вопросы труда». 1928. № 4). Остальные плакаты – «Работать пьяным не годится – несчастье может приключиться», «Берегись голых проводов», «Руками на ходу ремень не надевай» и т. д.

Е. Ф. Никитиной. *Записка («Триолеты – ерунда!..»)*. – *СрБр1; СрБр2*. Печ. по: *Побстр.* Захаров – вероятно, Н. Н. Захаров-Мэнский. Вопреки содержанию, стихотворение написано именно в форме триолета. Вероятно, сочинено на заседании «Никитинских субботников» (10 ноября в 1928 году падало на субботу).

Запись в книге посетителей (*«Хотя здесь все не очень ново...»*). – Печ. по: *Откл* (раздел «Экспромты»). Галунов Александр Андреевич – писатель, художник, искусствовед (по некоторым сведениям –

врач-психиатр, см.: Португалова В. Издатель начала XX века Валентин Португалов // Библиофилы России. Альманах. Том VI. М, 2009. С. 422; впрочем, в 1930 году, по данным адресной книги, он работал педиатром в Образцовой детской больнице Москвы); автор нескольких книг («Ad lucem. Стихотворения в прозе» (М, 1904); «Вереница этюдов» (М., 1907); «Книга мертвых» (М, 1911); «Обойденные» (М, 1914); «Сосуды скудельные» (М, 1910)) и итогового двухтомного неизданного свода стихов, отложившегося в РГА-ЛИ (ср. извлеченное из него автоописание: «Жизнь несется кометой, и снова/В море яви и пламенных снов: / Неразгаданно-странное слово: / Александр Галунов. // Откружили и сели метели, / Отсверкал зорь вечерних опал, / Дважды выпит на брачной постели / Хмельно-пенный бокал. // Спутан счет и стремнинам и мелям, / Позабыт Геликон, рощи муз, – / Я лечу в огневой перигелий / И назад не вернусь» (РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 4. Ед. хр. 86).

«Причащайся влагой жгучей...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.

В. К. Земляновой («Назначение поэтово...»). – 88Ст; ТЯмбы. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Землянова Валерия Константиновна – сотрудница Бюро «Литос» (где работал и сам Минаев) – организации, созданной на базе «Литературного особняка». Упомя-

нутый далее *Гиницисский* – в действительности Гинициский Герасим Михайлович (1903? – после 1929) – агент той же организации (см. его личное дело: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 75). *Волконский* – неустановленное лицо.

А. В. Владимировой («*Ленив, но грамматически не хром...*»). – *СрБр1, 88Ст.* Печ. по: *ПоНСтр.* Об адресате см. выше. «*Ливень*» – книга стихов Владимировой (М., 1929).

Т. М. Шах-Паронианц («*Скажу я Вам без лишних слов...*»). – *Откл.* Печ. по: *ПоНСтр.* Шах-Паронианц Тамара Михайловна – массажистка; главный источник сведений к ее ранней биографии – несколько писем к Минаеву (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1 Ед. хр. 238). Судя по ним, знакомство их произошло при посредстве ее брата Олега, умершего в начале 1930-х годов. В первом из сохранившихся писем (23 мая 1928) она подводит предварительный итог их отношениям: «С удовольствием вспоминаю проведенное время в Вашем обществе. Надеюсь, время летнего сезона пройдет быстро и вновь порадуете Вы нас новыми поэмами, которые все слушают с большим вниманием» (Там же. Л. 1 об.)...*немыслим без орлов...* – Шутка разъясняется в одном из недатированных писем Шах-Паронианц: она называет «орлом» своего кавалера – летчика, с которым познакомилась в Кисловодске. В

1950-е годы ее услугами пользовалась актриса А. А. Яблочкина, в архиве которой сохранилась значительная подборка писем Шах-Паронианц; по большей части они состоят из поздравлений (порою рифмованных – ср.: «От всего сердца Вам цветок, / Молюсь за здоровье, за талант, / Вы мой любимец, мой божок, / Вы возвышайтесь, как гигант». – РГАЛИ. Ф. 2304. Оп. 1. Ед. хр. 889. Л. 1); порою портившиеся отношения и возникавшая за ними экзальтированная переписка позволяет вычленить из корпуса несколько биографических подробностей об адресантке: «Я не считаю для себя допустимым перенести в 69 лет такое беспричинное унижение» (письмо 9 декабря 1956 года); «Работаю я по массажу 53 г., и, по словам всех знающих меня врачей, при массаже у меня научно-клинический подход к больному» (20 марта 1959 года // Там же. Л. 23, 24 об.). Таким образом, можно констатировать, что она родилась около 1887 года, занималась массажем с 1906-го и здравствовала еще в 1959 году.

Т. М. Шах-Паронианц («*Не читайте Вы беспечно...*»). – Печ. по: *СрБр2*.

Я. Д. Поюровскому («*Без стоянья и забкнижки...*»). – *БТетр3; ПривГор*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *ПривГор*. *Забкнижка*, заборная книжка – книжка с талонами на получение продовольственных или иных товаров. Поюровский Яков Давыдович – врач-психо-

невролог, «человек большой души и большого интеллекта, сам испытавший много горя» (Язвина Ю. А. То, что сохранила память... М., 2004. С. 97). На допросе в 1929 году Минаев назвал его дом среди трех, в которых читал свои сатиры (копия: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 3).

Надпись на открытке (*«Передо мной сия открытка...»*). – Печ. по: 88Ст.

С. А. Минаевой (*«Чтоб жизнь твоя как фейерверк...»*). – Печ. по: Откл.

А. И. Строковскому (*«Устроившись в вагоне на ночь...»*). – Печ. по: Откл. Адресат (в бумагах иногда называемый Страковским) – бухгалтер Бюро «Литое», сослуживец Минаева (см. его многочисленные документы, рассеянные по делу о ликвидации предприятия: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 68). Соломон Наумович – Лурье, заведующий коммерческой частью бюро «Литое»; см. его заявление о приеме на работу (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 69. Л. 38) и приказ о его назначении: 15 декабря 1928 «Соломон Наумович Лурье утверждается в должности Заведующего Коммерческой частью Бюро Литое с окладом 200 руб. в месяц» (ГАРФ Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 70. Л. 11). ...ликвидком. – Процедура ликвидации «Литературного особняка» началась в июне 1929 года (то есть за несколько недель до написания этого стихотворения)

и закончилась к январю 1930-го (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 81. Ед. хр. 68); основания были изложены в предписании НКВД от 18 июня 1929: «В виду того, что Коллектив поэтов и критиков «Литературный особняк», несмотря на постановление Народного Комиссариата Внутренних дел от 2 апреля 1929 года до сих пор не приступил к практическому осуществлению предложения самоликвидироваться, Народный Комиссариат Внутренних дел постановляет:

1. Для проведения ликвидации Коллектива поэтов и критиков «Литературный Особняк» создать комиссию в составе представителя от ликвидируемой организации, представителя Народного Комиссариата по просвещению и представителя Народного Комиссариата Внутренних дел под председательством последнего.

2. Настоящее постановление предъявить исполнительному органу коллектива «Литературный Особняк» и предложить немедленно приостановить всю деятельность коллектива.

3. Ликвидационной комиссии приступить к работе немедленно и закончить полную ликвидацию дел «Литературного особняка» и его предприятий к 1-му сентября 1929 года» (Там же. Л. 1).

Т. И. Громовой («Я, к сожалению, не неистов...»). — 88Ст. Печ. по: Пена. Дата и место по: 88Ст. Подробности об адресате не разысканы.

С. А. Минаевой («*Хоть в душе не мало дырок...*»). – 88Ст. Печ. по: Пена. Датапо: 88Ст...из классических Бутырок... – Минаев был арестован 9 сентября 1929 года. В Известковый... – Адрес Минаевых – Известковый пер., д. 3, кв. 14.

С. 321.В. С. Сноведской-Шахматовой («*Я Вам сегодня на прощанье...*»). – Печ. по: Откл. Подробности об адресате отсутствуют.

«*Мне не улыбалась жизнь простая...*». – Лир2; Балл; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: Лир2. Привезла мечтателя в Бутырки и сл. – Подразумевается первый арест Минаева (9 сентября 1929) и последующее освобождение (10 октября того же года; см. удостоверение об освобождении из тюрьмы: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 324. Л. 2)...страна Эмаров и Майн-Ридов. – То есть описанная в приключенческих романах Гюстава Эмара (1818–1883) и Томаса Майн-Рида (годы жизни, как ни странно, те же).

А. А. Галунов («*Александр Андреич Галунов!...*»). – СрБр2. Печ. по: Пена. Дата по: СрБр2.

А. С. Выдрину («*Это даже как будто странно...*»). – Откл. Печ. по: Пена. Датапо: Откл. Выдрин Александр Соломонович – московский юрист и писатель; второй муж упоминаемой далее Марианны – Марии Николаевны Яковлевой (1891–1960?). См. о них: ЛБ. Т. 1. С. 445–464.

«Я упивался Вами много раз...» – СрБр1 (указано в оглавлении; текст утрачен). Печ. по: БТепр5 (раздел «Поздравительные телеграммы из Америки»). Входит в серию труднообъяснимых сатирических стихов Минаева. Вероятно, здесь подразумевается президент США Вудро Вильсон (1856–1924), но общий смысл стихотворения понять затруднительно.

«Доклад об Альвинге читая...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.14 декабря 1929 года (в день написания стихотворения) состоялся вечер памяти Иннокентия Анненского в кружке «Никитинские субботники», где Альвинг читал доклад (см. также: Тименчик Р. Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993. С. 347). Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) – поэт. За четыре года до этого Верховский вписал в альбом Минаева стихотворение:

«Мы ходим, говорим, смеемся, спорим,
А втихомолку плачем – и поем;
И делимся то радостью, то горем,
Оставшись с другом иль с женой вдвоем.

А между нами смерть неслышно бродит
И, ласково вонзая взгляд во взгляд,
По одному обнимет и уводит;

Чуть отойдет – и уж глядит назад.

Юрий Верховский

4/17. III. 925

Москва» (ГЛМ. Ф. 383 Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 107).

В день, когда было написано комментируемое стихотворение, Верховский сочинил сонет-акrostих:

«АРСЕНИЮ АЛЬВИНГУ

Ах, не славно ль вместе рвать

Розы дикие над кручей,

Стих над бездной неминучей

Еле слышно напевать?

Не мила ли благодать —

Ионийских струн певучей —

Юной радости созвучий

Алой зорькой жизнь отдать?

Льются, пенясь полной чашей,

В ясном – в темном забыты,

Искрометные струи,

Несказанной жизни нашей, —

Горькой, сладкой – не равно ль? —

Утоляя страсть и боль.

4/17.ХП.929

Москва»

(РГБ. Ф. 178. Карт. 9656. Ед. хр. 4).

Текст доклада Верховского об Альвинге не разыскан; из связывающих их материалов известнее прочих виртуозный телестих-величание «Юлою жизнь юлит в чадугу своих повторов...», посвященный Альвингом Верховскому и впервые напечатанный М. Л. Гаспаровым (Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 26–27); ср. также послание лета 1929 года:

«АРСЕНИЮ АЛЬВИНГУ
Поэт, я говорю с тобой —
И странно самому,
Как мне живется в перебой:
Не знаю, не пойму.
Ведь до конца понятна мне,
До глубины близка
Твоя — здесь, в нищей тишине —
Юдольная тоска.
Но, в скуке полубытия,
Вот этой злой тоски,
Рукою слабой встречу я
Пожатие руки:
Другой душе вблизи моей
Томления даны —
И все напевней, все нежней
Встают живые сны —
И словно слышу некий строй,
И словно на миру

Сменил божественной игрой
Проклятую игру.

27.V/9.VI.928

Москва»

(РГБ. Ф. 178. Карт. 9656. Ед. хр. 5).

Чан Кайши (1887–1975) – военный и политический деятель Китая; на момент написания стихотворения – председатель Национального правительства Китайской республики.

Т. М. Шах-Паронианц (*«Увы! Михайловна Тамара...»*). – Печ. по: *СрБр2*. В стихотворении перечислены азиатские правители: Реза Пехлеви (вар.: Реза Шах Великий; 1878–1944) – шаханшах Ирана с 1925 года; Мустафа Кемаль Ататюрк (Гази Мустафа Кемаль Паша; 1881–1938) – бессменный президент Турецкой республики; Фын Юй-Сян (вар.: Фэн Юйсян); Чан Кай-Ши.

«В этом мире так всегда бывает...». – *Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт*. Печ. по: *Камеи*. Дата по: *Лир2*.

«Не еврей он, не татарин...». – *СрБр1* (указано в оглавлении; текст утрачен); *БТемр3*. Печ. по: *СрБр2*. Адресат эпиграммы – вероятно, писатель Николай Николаевич Окулов (1866 – после 1925), использовавший псевдоним «Н. Тамарин»; этой атрибуции отчасти противоречит то, что хронологически последний разысканный документ, принадлежащий его перу, да-

тирован 1925 годом (см. комм. З. Гимпелевич в кн: Литературная тетрадь Валентина Кривича. СПб., 2011. С. 237–238). Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович (1881–1945) – знаменитый актер.

«С пафосом поистине огромным...». – СрБр1, СрБр2. Печ. по: Пена. Дата по: СрБр2. Вероятно, описывается выступление Н. Н. Окулова (Тамарина); см. выше. ...друг Комиссаржевской – см. воспоминания Тамарина о ней: Окулов Н. Н. В. Ф. Комиссаржевская в ее артистических поездках по России и в гастрольных спектаклях в С.-Петербурге и Москве // Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской. СПб., 1911, с. 115–138; Тамарин Н. Н. Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Театр и искусство. 1910. № 7. С. 155–157.

Напутствие Ф. Д. («Ясно мне как на ладони...»). – Печ. по: Откл. Адресат не установлен.

«Давно уж превратились в ил...». – ПривГор; СовСт; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор.

Л. Г. Жданову («Я повторю и в дни туманов...»). – Печ. по: СрБр2. Жданов Лев Григорьевич (наст. фам.: Гельман Леон Германович; 1864–1951) – писатель и драматург; автор исторических романов. 15 февраля 1929 года он записал в альбом Минаева стихотворение:

Поэту юному -

от старого годами, но еще не

В большом саду поэзии
(Альбом ваш – сад такой), —
пришлось и мне погрезить
усталою рукой...

Здесь – все цветы я знаю,
все близки имена...
Кипит-журчит без края
поэзии волна...

И аромат букета
Так сладок и силен,
что старого поэта
стих бледен, сил лишен...

Но стих один в душе воскрес
и ему, знаю, – друг поверит:
ut desint vires, —
laudanda voluntas erit!

(Альбом 2. Л. 55; последнее двустихие – из «Писем с Понта» Овидия (III, 4, 79); «Пускай этот плод трудов моих каждый осудит – / Станет ли кто хулить самую ревность мою» (пер. З. Н. Морозкиной и Н. Д. Вольпин))...полустолетний юбилей – подразумевается 50-летие литературной деятельности.

Е. В. Пановой («*Евгения Васильевна Панова...*»). — *БТемр1*. Печ. по: *88Ст*. Единственная биографическая подробность об адресате вычитывается из текста стихотворения: Е. В. Панова — мать поэта Дира Туманного (1903—1973)...*тесть Бориса Годунова*. — Мелюта Скуратов (наст. фам.: Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович). *Нин* — один из первых царей Ассирии. *Теперь Панов, а прежде Дир Туманный*. — Первая книга стихов Н. Н. Панова вышла под псевдонимом «Дир Туманный» («Московская Америка». М., 1924); вторая — под двойной фамилией: «Николай Панов (Д. Туманный)» («Человек в зеленом шарфе». М. <1928>). В прозе псевдоним и полная фамилия сосуществовали все 20-е годы, после чего псевдоним использовать перестал.

Л. С. Кутузовой («*Веленье выполняя музово...*»). — *Откл*. Печ. по: *ТЯмбы*. Подробности об адресате разысканы. *Как в прошлом Фет — премногих величавее!*.. — Решительно переделанная кода ст-ния Фета «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство...»).

Ю. И. Шеталовой («*Ах, никитинка Юлия...*»). — Печ. по: *СрБр2*. Адресат и все упоминаемые лица не разысканы. *Никитинка* — вероятно, посетительница «Никитинских субботников». ...*лирик Шамов*. — Увы, не напрашивающийся Иван Васильевич, который в

1930 году был еще дитятей. Гораздо перспективнее выглядит малоизвестный поэт Петр Шамов, эпизодический сотрудник «Кузницы» (напр.: 1920. № 4) и еще более редкий – «Всемирной иллюстрации» (1925), знакомый Н. Фатова (и вкладчик его альманаха: Утро. Литературный сборник. Под ред. проф. Н. Н. Фатова. 1. М.-Л. 1927), оставившего суждение о нем: Фатов Н. Н. Рязанские поэты. Петр Шамов // Шаги (Рязань). 1926. № 2. С. 14–16.

Надпись на книге (*«Улыбнись светло и кротко...»*). – *Лир2; 75Ст; СовСт*. Печ. по: *Камеи*. Дата по: *Лир2*. Вероятно, посвящено жене Минаева, С. А. Богадуровой. *Протянулось над «Прохладой» / Имя женщины другой...* – «Прохлада» имеет посвящение «Елене», биографические подробности о которой у нас отсутствуют.

Ю. Д. Гиттерман (*«Наконец, Юдифь Давыдовна...»*). – *Откл*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *Откл*. Экземпляр сохранился; описан в работе: Топоровский Ян. Акмеистическое эхо // *Окна*. 1998. 14 мая.

«Сед, но выхолен и розов...». – *Эпигр; СрБр1, СрБр2*. Печ. по: *Побстр*. Адресат эпиграммы – Михаил Владимирович Морозов (1868–1938) – поэт и критик, печатавший стихи под псевдонимом «Мруз»; был склонен педалировать свою сенильность, ср. инскрипт на книге «Пересветы»: «Павлу Николае-

вичу Лукницкому. Поэту начинающему поэт кончающий для скрепы первой встречи. Мруз Москва 21-VT-1929» (Двинятина Т. Н. Книги в коллекции П. Н. Лукницкого // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 581).

«На твою взглянул я голову...». – Эпигр; Откл. Печ. по: *Побстр*. Адресат не установлен.

Н. Ф. Шaeвой («Воспоминания нахлынув...»). – Откл. Печ. по: *ТЯмбы*. Упомянутые лица идентификации не поддаются за двумя исключениями: в предреволюционных адресных книгах среди московских жителей значится единственный Хлынов – Александр Федорович, редактор журнала «Природа»; он может быть атрибутирован предположительно. Зато почти несомненно Заклюев – Алексей Дмитриевич, по состоянию на 1916 год – судебный пристав Московского Окружного суда. Дело даже не в том, что он – единственный Заклюев в Москве, но – что гораздо важнее – он сосед Минаева по дому (Известковый, 3).

«Говорят, что ты девица...». – Печ. по: Откл.

«Не разберет никак народ...». – *БТемрЗ*. Печ. по: *ПроСт* (раздел «Эпиграммы»). Памятник ботанику К. А. Тимирязеву был установлен в начале Тверского бульвара (у Никитских ворот) 4 ноября 1923 года. Из-за несовершенства исходного материала ученый при фронтальном взгляде с небольшого расстояния вы-

глядит сидящим, хотя изображен он стоя (см.: «Для изготовления фигуры Тимирязева монолита нужного размера на складах Москвы не оказалось, и памятник был сделан из двух кусков, очень неудачных по своей форме. Масштабы материала заставили Меркурова несколько сжать фигуру, отчего она кажется очень плоской». (Виноградов Н. Д. Воспоминания о монументальной пропаганде в Москве // Искусство. 1939. № 1. С. 46)).

Эпитафия А. И. Свирского (*«Как не назвать его талантом?!...»*). – *Эпигр*; СрБр1. Печ. по: *ПривГор*.

«Пересматривая снова...». – *СрБр1, СрБр2*. Печ. по: *Побстр*. О Дире Туманном (Николае Николаевиче Панове).

«Слишком оскорбителен и меток...». – *Ст21–51* (с двумя эпитафиями: «Но час настал и ты ушла из дому. А. А. Блок»; «Вдруг... змея его в сердце ужалила. Я. П. Полонский»); *88Ст*. (с одним эпитафией – из Полонского); Печ. по: *Пена*. Дата по: *88Ст*. Первый эпитафия чернового варианта – из стихотворения Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...»; второй – из стихотворения Полонского «Орел и змея» («На горах, под метелями...»), снискавшего известность в качестве романа. Вероятно, посвящено С. А. Богадуровой, жене Минаева.

О. П. Шкафер (*«Весь день пробежав в поисках ре-*

тивных...»). – БТемр1, ПривГор. Печ. по: Пена. Дата по: ПривГор. Подробности об адресате не разысканы (хотя, учитывая редкость фамилии, нетрудно предположить ее родство с певцом В. П. Шкафером и артисткой Л. П. Шкафер).

«Вас, неповторимые стихи...». – БТемр1, Балл. Печ. по: Лир2.

«Спевак к делу охладела...». – Печ. по: Откл. Имя главной героини и какие бы то ни было сведения о ее биографии не установлены.

«Ты как любовница ни бе, ни ме...». – БТемр1. Печ. по: 75Ст...полное спокойствие на Шипке... – Аллюзия на сделавшееся крылатым название триптиха В. Верещагина «На Шипке все спокойно».

«Это не комедия, поверь...». – БТемр1, 75Ст. Печ. по: ТЯмбы.

«Я уклада жизни не нарушу...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

«Берегись! Играешь ты с огнем!...». – БТемр1, 75Ст; СовСт. Печ. по: СамЛюб. Среди нагромождения советских терминов и обстоятельств пояснения требует, вероятно, только Жакт – жилищно-арендное коммунальное товарищество – первичный орган административного взаимоподавления советских граждан.

«Юная кокетка и нарядница...». – БТемр3; 75Ст;

СовСт. Печ. по: СамЛюб.

«Я только мельком вижу Вас...». – Ст21–51; Лир2;
75Ст. Печ. по: Пена.

«Перестань кокетничать со мною...». –
БТемр1.Печ. по: 75Ст.

««Поцелуй!..» молил Фоменко...». – Печ. по: Откл.
Герои стихотворения не установлены.

«Добывай по степени уменья...». – БТемр1; 75Ст.
Печ. по: ТЯмбы.

С. 343 «– «Папа, папа, не кляни, не сетуй..». –
БТемр1 (под названием «Аркадский анекдот»); Прив-
Гор (под названием «Дочь и отец»); СовСт; По8стр;
СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор...кар-
точку на хлеб... – Карточная система распределения
хлеба была в очередной раз введена в СССР в 1929
году, временно отменена в 1935.

«Я был смущен три ночи и три дня...». – СрБр1.
Печ. по: СрБр2. Подробности его женитьбы неизвест-
ны.

«От флирта с тобой и валютной еды...». –
БТемр3; 75Ст (вар. ст. 5: «Хоть изредка там побы-
вать и не грех»); СовСт. Печ. по: СамЛюб. Дата по:
75Ст...Валютной еды... – Т. е. купленной в упомя-
нутом далее магазине системы Торгсин (Всесоюзное
объединение по торговле с иностранцами); существо-
вавшей между 1931 и 1936 годами.

Е. И. Фроловой («*Мое вступительное слово...*»). — БТепр3; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Евгения Ильинична Фролова — вторая жена Минаева; несмотря на некоторое количество ее документов, отложившееся в архиве (прежде всего — ее письма к Минаеву 1933–1941 годов: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 233), биографические данные о ней минимальны. Она умерла в 1941 году и похоронена на Преображенском кладбище.

Разговор по телефону («3–17–04...»). — Откл. Номер телефона, очевидно, выбран исключительно из соображений просодии: в начале 1930-х годов этот номер закреплен за сотрудником завода «Комэга» Назаром Калистратовичем Клевцовым (Бакунинская ул., д. 74, кв. 6), контакты которого с Минаевым (как и с любым другим писателем) не зафиксированы.

«Плотный, маленького роста...». — Печ. по: Откл. Файнблит Моисей Соломонович (?–1947); в адресной книге 1930 года числится сотрудником «Центросоюза». Год смерти взят с фотографии его надгробия на Востряковском кладбище: http://toldot.ra/urava/semetary/graves_35548.html. См.

также с. 348–349. Славин Соломон Соломонович в адресных книгах значится сотрудником издательства «Техническое управление».

«То скептически, то радуясь...». — Печ. по: Откл.

Эстрин Софья Еремеевна (1903–1993) – литературный обработчик, сотрудник издательства «Госпланиздат».

М. И. Евменову («*Не в субботу, не во вторник...*»). *СрБр1, СрБр2*. Печ. по: *Повстр*. Подробности об адресате неизвестны. Последний альманах с участием Минаева вышел в 1929 году, так что преподнесенный сборник скорее всего был не из новинок.

«*Моисей Соломоныч Фанблит...*». – Печ. по: *Откл.* Из трех московских Полуянов наиболее перспективным мне кажется Дмитрий Васильевич (член коллегии НКПС и ОСНАВ; остальные двое – таможенник и хлебопек). Памфиловых в Москве двое – Борис Федорович из Мосселькредитсоюза и Сергей Федорович из НК РКП (Рабоче-крестьянской инспекции).

Ю. Д. Гиттерман («*Нет, не на берегах Невы...*»). – Печ. по: *Откл. ...Ваш супруг...* – М. Гиттерман; см. о нем с. 732...*об ОСТ'ах ВКС'а*. – ОСТ – Отраслевой стандарт. ВКС – Всесоюзный комитет стандартизации при Совете Труда и Оборона, где работали Гиттерман и Минаев. *В шумливом Рыбном переулке...* – Адрес Комитета стандартизации в начале 1930-х годов – Варварка 12; по современной нумерации это в двух домах от угла с Рыбным переулком.

С. Е. Эстрин («*Среди редакционного труда...*»). – *88Ст; ТЯмбы; Пена*. Печатается по экземпляру с ав-

тографом, хранящемся в моем собрании. Стихотворение предварено инскриптом: «Литературному секретарю – литературный редактор. Софье Еремеевне Экстрин – в знак расположения»; за текстом сделана пометка: «Изд-во «Стандартизация и рационализация»». Об адресате см. выше. ...*прозой Сиротенко*. – Вероятно, имеется в виду Матвей Семенович Сиротенко, автор нескольких книг по стандартизации тары.

Кому в издательстве жить хорошо («*Товарищи и граждане...*»). – Печ. по: *Откл.* Из упомянутых лиц в адресных книгах числятся В. А. Толстиков (с пометой «Издательство «Техника Управления»») и Соломон Семенович Осипович (НКРКИ РСФСР).

Е. К. Фофановой-Устиновой («*Альбом раскрыт... О, Муза, помоги!...*»). – 88Ст. Печ. по: *Повстр.* Фофанова (Устинова) Екатерина Константиновна (1905–1979) – дочь К. К. Фофанова, научный сотрудник ГЛМ (см. ее меморандумы, выполненные в этом качестве: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 111, 247); хранительница архива отца (см.: [http://history-gatchina.ru/](http://history-gatchina.ru/town/fofanov/fofanov4.htm)

[town/fofanov/fofanov4.htm](http://history-gatchina.ru/town/fofanov/fofanov4.htm)) и толковательница стихов брата (см. ее заметки к сборнику К. Олимпова «Ты»: РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 1. Ед. хр. 20). В один из альбомов Минаева (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489) она вписала стихотворение отца. См. биографиче-

скую справку о ней Г. К. Васильева и Г. Я. Никитиной: Гений памяти. Переписка А. И. Цветаевой и П. Г. Антокольского. М., 2000. С. 16–17.

«Ты, бесспорно, среди Дусек, Марусек и Та-ток...». – Печ. по: *75Ст...по-безыменски...* – т. е. в стиле поэта А. И. Безыменского. Зондский пролив разделяет Яву и Суматру (и в действительности – не слишком глубок; не факт, что это подразумевалось автором).

«Вся – истома, вся – томление...». – Печ. по: *75Ст. Араки* – вероятно, подразумевается японский генерал Садао Араки (1877–1966) – на тот момент – отрицательный герой советских газет.

«Слишком долго ждать нам солнца вешнего!...». – *75Ст.* Печ. по: *ТЯмбы. Покровско-Стрешнево* – Точнее, Покровское-Стрешнево – обширная дачно-парковая местность на северо-западе Москвы. ...*в трам-вае...* – в 1935 году в Покровское-Стрешнево ходили трамваи № 13 (от Смоленского рынка) и 23 (от Пушкинской площади)...*скилифасовская...* – Т. е. Института Неотложной помощи (ныне – Скорой помощи) им. Н. В. Склифосовского. ...*сеньор Бенито*. – Т. е. Муссолини. 3 октября началась вторая итало-эфиопская война, освещавшаяся в советской печати.

Керенский (*«В Москве, на фронте, в Ставке, в Петрограде...»*). – *Лир2: 75Ст; СовСт; ТЯмбы; Пе-*

на. Печ. по: *СамЛюб.* Дата по: *ТЯмбы.* Вряд ли нуждаются в комментировании имена французского и английского послов Жоржа Мориса Палеолога (1859–1944) и Джорджа Уильяма Бьюкенена (1854–1924), кордельера Жоржа Жака Дантона (1759–1794), политического авантюриста Ленина (Владимира Ильича Ульянова; 1870–1924) и генерала Лавра Григорьевича Корнилова (1870–1917). Донос о публичном чтении этого текста послужил одним из оснований для последнего ареста Минаева.

Е. И. Фроловой (*«Дом Отдыха, Женюрочка...»*). – Печ. по: *Откл.* Об Е. И. Фроловой. Стихотворение адресовано в санаторий в окрестностях Звенигорода, где она жила в конце лета-начале осени 1936 года.

М. Н. Ямпольской (*«Легкой поступью хорея...»*). – *СрБр1, СрБр2.* Печ. по: *Пена.* Дата по: *СрБр2.* О М. Н. Ямпольской. *Сказки Белого Андрея* – почти наверняка книга: Белый А. Королевна и рыцари. Пг 1919. *Отдает тебе на Бронной...* – За месяц до этого Ямпольская, приглашая Минаева на день рождения, оговаривала: «Милый Коля, 17-го я, по примеру прошлых лет, праздную свое рождение, но не у Ал. Сол., как обычно, а у меня на Кисловке (у А. С. я еще не успела сделать ремонт). Приходи часиков в 8–9 с Евгенией Ильиничной» (письмо 15 октября 1936 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 22). Кисловка здесь –

квартира Ямпольской в Малом Кисловском переулке; вряд ли его можно метонимически охарактеризовать «на Бронной» – даже до Малой Бронной отсюда идти не менее полукилометра. Следовательно, книга была вручена в квартире мужа Ямпольской, Александра Соломоновича Выдрина (см. о нем с. 740) – упоминаемого далее А. С; его адрес – Большая Бронная, д. 4, кв. 3.

«Все женщины – разные!...». – Печ. по: 75Ст.

«Ночь... Мороз... Безветренно и сухо...». – БТемр1 (под заглавием «Подслушанный разговор»); ПривГор; ТЯмбы (оба – под названием «Идеалист и материалист»). Печ. по: УфСм2. В юбилейные торжества 1937 года общим местом сделалось сетование на то, что Пушкину не довелось увидеть победу социализма; ср. несколько взятых на выборку заглавий текстов на эту тему: Березин В. Пушкину («О, если б в наше время жил...») // Ленинские искры. 1937. № 20. 24 февраля. С. 8; Попова Л. Пушкину («Александр Сергеич, если б...») // Ленинградская правда. 1937. № 29. 5 февраля. С. 3; Бойчевский В. Наш великий современник // Коммунист (Саратов). 1937. № 33. 10 февраля. С. 2–3; Ерымовский К. Пушкин – наш современник // Коммунист (Астрахань). 1937. № 128. 6 июня. С. 2; Филиппова А. Он – наш // Забайкальский рабочий (Чита). 1937. № 34. 10 февраля. С. 3; Пушкин жив! //

Крестьянская правда. 1937. № 33.10 февраля. С. 1 и
мн. др.

Происшествие на даче (*«Гражданин в пуху и вате...»*). – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Мо-
гиз – Московское объединение государственных из-
дательств, управлявшее с 1930 года всей книжной
торговлей Москвы. Минаев работал в 1937 году (см.
след. прим.) в приписанной к нему Рекламно-изда-
тельской конторе: не исключено, что этот текст пред-
назначался для рекламной компании объединения и
почти наверняка пародировал стихи, используемые в
ней...*книжка, пап, малышка*. – Подзаголовок «книж-
ка-малышка» появился у серии детских книг издатель-
ства Мириманова во второй половине 1920-х годов, а
к середине 1930-х стал общеупотребительным.

«День безрадостен и матов...». – Откл. Печ.
по: *Побстр*. Никаких сведений об упомянутых лицах
отыскать не удалось; *РИКО* – Рекламно-издательская
контора МОГИЗ'а (т. е. Московского объединения го-
сударственных издательств), где Минаев работал в
должности редактора каталожного отдела летом 1937
года (см. справку, датированную 16-м августа и под-
писанную В. Вольпиным, при посредстве которого, ве-
роятно, и произошло устройство Минаева на работу:
ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 3).

Игорь Северянин в Москве (*«Не Кантов и Бетхо-*

венов, не Байронов и Мариев...»). – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

За счастье родины – на выборы все! («Побольше энергии, порыва, движения...»). – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Безальтернативные выборы в Верховный Совет СССР первого созыва состоялись 12 декабря 1937 года, т. е. в день написания стихотворения; им предшествовала двухмесячная энергичная (учитывая специфику момента) агитационная компания.

Пушкину («В лихолетье брошенный судьбою...»). – БТепр3; ПривГор; СовСт; Камеи; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. В эти дни тебя восславят хором – Столетний юбилей смерти Пушкина отмечался в 1937 году с беспрецедентным размахом...печной горшок дороже... – Аллюзия на строчки юбиляра из ст-ния «Поэт и толпа» ...Инзов и Лепарский... – генерал Иван Никитич Инзов (1768–1845) был начальником Пушкина при нахождении того в южной ссылке; генерал Станислав Романович Лепарский (1754–1837) – комендант Нерчинских рудников, благоволивший декабристам. Это стихотворение было одним из инкриминируемых Минаеву при аресте 1953 года. В частности, в последнем слове на суде он пояснял его смысл: «Я действительно написал стихотворение «О Пушкине», не отрицаю, что это стихотворение является антисоветским по своему содержанию, я в этом стихотворении хотел

показать, что даже в царское время Пушкину удавалось печатать многие свои произведения, которыми он высмеивал царский строй и отдельных чиновников, а у нас наши писатели пишут только то, что принимает издательство, вот поэтому я и писал, что это счастье для Пушкина, «что довелось ему не в наше время жить»» (Копия следственного дела // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 59 об.)

«По-видимому, все в порядке в этом...». – УфСт1, ПривГор; СовСт; Повстр; Камеи; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: Повстр.

«Гениальный на все руки...». – УфСт1, ПривГор; Повстр. Печ. по: УфСт2. Дата по: Повстр. Рассуждением о науке / Осчастливил Совсоюз. – Подразумевается речь, произнесенная Сталиным на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года и два дня спустя опубликованная в «Правде» (см.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 250–251).

Кантата (*«Проживая в Пензе, Тата...»*). – Печ. по: Откл.. Кугушева уезжала в Пензу к родственникам покойного мужа, М. Г. Сивачева; ср. в ее письмах к Е. Фроловой: «Здесь очень оригинальная жизнь – другая планета. Воды нет, электричество горит как в 18 г., хлеб надо ловить, чаю, мыла, крупы, спичек нету. <...> Сегодня пойду к Мишиным родственникам. Здесь мне очень хорошо (только ночью клопы кусали), у них хо-

рошая квартира и они мне очень рады» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 1).

Н. П. Кугушевой-Сивачевой («*Ведь не Марии и не Антонины...*»). – *БТепр3* (под названием «Напоминающий сонет»); *88Ст*. Печ. по: *ТЯмбы*.

Месяц – по содержанию. Двадцать шестого августа – (по старому стилю; по новому – 8 сентября) память мученицы Натальи Никомедийской. *Очищенной, советского Аи*. – *Очищенная* – водка; *Аи* – марка шампанского, многократно упоминающаяся в русских стихах.

«*Ты надулась и – «До свиданья!...»...*». – *БТепр1*, *75Ст*. Печ. по: *СамЛюб*.

С. 366–367 «*Жизни неудачи...*». – *Ст21–51*. Печ. по: *88Ст...даче / В маленьком Клину*. – Имеется в виду дача Танеевых в Демьяново, на которой в том же году жили Н. Кугушева со вторым мужем и Минаев с женой. Приглашая их общих друзей присоединиться, она описывала дачную жизнь в стихах:

«Под Клином часто вспоминаю
Наш дружный маленький кружок
И посетить нас приглашаю,
Поверьте, Клин не так далек!

Здесь воздух чист и липы скоро
Медовым цветом зацветут

И у балкона за забором
Густые яблони встают

Перед глазами даль и небо
Нежнейшей дышит синевой
Заботы о насущном хлебе
Я лишена – живьем семьей.

Печальной прозы об обеде
Теперь не знаю я. Но здесь
Все – есть!

Помимо всех идиллий разных
Я здесь с историей в ладу —
Танеев, Белый, Тимирязев
Здесь жили много раз в году.

Здесь Васнецов писал картины,
Чайковский, ближний наш сосед,
Как я ходил домой из Клина
По этой же дороге. Нет

И ни малейшего сомненья,
Что этот самый злой комар
Что кровь мою пьет с упоением,
Что он потомок тех ковар —

Ных тварей, что кусали
Великих личностей тогда,

Когда меня еще не знали
В давно прошедшие года»

(недатированное письмо к М. Д. Рындзюнской//РГА-ЛИ. Ф. 1983. Оп. 2. Ед. хр. 1). Несколько лет спустя, посылая Минаеву рифмованное воспоминание о этом лете («Демьяново. Легкие ветки качались, / В апрельский закат уходили поля. / Прозрачной прохладе весенней печали / Навзрыд соловьями гремела земля» etc), Кугушева писала: «Помнишь, как мы хорошо жили все четверо в Демьянове? И Женечка была и Гвидо. А теперь их, любимых, нету с нами» (письмо начала апреля 1946 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 2). Много лет спустя она вспоминала: «Домик в Клину я очень хорошо знаю и меня трогало до слез – как его все посещали трогательно. Я жила целое лето у Танеевых, рядом с Чайковским в 38 или 39 году и каждый день ходила туда. Это было чудесное время» (письмо Д. Шепеленко 31 марта 1958 года//ГЛМ. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 367 об.). Подробнее см.: Кугушева Н. П. Проржавленные дни. М., 2011. С. 54, 273–274.

«Буйству плоти потакая...». – БТепр3. Печ. по: ПроСт.

«Играет патефон «Москва моя!..». – БТепр1 При-вГор. Печ. по: УфСт2. *«Москва моя!..»* – Вероятно,

появившаяся в 1937 году «Москва майская» («Утро красит нежным светом...») В. И. Лебедева-Кумача на музыку Дм. Я. и Дан. Я. Покрассов.

«Как говорят, родом ты из-под Вильно...». – БТетр1 75Ст; СовСт. Печ. по: СамЛюб...велико и обильно... – Глумливый намек на расхожую цитату из «Повести временных лет». Корнет-а-пистон – духовой музыкальный инструмент.

«Когда и где и как я сброшу...». – БТетр3. Печ. по: 88Ст.

«С каждым днем трудней мне дожидаться...». – Печ. по: ПроСт.

«Сначала мы, подобно голубкам...». – БТетр1 Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб.

«Твой голос страстен, рот твой рдян...». – БТетр1 75Ст. Печ. по: ТЯмбы...как история мидян / Темно твое происхождение. – Намек на старую шутку, популярную в начале XX века и зафиксированную в рассказе И. Горбунова (или восходящую к нему): Горбунов И. Ф. Избранное. М., 1965. С. 7–8.

«Ты всех лучше на заводе...». – БТетр1 75Ст. Печ. по: СовСт...Дунаевского творенье / Со словами Кумача. – Ряд популярнейших песен 1930-х годов сочинен тандемом в составе поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача (наст. фам. Лебедев; 1898–1949) и композитора Исаака Осиповича Дунаевского (1900–

1955).

«Ты губами звучно чмокала...». – УфСт1, ПривГор. Печ. по: УфСт2. «Мы – в преддверии социализма!» – Выражение «в преддверии социализма», впервые в отрицательном смысле употребленное Лениным в 1921 году («мы еще в «преддверии» социализма не находимся»), к началу 1930-х годов стало применяться для описания текущего момента.

«Уже с утра каким-то нервным шагом...». – БТемр3; 75Ст. Печ. по: СовСт. Мадепалам (правильней: мадеполам) – сорт хлопчатобумажной ткани; коверкот – плотная шерстяная ткань; маркизет – бумажная или шелковая ткань; крепдешин – шелковая ткань.

Г. А. Александровской («Милая Галина...»). – Печ. по: Откл. Судя по стихотворению 1941 года, посвященному тому же адресату, Г. А. Александровская – жена брата поэта, Е. Н. Минаева.

Кай Юлий Цезарь («Что ж угрожайте мне законом...»). – Впервые: Новые стихи. Сб. 2. М., 1927. С. 61 (ранняя редакция); радикально переработанный (что редкость для Минаева) текст: БТемр1, Лир2; 75Ст. Печ. по: Пена. Первоначальный вариант текста, написанный в 1924 году, декламировался автором 9 мая 1925 на заседании «Никитинских субботников» (Газетный пер., д. 3, кв. 7); 8 апреля 1926 в Доме уче-

ных на вечере московских акмеистов. Приводим его по первой публикации:

КАЙ ЮЛИИ ЦЕЗАРЬ

Охваченный волненьем смутным,
Ты долго слушал волчий вой,
Склонясь над Рубиконом мутным
В тот незабвенный вечер твой,

Когда пресытись славой ратной,
Взлелеянною мыслью горд,
Ты круто повернул обратно
Ряды построенных когорт.

И раздражая властным зовом,
Закатным заревом багрим,
На горизонте бирюзовом
Тебе блеснул миражем Рим.

А цизальпинский ветер свежий,
В ушах торжественно звеня,
С налета рвал твой плащ медвежий
И гриву рыжего коня.

И даль пронзая жадным взором,
Решившись дать Помпею бой,
Ты знал уже, что завтра Форум
И мир падут перед тобой.

Себе в альбом («*Дав ненадолго Музе волю...*»). – ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 110 (запись в собственном альбоме Минаева; под заглавием «Самому себе»); *БТемр1* (под заглавием «В альбом самому себе»); *88Ст* (под заглавием: «Самому себе»); *СовСт* (так же); *Камеи* (в составе цикла «Два стихотворения в альбом»). Печ. по: *СамЛюб*.

Эпитафия («*Здесь прах лежит того, кто был по-этом...*»). – *БТемр1. ПривГор; СовСт; Камеи; СамЛюб; УфСт2*. Печатается по автографу 1964 года из архива Д. Шепеленко: РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 2.

9 термидора II года («*.. Отечество в опасности!... Измена!...*»). – *Лир2; 75Ст; СовСт*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *75Ст*. Стихотворение построено на пересказе событий государственного переворота, произошедшего во Франции 27 июля 1794 года (9 термидора II года по республиканскому календарю), в результате которого якобинскую диктатуру на четыре года сменила Директория. Арестованные якобинцы во главе с Робеспьером (монолог которого содержится в катренгах и половине первого терцета) были казнены. Сеян Луций Элий (ок. 20 до Р. Х. – 31) – фаворит Тиберия, правитель Рима, казненный по обвинению в заговоре. Далее упоминаются руководители восстания и их проигравшие оппоненты.

«Говорил я тебе своевременно...». – Печ. по: 75Ст.

«Все задушевней год от года...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1.

«Я каждый день приветствую зарю...». – Лир1; Лир2; 75Ст. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1.

«Здесь в столетней липовой аллее...» – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: Лир1.

«Когда душа утомлена...». – Ст17–20; Лир1 (вар. стр. 6: «Многоязычной жизни скрежет»); Лир2; 75Ст. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1.

«Сияет солнце утомленно...». – Лир1; Лир2; 75Ст; СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1. В моем собрании хранится рукопись раннего, радикально отличающегося варианта этого стихотворения:

Застенчиво и утомленно
Густые облака ползут,
И золотые пряди клена
Уже объял смертельный зуд.
Перед террасой у ступенек
Полузатоптанный цветник,
Как ничего не ждущий пленник
В изнеможении поник.
Забитые доской ворота
Обиду острую таят,

И у крутого поворота
Не видно гипсовых наяд.
Все осень изменила, даже
Окраску шустрого ужа,
Лишь зелень колкого трельяжа
Не по осеннему свежа.
Да – груды смятого батиста —
Все те же цветом облака
Смесь палевого аметиста
И матового молока.

В таком варианте оно декламировалось автором 20 сентября 1920 г. в «Литературном особняке» (Никитский бул., 8, «Дом Печати») и 27 апреля 1921 г. на авторском вечере в «Литературном особняке» (чтение книги стихов «Нежнее неба»).

«Вот и не преминула ты ко мне явиться...». – 75Ст; СовСт; ТЯмбы. Печ. по: СамЛюб. Дата по: ТЯмбы.

Сыну – мать («С Новым годом тебя поздравляю...»). – Печ. по: Откл. Стихотворение написано от имени Евгении Ильиничны Фроловой, жены Минаева. Биографические подробности о ее сыне неизвестны.

«Твой роман чреват, так сказать, плодами...». – 75Ст; СовСт. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 75Ст... *Жена да боится мужа...* – Ефес. 5:22–23... *Зуб за зуб и за око око...* – Исход. 21:24.

Г. А. Александровской («*Галина Александровна, Але-...*»). – 88Ст. Печ. по: *Пена*. Дата по: 88Ст. Все, что мы знаем о героине этого стихотворения, вычитывается из этого и других текстов, ей посвященных...*никогда, как молвил Гамсун Кнут*. – Смысл шутки неясен.

М. С. Магиту («*Михаил Савельевич Магит...*»). – *СрБр1*, 88Ст. Печ. по: *Пена*. Дата по: 88Ст. Адресат – Михаил Савельевич Магит (или Магитт) – ученый-ботаник, доктор биологических наук (сведения о защите диссертации «Основы технической анатомии лубяных культур» см.: Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1939. № 13. С. 12), художник (см. образцы его работ: http://forum.vgd.ru/186/28460/0.htm?a=stdforum_view&o=). Обладал кругом знакомств в литературной среде; ср. в письме Н. Серпинской к И. Брюсовой от 1 января 1951 года: «Пользуюсь случаем, что ко мне зашел Михаил Савельевич Магитт, и передаю с ним мои Новогодние поздравления, пожелания дальнейшей плодотворной работы над редактированием В. Я. Брюсова, здоровья и бодрости, которая не покидает Вас в самые трудные минуты жизни» (РГБ. Ф. 386. Карт. 154. Ед. хр. 49. Л. 20).

И. М. Брюсовой («*Скажу Вам откровенно, Иоанна...*»). – 88Ст; *ТЯмбы*. Печ. по: *Пена*. Дата по: 88Ст.

О взаимоотношениях Минаева с покойным мужем Иоанны Матвеевны Брюсовой (1876–1965).

С. 388. Женщина – женщине («*В Крыму, вдали от площади Арбатской...*»). – Печ. по: 88Ст. Стихотворение написано от имени скульптора Марины Давыдовны Рындзюнской (1877–1946), приятельницы Минаева, Кугушевой и Ямпольской. Златовратский Александр Николаевич (1878–1960) – ее муж и коллега. *Горшков* – неустановленное лицо (можно аккуратно предположить, что это – их сосед по Большому Козихинскому переулку литератор Василий Григорьевич Горшков; 1865–1942)...*переводами из Данта*. – В дружеском послании Рындзюнской Кугушева вспоминала «И дом на Поварской и наши / Беседы, смех. А за столом / Порозовевшего от чая Сашу / Следящего за дантовским стихом» (РГАЛИ. Ф. 1983. Оп. 2. Ед. хр. 1). Рукописи переводов сохранились: РГАЛИ. Ф. 202. Оп. 2. Ед. хр. 85, 86 (фрагменты «Божественной комедии»). В письме к Минаеву Кугушева отзывалась о его стихотворных талантах без почтения: «Он мне пишет стихами. Но стихи такие, что просто неловко читать и неловко написать, чтобы писал «презренной прозой». Все-таки он оказался прекрасным другом, верным и доброжелательным» (письмо от 25 сентября 1948 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 8). Подробнее о сюжете: <http://>

lucas-v-leiden.livejournal.com/185511.html.

Надпись на портрете Ф. И. Шаляпина («*Такой артист рождается раз в сто лет...*»). – 88Ст (с посвящением Г. Г. Бартелю). Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Бартель Гвидо Гаврилович (Габриэлевич) (1885–1942) – второй муж Кугушевой; о нем см.: Кугушева Н. П. Проржавленные дни. М., 2011. С. 252, 273.

«*Мое рондо – мечтаний смутных дата...*». – Лир1, Лир2; 75Ст: СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир1. Тама – Н. П. Кугушева.

Е. И. Фроловой («*Чтобы выполнить задачу...*»). – Печ. по: Откл. Стихотворение написано во время предсмертной болезни Е. И.

«*Ты меня любовью согревала...*». – СтКУш; Побстр. Печ. по: Камеи. Дата по: Побстр. Стихотворение посвящено памяти Е. И. Фроловой, умершей 16 июля 1941 года. Через четыре дня после ее смерти Минаев писал своему пасынку, находящемуся в армии:

«Милый К.!

С великой скорбью пишу тебе о случившемся. Твоя дорогая мамочка скончалась 16 июля. Причина – сепсис (заражение крови). Сегодня я ее похоронил на Преображенском кладбище. Я знаю, что тебе будет очень тяжело и больно, но не падай духом, что делать, это, к сожалению, удел почти каждого человека – терять своих

родителей. Ты молод, перед тобой целая жизнь. Мне еще тяжелее, жизнь моя клонится к закату, и я уже больше не найду такого друга, каким мне была твоя незабвенная мама. Но ее нет, случившегося не изменить и надо мужественно смотреть в лицо жизни и противостоять ударам судьбы. Пришли мне или в домоуправление своего дома какую-нибудь бумагу, где говорилось бы о том, что комната должна быть оставлена за тобой и опечатана до твоего приезда, и сколько и из какого расчета ты должен платить за нее. А может быть по закону военнослужащие во время войны совсем не должны платить за нее?

Если ты хочешь узнать какие-нибудь подробности, напиши мне. Я тебе все сообщу и вообще я буду рад, если ты, когда тебе придет желание, будешь писать мне» (письмо 20 июля 1941 года ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1–1 об.).

Н. П. Кугушевой-Сивачевой (*«Во дни, когда кругом пожар...»*). – Печ. по: *Откл.*

Н. П. Кугушевой-Сивачевой (*«Вместо браслета золотого...»*). – Печ. по: *Откл.* Не вполне понятно, какой предмет описывается в стихотворении – вероятно, настольная игра. *Лиза* – неустановленное лицо. *Женюшенька... Женюра* – Е. И. Фролова. ...*«кончен бал, погасли свечи»*... – Источник цитаты не установлен. *«Иных уж нет, а те далече»*. – Из «Евгения Оне-

гина» (восьмая глава). Спустя неделю после этого подарка Кугушева и ее муж Г. Бартель были сосланы в Казахстан (он – как этнический немец; она последовала за ним добровольно).

М. И. и Ю. Д. Милиоти («Минаев – я, вы – Милиоти...»). – *ПривГор*. Печ. по: *УфСт2. Милиоти* (Милиоти) Юрий Дмитриевич – юрист, брат художников Василия и Николая. М. И. – его жена, актриса Марина Ивановна Милиоти (Миллиоти; 1900–1971); фрагменты ее воспоминаний напечатаны: Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 124–131. *...от Музы дочь...* – Т. е. сборник «Прохлада».

«Все померкло, все поблекло...». – *СтКУш; СовСт; Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Это и последующие стихотворения посвящены памяти Е. И Фроловой.

«Ты из жизни ушла, одиноким оставив меня...». – *СтКУш*. Печ. по: *Камеи*.

«Что мне утешенья и участие...». – *СтКУш*. Печ. по: *Камеи*.

«Так, видимо, нужно, так, видно, угодно судьбе...». – *СтКУш; СовСт; Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*.

«И мороз, и вьюга...». – *СтКУш*. Печ. по: *ТЯмбы*.

Милой Иоанне Матвеевне Брюсовой в день ее шестидесятилетия («Стоя, руки по швам...»). – Печ. по автографу: РГБ. Ф. 386. Карт. 141. Ед. хр. 32. *Голландка* – печка. *Арей* – древнегреческий бог войны.

«В тихий вечер за столом...». – БТетр3; 88Ст; Ка-
меи. Печ. по: Повстр.

А. А. Галунову («Добросердечный друг мой, в эти
дни...»). – БТетр1. ПривГор. Печ. по: УфСт2.

«Душитель мысли, враг всего живого...». – Уф-
Ст1, ПривГор; СовСт. Печ. по: УфСт2.

«Жиреющая самка...». – Эпигр. Печ. по: Откл.

«Полужаба, полуженщина...». – Эпигр. Печ. по:
Откл.

«Снова пахло дыханием свежим...». – СтКУш.
Печ. по: Камен. Голубоснежники – не существующие
в природе растения; неологизм, придуманный близ-
кой приятельницей Минаева поэтессой М. Марьяно-
вой, назвавшей так сборник своих стихов (М., 1925).

«Такою светлою, такою милою...». – СтКУш; Ка-
меи. Печ. по: УфСт2.

«Я вновь пришел к тебе, моя родная...». – СтКУш;
СовСт. Печ. по: Камен.

В альбом («Стихи в альбом почти всегда изме-
на...»). – БТетр3; 88Ст (под загл.: «Н. Н. Руссову»);
СовСт; Повстр (под загл.: «Н. Н. Руссову»); Камен
(второе в цикле «Два стихотворения в альбом»). Печ.
по: СамЛюб. Адресовано Николаю Николаевичу Рус-
сову (Русову; 1883/1884 – после 1943) – писателю
и литературному критику. Исключительно подробную
биографическую справку о нем см.: Орден российских

тамплиеров. II. Документы 1930–1944 гг. Публ., вступ. ст., комм., ук. А. Л. Никитина. М., 2003. С. 126–128. Показания Руссова, данные им весной и летом 1943 года учитывались во время допросов Минаева в 1953 году:

ВОПРОС: Русова вы знаете?

ОТВЕТ: Да, РУСОВА Николая Николаевича я знаю. С ним я познакомился примерно в 20-х годах.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах?

ОТВЕТ: Воспроизвести обстоятельства знакомства с РУСОВЫМ за давностью времени затрудняюсь. Вместе с этим могу лишь предположить, что познакомился я с ним в каком-нибудь литературном обществе или на литературном диспуте.

При этом должен отметить, что после первого знакомства с РУСОВЫМ я не имел с ним встреч вплоть до периода Отечественной войны. Примерно в 1941–1942 г.г. я вновь встретился с ним, зайдя к нему на квартиру в районе Сокола, где он в тот период проживал.

ВОПРОС: Какие антисоветские убеждения вы высказывали РУСОВУ при этой встрече?

ОТВЕТ: Насколько я помню, на политические темы мы с ним не разговаривали и никаких антисоветских суждений я ему не высказывал.

ВОПРОС: Это не соответствует действительности. В беседах с РУСОВЫМ

вы высказывали ему свои пораженческие настроения. Почему умалчиваете об этом?

ОТВЕТ: Никаких пораженческих настроений я РУСОВУ в то время не высказывал.

ВОПРОС: Неправда. На допросе 1 апреля 1943 года РУСОВ показал:

«В эпоху военных действий МИНАЕВ оказался в лагере сочувствующих фашизму и мнимым победам германской армии в унисон настроений СТРАЖЕВА и моим».

Теперь вы будете рассказывать об этом» и т. д. (Копия следственного дела//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 19–21).

Г. А. Александровской («В дни духовного падения...»). – Печ. по: *Откл.*

Надпись на червонце без номера («Как среди толпы славян японец...»). – 88Ст. Печ. по: *Повстр.* Имеется в виду чрезвычайно редко встречающаяся (но известная в собирательском обиходе) купюра без номера: брак, попавший в обращение. Купюра в один червонец выпускалась в образцах 1926 и 1937 годов (см.: Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1924–2005 годов. Часть 2. М., 2005; там же воспроизведены образцы купюр с номерами типа «000000 АА»; экземпляр без номера в литературе не описан); справка А. Игониной и Д. Максимова.

И. Н. Розанову («*Тот, кто достиг расцвета мастерства...*»). – СрБр1; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Альбом, в который было занесено это стихотворение, не сохранился в составе его архива; его местонахождение в настоящее время неизвестно.

«*В Москве последний переводчик Данта...*». – СрБр1. Печ. по: СрБр2. Строки про Вольск и «штучку» комментированию не поддаются.

«*Ты – хамка и холуйка, ты халда и хабалка...*». – БТемр3. Печ. по: 75Ст.

«*Что несет мне новый год...*». – 88Ст; ТЯмбы. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«*Под конвоем, по дороге...*». – БТемр1, ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор. Это и следующее стихотворение написаны под впечатлением от второго ареста и тюремного срока: в апреле 1944 года Минаев был задержан за самовольное оставление места работы и осужден на шесть лет заключения. Был освобожден (при неизвестных обстоятельствах) в марте 1945 года. Большая часть лагерных реалий и персоналий комментированию не поддается. Премблюдо – «(«премиальное») – какой-нибудь темный горьковатый ржаной пирожок с горохом» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. Т. 2. М., 1989. С. 185); ср.: «А есть еще противное слово, которое многие произносят облизываясь: премблюдо. Это к хлебной пай-

ке и миске баланды за хорошую работу и выработку процентов иногда добавляют кусочек, кубик гороховой запеканки...» (Бондарин С. А. Капкаринские записки. Тетрадь первая, 1952 г. // «Дом князя Гагарина...». Сборник статей и публикаций. Выпуск 1. Одесса. 1997. С. 208). *Горбыль* – боковая часть бревна, побочная продукция лесопилки. *Буцы* – то же что «бутсы», но в характерном для первой половины века написании; ср. у Пильняка: «Мозоль я себе натер, буцы новые выдали, вот и натер обратно» (Пильняк Б. А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 365).

«Он похож на драного кота...». – Эпигр. Печ. по: Откл.

«От него всегда разит...». – Печ. по: Откл.

М. М. Кукуеву (*«Где питастья каждый день...»*). – ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПривГор. Данными об адресате не располагаем.

Ф. Ф. Кукушкину (*«Ты, Кукушкин, в жизни новой...»*). – Откл. Печ. по: Повстр. Данными об адресате не располагаем.

«Потирает руки он...». – Эпигр. Печ. по: Откл.

В. М. Ципер (*«Вера Моисевна...»*). – Откл. Печ. по: ТЯмбы. Данными об адресате не располагаем.

«Балбес воспитанный тюрьмой...». – Печ. по: ПроСт.

«Бывало в дни борьбы...». – Печ. по: Откл.

«Как рассуждает он судить я не берусь...». – Печ.
по: Откл.

«Юноши и малолетки...». – БТетр3 (вар. стр. 1: «Взрослые и малолетки...»; стр. 2: «Юноши и старики»); ПривГор; Пена. Печ. по: УфСт2. В БТетр5 помета: «Краснопресненская тюрьма». Ср. в воспоминаниях находившегося в ней в то же время Н. Н. Краснова: «Осиротевшим, ничтожным и маленьким я чувствовал себя в пересыльной тюрьме Красная Пресень. Некоторые называли ее «Кровавой Плесенью» и, думаю, не преувеличивали. Ей это название дало не поведение самого начальства, а его попустительское в произволе блатных, взявших Тюрьму крепко в свои руки.

Двухэтажное здание делилось на камеры, но днем камеры не всегда запирались, ввиду того, что из Пресни можно было ходить под конвоем на работу. В ней сидел отработанный пар судебных процессов, и, как я уже сказал, подразделения в ней на блатных и по «58» не делали» (Краснов Н. Н. Незабываемое (1945–1956). Сан-Франциско. 1957. С. 144).

«Красна-девица с лица...». – Печ. по: Вс96.

«Ни дипломат, ни кормчий, ни герой...». – УфСт1, ПривГор. Печ. по: УфСт2. Стихотворение было (вместе с другими материалами) изъято при обыске после ареста в 1953 году и легло в основу предъявленного

обвинения по статье 58–10, по которой Минаев был 17 августа 1953 года приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (установлено по выпискам из следственного дела, которые хранятся в материалах прокурорской проверки, откуда мы и заимствуем данные: ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Ед. хр. 1026).

«Он по профессии – больной...». – Эпигр; Откл. Печ. по: *Повстр.*

«Три раза солнце пламенем июльским...». – Печ. по: *СтКУш.*

Баллада о двух врачах (*«Всем друзьям своим в уладу...»*). – *ПривГор.* Печ. по отдельной рукописи 1957 года: ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 48. В *БТемр5* помета: «Бутырская больница». Подробности пребывания Минаева в Бутырской тюрьме на рубеже 1944 и 1945 года в доступных нам материалах не отражены. Не удалось найти сведений и об упомянутых здесь тюремных врачах. ..даёт «букашку»... – вероятно, усиленное питание («рацион б» или «категория б»). Или – другой вариант – переводит в «группу Б», по лагерной терминологии, «работающую слабосилку» – категорию заключённых, чье истощение не позволяло направлять их на общие работы (ср. синхронный опыт: «Повели на медосмотр, где некоторых наиболее истощенных, в том числе меня отправили в барак «на слабосилку». Тут давали пятьсот граммов хлеба и

чуть гуще приварок». – Клейн А. Клейменные или Один среди одиноких. Сыктывкар. 1995. С. 34). ...здесь не Гватемала... – в описываемое время Гватемала была регулярным источником внешнеполитических новостей: 20 октября 1944 года там произошла революция. ...Лесная, 43/63. – Адрес Бутырской тюремной больницы.

Лирическая повесть ни о чем («Как мне назвать поэму эту...»). – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата: 88Ст. Продолжение этого текста не сохранилось или не существовало.

«Все так же как во время оно...». – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«Обозначилась дыра...». – Печ. по: Откл. Как и в подавляющем большинстве стихотворений тюремно-лагерного цикла, об адресате эпиграммы сведений не сохранилось.

«Как хлеб пшеничный рыхл и бел он...». – Эпигр; Откл. Печ. по: Побстр.

«Пересыльная слабосилка...». – Печ. по: Откл...слабосилка... – Заключение, по состоянию здоровья негодные к тяжелому физическому труду и оставленные для подсобных работ в лагере.

Семейный пейзаж («Ах в своем уме ли я?!...»). – 88Ст; СовСт; ТЯмбы; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 88Ст. Прототипы героев стихотворения не уста-

новлены.

«Я констатирую уверенно...». – Печ. по: *Откл.*

«Издалека как будто баба...». – *Эпигр.* Печ. по: *Откл.*

«Как листок мятущийся от шквала...». – *88Ст.* Печ. по: *Повстр.*

«Дочь мегеры, ведьмы внучка...». – *Эпигр.* Печ. по: *Откл.*

Тамаре Лапшиной («*Не пререкайся с папой...*»). – Печ. по: *Откл.* Адресат стихотворения – Тамара Васильевна Богомолова (урожденная Лапшина); двоюродная сестра Н. П. Кугушевой, приемная дочь Веры Евгеньевны Лапшиной (ум. 1950), единственной родственницы Кугушевой, помогавшей ей в ссылке. Возможно, их встреча с Минаевым связана именно с этим сюжетом.

Н. П. Кугушевой-Сивачевой («*Вместо всякой вкусной жвачки...*»). – Печ. по: *Откл.* Вероятно, письмо было вложено в посылку, отправленную Кугушевой в казахстанскую ссылку.

М. Д. Рындзюнской («*В знак моего к Вам уваженья...*»). – *88Ст.* Печ. по: *ТЯмбы.* Свидетельство ее знакомства с Т. В. Чурилиным – несколько его писем, отложившихся в ее архиве (РГАЛИ. Ф. 1983. Оп. 1. Ед. хр. 27; напечатаны: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/185511.html>).

«Как призывно ни гляди ты...». – Печ. по: *Вс96*.

Говорит старая барыня (*«Ни охнуть, ни вздохнуть!..»*). – *УфСт1* (вар. стр. 1–3: «Попробуешь вздохнуть / И тут не будет спуску / А скажешь что-нибудь»); *ПривГор* (то же); *СовСт*; *ТЯмбы*; *Пена*; *СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ТЯмбы*.

С. 422.Н. С. Бонар (*«Отнюдь не в хандре и унынии...»*). – *88Ст*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *88Ст*. Сведения об адресате и героях стихотворения не разысканы.

«Не могу сказать короче я...». – Печ. по: *Вс96*.

М. П. Горбункову (*«Митрофан Петрович! Пиво, квас...»*). – *88Ст*; *ТЯмбы*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *88Ст*. Горбунков Митрофан Петрович (1885 – после 1967) – уроженец Караичева (или брянского Караичева?), сын гимназического преподавателя древних языков, выпускник Воронежской гимназии, искусствовед, учившийся в 1911–1914 годах в Марбурге (где свел знакомство с Б. Пастернаком; см.: Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 167; см. также: Дмитриева Н. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М., 2007. С. 169, 186); собеседники сосед Блока по Комиссии по изданию классиков (см.: Мейлах Б. С. Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917–1919) // Русская литература. 1967. № 3. С. 33), рабо-

тавший позже в Наркомпросе и профсоюзной московской газете.

«По дороге катится...». – Печ. по: *Вс96*.

«Спасал от Гитлера Европу...». – Эпигр. Печ. по: *Откл.*

Е. С. Должанской (*«Мы с Вами добрые друзья...»*). – *Откл.* Печ. по: *Побстр.* Биографические подробности об адресате отсутствуют.

«Небо в ключьях от хламид...». – Печ. по: *ТЯмбы.*

Данте Алигьери (*«Труд жизни завершен... Один я как в пустыне...»*). – Недатированный автограф на отдельном листе (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1; с подзаголовком «1320 г.»); *БТемр1, Лир1, 75Ст: СовСт.* Печ. по: *Пена.* Дата по: *Лир2...Портинари* *дочь средь ангелов в раю...* – Беатриче ди Фолько *Портинари* – вдохновительница Данте, умершая в возрасте 24-х лет. *Кавальканти* Гвидо (1259–1300) – поэт и философ, близкий друг Данте. *Джемма* Донати – жена Данте, оставшаяся во Флоренции после его изгнания. *Святейший наш отец... Филиппу Валу а... в Авиньоне.* – Анахронизм: подразумевается история папы римского Климента V, заручившегося при избрании на папский престол поддержкой французского короля Филиппа IV; при нем папская резиденция была перенесена в Авиньон, а политическое влияние папы кардинально уменьшилось. *Филипп Ва-*

луа – король Франции Филипп VI, взошедший на престол уже после смерти Данте, в 1328 году... *Генрих цезарь мой...* – Генрих VII (1275–1313), король Германии, Император Священной Римской империи. *Кангранде делла Скала* (1291–1329) – правитель Вероны, покровитель Данте.

3. Е. Сотниковой (*«По-прежнему нам небо бирюзою...»*). – 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст. Это стихотворение знаменует новую – после четвертьвекового перерыва встречу Минаева с Э. Е. Сотниковой, которой было суждено стать его женой.

С. 426–427. *«Все в прошлом... Все когда-то было...»*. – Лир1, 75Ст; Лир2: СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: 75Ст.

«Повеяло как будто ароматом...». – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«В тихий августовский, непорочный, предутренний час...». – Лир1, 75Ст; 88Ст. Печ. по: По8стр.

27 августа 1950 г. (*«Этот день был ясным и прохладным...»*). – Лир1, ТЯмбы; Лир2; СовСт. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир2.

«Это чувство ты не баюкай...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

«Все, что мне оставил полдень летний...». – Лир1. Печ. по: 88Ст.

Е. В. Тимофеевой (*«Подарка именинного вза-*

мен...»). – Печ. по: *Откл.* Адресат и персонажи стихотворения неизвестны.

«Опять волнует кровь мою весна...». – *СрБр1*.
Печ. по: *СрБр2*. *Достичь освобожденного Китая...* –
Подразумевается гражданская война в Китае, окончившаяся победой коммунистов (Китайская Красная Армия) во второй половине 1950 года.

«Подвержен спекулянтской мании...». – *Эпигр.*
Печ. по: *Откл.*

«С лицом как задница точь-в-точь...». – *Эпигр.*
Печ. по: *Откл.*

«Среди столичных хамов-дураков...». – *Эпигр.*
Печ. по: *Откл.* Герой эпиграммы опознанию не поддается.

«Хамелеон из кулаков...». – *Эпигр.* Печ. по: *Откл.*

«Утомленно плещет море...». – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*.

«Я как ворон крови жажду мести...». – *СрБр1*. Печ. по: *СрБр2*.

«Не белорус Едрит Хрендвич...». – Печ. по: *ПроСт*.

Н. Е. Сазоновой («Мы знакомы уже давно...»). –
Печ. по: *Откл.* Сазонова Наталья Евгеньевна (1906–1969) – свояченица Минаева, сестра его жены З. Е. Сотниковой.

«В жизнь других всегда суя свой нос...». – *Эпигр.*

Печ. по: *Откл.*

«Весь век она других зудила...». – Печ. по: *Откл.*

«Раздув свое кадило...». – Печ. по: *Откл.*

«Кем была она вчера...». – Эпигр. Печ. по: *Откл.*

«Беспросветна мечта и надежда убога...». – Лир1; 75Ст. Печ. по: 88Ст.

«Вчера я ждал тебя, ведь ты...». – Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

С. 436 *«Думал я, в последний раз любя...»*. – Автограф на отдельном листе (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 88); Ст21–51. Печ. по: 88Ст.

«Когда я свой окончу путь...». – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: *ТЯмбы*.

Лене Сазонову (*«Мальчик резвый, мальчик милый...»*). – Печ. по: *Откл.* Адресат стихотворения – Леонид Глебович Сазонов (1941–1997) – племянник жены Минаева, сын ее сестры Натальи Евгеньевны.

З. Е. Сотниковой (*«Зоинька моя родная...»*). – Печ. по: *Откл.*

Надпись на книге (*«Поклонник цветонасаждения...»*). – Печ. по: 88Ст.

«В волненьи повседневной суеты...». – Автограф на отдельном листе под заглавием «Милой жене – моей Зоиньке» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 88; вар. стр. 1: «В волненьях повседневной суеты»; стр. 14: «Ты для любви не отблестала»; стр. 16: «Но лишь еще милее

стала»); Лир1, Лир2: 75Ст; СовСт. Печ. по: Пена. Дата по автографу на отдельном листе.

«Я думал с тобою последнее счастье найти...». – Лир1, Лир2: 75Ст; По8стр. Печ. по: Камеи. Дата по: Лир2.

Надпись кобрамленью («В дни тревоги и томленья...»). – Автограф на отдельном листе (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 88; без заглавия). Печ. по: Откл...обрамление / Это я нарисовал... – Не имея надежды на публикацию, Минаев записывал свои стихи набело в тетради, оформляя листы рукописи изящными орнаментами.

О подснежниках стихи по заказу твоему («На этот раз я темой связан...»). – Автограф на отдельном листе (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1 Ед. хр. 88; без заглавия). Печ. по: 88Ст. Об этом стихотворении З. Е. вспомнила три года спустя: «Посылаю листок для стишка – сейчас вспомнила твой стишок о подснежниках» (письмо 5 марта 1954 года//ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 17 об.).

«Итак – финал!.. А я как прежде медлю...». – 88Ст; СовСт; По8стр; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 88Ст.

З. Е. Сотниковой («Моя Зоя / Я как в бреду...»). – Печ. по: Откл.

З. Е. Сотниковой («Моя Зоя / иль моя Зоя...»). – Печ.

по: Откл.

Е. П. Заливухиной-Степановой («Позвольте мне, поэту Николаю ...»). – Печ. по: 88Ст. Биографические подробности об адресате не разысканы (за исключением того, что имя ее – судя по дате именин – Елена).

О твоём коте Трепанге («Тебе не жалко и не тяжело...»). – Печ. по: Откл.

Самому себе («Тебя я создал в те года...»). – Печ. по: СрБр2.

«Опять тоска моя остра...». – Ст21–51; 88Ст. Печ. по: Пена. Дата по: 88Ст.

«Сколько сил затрачено и лет...». – СрБр1. Печ. по: СрБр2.

Эпитафия Трепангу («Не существом на двух ногах...»). – Печ. по: Откл.

«Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела...». – СтКУш: СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Это было давно, но я помню когда это было – Вероятно, аллюзия на самое известное (благодаря бытованию в качестве романа) стихотворение С. А. Сафонова «Это было давно. Я не помню, когда это было...».

«Я знал, что ты никем незаменима...». – Печ. по: Пена.

«Я пренебрег всем тем, что было свято...». – Печ. по: Пена.

«В его стихах таланта не ищи...». – СрБр1, При-
вГор; По8стр. Печ. по: УфСт2.

3. Е. Сотниковой – С. И. Кожухов. Надпись на от-
крытке («Тоскою сердце выев...»). – Печ. по: Вс96.
В БТетр5 помета «Павловская больница». Стихо-
творение написано от имени Сергея Ивановича Ко-
жухова (1914–1978), руководившего с 1936 по 1952
год музеем «Бородино» (отсюда – «Серж из Бороди-
на»). Жена – Анна Федоровна Кожухова (см. воспо-
минания его сына, Ивана Сергеевича Кожухова: [http://
www.borodino2012–2045.com/?p=9654](http://www.borodino2012–2045.com/?p=9654)). Мной акаде-
мик Тарле / Недавно просрамлен. – Подразумева-
ется статья-донос С. И. Кожухова «К вопросу об
оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной вой-
не 1812 г.» (Большевик. 1951. № 15. С. 21–35), от-
крывшая череду работ, обвинявших Тарле – в соот-
ветствии со структурой момента – в космополитизме
(«Обращает на себя внимание и то, что Е. Тарле в сво-
ей книге опирается главным образом на иностранные,
зачастую сомнительные источники и игнорирует мно-
гие достоверные русские источники» etc). Подробнее
см.: Дунаевский В. А., Чапкевич Е. И. Навеки в памяти
народной // Тарле Е. В. 1812 год. Избранные произве-
дения. <М., 1994> С. 484–487... муж-чудак Ник-Ник. –
Собственно, автор. Остальные герои стихотворения
идентификации не поддаются.

3. Е. Сотниковой – надпись на открытке («*Пострадавший от инфаркта...*»). – Печ. по: *Вс96*. В *БТемр5* помета «Павловская больница».

«*Серая скука, от лепи спасения...*». – Печ. по: *Вс96*.

Д. К. Богомильскому – в альбом («*Ах, Давид Кириллыч Богомильский ...*»). – Печ. по: *Вс96*. Богомильский Давид Кириллович (Касриелевич) (1887–1967) – издательский работник, в 1920-е годы – сотрудник правления издательства «Круг», позже – сотрудник редакционно-издательского отдела Института Маркса-Энгельса-Ленина; «коммунист, очень милый, порядочный, романтически настроенный человек» (по характеристике Белого; см. письмо к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 года // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. Публ. А. В. Лаврова и Д. Малмстада. СПб., 1998. С. 296); приятель Есенина (который называл его «Федя» – по большевистской кличке) и автор воспоминаний о нем; знакомый Мандельштама (преподнесшего ему «Вторую книгу»); в 1950-е – неохотный благотворитель московских бывших неоклассиков: сохранились следы его участия в судьбе Н. Кугушевой, М. Яковлевой и др. Местонахождение его альбома не установлено. *Рюрик*– Ивнев; *Малъеина* – Марьянова; *Шепеленко* Дмитрий Иванович (1897–1972) – прозаик и поэт; близкий приятель Минаева.

Сын профессионального революционера; учился в Курске, в 1915 г. был зачислен в Петроградский политехнический ин-т, где числился до прекращения занятий в феврале 1917 года.

«Летом 1917 г. я сопровождал больную мать в Тифлис. Здесь и начались мои первые литературные опыты.

В 1919 г. в журнале «Радуга», выходящем в Тифлисе под редакцией С. М. Городецкого, были напечатаны два моих стихотворения в прозе.

В 1920 г. в Тифлисе же, при содействии В. И. Качалова, который тогда находился там с группой актеров МХАТ, была издана первая книжка моих стихов в прозе под названием «Прозрения», с предисловием С. М. Городецкого.

Тогда же вступил в Цех поэтов в Тифлисе, где устраивались мои творческие вечера. <...>

В 1922 г. я приехал в Москву и здесь был принят в члены Всероссийского союза писателей, где часто устраивались мои творческие вечера» (Шепеленко Д. Автобиография//РГБ. Ф. 516. Карт. 4. Ед. хр. 26. Л. 1). Ср. также его позднюю лирическую автохарактеристику: «Кто я?! Я просто кардинал! / Но кардинал – вдали от Рима. / Я некий икс. Я – лютый шквал, – / Судьбой таинственно хранимый!» (РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2).

Был хранителем больших архивных комплексов Р. Ивнева, Н. Кугушевой, П. Карпова, В. Вольпина, В. Федорова; часть сбереженных им материалов находятся в составе его архива в РГАЛИ. *Ятеписцем* он назван, вероятно, за пристрастие к старой орфографии, ср., кстати, целящую в него эпиграмму Д. И. Борисова: «Всем известно, что Мальвина / Голубая женщина. / А стихи у Шепеленко / Только декадентщина» (среди писем М. Марьяновой к Богомильскому: РГБ. Ф. 516. Карт. 2. Ед. хр. 39. Л. 2). См. также его некрологическое стихотворение:

Н. Н. Минаеву – по поводу его «смерти» († 14 VI 1967 г.)

Прошло совсем немного времени.

А кажется – прошли века!

Но и сейчас не все уверены —

Что встреча с Вами – далека.

Нам не нужны улыбки, разговоры:

Нам самый облик Ваш звучит: —

Та вера, что, передвигая горы, —

В стихах у Вас над хаосом царит!

Кто умер? Вовсе не Минаев!

Скончалось имя – звук пустой!!!

А Вас мы ждем. И твердо знаем —

Что встреча будет не простой!

Сретенье. 15/II 1968 г.

(РГАЛИ. Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1).

«Судьба, играя и шая...». – Печ. по: *Вс96*. В рукописи этого стихотворения, находящейся в собрании А. И. Романова, оно озаглавлено «Георгий Зурабов»; несмотря на это, содержащиеся в нем намеки расшифровать не удалось.

«Грохот... Посвист молодецкий...». – *БТемр1; ПривГор; ТЯмбы*. Печ. по: *УфСт2*. Эпиграф – первые строки стихотворения А. А. Фета 1850 года.

«Как галки над пашней...». – *БТемр1; ПривГор*. Печ. по: *УфСт2*. Эпиграф – первые строки стихотворения А. А. Фета 1846 года.

«Оттого, что мне казалась ты...». – *Лир2; 75Ст*. Печ. по: *Камеи*. Дата по: *75Ст*.

Следователь и автор («– Скажи, за что по твоему, Ник-Ник...»). – Отдельный автограф: РГБ. Ф. 516. Карт. 4. Ед. хр. 19 (без заглавия). Печ. по: *ПривГор*. В *БТемр5* имеет название «Разговор со следователем» и пометку: «Лефортовская тюрьма. Одиночка № 101». Это и следующие стихотворения написаны после третьего ареста Минаева, произошедшего в самом начале марта 1953 года. Возможно, упоминая *Мальвину* (Марьянову) он дает понять, что донос, по которому он был арестован, исходил из ее окружения. Это и в самом деле было так: в материалах прокурорской проверки по делу Минаева подшита выписка из очной

ставки Минаева с С. И. Канонич: «На очной ставке со свидетелем Канонич С. И. на л<исте> д<ела> 137 последняя показала:

«...В этот вечер архитектор и мой муж – Темкин Израиль Маркович читали свои произведения. Вскоре на квартиру Марьяновой пришел Минаев... Минаев пришел сел за стол и впоследствии по просьбе Марьяновой принял участие в чтении стихотворений... По моему общему впечатлению некоторые стихотворения Минаева были упадническими, а некоторые носили явно антисоветский характер с клеветой на советскую действительность и советских людей. Как я сейчас припоминаю, одно из стихотворений, которое читал Минаев, было о Керенском, в котором Минаев критиковал отдельные черты характера Керенского, не давая однако ему политической оценки как контрреволюционеру» (ГАРФ. Ф. 461. Оп. 1. Ед. хр. 1026. Л. 2). Эти показания (вкуче с обнаруженными при обыске стихотворениями) легли в основу обвинительного заключения.

«В *стороне от суетного мира...*». – В письме к З. Сотниковой 18 марта 1954 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 22), с комментарием: «Прилагаю тебе, дорогая моя Зоюшка, стихотворение, написанное мной год тому назад в первые дни моего заключения, в одиночке, из которого ты увидишь, в каком я был

тогда настроении» и пометой «Написано без бумаги и карандаша»; *ПривГор*. Печ. по: *Пена*. Дата по отдельному автографу. В *БТемр5* помета: «Лефортовская тюрьма. Одиночка № 21».

Тюремный сонет («*Посуда, столик, веник и кровать...*»). – *ПривГор*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ПривГор*. В *БТемр5* помета: «Лефортовская тюрьма. Одиночка № 149». Разбор этого стихотворения см.: *ЛБ*. Т. 2. С. 213–216.

3. Е. Сотниковой («*Проходит быстро жизнь земная...*»). – Автограф приложен к письму к З. Е. Сотниковой из тюрьмы от 17 сентября 1953 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 3; загл. «Тебе в день рождения»; без среднего катрена) вместе со стихотворениями «Еще нежней, еще интимней...» и «Я лишь воспоминаньями живу...». Печ. по: *Откл*. В *БТемр5* помета: «Лефортовская тюрьма. Одиночка № 149».

Баллада о четырех королях («*То не какая-нибудь тля...*»). – *БТемр5*. Печ. по: *Балл*. В *БТемр5* к тексту было сделано примечание:

«Первая редакция (900 строк) – 22 августа – 6 сентября 1928 г. в Москве.

Вторая редакция (1000 строк) – 2 октября – 17 ноября 1931 г. в Москве.

Третья редакция (1100 строк) – 20 апреля – 3 мая 1953 г. в Москве, в Лефортовской тюрьме, в

одиночке № 149.

Переработана, с написанием новых 100 строк, полностью в уме, без помощи бумаги и карандаша».

Автор как минимум единожды предпринимал попытку опубликовать балладу в советской печати; в его архиве сохранилось недатированное письмо за подписью К. Алтайского:

«Уваж. тов. Минаев!

«Баллада о четырех королях» написана со знанием дела, талантливо, местами блестяще, однако напечатать ее нельзя.

И причина этого лежит в идейных качествах поэмы.

Современную тему вы облекли в «эзоповскую» форму, которая была так уместна и диктовалась обстоятельствами в «Сатириконе», «Свистке», «Пулемете» и др. сатирических журналах дореволюционной поры.

Поэма воспринимается как ребус, и читатель вправе искать ответа: кого подразумевает автор под королями? И начнутся версии:

1. версия – Описываемые события – это Лига Наций

2. версия: Нет, это конференция по разоружению.

3. версия: Будет вам! Это же спор претендентов на русский престол.

4. версия (самая вероятная): Ни то, ни другое, ни третье, а просто автор описывает такое положение главарей капиталистических держав.

Но все 4 версии говорят об одном: автор взял во первых серьезную, во вторых сугубо-политическую тему.

Взял, но разрешить ее должным образом не сумел» (ГЛМ. Ф. 3 83. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 2). См. также примыкающий текст 1956 года «Баллада о балладе» («Я – Божьей милостью поэт...»); с. 509.

«Я лишь воспоминаньями живу...». – Автограф приложен к письму к З. Е. Сотниковой из тюрьмы от 17 сентября 1953 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 3 об.; вар. стр. 6: «Переживаю все, что было», стр. 8: «Что, может, ты меня забыла») вместе со стихотворениями «Еще нежней, еще интимней...» и «Тебе в день рождения» («Проходит быстро жизнь земная...»); *Лир*2. Печ. по: 75См. В *БТемр*5 помета: «Внутренняя тюрьма. Одиночка № 119».

«Ты жирна и неуклюжа...». – Печ. по: 75См. В *БТемр*5 помета: «Бутырская тюрьма. Одиночка № 80». Вероятно, об этом стихотворении идет речь в письме Минаева к жене от 17 сентября 1953 года: «Кроме того я написал еще несколько стихотворений и, между прочим, одно из них из цикла «Стихи о женщинах» о переметной суме. Не думай, что

я вспоминаю ее, написалось само собой сразу в Бу-
тырках» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 2 об.).
Леди с таким прозвищем многократно упоминается
в сатирических стихах Минаева; подробности о ней
неизвестны, хотя мы можем предположить, что имя
ее – Екатерина (ср. в письме Сотниковой к Минаеву
от 4 декабря 1954 года: «Родственники мои живут по
старому и 7/XII «Переметная» приглашала на имени-
ны» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 23 об.). Стихо-
творение это не понравилось жене Минаева: «Стихо-
творение о «переметной суме» получила, оно конеч-
но хорошо, хлестко написано, но ты знаешь, не в мо-
ем вкусе» (письмо 14 ноября 1953 года // ГЛМ. Ф. 383.
Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 8).

«Еще нежней, еще интимней...». – Автограф при-
ложен к письму к З. Е. Сотниковой из тюрьмы от 17
сентября 1953 года (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157.
Л. 3) вместе со стихотворениями «Тебе в день рожде-
ния» («Проходит быстро жизнь земная...») и «Тебе,
Зоюшка» («Я лишь воспоминаниями живу...») с при-
пиской: «В прошлом письме я послал тебе два стихо-
творения, относящиеся к тебе, если письмо пропало,
то пропали и они. Придется снова приложить их» (Л.
2 об.); *Лир2; 75Ст; СовСт*:

Камеи. Печ. по: *ТЯмбы*. В *БТемр5* помета: «Бутыр-
ская тюрьма. Больница. Камера № 467». *Ригель* – бе-

та созвездия Ориона, одна из самых ярких звезд.

«Кончена феерия...». – УфСт1, ПривГор; Подстр. Печ. по: УфСт2. В БТепр5 помета: «Краснопресненская пересыльная тюрьма». Отклик на арест Л. П. Бери, произошедший 26 июня 1953 года.

«Все, что есть и будет незабвенно...». – Автограф среди писем к З. Е. Сотниковой (под заглавием «Тебе и о тебе, – Зоюшка»; ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 21–22). Печ. по: 88Ст. Вероятно, об этом стихотворении идет речь в письме Минаева к жене с этапа 6 октября 1953 года: «Дорогой я написал тебе еще стихотворение, которым я сам доволен, пришлю его потом ибо сейчас все пишу: такая обстановка» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 5 об.). Она, получив письмо, отвечала: «Стихи я получила и они мне нравятся. Спасибо за них» (письмо от 28 октября 1953 года // ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 3).

Новогодний привет (*«Для любви расстояния нет...»*). – Автограф среди писем к З. Е. Сотниковой (без заглавия; ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 24). Печ. по: Откл. В БТепр5 помета: «Актюбинск. Больница». Вероятно, на это стихотворение она откликнулась в письме 1 января 1954 года: «Большое тебе спасибо за стихи, они очень хороши и я их знаю наизусть» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 1 об.).

«Одним желанием оваян...». – Печ. по: ПроСт.

В *БТемр5* помета: «Бригада № 15». Подавляющее большинство имен, упомянутых в стихотворениях лагерного цикла, идентификации не поддаются.

«*Сей поклонник литературы...*». – Печ. по: *ПроСт*. В *БТемр5* помета: «Бригада № 15».

«*И земля под снегом не дрожит...*». – Печ. по: *ПроСт* (2-е стихотворение из цикла «Эпиграммы»). В *БТемр5* помета: «Бригада № 15».

Надпись к рисунку («*Молодчина крокодил...*»). – Печ. по: *ПроСт*. По всей вероятности, подразумевается эмблема советского сатирического журнала «Крокодил», представляющая собой стоящую на задних лапах и держащую вилы рептилию; более того, одна из рубрик журнала называлась «Вилы в бок».

З. Е. Сотниковой («*Вчерашний день был ярок...*»). – Печ. по: *Откл*. В *БТемр5* помета: «Бригада № 15». Вероятно, на это стихотворение З. Е. отозвалась в письме 28 февраля 1954 года: «Спасибо за стишок. Очень приятно было его получить» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 1 об.).

«*Уж с утра с особым вкусом...*». – Печ. по: *Откл*. В *БТемр5* помета: «Бригада № 15».

«*Сей добрый молодец пьян словно стелька, вдрызг...*». – Печ. по: *Откл*. В *БТемр5* помета: «Бригада № 15».

«*Когда у нас в день раза два иль три...*». – Печ. по:

Откл. В БТемр5 помета: «Бригада № 15».

«Встав от сна, в час утра ранний...». – Печ. по: Откл. В БТемр5 помета: «Бригада № 15».

Тарас Шевченко («Поэт, борец и патриот...»). – Печ. по: Прост. Возможно, стихотворение связано с отмечавшимся в 1954 году юбилеем Шевченко – 140 лет со дня рождения. В БТемр5 помета: «Бригада № 15».

«Он ночью отольет в свой старый котелок...». – Печ. по: Откл. В БТемр5 помета: «Бригада № 15».

А. В.Васильеву («Впитав культуры аромат...»). – Печ. по: Откл (6-е стихотворение в цикле «Экспромты»). В БТемр5 помета: «Барак № 10».

Частушка («Мою Зоиньку милую...»). – Из письма к жене от 8 сентября 1954 с сопроводительным текстом: «Чтобы не осталось места, написал тебе частушку. Теперь все в порядке, бумага вся использована, а потому в третий раз досвиданюсь» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 6). Не включено в автобиблиографию; не включалось в рукописные сборники.

«Ты по наружности амур...». – 75Ст. Печ. по: ТЯМбы. В БТемр5 помета: «Барак № 10».

«Нам пели Музы, другом был Эрот...». – Лир2; 75Ст; СовСт; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Дата по: 75Ст. В БТемр5 помета: «Барак № 20. Первые восемь строк сонета написаны в Москве 22 января

1926 г.». См. также прим. к ст-нию Г. А. Ширману («В томительные дни себя порадуя...»), с. 704.

«Дубина Щербаков...». – Печ. по: *Откл. В БТемр5* помета: «Барак № 20».

«Из всевозможных дураков...». – Печ. по: *ПроСт. В БТемр5* помета: «Барак № 20».

Поздравление с Новым годом («Жизнью несколько помятым...»). – Среди писем к З. Сотниковой – на отдельной открытке (ГЛМ. Ф. 3 83. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 26; без заглавия). Печ. по: *Откл. В БТемр5* помета: «Барак № 20».

З. Е. Сотниковой («В день твоего рожденья...»). – Печ. по: *Откл. В БТемр5* помета: «Барак № 4».

В. П. Тихонову («Не в Сочи, Ялте или Ницце...»). – *88Ст; ТЯмбы*. Печ. по: *Пена*. Дата по: *ТЯмбы*. В *БТемр5* помета: «Больница». Адресат – один из немногих лагерных знакомых Минаева, который может быть бесспорно идентифицирован; ср. в справке об-ва «Мемориал»: «Тихонов Валентин Павлович. Родился в 1920 г., Тамбовская обл., Покрово-Марфинский р-н, Федосьевка с; русский; образование незаконченное высшее; врач-терапевт. Проживал: Алма-Атинская обл., Кегенский р-н, Джаланаш с. Арестован 12 января 1952 г. УМГБ Алма-Атинской обл. Приговорен: Алма-Атинский облсуд 8 августа 1952 г., обв.: 58–10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реаби-

литирован 15 октября 1956 г. Президиум ВС КазССР за недоказанностью состава преступления» (<http://lists.memo.ru/d32/f324.htm>). *Vernalis* – настойка горичвета, применяемая в народной медицине при сердечных заболеваниях.

«Отгадай загадку, дядька!..». – *БТемр2* (под заглавием «Нашла коса на камень»); *ПривГор* (под заглавием «Надька и дядька»); *СовСт*; *Пена* (под заглавием «Надька и дядька»). Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *БТемр2*. В *БТемр5* помета: «Больница». Задемидко Александр Николаевич (1908–2001) – министр угольной промышленности СССР (указано П. Л. Каганером); Засядько Александр Федорович (1910–1963) – заместитель министра угольной промышленности (указано Ю. Г. Зархиным).

«Как ни смотри, хоть так хоть этак...». – Печ. по: *СрБр2*. В *БТемр5* помета: «Больница».

«Хоть путь его печатный долог...». – Печ. по: *СрБр2*. В *БТемр5* помета: «Больница».

«В своей сатире он лишь груб...». – Печ. по: *СрБр2*. В *БТемр5* помета: «Больница».

Он и она («...«Да, я ревную, но не без причины...»). – *ПривГор* (под заглавием «Муж и жена»). Печ. по: *Пена*. Дата по: *ПривГор*. В *БТемр5* под заголовком «Супружеский разговор или Как аукнется, так и откликнется»; помета: «Больница».

«Мне это дар, мне словно праздник это...». — 88Ст. Печ. по: *Повстр.* В *БТепр5* помета: «Больница». Если речь здесь идет об изданной книге стихов, то кандидатов в адресаты этого стихотворения не так уж много: вряд ли это автор детской книжки «Мы тоже играем» (М., 1924–1927) А. Комаров; сомнительно, чтобы это был харбинский поэт П. Комаров (книга «Год Порт-Артура». Харбин. 1929), так что остается всего два варианта — туркестанский Павел Степанович Комаров, автор сборника «Не Мекка, а Москва» (Ашхабад. 1928), биография которого мне неизвестна и (менее вероятный) плодовитый дальневосточный автор Петр Степанович Комаров, к 1955 году уже покойный (но следует ли из текста, что автор знаком с адресатом лично?). Нельзя, конечно, исключить, что речь идет о рукописной книге или о сочинении, неизвестном библиографам.

Жене — муж («В росистом поле рано поутру...»). — Печ. по: *Откл.* В *БТепр5* помета: «Больница».

«С виду затхлая затычка...». — Печ. по: *Откл.* В *БТепр5* под заглавием «Песня о Жичке»; помета: «Больница».

«Вчера собачьей логикой задет...». — 88Ст. Печ. по: *Повстр.* В *БТепр5* помета: «Больница».

З. Е. Сотниковой («Этот твой листок бумаги в клетку...»). — *Откл.* Печ. по: *Повстр.* В *БТепр5* по-

мета: «Барак № 2».

«Вновь июль... И снова этот день...». – Ст56.
Печ. по: *ПослСт.*

«Пусть цвет меняет сей хамелеон...». – Печ. по:
Откл.

Рондель о рондели (*«Свою вечернюю рондель...»*). – Ст56; 88Ст. Печ. по: *ПослСт.* *Свою вечернюю рондель /Я написал давно когда-то... – Стихотворение 1915 года «Вечерняя рондель» («Зари вечерней полоса...»).*

Литературный сонет (*«Итак я начинаю свой сонет...»*). – Ст56; 88Ст; СовСт; ПослСт; Камеи. Печ. по: *СамЛюб.* Дата по: *ПослСт.* Герои и контекст стихотворения расшифровке не поддаются.

«Отдав на время бесу...». – Ст56; Откл. Печ. по: *ПослСт.*

Баллада о балладе (*«Я – Божьей милостью поэт...»*). – Ст56; Балл; 88Ст; Камеи. Печ. по: *ПослСт.* Предисловие к «Балладе о четырех королях» (с. 454–489), написанное, вероятно, при подготовке отдельной рукописной книги (*Балл*).

Н. Е. Сазоновой (*«Наталия Евгеньевна! Мадам...»*). – Ст56; 88Ст. Печ. по: *ПослСт.* Об адресате см. на с. 765.

«Не на финиковой ветке...». – Ст56; ПривГор; СовСт; ПослСт; СамЛюб. Печ. по: *УфСт2.* Дата по:

Ст56. «Коль славен наш Господь в Сионе» – государственный гимн России до 30-х годов XIX века (музыка Д. С. Бортнянского, слова М. М. Хераскова).

«Не по картинам и не со слов...». – *Ст56; Лир2; 75Ст; СовСт; ПослСт; Камеи.* Печ. по: *СамЛюб.* Дата по: *75Ст.*

«Он о себе, мол, сам был трубачом...». – *Ст56; УфСт; ПривГор; ПослСт.* Печ. по: *УфСт2.* Дата по: *ПослСт. Uber alles*– прежде всего (нем.).

«Что же братцы тут такого...». – *Ст56; ПривГор; СовСт; ПослСт; ТЯмбы.* Печ. по: *УфСт2.* Дата по: *Ст56.* Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) – поэт-баснописец, автор государственного гимна СССР.

С. 513–514 . *«Ты долго расхваливал Савву Морозова...».* – *Ст56; 88Ст; СовСт.* Печ. по: *ПослСт.* Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) – фабрикант и покровитель искусств; Раскова Мария Михайловна (1912–1943) – летчица, погибшая в авиакатастрофе; Громов Михаил Михайлович (1899–1955) – летчик-испытатель; *рыбник Громов* – по всей вероятности, Михаил Иванович Громов, владелец торгового дома «М. И. Громов», специализирующегося на торговле рыбой, особенно сельдью (по состоянию на 1916 год – 5 магазинов и один оптовый склад в Москве); *Филиппов* – вероятно, булочник Иван Максимович (1824–

1878); *Чкалов* Валерий Павлович (1904–1938) – знаменитый пилот. Если в подборе персонажей стихотворения есть какая-нибудь логика, то обнаружить ее мы пока не в состоянии.

«Я над «Правдой» выбился из сил...». – Ст56, *ПривГор; СовСт; ПослСт*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: Ст56. *Панча-шила* (буквально: мирное сосуществование) – индийско-китайское мирное соглашение 1954 года. Не вполне понятно, появление в этом стихотворении *папуаса* – это отражение вялотекущей освободительной борьбы аборигенов Новой Гвинеи (действительно обострившейся в 1955 году) или следование требованиям просодии.

«Хоть он почти что старичок...». – *ПослСт*. Печ. по: Ст57.

О девице Вале и о фестивале (*«Советская студентка Валя...»*). – *ПослСт; Ст57*. Печ. по: *УфСт2*. Это и следующее стихотворение посвящено VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Москве в июле-августе 1957 года.

«Друг за другом голоса во все концы...». – *ПослСт*. Печ. по: Ст57. Упоминаются композиторы Борис Андреевич *Мокроусов* (1909–1968), Матвей Исаакович *Блантер* (1903–1990), Анатолий Григорьевич *Новиков* (1896–1984), Дмитрий Яковлевич *Покрасс* (1899–1978), Георгий Никифорович *Носов*

(1911–1970), Сигизмунд Абрамович *Кац* (1908–1984) и Мариан Викторович *Коваль* (1907–1971).

«С красною шапчонкой на макушке...». – *ПослСт*; *ТЯмбы*; *Ст57*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ТЯмбы*.

«Визитеры – черт их поберу!...». – *20дней*; *Ст58*; *ПослСт*; *Побстр*; *СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Побстр*.

«Просто так, без всякого мандата...». – *20дней*; *Ст58*; *ПослСт*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *ПослСт*.

«Один все время чешет языком...». – *20дней*. Печ. по: *Ст58*.

«Он даже на безрыбьи рак...». – *20дней*; *Ст58*. Печ. по: *ПослСт*.

«Казенной лирики бутон...». – *20дней*; *Ст58*. Печ. по: *ПослСт*.

«Кружилась голова... Ко сну долило...». – *20дней*; *Ст58*; *ПослСт*; *Камеи*. Печ. по: *Побстр*.

«Ты готов к анархии скатиться...». – *20дней*; *Ст58*. Печ. по: *ПослСт*. Вячеслав Павлович Полонский (1886–1932) – журналист и критик, редактор журнала «Новый мир» и «Печать и революция», обладатель действительно выдающейся внешности.

«Сегодня самый длинный день...». – *20дней*; *Ст58*. Печ. по: *ПослСт*.

«Видишь вон там средних лет гражданина...». – *20дней*; *Ст58*. Печ. по: *ПослСт*.

«Вы воркуете нежно, вы – два голубка...». – 20дней; Ст58; ПослСт; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: ПослСт.

«Снова в сердце умиротворенье...». – 20дней; Ст58; Камеи (1-е стихотворение в цикле «Лебединое озеро»). Печ. по: ПослСт. Описывается балет в IV актах П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

«Запутался совсем ты в доводах и датах...». – 20дней; Ст58. Печ. по: ПослСт.

«Блат использовав папашин...». – 20дней; Ст58. Печ. по: ПослСт.

Американец – американке (*«Давно мы с тобой не видались ...»*). – 20дней; Ст58. Печ. по: ПослСт. В стихотворении описываются политические новости конца 1950-х в интерпретации советской прессы. Аллен Уэлш Даллес (1893–1969) – директор ЦРУ в 1953–1961 годах, *bête noir* советской печати; Лайка (1954–1957) – собака, запущенная в космос 3 ноября 1957 года на советском космическом корабле «Спутник-2» и погибшая в этот же день; Ван Клиберн (1934–2013) – американский пианист, победитель Международного конкурса им. Чайковского, состоявшегося в Москве в 1958 году; Аик-Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) – на момент написания стихотворения – президент США; сэр Энтони Идеи (1897–1977) – премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.; по-

дал в отставку в январе 1957 года после ряда неудач во внутренней и внешней политике; Макмиллан Гарольд (1894–1986) – премьер-министр Великобритании с 1957 по 1963 г.; Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (1890–1970) – с 1 июня 1958 года – премьер-министр Франции; *Топорщится в НАТО датчанин* – возможно, подразумевается выступление представителя Дании на парижском саммите НАТО в декабре 1957 года; Николай Александрович Булганин (1895–1975) – председатель Совета министров СССР (до 27 марта 1958); был смещен на этом посту Н. С. Хрущевым, совместившим таким образом высшие государственные посты; Сукарно (1901–1970) – президент Индонезии; Насер Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта; Чан Кай-Ши.

«О ты, моя классическая Муза...». -20дней; Ст58; *ПослСт*; *СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*.

«Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы...». – 20дней; Ст58. Печ. по: *ПослСт*.

«Свет погас... Платья дам поблекли...». – 20дней; Ст58; *Камеи* (2-е стихотворение в цикле «Лебединое озеро»). Печ. по: *ПослСт*.

«Ты всегда, везде во всем на страже...». -20дней; Ст58. Печ. по: *ПослСт*.

«Скоро, девка, скоро, так и знай...». – 20дней; Ст58. Печ. по: *ПослСт*. В стихотворении речь идет о

кампании по освоению целинных земель – обширных областей Казахстана и Поволжья. ... *работай только на «большой»*. – Просторечное выражение (иногда: «на большой палец»), означающее «отлично», «превосходно».

«Не вспоминай, не сетуй, не зови...». – 20дней; Ст58. Печ. по: *ПослСт*.

«Ты, живущий с поэтическим клеймом...». – 20дней; 58Ст; *ПослСт*; *СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*.

Музе (*«Ты от меня готова упорхнуть...»*). – 20дней; Ст58; *ПослСт*; *Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Дата по: *ПослСт*.

«Это, брат, не женщина, а сказка!..». – Ст58. Печ. по: *ПослСт* (второй катрен вписан позже). Рафаэль Леонидас Трухильо Молина (1891–1961) – правитель Доминиканской республики.

«Массне, Россини, Верди и Гуно...». – Ст58; *ПослСт*. Печ. по: *Камеи*. Упоминаются композиторы: Жюль Эмиль Фредерик Массне (1842–1912); Джоаккино Антонио Россини (1792–1868); Джузеппе Фортунато Франческо Верди (1813–1901); Шарль Франсуа Гуно (1818–1893); Джакомо Пуччини (1858–1924); Рихард Вагнер (1813–1883); Михаил Иванович Глинка (1804–1857); Петр Ильич Чайковский (1840–1893); певцы Энрико Карузо (1873–1921) и Анджело Мазини (1844–1926). Адресат стихотворения не установлен.

«Дул ветер... колыхались провода...». – Ст58; *ПослСт*; *Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Дата по: *ПослСт*.

«Не пьяные, не просто бузотеры...». – Ст58; *ТЯмбы*. Печ. по: *ПослСт*. Упоминаются актеры Аира Ольридж (1805–1867) и Эдмунд Кин (1787–1833).

Руслан у Финна (*«Средь диких скал, в краю тумана...»*). – Ст58. Печ. по: *ПослСт*.

«Опять я брожу по осеннему саду...». – Ст58; *Камеи*. Печ. по: *ПослСт*.

«В старинном парке были мы с тобой...». – Ст58; *ПослСт*. Печ. по: *Побстр*. Слова А. Т., а музыка Р.-К. – Т. е. А. К. Толстого и Н. А. Римского-Корсакова.

«Нынче долго снилась мне Формоза...». – Ст58; *Камеи*. Печ. по: *ПослСт*. Дата по: *ПослСт*. В стихотворении подразумеваются события новейшей истории Тайваня (Формозы): в 1949 году, проиграв гражданскую войну войскам Мао Цзэдуна, на Тайване укрылся глава правительства Республики Китай генералиссимус Чан Кайши, возглавлявший партию *Гоминьдан*. Газеты СССР, активно поддерживавшего Мао Цзэдуна, освещали этот конфликт в исключительно эмоциональной манере. *Пынь Дэ-Хуай* – в современной транскрипции Пэн Дэхуай (1898–1974) – министр обороны Китая, не раз бывавший в СССР.

«Даже и во сне мне не узреть его...». – Ст58; *ПослСт*; *Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Дата по: *ПослСт*.

Иоанн XXIII (1881–1963) – папа римский в 1958–1963 годах; ему действительно предшествовал Пий XII (1876–1958). *Рекорд* – очевидно, подразумевается непревзойденное числительное, приложенное к имени.

«*Наяву ли это было...*». – *ПослСт*. Печ. по: *Ст59*. *Двадцать пятого апреля / Пятьдесят шестого года*. – Эта дата могла быть памятна автору, поскольку 25 апреля 1956 года датировал указ Президиума Верховного совета СССР, отменяющий уголовную ответственность за «самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины»; именно такое преступление было причиной второго тюремного срока Минаева.

«*Я не в духе нынче и тем более...*». – *ПослСт*; *Ст59*. Печ. по: *СамЛюб*. Дата по: *Ст59...диктор семилеткою...* – Семилетний план развития народного хозяйства, принятый на период 1959–1965 года. Проникновение энергичных лозунгов и браваурных отчетов, касающихся пятилеток и семилеток в советский быт, было более чем избыточным.

«*Где-то что-то весьма подозрительно гукало...*». – *ПослСт*; *Ст59*; *СамЛюб*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Ст59*.

Юноша – девушке («*Я не хочу распространяться длинно...*»). – *ПослСт*. Печ. по: *Ст59*.

Школьник – школьнице («Брось мозги коверкать, Инка...»). – *ПослСт. Печ. по: Ст59...с присыпкой на большой.*

«Где-то в дебрях черной Африки...». – *ПослСт; Ст59; Камеи. Печ. по: СамЛюб. Кафры, кафрихи и кафрики... – Возможно, Минаев, лично знакомый с Сологубом (ср. сделанную последним 26 мая 1920 года запись в минаевском альбоме: «Были камнем, по словам Ровинской, / Может быть, и за морем. / Прогуляйтесь на бульвар Новинский, / Станьте вечным мрамором» (Альбом1. Л. 33), помнил его известные строки с той же экзотической рифмой: «Солнце жаркое палит / Кафра, кафриху и кафрика. / Бур за камешком лежит. / Это – Африка». Дядя Сэм со Джоном Булем. – Собираательные образы американца и англичанина.*

«Вечер был безветрен и туманно-матов...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст59 ...нечто вроде Ноева потопа. – Имеется в виду разрушительный тайфун, обрушившийся на Мадагаскар весной 1959 года и вызвавший многочисленные жертвы и разрушения.*

«Сделки заключаются и браки...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: Камеи. Дата по: Ст59. Собираются в поход Мальбруки... – Подразумевается персонаж популярной французской народной песенки «Мальбрук в поход собрался...» (Мальбрук – искаженное «Маль-*

боро»).

«Мне сегодня как-то одиноко...». – *ПослСт. Печ. по: Ст59. По великолепной Ориноко / С Александром Гумбольдтом плыву...* – Имеется в виду южноамериканское путешествие немецкого естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта (1769–1859), совершенное в 1799–1804 годах. Следующие строки изобилуют несообразностями; в частности, бегемоты в Южной Америке не встречаются.

«Быль за сказку принимая...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст59...К Пленуму ЦК.* – Ближайший к дате написания стихотворения пленум проходил 24–29 июня 1959 года.

«Когда-то в жизни давней...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст59.*

Письмо Н. С. Хрущеву – гражданки-орловчанки («О, Сергеевич Никита!...»). – *Печ. по: Ст59.*

«Аппетитно пообедав...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст59.*

«Чуть побрызгав ландышем Коти...». – *ПослСт. Печ. по: Ст59...ландышем Коти.* – Muguet de Bois Coty – знаменитые французские духи, выпускавшиеся с 1941 года.

Рондо («Лишь Муза в этот вечер у огня...»). – *ПослСт; Ст59; Камеи (без заглавия; второе стихотворение в цикле «Дварондо»).* *Печ. по: СамЛюб.*

Второй литературный сонет («*Нет, не одна влекла меня дорога...*»). – *ПослСт. Печ. по: Ст59.*

«*Месяц май... Мурлычет море...*». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: Камеи. Дата по: Ст59.* Исключительно редкий в русской поэзии пример тавтограммы; см. также ст-ние «Кобель, кобыла, кролик, кот, козел...» (С. 550).

Триолеты о поэте. Памяти И. С. Рукавишникова. 1. «*Я начинаю триолет...*» 2. «*Поэт, наружностью ты был...*» 3. «*Ты как когда-то Дон-Кихот...*» 4. «*Иван Сергеевич, как живой...*» 5. «*Закончив пятый триолет...*». – *ПослСт. Печ. по: Ст59.* Многолетняя история принтельствования Минаева с И. С. Рукавишниковым лишь отчасти запечатлена в стихотворных посвящениях. *Точь-в-точь подобен Дон-Кихоту...* – Эта особенность внешности отмечалась многими ме-муаристами, ср.: «Дон-Кихот русского триолета» (слова С. П. Боброва в передаче М. Л. Гаспарова: Гаспаров М. Л. Воспоминания о С. П. Боброве // Блоковский сборник. XII. Тарту. 1993. С. 184), «[ж]ивой, даже не карикатурный Дон Кихот, скорее смягченного типа, со светлой, длинной, острой, как клинок кинжала, бородкой и остроконечными белоснежными воротниками на черной куртке и какими-то тоже донкихотскими сапогами» (Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927. Публ. Н. К. Телетовой // Минувшее. Исторический аль-

манах. Т. 13. М. – СПб., 1993. С. 374), «[в]ысокий, худой, с узкой, клином, русой бородкой, с русыми прямыми волосами и светлыми глазами, мечтательный, с доброй улыбкой – в нем одновременно было что-то иконописное и схожее с Дон-Кихотом» (Шуб Э. Жизнь моя – кинематограф. М., 1972. С. 58–59) и мн. др. *Хота* – испанский национальный танец.

«Чтоб я не понял ни аза...». – Печ. по: *Ст59*.

Третий литературный сонет («*О чем-то призадумалась природа...*»). – *ПослСт*. Печ. по: *Ст59*.

«Кобель, кобыла, кролик, кот, козел...». – *ПослСт*; *Ст59*; *По8стр*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Ст59*.

«Кукарекнул петух, промычала корова...». – *ПослСт*; *Ст59*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Ст59*.

Танка («*Идя все далее...*»). – *ПослСт*. Печ. по: *Ст59*. Классическая японская танка не имеет рифм; Минаев, соблюдая канон (31 слог в соотношении 5–7–5–7–7), усложнил ее, зарифмовав, причем используя омонимические рифмы. *Даль* – очевидно, Владимир Иванович, но появление его здесь, похоже, обусловлено только требованиями просодии. ...*поэте Танке*. – Танк Максим (наст. фам.: Скурко Евгений Иванович; 1912–1995) – белорусский поэт.

Терцина («*Блуждая мыслью в царстве медицины...*»). – *ПослСт*. Печ. по: *Ст59*.

«Чуть ли не с века персидского Дария...». – *По-*

слСт; Ст59. Печ. по: Побстр.

Осенняя канцона («В недели увяданья сада...»). – *ПослСт; Ст59. Печ. по: Камеи. Дата по: Ст59.*

«И в ненастье, напоследок...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: Камеи. Дата по: Ст59.*

«Протопав, словно пьяный, чардаш...».-*ПослСт. Печ. по: Ст59.* Чардаш – венгерский народный танец; краковяк – польский. Янош Кадар (1912–1989) – правитель коммунистической Венгрии; Владислав Гомулка (1905–1982) – секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

«То, что ты чересчур глупа...». – *ПослСт. Печ. по: Ст59.*

«Как нафталин лежит на ветках иней...». – *ПослСт; Ст59. Печ. по: Камеи. Дата по: Ст59.* Это одно из последних стихотворений, которые Минаев пытался – безуспешно – напечатать. 21 июня 1966 года редакция газеты «Литературная Россия» отвечала ему:

«Уважаемый Николай Николаевич!

Ваши стихи выдают руку опытного и культурного поэта, человека, влюбленного не только в русскую классику. Стих четок, часто – краток и ясен, но мы ничего не смогли отобрать для печати. Ваши стихи читали члены редколлегии, в частности С. А. Поделков, с большим вниманием прочитали их работники отдела поэзии – И. Озерова, я. Стихи часто, как

говорится, «книжные», т. е. редко идут от жизни, и даже там, где материал свеж и там лежит налет книжности. Это – главное препятствие.

Попадают стилистические огрехи. Вот несколько примеров.

Как нафталин лежит на ветках иней...

– это чистый Саша Черный. В его «ключе».

Чем дальше в лес, тем сумрачней и глуше
<sc>И хочется сказать – тем больше дров...

– эти строки нельзя воспринять всерьез, они слишком пародийны.

Будешь вмиг обрызган россыпью жемчужной...

– «Россыпь жемчужная» – штамп.

Но, в общем, таких «огрехов» немного.

К большому нашему сожалению, отобрать для печати ничего не удалось.

С уважением В. Афанасьев, отдел поэзии» (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 3; последняя цитата – из ст-ния 1919 года “В роще” («Прошумел по листьям дождь... Отгремел за речкой гром...»)).

«В нашей теплой, так сказать, компании...». – *ПослСт; Ст59; Камеи*. Печ. по: *СамЛюб*. Дата по: *Ст59*. Адресат стихотворения не установлен. В тексте отразилось чрезвычайно неприязненное отношение советской прессы к правителю Испании генералу Франко (Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде; 1892–1975), последовательно-

му антикоммунисту.

«У тебя, моей колхозной милки...». – *ПослСт; Ст59; ТЯмбы; СамЛюб.* Печ. по: *УфСт2.* Дата по: *Ст59.*

«Безмолвствуют березы в безветрии таком...». – *ПослСт; Ст59; Камеи.* Печ. по: *СамЛюб.* Дата по: *Ст59.*

«Что тебе пора возрождения?..» – *ПослСт; Ст59.* Печ. по: *УфСт2.* Дата по: *Ст59.* Маршал Ланн – Жан Ланн (1769–1809) – французский маршал, участник войн Наполеона; среди подавленных им мятежей – итальянские восстания против Наполеона 1796 года.

Вместо предисловия к сборнику «Может быть последние стихи» (*«Не дары чужого огорода...»*). – *ПослСт.* Печ. по: *Ст60.*

«Хоть в теперешней феерии...». – Печ. по: *Ст60.* *«... в честь года високосного / И Касьяна Голейзовского»*–29 февраля в високосный год церковь празднует день Кассиана Римлянина (в невисокосный он переносится на 28 февраля); соответственно, это день именин Касьяна Ярославича Голейзовского (1892–1970) – балетмейстера и хореографа. Вероятно, Минаев был знаком с Голейзовским по Московскому Театральному училищу, где последний учился с 1900 (или 1901) по 1906 год. Не о нем ли идет речь в письме воспитателя МТУ Е. Шаломытова к Минаеву

от 8 августа 1916 года: «Прислала мне моя племянница стихотворение Голейзовского, о котором я напрасно чрез тебя ходатайствовал. Стихотворение не важное. Откровенно говоря, просто набор слов. И к тому же с претензией на изящество»? (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 22 об.).

«Я знаю твой тайный грешок...». – Ст60. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст60.

«Я ни душой, ни телом не слабею...». – Ст60; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст60...Энвер-бею / Завидовал султан Абдул-Гамид. – Подразумеваются два сопоставимо кровавых османских политических деятеля – Исмаил Энвер (он же – Энвер-паша или Энвер-бей; 1881–1922) и Абдул-Гамид II (1842–1919); Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) – зять Хрущева, высокопоставленный советский журналист.

«Среди бар и мужиков...». – Ст60 (вар. стр. 3: «Этот жирный Хлестаков»). Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст60. Вероятно, адресат эпиграммы – Н. С. Хрущев. Напрашивающаяся конъектура «среди баб и мужиков» опровергается обеими сохранившимися рукописями.

«Юпитер сердится, а значит он не прав...». – Ст60. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст60.

«Целый день ты трешься средь собак...». – Ст60; СамЛюб. Печ. по: УфСт2. Дата по: Ст60. Ой-ра (вар.:

ойра, ойра-ойра) – народный танец, распространенный в Белоруссии и Прибалтике; *матчиш* – бразильский танец, популярный в Европе на рубеже веков. В поэзии они традиционно упоминаются рядом, ср.: «Кэк-уок и тарантэлла, / Ой-ра, ой-ра и матчиш, – / Пляшут все... Одна Марелла / Плачет в сумерках у ниш...» (Трей А. Погибшая любовь. Бесцельные скитания. Лирика. СПб., 1911. С. 40 («В кабачке»)).

«Ясень, осина, береза, ольха...». – *Камеи*. Печ. по: *Ст60*.

«Я – не я, и лошадь не моя!...». – *Ст60*. Печ. по: *УфСт2*. Дата по: *Ст60*.

«У нас с тобой сегодня праздник, Муза...». – *Камеи* (под заглавием «В день свадьбы золотой»). Печ. по: *Ст60*.

«Что ты жадно глядишь из окошка...». – Печ. по: *Ст62–64*.

«Кверху ушки оттопыря...». – Печ. по: *Ст62–64*.
Надпись на книге. Д. И. Шепеленко (*«То поясни-ца, то коленка...»*). – Печ. по: *Ст62–64*. Экземпляр с негустой, но значительной авторской правкой хранится в РГАЛИ (Ф. 2801. Оп. 2. Ед. хр. 48); стихотворению предпослан инскрипт: «Дмитрию Ивановичу Шепеленко – дружески».

В альбом. М. М. Марьяновой (*«Извините Бога ради...»*). – Печ. по: *Ст62–64*. В сохранившемся альбо-

ме Марьяновой (РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 3. Ед. хр. 6; указано С. И. Пановым) записей Минаева нет.

А. Я. Марееву (*«Почти что год, как на прощанье...»*). – Печ. по: Ст62–64...*дать напиться из ковша*. – Т. е. – подарить свою вторую книгу: Мареев А. Кованый ковш. (Офорт меня). М., 1921.

«Облаков белоснежные нити...». – Вместе со стихами *«Как ласково небо закатное...»* и *«В октябре»* (*«День неприветлив и короток...»*) было отправлено в редакцию *«Русского богатства»* с сопровождающим письмом (текст см. на с. 649) (ИРЛИ. Ф. 26. Оп. 2. Ед. хр. 211; помета *«в<озвращено>»*). Печ. по этому автографу.

Летним вечером (*«Солнце село... Нежной краскою...»*). – Печ. по: *Весь мир*. 1914. № 33. С. 23. По поводу этого стихотворения Е. М. Гусева писала Минаеву 11 сентября 1914 года: *«Ну а Вы, Звездочка, пишете? Напишите еще? Я читала Ваши стихотворения, напечатанные в журнале: «Весь Мир» и «Полночи». Стихотворения красивы, особенно мне нравится «Летним вечером», где сильно чувствуется настроение. Счастливый Вы, Коля, в будущем наверное стяжаете себе славу поэта! Хорошо, что у Вас много энергии и уверенности в себе»* (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 16).

«Увешан пурпурными кистями...» – Автограф: РГА-

ЛИ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7.